ХРИСТІАНСКІЯ
РАЗСУЖДЕНІЯ И РАЗМЫШЛЕНІЯ.

ХРИСТІАНСКІЯ

РАЗСУЖДЕНІЯ И РАЗМЫШЛЕНІЯ,

ПРЕДЛОЖЕННЫЯ

И

ВЪ ОСОБЫХЪ СТАТЬЯХЪ,

И

ВЪ СЛОВАХЪ, БЕСѢДАХЪ И РѢЧАХЪ.

ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ

Протоіерея Василія Преображенскаго.

ЧАСТЬ I.

ИЗДАНІЕ НОВОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С.-Петербургъ, іюня 1 дня, 1868 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

Цензоръ, Архимандритъ *Фотій*.

2007042872

Печатано въ типографіи [illegible] на Екатерининской улицѣ, близъ Смольнаго монастыря, въ домѣ Энгардта № 60—3.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ 1856 году было издано мною два выпуска книги: „Христіанскія Размышленія, предложенныя въ словахъ, бесѣдахъ и рѣчахъ." Все изданіе давно разошлось, и требованія названной книги оставались доселѣ безъ удовлетворенія.

Между тѣмъ, и въ особыхъ книжкахъ, и въ издаваемомъ мною духовномъ журналѣ „Странникъ," въ разное время, напечатано довольно статей, не вошедшихъ въ составъ перваго изданія „Христіанскихъ Размышленій."

Въ нынѣшнемъ изданіи все это по возможности собрано вмѣстѣ, и раздѣлено на три части, въ двухъ томахъ. Причину такого раздѣленія внимательный читатель легко усмотритъ изъ самаго содержанія статей, вошедшихъ въ составъ каждой части.

Въ ро́дъ и ро́дъ возвѣщу́ и́стину Твою (Гд̃и) ꙋсты́ мои́ми.

Ѱал. пи: в.

Ничто́же бо мо́жемъ на и́стину, но по и́стинѣ.

в̃ Кор. гі: и.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ РАЗУМЪ
И
БОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНІЕ.

Богъ даровалъ душѣ человѣка два свѣтильника: естественный — разумъ, и сверхъестественный — святое Откровеніе.

При свѣтѣ своего разума, человѣкъ можетъ ясно усматривать — и необходимую для себя потребность Божественнаго Откровенія, и всю благотворность сообщаемыхъ имъ истинъ. Но при свѣтѣ Откровенія, — онъ въ состояніи познавать и такіе предметы, которые сами по себѣ для ограниченныхъ силъ его разума были бы совершенно недоступны, и которые однакожь знать ему необходимо.

Вопросъ объ отношеніи между разумомъ человѣческимъ и Божественнымъ Откровеніемъ весьма важенъ. Рѣшеніемъ его занимались самые знаменитые умы различныхъ вѣковъ. Многіе изъ нихъ даже находили въ немъ для себя камень претыканія, такъ что при разрѣшеніи этого вопроса впадали въ крайности: то слишкомъ много приписывали разуму, то все почти отнимали у него, и такимъ образомъ, разумъ и Откровеніе поставляли въ ненадлежащее, а иногда и во враждебное отношеніе между собою.

Но тамъ, гдѣ рѣзко обозначаются крайности, — наблюдателю безпристрастному и мыслителю искренно любящему истину не трудно усмотрѣть „золотую середину“. Поищемъ ея и мы между противорѣчущими мнѣніями о предметѣ нашего разсужденія, — не пускаясь однакожь въ подробное изложеніе и опроверженіе ихъ, но ограничиваясь только оцѣнкою противорѣчій, предъ судомъ здраваго смысла и слова Божія. Это будетъ едва ли не лучшее средство— установить надлежащую точку зрѣнія на *взаимное отношеніе между разумомъ и Откровеніемъ*.

1. Люди, составившіе о человѣческомъ разумѣ слишкомъ высокое понятіе, полагаютъ, будто бы Откровеніе, или вся совокупность откровенныхъ истинъ, есть лишь нѣкоторое „предупрежденіе“ (anticipatio) тѣхъ результатовъ, до которыхъ разумъ можетъ и долженъ доходить собственными силами, по своимъ законамъ, или тѣхъ истинъ, до которыхъ онъ естественно доходитъ самъ по себѣ. — Поэтому выходитъ, что Божественное Откровеніе дано людямъ единственно для облегченія ихъ ума на многотрудномъ пути собственныхъ его изысканій. Притомъ, если результаты разума и Откровенія одни и тѣже; то и существенное содержаніе послѣдняго тожественно съ коренными идеями перваго. Слѣдовательно, по мнѣнію такихъ мыслителей, въ Откровеніи не должно быть ничего непонятнаго для разума. А если есть,— если здѣсь дѣйствительно находится много такого, чего умъ постигнуть не можетъ, то это, говорятъ, не должно быть признаваемо за истину,—это не есть Божіе Откровеніе или не существенное въ Откровеніи: это — представленія, порожденныя недостаточною образованностію вѣка, или наружный покровъ, оболочка, которую мыслитель, чтобы открыть для себя разумное ядро истины, долженъ снять. Отсюда явно, что, по ученію подобныхъ

мыслителей, отношеніе разума къ Откровенію есть какбы отношеніе судьи къ подсудимому,—не смотря на то, что этотъ подсудимый, по собственному же ихъ признанію, долженъ учить своего судью (явное противорѣчіе здравому смыслу!).

Очевидно, что всѣ такія мудрованія суть плодъ разума человѣческаго, *взимающагося на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5), — что всѣ люди съ такимъ образомъ мыслей кружатся *въ суетѣ ума* (Еф. 4, 16).

Чтобы видѣть всю несообразность этого мнѣнія объ отношеніи между разумомъ и Откровеніемъ, довольно сдѣлать два замѣчанія. Вопервыхъ, и самыя идеи разума, которымъ упомянутые мыслители усвояютъ высшее, господственное въ нашемъ духѣ значеніе, и которыя, однакожь, надобно почитать касающимися только еще вершинъ человѣческой духовной природы, озареніями Божественнаго *Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9), — самыя эти идеи разума требуютъ, очевидно, совершеннаго подчиненія ихъ верховному Божественному Свѣту, когда сей Свѣтъ благоволилъ, сколько можно полнѣе, открыться людямъ.

Вовторыхъ, Божественное Откровеніе не есть какая нибудь философія, хотя бы то совершеннѣйшая (смотря на Откровеніе съ этой *частной* точки зрѣнія, и потомъ выводя заключеніе *общее*, разумъ явно противорѣчитъ собственнымъ законамъ): оно есть открытіе благодатнаго Завѣта между Богомъ и человѣкомъ. Одного этого уже весьма достаточно, чтобы имѣть полное право сказать всякому нездравомыслящему словами Премудраго: *вящшая разума человѣческаго показана ти суть. Посему, вышшихъ себе не ищи, и крѣпшихъ себе не испытуй; яже ти повелѣнна, сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ* (Сир. 3, 23. 21. 22). То есть, не Откро-

веніе должно подчиняться суду разума, а разумъ человѣческій долженъ безусловно покоряться гласу Откровенія, какъ гласу разума Божія.

2. Но съ другой стороны, это безусловное повиновеніе не должно быть и таково, чтобы, какъ нѣкоторые хотятъ, оно низпадало до степени *слѣпой* вѣры. Пусть будутъ совершенно справедливы всѣ указанія на крайнюю слабость ума человѣческаго; пусть будетъ справедливо и то, что разумъ впадалъ въ самыя грубыя заблужденія и поставлялъ себя во враждебное отношеніе къ Откровенію. Но, когда высшія идеи разума суть не иное что, какъ отблески и мерцанія Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, какимъ открылся для насъ Христосъ — Богъ Слово во плоти; то подавлять разумъ слѣпою вѣрою, значитъ безумно закрывать сіяніе самого Христа, Бога Слова воплощеннаго. Посему говорить, что разумъ человѣческій вовсе неспособенъ дойти до убѣжденія въ чемъ бы то ни было, и не можетъ понимать истинъ откровенныхъ, — то есть, истину, которая существенно одна, какбы раздвоять на разумную и откровенную, или, какъ выражались схоластики, на философскую и богословскую,—явно, опять крайность!

Нѣтъ, не такъ смотритъ на нашъ разумъ св. Церковь [1]. Не такое отношеніе между разумомъ и Откровеніемъ полагаютъ св. Отцы Церкви, собственнымъ, живымъ примѣромъ показывавшіе, какъ можно и должно пользоваться первымъ въ пользу послѣдняго. Не такова, не слѣпая, а разумная вѣра была у св. Апостоловъ, какъ свидѣтельствовалъ о нихъ самъ Божественный ихъ и нашъ Учитель, предъ Отцемъ небеснымъ. *Глаголы, ихже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: и тіи пріяша, и разумѣша воистинну* (Іоан.

[1] Посл. вост. патр., член. 14.

17, 8). „Не слѣпаго повиновенія Откровенію требовали и Апостолы, когда говорили вѣрующему: *общеніе твоея вѣры дѣйственно да будетъ въ разумѣ* (разумѣніи) *всякаго блага, еже о Христѣ Іисусѣ* (Филим. ст. 6); или, когда молили Всевышняго, да даруетъ Онъ ученикамъ ихъ *разумѣть* даже *преспѣющую разумъ любовь Христову* (Еф. 3, 19)! Да и изъ глубины души всякаго вѣрующаго всегда, безъ сомнѣнія, готовъ излетѣть молитвенный вздохъ Моисеевъ: *Господи*, даруй мнѣ, *да разумно вижду Тя* (Исх. 33, 13), — покрайней мѣрѣ столько, сколько это возможно нынѣ, когда мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ!

Итакъ, требовать отъ разума слѣпаго подчиненія Откровенію противно самому слову Божію.

Значитъ, еслибы нужно было въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить отношеніе разума къ Откровенію; то лучшаго отвѣта нельзя было бы найти, какъ приведенныя нами выше слова Премудраго: *Вящшая разума человѣческаго показана ти суть. Вышшихъ себе не ищи, и крѣпчшихъ себе не испытуй, нѣсть бо ти потреба тайныхъ.* То есть, не усиливайся напрасно подвести все въ Откровеніи подъ формы твоего разума, постигнуть непостижимое; *подчиняйся* Откровенію; внемли съ благовѣніемъ его Божественному голосу. Но, съ другой стороны, *яже ти повелѣнна, сія разумѣвай.* Да будетъ твоя умственная покорность, хотя и безусловною, но не слѣпою, а разумною. Не взимайся, человѣческій разумъ, на разумъ Божій; но, отдавая себя въ плѣнъ и послушаніе вѣры, познай въ этомъ благодатномъ и благородномъ плѣну истинную свою свободу, и, во свѣтѣ вѣры, *разумѣвай, и широту и долготу и высоту и глубину, — разумѣвай преспѣющую разумъ любовь Христову* (Еф. 3, 18, 19). Помни, что и Откровеніе и разумъ равно

суть дары Божіи, — что Откровеніе раскрываетъ тотъ самый Свѣтъ, отъ лучей котораго происходятъ идеи и законы разума. Пользуясь однимъ, ты не можешь и не долженъ пренебрегать другимъ. Напротивъ, приложи все свое стараніе, чтобы употребить въ дѣло оба ввѣренные тебѣ *таланта,* и притомъ употребить такъ, чтобы они служили другъ другу для взаимнаго ихъ приращенія, чего именно и потребуетъ отъ тебя всевышній Раздаятель всѣхъ ввѣренныхъ намъ талантовъ.

3. Чтобы показать, какимъ образомъ это бываетъ, или, чтобы раздѣльнѣе опредѣлить взаимное отношеніе между разумомъ и Откровеніемъ, посмотримъ, что дѣлаетъ Откровеніе для разума, когда послѣдній подчиняется первому, смиренно внемлетъ его вѣщаніямъ, — и что разумъ, съ своей стороны, дѣлаетъ для Откровенія, когда онъ, въ благородномъ плѣну вѣры, всеохотно и свободно старается *разумѣвать, яже ему повелѣнна.*

Много, чрезвычайно много дѣлаетъ Откровеніе для разума! Оно сообщаетъ разуму человѣческому столько истинъ, столько познаній, сколько онъ собственными силами никогда не могъ бы узнать или пріобрѣсть. Стоитъ только сравнить кругъ познаній наилучшаго изъ знаменитѣйшихъ философовъ древности, или и всѣхъ ихъ въ совокупности — съ убѣжденіями о предметахъ священныхъ каждаго христіанина, даже необразованнаго, — чтобы ясно видѣть, какое необычайное обиліе свѣта пролито и проливается — свыше — въ Откровеніи на блуждавшій и блуждающій во мракѣ, хотя и не безъ мерцаній вышняго Свѣта, разумъ человѣческій.

Но, главное, — сообщаемыя намъ Божественнымъ Откровеніемъ познанія глубокихъ истинъ и неизслѣдимыхъ таинъ назначены не для внѣшнихъ только какихъ либо скрижалей истины, а для открытія въ насъ

самихъ благодатнаго источника живыхъ водъ Божественной истины и любви. *Вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе,* сказалъ Господь, *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 18).

Стоитъ лишь обратиться къ ежедневному опыту, и посмотрѣть, откуда почерпаются всѣ наши высокія понятія о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ, — и мы увидимъ, какъ много дѣлаетъ Божественное Откровеніе для нашего разума — еще тогда, когда онъ не въ состояніи ничего сдѣлать для Откровенія.

Посмотрите на христіанскаго младенца! Едва разрѣшился языкъ его отъ узъ нѣмотствованія, какъ онъ уже лепечетъ достопокланяемое имя Бога!

Мало того: видно, ему сообщено и болѣе обширное понятіе о Богѣ; ибо онъ произноситъ имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Не умѣя еще хорошо различать окружающіе его предметы, онъ уже знаетъ, откуда и какимъ образомъ они произошли. Спросите малютку: „кто создалъ эти вещи, и небо и землю?“ И вы услышите отъ него прямой и вѣрный отвѣтъ: „Богъ — изъ ничего, словомъ своимъ, въ шесть дней!“ И вслѣдъ за тѣмъ, малютка станетъ говорить вамъ о всемогуществѣ и премудрости Божіей. Дитя, которое едва можетъ различать правую руку отъ лѣвой, *доброе отъ лукаваго*, обнаруживаетъ однакожь въ себѣ уже нѣкоторое познаніе о началѣ и происхожденіи нравственнаго закона. Оно повторяетъ: „Такъ Богъ велѣлъ. Это противно Богу. За то Богъ наградитъ; а за это накажетъ!“ Вотъ и понятіе о благости и правдѣ Божіей.

Не много лѣтъ прожило на свѣтѣ дитя; но много уже пролило слезъ!.. Откуда жь эти слезы, если Богъ, Творецъ и Промыслитель, благъ? — Этотъ вопросъ еще не успѣлъ возникнуть въ неразвитомъ сознаніи дитяти,

какъ Божественное Откровеніе, или тѣ, которые служатъ его проводниками, уже вразумляютъ дитя о происхожденіи въ мірѣ зла, — разсказываютъ ему исторію паденія прародителей. Но гдѣ средства къ возстановленію, — къ возстанію изъ этого несчастнаго паденія? Не успѣлъ и этотъ вопросъ возродиться въ умѣ малолѣтняго христіанина, какъ ему указываютъ на святый образъ Іисуса Христа, и говорятъ: „вотъ нашъ Спаситель!“ И дитя съ жадностію внемлетъ всей исторіи искупленія. — Съ притрепетнымъ чувствомъ, видитъ оно смерть, и тотчасъ, съ утѣшеніемъ, узнаетъ о жизни за гробомъ.

Нашему размышленію не было бы и конца, если бы мы рѣшились перечислять всѣ тѣ истины и познанія, которыми Откровеніе обогащаетъ разумъ человѣка, въ самомъ нѣжномъ его возрастѣ.

Посмотримъ теперь на человѣка, какъ на дѣйствительнаго члена общества, въ возрастѣ зрѣломъ. — Въ какомъ бы званіи и состояніи ни находился онъ, всюду сопровождаетъ его св. Откровеніе, и озаряетъ его разумъ небесными истинами. — Углубляется ли онъ въ изученіе гражданскихъ законовъ, по которымъ управляется христіанское государство? Видитъ, что этимъ законамъ сообщаетъ истинную прочность и животворный духъ — Евангельское ученіе. Воинъ ли онъ? Въ истинахъ вѣры находитъ свѣтъ, радужно рисующій для него неизреченныя блага вѣчной жизни даже въ тѣ минуты, когда необходимость велитъ ему идти на явную смерть. Посвящаетъ ли онъ жизнь свою наукамъ? Стоитъ ему только быть внимательнымъ, чтобы замѣтить, какъ Божественное Откровеніе, то сообщаетъ каждой наукѣ твердое основаніе, то разширяетъ и ограждаетъ кругъ ея истинъ. А кто исключительно посвятилъ себя на изученіе истинъ откровенныхъ, — тотъ, въ непродолжительное время,

узнаетъ столько истинъ, что для надлежащаго раскрытія и усвоенія ихъ, недостаточно не только всей его жизни, но повидимому и цѣлой вѣчности!..

И, потому-то самому, среди чрезвычайнаго обилія свѣтлыхъ истинъ, сообщаемыхъ Откровеніемъ разуму человѣческому, — онъ какъ будто все еще чего-то ищетъ, все еще стремится восполнить недостатокъ своихъ познаній, приблизиться, если можно, къ самому Источнику премудрости, и въ Немъ утолять непрестанно свою безконечную жажду. Св. Откровеніе оказываетъ ему и это величайшее благодѣяніе. Сообщая разуму человѣка столько истинъ, оно дѣйствительно открываетъ ему путь къ соединенію съ самимъ Источникомъ и Подателемъ премудрости — Богомъ тріипостаснымъ, — съ Богомъ Отцемъ, который *даетъ премудрость мудрымъ, и разумъ вѣдущимъ смышленіе* (Дан. 2, 21), — *даетъ всѣмъ нелицепріемнѣ* (Іак. 1, 5), — съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, *единороднымъ Сыномъ* Божіимъ, который отъ вѣчности пребывая *въ лонѣ Отца* присносущнаго (Іоан. 1, 18), одинъ *токмо знаетъ Отца,* и одинъ только — познаніе о Немъ можетъ сообщить тому, *емуже волитъ открыти* (Матѳ. 11, 27), — со Христомъ, который есть *Свѣтъ міру* (Іан. 8, 12), — *Свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (—1, 9), — *со Христомъ, въ немже,* — какъ въ существенномъ основаніи всяческихъ, какъ въ самой Истинѣ (—14, 6), *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 23). Наконецъ, Божественное Откровеніе наставляетъ человѣческій разумъ, какимъ образомъ онъ можетъ оживляться и *Духомъ Святымъ,* котораго *помазаніе научаетъ всему* (1 Іоан. 2, 20. 27), — *наставляетъ на всяку истину* (Іоан. 16, 13).

Что же остается дѣлать разуму послѣ того, какъ ему предоставлена совершенная возможность получать такое озареніе свыше, чрезъ Откровеніе? Въ какое отношеніе поставить ему себя къ сему послѣднему? — Первая его обязанность — сдѣлать себя, сколько это можетъ отъ него зависѣть, способнымъ и готовымъ къ чистому воспріятію живительныхъ лучей небесной Истины. Онъ долженъ очистить себя, по возможности, отъ всѣхъ предразсудковъ и вообще приготовить себя надлежащимъ образомъ къ выслушанію Божественныхъ вѣщаній откровенной вѣры. Св. Василій великій (въ наставленіи юношамъ, какъ должно пользоваться языческими писателями) совѣтуетъ, „не прежде приступать къ слушанію наукъ священныхъ и таинственныхъ, какъ усовершенствовавшись въ предварительныхъ познаніяхъ", почерпаемыхъ изъ разума, „подобно тому, какъ весьма полезно было бы для глазъ не прежде обращать взоры свои прямо на солнце, какъ уже привыкши смотрѣть на него въ водѣ, въ которой оно отражается." — „Посему-то Моисей," замѣчаетъ Святитель, „удостоился зрѣть *Сущаго* послѣ того, какъ уже образовалъ умъ свой египетскими науками. И мудрый Даніилъ не прежде изученія халдейской мудрости въ Вавилонѣ, приступилъ къ урокамъ мудрости Божественной." Впрочемъ, само собою разумѣется, что вселенскій учитель разумѣетъ такое изученіе мірскихъ наукъ, чтобы изучать собственно Божественныя же мысли, осуществленныя и выражающіяся въ природѣ, въ исторіи, въ человѣческомъ естествѣ, и проч.; ибо Моисей и Даніилъ именно такъ, а не иначе, изучали мірскія науки, которыя въ противномъ случаѣ настроивали бы и повели разумъ не къ послушанію, а къ противленію Божественнымъ вѣщаніямъ Откровенія. Если такъ образуемъ мы свой разумъ различными нау-

ками, то должны стараться, чтобы сообщаемыя ими познанія были благотворны для насъ по отношенію къ истинамъ Откровенія.

Это можетъ быть въ двухъ случаяхъ: вопервыхъ, когда между науками, проистекающими изъ естественнаго разума, и науками, относящимися прямо къ Откровенію, есть сходство; вовторыхъ, когда этого сходства, или сродства съ Откровеніемъ въ извѣстныхъ знаніяхъ и, вообще говоря, въ направленіи извѣстныхъ умовъ, не замѣчается.

Что касается до перваго случая, то вотъ что говоритъ объ этомъ вселенскій учитель, св. Василій великій: „Если, между науками внѣшними и духовными есть нѣкоторое сходство: то пріобрѣтеніе первыхъ не можетъ быть для насъ безполезно. Какъ существенную доброту дерева составляютъ приносимые имъ плоды, при чемъ служатъ ему нѣкоторымъ украшеніемъ и колеблющіеся на его вѣтвяхъ листья: такъ равно и въ душѣ, преимущественную красоту ея составляетъ плодъ истины“ (сообщаемой въ существѣ своемъ именно Откровеніемъ); „хотя не непріятнымъ украшеніемъ служитъ ей и внѣшняя образованность: она подобна листьямъ, которые доставляютъ плодамъ покровъ, а дереву красивый видъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, ничего, кажется, не можетъ быть прекраснѣе человѣка истинно образованнаго, который обогатилъ свой разумъ многоразличными познаніями, какбы для того только, чтобы лучше разумѣть голосъ Откровенія!— Нѣтъ сомнѣнія, что довольно и одного взгляда на небесную твердь, усѣянную міріадами звѣздъ, чтобы разумно и сознательно воскликнуть съ боговѣнчаннымъ пѣвцомъ Сіона: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Пс. 18, 2)! Довольно помыслить, какъ солнце не проспитъ ни одного утра, луна никогда не умедлитъ явиться на небосклонѣ въ урочный часъ, чтобъ увѣриться нашему разуму, что

всѣ эти небесныя круговращенія совершаются съ такою точностію, по мановенію зиждительнаго перста, премудраго Творца вселенной (Псал. 83, 17). Но когда разумъ, свѣдущій въ астрономіи, скажетъ намъ, что каждая изъ этихъ блестящихъ точекъ на синевѣ неба есть отдѣльный міръ,— когда онъ объяснитъ, сколько это доступно для него, всеь чудный механизмъ солнечной системы: тогда душа наша невольно наполняется чувствомъ особеннѣйшаго благоговѣнія, предъ Высочайшимъ Существомъ, того благоговѣнія, которое заставляло „Ньютоновъ“ всякій разъ, при произношеніи имени Божія, обнажать свою голову; тогда *вся кости наша рекутъ: Господи Господи, кто подобенъ Тебѣ* (Псал. 34, 10)? *Яко взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ* (Псал. 8, 2)!

„Если же между тѣми науками, въ которыхъ упражняется разумъ, и тѣми истинами, которыя преподаются Откровеніемъ, нѣтъ постояннаго сходства“, разсуждаетъ упомянутый св. Отецъ Церкви: „то одно уже познаніе различія ихъ, посредствомъ взаимнаго противоположенія, немало способствуетъ къ уразумѣнію того, какія изъ этихъ наукъ превосходны.“

Бывали, къ несчастію, и нынѣ бываютъ примѣры, что превратно понимаемыя науки не туда силятся привесть разумъ человѣческій, куда направляетъ его Божественное Откровеніе. Тогда-то разумъ истинно образованный, углубляясь въ размышленіе о предметахъ откровенныхъ, приводя св. истины въ порядокъ или въ систему и стараясь давать себѣ отчетъ въ своей вѣрѣ, ясно видитъ всю неосновательность суетныхъ мудрованій. Здѣсь должно замѣтить, что подъ этимъ „разумнымъ отчетомъ“ въ вѣрѣ мы понимаемъ такой отчетъ, который дѣлаетъ разумъ не какъ судья, а какъ уже плѣненный въ сыновне-свободное послушаніе вѣры. Само

собою разумѣется, что такое плѣненіе въ послушаніе вѣры предполагаетъ предварительное убѣжденіе разума въ томъ, что святое Откровеніе имѣетъ происхожденіе Божественное.

Подобныя изслѣдованія разума по отношенію къ Откровенію необходимы не для однихъ только пастырей Церкви, которые, конечно, по-преимуществу обязаны, по слову Апостола, *быть готовыми присно ко отвѣту всякому вопрошающему словесе о* нашемъ *упованіи* (1 Петр. 3, 15). И въ жизни каждаго христіанина весьма нерѣдко могутъ случаться такія обстоятельства, въ которыхъ требуется защитить истину вѣры истинами разума, или путемъ умственныхъ доводовъ привести ближняго къ разумному убѣжденію въ откровенномъ ученіи.

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ не только разумъ просвѣщенный, или лучше, утонченный образованностію и вооруженный силою различныхъ доказательствъ, низлагаетъ *возношеніе, взимающееся на разумъ;* но часто, невидимою силою благодати Божіей, вразумляютъ человѣка въ истинахъ Откровенія и простыя сужденія вѣрующаго, а потому облагодатствованнаго разума, или такъ называемаго здраваго смысла.

Никакія убѣжденія не могли обратить въ нѣдра вѣры нѣкоего вольнодумца. Но вотъ, онъ приходитъ къ одному изъ своихъ пріятелей, и, увидѣвъ у него глобусъ, украшенный звѣздами, спрашиваетъ: „Кто это такъ хорошо сдѣлалъ?“ — „Самъ сдѣлался!“ отвѣчаютъ ему. — „Быть не можетъ!“ — „Увѣряю тебя.“ — „Нѣтъ, это... не возможно!„ — „Какъ! Ужели не возможно, чтобъ эта, столь незначительная вещь устроилась сама собою, случайно, безъ руки мудраго художника, — когда, по твоему сужденію, и вся земля съ ея разнообразными произведеніями, и небеса, украшенныя сонмами столь дивныхъ

свѣтилъ, произошли — по какому-то случаю?...“ — Вотъ самое естественное сужденіе разума! Но оно сдѣлало то, чего не могли произвесть никакія другія убѣжденія— привело заблудшаго въ лоно откровенной истины.

Другой примѣръ. Является приходскій священникъ къ мѣстному владѣльцу, который любилъ хвалиться своимъ безвѣріемъ. — „Не о вѣрѣ ли, батюшка, пришли поспорить?“ сказалъ вольнодумецъ своему посѣтителю.— „Куда намъ, людямъ простымъ, спорить съ такими учеными людьми!“ былъ отвѣтъ смиреннаго пастыря. — „Однако, св. отецъ, охота же вамъ“, продолжалъ тотъ, „тревожить и тревожиться страхами о будущихъ мученіяхъ,“ и прочее.—„Мы ничего не теряемъ отъ этой тревоги и въ настоящей жизни, а тѣмъ менѣе можемъ потерять — за гробомъ: если же наши вѣрованія справедливы; то, безъ сомнѣнія, очень много выиграемъ. Но посудите, если все то истина, что сообщается намъ Божественною вѣрою, — каково будетъ на томъ свѣтѣ человѣку, жившему такъ, какъ будтобы для него не существовало будущей жизни?...“ Вотъ опять самое простое сужденіе здравомыслящаго разума: но оно какъ молнія блеснуло въ душѣ невѣра, и—озарило ее свѣтомъ истины откровенной. Таково употребленіе разума, по отношенію къ Откровенію!

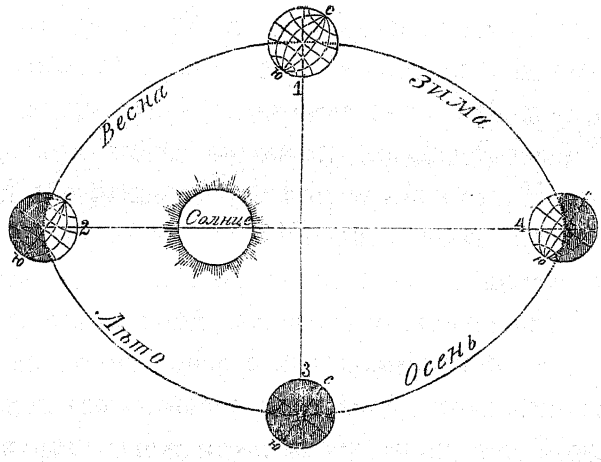
Въ заключеніе краткаго нашего разсужденія повторимъ — въ сокращенномъ видѣ — все сказанное нами объ отношеніи между разумомъ и Откровеніемъ.

Погрѣшаютъ тѣ, которые поставляютъ разумъ и Откровеніе какбы во враждебное отношеніе между собою.

1. Возвышающіе разумъ предъ Откровеніемъ противорѣчатъ здравому смыслу, идеямъ и законамъ самого разума.

2. А ослѣпляющіе, такъ сказать, разумъ слѣпою вѣрою, разногласятъ съ Церковію и словомъ Божіимъ.

3. Взаимное отношеніе между разумомъ и Откровеніемъ должно полагать въ томъ, что разуму, покорившемуся въ послушаніе вѣры, Откровеніе сообщаетъ множество самоважнѣйшихъ истинъ и готовыхъ познаній, и показываетъ ему путь къ соединенію съ самимъ Тріединымъ Источникомъ премудрости; а разумъ, получивъ надлежащее развитіе и образованіе, приготовляетъ человѣка къ лучшему, сознательному, сыновне свободному принятію истинъ Откровенія. Въ такомъ случаѣ, онъ, съ одной стороны, способствуетъ къ уразумѣнію откровенныхъ истинъ и къ разумному отчету въ вѣрѣ; съ другой, — обнаруживаетъ заблужденія мудрованій, несогласныхъ съ Откровеніемъ, и даже, при содѣйствіи Божіей благодати, возвращаетъ заблуждшихъ въ нѣдра св. вѣры, не только посредствомъ изысканныхъ доказательствъ, но и простосердечными сужденіями.



ЧЕРТЫ ИСТИННАГО ХРИСТІАНИНА, УПРАЖНЯЮЩАГОСЯ И ПРЕУСПѢВАЮЩАГО ВЪ БОГОПОЗНАНІИ. [1]

Рѣки богословія изъ честныхъ устъ твоихъ истекоша, Апостоле, имиже Церковь Божія напаяема, покланяется православно Троицѣ единосущнѣй, юже и нынѣ моли, Іоанне Богослове, утвердити во истинномъ богопознаніи *и спасти души наша.* — Пѣснь св. Церкви (26 сент. на лит. ст. 1).

Высокимъ и поистинѣ презящнѣйшимъ даромъ украсилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ возлюбленнаго ученика своего, сообщивъ ему въ обильнѣйшей мѣрѣ откровеніе таинъ истиннаго богопознанія. Іоаннъ, сынъ рыбаря Зеведея, еще во дни земной жизни Божественнаго Наставника истины, прозванный отъ Него самого сыномъ громовымъ (Марк. 3, 17), бывъ озаренъ свыше лучами Божіей премудрости, осіялъ вселенную блистаніемъ сего свѣта небеснаго. Наперсникъ Христовъ, возлегая, съ богомудреннымъ дерзновеніемъ, на персяхъ Господа, онъ, можно сказать, почерпнулъ изъ нихъ, какбы изъ самого источника премудрости живыя струи истиннаго богоразумія, которыми весь міръ напаяетъ. [2]

---

[1] Слово на день св. апост. и еванг. Іоанна Богослова, сказанное въ церкви санктпетербургской духовной академіи, 26 сентября 1846 г.

[2] Кан. пѣсн. 8, тр. 1. п. 3, тр. 3., 26 сент.

Но, братія-христіане! Хотя и изъ самыхъ даже избранныхъ друговъ Божіихъ немногимъ дано источать изъ своихъ честныхъ устъ рѣки богословія: тѣмъ не менѣе, однакожь, всѣмъ членамъ Церкви Божіей предоставлена полная возможность напаяться сими живительными потоками. Это составляетъ даже непремѣнную обязанность каждаго изъ насъ.

Весь родъ человѣческій и созданъ для богопознанія: *взыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. 17, 27) Одною изъ главнѣйшихъ цѣлей сошествія на землю Сына Божія было именно то, чтобы озарить родъ человѣческій, омраченный ложными понятіями о Богѣ, свѣтомъ истиннаго богоразумія, — *да познаемъ Бога истиннаго* (1 Іоан. 5, 20). Благовѣствовать людямъ сію *премудрость Божію, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7), святые Апостолы почитали для себя самою важною и первѣйшею обязанностію (1 Кор. 9, 16). Всѣ святые мужи, всѣ истинные послѣдователи Христовы изучали, преподанныя самимъ Богомъ и Его св. посланниками, наставленія въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, во всю свою жизнь, *поучаясь въ законѣ Господнемъ день и нощь* (Псал. 1, 2).

И не напрасно: это совершенно согласно съ достоинствомъ истиннаго богопознанія! Въ немъ одномъ, по свидѣтельству самого Сына Божія, заключается *животъ вѣчный* (Іоан. 17, 3). По отношенію къ богопознанію, вся настоящая жизнь есть, можно сказать, только приготовительная школа — къ тому небесному училищу, гдѣ пріобрѣтенныя здѣсь познанія о Богѣ будутъ умножаться и усовершаться до безконечности, когда узримъ Бога не *яко зерцаломъ въ гаданіи*, какъ нынѣ, но *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12).

И вотъ единственная наука, познаніе которой, ко благу нашему, перейдетъ съ нами въ вѣчность, какъ наука о вѣчномъ Богѣ, тогда какъ свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя нами, съ тяжкими иногда трудами, въ другихъ наукахъ, если онѣ только не прививаются, такъ сказать, къ истинному боговѣдѣнію, часто годны бываютъ лишь для одной настоящей жизни, какъ и самые предметы сихъ наукъ.

Если же такъ важно пріобрѣтеніе надлежащихъ познаній о Богѣ, если оно даже составляетъ непремѣнную обязанность всякаго послѣдователя Христова; то раскрыть и уяснить для себя черты этой важной, священной обязанности нашей должно быть близко къ сердцу каждаго изъ насъ.

Кто вѣрно исполняетъ эту обязанность, тотъ *мыслитъ* о Богѣ, *говоритъ* о Богѣ и *живетъ* въ Богѣ: вотъ три стороны, съ которыхъ представляется намъ образъ истиннаго христіанина, съ полнымъ усердіемъ упражняющагося и преуспѣвающаго въ богопознаніи.

1. Благодаря попеченіямъ святой Церкви, богоучрежденной наставницы нашей въ дѣлѣ христіанскаго боговѣдѣнія, нѣтъ, можно сказать, между нами человѣка, который бы не имѣлъ болѣе или менѣе достаточнаго познанія о Богѣ. Но въ чемъ самое первое отличіе христіанина истинно богомудраго? — Въ томъ именно, что у него познаніе о Богѣ, или лучше самъ тріединый Богъ составляетъ предметъ постояннаго и непрерывнаго его размышленія.

Святыя истины христіанскаго ученія, или, по выраженію божественнаго Павла, *слово Христово* не остается для него чѣмъ-то внѣшнимъ, но *вселяется* въ него *богатно* (Кол. 3, 16), обитаетъ въ немъ, живетъ и дѣйствуетъ, такъ что если, кромѣ того, дается мѣсто въ душѣ

его и другимъ мыслямъ, чувствамъ и желаніямъ, то какъ гостямъ только и пришлецамъ, на время, по нуждѣ. А постоянный обитатель и господинъ въ душѣ мудраго христіанина—это высокій помыслъ о Богѣ!—„О Богѣ должно чаще вспоминать," сказалъ св. Григорій Богословъ[1] „нежели дышать, и если можно, этимъ только и заниматься." Такъ всегда и дѣйствуетъ истинно боголюбивая душа христіанская!

Обращается ли богомысленный человѣкъ къ слову Божію, въ которомъ онъ поучается день и нощь? — Здѣсь можно сказать, каждая *іота* раскрываетъ ему высокія истины богопознанія, и внушаетъ глубокія мысли о Богѣ.

Устремляетъ ли онъ свой умственный взоръ, просвѣтленный божественнымъ Откровеніемъ, на видимую природу? — Здѣсь, не только небеса съ ихъ величественными свѣтилами, и земля съ ея дивными произведеніями, повѣдаютъ ему славу Божію (Пс. 18, 2); не только великія явленія природы, то грозныя и поразительныя, то благотворныя и восхитительныя, вѣщаютъ ему о всемогущемъ, премудромъ и всеблагомъ Владыкѣ твари: но и самыя, повидимому, ничтожныя вещи, самыя малопримѣтныя явленія возбуждаютъ въ немъ мысли о Творцѣ и Промыслителѣ!

Обращаетъ ли свое вниманіе богомудренный христіанинъ на себя самого? — Здѣсь не только въ важнѣйшихъ событіяхъ собственной жизни усматриваетъ онъ дивную, промыслительную руку Отца небеснаго; но и всякій ежедневный, самый незначительный случай раждаетъ въ его душѣ представленіе о Богѣ. — Нерѣдко, первый попавшійся ему на встрѣчу предметъ, и даже самое простое слово, произнесенное кѣмъ нибудь случайно, говорятъ ему о Богѣ и о судьбахъ правды Его,

[1] Въ первомъ словѣ о Богословіи.

а тѣмъ самымъ увеличиваютъ его духовное, собираемое отъ міра, сокровище, которое у него и всегда и вездѣ есть Богъ и Господь. (Таково „Сокровище“ святителя Тихона задонскаго)!

Что же такое мысль истинно благочестиваго христіанина? — Это чистый лучъ солнца, который какихъ бы ни касался предметовъ, не сливается съ ними, но, непрестанно отражаясь, какбы возвращается къ тому свѣтилу, изъ котораго истекаетъ, какъ изъ своего перваго начала. — Это чистое, непрерывно пылающее пламя, которое, чѣмъ бы ни было питаемо, всегда стремится горѣ.— Это благовонное кадило, которое, будучи воскурено, неудержимо стремится къ небу, и, какъ святая жертва, непрестанно возносится, въ благоуханіи, къ престолу Всевышняго.— Такова мысль душъ истинно богомудренныхъ!

Явно, что она есть плодъ не одного только озаренія ума свѣтомъ божественной истины, но и согрѣянія сердца теплотою любви божественной. У людей истинно благочестивыхъ, сколько чистъ, свѣтелъ и возвышенъ умъ, столько же свято и чисто сердце. Ибо самъ Господь блаженство созерцать Бога обѣтовалъ только чистымъ по сердцу (Матѳ. 5, 8). Только *любяй—знаетъ Бога, яко Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 78), засвидѣтельствовалъ св. Іоаннъ Богословъ. И свидѣтельство его вѣрно; потому что и самъ онъ, какъ воспѣваетъ нынѣ Церковь, токмо „полнъ сый любве, полнъ бысть и богословія.“ [1]

И если люди, душевно преданные богопознанію, непрестанно стремятся къ Богу мыслію, то потому именно, что и сердце ихъ обрѣло въ Богѣ свое сокровище, по слову Господа: *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 19). Или лучше, истинные христіане пребываютъ мыслію въ Богѣ, потому что Богъ

[1] 26 сент., на Госп. воззв., слава.

пребываетъ въ ихъ сердцѣ (1 Іоан. 4, 17). — „Всякая богомысленная душа“, говоритъ св. Ефремъ сиринъ [1], „есть храмъ Его, а сердце — священный жертвенникъ; здѣсь Ему приносятся жертвы, здѣсь Духъ Св. присутствуетъ и, какъ священникъ, совершаетъ святое служеніе!“ Такова душа истинно-христіанская!

А когда душа полна мыслію о Богѣ и чувствомъ Его вездѣприсутствія и благодатнаго на насъ дѣйствія, то это не можетъ не выразиться и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, или въ жизни.

2. *Отъ избытка сердца и уста глаголютъ* (Лук. 6, 45). Вотъ почему всякому христіанину богомысленному, для котораго Богъ становится *Богомъ сердца* (Пс. 72, 26), сладко и говорить о Богѣ. — Принося Ему въ даръ свои мысли и чувствованія, богомудрый христіанинъ посвящаетъ Ему же, Тріединому, и даръ своего слова.

Вечеръ и заутра, и полудне возвѣщаетъ онъ *имя Господне* (Пс. 54, 18).—Онъ точно исполняетъ заповѣдь Боговидца, *да возглаголеши о нихъ* (т. е. о словесахъ благочестія, о Господѣ Богѣ), *сѣдяй въ дому, и идый путемъ, и лежа, и востая* (Втор. 6, 7). — Онъ со всѣми желалъ бы подѣлиться тѣмъ пребожественнымъ сокровищемъ, которое наполняетъ его душу и даруетъ ей блаженство ангельское.

Такова была ревность къ благочестивымъ собесѣдованіямъ о Богѣ и у первенствующихъ христіанъ. Въ первые вѣка, въ тѣ богосвѣтлые дни христіанства, эта благочестивая ревность одушевляла людей всякаго возраста и пола, проявлялась во всякое время, во всѣхъ мѣстахъ. Не только во св. храмахъ, въ церковныхъ собраніяхъ, но и на пути сопровождало христіанъ слово о Богѣ. Дѣвы и рабыни, занимаясь домашними работами, разсуждали о Богѣ. Ни жестокость мученія, ни узы тем-

[1] Въ словѣ на Пс. 104, 3. Христ. чт. 1846 г., сент. м.

ницъ, ни различные роды смерти, не могли заставить, въ тѣ времена, вѣрующихъ прекратить взаимныя увѣщанія словомъ Божіимъ и собесѣдованія объ Отцѣ небесномъ [1].

Но истинный христіанинъ всегда таковъ. На всякій случай побесѣдовать съ кѣмъ либо о Богѣ — онъ смотритъ, какъ на особенный даръ, исходящій отъ Отца свѣтовъ. Слово о Богѣ входитъ во всѣ бесѣды его; каждая рѣчь Его одушевлена понятіемъ о Богѣ, освящена именемъ Божіимъ!

При всемъ томъ, богомудрый христіанинъ всегда помнитъ и тщательно наблюдаетъ правило, преподанное св. Григоріемъ назіанзинымъ, [2] въ изобиліи стяжавшимъ даръ богословствованія; именно, что „не для всякаго" вполнѣ „возможно любомудрствовать о Богѣ," или упражняться въ высшихъ богословскихъ умозрѣніяхъ и собесѣдованіяхъ; „и притомъ должно бесѣдовать о Богѣ въ извѣстное время, предъ извѣстными людьми, въ извѣстной мѣрѣ."

„*Не для всякаго*: потому что дѣло сіе возможно только для опытныхъ, преуспѣвшихъ въ созерцаніи, и прежде всего очистившихся и по душѣ, и по тѣлу, или по крайней мѣрѣ старающихся очищать себя. Ибо, нечистому, можетъ быть, и небезопасно касаться чистаго, подобно какъ слабому зрѣнію—луча солнечнаго."

„*Въ извѣстное время*,—тогда, то есть, когда мы бываемъ свободны отъ внѣшней нечистоты (всего плотскаго) и смущенія, и когда нашъ вождь (умъ) не смѣшивается съ худыми и блуждающими образами" тлѣнныхъ вещей, „какъ бы смѣшивались прекрасныя письмена съ худыми, или благовонное муро съ отребіемъ." Или другими словами: тогда какъ умъ нашъ, освободившись отъ внѣшней темноты, не блуждаетъ ощупью между времен-

[1] Церк. истор., Иннокент., вѣкъ 2, отд. IV. [2] Въ 1 словѣ о Богосл.

нымъ и вѣчнымъ, между вещественнымъ и духовнымъ; но, воспаривъ надъ всѣми низшими побужденіями человѣческой природы, устремляется къ источнику истинной мудрости—къ богопознанію.

„*Предъ извѣстными людьми,* именно предъ тѣми, которые занимаются симъ дѣломъ съ важностію, съ должнымъ благоговѣніемъ, а не пустословятъ о немъ для одной забавы, какъ о предметахъ неважныхъ, — какъ обо всемъ другомъ, — стараясь находить удовольствіе и въ томъ, чтобы пустословить и препираться о высокихъ божественныхъ предметахъ!"

И наконецъ, въ собесѣдованіяхъ о Богѣ „должно касаться только того, что для насъ постижимо, и въ такой мѣрѣ, до какой простирается сила разумѣнія"—и напа и нашихъ „слушателей."

Этими-то мудрыми правилами ограничивается пламенное желаніе богомысленнаго человѣка—всегда и вездѣ мудрствуя, разглагольствовать о Богѣ.

Но во всякомъ случаѣ, „истинно богословивый языкъ, добропишущій разумѣніе богословія истинное," какъ выражается Церковь о св. Іоаннѣ Богословѣ[1]— этотъ языкъ весьма далекъ отъ того, чтобы, произнося достопоклоняемое имя Бога, и освящаясь этимъ именемъ, могъ произносить за тѣмъ слова недостойныя, которыя осквернили бы его. Богомудрый христіанинъ такъ разсуждаетъ: „непристойно намъ тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ благословляемъ Бога и Отца, злословить человѣковъ, созданныхъ по подобію Божію. И какъ могутъ отъ однихъ и тѣхъ же устъ исходить благословеніе и клятва? *Не подобаетъ симъ тако бывати. Еда ли источникъ отъ единаго устія источаетъ сладкое и горькое* (Іак. 3. 8. 11)?"

---

[1] Кан. пѣсн. 6, тр. 1.

Разсуждая такимъ образомъ, богоразумный христіанинъ всегда говоритъ такъ, что каждое слово его столь чисто и свято, какъ бы оно произносилось при видимомъ присутствіи самого Бога! Посему-то никакое *гнилое слово* никогда *не исходитъ изъ* его *устъ; но точію еже есть благо къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ* (Ефес. 4, 29)!

3. Но тѣмъ болѣе открывается достоинство истинно богомысленнаго и преуспѣвающаго въ богопознаніи христіанина — въ его жизни! Чей умъ и сердце преисполнены мыслію о Богѣ и живымъ чувствомъ вездѣприсутствія и благодатнаго дѣйствія Его на насъ, того и воля не можетъ не пребывать въ Богѣ. Все его существо, весь *животъ* его *сокровенъ* въ Богѣ. Такой человѣкъ, можно сказать, только тѣломъ еще остается на землѣ, а душа его на небѣ, — предстоитъ престолу Божію.

Оттого вся жизнь озареннаго свѣтомъ истиннаго богоразумія человѣка есть, именно, непрестанное служеніе Богу. Онъ, по выраженію св. Писанія, *ходитъ предъ Богомъ* постоянно, и не сдѣлаетъ ни одного шага безъ полной увѣренности, что поступаетъ совершенно по волѣ Божіей.

Какъ у людей небогомысленныхъ даже духовныя дѣла оскверняются плотскими, нечистыми побужденіями, такъ у человѣка истинно богомудраго самыя тѣлесныя дѣйствія возвышаются до высоты и святости дѣлъ духовныхъ, по слову Писанія: *аще убо ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31).

Такая тщательность къ богоугожденію есть самый естественный плодъ богомысленнаго ума и боголюбиваго сердца.—Живая мысль о Богѣ и Его вездѣприсутствіи есть прекрасный цвѣтъ, изъ котораго не можетъ

не произрасти спасительный плодъ благихъ дѣлъ. — У всякаго истиннаго христіанина каждая мысль о Богѣ, каждое чувство, посвященное Богу, возбуждаясь при одномъ даже воззрѣніи на тотъ или другой предметъ, обращается для него въ правило жизни, въ законъ дѣятельности.

И не потому ли о святыхъ мужахъ, всегда пребывавшихъ въ богомысліи, или изучавшихъ священнѣйшую науку богопознанія не однимъ лишь обыкновеннымъ изученіемъ умственнымъ, а своею собственною жизнію, говорится, что они поучались *въ законѣ Господнемъ* непрестанно?

Такъ нѣкогда одинъ изъ богомысленныхъ, хотя и „некнижныхъ“ людей, св. Памва — сознавался, что онъ девятнадцать лѣтъ изучалъ одинъ только стихъ божественнаго Писанія: *рѣхъ, сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ* (Пс. 38, 2),—потому именно, что старался осуществить этотъ опытъ истиннаго богопознанія въ своей собственной жизни,—чтобъ быть свѣдущимъ въ истинахъ богопознанія не на однихъ только словахъ, но и на самомъ дѣлѣ.

Вотъ къ чему клонятся всѣ умственные подвиги вѣрныхъ слугъ Божіихъ! Къ тому, именно, чтобы изучить весь кругъ богопознанія самымъ дѣломъ, — осуществить Его въ собственной жизни! Они горятъ желаніемъ всю жизнь свою, и все существо свое посвятить всецѣло Богу, къ которому непрестанно стремится весь умъ, въ которомъ непрерывно живетъ ихъ сердце.

И — благъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ!—сіи благословенные рабы Господни достигаютъ, наконецъ, до столь высокой степени преуспѣянія въ дѣятельномъ богопознаніи и богопочтеніи, что однѣ только узы смертной плоти отдѣляютъ ихъ отъ пріискрен-

нѣйшаго единенія съ Богомъ тріипостаснымъ!—Тогда-то у истинно богопросвѣщеннаго христіанина раждается самое пламенное *желаніе—разрѣшиться* отъ этихъ узъ, чтобы вѣчно быть съ Богомъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ (Фил. 1, 23)!

Это желаніе есть, можно сказать, не что иное, какъ тайное чувство (тайное, потому что человѣкъ богомудрый не замѣчаетъ своихъ совершенствъ), чувство того, что онъ уже созрѣлъ для высшаго небеснаго училища боговѣдѣнія и боговидѣнія, — что послѣ того, какъ онъ еще здѣсь временно удостоивался быть собесѣдникомъ Ангеловъ, уже можетъ быть и постояннымъ ихъ сученикомъ въ богопознаніи, какъ присный небожитель.

И вотъ, когда по волѣ Божіей, узы плоти расторгаются, богомысленная душа воспаряетъ горѣ, и предвкушаетъ блаженство вѣчнаго единенія съ Тѣмъ, Кого жаждала, къ Кому стремилась, о Комъ бесѣдой услаждалась (Пс. 118, 103), для Кого жила и дѣйствовала во все время земнаго странствованія!

Таково назначеніе истиннаго христіанина, усердно упражняющагося и постепенно преуспѣвающаго въ богопознаніи!—Таковы черты его!

Таковы, братія, должны быть и всѣ мы, призванные во Христѣ къ тому, *да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ*, какъ истинномъ Богѣ и животѣ вѣчномъ (1 Іоан. 5, 20)! Но таковы ли мы на самомъ дѣлѣ?

Ахъ, братія, можетъ быть, совѣсть каждому изъ насъ скажетъ, что не таковъ нашъ умъ, омраченный непрестаннымъ помышленіемъ о суетныхъ и тлѣнныхъ вещахъ; не таково наше сердце, на жертвенникѣ котораго пылаетъ чуждый огнь любви не къ Творцу и Богу, а къ тварямъ;—не таковъ нашъ языкъ, быть можетъ, слиш-

комъ чуждый истиннаго богоразумія;—не такова наша и воля, если она пресмыкается долу, въ дѣлахъ безплодныхъ и безмѣстныхъ!

Но, нѣтъ ли и для насъ недостойныхъ средства стяжать даръ истиннаго богопознанія, столь необходимаго не только для настоящей, но и для будущей, и особенно для будущей жизни? Какъ и намъ усвоить себѣ черты истинно богомудрыхъ христіанъ, столь свѣтлыя и возвышенныя?—Какъ пріобрѣсти и намъ эту высокую божественную премудрость боговѣдѣнія?

Да просимъ,—по совѣту богодухновеннаго Апостола, *да просимъ отъ дающаго всѣмъ Бога, — и дастся* намъ (Іак. 1, 5)!—Усердная молитва—вотъ самое первое и самое наилучшее средство къ тому, чтобы привлечь къ себѣ благодать самого Всевысочайшаго Наставника сей премудрости Божіей, который есть Духъ Св., *иже вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10). Онъ озаритъ нашъ помраченный умъ, согрѣетъ и наше хладное сердце, освятитъ грѣшный нашъ языкъ, смягчитъ и управитъ къ добру нашу волю!

И если мы хорошо молимся, то мы уже не только пріобрѣтаемъ, но и обнаруживаемъ въ себѣ черты, свойственныя христіанамъ богомудреннымъ. „Если ты истинно молишься," сказалъ одинъ св. Отецъ (св. Григорій синаитъ), то ты богословъ, и если ты истинный богословъ, то ты долженъ молиться!" — Значитъ, если бы мы исполняли заповѣдь: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17), то мы непрестанно упражнялись бы и преуспѣвали въ богопознаніи, потому что какъ тотъ, кто пребываетъ въ молитвѣ, такъ и тотъ, кто упражняется въ богомысліи,—равно возносятся къ Богу своимъ умомъ и сердцемъ!

Къ кому же, „по Бозѣ," приличнѣе всего прибѣгнуть намъ нынѣ съ молитвою о нашемъ вразумленіи и

направленіи на путь истиннаго богопознанія и богопочтенія, какъ не къ возлюбленному ученику Христову, св. Апостолу Іоанну Богослову, яко первостоятелю всѣхъ истинныхъ богослововъ, и всѣхъ православно богомудрствующихъ христіанъ?

Да воззоветъ же къ нему каждый изъ насъ усердно: Святый Апостоле и Евангелисте Іоанне Богослове! „Великая и божественная сіянія богословія твоего всю просвѣтиша, славне, вселенную, и свѣтомъ трисолнечнымъ озариша! Ты, тѣло, душу и умъ очистивъ, благовѣстилъ еси небесное Христово Евангеліе“ [1], и „богословіи твоими священными всяку напоилъ еси душу, священнопроповѣдниче Апостоле! Тѣмже ти зову: изсохшее сердце мое грѣхами, все напой [2] — свѣтлыми и чистыми струями богоразумія!“ Аминь.

[1] Кан. п. 6, тр. 2. п. 8, тр. 2. [2] П. 5, тр. 2.

О ВОЦЕРКОВЛЕНІИ. [1]

И егда исполнишася дніе очищенія Ею, по закону Моисееву, вознесоста Отроча Іисуса *во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ* (Лук. 2, 23. 24).

Богоматерь, чистѣйшая солнечнаго свѣта, безъ сомнѣнія, не имѣла нужды въ очищеніи, опредѣленномъ для обыкновенныхъ матерей. Первенецъ Приснодѣвы Маріи, рожденный прежде вѣковъ отъ Отца безначальнаго, не подлежалъ закону о поставленіи предъ Господомъ первенцевъ израильскихъ.

Нѣтъ, это не есть обыкновенное „очищеніе,“ или посвященіе Богу первенца: таинственный серафимскій Уголь, очистившій древле пророка Божія, приносится нынѣ славнѣйшею серафимовъ, Богородицею, [2] какбы для предварительнаго поставленія предъ Господомъ въ очистительную жертву за грѣхи людей, — прежде чѣмъ *принесется Самъ* Онъ *въ жертву непорочную* за міръ, на жертвенникѣ крестномъ!

Что же значитъ убогая жертва, приносимая св. Обручникомъ пресвятой Дѣвы, Іосифомъ, отъ лица Мла-

---

[1] Слово на Срѣтеніе Господне, сказанное въ Академической церкви, февр. 2, 1846 г.

[1] См. на Срѣт. парем. 2, кан. пѣсн. 5, тр. 3 и др. Молит. 4 въ 40 день.

денца Іисуса?—„Супругъ горличищъ,“ по гласу св. Церкви, „образуетъ нескверную Церковь“ іудейскую „и отъ язычниковъ новоизбранныхъ людей,“ имѣющихъ содѣлаться достояніемъ Христа Спаса; „два голубиныхъ птенца“ служатъ здѣсь какбы видимымъ знаменіемъ того, что Младенецъ Іисусъ есть „Начальникъ ветхаго же и новаго завѣта [1],“ котораго, „какъ супругъ горлицъ или двоица птенцовъ голубиныхъ,“ срѣтаютъ въ іерусалимскомъ храмѣ „божественный старецъ, удостоившійся принять въ свои объятія Свободителя душъ нашихъ, и цѣломудренная и преподобная Анна пророчица, священнолѣпно проповѣдающая всѣмъ Владыку“ Господа! [2]

Братія христіане! Какъ отрадно, какъ утѣшительно вспомнить намъ нынѣ, что вся эта многознаменательная тайна срѣтенія Господня—повторяется, нѣкоторымъ образомъ, въ жизни каждаго изъ насъ! И наши матери, по примѣру пресвятой Богородицы (какая высокая честь для матери христіанки!), въ сороковый день по рожденіи, приходятъ въ церковь для принятія очищенія, и особенно для того, чтобы, по выраженію св. Кирилла іерусалимскаго [3], „посвятить въ даръ Господу, какъ двѣ горлицы, душу и тѣло“ своего дѣтища. Служитель алтаря Господня, подобно праведному Симеону, носившему на своихъ объятіяхъ Божественнаго Младенца Іисуса, принимаетъ на свои руки всякаго четыредесятодневнаго младенца, „принесеннаго“ въ церковь — „явитися всѣхъ Творцу и Владыкѣ всесильному,“ поставляетъ его предъ Господомъ и благословляетъ Бога молитвою Богопріимца.

И съ этимъ дѣйствіемъ соединено весьма важное событіе въ нашей жизни,— именно, окончательное „сопричтеніе къ святому стаду словесныхъ овецъ, нарицающихъ-

[1] На стих., ст. 4. [2] Пѣсн 9, тр. 1. 3. [3] Въ бес. на Срѣт. [4] Мол. 4 въ 40 день

ся именемъ Христа“ [1]. — торжественное введеніе въ святую Церковь. или однимъ словомъ „воцерковленіе.“ Это событіе столь важно въ нашей жизни. что мы. во все теченіе ея. должны бы непрестанно памятовать о немъ и воспоминать съ глубокою благодарностію къ Богу, какъ о великомъ и поучительномъ для насъ благодѣяніи Божіемъ. — Между тѣмъ, должно сознаться. весьма нерѣдко мы совершенно забываемъ о немъ. будто о неважномъ какомъ нибудь обрядѣ церковномъ. такъ что и самое наименованіе „воцерковленія“ для многихъ невразумительно и малоизвѣстно!

Посвятимъ же нѣсколько минутъ на то. чтобы утвердить въ себѣ мысль о важности воцерковленія. — воскресить въ памяти самыя дѣйствія этого священнаго обряда. и вмѣстѣ вникнуть кратко въ ихъ значеніе. и наконецъ— замѣтить хотя нѣкоторыя назидательныя истины. которымъ они поучаютъ насъ.— Если когда, то особенно нынѣ. празднуя то евангельское событіе. „егоже мы вѣрніи подражаніе благодатію держимъ“ [5] именно въ обрядѣ воцерковленія, прилично намъ размыслить объ этотъ предметъ.

1. Господь Богъ, создавъ человѣка. ввелъ его въ рай сладости (Быт. 2. 16). Такъ и послѣ того, когда младенецъ возсозидается въ *банѣ пакибытія*. во св. крещеніи, по благодати того же Бога. онъ вводится въ „Церковь,“ которая по словамъ св. Отцевъ. „есть живый. Богомъ насажденный на земли. рай.“ — Какъ вы думаете. братія. не было ли важно для нашего праотца введеніе его въ рай эдемскій, — не памятовалъ ли онъ о немъ во всю жизнь свою?— Безъ всякого сомнѣнія! — Какъ же не считать намъ весьма важнымъ нашего введенія въ рай церковный. и какъ не благодарить Бога при каждомъ воспоминаніи объ этомъ событіи?

[1] Мол. 4 въ 40 день.

Посвященіе Богу первенцевъ израильскихъ было, въ нѣкоторомъ смыслѣ, памятникомъ того, какимъ чудеснымъ образомъ ввелъ Господь израильтянъ въ землю обѣтованную (Исх. 13, 11). Такъ и поставленіе предъ Богомъ воцерковляемыхъ младенцевъ, какъ духовныхъ первенцевъ — возлюбленнѣйшихъ чадъ Богу о Христѣ Іисусѣ, есть не только памятникъ, но и „начало вводитися въ Церковь,“ — въ эту, по выраженію святителя Димитрія ростовскаго [1], „обѣтованную *землю, кипящую млекомъ и медомъ* (Исх. 3, 8), то есть обильную ученіями Пророковъ, Апостоловъ и святыхъ Отцевъ нашихъ.“

Крестившись въ Моисея, въ водахъ Чермнаго моря (1 Кор. 10, 12), израильтяне сорокъ лѣтъ странствовали по пустынѣ, пока удостоились вступить въ священное наслѣдіе обѣтованій Божіихъ.— А каждый изъ насъ, братія, — крестившись во имя пресвятой Троицы, не далѣе, какъ чрезъ сорокъ дней послѣ рожденія, вступаетъ въ новоблагодатную землю — Церковь Божію, и сонмъ вѣрующихъ уже спѣшитъ „радостно встрѣтить новопросвѣщеннаго какъ брата, возвратившагося изъ дальняго странствованія“ [2]. Не есть ли это видимый залогъ особеннѣйшаго благоволенія къ намъ Божія,— и не тѣмъ ли болѣе должно быть важно для насъ вступленіе во св. Церковь?

Самое таинство св. крещенія есть необходимое условіе къ принятію воцерковленія, подобно тому, какъ и обрѣзаніе должно было запечатлѣть всѣхъ, вступавшихъ въ землю обѣтованную (Нав. 5, 3).

Посредствомъ св. крещенія, мы дѣлаемся живыми членами „Церкви, сего таинственнаго тѣла Христова (Еф. 1, 23)“,—„по изреченію св. Василія великаго [3],“ до безконечности исполненнаго всѣхъ благъ и благословеній.“

---

[1] Четьи-мин., іюл. [2] Злат., о чтен. св. Писанія. [3] Въ бес. на Псал. 44,

А чрезъ воцерковленіе вводимся какбы въ дѣйствительное обладаніе[1] тѣми небесными сокровищами, которыми изобилуетъ св. Церковь!

Отсюда сама собою открывается важность священнаго обряда воцерковленія. Но эта важность еще яснѣе откроется намъ, когда обратимъ вниманіе на самыя дѣйствія, изъ которыхъ состоитъ воцерковленіе, и разсмотримъ вкратцѣ ихъ значеніе.

2. Еще въ притворѣ храма, мать съ младенцемъ срѣтается священнослужителемъ. Еще здѣсь священникъ Божій принимаетъ на руки новопросвѣщеннаго младенца, и такимъ образомъ онъ переходитъ изъ рукъ одной матери, родившей его по плоти, въ объятія другой, „святой матери нашей Церкви," возродившей его духовно въ „крестительной купѣли," — той матери, „которой гласъ, — яко гласъ горлицы, пекущейся о чадахъ, — которой уста изливаютъ мyро апостольскихъ ученій, — которой очи — вѣра истинная и надежда несомнѣнная на Бога" — прозрѣваютъ тайны міра невидимаго, — „которой руки искапаютъ смирну благотворенія и человѣколюбія, — которой два сосца суть два Завѣта, — ветхій, Пророками возвѣщаемый, и новый, Апостолами проповѣдуемый[1]," той матери,) которая (по словамъ св. Кипріана)[2] „заключаетъ въ своихъ объятіяхъ всѣхъ вѣрующихъ, какбы одно единодушное тѣло," точно такъ, какъ воцерковляемаго младенца заключаетъ въ своихъ объятіяхъ священнослужитель, — той матери-„Церкви," которой если „кто не признаетъ матерью, не можетъ имѣть Бога Отцемъ!" Принявъ младенца отъ матери на свои руки, служитель Церкви начертываетъ имъ предъ вратами храма крестъ святый, какъ спасительное орудіе, отверзшее врата

[1] Воскр. чт. г. VI, стр. 373. [2] Четьи-мин., іюл. 7. [3] О единствѣ Церкви.

рая, и возглашаетъ: „воцерковляется рабъ Божій — во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа....“ Потомъ вводитъ его въ храмъ, глаголя: *внидетъ въ домъ Твой, поклонится ко храму святому Твоему.* Такимъ образомъ, — дѣйствіемъ воцерковленія, прежде всего отверзается человѣку входъ во святый храмъ, мѣсто особеннаго таинственнаго присутствія Бога трiипостаснаго, гдѣ по преимуществу возвѣщается слово Божіе, совершаются таинства и общественныя молитвы.

Но тутъ же вводится новопросвѣщенный христіанинъ и въ таинственный *домъ Божій, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. 3, 15), „которой основаніе — самъ Христосъ, стѣны — законъ Божій, столпы — Апостолы, евангелисты, учители, покровъ — Духъ Святый“ (слова св. Димитрія ростовскаго[1]. Для вѣрующихъ нѣтъ другаго дома,“ говоритъ св. Кипріанъ[2], „кромѣ единой Церкви. О семъ-то домѣ, о сей-то обители единомыслія предвозвѣстилъ Духъ Святый въ псалмѣ: *Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ* (Пс. 67, 7), — въ домъ Божій, въ Церковь Христову.“ — Здѣсь же, при введеніи въ храмъ видимый, вселяется новый членъ Церкви и въ храмъ духовный, котораго *каменіе живо,* всѣ вѣрующіе (1 Петр. 3, 5), *наздани на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу: о Немже всяко созданіе составляемо растетъ въ Церковь святую о Господѣ, — въ жилище Божіе Духомъ* (Еф. 2, 20—22).

И вотъ — входитъ, за тѣмъ, іерей Божій съ воцерковляемымъ младенцемъ на средину храма, снова восклицаетъ: „воцерковляется рабъ Божій...“ и присовокупляетъ: *посредѣ Церкве воспоетъ Тя!* Сіи слова псалмопѣвца придаютъ здѣсь особенное, высокое значеніе со-

[1] Сочин., ч. 2, стр. 166. [2] О единствѣ Церкви.

вершаемому при нихъ священнодѣйствію, — не только сами по себѣ, но и потому, что они прилагаются къ тому *Первородному,* котораго самъ Богъ Отецъ *ввелъ* нѣкогда *во вселенную,* то есть — къ самому Іисусу Христу: *Святяй бо,* говоритъ Апостолъ, *и освящаемiи отъ единаго вси: еяже ради вины не стыдится братiю нарицати ихъ, глаголя: возвѣщу имя Твое братiи Моей, посредѣ Церкве воспою Тя* (Евр. 1, 6. 2, 11. 12)... Этимъ дѣйствіемъ воцерковленія новорожденный поставляется среди сонма избранныхъ Божіихъ, сыновъ новоблагодатнаго царствія, наслѣдниковъ Богу, сонаслѣдниковъ Христу, — поставляется среди ихъ, какъ среди братій и присныхъ по вѣрѣ, для того, чтобы вмѣстѣ съ ними и, *съ ополчающимися окрестъ* ихъ (Пс. 33, 8), ликами безплотныхъ пѣвцовъ, славилъ и воспѣвалъ онъ Господа и Бога, *дондеже есть* (Пс. 145, 2), — дотолѣ, пока эти временныя славословія, или *прославленія Бога въ душахъ и тѣлесѣхъ* (1 Кор. 6, 20), не замѣнятся (по выраженію св. Григорія Богослова) [1], какъ „предначинательный гимнъ, будущими," вѣчными, небесными, „хвалебными пѣснопѣніями!")

Наконецъ, вводитъ служитель Божій новопросвѣщеннаго младенца предъ двери алтаря, и въ третій разъ возглашаетъ: „воцерковляется рабъ Божій..." И вводитъ его „во святый жертвенникъ," — самый алтарь святый, если младенецъ мужескаго пола, или — до царскихъ вратъ, если женскаго (такъ какъ совершеніе церковнаго богослуженія возлагается собственно только на мужей: 1 Кор. 11, 4. 14, 34. 35).—Этимъ дѣйствіемъ воцерковленія новопросвѣщенный нѣкоторымъ образомъ сопричисляется къ сонму самыхъ священнослужителей.— Здѣсь-то особенно открывается, что всѣ вѣрующіе — *святительство свято,*

[1] Объ обрядахъ послѣ *крещенія,*—соотвѣтствующихъ нынѣшнему воцерковленію.

царское священие (1 Петр. 2, 5. 9), — всѣ, въ духовномъ смыслѣ, *царя и іереи Богови* (Апок. 5, 10).

Но предстаніе новопросвѣщеннаго младенца алтарю имѣетъ еще и особенное значеніе. „То, что ты прямо послѣ крещенія долженъ будешь предстать предъ великимъ жертвенникомъ,“ говоритъ св. Григорій Богословъ [1], „есть предъизображеніе будущей славы,“ имѣющей открыться на небеси, въ жизни будущаго вѣка. — Итакъ, являясь во святый алтарь, какъ въ самое небо, новопросвѣщенный христіанинъ какбы предначинательно *приступаетъ къ Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству, и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. 12, 22).... Здѣсь какбы показывается человѣку, куда наконецъ имѣетъ привесть его руководство Церкви, сущей на землѣ!

Взглянемъ еще разъ мысленно на служителя Церкви святой, сохранно носящаго на своихъ рукахъ воцерковляемаго младенца, и постепенно переходящаго съ нимъ изъ одной части храма къ другой, имѣющей высшее назначеніе и знаменованіе. Это живое изображеніе того, какъ святая Церковь, подобно заботливой матери, какбы носитъ на рукахъ своихъ каждаго человѣка, — возводитъ его отъ силы въ силу, *преобразуетъ отъ славы въ славу,* — дотолѣ пока не введетъ его, какъ любимое, покорное ей, чадо въ небесное Святое святыхъ, пока не даруетъ ему Господь — *взирать откровеннымъ лицемъ славу Господню* (2 Кор. 3, 13), въ Церкви торжествующей, на небесахъ! — Съ другой стороны, поучительно для насъ то, что священникъ, при воцерковленіи, почти не останавливается съ младенцемъ на одномъ мѣстѣ, но все стремится впередъ.... Не ясно ли представляется чрезъ это

[1] Въ Словѣ о крещеніи.

воцерковляемому, что онъ дѣлается членомъ Церкви воинствующей, — что мы, вѣрующіе, *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14), и потому должны, *забывая задняя,* непрестанно *простираться въ предняя, со усердіемъ гоня къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. 3, 13. 14)?...

Когда новорожденный и нововозрожденный удостоился поклониться алтарю Господню, надъ нимъ уже совершено воцерковленіе: онъ уже окончательно „сопричтенъ къ Божіему, святому стаду словесныхъ овецъ, которымъ принадлежитъ наслѣдіе небеснаго царствія;“ и тогда-то уже священникъ, принося благодареніе и хвалу Богу, возглашаетъ пѣснь Богопріимца. И эта пѣснь имѣетъ здѣсь особенное значеніе:

„*Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ*“, — говоритъ іерей отъ лица воцерковленнаго, и какбы такія слова влагаетъ ему въ уста: „*яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей,* а путь и средства къ достиженію сего спасенія предоставилъ единой, святой, православной Церкви, да въ ней, якоже во дни Ноевы въ ковчегѣ, обрящемъ единственно вѣрное пристанище [1] — отъ потопленія въ волнахъ житейскаго моря, воздвизаемаго напастей бурею! — Со вступленіемъ въ сію священную ограду святой православной Церкви, открывается очамъ моимъ и истинный *свѣтъ*, возсіявшій съ небесе во откровеніе Тебе, истиннаго Бога, всѣмъ племенамъ и *языкамъ*. Ибо, „св. Церковь“ Твоя, Господи, „есть свѣтило, по всему земному кругу распространяющее лучи свои, — седмисвѣщный свѣтильникъ, сіяющій“ свѣтомъ Твоимъ, „свѣтомъ Христовымъ; и потому, уда-

[1] См. св. Димитрія ростовск., Роз. стр. 557, св. Кипр. о единствѣ Церкви. [2] Св. Ирин., кн. V, гл. 20.

ляющіеся отъ ея ученія, поистинѣ, подобны слѣпымъ, коихъ водятъ слѣпые же: всегда ища и никогда не находя истины, они впадутъ въ яму, изрытую ихъ невѣжествомъ!“ [1] — Здѣсь, и только здѣсь, въ нѣдрахъ св. православной Церкви, возмогу зрѣть *и славу людей Твоихъ*, новаго *Израиля*, — въ нѣдрахъ той *Церкви*, которую Ты, *Христе*, до того *возлюбилъ*, что *Себе предалъ за ню, да представиши ю себѣ славну Церковь* (Еф. 5, 27), — той „Церкви, которая Тебѣ, Спасителю нашему обручена, Ангелами почтена, Пророками украшена, Апостолами прославлена, Мучениками и Исповѣдниками вознесена, ей же Ты, Господи, небесный чертогъ уготовалъ!“ О, благословенъ буди, Господи Боже, сподобившій меня узрѣть столь дивную славу новаго Израиля, свѣтъ небесный и спасеніе Твое! Отнынѣ одного только осталось мнѣ желать: чтобы и при моей кончинѣ, засыпая сномъ блаженнымъ въ объятіяхъ матери Церкви, могъ я столь же радостно, какъ и при самомъ началѣ дней моихъ, воскликнуть: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ!*“

Благословивъ Бога молитвою святаго и праведнаго Симеона, и тѣмъ какбы запечатлѣвъ священный обрядъ воцерковленія, священникъ уже не возвращаетъ воцерковленнаго младенца въ руки матери (или воспріемника), а „полагаетъ его при дверяхъ жертвенника,“ предъ Царскими вратами. Это значитъ, что отнынѣ онъ уже есть достояніе Церкви: троекратнымъ дѣйствіемъ воцерковленія, при входѣ изъ притвора храма въ самый храмъ, посреди церкви, и наконецъ въ алтарѣ,—посвящены на служеніе тріединому Богу, подъ руководствомъ Церкви, всѣ три части его существа — духъ, душа и тѣло. *Тѣлу* — по преимуществу — принадлежитъ поклоненіе Богу,

[1] Св. Димитрія ростовск. соч. ч. 2, стр. 116.

богослуженіе внѣшнее: *внидетъ въ домъ Твой, поклонится ко храму святому Твоему; духъ*—воспѣваніе, или прославленіе Бога (Пс. 33, 3. 103, 1. 145, 1): *воспоетъ Тя; духу*—служеніе Богу, принесеніе духовныхъ жертвъ: *духомъ горяще, Господеви работающе* (Рим. 12, 11) [1]! — Объ этомъ мы должны, братія, памятовать во всю жизнь. Этого, въ особенности, не должны забывать родители при воспитаніи своихъ дѣтей.

3. Намъ остается еще, братія, замѣтить хотя нѣкоторыя назидательныя истины, внушаемыя намъ уже предложеннымъ размышленіемъ, какъ о важности воцерковленія, такъ и о значеніи дѣйствій, совершаемыхъ въ этомъ священномъ обрядѣ.

Посредствомъ воцерковленія, мы вводимся во святую православную Церковь, какъ въ рай земный. Вмѣстѣ съ этимъ внушается намъ заповѣдь, весьма соотвѣтствующая той заповѣди, которую получили наши прародители, какъ скоро поселились въ раю эдемскомъ. „Церковь подобно раю насаждена въ этомъ мірѣ,“ говоритъ св. Иринеи [2]. „Посему-то, отъ всякаго древа райскаго вкушайте, говоритъ Духъ Божій (Быт. 2, 16), то есть, вкушайте отъ всего Божественнаго Писанія; но не вкушайте отъ гордаго разума, и даже не прикасайтесь никакому разномыслію еретиковъ. (Ибо они увѣрены, что сами имѣютъ познаніе добра и зла и возносятся гордымъ своимъ помысломъ выше Бога, сотворившаго ихъ). *Не мудрствуйте паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. 12, 2), дабы не быть вамъ изгнанными изъ рая жизни,

---

[1] Кстати замѣтимъ здѣсь, что по нѣкоторымъ древнимъ, Греческимъ требникамъ (см. *Гоара* Евхолог.), іерей, входя съ младенцемъ въ алтарь, долженъ говорить: *Господу единому послужити;* и притомъ входить туда со свѣтильникомъ, который, по изъясненію св. Григорія Богослова (сл. о крещ.), „служитъ символомъ тѣхъ свѣщъ, съ которыми мы срѣтимъ Господа“. [2] Кн. V, гл. 20.

въ который Господь, возглавившій въ Себѣ все, что на небѣ и на землѣ (Еф. 1, 10), — ввелъ истинныхъ послѣдователей своихъ.“ Или иначе, мы должны помнить, что со вступленіемъ въ Церковь, мы посвятили премудрому Богу свой *разумъ*, который, въ дѣлахъ вѣры, непремѣнно обязанъ, *плѣняясь въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10, 5), подчиняться руководству Церкви Христовой!

Чрезъ воцерковленіе мы вступаемъ въ Божію Церковь, какъ въ обѣтованную землю, кипящую млекомъ и медомъ, то есть обилующую Божественными писаніями. *Возлюбимъ* же, братія, всѣмъ сердцемъ, *яко новорожденніи младенцы, словесное и нелестное млеко* — ученіе святой православной Церкви, *яко да о немъ возрастемъ во спасеніе* (1 Петр. 2, 2). *Истинныя* и *оправданныя судьбы Господни,* открываемыя намъ св. Церковію, да будутъ для насъ *слаждша паче меда и сота* (Пс. 18, 10. 11)!

Чрезъ воцерковленіе мы введены какбы въ дѣйствительное обладаніе тѣми *совершенными дарами, сходящими свыше,* которыми отъ Отца щедротъ облагодатствована Церковь Христова. И здѣсь-то наше сердце, жаждущее блаженства, можетъ и должно находить удовлетвореніе своей неутолимой жажды. О, еслибы наша душа была открыта для всѣхъ впечатлѣній, какія старается производить въ насъ св. Церковь! Тогда мы опытно познали бы, сколь *честная и великая обѣтованія даровашася намъ* (2 Петр. 1, 4); — тогда мы, истинно, вкушали бы тѣ блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9)!

При воцерковленіи, св. Церковь, какъ „мать“, воспринимаетъ насъ въ свои объятія, и, конечно, ни одна изъ земныхъ матерей не печется о своемъ любимомъ дѣтищѣ съ такою нѣжною заботливостію, съ какою матерь Церковь, во все теченіе нашей жизни, отъ колыбели

до гроба, печется о каждомъ изъ насъ, устрояя наше временное и вѣчное благо!. Возлюбимъ же святую матерь нашу Церковь тою же, или еще большею любовію, нежели какова бываетъ любовь добрыхъ дѣтей къ родной матери! Пребудемъ послушны ей во всемъ. Не скроемъ отъ нея ни нашихъ радостей, ни нашихъ печалей и скорбей. Всякую радость нашу она содѣлаетъ *радостію святою*, печаль — *печалію по Бозѣ* (2 Кор. 7, 10), и въ скорбяхъ утѣшитъ насъ, *якоже аще кого мати утѣшаетъ* (Ис. 15, 13), или еще болѣе! — Впадетъ ли кто изъ насъ въ нѣкое прегрѣшеніе? У матери Церкви готово прощеніе отъ Господа: не умедлимъ испросить его! Внушитъ ли намъ Богъ предпринять какое нибудь доброе дѣло? Поспѣшимъ принять изъ ея материнихъ рукъ благословеніе Господне! — Словомъ, будемъ всегда и во всемъ держаться материнскаго руководства Церкви, подобно тому, какъ дитя не желало бы отстать отъ своей доброй матери ни на одинъ шагъ!

Дѣйствіемъ воцерковленія намъ открытъ входъ во святый храмъ, — въ сіи *возлюбленныя селенія Господа силъ, Царя* нашего *и Бога* нашего! Вожделѣнно для всякаго подданнаго имѣть свободный доступъ въ чертоги Царя земнаго: но несравненно вожделѣннѣе право посѣщать святый храмъ, посвященный страшному и славному имени Царя небеснаго. Не престанемъ же, братія, со всевозможнымъ тщаніемъ, пользоваться столь высокимъ преимуществомъ! *Сердце* наше и *плоть* наша да *возрадуются о Бозѣ живѣ*, и да *возвеселимся о рекшихъ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. 83, 3. 12. 1)!

Дѣйствіемъ воцерковленія мы поставлены, братія, среди сонма избранныхъ Божіихъ. Не забудемъ же, что мы *сожители святымъ и присніи Богу* (Еф. 2, 9); будемъ *и сами святи во всемъ житіи, по звавшему* насъ *Святому*

(1 Петр. 1, 15): *потщимся извѣстно наше званіе и избраніе творити* (2 Петр. 1. 10), *терпяще другъ друга любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. 4, 2. 3)!

Дѣйствіемъ воцерковленія мы удостоились предстать и поклониться самому алтарю Господню, и чрезъ то нѣкоторымъ образомъ сопричислены къ сонму священнослужителей Божіихъ! Не престанемъ же, во всю жизнь свою, *возносить жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. 2, 2)! Принесемъ въ *жертву Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно* (Пс. 50, 19). *Представимъ* и *тѣлеса наша жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1). *Да исправится молитва* наша *яко кадило* (Пс. 149, 2), *молитва* не только за себя, но и *другъ за друга* (Іак. 5, 16). *Принесемъ выну жертву хваленія и воскликновенія Богу, — плодъ устенъ, исповѣдающихся имени Его* (Евр. 13, 15. — Пс. 26, 6)! Не забудемъ *благотворенія и общенія*, какъ *такихъ жертвъ*, которыми преимущественно *благоугождается Богъ* (Евр. 13, 16)! Сіи-то и подобныя духовныя жертвы обязаны мы приносить Господу Богу, какъ іереи Божіи, въ духовномъ смыслѣ!

Мы предстали нѣкогда, при воцерковленіи предъ великимъ, святымъ и пренебеснымъ жертвенникомъ и „въ предъизображеніе будущей, небесной славы!“ Будемъ же непрестанно содержать въ умѣ и сердцѣ, что *наше* истинное, нескончаемое *житіе—на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа* (Филип. 3, 20)!

Наконецъ, мы замѣтили, что самый внѣшній, такъ сказать, образъ совершенія воцерковленія, этого торжественнаго вступленія нашего въ нѣдра св. православной Церкви, живо представляетъ намъ, что мы (доколѣ жи-

вемъ на землѣ)—члены Церкви воинствующей, что мы *странники и пришельцы* (1 Петр. 1, 11), *и не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14). Будемъ же неослабно *подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры* (1 Тим. 6, 12), *яко добрые воины Іисусъ Христовы* (2 Тим. 2, 3). Не пощадимъ никакихъ трудовъ и усилій для того, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ — по мыслямъ, чувствамъ, желаніямъ, дѣйствіямъ — становиться все ближе и ближе къ нашему горнему отечеству.

Возлюбленные братія-христіане! не употребимъ во зло столь многоразличныхъ средствъ къ нашему спасенію, открытыхъ для насъ въ Церкви Христовой, къ которой, по особенному благоволенію къ намъ Божію, мы сопричислены; воспользуемся, сколько вмѣстить можемъ, тѣми неоцѣненными благами, къ обладанію которыми открыло намъ входъ святое крещеніе и, послѣдовавшее за нимъ — священное воцерковленіе!

Если воспользуемся, какъ должно, то всеблагій Господь и глава Церкви удостоитъ насъ нѣкогда новаго, блаженнѣйшаго „воцерковленія,“ вожделѣннѣйшаго введенія въ Церковь, вѣчно торжествующую на небеси: *сице бо обильно преподастся намъ входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спаса Іисуса Христа* (2 Петр. 1, 11).

О, да сподобитъ насъ сего блаженства благодать и человѣколюбіе Спасителя нашего, по молитвамъ пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и всей святой, земной и небесной, Церкви! Аминь.

ПОСТЕПЕННОЕ РАСКРЫТІЕ ОБѢТОВАНІЙ И ПРОРОЧЕСТВЪ О ХРИСТѢ СПАСИТЕЛѢ. [1]

Христосъ раждается, славите! Христосъ съ небесъ, срящите!

Уже около пяти недѣль слухъ нашъ, возлюбленные братія-христіане, сталъ оглашаться сею священною пѣснію Церкви Божіей. — Православная Церковь столь благовременнымъ, и столь многократно повторяемымъ благовѣстіемъ желала сколько можно лучше приготовить насъ къ достойнѣйшему воспоминанію и празднованію того величайнаго событія, котораго весь родъ человѣческій ожидалъ со временъ Адамовыхъ, и къ которому Богъ многочастно и многообразно приготовлялъ людей болѣе пяти тысящелѣтій!

Въ этомъ-то и открывается все величіе срѣтаемаго нами преславнаго Рождества Христова, и той безмѣрной милости къ намъ Божіей, по которой мы удостоились торжествовать исполненіе того, что прародители наши, св. праотцы и всѣ ветхозавѣтные праведники *видѣли и цѣловали,*—радостно привѣтствовали только лишь *издалеча* (Евр. 11, 13), хотя и для нихъ, точно такъ же, какъ и для насъ, то была единственная надежда спасенія.

---

[1] Слово въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ (24 декабря 1850 г.), произнесенное въ Казанскомъ соборѣ.

Братія-христіане! Если когда, то особенно нынѣ, какбы въ самомъ преддверіи благознаменитѣйшаго праздника Рождества Христова, возсіявшаго міру свѣтъ разума, всего приличнѣе обозрѣть намъ, хотя въ краткомъ очеркѣ, какъ этотъ свѣтъ постепенно возсіявалъ покрытому грѣховною тьмою роду человѣческому — въ постепенныхъ откровеніяхъ объ Искупителѣ, отъ перваго обѣтованія о Немъ, и до самаго явленія Бога во плоти.

Подлинно, глубокая тьма объяла души прародителей нашихъ, когда, бывъ увлечены *княземъ тьмы*, чрезъ обаяніе змія искусителя, дерзнули они нарушить заповѣдь Божію! — Омрачился ихъ умъ, въ которомъ родилась безумная мысль — укрыться отъ вездѣсущаго Мздовоздаятеля; помрачилась ихъ совѣсть, въ которой невинность и правота замѣнились рабскимъ страхомъ и лукавствомъ; вся жизнь, ожидавшая ихъ и все потомство ихъ въ будущемъ, представлялась имъ въ самомъ мрачномъ и безотрадномъ видѣ; ибо послѣ изнурительныхъ трудовъ и тяжкихъ болѣзней, она неминуемо должна была оканчиваться смертію, и смертію вѣчною.

Въ этомъ-то всестороннемъ мракѣ, объявшемъ падшихъ во грѣхъ прародителей, Господь Богъ, по безконечному милосердію своему, озарилъ ихъ души и сердца первымъ лучемъ небесной надежды на избавленіе, — первымъ обѣтованіемъ, или, какъ называютъ св. Отцы, первоевангеліемъ о Христѣ Спасителѣ, возвѣстивъ осужденнымъ, что *Сѣмя Жены сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15., съ подл.), то есть, что Сынъ Дѣвы побѣдитъ царство діавола, овладѣвшаго человѣкомъ.

Поняли всю важность этого утѣшительнаго обѣтованія наши прародители; и оно было для нихъ столь вожделѣнно, что, желая въ самомъ первенцѣ своемъ видѣть обѣтованное Сѣмя, наименовали его *Каиномъ*, то

есть *пріобрѣтеніемъ отъ Бога.* Хотя вскорѣ и увидѣли они свою погрѣшность, и потому втораго сына своего назвали *Авелемъ,* что значитъ *плачъ;* но это, безъ сомнѣнія, только усилило ихъ желаніе и ожиданіе Искупителя.—Ахъ, они не вѣдали, что еще родятся и исчезнутъ съ лица земли милліоны ихъ потомковъ, пройдутъ тысячелѣтія, пока родится Обѣтованный!

Не вѣдали; а потому и ближайшій потомокъ ихъ, Ламехъ, тоже надѣясь увидѣть въ сынѣ своемъ обѣщанное успокоеніе людей, назвалъ его *Ноемъ,* то есть, *успокоеніемъ,—глаголя: упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ* (Быт. 5, 29).

Самъ Ной уже прозорливѣе выразилъ свою вѣру и надежду — въ благословеніи, данномъ *Симу,* и изъ трехъ сыновъ своихъ, его назначилъ уже не обѣтованнымъ, а только родоначальникомъ обѣтованнаго Сѣмени. *И рече: благословенъ Господь Богъ Симовъ,—да распространитъ Богъ Іафета, и да вселится въ селеніихъ Симовыхъ* (Быт. 9, 26. 27).

Нельзя не замѣтить и того, что при всей таинственной неопредѣленности перваго обѣтованія о Спасителѣ, даннаго прародителямъ, Богу угодно было пролить на него и нѣкоторый особенный свѣтъ, представивъ имъ и прообразъ будущей спасительной смерти Искупителя, — *въ жертвахъ,* которыхъ употребленіе видно еще въ семействѣ Адамовомъ. И сокровенный смыслъ сего прообраза, если и не былъ постигаемъ ихъ разумомъ, то, безъ сомнѣнія, былъ доступенъ ихъ вѣрѣ, какъ и говоритъ Апостолъ: *вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе* (Евр. 11, 4).

Грѣховная тьма, особенно открывшаяся въ Каинѣ, и отъ него распространившаяся на все потомство его, обуяла весь міръ допотопный крайнимъ нечестіемъ и

безбожіемъ, такъ что свѣтъ вѣры въ Бога и Христа едва сохранился въ семействѣ Ноя. — За то и одно лишь семейство Ноя спаслось тоюже вѣрою, тогда какъ все тогдашнее человѣчество погибло въ волнахъ потопа.

Новый мракъ идолопоклонства распространился въ самомъ потомствѣ Ноя, или лучше въ потомствѣ злонравнаго сына его, Хама; и свѣтъ обѣтованія Божія о Христѣ Спасителѣ, казалось, снова былъ въ опасности померкнуть! — Но то былъ *свѣтъ*, который *и во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ* (Іоан. 1, 5).

Не объяла тьма язычества столь вожделѣннаго свѣта; но по чудному промышленію всеблагаго Бога, въ сіи несчастныя времена онъ еще болѣе прояснился. — Ибо, для сохраненія истинной вѣры и начатковъ Церкви Христовой, Богъ отдѣлилъ изъ всего рода человѣческаго одно племя Авраамово, и далъ Аврааму обѣтованіе, что именно отъ него произойдетъ то *Сѣмя*, или тотъ Божественный Потомокъ, о которомъ *благословятся вся племена земная* (Быт. 12, 3. 18, 18. 22, 16—18. сн. Гал. 3, 16).

Аврааму же, въ яснѣйшемъ видѣ, указанъ былъ и прообразъ Искупителя, предающаго самого Себя въ жертву за родъ человѣческій, — въ сынѣ его, Исаакѣ, когда, по повелѣнію Божію, онъ, имѣя обѣтованія, приносилъ въ жертву единороднаго (Евр. 11, 17)! И какъ радостно было для сего отца вѣрующихъ созерцать живой образъ спасительной смерти и живоноснаго воскресенія Искупителя, засвидѣтельствовалъ самъ Онъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, говоря: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой, и видѣ, и возрадовася* (Іоан. 8, 5. 6).

Обѣтованіе, данное Аврааму, о благословеніи всѣхъ народовъ земныхъ, чрезъ его во вѣки благословеннаго Потомка, преемственно повторено было преемникамъ его вѣры, сыну и внуку, Исааку (Быт. 26, 4) и Іакову (28, 14).

Чрезъ Іакова же Господь Богъ озарилъ новыми и разительнѣйшими лучами благодатное обѣтованіе о Христѣ, въ точнѣйшемъ указаніи рода грядущаго Искупителя, времени Его пришествія, цѣли явленія Его въ міръ, и и обращенія къ Нему язычниковъ. — Потухающій взоръ умирающаго патріарха прояснѣлъ Божіимъ свѣтомъ, и онъ, благословляя сына своего Іуду, изрекъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его,* то есть не прекратится власть верховная въ колѣнѣ Іудиномъ (и она не прекратилась до временъ Рождества Христова), *дондележе пріидутъ отложенная ему,* то есть, пока не придетъ Примиритель, *и Той чаяніе языковъ* (Быт. 49, 16).

Новый свѣтъ для вѣры во Христа открылся во времена Моисея. — Моисей предрекъ о грядущемъ Искупителѣ, что Онъ будетъ Пророкъ, подобный ему: *Пророка отъ братіи твоея, якоже мене, воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой. Того послушайте* (Втор. 18, 15. 18. 19).

Но не только въ лицѣ самого Моисея, пророка и боговидца, и вмѣстѣ — законодателя, посредника между Богомъ и людьми, и избавителя своего народа, вѣрующіе израильтяне могли видѣть живой образъ пронареченнаго имъ Христа Спасителя, котораго небо хранило въ себѣ *даже до лѣтъ устроенія всѣхъ* (Дѣян. 3, 21)! Для утвержденія своей вѣры въ Обѣтованнаго, народъ Божій, во времена Моисея, былъ озаренъ множествомъ прообразованій будущихъ временъ Искупителя. — Изведеніе сыновъ Израиля изъ Египта, изъ дому работы; пасхальный агнецъ, и своею непорочностію, и обрядами при вкушеніи его, и особенно своею кровію, спасавшею израильтянъ отъ ангела погубляющаго; переходъ по сухому дну Чермнаго моря, дѣйствіемъ крестообразнаго начертанія жезломъ; манна, хлѣбъ ангельскій, сходившій съ неба; вода изъ камня, составлявшая для вѣрующихъ питіе ду-

ховное, *отъ духовнаго послѣдующаго камене* — Христа (1 Кор. 10, 4); мѣдный змій, вознесенный на древо во спасеніе взиравшихъ на него съ вѣрою въ Господа, отъ уязвленія зміевъ смертоносныхъ, и, наконецъ, вообще вся судьба израильтянъ въ тѣ времена: все это имѣло, по слову Апостола, смыслъ прообразовательный: *вся сія*, говоритъ онъ, *образи приключахуся онѣмъ* (1 Кор. 10, 11). Особенно же, весь обрядовый законъ Моисеевъ, во всѣхъ своихъ обрядахъ жертвоприношеній, очищеній, окропленій, праздниковъ, по слову Апостола, какъ не заключалъ въ себѣ *самаго образа вещей* божественныхъ, то имѣлъ только *сѣнь грядущихъ благъ* (Евр. 10, 1), то есть, событій новозавѣтныхъ; все это было тѣнью будущаго, а тѣломъ во Христѣ (Кол. 2, 17)!

Въ сіи-то столь обильныя прообразованіями времена, въ сѣни и гаданіяхъ временъ подзаконныхъ, и внѣ Церкви израильской уже довольно свѣтлое пророчество изречено устами Валаама: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и востанетъ человѣкъ отъ Израиля, и обладаетъ языки многими, и возрастетъ царство Его; благословящіи* Его, *благословени, и проклинающіи Его, прокляти* (Числ. 24, 3—9. 15—17).

Съ теченіемъ вѣковъ, все болѣе и болѣе проясняясь, въ таинственномъ сумракѣ временъ ветхозавѣтныхъ, благовѣстіе о грядущемъ Искупителѣ, является какбы полнымъ сіяніемъ луны въ богодухновенныхъ псалмахъ царя Давида; а вызванный Богомъ, въ послѣдующія времена, цѣлый сонмъ Пророковъ, какъ свѣтоносный ликъ звѣздъ небесныхъ, дотого озарилъ души вѣрующія, и столь многоразличными чертами прояснилъ откровеніе о Христѣ, что, подлинно, ничего уже болѣе не оставалось, какъ только ожидать утренней зари, полнаго разсвѣта, появленія самого *Солнца правды*, Христа и Бога,— какъ это выразилъ св. апостолъ Петръ въ своемъ посланіи къ

братіямъ, увѣровавшимъ изъ іудеевъ: *и имамы извѣстнѣйшее пророческое слово, емуже внимающе, якоже свѣтилу сіяющу въ темнѣмъ мѣстѣ, дондеже день озаритъ, и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. 1, 19).

Послѣ того, какъ изъ обѣтованій Божіихъ, данныхъ Аврааму, Исааку и Іакову, уже извѣстно было избранному народу, что Христосъ отъ нихъ имѣлъ произойти по плоти; послѣ того, какъ въ частности, по откровенію Божію, патріархъ Іаковъ предсказалъ, что изъ числа двѣнадцати сыновъ его, собственно изъ колѣна Іудова произойдетъ Мессія: сыну Іессея, царю Давиду Богъ указалъ, еще частнѣе, ту отрасль колѣна Іудова, отъ которой долженъ былъ родиться ожиданный вѣками Избавитель,—открылъ, что обѣтованное Сѣмя, котораго престолъ будетъ управленъ до вѣка, которому Богъ будетъ во Отца, и который Богу будетъ въ Сына, произойдетъ именно изъ рода Давидова (2 Цар. 7, 12—19. Пс. 88, 29—38).

Озаренный Духомъ Божіимъ, богоотецъ Давидъ провидитъ въ семъ благодатномъ Сѣмени своемъ, и обѣтованномъ Искупителѣ, своего Господа, сѣдящаго одесную Бога: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Пс. 109, 1), и, въ духовномъ восторгѣ, взываетъ къ Нему: *престолъ Твой Боже, въ вѣкъ вѣка; жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой, елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ* (Пс. 44, 7. 8).

Сей-то Господь, сѣдящій одесную Господа, Богъ, помазанный отъ Бога, Сынъ Божій, рожденный отъ Отца предвѣчнаго прежде денницы (Псал. 2, 7. 109, 3), прежде всѣхъ вѣковъ,—въ пророческихъ созерцаніяхъ, изображенныхъ псалмопѣвцемъ, то изъявляетъ Богу Отцу готовность принять *тѣло,* для принесенія Себя въ жертву

за человѣковъ, — благопріятнѣйшую паче всѣхъ жертвоприношеній и всесожженій прообразовательныхъ (39, 7), какъ вѣчный Іерей по чину Мелхиседекову (109, 9): то предуказываетъ своего предателя, ядущаго съ нимъ хлѣбы, и поднимающаго на него пяту (40, 10. 108, 6), и лжесвидѣтелей на судѣ беззаконномъ (84, 11); то, предъизображая Себя терпящимъ, за спасеніе міра, неописанныя страданія, вопіетъ къ Отцу небесному: *Боже, Боже мой, вскую Мя оставилъ еси* (21, 2)? и, предрекая будущее, какъ уже сбывшееся, (сбывшееся у креста), взываетъ: *сонмъ лукавыхъ одержаша Мя! Ископаша* (то есть, пронзили) *руцѣ мои и ноздѣ мои, исчетоша вся кости моя; раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій* (Пс. 21, 27—10); *и даша въ снѣдь мою желчь, и въ жажду мою напоиша мя оцта* (68, 22); *вмѣсто еже любити мя, оболгаху мя, покиваша главами своими* (108, 25)! То предсказываетъ Христосъ устами Давидовыми свое сошествіе во адъ, и—что не останется тамъ душа Его, и не увидитъ истлѣнія, но что воскреснетъ Онъ (15, 10. Дѣян. 2, 30),— со славою вознесется на небеса, какъ Царь славы и Господь силъ (Пс. 23, 7. 10), и возсядетъ одесную Отца (109, 1); а *возшедши на высоту* небесъ, пріиметъ и будетъ раздѣлять дары человѣковъ (67, 19). Затѣмъ, псалмопѣвецъ пророчески взываетъ къ народамъ и царямъ земнымъ, почто возстаютъ они тщетно противъ Господа и Христа Его (Пс. 2, 1. и д.),— призываетъ всѣхъ израильтянъ обратиться къ Богу Спасителю (Пс. 94, 1), предъизображаетъ распространеніе евангельской проповѣди, — какъ во всю землю изыдетъ вѣщаніе и въ концы вселенныя глаголы провозвѣстниковъ ея (18, 5), какъ, пренебреженный зиждущими, камень содѣлается во главу угла (117, 12),— основаніемъ Церкви вселенской, и какъ сему основанію или главѣ ея, Христу не только

поклонятся всѣ Ангелы Божіи (76, 7), но и цари земные и народы *соберутся вкупѣ, еже работати Господеви* (Пс. 101, 28),—принесутъ дары и воспоютъ *возшедшему на небо небесе* (67, 29—36), и обратятся ко *Господу вси концы земли, и поклонятся предъ Нимъ вся отечествія языкъ* (21, 28—32); *и будетъ имя Его благословено во вѣки, прежде солнца пребываетъ имя Его; и благословятся въ Немъ вся колѣна земная, и вси языцы ублажатъ Его* (71, 17).

Пророки, сіи *отъ Святаго Духа просвѣщаеми, святіи Божіи человѣцы,* являясь одинъ за другимъ, изглаголали всѣ свойства и всѣ обстоятельства земной жизни Христа Спасителя, и плоды пришествія Его на землю.

Іона, (жившій во времена Іеровоама 2-го, царя израильскаго), еще за 800 лѣтъ до Рождества Христова, дѣйствіемъ Божественнаго провидѣнія, пребывая невредимо во чревѣ китовѣ три дни и три ночи, представилъ въ себѣ прообразовательное знаменіе тридневнаго воскресенія Христа Спасителя (гл. 2. Матѳ. 12, 40).

Амосъ, смиренный пастырь овецъ, жившій немного послѣ Іоны (за 780 л. до Р. Х., во дни Озіи, царя Іудина), получивъ отъ Бога вдохновеніе и даръ пророчества, предсказалъ, что *не въ конецъ отверженъ* будетъ *домъ израилевъ,*— что возстановитъ Богъ *скинію Давидову падшую,* то есть Церковь Божію, *и возградитъ,* или возсозиждетъ ее навсегда, *якоже дніе вѣка,* и *взыщутъ* Бога истиннаго *вси языцы, въ нихже призвася имя* Его *въ нихъ* (9, 11. 12).

Въ тоже время, и еще въ многіе годы, предшествовавшіе и послѣдовавшіе пророческому служенію Амоса,— (при іудейскихъ царяхъ Озіи, Іоаѳамѣ, Ахазѣ и Езекіи, 803—723 г. до Р. Х.), пророчествовалъ о Христѣ *Исаія,* съ такою ясностію, что отцы Церкви называютъ его ветхозавѣтнымъ евангелистомъ. Въ его пророческихъ вѣщаніяхъ уже слышится и *гласъ* Предтечи Христова, *во-*

піющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень (Ис. 40, 3). Онъ предсказываетъ, что Божественный Спаситель рода человѣческаго родится отъ Дѣвы: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и наречеши имя Ему Еммануилъ!— Съ нами Богъ* (7, 14. 8, 8)! — и, уже созерцая, въ пророческомъ духѣ, событіе сего предреченія, имѣвшаго исполниться только лишь спустя болѣе 700 лѣтъ, описываетъ неизреченное величіе Богомладенца, говоря: *Отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ, Егоже начальство бысть на рамѣ Его, и нарицается имя Его: велика Совѣта Ангелъ Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка* (9, 6). — Вотъ устами пророка самъ Мессія говоритъ о Себѣ, что *Духъ Господень помазалъ* Его, то есть, сообщилъ Его человѣчеству чрезвычайные дары божественные, для того, чтобы *благовѣстити нищимъ, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія, утѣшити вся плачущія* (61, 1. 2)! — Съ особенною силою изображаетъ Пророкъ Его кротость и милосердіе, Его святость и безгрѣшіе (42, 1—4. 57, 9).

Но, *Господи,* восклицаетъ Исаія, *кто вѣрова слуху нашему? и мышца Господня кому открыся?—Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (53, 5); Онъ *плещи* свои вдастъ *на раны, и ланитъ свои на заушенія, лица же* своего *не отвратитъ отъ студа заплеваній* (50, 6); какъ агнецъ незлобивый, Онъ будетъ веденъ на закланіе, и Тотъ, въ устахъ коего *и лесть не обрѣтеся,* вмѣнится съ беззаконными, и возмется отъ земли животъ Его! Но *язвою Его* мы исцѣлѣемъ: *Той наслѣдитъ многихъ, и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти* (53, 4—12); Онъ полагается *въ основаніе Сіону — Камень многоцѣненъ, избранъ, краеуголенъ, честенъ,* — во основаніе Церкви

Божіей, сего новоблагодатнаго царства, въ которое призовутся и язычники, невѣдавшіе прежде имени Бога истиннаго, и *вѣруяй въ Онъ не постыдится* (28, 16. 65, 7). Запечатлѣвъ увѣровавшихъ въ Него своимъ *знаменіемъ*, Онъ *пошлетъ спасенныхъ отъ нихъ во языки, во всѣ концы земли,* да соберутся, пріидутъ и узрятъ *славу* Его (66, 18. 19). И *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Ис. 52, 7), торжествующухъ надъ земною мудростію (29, 14)! *Отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слава Господня отъ Іерусалима* (2, 4). И вотъ, волки пасутся съ агнцами, и львы съ тельцами, и вся земля наполняется вѣдѣнія Господня (11, 6—9), спасительной вѣры въ Того, кто данъ *въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, даже до послѣднихъ земли* (49, 6)!

Современникъ Исаіи, *Михей,* (749—679 г. до Р. Х.), пророчественно предуказывая мѣсто рожденія Искупителя, возвѣстилъ, что именно *Виѳлеемъ* Евфраѳовъ, или Іудейскій, прославится тѣмъ, что изъ него *изыдетъ* обѣтованный *Вождь* израилевъ, предвѣчно раждающійся отъ Бога Отца, *изначала, отъ дней вѣка* (5, 2).

Почти въ тоже время пророкъ *Іоиль,* (за 700 л. до Р. Х.), по вдохновенію отъ Бога, предвозвѣстилъ обильнѣйшее изліяніе Духа Святаго въ новомъ Израилѣ, — на всѣхъ истинно вѣрующихъ во Христа (2, 28. 29. 32), и судъ надъ врагами Церкви (гл. 3).

Не прошло еще и столѣтія послѣ сего Пророка, — *Іеремія,* (призванный Богомъ къ пророчеству въ 30-й годъ Іосіи, при послѣднихъ царяхъ іудейскихъ Іоакимѣ и Седекіи, 638—597 л. до Р. Х.), предвозвѣщалъ, что грядущій Искупитель, святая отрасль дома Давидова (33, 15), потребитель грѣховъ (50, 19. 20), коего *имя Господь праведенъ нашъ* (23, 5. 6. 33, 16. 17), воцарится на престолѣ Давидовомъ (33, 22—32). Онъ-то завѣщаетъ

дому Израилеву и дому Іудину Завѣтъ новый, совершеннѣйшій того, который былъ данъ отцамъ ихъ, по изведеніи ихъ изъ Египта, бывъ написанъ на скрижаляхъ каменныхъ: Онъ дастъ законы въ мысли ихъ, и на сердцахъ людей напишетъ ихъ (31, 31—34)!

Вотъ прошло еще нѣсколько лѣтъ, и богоглаголивый *Аввакумъ,* (въ царствованіе Манассіи, за 608 л. до Р. Х.), сокрушаясь о нечестіи, господствовавшемъ въ его отечествѣ и объ угрожавшихъ ему бѣдствіяхъ, утѣшался грядущимъ пришествіемъ Христовымъ, и проповѣдывалъ, что Искупитель *идый пріидетъ, и не умедлитъ, и праведный отъ вѣры въ Него живъ будетъ;* и что съ Его пришествіемъ *наполнится вся земля славы Господни, якоже вода многа въ мори покрыетъ я* (2, 3. 4. 14). Предсказывая столь дивное Богоявленіе, во спасеніе вѣрующихъ, и, то поражаясь божественнымъ величіемъ грядущаго Господа, то возвеселяясь о Немъ, Богѣ Спасителѣ, Пророкъ восклицаетъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой, и убояхся; Господи, разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся. Внегда приближитися лѣтомъ, познаешися; внегда пріити времени, явишися. Богъ отъ юга пріидетъ, и Святый изъ горы пріосѣненныя чащи. Покры небеса добродѣтель Его, и хваленія Его исполнь земля. Изшелъ еси во спасеніе людей Твоихъ, спасти помазанныя Твоя. Азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ* (3, 1—3. 13. 18).

Іезекіиль, во времена плѣна Вавилонскаго (за 600 л. до Р. Х.), предрекъ, что разсѣянныя овцы, — истинные израильтяне — всѣ вѣрующіе въ грядущаго Искупителя, соберутся, и сей истинный Давидъ будетъ единымъ Пастыремъ народовъ во вѣки (34, 23 24);—совершится очищеніе людей, дано будетъ имъ *сердце ново и духъ новъ* (11, 18. 19), и утвердится *завѣтъ миренъ и завѣтъ вѣченъ,* и тогда самъ Богъ вселится съ ними на вѣки (37, 26 — 28).

Даніилъ (за 530 л. до Р. Х.), со всею точностію опредѣлилъ время пришествія *Христа Старѣйшины, Святаго Святыхъ*, седмьюдесятью седминами, то есть седмилѣтіями (гл. 9, 24—27). Онъ же предсказалъ, что Камень, отторгшійся отъ горы безъ руки, силою сверхъестественною, — (а Камнемъ называли Пророки самого Христа)—*истнитъ и развѣетъ вся царства нечестія, и возстановитъ Богъ небесный царство* благодати, *еже во вѣки не разсыплется*, наполнивъ собою всю землю (2, 34—45)!

Аггей (516 л. до Р. Х.), по возвращеніи Іудеевъ изъ 70-ти лѣтняго плѣненія Вавилонскаго, убѣждая къ возсозданію храма іерусалимскаго, тѣмъ, которые видѣли *храмъ сей въ славѣ его прежней*, и потомъ — *яко не суща* предъ собою, предрекъ, что *велія будетъ слава* втораго *храма послѣдняя, паче первыя*, поелику въ немъ явится Тотъ, кто *дастъ миръ* всякой *душѣ* вѣрующей (2, 10).

Въ тоже время, *Захарія* предвозвѣстилъ торжественно радостное, но вмѣстѣ кроткое и смиренное вшествіе Искупителя, какъ *Царя праведнаго и спасающаго*, во Іерусалимъ (9, 9), преданіе Его за тридесять сребренниковъ (11, 12), — предсказалъ, какъ съ пораженіемъ сего *Пастыря* душъ, *расточатся овцы стада*, разсѣются Его ученики (13, 7), но впослѣдствіи — и самые Іудеи обращенные *воззрятъ* съ вѣрою *на Того, егоже прободоша* (12, 10), — котораго пронзили копіемъ.

Наконецъ, *Малахія* (за 412 л. до Р. Х.) заключилъ пророчества ветхаго Завѣта, явнымъ указаніемъ на *Предтечу* Завѣта новаго. Онъ предвидѣлъ, какъ въ слѣдъ сего Предтечи, облеченнаго духомъ Иліи (3, 1. 4, 5), *внезапу пріидетъ* въ *церковь свою Господь, и Ангелъ Завѣта* (3, 1).

Столь ясныя предсказанія о Христѣ Спасителѣ дѣлали Его для душъ истинно вѣрующихъ уже довольно близкимъ; а тяжкія бѣдствія, которыми испытывалъ Богъ, въ продолженіе уже многихъ вѣковъ, родъ человѣческій, и особенно избранный народъ свой, — при свѣтѣ заповѣдей Божіихъ, возбуждая въ людяхъ живое сознаніе своей грѣховности и гнѣва Божія, постепенно усиливали въ нихъ желаніе скорѣе видѣть обѣтованнаго Избавителя отъ золъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Это желаніе ясно выражали Пророки.

Такъ Іеремія, въ живомъ ощущеніи душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, и многоразличныхъ скорбей, постигающихъ человѣка, взывалъ ко Господу Спасителю: *чаяніе Израилево! Исцѣли мя Господи, и исцѣлѣю; спаси мя, и спасенъ буду* (17, 13. 14). *Ожиданіе Израилево Господи, Спасителю нашъ во время скорби! — не забуди насъ* (14, 8. 9)! И могло ли быть для всѣхъ вообще людей избраннаго народа Божія какое либо утѣшеніе большее того, что Желанный ими уже скоро придетъ? О, какъ памятны были всѣмъ чадамъ Церкви ветхозавѣтной слова послѣдняго изъ Пророковъ: *внезапу пріидетъ въ церковь свою Господь, егоже вы ищете, и Ангелъ Завѣта, егоже вы хощете: се грядетъ* (Мал. 3, 1)!

Посему-то во времена Маккавеевъ всѣ ожидали Мессію въ непродолжительномъ времени; и вотъ, по свидѣтельству книги Маккавейской, *благоволиша Іудеи и жерцы быти Симону вождемъ и архіереемъ въ вѣкъ, дондеже востанетъ Пророкъ вѣренъ* (1 Мак. 1, 4, 41), то есть, Христосъ.

Съ теченіемъ времени, ожиданіе сего *вѣрнаго* паче всѣхъ Пророка, Божественнаго Наставника истины и Совершителя спасенія, все болѣе и болѣе усиливалось, и наконецъ, предъ самымъ пришествіемъ Іисуса Христа,

блаженное царство Мессіи сдѣлалось первѣйшимъ предметомъ желаній каждаго, даже послѣдняго израильтянина, какъ и видимъ въ самой Евангельской исторіи, что во время земной жизни Іисуса Христа, — сего обѣтованнаго *Сына Давидова* уже знали всѣ! Жена самарянская говорила: *вѣмъ, яко Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ: егда той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся* (Іоан. 4, 25). Нищіе и слѣпцы, и даже жена хананейская знали о Христѣ, — и вѣровали въ Него; а желая выразить свою вѣру въ Господа Іисуса, что Онъ-то и есть Христосъ, называли Его Сыномъ Давидовымъ.

Итакъ, настало, наконецъ предопредѣленное судьбами Божіими время; настало время явиться *Востоку свыше;* приблизился восходъ *Солнца правды,* Христа истиннаго Бога!

Какъ въ царствѣ природы, пернатые своимъ пѣніемъ встрѣчаютъ восходъ дневнаго свѣтила; такъ въ царствѣ блаженныхъ духовъ чистѣйшіе сонмы Ангеловъ Божіихъ спѣшатъ встрѣтить явленіе въ родѣ человѣческомъ Свѣта незаходимаго, и воспѣть *славу въ вышнихъ Богу*, возвѣстить *земли миръ* и *человѣкамъ* — Божіе *благоволеніе! Христосъ раждается, славите! Христосъ съ небесъ, срящите!* Зрите, чада вѣры: вотъ уже явился на земли *Свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* Божій. Слава небесная осіяваетъ смиренныхъ пастырей виѳлеемскихъ, и одинъ изъ небожителей благовѣствуетъ имъ радость сію; чудная звѣзда являетъ это необычайное событіе восточнымъ волхвамъ, да пріидутъ они и поклонятся рождшемуся Христу!

Пріидемъ и мы, вѣрніи людіе, грядите, воспоимъ пѣснь Господеви, и возвеличимъ Христа, отъ Дѣвы рождшагося, и возблагодаримъ Бога, сподобившаго насъ быть чадами свѣта и дне (Еф. 5, 9. 1 Сол. 5, 5), — зрѣть въ

полномъ сіяніи то, чему наши прародители, праотцы, пророки, *внимали* только *яко свѣтилу, сіяющу въ темнѣмъ мѣстѣ,* въ сѣни и гаданіяхъ временъ ветхозавѣтныхъ, и, *послушествовани бывше вѣрою, не пріяша обѣтованія,* — не получили Обѣщаннаго, *Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. 11, 40).

Мы же, братіе, *сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеся въ броню вѣры и любве, и шлемъ упованія спасенія; яко не положи насъ Богъ въ гнѣвъ, но въ полученіе спасенія Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (1 Сол. 5, 8), Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ, и съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОСЛѢДНЕЕ ШЕСТВІЕ ІИСУСА ХРИСТА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.[1]

Бяху на пути, восходяще во Іерусалимъ; и бѣ варяя ихъ Іисусъ, и ужасахуся, и во слѣдъ идуще, боящуся. И поемъ паки обанадесять, начатъ имъ глаголати, яже хотяху Ему быти... И предъ Него пріидоста Іаковъ и Іоаннъ, сына Зеведеева, глаголюще: Учителю, хощева, да еже просива, сотвориши нама (Марк. 10, 32—35).

Внимательные къ богослуженію св. Церкви христіане православные, безъ сомнѣнія, знаютъ, что въ чинѣ божественной литургіи творится воспоминаніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Здѣсь очамъ вѣрующихъ представляется живое изображеніе важнѣйшихъ событій земной жизни Искупителя, особенно тѣхъ, которыя прямо относятся къ спасительнымъ Его страданіямъ и крестной смерти, и послѣдующей за ними славѣ (1 Петр. 1, 11). Здѣсь, на св. престолѣ, таинственно и существенно повторяется самая жертва голгоѳская, принесенная вочеловѣчившимся ради нашего спасенія единороднымъ Сыномъ Божіимъ Отцу небесному за грѣхи міра.

[1] Слово, произнесенное въ пятую недѣлю Великаго поста, 2 апрѣля 1867 г., въ Исаакіевскомъ соборѣ.

Мы желаемъ теперь, благочестивые слушатели, обратить ваше вниманіе на одно изъ евангельскихъ событій, о которомъ слышали вы въ нынѣ чтенномъ Евангеліи,—по ряду дня недѣльнаго, предшествующаго недѣлѣ ваій. Это событіе — послѣднее шествіе Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ, которое само предшествовало торжественному Его входу во врата дщери Сіоновой, яко обѣтованнаго Царя Израилева и Сына Давидова. Событіе это, изображаемое и въ священнодѣйствіи божественной литургіи, во время великаго входа, весьма поучительно и само по себѣ, какъ событіе евангельское, и по тѣмъ назидательнымъ мыслямъ, на которыя наводитъ оно въ примѣненіи различныхъ обстоятельствъ его къ нашей собственной жизни.

Всмотритесь, братія, мысленно въ это знаменательное шествіе Господа съ двѣнадцатью избранными Его учениками. „Были они“, говоритъ Евангелистъ Маркъ, „на пути, восходя въ Іерусалимъ; Іисусъ шелъ впереди ихъ, а они ужасались, и, слѣдуя за Нимъ, были въ страхѣ.“

Какими трогательными чертами изображено это послѣдованіе малаго стада Христова за своимъ добрымъ Пастыремъ,—безмолвно подвигающагося за Нимъ, вдали отъ шума житейскихъ треволненій, но какъ видно, сильно напуганнаго донесшимся до его слуха воемъ кровожадныхъ волковъ, готовыхъ растерзать самого ихъ Пастыря! Да, именно за день или за два предъ симъ, ученики Христовы съ крайнимъ опасеніемъ говорили своему Божественному Наставнику: „Равви! давно ли іудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда (Іоан. 11, 8)?“ Тогда Господь успокоилъ ихъ, сказавъ: „не двѣнадцать ли часовъ во днѣ? Кто ходитъ днемъ; тотъ не спотыкается, потому что видитъ свѣтъ міра сего

(ст. 11).“ Но теперь, — теперь Господь, повидимому, совершенно въ другую сторону направляетъ свою рѣчь къ пораженнымъ ужасомъ ученикамъ: „Подозвавъ двѣнадцать, Онъ началъ имъ говорить о томъ, что будетъ съ Нимъ. „Вотъ мы восходимъ въ Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ, и поругаются надъ Нимъ, и будутъ бить Его, и оплюютъ Его, и убьютъ Его; и въ третій день воскреснетъ (Марк. 10, 32—34).“

Это было уже третіе предсказаніе Господа Іисуса Христа о своихъ крестныхъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи. Въ первый разъ Господь открылъ объ этомъ своимъ ученикамъ за недѣлю до своего славнаго преображенія на Ѳаворѣ. Тогда, какъ извѣстно, апостолъ Петръ, только что заслужившій особенную похвалу за исповѣданіе Іисуса Христа Сыномъ Бога живаго, началъ прекословить Ему, и за то подвергнулся строгому обличенію (Матѳ. 16, 23). Въ другой разъ, вскорѣ послѣ преображенія Господня, ученики опять услышали отъ Іисуса Христа предсказаніе о предстоящихъ Ему крестныхъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и хотя, по замѣчанію Евангелиста, оно и тогда было закрыто отъ нихъ, но они боялись спросить Его о семъ словѣ (Лук. 9, 45), какъ ни сильно опечалило оно ихъ (Матѳ. 17, 23). Теперь, въ третій уже разъ, находясь въ печальномъ и чрезвычайно тревожномъ настроеніи духа, ученики Христовы снова слышатъ предсказаніе о томъ, что Сынъ человѣческій преданъ будетъ іудеямъ, и осужденъ на смерть, что Его предадутъ язычникамъ, и убьютъ Его, и что Онъ въ третій день воскреснетъ. Не удивительно, что Апостолы, еще не получившіе благодати Духа Святаго, и на сей разъ не уразумѣли открытой имъ великой тайны

царствія Божія. Они еще не могли отрѣшиться отъ вкоренившихся въ ихъ народѣ понятій о земномъ царствѣ Мессіи. Думали, что наступаетъ наконецъ время, когда оно должно открыться, и только о томъ до крайности скорбѣли, что сему вожделѣнному событію, какъ могли они заключать изъ словъ Христовыхъ, должны предшествовать ужасныя бѣдствія, поруганіе и смерть, но потомъ, съ утѣшеніемъ помышляли они, — опять торжество и жизнь Божественнаго ихъ Учителя.

И вотъ, занятые такими мыслями, двое изъ учениковъ обратились къ Іисусу Христу съ особенною и повидимому, совершенно неожиданною просьбою. „Тогда подошли къ Нему сыны Зеведеевы, Іаковъ и Іоаннъ, и сказали: Учитель! мы желаемъ, чтобы Ты сдѣлалъ намъ, о чемъ попросимъ. Онъ сказалъ имъ: что хотите, чтобы Я сдѣлалъ вамъ? Они сказали Ему: дай намъ сѣсть у Тебя, одному по правую руку, а другому по лѣвую, въ славѣ Твоей.“ Очевидно теперь для всѣхъ насъ, братія, до какой степени земныя мечты, высказавшіяся въ этомъ желаніи сыновъ Зеведеевыхъ, не соотвѣтствовали истинному смыслу предсказанія Христова. Но Господь Іисусъ кротко замѣтилъ имъ: „не знаете, чего просите,“ и напомнилъ имъ, что кто хочетъ раздѣлять славу Его, тотъ прежде долженъ претерпѣть одинаковую съ Нимъ участь. Когда же они, въ жару усердія, изъявили на то полное свое согласіе, то Онъ, какъ Сердцевѣдецъ, зная, что они впослѣдствіи дѣйствительно будутъ пить чашу страданій Христовыхъ, т. е. пострадаютъ за имя Христово,— не отказываетъ имъ въ этомъ жребіи, но тѣмъ не менѣе отклоняетъ отъ нихъ мысль о сидѣніи у Него по правую и по лѣвую руку: „это,“ говоритъ онъ, „не отъ Меня зависитъ, но кому уготовано Отцемъ Моимъ (Марк. 10, 35 — 40. Матѳ. 20, 23). Возведши ихъ мысли къ Отцу

небесному, Господь, чтобы смирить и прочихъ учениковъ, которые начали негодовать на Іакова и Іоанна, всѣмъ имъ сказалъ: „кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ. Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ (Марк. 10, 43—45).“ „Онъ, “скажемъ, въ поясненіе сего, словами св. апостола Павла, „будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу: но уничижилъ Себя самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, и по виду ставъ какъ человѣкъ, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ до смерти, и смерти крестной; посему и Богъ превознесъ Его, и далъ Ему имя выше всякаго имени: дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 6—11).“

Остановимся на этомъ изложеніи и поясненіи слышаннаго вами евангельскаго событія, и посмотримъ, когда и какимъ священнодѣйствіемъ изображается оно, какъ мы сказали, на божественной литургіи.

При самомъ началѣ пѣнія херувимской пѣсни, приглашающей насъ отложить всякое житейское попеченіе, чтобы, воспѣвая трисвятую пѣснь животворящей Троицѣ, удостоиться поднять Царя всѣхъ, сопровождаемаго невидимо ангельскими чинами,—отверзаются царскія врата, и мы видимъ, какъ священнодѣйствующій, послѣ пламенной своей молитвы ко Господу, троекратно распростираетъ руки свои во образъ креста. Не напоминаетъ ли это вамъ, братія, троекратнаго предсказанія Христа Спасителя о своихъ крестныхъ страданіяхъ и живоносномъ воскресеніи?—Дѣй-

ствительно, такое воспоминаніе—самое приличное созерцаемому вами священнодѣйствію, послѣ котораго и начинается такъ называемый великій входъ.

Припомните черты описаннаго въ нынѣ чтенномъ евангеліи послѣдняго шествія Іисуса Христа въ Іерусалимъ: „Іисусъ шелъ впереди, а ученики, слѣдуя за Нимъ, были въ страхѣ.“ И вотъ, впереди торжественнаго шествія на великомъ входѣ, является вашимъ взорамъ на св. дискосѣ, несомомъ на главѣ священнодіакона, приготовленный для таинственнаго жертвоприношенія Агнецъ, и слѣдующіе за Нимъ, со страхомъ Божіимъ, іереи Бога Вышняго, какъ преемники служенія апостольскаго, несутъ въ своихъ рукахъ св. чашу, крестъ, копіе — священные предметы, которые, вмѣсто словъ, вещественно выражаютъ то, что Господь самъ при этомъ говорилъ св. Апостоламъ: „се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ.“ „Се бо“, скажемъ словами извѣстной церковной пѣсни,—„се бо Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ“. Смиренно преклоняясь предъ орудіями страданій Христовыхъ, вы, братія, внемлете изрекаемымъ при этомъ молитвеннымъ благожеланіямъ священнослужителей, да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ предержащія власти, предстоятелей Церкви, и васъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Это значитъ, что мы, наученные св. Евангеліемъ, вмѣсто несвойственной возрожденнымъ благодатію Божіею просьбы сыновъ Зеведеевыхъ о сидѣніи по правую и по лѣвую руку небеснаго Царя Христа, — взываемъ къ Нему гласомъ благоразумнаго разбойника лишь о томъ, да помянетъ Онъ насъ во царствіи своемъ!

Слѣдовало бы вамъ, братія, послѣ сего припомнить, что какъ въ евангельской исторіи послѣднее шествіе

Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, сопровождавшееся славою Его чудотвореній—дарованіемъ зрѣнія іерихонскимъ слѣпцамъ, и особенно воззваніемъ изъ гроба къ жизни Лазаря, на четвертый день послѣ его смерти, окончилось тѣмъ, что весь народъ, исповѣдуя свою вѣру во Христа, началъ въ радости велегласно хвалить Бога за всѣ чудеса, какія видѣлъ, и затѣмъ, привѣтствуя торжественный входъ Господень во святый градъ, встрѣчалъ Его восклицаніями: „Осанна, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ (Марк. 11, 9. 10)“: такъ и на божественной литургіи, вскорѣ послѣ великаго входа, произносится исповѣданіе вѣры, благодареніе Господу, и священная пѣснь: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея! осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!“ Но обстоятельное раскрытіе сихъ событій и священнодѣйствій увлекло бы насъ далеко за предѣлы нашего слова.

Довольно и того, если оно своимъ указаніемъ успѣетъ, при помощи Божіей, возбудить во многихъ изъ васъ желаніе поближе познакомиться съ этимъ душеспасительнымъ предметомъ. А недостатка въ пособіяхъ къ сему чада Церкви православной, искренно ищущіе своей душевной пользы, навѣрное не будутъ имѣть. Намъ, братія, остается обратить ваше вниманіе на то, что, по словамъ св. апостола Павла, „все, что писано было прежде, написано намъ въ наставленіе, чтобы мы терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній сохраняли надежду (Рим. 16, 4).“ Поэтому, размышляя о благовѣтствованномъ намъ нынѣ евангельскомъ событіи, мы должны по возможности примѣнять его къ своей собственной жизни. И мы, подобно сынамъ Зеведеевымъ, весьма нерѣдко обращаемся къ Господу съ такими желаніями нашего

сердца, на которыя и во глубинѣ нашей совѣсти, и въ послѣдующихъ событіяхъ нашей жизни можемъ слышать вразумляющій гласъ Господа: *не вѣста, чего проситa*,— не знаете, чего просите!

Братія! если мы искренно желаемъ себѣ истиннаго, вѣчнаго блага,—отбросимъ въ сторону всѣ земныя мечты, смиримъ себя предъ Богомъ, потрудимся нелѣностно для спасенія душъ нашихъ, вполнѣ ввѣряя Господу свою временную и вѣчную судьбу, — будемъ прежде всего и болѣе всего *искать царствія Божія, и правды Его*, а все прочее—земное, необходимое для нашего благополучія, и безъ особенныхъ съ нашей стороны усилій, *приложится* намъ (Матѳ. 6, 53), Аминь.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРѢЧА

ХРИСТА, ЦАРЯ ИЗРАИЛЕВА [1].

Народъ многъ, пришедый въ праздникъ, слышавше, яко Іисусъ грядетъ во Іерусалимъ, пріяша ваія отъ финикъ, и изыдоша во срѣтеніе Ему, и зваху, глаголюще: осанна, благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ (Іоан. 12, 12. 13)!

Невозможно описать всего величія и необычайности этой встрѣчи! Ни прежде, ни послѣ нея, не было въ мірѣ ничего подобнаго.

Это была торжественная, всенародная встрѣча обѣтованнаго праотцамъ, предвозвѣщеннаго Пророками, ожиданнаго въ продолженіе 55-ти вѣковъ, Избавителя міра, Сына Давидова, Христа, Царя израилева. Онъ мирно вступалъ въ царственный городъ Давидовъ, возсѣдая на ослѣ, покрытомъ одеждами учениковъ. Но безчисленное множество народа привѣтствовало Его, какъ побѣдителя смерти, который, въ довершеніе всѣхъ дивныхъ чудесъ своихъ, воздвигъ изъ мертвыхъ, уже четыре дня лежавшаго въ гробѣ, Лазаря.

Съ неописаннымъ восторгомъ, всѣ наперерывъ спѣшили выразить Божественному Іисусу свое усердіе, чѣмъ кто могъ. Одни постилали Ему по пути свои одежды;

[1] Слово въ недѣлю Ваій, сказанное въ Исаакіевскомъ соборѣ, 5 апрѣля 1859 г.

другіе срѣзывали вѣтви съ деревъ и, потрясая ими въ воздухѣ, какъ знаменіями побѣды, бросали ихъ предъ Нимъ. А всѣ вмѣстѣ, предшествуя Ему и сопровождая Его,—даже малыя дѣти, привѣтствовали Его единодушными восклицаніями: „осанна (спасеніе) Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне, Царь израилевъ! Миръ на небеси и слава въ вышнихъ! Осанна! Осанна въ вышнихъ!“

Такимъ-то образомъ встрѣчали Царя Христа народъ и дѣти. Но, ахъ! среди сего множества ликующихъ и веселящихся о Господѣ, были и такіе люди, которымъ эта встрѣча Господа, и эти восклицанія въ честь Его были вовсе не по сердцу. То были фарисеи, первосвященники и книжники.

Фарисеи даже осмѣлились сказать Господу: „Учитель! уйми учениковъ своихъ (Лук. 19, 39)!“ А первосвященники и книжники открыто изъявили предъ Нимъ свое негодованіе на восклицаніе отроковъ: „осанна Сыну Давидову“, и сказали Ему: „слышишь ли, что они говорятъ (Матѳ. 21, 15. 16)“. — Отъ чего же, спрашивается, произошло такое мрачное отчужденіе отъ общей священной радости — въ тѣхъ, которые, и по своей видимой набожности, и по значенію въ обществѣ, и по своему образованію, должны были еще живѣе, нежели смиренные ученики Христовы, простой народъ и дѣти, ощущать эту радость при видѣ Христа Спасителя, Царя Израилева и Божественнаго Наставника истины?

Христіане, братія! Поучительно намъ вникнуть, что располагало къ радости веселящихся о Господѣ, и что повергало въ уныніе противниковъ Его. Это съ одной стороны, поможетъ намъ пріумножить и укоренить въ себѣ тѣ добрыя качества, которыя необходимы для истинно радостной встрѣчи Господа; а съ другой—предо-

хранитъ насъ отъ тѣхъ пагубныхъ свойствъ, которыя могутъ отчуждать насъ отъ Него.

1. Если обратимъ мысленный нашъ взоръ на *учениковъ* Христовыхъ, какъ на первыхъ участниковъ общей радости нынѣ празднуемаго событія; то что видимъ, братія? — Видимъ, что причиною ихъ священной радости, при торжественномъ входѣ Господа въ Іерусалимъ, преимущественно была ихъ истинная *вѣра* въ Него, вѣра живая, дѣятельная. Еще не зная Христа Спасителя, они уже стремились къ Нему душею своею. Хотя были они люди простые, незнатные, немногоученые, но высоко воспаряли своею мыслію. Обѣтованія Божіи и пророчества о Христѣ были у нихъ постоянно въ умѣ и сердцѣ. Вотъ почему тѣ изъ нихъ, которые услышали слова Іоанна Крестителя о Іисусѣ: „се Агнецъ Божій“,—немедленно пошли за Нимъ и, узнавъ въ Немъ Спасителя, съ великою радостію сообщали одинъ другому благую вѣсть: „мы нашли Мессію, что значитъ Христосъ. Мы нашли Того, о комъ писали Моисей и Пророки (Іоан. 1, 41. 45)!—Вотъ почему одного слова, сказаннаго Іисусомъ Христомъ кому бы то ни было изъ нихъ: „иди за Мною“, — достаточно было, чтобы они оставили все, и послѣдовали за Нимъ.—Сдѣлавшись Его учениками, они крѣпко держались Его, и съ величайшимъ вниманіемъ, благоговѣйно наблюдали за всѣми Его дѣяніями, и слушали Его божественное ученіе. И то и другое—и дивныя дѣла Его, и Его ученіе, все болѣе и болѣе пріумножало ихъ вѣру. Если въ ученіи Христа Іисуса они чего либо не понимали; то отнюдь не позволяли себѣ произвольныхъ толковъ, но, по окончаніи Его проповѣди къ народу, подходили къ Нему наединѣ, и просили Его объяснить имъ слышанное отъ Него. При одномъ случаѣ, когда таинственное ученіе Спасителя о хлѣбѣ не-

бесномъ нѣкоторымъ слушателямъ показалось до того страннымъ, что они удалились отъ Него, и Господь спросилъ учениковъ: „не хотите ли и вы идти?“ — они отвѣтствовали: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни; и мы увѣровали, и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго (Іоан. 6, 58—69)!“—Имѣя столь твердую и постоянную вѣру, они доказывали ее самымъ дѣломъ: не только съ сыновнею покорностію принимали всѣ внушенія Господа — къ исправленію нѣкоторыхъ погрѣшностей въ ихъ образѣ мыслей и предположеній, или къ очищенію ихъ сердца отъ примѣси человѣческихъ страстей; но съ истиннымъ самоотверженіемъ переносили всѣ навѣты, кривые толки и явныя преслѣдованія со стороны многочисленныхъ враговъ Христовыхъ, враговъ истины и добра. Итакъ, могли ли они не радоваться всѣмъ сердцемъ теперь, когда несмѣтныя толпы народа, воодушевленныя быстро разнесшеюся вѣстію о воскрешеніи Лазаря, единодушно привѣтствовали Божественнаго Чудотворца, ихъ Учителя и Господа? Могли ли не восклицать Ему въ гласѣ радованія: „Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!“

Какъ же были жалки эти несчастные, враждовавшіе противъ Господа, *фарисеи,* когда для нихъ до такой степени былъ чуждъ и даже нестерпимъ священный восторгъ учениковъ Спасителя, что они говорили Ему: „Учитель, уйми учениковъ!“—Но отъ фарисеевъ ничего лучшаго нельзя было и ожидать. То были самые злые враги, къ истинному ученію вѣры примѣшивавшіе множество произвольныхъ толкованій на основаніи преданія старцевъ,—такихъ же фарисеевъ, какъ и они. То были самые упорные раскольники, самопроизвольно отчуждавшіеся отъ истинной Церкви Божіей, на основаніи тѣхъ же старческихъ преданій, и свое внутреннее нечестіе

прикрывавшіе самою благовидною наружностію — строгимъ соблюденіемъ буквы Закона и внѣшнихъ обрядовъ, при совершенномъ отчужденіи отъ Духа Божія. Если они изучали Законъ и Пророковъ, то какъ будто для того только, чтобы найти въ нихъ подтвержденіе мнимыхъ своихъ правъ на исключительное наслѣдіе небеснаго царствія Христова, по одному происхожденію отъ Авраама; тогда какъ, по дѣламъ, они были не Авраамовы дѣти, а порожденія эхидны... Для такихъ людей свѣтъ истинной вѣры былъ нестерпимъ. *Возлюбиша тьму, паче нежели свѣтъ: бѣша бо дѣла ихъ зла* (Іоан. 3, 19). Кроткія убѣжденія Спасителя нисколько не вразумляли ихъ; ибо они хотѣли только учить, а не учиться,—быть судьями, можно сказать, самого Бога, а не подлежать суду Божію. Посему-то, съ невѣроятною дерзостію высказывали они и распространяли въ народѣ самыя дерзкія сужденія и объ ученіи, и о дѣлахъ Христовыхъ. Такъ чудеса благотворенія, которыми Господь особенно любилъ освящать покой праздничныхъ дней, они принимали за важное нарушеніе закона Божія. А въ другое время, среди безчисленныхъ чудесъ Іисуса Христа, какъ будто и не замѣчали ихъ, требовали отъ Него знаменія съ неба. Когда же чудеса были слишкомъ очевидны для всѣхъ,—приписывали ихъ естественнымъ причинамъ, или даже—нечистой силѣ. Что же дивнаго, если такіе люди были совершенно чужды Спасителю и—той радости, съ которою встрѣчали Его ученики и народъ?—*Нѣсть радоватися нечестивымъ* (Ис. 47, 32)!

2. Взглянемъ теперь на *народъ*, привѣтствовавшій Господа съ такимъ усердіемъ, что фарисеи уже совершенно отчаявались въ успѣхѣ своего злоумышленія—погубить Іисуса Христа. „Видите ли“, говорили они между собою, „что нѣтъ успѣха ни въ чемъ? Весь міръ за

Нимъ идетъ (Іоан. 12, 19)!“ — Что же было причиною этого общаго народнаго усердія къ Спасителю? — Безъ сомнѣнія, *надежда, яко Сей есть хотяй избавити Израиля* (Лук. 24, 21).

И какъ было имъ, симъ людямъ, не имѣть этой надежды? — Можно утвердительно сказать, что въ этомъ несмѣтномъ множествѣ народа всѣхъ городовъ и селеній св. земли, пришедшаго въ Іерусалимъ на праздникъ, не было ни одного человѣка, который бы не былъ свидѣтелемъ божественныхъ дѣлъ сего кроткаго и милосердаго Царя Израилева, щедрою рукою повсюду изливавшаго на всѣхъ свои милости и щедроты. Весьма многіе изъ нихъ и сами, силою Христовою, получили исцѣленіе отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, освободились отъ насилія злыхъ духовъ, были чудесно насыщены, были услаждены душевно пищею слова Божія, утѣшены въ печали, разрѣшены отъ грѣховъ. Даже и тѣ изъ нихъ, которые колебались въ своихъ понятіяхъ о Христѣ, — говорили: „Когда придетъ Христосъ, неужели Онъ сотворитъ больше знаменій, нежели сколько Сей сотворилъ (Іоан. 7, 31)?“ — „Это, истинно, тотъ Пророкъ“, говорили другіе, „которому надлежало придти въ міръ“. При такомъ убѣжденіи, они, въ своихъ ожиданіяхъ, что Христосъ, для совершеннаго облагоденствованія избраннаго народа Божія, долженъ быть земнымъ властителемъ, намѣревались даже силою взять Его и сдѣлать Царемъ (Іоан. 6, 15). Правда, это ожиданіе было неосновательно, ибо царство Іисуса Христа не отъ міра сего (Іоан. 18, 36); но та общая, столь единодушно выразившаяся при настоящемъ случаѣ надежда израильтянъ, что не кто другой, какъ одинъ только Іисусъ Христосъ, яко обѣтованный отцамъ Сынъ Давидовъ и Царь Израилевъ, можетъ даровать и даруетъ всѣмъ вѣрнымъ послѣдователямъ своимъ вожделѣнный миръ

и блаженство—не временное, а вѣчное,—въ этомъ смыслѣ надежда ихъ была вполнѣ истинною, и была самою довлѣющею причиною того радостнаго восторга, съ которымъ встрѣчали Его, какъ Царя—Мессію, грядущаго для пріятія благодатнаго царства, во спасеніе людей своихъ!

Совсѣмъ не то думали, не то чувствовали *первосвященники* іудейскіе, которыхъ всѣ надежды на ожиданнаго Мессію состояли, кажется, единственно въ томъ, что Онъ еще болѣе разширитъ духовную и гражданскую власть ихъ надъ народомъ. Властолюбію ихъ и заботамъ о своихъ временныхъ выгодахъ и славѣ человѣческой, а отнюдь не о славѣ Божіей, не было границъ. Посему, усматривая и въ ученіи и въ дѣлахъ Іисуса Христа совершенно противное своимъ видамъ, они неоднократно спрашивали Его: *коею властію сія твориши* (Матѳ. 21, 23. сн. Іоан. 2, 18)? — Отвѣты Спасителя, исполненные божественнаго достоинства, нисколько не удовлетворяли ихъ самолюбію; ибо то, чего искалъ Онъ — слава Божія, — и то, къ чему стремились они, — слава человѣческая, — совершенно противоположны между собою. Итакъ, не основывая болѣе на Немъ никакихъ надеждъ, они рѣшили: *не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. 19, 14). Однако, при всей своей нравственной порчѣ, стыдясь открыто сознаться, что вражда противъ Іисуса Христа происходитъ единственно отъ ихъ преступнаго самовластія, іудейскіе властители старались прикрыть ее личиною любви къ отечеству, которому будто бы угрожала великая опасность со стороны римлянъ, если духовная власть Христова распространится въ народѣ. Какбы уступая необходимости, будто для спасенія народа отъ погибели, они рѣшились погубить Іисуса! „Лучше намъ“, говорилъ первосвященникъ Каіафа къ на-

рочно собранному для совѣщанія о семъ синедріону, — „лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, а не весь народъ погибъ (Іоан. 11, 50). „Но вотъ, нѣсколько дней спустя послѣ этого рѣшенія, они видятъ царскій входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, отъ котораго *потрясеся весь градъ, глаголя: кто есть Сей* (Матѳ. 21, 10)?— видятъ общее усердіе къ Нему народа и надежды всѣхъ на Него,—слышатъ радостныя восклицанія, выражавшія всему міру то чаяніе, что грядущее царство Сына Давидова будетъ непремѣнно мирное, славное и благоденственное; и ихъ негодованіе разгоралось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе былъ восторгъ народный.

Но, если что было всего тягостнѣе для сихъ лукавыхъ властителей іудейскихъ, такъ это хвалебныя пѣсни въ честь Спасителя въ устахъ самыхъ дѣтей.

3. Посмотримъ же, братія, и на сей ликъ богомудрыхъ *отроковъ,* встрѣчающихъ Господа и вопіющихъ: „осанна въ вышнихъ!“—Если въ ученикахъ Христовыхъ мы видимъ, по преимуществу, вѣру во Христа; въ народѣ—особенно надежду на Него; то въ этихъ дѣтяхъ видѣнъ избытокъ *любви* къ Нему,—любви, которая двигала ихъ невинными устами и тогда, какъ уже умолкли восклицанія самыхъ учениковъ и народа,—во храмѣ. И не дивно: какъ было дѣтямъ не любить Божественнаго Іисуса, который самъ такъ нѣжно любилъ дѣтей, — обнималъ ихъ и благословлялъ и, высоко оцѣнивая ихъ простоту, кротость и незлобіе, внушалъ всѣмъ, что таковыхъ есть царствіе Божіе, — что Ангелы ихъ на небесахъ выну видятъ лице Отца небеснаго,—что кто не смирится, какъ отроча, тотъ не внидетъ въ царствіе Божіе (Матѳ. 19, 14. 18, 4. 10)?—И вотъ причина, почему дѣти съ такимъ восторгомъ и съ такою любовію встрѣчали и привѣтствовали любвеобильнаго Царя израилева.

За то, какъ далеки были отъ подобныхъ чувствъ особенно тѣ *книжники,* которые, вмѣстѣ съ первосвященниками, негодовали на сихъ дѣтей! Сухія и холодныя ихъ занятія книжною мудростію, — чуждыя истиннаго любомудрія, возносящаго умы и сердца къ Богу, — кажется, изсушили ихъ сердце! Они любили толковать и о путяхъ жизни и о томъ, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ; а о томъ, чтобы идти истинно спасительнымъ путемъ и соблюдать заповѣди Господни, они и не думали. Посему-то Господь давно сказалъ ученикамъ и народу, что „если праведность ихъ не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то не войти имъ въ царствіе небесное (Матѳ. 5, 20)!“ Книжники это знали, и не любили за то Іисуса Христа. Когда глаголы вѣчной Премудрости все болѣе и болѣе касались ихъ слуха, — они, безъ сомнѣнія, чувствовали все ничтожество своихъ жалкихъ мудрованій: но, глубоко зараженные ученою гордостію, никакъ не хотѣли сознаться въ томъ, а только втайнѣ снѣдались завистію и, не менѣе фарисеевъ и первосвященниковъ, враждовали противъ Божественнаго Наставника истины, вовсе не желая, чтобы Онъ царствовалъ надъ ихъ умомъ и сердцемъ. Вотъ причина, по которой и книжники не только не сочувствовали радости всѣхъ, и особенно — добрыхъ дѣтей, при встрѣчѣ Господа, но еще испытывали чувство совершенно противоположное.

Итакъ мы видѣли, братія, что причинами той общей, единодушной радости, съ которою ученики Христовы, народъ и дѣти встрѣчали и привѣтствовали Іисуса Христа, при Его царскомъ, торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ, были — вѣра въ Него, надежда на Него и любовь къ Нему, и что, напротивъ, лжевѣріе и лицемѣріе фарисеевъ, самовластіе и себялюбивая самонадѣянность іудейскихъ первосвященниковъ, суемудріе и ученая гор-

дость книжниковъ,—совершенно отчуждали ихъ отъ святаго Господа Іисуса и, при общей радости, наводили на нихъ мрачное уныніе, возбуждали въ нихъ безсильную злобу и давали имъ чувствовать свое ничтожество. Это—двѣ стороны празднуемаго нами событія, свѣтлая и темная.

Братія христіане! кто изъ насъ, участниковъ сего великаго христіанскаго празднованія, не пожелалъ бы принадлежать къ свѣтлому лику сопровождающихъ Господа съ радостію и веселіемъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, если посмотрѣть на насъ съ внѣшней стороны и, по наружнымъ признакамъ, судить о цѣли нынѣшняго стеченія нашего въ храмъ Господень, какъ въ благодатный Іерусалимъ; то эти горящіе свѣтильники, съ которыми мы имѣемъ священный обычай предстоять здѣсь, что иное могутъ означать, какъ не наше озареніе свѣтомъ вѣры?—эти древесныя вѣтви, привѣтливые начатки развивающейся весны, что иное могутъ выражать, какъ не знаменіе нашей надежды на оживленіе свыше?—эти сладкозвучныя восклицанія хвалы и пѣснопѣній, которыми величаемъ Христа, о чемъ иномъ могутъ свидѣтельствовать, какъ не о нашей искренней любви къ Нему?

Но такъ ли, дѣйствительно, и у всѣхъ ли это такъ?

Спросимъ самихъ себя, по совѣсти: такъ ли близки къ нашему сердцу истины Христовой вѣры, какъ онѣ были близки къ сердцу первыхъ учениковъ Спасителя?—Заботимся ли мы о томъ, чтобы основательно изучать обѣтованія Божіи о Христѣ Спасителѣ, и радуется ли наше сердце при томъ убѣжденіи, что „мы нашли Мессію,—обрѣли Того, о комъ писали Моисей и Пророки?“ А радуясь сему, крѣпко ли держимся вѣры во Христа, благоговѣйно ли созерцаемъ проповѣдуемыя Евангеліемъ дѣла Христовы, и съ должнымъ ли вниманіемъ слушаемъ божественное Его ученіе? Встрѣчая же, при такомъ

такомъ направленіи нашихъ трудовъ, что-либо непонятное для себя, ищемъ ли мы вразумленія у пастырей Церкви, которыхъ Господь для сего поставилъ? Имѣемъ ли всегдашнюю готовность—съ сыновнею покорностію повѣрять свой образъ мыслей и чувствованій внушеніями св. вѣры, и остаемся ли неизмѣнными исповѣдниками ея, когда подвергаемся навѣтамъ противъ нея, кривымъ толкамъ и разнаго рода преслѣдованіямъ? Готовы ли и умереть за вѣру?—Если такъ, братія; то да возрадуется сердце наше о Господѣ! Встрѣчая Его нынѣ во святилищѣ, мы встрѣчаемъ по истинѣ, веселящеся и взывая: пріидите, возвеличимъ Христа;—а потому и Онъ возвеличитъ насъ величіемъ небеснымъ.

Но кто фарисей, — только по виду вѣрующій, а въ душѣ чуждый вѣры, и только позволяющій себѣ судить и рядить о ней, не смысля въ дѣлахъ ея ничего далѣе буквы, не прозирая въ нее глубже внѣшнихъ обрядовъ; или кто настоящій презритель Церкви Христовой, — имѣетъ непростительную дерзость даже глумиться надъ ея ученіемъ,—не вѣритъ даже очевиднымъ чудесамъ Божіей силы и Божіей премудрости, а ищетъ знаменій съ неба,—толкуетъ всѣмъ и каждому о томъ, каковы должны быть святые, будучи самъ растлѣнъ нечестіемъ:—о, тотъ пока не раскается въ своемъ фарисействѣ, напрасно встрѣчаетъ Господа; въ душѣ его не свѣтъ, а тьма,—часть его съ невѣрными!

Спросимъ себя опять, братія: тверда ли, непоколебима ли наша надежда на Господа? Дѣйствительно ли мы,—ища, по Его наставленію, не столько временныхъ, сколько вѣчныхъ благъ, не славы человѣческой, а славы Божіей, видимъ въ Немъ залогъ и временнаго нашего благополучія, и особенно—вѣчнаго нашего блаженства? Въ Немъ ли ищемъ исцѣленія душевныхъ и тѣлесныхъ

нашихъ недуговъ? Въ Немъ ли для насъ пища души и сердца, утѣшеніе въ скорби, радость и веселіе въ лучшія минуты жизни, отрада въ часъ смерти и надежда по смерти?—Если такъ, то не напрасно привѣтствовали мы его нынѣ, нося ваія, знаменія побѣды; ибо, дѣйствительно, *Сей есть хотяй избавити Израиля* отъ всѣхъ золъ.

Но кто лукавый властолюбецъ и самолюбецъ,—до того осуетился помышленіями своими, что въ своихъ заботахъ о земномъ благополучіи, забылъ о небѣ,—составляетъ разныя мечтательныя предположенія о благоустроеніи отечества, по своимъ узкимъ планамъ, и въ тоже время разрушаетъ лучшія надежды на наслѣдіе горней отчизны; кто не славу Божію, а славолюбіе, своекорыстіе и самоуправство поставляетъ настоящею цѣлію своихъ стремленій: тотъ чуждъ Іисусу Христу, и суетны его надежды. Такой вѣрно и не пришелъ нынѣ въ храмъ Господень, но гдѣ нибудь на концертѣ провелъ вчерашній вечеръ,—гдѣ нибудь за игрою прободрствовалъ,—за какимъ нибудь пустымъ чтеніемъ или столь же суетнымъ писаніемъ убилъ время; а о домѣ Божіемъ и не вспомнилъ, будто о чемъ стороннемъ! Если же пришелъ онъ сюда; то пусть знаетъ, что пока не раскается въ своихъ мечтахъ о земномъ владычествѣ, и не устремится къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ,—напрасно встрѣчаетъ Господа съ ваіями и вѣтвями: сіи ваія, или вѣтви, скоро обратятся въ рукѣ его въ ту трость, которою били по главѣ Спасителя, но которая нѣкогда, во второе и славное пришествіе Его, сокрушитъ всѣхъ нераскаянныхъ враговъ Его!

Наконецъ, спросимъ самихъ себя: съ тою ли простосердечною любовію, кротостію и незлобіемъ встрѣчаемъ мы Господа и Спасителя нашего, съ которою встрѣчали Его дѣти? Если такъ, то благо намъ: *любяй Мя,*

говоритъ Господь, *возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21); если такъ, то особенно нынѣ прилично намъ съ веселіемъ повторять пѣснь Господу: „Богъ Господь и явися намъ, составите праздникъ!“ и Господь силъ изъ младенческихъ нашихъ устъ совершитъ Себѣ хвалу.

Но кто книжникъ и совопросникъ вѣка сего,—даже воображая, что имѣетъ истинную вѣру въ Бога и надежду на Него,—не чувствуетъ любви къ Нему, такъ что и вѣра его и надежда состоятъ въ однихъ холодныхъ понятіяхъ о законѣ и о путяхъ къ вѣчной жизни; тотъ, пока не покается, напрасно станетъ вопіять Господу: „*осанна въ вышнихъ!*“ Эти восклицанія легко превратятся у него въ неистовые вопли: *распни, распни Его!* Ибо и грѣхи *второе распинаютъ Христа.* Не распинаетъ ли Его напримѣръ, тотъ, кто въ самые святые дни, когда Церковь преимущественно призываетъ всѣхъ чадъ своихъ къ общественному богослуженію, оставляетъ священныя собранія и устремляется къ шумнымъ и безчиннымъ увеселеніямъ?

Христіане! братія! предоставляя совѣсти каждаго рѣшить, такъ ли, или иначе встрѣчаемъ мы Господа нашего Іисуса Христа, не только въ сей благознаменитый день праздника нашего, но и во всей нашей жизни,—не забудемъ и о той чрезвычайно-важной и неописанно-торжественной встрѣчѣ Единороднаго отъ Отца, Судіи міра, когда, по гласу трубы Архангела, воскреснутъ всѣ мертвые изъ гробовъ, и мы, оставшіеся въ живыхъ, *восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣхъ* (1 Сол. 4, 17). *Се Женихъ грядетъ въ полунощи, исходите во срѣтеніе Ему* (Матѳ. 25, 6)! Блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща. Благословенъ грядый во имя Господа Спаса нашего! Аминь.

ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ
НА СУДѢ КАІАФЫ И ПИЛАТА.

(РАЗСУЖДЕНІЕ).

Во смиреніи Его судъ Его взятся. Ис. 53, 8.
Егда предсталъ еси Каіафѣ, Боже, и предался еси Пилату, Судіе, небесныя силы отъ страха поколебашася (Вел. пят., антиф. 12).

Безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра судъ былъ тотъ, который совершился при Понтіѣ Пилатѣ, по навѣту іудеевъ, и по преднареченію Божію, надъ самимъ Судіею живыхъ и мертвыхъ, Господомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Это одно изъ тѣхъ величайшихъ событій, о которыхъ, по настоятельному увѣщанію св. Златоуста, „мы должны читать Писаніе какъ можно чаще, и слушать со всѣмъ вниманіемъ, и начертывать на нашемъ сердцѣ.“ [1] Православная Церковь Христова и въ составѣ повседневнаго богослуженія назначаетъ намъ даже особенные часы для благочестиваго размышленія объ этомъ необычайномъ произшествіи; такъ, напримѣръ, заповѣдуетъ: „въ совершеніи перваго часа благоговѣйно да размышляемъ, какъ Спаситель нашъ въ первый часъ дня веденъ былъ отъ

[1] Злат., бес. на Матѳ. 85.

Каіафы къ Пилату, и какъ тамо всего міра Судія отъ беззаконныхъ архіереевъ оболганъ, и отъ неправеднаго судіи осужденъ былъ.“ [1]

Нѣтъ сомнѣнія, что всякій здравомыслящій человѣкъ-христіанинъ, при одномъ чтеніи простаго евангельскаго повѣствованія о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ, не можетъ не повторить, съ глубокимъ чувствомъ, того, что сказалъ св. Апостолъ: *аще быша разумѣли* виновники осужденія Іисуса Христа, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8), — не можетъ не признать, во глубинѣ души, той истины, что именно одно только крайнее нечестіе, или одно ослѣпленіе ожесточенной злобы со стороны беззаконныхъ судей, было причиною столь несправедливаго суда и осужденія, какому подверженъ былъ Господь Іисусъ. Несмотря на то, и беззаконные судьи, побуждаемые неотразимою силою нравственнаго закона, начертаннаго Богомъ на скрижаляхъ нашего сердца, усиливались всѣми возможными мѣрами — придать своимъ дѣйствіямъ видъ законности: *мы законъ имамы,* вопіяли они, *и по закону нашему долженъ есть умрети* (Іоан. 19, 7). Но имѣли ли въ самомъ дѣлѣ іудеи законное основаніе осудить Іисуса Христа на смерть, и выдерживало ли это чрезвычайное событіе форму законности даже въ судебномъ отношеніи? Вотъ вопросъ, представляющійся намъ весьма интереснымъ и стоющій подробнаго изслѣдованія.

По іудейскимъ законоположеніямъ [2], прежде чѣмъ поступало на разсмотрѣніе извѣстное уголовное дѣло, именно тотчасъ по внесеніи доноса на кого нибудь, требовалось

---

[1] Учит. извѣстіе въ концѣ служебника. [2] Въ краткомъ очеркѣ „уголовнаго законодательства іудейскаго“ мы будемъ въ точности слѣдовать одному изъ современныхъ намъ ученыхъ іудеевъ, коего изслѣдованіямъ „о постановленіяхъ Моисеевыхъ (des institutiones de Moise, Demonstr. Evang. 1. XVI, p. 734.

предварительное изслѣдованіе и строгая разборчивость *касательно свидѣтелей.* Въ свидѣтели отнюдь не принимались ни люди непользовавшіеся хорошимъ мнѣніемъ, ни узники, ни вообще слабые, имѣвшіе недостатокъ въ физическихъ ли то, или нравственныхъ способностяхъ.[1] Доносъ одного лица, какою бы оно ни пользовалось извѣстностію, не могъ имѣть рѣшительной силы: для подтвержденія какого нибудь дѣла, требовалось по крайней мѣрѣ два или три свидѣтеля (Втор. 19, 15—20. Числ. 35, 12—24 и проч.). Каждый свидѣтель, доносившій на кого нибудь, долженъ былъ на судилищѣ подтвердить клятвою, что говоритъ правду. Затѣмъ, по совѣщаніи судей, немедленно учреждались изысканія касательно честности свидѣтеля. Судьи тщательно справлялись о немъ, и если оказывалось, что этотъ человѣкъ есть свидѣтель *ложный,* то его подвергали тому самому наказанію, которое готовилъ онъ своему ближнему.

До окончанія предварительныхъ справокъ предоставлялась обвиняемому *свобода отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ;* и хотя онъ могъ быть задержанъ, взятъ подъ-присмотръ, но никто не смѣлъ ему дѣлать никакихъ оскорбленій. Особенно же, *обвиняемое лицо не могло быть подвергнуто,* прежде законаго суда, *никакому частному, тайному,* тѣмъ болѣе коварному допросу, изъ опасенія, „чтобы невинный, въ смятеніи ума, не поднялъ оружія противъ самого себя[2],“ т. е., чтобы, по одному замѣшательству,

---

Salvador, op. cit. lib. IV, ch. Administration de la justice), — гдѣ онъ пользовался какъ законами собственно Моисея, такъ и достовѣрными древними раввинскими преданіями, — приписываютъ высокое значеніе даже извѣстнѣйшіе законовѣдцы Европы. А для насъ они тѣмъ важнѣе, что можемъ воспользоваться ими, какъ орудіемъ противника вѣры Христовой, для его же пораженія.

[1] Потому въ свидѣтели не принимали ни *женщины,* такъ какъ въ ней не предполагалось столько смѣлости, чтобы она рѣшилась, по закону, нанесть 1-й ударъ осужденному, ни *дѣтей,* которыя не могли подлежать строгой отвѣтственности.

[2] Mischna, t. IV de Sanhear. Cap. IV, § 2. it. Bartenora, Maimonides, Coccejus: de poenis.

не высказалъ чего нибудь такого, что послужило бы къ его вреду. Уже одно такое „предвареніе“ суда, конечно, много говоритъ въ пользу уголовнаго іудейскаго законодательства. Тѣмъ болѣе открывается его достоинство и человѣколюбіе *въ самомъ судопроизводствѣ.*

Въ день суда, происходившаго въ собраніи народа, приставники представляли обвиняемаго въ судилище. У ногъ старѣйшинъ сидѣли люди, которые, подъ именемъ слушателей, слѣдили съ точностію за засѣданіями совѣта. Когда оканчивалось чтеніе статей судебнаго дѣла, призываемы были поочередно свидѣтели. Предсѣдатель тотчасъ приступалъ *къ увѣщанію* этихъ свидѣтелей, и къ каждому изъ нихъ обращалъ такую рѣчь: „не о догадкахъ, не о слухахъ, дошедшихъ до тебя отъ народной молвы — спрашиваемъ мы тебя.... Подумай, какая великая отвѣтственность падаетъ на тебя; подумай, что это дѣло не такого рода, какъ денежные разсчеты, въ которыхъ можно еще исправить вредъ! Если ты заставишь несправедливо осудить обвиняемаго; то падетъ на тебя не только кровь его, но и кровь всего его потомства. Богъ потребуетъ у тебя отчета, какъ потребовалъ отчета у Каина, за кровь Авеля. Говори![1]“ Затѣмъ свидѣтели должны были изложить свои *показанія, со всею точностію.* Указавъ, то ли это лице, обвиняемое, которое предстоитъ на судѣ, они должны были подробно выставить мѣсяцъ, день, часъ и всѣ вообще обстоятельства преступленія.

По разсмотрѣніи доводовъ ихъ, открывались *публичныя пренія* о виновности или невиновности подсудимаго. Въ этихъ преніяхъ имѣлъ право участвовать рѣшительно всякій іудей. „Judicare et judicari“ — судить и быть судимымъ — принадлежало всякому іудею; въ этихъ двухъ

[1] Mischna, loco citat. Cap. IV, § 4.

словахъ, по увѣренію Сальвадора, выражается весь духъ іудейскаго уголовнаго права; онѣ указываютъ на то, что всякій іудейскій гражданинъ могъ быть судимъ не только верховнымъ судилищемъ, но и всѣми и каждымъ, а безъ суда общаго и всенароднаго нельзя было осудить никого. Это право основывалось, главнымъ образомъ, на томъ, что „законъ“ былъ въ рукахъ каждаго, законъ одинъ — это слово Божіе, которымъ пользоваться имѣлъ право всякій. Впрочемъ, на судилищѣ, прежде всего высказывали свои мнѣнія судьи, и притомъ сперва тѣ изъ нихъ, которые усматривали въ подсудимомъ невинность. Имъ-то, *защитникамъ обвиняемаго*, предоставлено было *преимущество* — подавать первый голосъ, и со всею свободою излагать свои убѣжденія. А тѣ, которые находили обвиняемаго виновнымъ, говорили послѣ, и всегда должны были говорить съ величайшею, *всевозможною умѣренностію*. Кто изъ слушателей изъявлялъ желаніе—отъ своего ли имени, или отъ имени обвиняемаго, представить что нибудь въ защиту его невинности, того тотчасъ допускали на каѳедру, съ которой онъ и говорилъ рѣчь судьямъ и народу. Но слово такого оратора обыкновенно не имѣло никакой силы и не находило сочувствія, если клонилось къ осужденію обвиняемаго.

Если самъ *обвиняемый* хотѣлъ говорить, то ему давалась полная *свобода защищаться* въ взносимомъ на него преступленіи, и собственное его оправданіе долженствовало быть выслушано съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; *собственное же признаніе* подсудимаго въ винѣ, безъ посторонняго свидѣтельства, признаваемо было совсѣмъ *недѣйствительнымъ*. „Основаніе такого положенія,“ говорили раввины, „мы находимъ въ томъ, что никто, съ надлежащимъ сознаніемъ, не рѣшится взнесть бѣду на самого себя. Если кто обвиняетъ себя судебнымъ поряд-

комъ, то ему не должно вѣрить, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока собственное его признаніе не подтвердится двумя свидѣтелями.[1]“

По окончаніи публичныхъ преній о судебномъ дѣлѣ, одинъ изъ судей кратко повторялъ все, и присутствующіе всѣ выходили. Два книжника записывали голоса; одинъ тѣ, которые были въ защиту, другой тѣ, которые клонились къ обвиненію, Изъ 23-хъ довольно было для оправданія 11-ти, а 13-ть нужно было для осужденія, т. е. *для осужденія требовалось больше голосовъ.*[2]

Если достаточное количество голосовъ признавало подсудимаго невиннымъ, то его тотчасъ освобождали. Если же общій голосъ присуждалъ его къ наказанію, то исполненіе приговора, или лучше, *окончательный приговоръ* всегда надлежало откладывать, по крайней мѣрѣ *до третьяго дня.* Посему и судьи, до третьяго же дня, оставались при своихъ мнѣніяхъ. Въ теченіе всего этого времени, отъ начала судопроизводства до окончательнаго приговора, судьи обязывались заниматься однимъ только судебнымъ дѣломъ; въ тоже время строго предписывалось имъ особенное воздержаніе отъ всякаго пресыщенія, отъ вина, сластей и отъ всего того, что могло бы ихъ сдѣлать неспособными къ размышленію, или возбуждало бы въ нихъ страсти. Утромъ, на третій день (отнюдь *не ночью, и не въ праздникъ, подъ опасеніемъ недѣйствительности приговора, даже произнесеннаго общимъ голосомъ*[3]), судьи возвращались въ судилище. „Я стою твердо въ своемъ мнѣніи и — осуждаю“, говорилъ тотъ, кто не перемѣнялъ своего мнѣнія насчетъ виновности подсудимаго. Но тотъ,

---

[1] Mischna de Sanhendr. cap. IV, § 2. [2] Если какіе нибудь судьи объявляли, что они недовольны рѣшеніемъ дѣла, то къ судейскому совѣту присоединяли еще двухъ другихъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не составлялся совѣтъ изъ 72 лицъ; члены его, въ такомъ случаѣ, составляли великій совѣтъ, или синедріонъ. [3] V. Prost. de Royer, t. II. pag. 205, au mot: accusation, p. 85.

кто осудилъ его въ первый разъ, могъ теперь оправдать; а кто оправдалъ однажды, уже не могъ осуждать. Если и на этотъ разъ большинство голосовъ осуждало, то приговоръ утверждался окончательно, и тутъ же приступали къ выполненію его.

Въ самомъ выполненіи судебнаго приговора все еще изыскивали, не откроется ли чего въ пользу подсудимаго. Съ этою именно цѣлію, — когда осужденнаго вели уже на мѣсто казни, его сопровождали двое судей, чтобы употребить въ его пользу все, что бы ни открылось, на пути, къ его оправданію. Старѣйшины же не сходили съ своихъ сѣдалищъ. Они при входѣ въ судилище ставили надзирателя, который держалъ въ рукѣ знамя; другой слѣдовалъ на конѣ за осужденнымъ, и постоянно обращалъ взоры туда, откуда веденъ былъ онъ. Если случалось, что кто нибудь въ это время вдругъ приходилъ въ судилище представить новыя доказательства невинности осужденнаго, то первый надзиратель потрясалъ своимъ знаменемъ, а второй, лишь только замѣчалъ это, тотчасъ приводилъ осужденнаго обратно. Такимъ образомъ, всякое новое, благопріятное свидѣтельство о невинности осужденнаго должно было остановить выполненіе судебнаго приговора. Равнымъ образомъ, когда и самъ *осужденный,* котораго вели уже на казнь, объявлялъ сопровождавшимъ его судьямъ, что припомнилъ нѣчто въ свое оправданіе, что ускользнуло было изъ его памяти; то онъ *имѣлъ право, для оправданія себя, возвращаться въ судилище до пяти разъ.*

Если же не встрѣчалось тогда подобнаго затрудненія: то поѣздъ медленно подвигался впередъ, въ присутствіи глашатая (герольда), который, *при всенародномъ провозглашеніи вины осужденнаго, дѣлалъ вызовъ къ его защищенію,* и обращался къ народу съ слѣдующими сло-

вами: „этотъ человѣкъ (называлъ его по имени) ведется на казнь за такое-то преступленіе; свидѣтели, которые сдѣлали доносъ на него, такіе и такіе. Кто можетъ представить въ его пользу какія нибудь свѣдѣнія, пусть представитъ поскорѣе". Въ силу этого-то постановленія, замѣчаетъ Сальвадоръ, юный Даніилъ заставилъ возвратиться свиту, сопровождавшую на казнь Сусанну, и взошелъ на „сѣдалище правосудія", чтобы предложить свидѣтелямъ новые вопросы (Дан. 13, 45—62).

На нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста казни, *осужденнаго увѣщавали сознаться въ преступленіи;* и одинъ изъ судей, получивъ это признаніе, обращался къ осужденному съ такою рѣчью: „что же ты смущалъ насъ? Да смутитъ тебя Богъ въ сей день, чтобы ты потерпѣлъ смятеніе въ сей день, но не въ будущій вѣкъ". Затѣмъ давали ему выпить опьяняющаго напитка, чтобы близость смерти казалась ему не такъ ужасною. Свидѣтели, какъ первые виновники приговора, должны были нанесть осужденному и первые удары, чтобы придать послѣднюю степень достовѣрности истинѣ своего паказанія. Симъ объясняется значеніе словъ Іисуса Христа: „кто изъ васъ безъ грѣха, тутъ пусть первый броситъ камень" (Іоан. 8, 7).

Нельзя не согласиться, что изложенные уголовные іудейскіе законы, дѣйствительно, весьма человѣколюбивы. Но очевидно, что тѣмъ-то безчеловѣчнѣе тѣ люди, которые, имѣя законы столь человѣколюбивые, даже въ отношеніи къ величайшимъ преступникамъ, осудили на самую жестокую смерть *Праведнаго.*

При разсмотрѣніи „суда надъ Іисусомъ Христомъ", величайшая беззаконность этого суда открывается уже— *изъ самыхъ предварительныхъ его дѣйствій.* Что, въ са-

момъ дѣлѣ, непосредственно предшествовало суду надъ Спасителемъ?

Злоумышленный навѣтъ — будущихъ судей. Синедріонъ судебныя свои дѣйствія противъ Іисуса Христа предначинаетъ тѣмъ, что сначала производитъ судъ предварительный — совѣщавается о взятіи Его подъ стражу! И изъ сказанія св. Евангелистовъ, Іоанна (11, 53—54) и Матѳея (26, 4—5), можно видѣть очень ясно, что это совѣщаніе синедріона отнюдь не было благонамѣренною предосторожностію, чтобъ не начинать судебнаго дѣла надъ лицемъ невиннымъ; а было не что иное, какъ самый коварный умыселъ людей, пылавшихъ завистію и злобою противъ Господа Іисуса Христа. Только зависть собрала этотъ сонмъ лукавнующихъ, и только злоба произнесла въ немъ убійственный приговоръ, еще прежде суда. Господь совершилъ величайшее чудо—воскресилъ четвородневнаго Лазаря,—и многіе изъ іудеевъ-очевидцевъ этого событія увѣровали въ Божественнаго Чудотворца: вотъ по какому особенному случаю первосвященники и фарисеи, съ ихъ клевретами, завидуя Христовой славѣ, собрали тотъ совѣтъ, котораго характеръ тотчасъ обнаружился самъ собою. *Что сотворимъ,* разсуждали они между собою. *яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ? Аще оставимъ Его тако, вси увѣруютъ въ Него* (Іоан. 11, 45—48). Эти слова ясно выражали ихъ опасеніе, чтобы при столь необычайныхъ знаменіяхъ Іисуса Христа, Его святѣйшая нравственность, Его дивное ученіе, не взяли перевѣсъ въ народѣ надъ извращенными ихъ нравами, надъ превратнымъ ихъ ученіемъ. Опасеніе очевидно; но гдѣ судъ и правда?—*Единъ же нѣкто отъ нихъ, Каіафа, архіерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣсте ничесоже; ни помышляете, яко уне* (лучше) *есть намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ*

(народъ) *погибнетъ*. Умереть одному за всѣхъ хорошо, только было бы сообразно съ закономъ правды. Не разбирая однакожь этого, они *отъ того дне совѣщаша, да убіютъ Его* (Іисуса Христа. Ст. 53). Изъ такого хода дѣла открывается, что самое совѣщаніе для того только и происходило, чтобы вмѣстѣ всѣмъ придумать средство, какъ бы взять Іисуса хитростію и убить Его: *и совѣщаша,* говоритъ св. Евангелистъ Матѳей, *да Іисуса лестію имутъ, и убіютъ* (Матѳ. 26, 4). Чтожь это, какъ не злоумышленный навѣтъ?

Такого беззаконнаго совѣщанія вполнѣ достойны и тѣ средства, какія придуманы на немъ, чтобы предать Господа Іисуса осужденію на смерть. Это коварные *прогиски* и безчестный *подкупъ*. *И наблюдше*—первосвященники и книжники, засѣдавшіе въ верховномъ судилищѣ іудейскомъ, *послаша навѣтниковъ, притворяющихъ себе праведники быти: да имутъ Его,* Іисуса, *въ словеси, во еже предати Его* (еслибъ изъ Его устъ послышалось хоть одно слово противъ правительства) *началъству и власти игемонові* (Лук. 20, 20). Это коварное дѣйствіе враговъ Спасителя, совершенно неудавшееся имъ, потому что отвѣты Божественнаго Наставника истины на ихъ лукавые вопросы только привели ихъ въ изумленіе и безмолвіе (ст. 21 — 45), очевидно, изобличаетъ само себя, — изобличаетъ столь же открыто, какъ и то низкое предательство, которое первосвященники — члены синедріона, купили тридцатью сребренниками, рѣшась на *подкупъ* Іуды, одного изъ учениковъ Христовыхъ (Матѳ. 26, 14 — 15). Вотъ предатель, около полуночи, становится въ главѣ неистовой толпы рабовъ, предводимой нѣсколькими первосвященниками, и *лобзаніемъ предаетъ Сына человѣческаго* (Лук. 22, 48). Къ такимъ ли средствамъ надлежало прибѣгать винов-

никамъ осужденія Іисуса Христа, если бы дѣйствительно судебнымъ порядкомъ опредѣлено было взять Его подъ стражу?“

Самое это взятіе, насильственное, самоуправное, было не что иное, какъ разбойническое *нападеніе*, сопровождавшееся *жестокостію и противленіемъ закону*. На мирнаго Учителя Израилева, въ глубокую полночь, въ часъ пламенной Его молитвы, внезапно, будто на разбойника нападаетъ буйная вооруженная толпа (Лук. 22, 52)! Господь добровольно отдалъ Себя въ ихъ руки, хотя и одного слова Его: *Азъ есмь*, достаточно было для повержения ихъ на землю (Іоан. 18, 8). Онъ не только не сопротивлялся лично Самъ, но останавливалъ и сопротивленіе своихъ учениковъ (ст. 11). Несмотря на то, Господа Іисуса *связали*, будто злодѣя! Въ настоящемъ случаѣ, это не только притѣсненіе обвиняемаго, но и жестокость, тѣмъ болѣе преступная, что въ ней не настояло никакой необходимости, такъ какъ вовсе нечего было опасаться одного, беззащитнаго, среди многочисленной, вооруженной толпы! Неистовые влекутъ Господа Іисуса, будто преступника, по стогнамъ облагодѣтельствованнаго Имъ города, и приводятъ ли, по крайней мѣрѣ, прямо въ настоящее, верховное судилище? Нѣтъ, приводятъ сперва въ частный домъ, *къ Аннѣ*, потому лишь, что этотъ человѣкъ былъ тесть правящаго первосвященника: *бѣ бо тесть Каіафѣ, иже бѣ архіерей лѣту тому* (Іоан. 15, 13). „Для чего же къ Аннѣ?“ вопрошаетъ св. Златоустъ, и отвѣтствуетъ: „они радостно величались своимъ успѣхомъ, какбы воздвигнувъ знамя побѣды.“ [2] и поспѣшили показать его одному изъ участниковъ навѣта. Если бы іудеи для того только и приводили Іисуса къ Аннѣ, чтобы Анна видѣлъ Его, удо-

[1] Бес. на Іоан. 83.

влетворилъ непозволительному любопытству, то и тогда уже это дѣйствіе было бы непростительно и противозаконно, какъ явное притѣсненіе обвиняемаго. Но, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, нельзя сомнѣваться, что это сдѣлано было не безъ особенной цѣли— именно, съ тѣмъ, не удастся ли Аннѣ, въ ненамѣренномъ будто бы разспросѣ, выпытать у Господа Іисуса что нибудь такое, чѣмъ бы впослѣдствіи можно было воспользоваться на самомъ судѣ. А мы видѣли, что подобныя — частныя, предварительныя истязанія обвиняемаго строго *запрещались закономъ*. Да и всякое изъ этихъ „предварительныхъ“ дѣйствій виновниковъ осужденія Іисуса Христ, очевидное дѣло, совершено не по закону, а прямо противозаконно. Такъ, законъ предписывалъ строгую разборчивость на счетъ свидѣтелей-доносчиковъ и предварительныя изысканія о ихъ честности, съ тою, разумѣется, цѣлію, чтобы не было у нихъ злонамѣренности; а здѣсь, напротивъ, будущими судьями даже предуготовляются свидѣтели злонамѣренные, подсылаются такіе люди, которые своими происками уловили бы Іисуса Христа въ словѣ, — и подкупается предатель!.. Законъ предписывалъ свободу обвиняемому отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ — до времени суда; а здѣсь сколько насилія, сколько притѣсненій, сколько жестокости въ отношеніи къ обвиняемому еще до начала судопроизводства!..

Изъ дома Анны повели Господа Іисуса, все связаннымъ, къ первосвященнику Каіафѣ; здѣсь, въ глубокую ночь, были уже собраны члены синедріона, и тогда же началось „судопроизводство“. Возможно ли было тутъ ожидать какой либо законности, когда дѣло открылось злобою, навѣтами, подкупомъ, разбойническимъ нападеніемъ, жестокостію, противозаконностію?

Дѣйствительно, *самое судопроизводство* надъ Іисусомъ Христомъ, *предъ Каіафою,* было не что иное, какъ непрерывный *рядъ дѣйствій* самыхъ *противозаконныхъ,* которыя только прикрываемы были, сколько возможно, *личиною законности.* Такъ на судъ собрались всѣ члены синедріона, всѣ верховные блюстители іудейскаго правосудія: это, конечно, придавало ихъ суду видъ законности. Но *когда* собрались? Въ такое *время,* которое въ судебномъ отношеніи было совершенно *противозаконно:* собрались *ночью, въ навечеріе торжественнѣйшаго* изъ всѣхъ праздника, въ который надлежало вкусить пасхальнаго агнца. Ночью могли производить судъ только злоумышленники, и понятно, что лишь ночью, во тьмѣ, этимъ злоумышленникамъ удобно было совершить дѣло тьмы—свой беззаконный судъ.... И притомъ, преступное свое судопроизводство совершаютъ они съ поспѣшностію и торопливостію,—чтобы не захватить праздника—не изъ уваженія къ самому празднику, но *да не молва будетъ въ людехъ* (Матѳ. 26, 5). Другой причины этого нельзя и представить: „терзаемые завистію и яростію противъ Іисуса Христа, и, часто покушаясь на смерть Его, они долго не могли достигнуть преступной своей цѣли; по этому теперь, взявъ Его неожиданно, всячески торопились исполнить кровавое свое намѣреніе.“ [1] „Тогда, какъ начинался праздникъ“, говоритъ св. Левъ, „люди, долженствовавшіе заняться украшеніемъ храма, очищеніемъ сосудовъ, приготовленіемъ жертвъ, и прилагать священническое стараніе о законныхъ омовеніяхъ,—воспламенившись ненавистію, все время тратятъ на одно дѣло,—съ одинаковымъ ожесточеніемъ сговариваются на злой умыселъ.“ [2]

[1] Златоуст., бес. на Матѳ. 84. [2] Избр. разм. на страд. Господ. — Хр. чт. 1845 г. Ч. II.

Начинается допросъ. Кто же допрашиваетъ Господа Іисуса,—кто главный Его *судья?*—Каіафа, тотъ самый, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ, на предварительномъ совѣщаніи, явился обвинителемъ Его [1]. и еще до суда, изрекъ Ему приговоръ: *бѣ же Каіафа давый совѣтъ іудеомъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди* (Іоан. 18, 14). Но гдѣ видано, чтобы *обвинитель,* и притомъ столь сильно предубѣжденный противъ обвиняемаго, могъ быть *судьею?* Возможно ли было ожидать отъ него хотя малѣйшаго безпристрастія на судѣ? Судъ его показалъ это немедленно.

Какое *лукавство* въ самомъ первомъ *вопросѣ! Архіерей же вопроси Іисуса о ученицѣхъ Его, и о ученіи Его* (Іоан. 18, 19). Какбы зная о преступленіяхъ подсудимаго по однимъ доносамъ, Каіафа предлагаетъ Ему, всенародному Учителю, самый общій вопросъ *объ ученіи Его,* будто бы, то есть, ученіе Христово до того времени было ему совершенно неизвѣстно, не смотря на то, что онъ, какъ верховный первосвященникъ, *долженъ былъ тщательно наблюдать* за всякими религіозными нововведеніями! Затѣмъ, скажемъ словами св. Златоуста: „какбы не надѣясь, найти преступленія въ Немъ самомъ, онъ тутъ же вопрошаетъ *и объ ученикахъ Его,* т. е., гдѣ они, для чего и съ какимъ намѣреніемъ собраны? Все это говорилъ онъ, безъ сомнѣнія, съ тою цѣлію, чтобы обличить Его, какъ возмутителя и мятежника, будто бы, то есть, никто другой не вѣровалъ ученію Его, кромѣ учениковъ!“ [2] Господь не умедлилъ обнаружить лукавство судьи прямымъ указаніемъ на то, что Его ученіе было всенародное, общественное, — что о немъ лучше спросить (если уже спрашивать) слышав-

[1] Съ этимъ согласенъ и Сальвадоръ: Caïphe, говоритъ онъ, se constitue son accusateur. pag. 85. [2] Бес. на Іоан. 83.

шихъ — изъ которыхъ иные находились даже въ беззаконномъ судилищѣ: „вотъ они знаютъ!“ *Отвѣща Іисусъ: Азъ не обинуяся глаголахъ міру: Азъ всегда учахъ на сонмищихъ и въ церкви, идѣже всегда іудее снемлются, и тай не глаголахъ ничесоже.* [1] *Что Мя вопрошаеши? вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сіи вѣдятъ, яже рѣхъ Азъ* (Іоан. 18, 20. 21), присовокупилъ Господь, какбы указывая на самихъ окружавшихъ Его, враговъ,— „что тебѣ спрашивать Меня объ этомъ? Спрашивай навѣтниковъ, пусть они говорятъ. Ибо это-то и есть самое несомнѣнное свидѣтельство истины, когда кто призываетъ въ свидѣтели даже и враговъ.“ [2] Что же было отвѣтомъ на такое вѣщаніе Правды? О, „убойся небо, ужаснись земля!“ воскликнемъ съ учителемъ вселенскимъ.

Рабъ заграждаетъ уста Господу Іисусу — *ударѣніемъ въ ланиту! Сія же рекшу Ему* (Христу), *единъ отъ предстоящихъ слугъ удари въ ланиту Іисуса, рекъ: тако ли твѣщаваеши архіереови* (Іоан. 18, 22)? Чѣмъ оправдать— не говоримъ, раба, но самое судилище—въ этомъ крайнемъ оскорбленіи подсудимаго въ присутствіи всего синедріона? Эта наглая жестокость была конечно личнымъ беззаконіемъ того, кто ударилъ Іисуса: но если она произошла въ присутствіи и предъ глазами всего Совѣта, и если никто изъ присутствовавшихъ, даже предсѣдатель его — первосвященникъ, не удерживалъ дерзкаго раба, то очевидно, и всѣ присутствовавшіе, и особенно самъ предсѣдатель судилища, сдѣлались участниками въ столь жестокомъ, противозаконномъ поступкѣ, — тѣмъ болѣе,

[1] Св. Златоустъ говоритъ, что если Христосъ и говорилъ нѣчто сокровенное, то говорилъ однакоже не изъ боязни, и не для возмущенія, какъ представляли іудеи, а потому, что нѣкоторыя слова Его превосходили понятія многихъ (Бес. на Іоан. 83, 3). И бл. Августинъ на то же указываетъ, говоря, что ученіе, которое Христосъ сообщалъ ученикамъ наединѣ, имѣло быть, по заповѣди самого Господа, проповѣдано всему міру. (S. August. in Johan. Tr. 113, n. 3). [2] Злат. въ указ. мѣстѣ.

что эта наглость низкаго раба имѣла предлогомъ своимъ вступиться за достоинство судьи-первосвященника, будтобы оскорбленное отвѣтомъ Господа. „Видишь ли судилище, исполненное возмущенія и смятенія, ярости и безчинія? Архіерей вопросилъ пронырливымъ и лукавымъ образомъ; Христосъ отвѣчалъ прямо, и какъ подобало. Что же слѣдовало? Надлежало или обличить или похвалить сказанное; но дѣлается напротивъ, и рабъ Его заушаетъ.“ [1] Размышляя, кто и отъ кого претерпѣлъ ударѐніе въ ланиту,—„обыкновенный человѣкъ“, по словамъ блаж. Августина, „готовъ былъ бы истребить безбожнаго оскорбителя огнемъ небеснымъ, или собрать на его главу всѣ муки ада.“ [2] Но кротчайшій Господь Іисусъ, „хотя“, дѣйствительно, „могъ все потрясти, погубить, уничтожить, ничего такого не сотворилъ“; и въ отвѣтъ на звѣрскій поступокъ, „вѣщаетъ глаголы, могшіе укротить всякое звѣрство.“ [3] *Отвѣща ему Іисусъ: аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ* (докажи, что это худо): *аще ли добрѣ, что Мя біеши* (Іоан. 18, 23)?

Указаніе Господа Іисуса на необходимость *свидѣтельства о злѣ*—то есть улики обвиняемаго, естественно должно было представиться судьямъ требованіемъ неотразимымъ, тѣмъ болѣе, что „этотъ сонмъ губителей“ и самъ по себѣ всячески старался придать своимъ дѣйствіямъ видъ законный“ [1]. Теперь только вспомнили о по-

---

[1] Злат., тамъ же [2] S. August. Tract. in Joh. 113. [3] Св. Злат., бес. на Іоан. 83. [4] Ср. Дѣян. 23, 3. Какъ согласить отвѣтъ Спасителя, въ настоящемъ случаѣ, съ Его собственною заповѣдію: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. 5, 39)? – По мудрому изъясненію бл. Августина, Іисусъ Христосъ явился здѣсь не только исполнителемъ своей заповѣди объ обращеніи съ оскорбителями, ударяющими въ ланиту, – ибо Онъ имѣлъ въ то время совершенную готовность не одну ланиту, а все тѣло предать на ужаснѣйшія мученія, — но еще болѣе – *истолкователемъ* преподанныхъ Имъ уроковъ терпѣнія, вразумляя насъ своимъ правдивымъ и исполненнымъ кротости отвѣтомъ, что отъ насъ требуется, главнымъ образомъ, внутреннее мирное расположеніе сердца, а не

требности свидѣтельства, тогда какъ, по закону, слѣдовало бы и открыть судопроизводство — увѣщаніемъ свидѣтелей. Но что? и теперь свидѣтелей не было! И вотъ весь великій синедріонъ, начиная отъ верховнаго первосвященника, до послѣдняго изъ членовъ, всѣ стали *искать свидѣтелей* противъ Іисуса, тогда какъ, по закону, имъ надлежало бы дѣлать изысканія даже и касательно готовыхъ уже свидѣтелей... *Архіерее же и старцы и сонмъ весь искаху лжесвидѣтельства на Іисуса, яко да убіютъ Его* (Матѳ. 26, 59). Искали, и не находили, — не находили особенно такихъ, которыхъ показанія были бы сколько нибудь достаточны для осужденія Господа на смерть: *искаху... и не обрѣтаху: и многимъ лжесвидѣтелемъ приступльшымъ, не обрѣтоша* (ст. 60). *Мнози бо лжесвидѣтельствоваху на Него, и равна свидѣтельства не бяху* (Марк. 14, 56), то есть, „свидѣтельства не были достаточны.“ Нашлось, наконецъ, два и такихъ свидѣтеля, которыхъ обвиненія, повидимому, имѣли нѣкоторую важность: *послѣжде же, приступившіе два лжесвидѣтеля, рѣша: сей рече: могу разорити церковь Божію, и тремі денми создати ю* (Матѳ. 26, 61). *Яко мы слышахомъ Его глаголюща, яко Азъ разорю церковь сію рукотворенную, и тремі денми ину, нерукотворену созижду* (Марк. 14, 58). Но на самомъ дѣлѣ, и эти новые свидѣтели были лжесвидѣтелями, такъ какъ они злонамѣренно извратили не только слова, но и самый смыслъ тѣхъ словъ, которыя нѣкогда были сказаны Спасителемъ о храмѣ тѣла своего.[1] При-

одно показаніе тѣлеснаго терпѣнія. „Очень можетъ быть“, замѣчаетъ блаж. Августинъ, „что кто либо въ гнѣвѣ даже наружно и поступитъ по заповѣди Господа, но не исполнитъ ея въ сердцѣ, предъ Судіею сердецъ человѣческихъ, Богомъ.“ (S. Aug. Tr. in Joh. 113, n. 4). Краткое слово Спасителя показываетъ, какъ мирно было Его сердце въ сіи тяжкія минуты. Итакъ, не есть ли это самый высокій образецъ кротости, какую соблюдать должно при оскорбленіяхъ?

[1] Злат., бес. на Матѳ. 84. [2] „Онъ говорилъ“, разсуждаетъ св. Златоустъ — „не *разрушу*“ (утвердительно, и какбы съ нѣкоторою угрозою), но *разрушитъ*

томъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ свидѣтельствъ, сами судьи увидѣли *недостаточность ихъ: и ни тако равно бѣ свидѣтельство ихъ* (Марк. 14, 56). („Если бы Онъ," замѣчаетъ св. Златоустъ, „и говорилъ, что въ три дня воздвигнетъ церковь, то что это за обвиненіе?")[1]. Итакъ надлежало искать новыхъ свидѣтелей. Но гдѣ было взять ихъ?

Что жь? Каіафа — судья криводушный — сталъ отъ подсудимаго настоятельно *требовать отвѣта* и оправданія *на показанія, явно ложныя,* — на такія свидѣтельства, которыя даже въ очахъ самихъ беззаконныхъ судей были *недостаточны*... Вставъ съ своего сѣдалища и ставъ посреди совѣта, онъ вопросилъ Господа Іисуса: „что же Ты не отвѣчаешь ничего?" *И востав архіерей посредѣ, вопроси Іисуса, глаголя: не отвѣщаваеши ли ничесоже? Что сіи на Тя свидѣтельствуютъ? Онъ же,* Іисусъ, *молчаше, и ничтоже отвѣщаваше* (Марк. 14, 60. 61). „Отвѣтъ былъ безполезенъ, когда никто не слушалъ" правды, „и тогда уже довольно ясно было, что судъ ихъ," по выраженію Златоуста, „имѣлъ только наружный видъ суда; въ самомъ же дѣлѣ былъ не что иное, какъ нападеніе разбойниковъ, которые бросаются на проходящихъ изъ своего вертепа. Поэтому Христосъ и молчалъ."[2] Итакъ, очевидно, что молчаніе въ настоящемъ случаѣ было наилучшимъ отвѣтомъ. Однакожь, для Каіафы, который, безъ сомнѣнія, „желалъ слышать защищеніе отъ самого обвиняемаго, чтобы чрезъ это уловить Его[3]," молчаніе Іисуса Христа было нестерпимо до крайности. Къ какому же средству прибѣгаетъ беззаконный судья, чтобы

(условно), и притомъ говорилъ не о церкви, а о собственномъ тѣлѣ" (Бесѣд. на Матѳ. 84). Подобнымъ образомъ разсуждаютъ: Іеронимъ, Ѳеофилактъ, Евѳимій. Ср. Матѳ. и Марк. съ Іоан. 2, 19 — 21.

[1] Бес. на Матѳ. 84. [2] Тамъ же. [3] Тамъ же.

вынудить у Господа благопріятное свидѣтельство о Себѣ самомъ?

Онъ прибѣгаетъ къ *коварному допросу подъ клятвою*, заклинаетъ Господа Іисуса Богомъ живымъ, сказать, Христосъ ли Онъ, Сынъ Божій. *Архіерей рече Ему: заклинаю Тя Богомъ живымъ, да речеши намъ, аще Ты еси Христосъ Сынъ Божій* (Матѳ. 26, 63)? На слова первосвященника: „заклинаю Тебя“ — непремѣнно должно было дать отвѣтъ, немедля, какъ предъ Богомъ, и отвѣтъ по „сущей правдѣ.“ Такое заклинаніе у Каіафы заключало въ себѣ не только насиліе, но и коварство; ибо оно употреблено было злонамѣренно, судя потому, какъ выслушанъ отвѣтъ Господа, вытребованный клятвою. При имени Бога живаго, — хотя это высокое имя недостойнымъ Его служителемъ явно употреблено было во зло, Господь Іисусъ открылъ уста свои, и далъ отвѣтъ утвердительный, что Онъ точно Христосъ. *Глаголя ему Іисусъ: ты рекль еси* (то есть, ты сказалъ правду). *Обаче* (даже) *глаголю вамъ: отселѣ узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную силы, и грядуща на облацѣхъ небесныхъ* (Матѳ. 26, 64). Такъ „училъ Господь“ законопреступныхъ іудеевъ, „до послѣдняго часа, что Онъ есть Христосъ, сѣдящій одесную Отца, и имѣющій пріити судить вселенную;“ училъ „для того, чтобы отнять у нихъ всякое извиненіе.“[1] И чѣмъ извинить беззаконныхъ? Если признаніе подсудимаго сдѣлано было подъ клятвою, — наложенною самимъ великимъ первосвященникомъ-судьею, то, безспорно, оно должно было имѣть силу непререкаемую. Покрайней мѣрѣ, осуждать самое клятвенное признаніе, — осуждать по одному этому признанію, безъ всякихъ новыхъ изслѣдованій, было бы *вѣроломно*. А вѣроломство-то именно и было въ духѣ Каіафы, и тотчасъ открылось. Едва услышалъ онъ при-

[1] Злат., бес. на Матѳ. 84.

знаніе Спасителя въ сыновствѣ Богу и Отцу, вдругъ воспламенился сильнымъ гнѣвомъ, и, раздравъ свои одежды, воскликнулъ: „Онъ богохульствуетъ! На что еще намъ свидѣтелей?“ *Тогда архіерей растерза ризы, глаголя, яко хулу глагола: что еще требуемъ свидѣтелей? Се нынѣ слышасте хулу* (богохульство) *Его.* Итакъ, по рѣшенію первосвященника, судъ былъ уже конченъ, и осужденіе на смерть, какое слѣдовало за богохульство, было готово! Таковъ былъ судъ Каіафы!

Но весьма не трудно доказать, что Каіафа вовсе несправедливо прилагалъ къ Іисусу Христу законъ о богохульствѣ. Ибо богохульство, за которое, въ книгѣ Второзаконія, опредѣляется смертная казнь, не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ Іисуса Христа о Богѣ вообще. Это поймётъ всякій, кто внимательно прочитаетъ относящіяся сюда мѣста упомянутой книги.

Эти мѣста суть слѣдующія: — 1) Второз. 4, 15: *И снабдите души своя зѣло, яко не видѣсте всякаго подобія въ день, въ оньже глагола Господь къ вамъ въ горѣ Хоривѣ изъ среды огня.* И опять, 2) тамъ же, гл. 13, ст. 1 и слѣд.: *Аще же возстанетъ въ тебѣ пророкъ, или видяй соніе, и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, и пріидетъ знаменіе или чудо, еже рече къ тебѣ, глаголя: идемъ, да послужимъ богомъ инымъ, ихже не вѣсте: да не послушаеши гласа пророка того, или видящаго сонъ той; яко искушаетъ Господь Богъ твой васъ. И пророкъ, или видяй соніе, да умретъ: глагола бо, еже прельстити тя отъ Господа Бога твоего.* Наконецъ 3) тамъ же, гл. 18, ст. 20: *Пророкъ, иже вознечествуетъ глаголати во имя Мое — слово, егоже не повелѣхъ ему глаголати, и иже сице возглаголетъ во имя боговъ инѣхъ, да умретъ пророкъ той.*

Очевидно, что въ первомъ изъ этихъ мѣстъ закона Моисеева о богохульствѣ запрещается *идолослуженіе*; а въ двухъ послѣднихъ запрещается *многобожіе*, и угро-

жается смертію такому пророку или учителю, который бы дерзнулъ склонять народъ къ какому либо роду нечестія, совращая его съ пути единобожія, или почитанія единаго истиннаго Бога.

Но кто, по совѣсти, осмѣлился бы утверждать, что Христосъ Іисусъ привлекалъ іудеевъ къ подобному нечестію въ религіи, и что наказаніе, опредѣленное въ приведенныхъ мѣстахъ закона, должно было отяготѣть надъ Нимъ, — тогда какъ все святое Евангеліе показываетъ, что Господь Іисусъ началомъ и основаніемъ всего своего ученія поставлялъ именно вѣру въ Бога отцевъ ихъ? Онъ постоянно проповѣдывалъ не о другомъ Богѣ, но о Богѣ Авраамовомъ, Богѣ Исааковомъ, Богѣ Іаковлевомъ. Онъ постоянно исповѣдывалъ, что и посланъ отъ Бога; и къ искреннему почитанію Его и любви непрестанно возбуждалъ, изображая Его предъ ними Отцемъ возлюбленнѣйшимъ и чадолюбивѣйшимъ. *Се есть животъ вѣчный*, говорилъ Онъ, — *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). *Никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Марк. 10, 18). *Единъ есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 23, 9). *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24). Эти и другія подобныя изреченія Христовы, которыми исполнена евангельская исторія, ясно убѣждаютъ, что Іисусъ Христосъ нетолько былъ совершенно чуждъ того, чтобы внушать іудеямъ лжеученіе объ идолослуженіи и многобожіи, но что, напротивъ, никто, кромѣ Его, не излагалъ болѣе чистаго и возвышеннаго ученія о Высочайшемъ Существѣ.

Должно замѣтить, что хотя Іисусъ Христосъ, кромѣ общаго ученія о Богѣ, проповѣдывалъ и частнѣйшее ученіе о Себѣ самомъ, какъ объ истинномъ Сынѣ Божіемъ; архіереи и книжники все однакожъ не могли имѣть,

въ своемъ законѣ, повода къ осужденію Его. Ибо *и это Его ученіе о своемъ сыновствѣ Богу Отцу, и троичности лицъ въ Богѣ, отнюдь не противорѣчило ветхозавѣтному вѣроученію.* Называя Себя Сыномъ Божіимъ, Іисусъ Христосъ отнюдь не проповѣдывалъ, чрезъ то самое, какого либо *плотскаго Бога,* подобнаго смертнымъ людямъ [1]; тѣмъ менѣе вводилъ въ религію много боговъ, или Бога отличнаго отъ Того, котораго почитали іудеи. Церковь Христова, наученная самимъ Іисусомъ Христомъ, и основанная на Его ученіи, всегда исповѣдуетъ, что множественность лицъ въ Богѣ, на которую есть указаніе и въ ветхомъ Завѣтѣ (напр. Быт. 1, 26—3, 2. 11, 7. Пс. 2, 7., и проч.), никакимъ образомъ не противорѣчитъ единству Божественной природы и высочайшей ея простотѣ. Слова Іисуса Христа: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30); *Отецъ во Мнѣ, и Азъ въ Отцѣ есмь* (ст. 38), и многія другія подобныя,—ясно показывали, что хотя Его ученіе таинственно, однакожь отнюдь не противорѣчитъ закону Моисееву, и вообще — ветхозавѣтному ученію о единомъ Богѣ.*

Если бы судившіе Господа Іисуса были менѣе ослѣплены предразсудками и ожесточены противъ Него ненавистію; то легко могли бы увидѣть, что Его ученіе *отъ Бога.* Предъ ихъ очами, дѣйствительно, были несомнѣнныя доказательства, что обѣтованный имъ Мессія,

---

[1] „Mais Jésus," говоритъ Сальвадоръ (l. c. p. 82), en donnant de nouvelles formes à des idées déjà répandues, parle de lui-même comme d'un Dieu; ses disciples le répètent, et la suite des événements prouve *avec la dernière évidence* qu'ils l'entendaient ainsi (нужно бы это замѣтить социніанамъ и раціоналистамъ); c'etait un horrible blasphème aux yeux des citoyens; la loi commande de ne s'attacher qu'à Jehovah, l'unique; de ne croire jamais à *des dieux de chaire et d'os*, ayant ressemblance d'homme ou de femme», etc. (Cf. Orobium in Amica collat. ad Limb.. cit. in tertio Scripto n. VII seqq. et Salvador. Hist. des institut. de Moïse. t. II. liv. IV. ch. III. Jugement et condamnation de Jésus.

Христосъ, имѣлъ быть не простымъ человѣкомъ, не земнымъ царемъ-завоевателемъ, о которомъ сами они мечтали, но лицемъ Божественнымъ, хотя и вочеловѣченнымъ, и что это лице есть именно Господь Іисусъ.

Божественность лица Мессіи довольно явственно и раздѣльно раскрыта *въ священныхъ книгахъ ветхаго Завѣта,* гдѣ неоднократно говорится о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ, который есть вмѣстѣ и Сынъ человѣческій,— какъ о такомъ лицѣ, которое имѣетъ единство природы съ Богомъ Отцемъ, отличается тѣми же свойствами и дѣйствіями. Такъ напр. Пс. 2, 7: *Господь рече ко Мнѣ: Сынъ Мой еси Ты: Азъ днесь родихъ Тя!*—44, 8: *Помаза Тя, Боже, Богъ Твой;* — 109, 1: *Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене;* Ис. 7, 14: *Имя ему Еммануилъ— съ нами Богъ!*—9, 6: *Отроча родися намъ, Сынъ,—Богъ крѣпкій, Отецъ будущаго вѣка,* и проч.; Мих. 5, 2: *И ты, Виѳлееме, — изъ тебе Мнѣ изыдетъ Старѣйшина, еже быти въ князя во Израили: исходи же Его изъ начала отъ дней вѣка.* Дан. 7, 13. 14: *Видѣхъ во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и предъ Него приведеся; и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его, власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется.* Малах. 3, 1: *Се Азъ посылаю Ангела Моего предъ лицемъ Моимъ. Внезапу пріидетъ въ Церковь свою Господь, егоже вы хощете;* и т. п. Въ такихъ-то возвышенныхъ чертахъ изображалось въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ лице Мессіи, какъ лице истинно-божественное. Съ этимъ ученіемъ о божественности Мессіи согласно было нѣкоторымъ образомъ и *древнѣйшее преданіе,* которое сохранялось у евреевъ и содержало въ себѣ ученіе *о Метатронѣ и Шехинѣ,* или о Богѣ, какъ винов-

никѣ Откровенія, и о Божественномъ посредникѣ между Богомъ и міромъ (Deo Manifestatore et — Mediatore). По этому преданію, „Метатронъ и Шехина, истекая изъ самой сущности Божества, въ Немъ отожествляются, такъ что между ними не остается и различія.“ Такое ученіе раскрыто въ самой древней книгѣ *Согаръ* [1] и въ другихъ древнѣйшихъ еврейскихъ книгахъ. Ученые изслѣдователи до того раскрыли дѣйствительность существованія у евреевъ такого преданія, начиная съ самой глубокой древности, что не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія [2].

Теперь понятно, почему Евангеліе въ разныхъ мѣстахъ представляетъ іудеевъ говорящими и слушающими то объ одномъ, то о другомъ лицѣ Св. Троицы, какбы

---

[1] *In lib. Tikkune Sohar*, apud Glaesener, Theol. Sogarica p. 87. «Metatron est ipsissima Schechina, et Schechina Metatron Jehovae vocatur, quia corona est decem Sephirarum.“ Здѣсь показывается тожественность Шехины и Метатрона (под. мѣсто встрѣчается ap. And. Danzium in Menschen N. T. ex Talmud, illustr. p. 733. Edzardi tract. Berachot. p. 232). А другія мѣста показываютъ, что Метатронъ и Шехина, въ иныхъ отношеніяхъ, различаются между собою, и что „Метатронъ съ Шехиною становились тожественными въ той мѣрѣ, въ какой этотъ послѣдній предпринималъ свое начало отъ перваго, и лично представлялъ себя въ немъ.“ Такъ. in lib.: Eschel Abraham ap. Danzium. op. cit. p. 735: „Columna medietatis est Metatron, in quo apparet Sanctus ille in Schechina sua“; и въ другомъ мѣстѣ, ap. Sommer, p. 36. „Deus Opt. Max., ejusque Schechina sunt intra Metatronem quippe qui vocatur Schaddai“; ib p. 37. R. Moses Corduero ait.: „Schechina est inclusa in Metatron.“ Cf. Knorrta Rosenroth *in Kabbalo denudata*, Sulzbaei 1677, p. 1. p. 678 ad vocem מטטרון. Cf. etiam: Schoettingen de Messia l. III, thes. III, seqq.

[2] Сверхъ выше приведенныхъ изслѣдованій, заслуживаютъ вниманія Hengstenberg, Christologia V. T. in dissert. de Divinitate Messiae in V. T., par 1, c. III, p. 215. seqq. cl. Drach.: deuxième lettre d'un Rabbin converti. Paris, 1827; Grotius, de veritate rel. l. V. Въ указанныхъ изслѣдованіяхъ приводятся очень ясныя, разительныя доказательства изъ вѣроученія іудеевъ, удостовѣряющія, что іудеи, по общепринятому у нихъ древнѣйшему преданію, признавали, что Мессія имѣлъ быть Богомъ, лицемъ рожденнымъ отъ Бога Отца, долженствовавшимъ состоять изъ двоякой природы въ одномъ лицѣ, и все прочее, чему учитъ Церковь Христова. De libro Sohar vid. in Kabbala denudata IV. vol. 4.

о дѣлѣ извѣстномъ, которое нисколько не изумляетъ ихъ. (Такъ напр. Матѳ. 1, 18. 20; Лук. 1, 32. 35. и др. разн. мѣст.)—Это показываетъ, что ученіе Іисуса Христа было только яснѣйшимъ раскрытіемъ того, что заключалось въ книгахъ закона и пророковъ, какъ въ сѣмени, и что содержалось, покрайней мѣрѣ отчасти, даже въ древнѣйшемъ, общепринятомъ, іудейскомъ преданіи; слѣдовательно, не могло бы показаться для іудеевъ совершенно противнымъ ихъ вѣрѣ, еслибы они не были ослѣплены злобою и предразсудками, съ которыми такъ не согласовалось внѣшнее состояніе Іисуса Христа. Притомъ замѣчательно, что и Каіафа не спрашиваетъ: „Христосъ ли Ты, Сынъ Божій?“ Но „*Ты ли* Христосъ, Сынъ Божій?“ *Ты ли* (какъ бы такъ сказалъ онъ), такое лице, столь уничиженное, поруганное, столь ненавистное для насъ, первосвященниковъ?..

Обратимся теперь и къ другому вопросу о Мессіи. Если внѣшнее, уничиженное состояніе Іисуса Христа (которое также было предвозвѣщено пророками, напр. Ис. 53), и могло казаться соблазнительнымъ для нѣкоторыхъ іудеевъ, невѣдущихъ Писанія, ни силы Божія (Марк. 12, 24); то, *испытавъ писанія* пророческія, по указанію самого же Господа Іисуса (Іоан. 5, 29), и давая въ своемъ сердцѣ вѣру, по крайней мѣрѣ *дѣламъ* Его (Іоан. 10, 38), эти ученые судьи должны были бы видѣть несомнѣнныя доказательства того, что обѣтованный имъ Божественный посланникъ есть именно Господь Іисусъ!

Что на Іисусѣ Христѣ сбылись всѣ ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи, на это весьма часто указывалъ и самъ Господь (изъ безчисленныхъ указаній Его упомянемъ только о томъ, которое изречено Спасителемъ уже при самомъ нападеніи на Него,—предъ тѣмъ, какъ от-

вели Его на судъ синедріона (Матѳ. 26, 54—56); указываютъ и св. Евангелисты, приводя изреченія пророковъ при повѣствованіи о всякомъ важнѣйшемъ событіи въ жизни Господа Іисуса, даже до изумительныхъ подробностей (напр. Іоан. 19, 36. 37 и др. мн.).

Ученіе о Себѣ, какъ о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, Господь Іисусъ подтвердилъ величайшими, многоразличными и разнообразными чудесами, которыя до того поражали очевидцевъ, что они повторяли; *николиже явися тако во Израили* (Матѳ. 9, 23)! Или: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. 3, 2).

При столь дивныхъ знаменіяхъ архіереи и книжники должны были, тѣмъ съ большею осмотрительностію, обратиться къ закону Моисееву и пророкамъ, и снести ихъ ученіе съ ученіемъ Христовымъ (Іоан. 12, 42. Дѣян. 6, 17); но такъ ли поступили они при сужденіи о дѣлахъ Іисуса Христа? Напротивъ, они и въ этомъ отношеніи сдѣлали все, чтобъ быть неизвинительными предъ судомъ Божіимъ: въ нихъ нисколько не видно заботы—о томъ, чтобъ совѣстно рѣшить, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ Іисусѣ Христѣ признаковъ истиннаго Мессіи? Тогда какъ божественное Его ученіе у самыхъ простыхъ слушателей исторгало признаніе: *николиже тако глаголалъ есть человѣкъ* (Іоан. 7, 4), они твердили безъ всякаго изслѣдованія: *ни, но льститъ народы* (—7, 12)! Тогда какъ отъ вѣка неслыханныя чудеса являли въ Іисусѣ силу божественную, и весь народъ, въ удивленіи, говорилъ: *еда сей есть Христосъ, Сынъ Давидовъ?*— фарисеи, съ ихъ клевретами, увѣряли, что Іисусъ обладаетъ силою бѣсовскою, и что ею-то именно изгоняетъ бѣсовъ (Матѳ. 12, 23), увѣряли, не только не имѣя на то твердыхъ основаній, но и вопреки здравому смыслу (ст. 25. 26. 29).

Вотъ почему, когда по собственному ихъ вопросу, подъ клятвою, Господь Іисусъ исповѣдалъ Себя Христомъ, Сыномъ Божіимъ, они нисколько не изслѣдовали истину сего исповѣданія, но всѣ единогласно, какъ-будто это дѣло не требовало никакихъ изслѣдованій,—тотчасъ признали Его слова *богохульствомъ,* и присудили Его къ смерти, какую законъ предписывалъ богохульникамъ, распространителямъ идолослуженія и многобожія. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ ихъ отношеній къ Господу Іисусу Христу видно, что они водились инымъ какимъ-то духомъ, что правда и вѣра были для нихъ дѣломъ стороннимъ! Между тѣмъ, Господь Іисусъ въ своемъ Лицѣ, въ ученіи и дѣлахъ — представлялъ столь много и притомъ столь разительныхъ свидѣтельствъ своей правды, что у нихъ, какбы противъ воли ихъ, не могла не запасть мысль въ сердце и совѣсть: не Онъ ли? — кажется, Онъ—Христосъ.

Если послѣ этого и нельзя утверждать, что іудеи сдѣлались виновниками осужденія Іисуса Христа въ твердой увѣренности, что Онъ Сынъ Божій; то, предполагая въ нихъ хотя малѣйшій остатокъ добраго чувства, съ большою вѣроятностію можемъ полагать, что они осудили Господа Іисуса *съ совѣстью сомнящеюся,* въ которой, при самомъ совершеніи ихъ беззаконія, вѣрно пробуждался тайный голосъ: „не Онъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Христосъ?“ Особенно же сильно должно было прозвучать въ преступной ихъ душѣ то исповѣданіе, которымъ Господь Іисусъ торжественно объявилъ себя Сыномъ Божіимъ и указалъ на грядущую свою славу,—то исповѣданіе, котораго правота и истина до того была извѣстна, что не могла быть заподозрѣна даже нарочито выисканными лжесвидѣтелями! Но эти люди тогда зашли уже слишкомъ далеко,—такъ далеко, что имъ почти не

оставалось возможности къ возврату назадъ, что для нихъ стало почти невозможнымъ признать за Мессію Господа Іисуса, которому они причинили столько зла, котораго подвергли такому уничиженію, такимъ ужаснымъ оскорбленіямъ на своемъ судѣ! И вотъ они, въ адскомъ упорствѣ, объявляютъ Его богохульникомъ...

Если сравнить этотъ беззаконный судъ, это ужасное событіе съ тѣми мирными началами, какими должны были руководствоваться блюстители іудейскаго правосудія; то окажется, что въ судѣ надъ Іисусомъ Христомъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ того уваженія, какое, по іудейскимъ законамъ, надлежало соблюдать на судѣ въ отношеніи къ подсудимому. Что за уваженіе, когда предсѣдатель судилища позволяетъ въ своемъ присутствіи бить подсудимаго по ланитамъ! Да и самъ Каіафа—что такое онъ здѣсь? — *И обвинитель,* и вмѣстѣ *судья* [1]. судья, который раздражается и разгорячается до того, что раздираетъ свои одежды, тогда какъ законъ предписывалъ судьямъ *воздержаніе* отъ всего, что возбуждало бы страсти; судья, который обязываетъ подсудимаго страшною клятвою, и вслѣдъ за тѣмъ, осуждаетъ клятвенное его признаніе; судья, который не хочетъ болѣе никакихъ свидѣтелей, несмотря на то, что законъ требовалъ ихъ, и что всѣ *пріисканныя* лжесвидѣтельства для самихъ беззаконныхъ судей показались недостаточными; судья, который при безуспѣшности законныхъ изслѣдованій, домогается, чтобы подсудимый, вопреки отечественнымъ законамъ, *былъ осужденъ по одному собственному признанію!*

---

[1] И то, нужно замѣтить, *судья — потому лишь, что самоуправно присвоилъ себѣ это званіе,* хотя, какъ извѣстно, по гражданскому тогдашнему праву, синедріонъ не могъ судить *судомъ уголовнымъ.* Объ этомъ подробнѣе — ниже.

Хотя въ словахъ Каіафы: *хулу глагола,* заключался уже приговоръ Господу Іисусу, опредѣленный закономъ за богохульство; однакожъ Каіафа, показывая видъ, будто онъ заботится о законности судопроизводства, не объявляетъ своего мнѣнія положительно, но лукаво давъ своимъ совѣтникамъ только основаніе для заключенія, требуетъ, чтобы они сами произнесли положительное мнѣніе. *Се нынѣ слышасте хулу Его: что вамъ мнится* (Матѳ. 26, 66)? По этому члены синедріона, дѣйствовавшіе совершенно въ духѣ Каіафы,—зная, что если дѣло будетъ тщательно изслѣдовано, Іисусъ окажется совершенно невиннымъ, присуждаютъ Ему смерть и говорятъ: *повиненъ есть смерти!* Гдѣ же, на этомъ судѣ, то правосудіе евреевъ, котораго столь блистательная картина представляется намъ въ ихъ уголовныхъ законахъ того времени? Гдѣ та *всевозможная умѣренность* въ сужденіяхъ, какая предписывалась всѣмъ вообще лицамъ участвовавшимъ въ судѣ? Гдѣ публичныя пренія, общее изслѣдованіе о винѣ подсудимаго? Гдѣ *преимущество для защитниковъ* невинности? Ничего этого не было,—не было, безъ сомнѣнія, потому, что здѣсь засѣдали одни *единомышленники,* которые напередъ уже согласились приговорить къ смерти Того, кто находился теперь предъ судомъ ихъ.

Поправъ такимъ образомъ всѣ законы, беззаконные судьи, тѣмъ не менѣе, удерживаютъ видъ законности; и, окончательное произнесеніе приговора, какъ предписывалъ законъ, отлагаютъ до вторичнаго засѣданія,—однакожъ *не до третьяго дня* (какъ бы слѣдовало), *а* только *до разсвѣта слѣдующаго.*

И каковъ былъ этотъ вторичный допросъ? Ничѣмъ не лучше перваго. Чтобы видѣть это, стоитъ только прочитать евангельское о немъ повѣствованіе: *и яко бысть*

день, собрашася старцы людстіи, архіерее и книжницы, и ведоша Его (Іисуса) *на сонмъ свой, глаголюще: аще Ты еси Христосъ? Рцы намъ. Рече же имъ: аще вамъ реку, не имете вѣры; аще же и вопрошу вы, не отвѣщаете ми, ни отпустите.* Слова Спасителя совершенно подтверждались дѣйствіями судей въ предшествовавшемъ ихъ засѣданіи. Однакожь, и тутъ еще Господь не оставляетъ ихъ безъ вразумленія, но еще разъ указываетъ имъ на то, кого они судятъ: *отселѣ будетъ Сынъ человѣческій сѣдяй одесную силы Божія. Рѣша же вси: Ты ли убо еси Сынъ Божій? Онъ же къ нимъ рече: вы глаголете, яко Азъ есмь. Они же рѣша: что еще требуемъ свидѣтельства? Сами бо слышахомъ отъ устъ Его* (Лук. 22, 66. 71)! Итакъ опять осужденіе обвиняемаго по одному собственному Его признанію, — осужденіе безъ всякаго изслѣдованія истины словъ Его,—вопреки всякой справедливости.

Но, если что показываетъ беззаконность и крайнюю жестокость суда надъ Господомъ Іисусомъ, то это *жесточайшія оскорбленія*, какимъ подвергался Онъ, подсудимый, какъ въ продолженіи всего судопроизводства, такъ особенно по произнесеніи Ему смертнаго приговора. Тогда, преимущественно, беззаконники изливали на него всю свою ярость: плевали, заушали, укоряли Его, и всячески ругались надъ Нимъ. *Тогда заплеваша лице Его, и пакости Ему дѣяху* (Матѳ. 26, 27). *И начаша нѣцыи плювати нань, и прикрывати лице Его, и мучити Его... И слуги по ланитома Его біяху* (Марк. 14, 65). *И мужіе держащіи Іисуса, ругахуся Ему, біюще, и закрывше Его, біяху Его по лицу, и вопрошаху Его, глаголюще: пророцы намъ, Христе, кто есть ударей Тя? И ина многа хуляще глаголаху нань* (Лук. 22, 63—65. Матѳ. 2, 6. 68)... „Для чего же они дѣлали это“, спрашиваетъ Златоустъ,

"когда уже вознамѣрились умертвить Его? Какая была нужда въ такомъ поруганіи? Развѣ та, чтобы ты видѣлъ злобный нравъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, они тѣмъ обнаруживали свое изступленіе; такимъ порывались бѣшенствомъ, что будто нашли добычу, и, совершая это торжество, съ злобною радостію бросились на нее, чтобы показать убійственный нравъ свой" [1]. Господь Іисусъ, *укоряемъ противу не укоряше, страждя не прещаше; предаяше же судящему праведно* (1 Петр. 2, 23), — Судіи всѣхъ Богу! „Это показываетъ," скажемъ опять словами св. Златоуста, „неизреченную попечительность Господа и непростительную злобу тѣхъ, которые съ столь кроткимъ и тихимъ поступали такъ, какъ только можетъ поступать левъ съ агнцемъ. Ничего, ничего здѣсь не опущено, ни съ Его стороны въ кротости, ни съ ихъ— въ злобѣ и жестокости, на словахъ и на дѣлѣ!" [2] Поистинѣ поразительно, даже неестественно видѣть собраніе сановниковъ, пользующихся общимъ уваженіемъ и какбы общественнымъ полномочіемъ, и между тѣмъ, либо явно употребляющихъ во зло свое полномочіе, либо преступнымъ согласіемъ, поблажкой — попускающихъ другимъ совершать самыя ужасныя наглости; но какъ могло это случиться, подумаетъ кто либо? Могло — когда случилось, — когда единогласно подтверждается свидѣтельствами самыхъ современниковъ, которые если не присутствовали въ судопроизводствѣ, то были на мѣстѣ событія, въ сосѣдствѣ, на дворѣ; были для того именно, чтобы видѣть, чѣмъ это кончится (Матѳ. 26, 58. Марк. 14, 57), — и можетъ быть съ сердечною скорбію вывѣдывали все то, что случилось съ ихъ Учителемъ!

Нисколько не удивительно, если тѣже іудеи, которые произнесли надъ Господомъ смертный приговоръ, пер-

[1] Бес. на Матѳ. 85. [2] Въ указанномъ мѣстѣ.

вые показали и примѣръ жестокаго обращенія съ Нимъ: „Священницы за ланиту удариша Христа,“ воспѣваетъ св. Церковь [1], справедливо заключая, что въ числѣ *нѣкоторыхъ* (по сказанію Евангелиста: Марк. 14, 65) оскорбителей, прежде всего были главные виновники осужденія, которымъ даже стоило лишь только дать знакъ, чтобы и мѣры не было жестокимъ обидамъ со стороны ихъ рабовъ. Но если эти ужасныя оскорбленія, эти безчеловѣчныя жестокости отнесемъ даже и къ слугамъ первосвященника или къ его свитѣ, то все неизвинительны тѣ, которые, приписывая себѣ право суда надъ Господомъ Іисусомъ, должны были оказать Ему всевозможное покровительство закона.

Тѣ жестокости, неизвинительныя и въ томъ случаѣ, когда бы онѣ оказаны были человѣку, осужденному на неминуемую смерть и уже преданному на казнь, — были тѣмъ болѣе несправедливы въ отношеніи къ Іисусу Христу, что настоящимъ, законно-судебнымъ порядкомъ, не было еще произнесено надъ Нимъ опредѣленнаго приговора, по господствовавшему тогда въ Іудеѣ праву: извѣстно, что въ это время, въ Іудеѣ, смертный приговоръ могъ произнесть только римскій прокураторъ, которому принадлежало и самое уголовное судопроизводство [2]. По-

---

[1] Постн. тріодь, В. пят. утр., антиф. 13, 2.

[2] Съ тѣхъ поръ, какъ Іудея присоединена къ римской имперіи и сдѣлалась ея провинціею (а это было уже при Августѣ), іудеи хотя пользовались собственными гражданскими законами, касавшимися до благочинія и земскаго (municipale) управленія, равно какъ общественнымъ отправленіемъ своего богослуженія, и т. п., однако не имѣли уже *права жизни и смерти*. — Это право римляне всегда удерживали за собою: „apud Romanos“, говоритъ Тацитъ (Annal. X) jus valet gladii, caetera transmittuntur,—и въ Іудеѣ предоставили его римскимъ правителямъ, *игемонамъ* (praeses), или тѣмъ лицамъ, которыя исправляли эту должность (vice praesidis) въ званіи *прокуратора кесаря* (procurator Caesaris), чѣмъ былъ на то время Пилатъ (Jos. Antiqu lib. 18, c. 4). Итакъ первосвященники, книжники и ихъ друзья — фарисеи, если имѣли какія либо опасенія на счетъ проповѣди и дѣлъ Іисуса Христа, если страшились за свое

сему-то, — члены синедріона, осудивъ Христа Іисуса въ качествѣ *судей*, принуждены были явиться съ Нимъ къ игемону—Пилату въ качествѣ *обвинителей*. Посмотримъ, какъ дѣйствовали они и здѣсь.

Если на судѣ Каіафы іудеи беззаконно дѣйствовали, какъ *законопреступные судьи, прикрывавшіеся* только личиною правосудія: то здѣсь, предъ Пилатомъ, *въ непрерывномъ ряду* самыхъ *несправедливыхъ* и безчеловѣчныхъ *дѣйствій*, они являются *открытыми*, ожесточенными *врагами* Іисуса Христа, обнаружившими во всей силѣ свою злобу и свирѣпость своихъ страстей.

Воставше все множество ихъ, ведоша Его къ Пилату (Лук. 23, 1). Къ чему *все множество?* Если бы дѣло было законное, если бы, по судебномъ изслѣдованіи вины подсудимаго, она оказалась явною и несомнѣнною, то безъ сомнѣнія довольно было бы сообщить прокуратору объ изслѣдованіяхъ синедріона чрезъ нѣсколькихъ его членовъ. Но нѣтъ, къ Пилату устремился *весь синедріонъ*, какбы для того, чтобы одною многочисленностію голосовъ сообщить лживымъ его показаніямъ надлежащую важность и силу. „Это было для того," по объясненію Златоуста, „чтобы *множество судей, и нехотящимъ имъ*," т. е. какбы противъ воли ихъ самихъ, „показывало, что истина ихъ обвиненія дознана опытомъ" [1]. Такимъ-то образомъ іудеи,

богослуженіе, — могли только разспрашивать о Его вѣрованіяхъ и ученіи, дѣлать родъ *предварительнаго изслѣдованія*, даже сдѣлать доносъ въ томъ случаѣ, когда бы дѣйствительно это ученіе противно было ихъ закону. Только. Но этотъ законъ, хотя и не допускалъ никакого нарушенія въ порядкѣ религіозномъ, не имѣлъ однакоже никакой „понудительной силы" (vim coërcitivam) въ порядкѣ внѣшнемъ. Совѣтъ іудеевъ не въ правѣ былъ произнесть смертный приговоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ именно должно понимать текстъ Евангелія, гдѣ іудеи говорятъ Пилату: „не достоитъ намъ убити никогоже," — не достоитъ, потому, что они лишены были уголовно-судебной власти (de justice criminelle) — съ тѣхъ поръ, какъ стали подданными римлянъ (Loiseau, Tracite de Seigneries. chap. de Justices appartenants aux villes). См. Подр. сравн. Обзоръ Четвероев., Спб. 1859. Ч. II, стр. 86, прим. къ § 105.

[1] Бес. на Іоан. 83.

конечно, надѣялись безъ труда достигнуть беззаконной своей цѣли, и вмѣстѣ соблюсти всю внѣшнюю законность. И въ какомъ жалкомъ видѣ является эта заботливость ихъ о внѣшней законности! Дыша убійствомъ, лицемѣры, повидимому, *опасаются осквернитьсяя* даже *прикосновеніемъ къ судилищу* язычника: *и тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся* (Іоан. 18, 28)!.. „Смотри, какъ смѣшны іудеи!“ восклицаетъ Златоустъ. „Какое осквернені̀е, скажи мнѣ, войти въ судилище, гдѣ преступники пріемлютъ казнь? Одесятствующіе мятву и копръ, убивая неправедно неповиннаго, не думали осквернитьсяя; а между тѣмъ показывали, что судилище можетъ осквернить ихъ!“ [1].

На вопросъ Пилата: *кую вину приносите на человѣка сего?* іудеи отвѣчаютъ: *аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ* (Іоан. 18, 29. 30)! Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ словъ они обнаруживаютъ слѣпую свою ненависть къ Господу Іисусу: *уклонялсь отъ прямаго показанія вины,* эти беззаконные обвинители уничижаютъ обвиняемаго голословно однимъ *именемъ злодѣя,* и кого же уничижаютъ? — всенароднаго *Благодѣтеля!*.. „Что за безуміе,“ взываетъ св. Златоустъ, „почто не раскрываете злодѣянія, но прикрываете? Почто не обличаете зла? Видишь ли, какъ вездѣ отрицаются они отъ прямаго обличенія!“ [2] Онъ злодѣй!.. „Надлежало бы,“ скажемъ съ бл. Августиномъ, „вопросить объ этомъ тѣхъ, кого освободилъ Онъ отъ нечистыхъ духовъ и болѣзней; надлежало бы вопросить прокаженныхъ, которыхъ Онъ исцѣлилъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, которымъ Онъ возвратилъ слухъ, языкъ и очи; мертвыхъ, которыхъ Онъ воскресилъ, и, что превышаетъ всѣ Его чудеса,

---

[1] Въ указанномъ мѣстѣ. [2] Бес. на Іоан. 83.

буіихъ, которыхъ Онъ исполнилъ божественною мудростію, — ихъ-то надлежало бы вопросить,“ [1] что это за злодѣянія, въ которыхъ провинился предъ своими преслѣдователями Господь Іисусъ!.. О, эти люди, взысканные безчисленными благодѣяніями Іисуса Христа, безъ сомнѣнія, возстанутъ нѣкогда на судъ съ родомъ симъ, жестоковыйнымъ и богопротивнымъ!.. На судѣ Пилата не слышно было ихъ свидѣтельства. Но и безъ того, если бы обвинявшіе Господа Іисуса іудеи менѣе были ослѣплены ненавистію къ Нему, конечно, легко могли бы сообразить, что Пилатъ не захочетъ осудить на казнь, представленнаго ему человѣка безъ всякаго суда— единственно потому, что обвинители рѣшились назвать Его *злодѣемъ*, и что этого тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ гордаго римлянина, который, въ качествѣ правителя Іудеи, обладалъ исключительною властію произносить приговоры по дѣламъ уголовнымъ, а потому всякое притязаніе ограничить эту власть почелъ бы личнымъ себѣ оскорбленіемъ.

И Пилатъ очень ясно далъ замѣтить, какъ показалось ему голословное ихъ *обвиненіе!* Его отвѣтъ: *поимите Его вы, и по закону вашему судите Ему* (Іоан. 18, 31), — очевидно, заключалъ въ себѣ язвительный укоръ. Онъ какбы такъ говорилъ имъ: „уголовный судъ принадлежитъ мнѣ, и я долженъ судить по законамъ; а законы не позволяютъ мнѣ предавать на казнь человѣка, котораго вины я не изслѣдовалъ и не открылъ (Дѣян. 25, 15. 16); можетъ быть это позволяетъ вамъ вашъ законъ: такъ возьмите Его, и судите по вашему закону!“ Какбы не понявъ словъ Пилата, или понимая ихъ въ прямомъ смыслѣ, іудеи отвѣчаютъ: *намъ не достоитъ убити никогоже* (Іоан. 18, 21)! Столь же *хитрые,* какъ

[1] S. August. Tract. in Joh. 114.

и злобные, члены синедріона не только не противорѣчатъ тайной мысли игемона, на которую онъ сдѣлалъ явный намекъ; но еще выражаютъ, что за тѣмъ-то и явились въ преторію... „Они," какъ замѣчаетъ св. Левъ, „по видимому, преданы римскимъ законамъ и предоставляютъ судъ власти игемона, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, хотятъ имѣть въ немъ болѣе исполнителя своей жестокости, чѣмъ судью; они представили ему Іисуса Христа уже связаннаго крѣпкими узами, избитаго частыми заушеніями, обезображеннаго заплеваніями" [1],—тогда, какъ уже изрекли подсудимому смертный приговоръ! Ничто, конечно, не удержало бы ихъ и отъ злодѣйскаго умерщвленія Его. И если „они не умертвили Іисуса тайно," то безъ сомнѣнія „потому только, что хотѣли уничтожить самую славу Его, — хотѣли предать Его смерти публично, предъ всѣми" [2]; да и потому, что „первосвященники и старѣйшины народа" іудейскаго, главные виновники осужденія Іисуса Христа, старались дѣйствовать такъ, чтобы казаться непричастными злодѣянію; они скрывали дѣла рукъ, и изощряли стрѣлы языка, не желая, повидимому, убійства"; а между тѣмъ таили въ душѣ „восклицаніе: распни, распни Его" [3], и вотъ теперь торжественно предаютъ Господа Іисуса суду другой, высшей власти! Съ такимъ-то духомъ возглашаютъ беззаконные: „намъ не позволено никого предавать смерти!" Законъ не позволяетъ! Но, „по какому закону вамъ, іудеи, можно желать того, чего нельзя дѣлать"? [4]

Признавъ торжественно, что, по существовавшимъ тогда законамъ, смертный приговоръ законно-судебнымъ порядкомъ могъ произнесть надъ обвиняемымъ ими Іисусомъ только римскій игемонъ, — обвинители уже никакъ

---

[1] Избр. разм. на страд. Господ., Хр. чт. 1845, ч. II. [2] Злат., бес. на Матѳ. 84. [3] Св. Левъ В., избр. разм. на стр. Господ. [4] Тамъ же.

не могли уклониться отъ того, чтобы не выставить, въ чемъ находятъ они виновнымъ подсудимаго, чтобы не представить такъ называемыхъ „обвинительныхъ пунктовъ.“ Въ чемъ же состоятъ они? Какое главное обвиненіе со стороны іудеевъ противъ Господа Іисуса?—Слѣдовало бы ожидать, что оно будетъ то самое, по которому Онъ осужденъ на судѣ синедріона, т. е., обвиненіе въ богохульствѣ,—единственное, произнесенное Каіафою предъ сонмищемъ іудеевъ. Но о немъ и не упомянуто! Отчаяваясь вынудить у римскаго судьи смертный приговоръ за разногласіе религіозное, котораго римляне не считали дѣломъ важнымъ [1], и зная, что Пилатъ не беретъ никакого участія въ дѣлахъ, относящихся до религіи, они съ намѣреніемъ сильнѣе подѣйствовать на него, какъ на гражданскаго судью, *прибѣгаютъ къ извороту въ главномъ обвиненіи,* — обращаютъ доносъ въ другую сторону, и вмѣсто вины религіозной (богохульства) вдругъ *указываютъ на преступленіе гражданское,* государственное! *Начаша же нань вадити, глаголюще: сего обрѣтохомъ развращающа языкъ* (народъ) *нашъ, и возбраняюща кесареви дань даяти, глаголюща себе Христа Царя быти* (Лук. 23, 2). „Отсюда видно,“ замѣчаетъ Златоустъ, „что и раздраніе ризъ, и ужасъ оный первосвященника было одно притворство!“ Отсюда видно, что и тамъ и здѣсь, все вели они и направляли лишь только „къ тому, чтобы подвергнуть Его смерти!“ [2] Поистинѣ, если что съ особенною силою изобличаетъ обвинителей Іисусовыхъ, то именно изворотъ ихъ въ обвиненіи. Всецѣло занятые тою мыслію, какъ бы погу-

---

[1] По этому-то Клавдій Лисій писалъ къ игемону Феликсу, по дѣлу ап. Павла: „я нашелъ, что его обвиняютъ въ нѣкоторыхъ *спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ,* но впрочемъ, нѣтъ въ немъ *никакой вины, достойной смерти или оковъ.*“ Дѣян. 23, 25. [2] Бес. на Мате. 86.

бить Его, они теперь являются уже не мстителями *за свою религію,* будто бы жестоко оскорбленную,—за свое богопочитаніе, будто бы подверженное опасности: переставъ быть іудеями для того, чтобы воспламенить страсть въ иноплеменникѣ, эти лицемѣры теперь принимаютъ видъ, что заботятся только о пользахъ Рима и обвиняютъ своего соотечественника въ намѣреніи возстановить царство іерусалимское, сдѣлаться царемъ іудейскимъ,—объявляютъ, будто онъ возмущаетъ народъ (противъ завоевателей), и запрещаетъ давать дань кесарю!

Какая *безстыдная клевета* заключается въ этомъ показаніи обвинителей! Іисусъ Христосъ запрещаетъ давать дань кесарю! Но кому же не извѣстно было, что „Онъ и самъ платилъ дань (Матѳ. 17, 24), и другимъ повелѣвалъ платить ее?„ [1] Нѣтъ сомнѣнія, что и у самихъ обвинителей было еще въ свѣжей памяти премудрое изреченіе Господа, произнесенное въ отвѣтъ на лукавый вопросъ злоумышленниковъ: „слѣдуетъ ли намъ давать подать кесарю? „Указывая образъ кесаря на римской монетѣ, Онъ въ то время сказалъ: „отдавайте кесарево кесарю (Лук. 20, 22 — 25)!“ Явно послѣ этого, что обвиненіе Господа Іисуса въ томъ, будто Онъ запрещалъ давать подати, было только средствомъ къ вооруженію противъ Него Пилата, который, какъ „прокураторъ кесаря,“ былъ и поставленъ главнымъ образомъ для взысканія податей. Не менѣе лживо и другое обвиненіе — въ мнимомъ посягательствѣ Господа Іисуса на царскую власть; ибо этимъ врагамъ, наблюдавшимъ за всѣми Его дѣйствіями, очень хорошо извѣстно было, что Онъ не только не обнаруживалъ никакихъ видовъ на земное царство, — не только воспротивился намѣренію облагодѣ-

[1] Злат., бес. на Матѳ. 86.

тельствованнаго Имъ народа, который хотѣлъ силою взять Его и сдѣлать царемъ“ (Іоан. 6, 14. 15), но даже до того уклонялся отъ всякаго вмѣшательства въ гражданскія дѣла, что отказался участвовать въ раздѣлѣ имущества: *человѣче,* сказалъ Онъ просившему Его объ этомъ, *кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами* (Лук. 12, 13. 14)? Что же открывается теперь, при допросѣ Пилатовомъ?

Ты ли еси царь іудейскій? вопросилъ Пилатъ Іисуса Христа, взявъ Его для допроса въ преторію,—т. е.: „справедливо ли то показаніе, что Ты выдаешъ Себя за царя іудейскаго?“ Не отвѣчая на этотъ вопросъ, Господь въ свою очередь Самъ спрашиваетъ Пилата: *о себѣ ли* (отъ себя ли) *ты сіе глаголеши, или инїи тебѣ рекоша о Мнѣ* (Іоан. 18, 33. 34)? И своимъ вопросомъ, по замѣчанію одного изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ пастырей, „непримѣтнымъ образомъ уничтожаетъ всю силу вопроса Пилатова“. Если Пилатъ говорилъ „не отъ себя,“ не по собственнымъ подозрѣніямъ, — какъ и дѣйствительно было, —а основываясь единственно на словахъ „другихъ,“ этихъ самыхъ обвинителей; то и отсюда уже видно было, что обвиненіе первосвященниковъ было—сущая клевета; ибо предполагаемая опасность отъ Іисуса Христа для римскаго правительства всего скорѣе должна была сдѣлаться извѣстною Пилату, какъ римскому прокуратору [1]. Когда же игемонъ, какбы оскорбленный тѣмъ, что ему приписывается подозрѣніе Іисуса Христа въ такомъ домогательствѣ, возразилъ: *еда азъ жидовинъ есмь? Родъ Твой и архіерее предаша Тя мнѣ; что еси сотворилъ?*— тогда Господь разрѣшаетъ его недоумѣніе—открытіемъ, что „царство Его не отъ міра сего,“—не есть царство земное, котораго ожидали іудеи въ своихъ мечтахъ о

[1] Хр. чт., ч. 29, стр. 349. „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа.“

Мессіи, и въ „непререкаемое подтвержденіе“ [1] своихъ словъ, указываетъ на то, что въ противномъ случаѣ Онъ не былъ бы преданъ іудеямъ! *Отвѣща Іисусъ: царство Мое нѣсть отъ міра сего: аще отъ міра сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не преданъ бых былъ іудеомъ: нынѣ же царство Мое нѣсть отсюду* (Іоан. 18, 36). Показавъ, въ какомъ смыслѣ надобно понимать Его царемъ, Іисусъ Христосъ на вторичный вопросъ Пилата: *убо царь ли еси Ты?* даетъ уже отвѣтъ утвердительный, и съ тѣмъ вмѣстѣ внушаетъ, что царство Его есть царство истины, такъ какъ Онъ въ міръ пришелъ для свидѣтельствованія объ истинѣ, и что Его подданные—слушающіе истину... *Отвѣща Іисусъ: ты глаголеши, яко Царь есмь Азъ. Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину; и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (ст. 27). Весь этотъ отвѣтъ Господа Іисуса весьма замѣчателенъ и въ нравственномъ отношеніи, какъ *доброе исповѣданіе истины* (1 Тим. 6, 13), и въ догматическомъ, какъ проповѣдь о непоколебимости Церкви, или духовнаго царства Христова на землѣ, и въ судебномъ,—потому что двукратное подтвержденіе: „царство Мое не отъ міра сего,“ „царство Мое не отсюда,“—совершенно освобождало Его отъ обвиненія въ посягательствѣ на царство временное, или на власть кесаря. Поэтому-то, въ отвѣтѣ на слово объ истинѣ, Пилатъ спросилъ: *что есть истина?* и потомъ, поспѣшнымъ удаленіемъ изъ преторіи, по словамъ одного св. отца, [2] показалъ, что онъ не отъ истины, и не слушаетъ гласа ея; однако, вслѣдъ за тѣмъ іудеи слышали торжественный его отзывъ, что ихъ обвиненіе совершенно несправедливо: *изыде*

---

[1] Злат., бес. на Матѳ. 86. [2] S. Cyrill. in Joh., lib. IX. cap. 5.

ко іудеомъ, и глагола имъ: азъ ни единыя вины обрѣтаю въ Немъ (Іоан. 18, 38)! И вотъ Іисусъ, всенародно обвиненный іудеями, всенародно оправданъ голосомъ римскаго судьи! „Это," говоритъ св. Кириллъ александрійскій, „было дѣло достойное смѣха, или лучше достойное слезъ, что Того, Кто по законамъ язычества признанъ невиннымъ, іудеи, хвалившіеся храненіемъ закона Божія, почитали повиннымъ смерти" [1]. А то стоило еще большаго смѣха или плача, что *когда* уже и *Пилатъ*, послѣ судебнаго допроса, *призналъ Іисуса Христа невиннымъ, іудеи* нетолько не уступали, но еще *настоятельнѣе усиливали свое обвиненіе въ томъ же мнимомъ преступленіи,* и увѣряли, что возмутительныя дѣйствія Іисуса распространяются повсюду: *они же крѣпляхуся* (настаивали), *глаголюще, яко сей развращаетъ люди* (возмущаетъ народъ), *уча по всей Іудеи, начевъ отъ Галилеи до здѣ* (Лук. 23, 5).

Онъ *возмущаетъ народъ, уча:* вотъ въ чемъ главное оскорбленіе іудейскихъ первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ! Если не въ устахъ этихъ явныхъ клеветниковъ, то, можетъ быть, въ ихъ сознаніи, а еще болѣе, въ самомъ существѣ дѣла, приведенное обвиненіе имѣло такой смыслъ: „*Онъ учитъ,* то есть,—вразумляетъ и просвѣщаетъ народъ; Онъ проповѣдуетъ *ученіе новое,* отъ нашего отличное; Онъ раскрылъ и показалъ на дѣлѣ—никому до Него въ такой степени невѣдомую и какбы Ему одному принадлежащую добродѣтель—*любовь,* и чудодѣйственныя Его руки непрестанно источали дары этой любви! *Онъ возмущаетъ народъ,*—то есть: *народъ* слушаетъ Его съ увлеченіемъ, радостно внемлетъ святымъ и въ высшей мѣрѣ поучительнымъ Его урокамъ, слѣдуетъ за Нимъ съ усердіемъ, и любитъ Его несрав-

[1] Loco citato.

ненно болѣе, чѣмъ насъ, духовныхъ своихъ вождей; любитъ потому, что Онъ проповѣдуетъ ученіе для народа утѣшительное, отъ котораго онъ въ восхищеніи (Марк. 11, 18); рѣчи Его трогательны и поразительны. О, какъ сильно, какъ нестерпимо поражаетъ Онъ своею проповѣдію нашу гордость и лицемѣріе, наше корыстолюбіе и ненасытный духъ господства (Лук. 16, 14 и друг.)“ Такъ понимать обвиненіе, взнесенное іудеями на Іисуса Христа въ отношеніи къ народу, заставляетъ насъ вся евангельская исторія. Но нигдѣ въ ней невозможно найти и слѣда тѣхъ возмутительныхъ дѣйствій Іисуса (противъ правительства), о которыхъ вопіяли іудеи предъ Пилатомъ! Къ дѣйствіямъ подобнаго рода, очевидно, нельзя отнести того случая, о которомъ упоминаетъ Евангелистъ Іоаннъ (гл. 7, ст. 43),—именно той частной распри или тѣхъ толковъ, какіе возбуждены были въ народѣ божественнымъ ученіемъ Господа, когда одни утверждали, что сей дивный Учитель есть Пророкъ, а другіе недоумѣвали, отъ Галилеи ли долженъ придти Христосъ? и т. п. Ничего не можетъ быть естественнѣе того, что великая слава Іисуса Христа, божественныя Его чудотворенія, возбуждали въ народѣ молву и, какъ обыкновенно, различныя сужденія, тѣмъ болѣе, что ни отъ кого не было сокрыто, какъ первосвященники и фарисеи обнаруживали явную ненависть и презрѣніе къ сему необыкновенному Лицу. Но ничего не могло бъ быть страннѣе и даже безразсуднѣе той мысли, будто подобное разногласіе въ народѣ нарушало общественное спокойствіе, и будто за это Господь Іисусъ долженъ былъ подлежать уголовному суду! Находимъ еще въ евангельской исторіи, что, пришедши призвать не праведныхъ, а грѣшныхъ къ покаянію (Матѳ. 9, 13), Онъ дѣйствительно явился другомъ мытарей и грѣшниковъ, и при-

ходившихъ къ Нему таковыхъ не изгонялъ вонъ (Іоан. 6, 35). Весьма нерѣдко люди, въ очахъ беззаконныхъ первосвященниковъ и фарисеевъ презрѣнные и уничиженные, люди, даже при всей своей правотѣ гонимые и преслѣдуемые ими, — съ любовію принимаемы были Іисусомъ Христомъ, который усматривалъ въ нихъ — то недужныхъ, требующихъ врача, и являлся имъ врачемъ душъ и тѣлесъ, то заблудшихъ овецъ, которыхъ надлежало привести во дворъ овчій, и былъ для нихъ пастыремъ добрымъ, то блудныхъ сыновъ, искавшихъ утѣшенія въ объятіяхъ чадолюбиваго отца, и принималъ ихъ въ нѣдро своей благости. Все это показываютъ самыя притчи Его, въ которыхъ такъ прекрасно, такъ возвышенно выразился любвеобильный и кроткій способъ Его дѣйствованія, прямо противный дѣйствіямъ фарисеевъ и ихъ клевретовъ (Матѳ. 18, 12... Лук. 15, 18, 9), Если такое обращеніе Іисуса Христа съ кающимися грѣшниками подвергалось порицанію со стороны мнимыхъ блюстителей іудейскаго закона, то потому только, что сами они заботились единственно о наружномъ благочестіи, а отнюдь не потому, будто обращавшіеся ко Христу грѣшники возбуждали какія либо опасенія въ верховномъ іудейскомъ совѣтѣ. Притомъ, постоянно внушая своимъ послѣдователямъ повиновеніе верховной власти, смиреніе, терпѣніе и проч.,—такія добродѣтели, которыя образуютъ не только истинныхъ чтителей Бога, но и наилучшихъ гражданъ, — Господь Іисусъ и въ самомъ Себѣ явилъ самый высокій образецъ любви къ отечеству (Матѳ. 11, 29. 5, 6, 7,—и пр.)[1]. Свидѣтельствомъ тому служатъ слова самихъ же старѣйшинъ іудейскихъ,

[1] Cf. Bossuet, Politique, tirée des propres paroles de l'Ecriture s., l. 5, c. 6: De l'amour de la patrie: „Jésus Christ établit par sa doctrine et par ses exemples l'amour que les citoyens doivent avoir pour leur patrie.“

которые, чтобы склонить Іисуса Христа къ исцѣленію любимаго раба сотникова, не придумали ничего сказать болѣе убѣдительнаго, какъ слѣдующее: *достоинъ есть, емуже даси сіе, любитъ бо языкъ нашъ* (нашу націю) (Лук. 7, 4. 5). Да и сколько разъ Господь Іисусъ оплакивалъ бѣдствія своего отечества! Не проливалъ ли Онъ слезъ о родномъ Іерусалимѣ? Не внушалъ ли своимъ соотечественникамъ единенія, которое одно въ состояніи укрѣпить и упрочить силы государства? Іерусалимъ! Іерусалимъ! сколько разъ хотѣлъ Онъ собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья (Матѳ. 23, 37)! Скорбя о бѣдственномъ состояніи своего народа, Господь Іисусъ утѣшалъ его надеждою на другую, лучшую жизнь, и къ ней устремлялъ взоры всѣхъ, стараясь возвысить человѣка до первоначальнаго его достоинства; а развращенныхъ вельможъ, гордыхъ богачей, беззаконныхъ лицемѣровъ, устрашалъ и поражалъ представленіемъ послѣдняго суда, на которомъ каждый будетъ судимъ Богомъ всевидящимъ, не по званію, а по дѣламъ. Но, вразумляя знатныхъ и богатыхъ, и возвѣщая горе тѣмъ изъ нихъ, которые закоренѣли въ злѣ (Матѳ. 23, 13), Іисусъ Христосъ подвергалъ вѣчному осужденію отнюдь не богатство, не знатность, а крайне беззаконное употребленіе того и другаго, къ погибели не только своей, но и другихъ.

Итакъ не удивительно, что іудеи, обвиняя на судѣ Господа Іисуса въ возмущеніи народа, не могли представить никакихъ доказательствъ; и для усиленія своего обвиненія указывали только на повсюдное распространеніе Христовой проповѣди, начиная отъ Галилеи, до Іерусалима! Посему-то и Пилатъ, при всемъ усиліи обвинителей, — видя, что во Христѣ Іисусѣ не было никакихъ притязаній на верховную власть,—казалось, уже

не обращалъ и вниманія на обвиненіе; его взоры устремлены были только на обвиняемаго. Но Господь Іисусъ, что ни клеветали іудеи, молчалъ и не отвѣчалъ ни одного слова. *И егда нань глаголаху архіереє и старцы, ничесоже отвѣщаваше. Тогда глагола Ему Пилатъ: не слышиши ли, колико на Тя свидѣтельствуютъ* (Матѳ. 27, 12. 13)? *Не отвѣщаваеши ли ничтоже? Іисусъ же ктому ничтоже отвѣща* (Марк. 15, 4. 5), *ни къ единому глаголу* (Матѳ. 27, 14). Молчалъ Господь, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, „потому, что обвинители въ дѣлахъ Его могли видѣть безчисленныя доказательства Его силы, кротости, умѣренности; но произвольно слѣпотствовали, замышляли злое, и судъ ихъ былъ превратный“ [1]. „Неизреченнымъ молчаніемъ своимъ беззлобивый Страдалецъ обнаруживалъ свое величіе и высокое достоинство!“ Игемонъ, конечно, неожидавшій увидѣть въ подсудимомъ не только правоту, но и такое величіе, весьма удивился: *яко дивитися игемону зѣло*. „Да и надобно было удивляться,“ говоритъ тотъ же святитель, „видя такую кротость и молчаливость въ Томъ, Кто могъ сказать весьма многое,“ тогда какъ „сами они обвиняли Его не потому, что сознавали въ Немъ что нибудь худое, а по одной зависти и ненависти дѣлали это“ [2]. Однакожь судьѣ, убѣжденному въ невинности подсудимаго, нельзя было довольствоваться однимъ удивленіемъ, — первымъ дѣломъ игемона, въ настоящемъ случаѣ, долженствовало быть освобожденіе Невиннаго. И въ Пилатѣ въ самомъ дѣлѣ было это желаніе; къ тому именно и клонился вопросъ его, предложенный Іисусу: „не слышишь ли, сколько противъ Тебя свидѣтельствъ“? „Пилатъ хотѣлъ освободить Его, если Онъ будетъ защищать Себя, и для того сказалъ это“ [3].

---

[1] Бес. на Матѳ. 86. [2] Тамъ же. [3] Хр. чт., ч. 30, стр. 104 и 105.

Но легко ли было Пилату, съ его характеромъ, противостать столь сильнымъ обвинителямъ? Подробности суда надъ Іисусомъ Христомъ ясно показали, что за человѣкъ былъ Пилатъ. По всему видно, что сердцемъ этого человѣка, при видимомъ стремленіи его къ справедливости, управляли не внушенія вѣчнаго закона правды, а разсчеты самолюбія. Всѣ его дѣйствія обнаруживаютъ двоедушіе, жалкую борьбу своекорыстія съ чувствомъ долга, и побѣду перваго надъ послѣднимъ. То представляется онъ человѣкомъ добросовѣстнымъ и справедливымъ,—тамъ, гдѣ въ соблюденіи этихъ качествъ не предвидится опасности для внѣшняго благосостоянія; и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ съ силою, смѣло и рѣшительно,—изыскиваетъ и употребляетъ, кажется, всѣ возможныя, зависящія отъ него средства, чтобы сдѣлать требуемое отъ него добро. То вдругъ видимъ его человѣкомъ несправедливымъ, легкомысленнымъ, и даже злымъ до жестокости, — какъ-скоро требуютъ того разсчеты своекорыстія и эгоизма: въ этомъ случаѣ поступки его хотя и прикрываются также личиною правды, но въ существѣ своемъ показываютъ совершенное къ ней равнодушіе и холодность; тогда дѣятельность его управляется разсчетами благоразумія и изыскиваетъ средства уклониться отъ принесенія требуемой жертвы истинѣ. То является онъ существомъ слабымъ и нравственно безсильнымъ, до того подверженнымъ внѣшнему вліянію, что оно, повидимому, заставляетъ его дѣйствовать даже противъ воли, вопреки собственному его сознанію! Таковъ характеръ Пилата. Таковъ былъ тотъ человѣкъ-судья, отъ котораго іудеи-обвинители настоятельно требовали осужденія Іисуса Христа.

Послѣ этого понятно, отчего Пилатъ, видя, что осудить Іисуса Христа было бы величайшею несправедли-

востію, а не осудить — значило бы вооружить противъ себя весь синедріонъ,—рѣшился, для своего спокойствія, отклонить отъ себя обязанность производить столь затруднительный судъ, чтобъ не быть въ необходимости произнести смертный приговоръ, вопреки собственному убѣжденію. Въ наименованіи *Галилеи*, откуда, по показанію обвинителей, проносилась „возмутительная“ проповѣдь Господа, Пилатъ нашелъ предлогъ — передать судъ надъ Іисусомъ Христомъ — галилейскому тетрарху Ироду Антипѣ [1], находившемуся тогда въ Іерусалимѣ, и немедленно послалъ къ нему Господа. *Пилатъ же, слышавъ Галилею, вопроси: аще человѣкъ галилеанинъ есть? И разумѣвъ, яко отъ области Иродовы есть, посла Его къ Ироду, сущу и тому во Іерусалимѣ въ тыя дни* (Лук. 23, 6 и 7).

Сонмище іудейское устремилось и къ Ироду. *И предъ Иродомъ* преслѣдователи Господа Іисуса, іудеи, явились нещадными *поносителями* Его: *стояху же архіереи и книжницы, прилежно вадяще нань* (тамже, ст. 10). Какъ показались ихъ обвиненія самому Ироду, можно видѣть уже изъ того, что онъ совсѣмъ не уважилъ ихъ, и, несмотря на то, что давнее его желаніе — увидѣть отъ Христа Спасителя какое либо чудо *(бѣ бо желая отъ многа времене видѣти Его, зане слышаше многа о Немъ, и надѣяшеся знаменіе нѣкое видѣти отъ Него бываемо,* ст. 8)— не было удовлетворено, и что на всѣ многочисленные и безъ сомнѣнія пустые его вопросы, Господь не удостоилъ его въ отвѣтъ ни однимъ словомъ, Иродъ весь свой приговоръ ограничилъ тѣмъ, что наругался надъ Іисусомъ, уничижилъ Его, и въ довершеніе всего на-

[1] Кстати припомнить, что это тотъ самый Иродъ-плотоугодникъ, котораго Іоаннъ крститель обличалъ въ кровосмѣшеніи съ женою брата и который, изъ угожденія Иродіадѣ, подвергъ мученичеству св. обличителя. Матѳ. 14, 1 и 11.

дѣвъ на Него свѣтлую одежду, отправилъ Его обратно къ Пилату, чтобы чрезъ то дать ему знать, что взносимая на Него іудеями вина стоитъ развѣ только посмѣянія, а не опасеній, и не осужденія на казнь: *укоривъ же Его Иродъ съ вои своими, и поругався, оболкъ Его въ ризу свѣтлу, возрати Его къ Пилату* (тамже, ст. 11)[1].

Такимъ образомъ, никто изъ гражданскимъ судей не хотѣлъ осудить Господа Іисуса, — ни Пилатъ, который торжественно провозгласилъ, что не обрѣтаетъ въ Немъ никакой вины, ни Иродъ, который видѣлъ въ Немъ только предметъ посмѣянія. Но все это нимало не обезоружило іудеевъ! *И послѣ того, какъ самъ Иродъ не нашелъ въ Іисусѣ Христѣ уголовной вины, іудеи тѣмъ не менѣе требуютъ осужденія Его на смертную казнь,* какъ и въ самомъ началѣ суда! Съ тою же неукротимою ненавистію, первосвященники и книжники изъ дворца Иродова возвратились съ Господомъ Іисусомъ опять къ Пилату, рѣшившись заставить его, какими бы то ни было средствами, дѣйствовать по своему. Тщетно Пилатъ повторяетъ передъ ними ходъ всего судопроизводства, — указываетъ на то, что ни самъ онъ „не нашелъ Человѣка сего виновнымъ въ томъ, въ чемъ обвиняли Его, ни предъ Иродомъ не оказалось, чтобы Онъ сдѣлалъ что нибудь достойное смерти“. *Пилатъ же, созвавъ архіереи и князи и люди, рече къ нимъ: приведосте ми человѣка сего, яко развращающа люди: и се азъ предъ вами истязавъ ни единыя же обрѣтаю въ человѣцѣ семъ вины, яже нань вадите; но ни Иродъ: послахъ бо Его къ нему, и се ничтоже достойно смерти сотворено есть о Немъ.*

---

[1] *Быста же*, замѣчаетъ евангелистъ (ст. 12) *друга* (сдѣлались друзьями) *Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою: прежде бо бѣста вражду имуща между собою.*

(Лук. 23, 13. 14 и 15). Іудеи непреклонны были въ своемъ требованіи. *Наказавъ убо Его отпущу* (тамже, ст. 16): таково было заключеніе рѣчи Пилатовой къ обвинителямъ! Отпущу, наказавъ! За что же? Послѣ того, какъ Онъ, подсудимый, провозглашенъ совершенно невиннымъ, и самое малое наказаніе Его — не было ли уже явною несправедливостію и жестокостію [1]? Такъ; но по суду Пилата, это, безъ сомнѣнія, было необходимою уступкою неумолимой настойчивости сильныхъ обвинителей,— дѣломъ благоразумнаго снисхожденія къ ихъ жестоковыйности, — средствомъ къ утоленію столь сильно волновавшей ихъ ярости [2]. Впрочемъ Пилату представлялась еще надежда, не раздражая обвинителей, усовѣстить ихъ, и освободить Іисуса, даже, можетъ быть, безъ всякаго наказанія.

Такая надежда должна была представляться Пилату тѣмъ отраднѣе, что къ голосу его совѣсти теперь присоединился еще и голосъ его жены, которая предостерегала его, чтобы онъ ничего не дѣлалъ Праведнику, изъ-за котораго она много пострадала во снѣ: *сѣдящу же ему на судищи, посла къ нему жена его, глаголющи: ничтоже тебѣ и Праведнику тому: много бо пострадахъ днесь во снѣ, Его ради* (Матѳ. 27, 19)! И ту надежду подавалъ именно обычай народный — отпускать на праздникъ Пасхи по одному узнику. *И глагола имъ* (іудеямъ) *Пилатъ: есть обычай вамъ, да единаго вамъ отпущу на Пасху* (Іоан. 18, 40): *кого хощете (отъ обою) отпущу вамъ? Варавву ли, или Іисуса глаголемаго Христа? Вѣдяше бо, яко зависти ради предаша Его* (Матѳ. 27, 17).

---

[1] Одинъ изъ толкователей св. Писанія представляетъ на этотъ предметъ слѣдующую неопровержимую дилемму: Audi te ipsum, Pilate: si innocens est Christus, cur non absolvis? Si flagris caedendum judicas, cur innocentem illum pronuncias? (Gerhard harm. cap. 193, pag. 1889). [2] Св. Льва В. Разм. на стр. Господ.

По объясненію св. Златоуста, Пилатъ какбы такъ сказалъ: „Если не хотите отпустить Его, какъ невиннаго, то отпустите по крайней мѣрѣ какъ виновнаго, для праздника! Видишь ли извращеніе порядка? Обычай былъ такой, чтобы народъ просилъ объ осужденныхъ, а игемонъ отпускалъ. Теперь же дѣлается напротивъ: игемонъ требуетъ этого отъ народа, а они не укрощаются, но еще болѣе свирѣпствуютъ отъ зависти“, будучи уже не въ состояніи „ничего сказать въ Его обвиненіе“ [1]! Притомъ Пилатъ не прямо предложилъ имъ отпустить Іисуса, но поставилъ въ уровень съ нимъ Варавву—*связана нарочита* (извѣстнаго узника, Матѳ. 27, 16)), то есть *разбойника* (Іоан. 18, 40), *иже бѣ за нѣкую крамолу бывшую во градѣ и убійство ввержень въ темницу* (Лук. 23, 19), поставилъ, и далъ на выборъ одного изъ двухъ! Казалось бы, что тутъ и выбирать? Варавва былъ уже всѣмъ извѣстенъ, какъ дознанный убійца, и дѣло его давно рѣшено. Можно ли было нетолько отпустить его, но и сравнивать съ Іисусомъ, о которомъ только еще разсуждалось, и въ которомъ по крайней мѣрѣ Пилатъ не находилъ никакой вины. И однакожь Варавву судьи предпочли Іисусу, и сдѣлать это предпочтеніе расположили самый народъ. [2] *Архіерее же и старцы наустиша народы,*

[1] Бес. на Матѳ. 86. [2] Нѣкто іудей Сальвадоръ, желая объяснить, почему іудейскій народъ столь безчеловѣчно несправедливый къ Іисусу Христу — могъ принять участіе въ Варавѣ, говоритъ, что это отнюдь не былъ какой нибудь отъявленный злодѣй, презрѣнный преступникъ, котораго одно имя наводило ужасъ и отвращеніе. Нѣтъ, Варавва, по его увѣренію, былъ жаркій ревнитель отечественной свободы, котораго любовь къ отечеству побуждала къ благороднѣйшимъ предпріятіямъ; это былъ человѣкъ уважаемый, узникъ знаменитый, хорошо извѣстный старѣйшинамъ, синедріону, первосвященникамъ, и пользовавшійся важнымъ вліяніемъ на нихъ: и не трудно понять, какимъ образомъ народъ іудейскій съ своими непріязненными расположеніями къ римскому правительству, могъ принимать въ Варавѣ безмѣрное участіе (un interêt immense). Salv. Hist. des inst. de Moïs. t. II, pag. 105 — 109). Однакожь, при такомъ произвольномъ предположеніи, никакъ нельзя понять, какимъ образомъ римскій прокураторъ, которому, конечно, хорошо была извѣстна мрачная подозрительность римскаго двора, имѣя

да испросятъ Варавву, Іисуса же погубятъ (Матѳ. 27, 20). „Пилатъ“, по словамъ св. Златоуста, „не имѣлъ мужества, былъ слабъ; а архіереи были злобны и лукавы. Видишь ли, съ какою тщательностію стараются они не оставить для себя и тѣни къ своему оправданію! ибо что надлежало сдѣлать: отъявленнаго ли преступника отпустить, или сомнительнаго? Если позволено было отпускать одного изъ уличенныхъ преступниковъ, то тѣмъ болѣе, сомнительнаго. И конечно, Іисусъ не казался для нихъ худшимъ явныхъ человѣкоубійцъ! не просто сказалъ: имѣли разбойника, но разбойника явнаго, по своимъ злодѣяніямъ извѣстнаго, учинившаго безчисленныя убійства. Однако и сего предпочли Спасителю вселенной, и не посовѣстились ни времени святаго, ни законовъ человѣколюбія, ни другаго чего либо подобнаго. Зависть совершенно ослѣпила ихъ“ [1]. А они, своими злобными наущеніями, успѣли ослѣпить народъ, и ослѣпили до того, что всѣ стали требовать отпущенія Ва-

---

полную возможность — изъ всѣхъ узниковъ указать на любаго, — рѣшился бы избрать (для освобожденія) самаго подозрительнаго для римлянъ, открытаго мятежника, начальника партіи, опаснѣйшаго для римской политики,—особенно въ такое время, когда частыя возмущенія іудеевъ такъ сильно обнаруживали ихъ нетерпимость къ чуждому игу! Тѣмъ болѣе, возможно ли это предположить въ Пилатѣ, политикѣ столь тонкомъ, столь приверженномъ къ римскому двору, что одно имя кесаря совершенно обезоружило его, и, вопреки собственнымъ его рѣшеніямъ, сдѣлало малодушнымъ убійцею? Далѣе, если Варавва дѣйствительно былъ такой знаменитый мятежникъ, какимъ его представляетъ Сальвадоръ, то почему же совсѣмъ не упоминаютъ о немъ ни Іос. Флавій, ни Филонъ, между тѣмъ, какъ они со всею точностію наименовываютъ всѣхъ предводителей, бывшихъ въ то время возмущеній? Такъ, напримѣръ, говоря о возмущеніяхъ при Августѣ, при Тиверіѣ и его преемникахъ, они именуютъ Ѳевду,— сына извѣстнаго вора, Симона, раба Иродова, пастуха Аѳронта, и т. п. (V. Tillemon, Hist. des emper. t. II, p. 173—178); а о Варавѣ — ни слова. Личность его опредѣляется только сказаніями Евангелія; а по этимъ сказаніямъ онъ былъ извѣстенъ какъ разбойникъ, убійца. И когда св. апостолъ Петръ, обращая рѣчь свою къ тысячамъ іудеевъ, очевидцевъ, сказалъ прямо, что они испросили мужа убійцу (Дѣян. 3, 4), то никто не возразилъ противъ этого ни слова (V. Guillaume, crit. des doctrin. de mr. Salv. t. II, p. 226—230).

[1] Бес. на Матѳ. 86.

раввы: *возопиша же вси народи, глаголюще: возми* (на казнь) *Сего, отпусти же намъ Варавву* (Лук. 23, 18)! Столь неожиданный выборъ привелъ Пилата въ крайнее недоумѣніе. *Что убо сотворю Іисусу, глаголемому Христу* (Матѳ. 27, 22)? спросилъ онъ обвинителей, когда они стали просить отпущенія Вараввы. „Симъ вопросомъ", продолжаетъ тотъ же святитель, „онъ опять хочетъ посрамить ихъ: предоставляя имъ свободу въ выборѣ, внушаетъ, чтобы они хотя отъ стыда испросили Іисуса, и такимъ образомъ все бы отнеслось это къ ихъ великодушію. Если бы сказалъ онъ, что Іисусъ ни въ чемъ не согрѣшилъ, то тѣмъ вызвалъ бы ихъ только къ большимъ преніямъ; когда же испрашивалъ безопасность Ему у ихъ человѣколюбія, то противъ сей просьбы и убѣжденія нечего было прекословить имъ" (Матѳ. 27, 23). Но что? Несмотря на все это, весь народъ уже прямо сталъ требовать Господа Іисуса на распятіе: *глаголаша ему* (Пилату) *вси: да распятъ будетъ!* Никто, кажется, не хотѣлъ и слушать возраженій Пилата. *Игемонъ рече: кое убо зло сотвори Сей? Они же излиха вопіяху, глаголюще: да пропятъ будетъ* (Лук. 23, 22)! *Пилатъ третицею рече къ нимъ: что бо зло сотвори Сей? Ничесоже достойно смерти обрѣтохъ въ Немъ; наказавъ убо Его отпущу* (тамже, ст. 21. 22).—*Распни, распни Его!* Только и слышно было со всѣхъ сторонъ! *Они же прильжаху гласы великими, просяще Его на распятіе; и превозмогаху гласи ихъ* (крикъ народа) *и архіерейстіи* (Луки, ст. 23)

Пилатъ ясно видѣлъ, что озлобленіе іудеевъ противъ Іисуса Христа достигло высшей степени; видѣлъ, что ожесточенные враги Іисуса жаждутъ смертныхъ Его страданій, Его крови! Вмѣсто того, чтобы противостать ихъ злобѣ всею силою правды, слабый игемонъ, *для утоленія ярости обвинителей, велѣлъ бить Іисуса!* И вотъ

Господь Іисусъ, провозглашенный невиннымъ, предается жесточайшему бичеванію, которому подвергались только рабы, за весьма важныя преступленія, по большей части предъ осужденіемъ *на смерть!* [1] Къ жестокимъ мукамъ присоединено не менѣе жестокое посмѣяніе. *Тогда воини игемоновы пріемше Іисуса, ведоша Его внутрь двора, еже есть преторъ: и созваша всю спиру* (извѣстный отрядъ воиновъ), *и совлекше* (раздѣвъ) *Его, одѣяша Его въ ризу багряну: и сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложиша на главу Его, и трость въ деснищу Его: и поклонишеся на колѣну предъ Нимъ, ругахуся Ему, глаголюще: радуйся царю іудейскій. И плюнувше нань, пріяша трость, и біяху по главѣ Его* (Матѳ. 27, 27—30. Марк. 15, 16. Іоан. 19, 2). И когда грубые и свирѣпые воины игемоновы уже истощили надъ Господомъ всю свою жесто-

---

[1] Бичъ у римлянъ состоялъ изъ различныхъ кожаныхъ ремней, которые прикрѣплялись къ рукояткѣ и всѣ оканчивались кускомъ свинца или желѣза (Bynaeus de morte Christi, t. III). Посему-то одинъ изъ римскихъ поэтовъ (Martial) называетъ эти ремешки—lora horrida, а у другаго этотъ бичъ называется—horribile flagellum (Horat. Sat. l. 3. 119). Бичеваніе (flagellatio) — одно изъ самыхъ поносныхъ и мучительныхъ наказаній, еще болѣе становилось тяжкимъ отъ положенія страдальца, котораго тѣло было согнуто и обнажено даже до пояса, а руки прикрѣплены къ кольцу, утвержденному въ каменномъ столпѣ, который не могъ имѣть болѣе полутора фута возвышенія. Былъ ли Іисусъ Христосъ, во время бичеванія, привязанъ къ столпу, Евангелисты не упоминаютъ; но постоянное и всеобщее преданіе утверждаетъ, что былъ (S. Hieron. in Epitaph. Paulae. S. Paulin. Epist. 54. Prudent. Dyptich. LXI). Римляне, дѣйствительно, подвергали этому ужасному наказанію только за весьма важныя преступленія (Phil. in Flacc. p. 975); обыкновенно же предавали они бичеванію всѣхъ, кого осуждали на крестную казнь (Liv. l. 32, c. 26). Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ, это еще не было слѣдствіемъ осужденія на смерть, а только средствомъ къ утоленію ярости враговъ Іисусовыхъ, какъ видно изъ евангелиста Іоанна. Если же по сказанію евангелистовъ Матѳея и Марка тоже бичеваніе (ибо оно у нихъ описывается въ тѣхъ же чертахъ, какъ и у евангелиста Іоанна) представляется совершившимся уже послѣ осужденія Іисуса Христа, то это, по изъясненію бл. Августина (de Cons. Evang. lib. 3, cap. 9), должно понимать такъ, что евангелисты Матѳей и Маркъ заботились не о хронологическомъ порядкѣ повѣствованія, но о томъ, чтобы о самомъ судѣ надъ Іисусомъ Христомъ предъ Пилатомъ, разсказать въ непрерывномъ теченіи рѣчи: и потому сказаніе о бичеваніи предложили особо.

кость и язвительность, Пилатъ вышелъ къ іудеямъ, и сказалъ: *се извожду Его вамъ вонъ, да разумѣете, яко въ Немъ ни единыя вины обрѣтаю* (тамже, ст. 4). Съ намѣреніемъ указываетъ онъ теперь на невинность Іисуса Христа, чтобы тѣмъ сильнѣе могъ подѣйствовать на обвинителей жалостный видъ обвиняемаго [1]! Съ облитымъ кровію тѣломъ, съ терновымъ на головѣ вѣнцемъ, явился Господь Іисусъ предъ іудеями! *Се человѣкъ!* воскликнулъ Пилатъ. „Смотрите, какъ Онъ, въ угодность вамъ, поруганъ, измученъ [2]!“ И человѣческое ли сердце у того, кто не тронулся бы такимъ зрѣлищемъ? Но іудеи не тронулись! Жалостный видъ Іисуса еще усилилъ неистовые вопли. *Егда же видѣша Его архіереи и слуги, возопиша, глаголюще: распни, распни Его* (Іоан. 19, 5. 6).

Буйство неукротимыхъ враговъ Іисусовыхъ, повидимому, заставило Пилата забыть, на время, о потворствѣ злобнымъ ихъ требованіямъ! Подобно тому, какъ въ самомъ началѣ судопроизводства, когда іудеи домогались осужденія Господа Іисуса, безъ изслѣдованія вины, игемонъ насмѣшливою рѣчью далъ имъ замѣтить, что право суда принадлежитъ ему,—и теперь, когда тѣ же обвинители, уже по изслѣдованіи и признаніи невинности, требуютъ смертной казни, онъ такимъ же насмѣшливымъ оборотомъ напомнилъ имъ, что право жизни и смерти въ его рукахъ, и что они не могутъ принудить его—казнить вопреки собственному убѣжденію, и притомъ за преступленіе (мнимое) гражданское. *Поимите Его вы, и распните,* сказалъ Пилатъ іудеямъ: *азъ бо не обрѣтаю въ Немъ вины* (Іоан. 19, 6)! „Смотрите“, взываетъ св. Златоустъ, „какъ многообразно судья оправдываетъ Его, и какъ часто освобождаетъ отъ обвиненія! Но іудеевъ ничто не укротило!“ [3] Отвѣтъ Пилата, похожій на тотъ,

[1] Св. Злат., бес. на Іоан. 84. [2] Христ. чт., ч. 30, стр. 70. [3] Бес. на Іоан. 84.

какой слышали отъ него въ началѣ суда, повидимому, только напомнилъ имъ о коварномъ способѣ дѣйствованія: и вотъ, какой въ началѣ употребили они изворотъ *обвиненія*, къ такому прибѣгаютъ теперь извороту *осужденія* на казнь,—*отъ гражданскаго обвиненія*, такъ какъ оно оказалось совершенно недѣйствительнымъ, *обращаются уже къ религіозному: мы законъ имамы*, вопіютъ они, *и по закону нашему долженъ есть умрети, яко Себе Сына Божія сотвори* (Іоан. 19, 10).

Имя „Сына Божія“ испугало Пилата: *егда убо слыша сіе слово, паче убояся.* Можетъ быть, именно опасеніе—произнесть приговоръ надъ Сыномъ Божіимъ [1] (а оно, точно, могло родиться въ умѣ Пилата, потому что у язычниковъ было вѣрованіе, что боги весьма нерѣдко сходятъ на землю, въ видѣ человѣческомъ и раждаютъ полубоговъ [2]), побудило его немедленно приступить къ вторичному допросу. Вошедши снова въ преторію, онъ спросилъ Господа Іисуса о Его происхожденіи: *откуду еси Ты?* Господь не далъ ему отвѣта: *Іисусъ же отвѣта не даде ему* (Іоан. 19, 8. 9), безъ сомнѣнія потому, что глубокій язычникъ не приготовленъ былъ къ принятію тайны предвѣчнаго рожденія,—если она не могла найти себѣ мѣста даже въ умахъ первосвященниковъ и книжниковъ, почивавшихъ на законѣ Моисеевомъ [3]! Притомъ, какъ судья гражданскій, онъ и не имѣлъ права простирать свой судъ на предметы религіозные. Но Пилатъ разсуждалъ иначе, и, какъ видно, не хотѣлъ уразумѣть значеніе молчанія Іисусова, а только помнилъ о своей власти и о собственномъ гражданскомъ значеніи, что ясно доказываютъ дальнѣйшія его слова: *мнѣ ли не глаголеши?* сказалъ онъ: *не вѣси ли, яко власть имамъ рас-*

[1] S. Cyrill. Alex. in Joh. l. XII, c. 20. S. Chrysost. loco cit. [2] Ovid. Metam., l. 1. Сн. Дѣян. 14, 11. 12. [3] Хр. чт., ч. 30, стр. 79.

пяти Тя, и власть имамъ пустити Тя (Іоан. 19, 10)? „Видишь ли“, говоритъ св. Златоустъ, „какъ онъ предварительно произноситъ судъ на самого себя! Вѣдь, если все зависитъ отъ тебя, Пилатъ, то почему же ты. не нашедши въ Немъ никакой вины, не отпущаешь Его?“ [1] Поэтому, самъ Господь Іисусъ не умедлилъ обличить гордаго судью,—и поднять взглядъ его отъ земли къ небу: *не имаши* (ты не имѣлъ бы) *власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше* [2]; *сего ради* [3] *предавый Мя* [4] *тебѣ болій грѣхъ имать*. При этихъ словахъ нельзя не повторить съ блаженнымъ Августиномъ, что Іисусъ

[1] Бес. на Іоан. 84. [2] „*Дано* здѣсь тоже,“ говоритъ св. Златоуст, “что допущено; значитъ, какбы такъ сказалъ Онъ: Богъ попустилъ быть сему; однакожъ это не избавляетъ васъ отъ грѣха...“ (Бес. на Іоан. 84). Отсюда видно, что по разумѣнію св. Златоуста, *свыше*, ἄνωθεν, означаетъ *отъ Бога*. Такъ объясняютъ эти слова и другіе церковные толкователи (напр. Евѳимій: εἰ μὴ γάρ σοι συγκεχωρημένον ἦν ἐκ Θεοῦ). А то мнѣніе, будто подъ словомъ *свыше* разумѣется синедріонъ, предавшій Іисуса Христа Пилату (Semler, Bolten), или кесарь, отъ котораго Пилатъ сдѣланъ прокураторомъ (Usteri), весьма произвольно и неумѣстно. [3] *Сего ради*, относится къ словамъ: дано свыше. Но въ такомъ случаѣ естественно раждается недоумѣніе: слѣдуетъ ли изъ того, что власть судить Іисуса Христа дана была Пилату свыше, чтобы онъ (если судилъ несправедливо) имѣлъ меньшій грѣхъ, нежели тѣ, которые предали ему Іисуса? — Какимъ же образомъ рѣшить это недоумѣніе? Златоустъ, Ѳеофилактъ, Евѳимій — выраженіе *сего ради* относятъ не къ слову: дано свыше, и проч., — но къ предшествовавшимъ словамъ Пилатовымъ, и выраженіе διὰ τοῦτο—объясняютъ такъ. „посему-то, что ты, имѣя власть освободить Меня, не освобождаешь, и ты не освободишься отъ грѣха, хотя твой грѣхъ и меньшій грѣха тѣхъ, которые предали Меня тебѣ: ибо ихъ грѣхъ — злобное человѣкоубійство, а твой — слабость и легкомысліе.“ (Euthym: διότι ἐξουσίαν ἔχεις, καὶ οὐκ ἀπολύεις με, οὐκ ἀπολέλυσαι ἁμαρτίας, εἰ καὶ ἐλάττονος τῆς τῶν παραδόντων μὲ σοί. Καὶ γὰρ οὗτος μὲν μιαιφόνος, σὺ δὲ ἀπλοῦς καὶ εὐρίπιστος). Въ такомъ объясненіи достовѣрно по крайней мѣрѣ то, что относительная важность грѣха Пилата и іудеевъ зависитъ не отъ того только, что ему, игемону, дано было судить свыше; но главнымъ образомъ отъ тѣхъ расположеній, съ которыми первый и послѣдніе участвовали въ судѣ надъ Іисусомъ Христомъ. Принявъ это въ соображеніе, мы можемъ въ выраженіи „сего ради“ найти нѣкоторое довольно близкое отношеніе и къ слову „дано свыше,“— въ слѣдующей связи рѣчи: „судить дано тебѣ свыше, и ты судишь, — судишь по праву (хотя и безъ правды): посему-то меньшій на тебѣ грѣхъ за несправедливость суда, за злоупотребленіе даннаго тебѣ права, чѣмъ на тѣхъ, которые предали Меня тебѣ на судъ, безъ всякаго права, беззаконно, и настоятельно требуютъ беззаконнаго осужденія, не имѣя сами на то власти.“ [4] *Предавый* — въ значеніи слова „собирательнаго“ относится ко всѣмъ вообще іудеямъ, предавшимъ Господа.

Христосъ, „когда не отвѣчалъ, то молчалъ, какъ агнецъ; а когда отвѣчалъ, то училъ, какъ пастырь! [1]“ И здѣсь мы, дѣйствительно, слышимъ истинный гласъ Пастыря, который, рѣшившись положить душу свою за овецъ, не оставляетъ безъ вразумленія и самыхъ враговъ, которые умышляли на жизнь Его. Не удовлетворивъ, можетъ быть, одному любопытству Пилата, Господь подаетъ помощь слабой Его совѣсти, открываетъ ему важнѣйшую и полезнѣйшую для него тайну, что дѣло, которымъ онъ теперь занимается, подлежитъ суду высшему, небесному, и вмѣстѣ—напоминаетъ истину, которую надлежало бы помнить всякому судьѣ, что суды земные, какъ и всѣ дѣянія человѣческія, находятся подъ невидимымъ управленіемъ Судіи небеснаго, который потребуетъ нѣкогда строгаго отчета отъ неправедныхъ властителей; мало того: Онъ даетъ Пилату даже предварительно слышать будущій себѣ приговоръ небеснаго Судіи за то, что не спасъ отъ смерти Праведника,—слышать, что его ожидаетъ непремѣнное наказаніе, хотя и меньшее въ сравненіи съ наказаніемъ личныхъ враговъ и преслѣдователей Іисусовыхъ [2]. И отвѣтъ Господа Іисуса столь сильно подѣйствовалъ на Пилата, что онъ съ того же времени рѣшился отпустить Его: *отъ сего искаше Пилатъ пустити Его* [3]. Но со стороны іудеевъ нельзя было не ожидать сопротивленія; и если Пилатъ, несмотря на нравственное свое безсиліе, могъ находить для себя подкрѣпленіе во власти кесаря,—то послѣдніе могли взять надъ нимъ верхъ неистовымъ своимъ безстыдствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, іудеи *еще разъ прибѣгаютъ къ изворотку,*—

---

[1] Tract. in Joh. 118 [2] Христ. чт., ч. 30, стр. 81—83. [3] Такъ какъ и прежде сего Пилатъ провозглашалъ невинность Іисуса Христа, и, значитъ, искалъ отпустить Его: то, въ настоящемъ случаѣ, слова Евангелиста должно понимать такъ, что рѣшимость Пилата особенно усилилась послѣ втораго допроса Іисуса Христа. Cf. August. Tr. in Joh. 112.

опять указываютъ на преступленіе политическое, и, ничего не слушая, присоединяютъ *угрозы Пилату,* и наводятъ подозрѣніе на его вѣрность кесарю. *Іудеи же вопіяху, глаголюще: аще сего пустиши, нѣси другъ кесареву*[1]. *Всякъ, иже царя себе творитъ* (называющій себя царемъ), *противится кесарю* (Іоан. 19, 12). Какое ужасное безстыдство! „Гдѣ явился этотъ противникъ?“ вопрошаетъ великій святитель: „откуда можно показать сіе? Отъ багряницы ли? отъ діадимы ли? отъ вида ли? отъ воиновъ ли? Не одинъ ли Онъ съ двѣнадцатью учениками ходилъ и имѣлъ все нищенское, и пищу, и одежду, и домъ“, да имѣлъ ли домъ-то?[2] „И ты, Пилатъ“, взываетъ другой великій святитель, „ты устрашился безразсудной угрозы? Вѣдь только въ томъ случаѣ могло бы быть страшно для тебя царское имя, и ты долженъ бы былъ ради власти кесаря подавлять новую власть, когда бы о властолюбивыхъ видахъ свидѣтельствовали мятежныя приготовленія, запасъ оружія, сборъ податей, или измѣна воиновъ. Зачѣмъ же ты дозволяешь обвинять въ домогательствѣ власти Того, кто особенно проповѣдуетъ смиреніе?“[3]

Подозрѣніе въ невѣрности кесарю, провозглашенное іудеями всенародно,—будто громомъ потрясло честолюбивое сердце малодушнаго Пилата, и онъ, въ настоящей, видимо угрожавшей ему опасности, нимало не усомнился отбросить свою двуличную ревность къ правдѣ. Вотъ восходитъ онъ уже на *лиѳостротонъ*[4], для произнесе-

---

[1] *Amicus Caesaris* было почетнымъ титломъ римскихъ легатовъ и префектовъ (V. Wetstein zu d. St.). Здѣсь употреблено это имя въ болѣе общемъ значеніи, только для выраженія преданности и вѣрности кесарю, — какъ ясно видно это изъ противоположнаго выраженія: противиться кесарю. [2] Св. Злат., бес. на Іоан. 84. [3] Св. Льва вел., разм. на страд. Господ. [4] Λιθόστρωτον, pavimentum tesselatum. Это былъ высокій помостъ, или полъ, устланный мраморомъ, по большей части разноцвѣтнымъ, художественно расположеннымъ. Сирохалдейское слово Гавваѳа,

нія приговора подсудимому, и въ борьбѣ съ совѣстію употребляетъ послѣднее усиліе избавить отъ казни Невиннаго,—покушается укротить неистовство іудеевъ [1]—новою язвительною укоризною: *и глагола іудеомъ: се Царь вашъ! Они же вопіяху: возми, возми, распни Его! Глагола имъ Пилатъ: Царя ли вашего распну* (Іоан. 19, 14. 15)? Этотъ вопросъ навелъ іудеевъ на мысль, что они этимъ именно доносомъ успѣли поколебать душу судьи, и потому преступную свою побѣду надъ его волею довершаютъ торжественнымъ *изъявленіемъ мнимаго своего усердія къ кесарю*. Какбы желая показать себя болѣе римлянами, нежели самъ Пилатъ, лицемѣры отвѣчаютъ ему, что у нихъ нѣтъ царя, кромѣ кесаря: *отвѣщаша архіерее: не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15)! Въ довершеніе всего, *умножается волненіе въ народѣ;* смертоубійственные вопли часъ отъ часу становятся грознѣе и грознѣе. *Видѣвъ же Пилатъ, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ* (Матѳ. 27, 24), рѣшился наконецъ угодить ожесточенному народу,—*хотя народу хотѣніе сотворити* (Марк. 15, 15), то есть,—произнести смертный приговоръ Господу! Но можно ли назвать судомъ то, что хочетъ онъ сдѣлать теперь? Пользуется ли онъ необходимою для судьи свободою духа? Какія новыя доказательства представлены ему, что онъ перемѣняетъ свое убѣжденіе относительно невинности Іисуса, о которой самъ же съ такою силою и настойчивостію свидѣтельствовалъ? Или убѣжденіе можетъ быть и осталось въ робкой душѣ его, и только злоба коварно исторгла у малодушнаго судьи беззаконный приговоръ?!

(גַּבְתָּא или גַּבְעָא отъ גִּבְעָה или גַּבָּה), тоже означаетъ возвышенный помостъ. Среди лиѳостротона находилось судейское мѣсто — βῆμα, tribunal, подъ открытымъ небомъ (V. Bynaeus, de morte Christi, lib. 3, p. 165. 174).

[1] Св. Левъ въ указанномъ мѣстѣ.

Готовясь осудить Іисуса Христа на смерть, Пилатъ довершаетъ свое свидѣтельство о Его невинности, и о собственномъ своемъ нравственномъ безсиліи, — довершаетъ гласнымъ *наименованіемъ осуждаемаго Праведникомъ, и умовеніемъ рукъ*—въ знакъ того, что онъ не хочетъ участвовать въ пролитіи Его крови. Малодушно поправъ справедливость, онъ силится сохранить на себѣ ея личину! *Видѣвъ же, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, пріемъ воду, умы руцѣ предъ народомъ, глаголя: неповиненъ есмь отъ крове праведнаго сего; вы узрите* (смотрите вы!—Матѳ. 27, 24)! И онъ отдалъ имъ Іисуса на распятіе.. Но пусть умыты руки твои, Пилатъ; все таки онѣ остаются обагренными невинною кровію! „Умытыя руки не очищаютъ оскверненной души, и на окропленныхъ водою перстахъ не изглаживается то, что совершается изъ раболѣпства нечестивымъ умамъ“ [1]. Ты пролилъ кровь Праведника по малодушію, *по слабости;* но виновенъ въ томъ, что принесъ Его въ жертву *чужой злобѣ!* Роды и поколѣнія, до скончанія вѣка, будутъ повторять: *Праведный* пострадалъ при Понтіѣ Пилатѣ! Твое имя осталось въ исторіи, чтобъ быть именемъ мучителей, играющихъ истиною и человѣчествомъ,— чтобъ быть урокомъ малодушнымъ судьямъ. для вразумленія ихъ — какъ постыдно въ дѣлахъ правосудія уступать чужой враждѣ, вопреки собственному убѣжденію. Неистовая чернь свирѣпѣла у подножія твоего судилища [2], и можетъ быть ты самъ не былъ безопасенъ на

[1] Св. Левъ В. въ разм. на страд. Господ. Эта мысль, которую весьма нерѣдко можно встрѣтить и у многихъ языческихъ писателей (V. Wolf Curs. Philol. ad Math. 27, 24), безъ сомнѣнія, была хорошо извѣстна и Пилату.

[2] Не могъ не знать Пилатъ и этого превосходнаго римскаго закона: „vanae voces populi non sunt audiendae, quando aut noxium crimine absolvi, aut innocentem condemnare desiderant.“ Lex. 12, Cod. de poenis. Могъ онъ читать и у Горація:

Justum ac tenacem propositi virum,

твоемъ лиѳостротонѣ! Что нужды? Отъ тебя требовали не того, чего требовала совѣсть: въ такомъ случаѣ лучше было бы подвергнуться смерти, чѣмъ приговорить къ смерти. Но если такъ тяжко „согрѣшилъ Пилатъ, сдѣлавъ то, чего не хотѣлъ“; то какой тяжкій грѣхъ палъ на вашу совѣсть, іудеи, когда сдѣланное имъ—„вынуждено у него вашимъ неистовствомъ?[1]“ Сами они довершили собственное свидѣтельство о своемъ крайнемъ ослѣпленіи и ожесточеніи противъ Господа Іисуса, когда въ отвѣтъ на слова Пилата: „я неповиненъ въ крови Праведнаго сего!“ единогласно возопили, и *отвѣщавше вси людіе рѣша: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. 27, 25)! И такимъ образомъ за осужденіе Іисуса Христа изрекли проклятіе на самихъ себя, и на все свое потомство. „Смотри же“, поучаетъ св. Златоустъ, „сколь велико ихъ безуміе! Такова безразсудная ярость, такова злая страсть! Не позволяетъ видѣть того, что̀ должно видѣть. Пусть такъ, что вы самихъ себя прокляли; для чего навлекаете проклятіе и на дѣтей?“ [2] Итакъ тѣ, которые „Пророковъ убивали своими руками, Христа убиваютъ по опредѣленію судьи. Они все дѣлаютъ,—и убиваютъ своими руками, и судятъ сами по себѣ, и осуждаютъ, крича предъ Пилатомъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ;* нападаютъ съ неистовствомъ, и сами по себѣ мучатъ, связываютъ, отводятъ, дѣлаются виновниками обидъ, нанесенныхъ воинами... Сами все дѣлали,—сами были и доносчиками, и судьями, и палачами, и всѣмъ!“ [3] Вотъ краткій, но вѣрный очеркъ всего суда, или лучше ужаснаго злодѣянія іудеевъ, совершеннаго подъ видомъ суда надъ Господомъ Іисусомъ!

Non civium ardor prava jubentium,
Menti quatit solida.

[1] Св. Льва В. Разм. на страд. Госп. [2] Бес. на Матѳ. 86. [3] Бес. на Матѳ. 87.

Взглянемъ теперь вообще на весь ходъ суда *предъ Пилатомъ*. Что дѣлали тутъ іудеи? Они то *уклоняются* отъ *показанія вины* лица, представленнаго на судъ,— безъ сомнѣнія, потому что и сами не находятъ ея, и однакожь уничижаютъ это лице именемъ злодѣя; то прибѣгаютъ къ самой безстыдной *клеветѣ*,—и трижды дѣлаютъ *изворотъ* въ главномъ обвиненіи; то, при многократномъ оправданіи обвиняемаго ими, со стороны судьи, неотступно требуютъ осужденія Его на смерть, — не убѣждаются увѣщаніями игемона быть снисходительными, — предпочитаютъ разбойника Тому, Кто всенародно признанъ невиннымъ,—не трогаются жестокимъ бичеваніемъ своей жертвы; хитростію, притворствомъ, угрозою, устрашеніемъ, буйными, мятежными воплями, исторгаютъ у судьи приговоръ; и послѣ всего этого, наперекоръ игемону, который, противъ воли и совѣсти, назначая смерть Праведнику, желалъ бы быть неповиннымъ въ крови Его,—призываютъ кровь сего Праведника на себя, и на все свое потомство!

Гдѣ же—въ этихъ ужасныхъ дѣйствіяхъ іудеевъ— хотя малѣйшіе слѣды іудейскаго правосудія? Гдѣ сообразность съ тѣми кроткими и человѣколюбивыми законами, которыми должны были руководствоваться блюстители іудейскихъ законоположеній? Нѣтъ, *законъ, предписывавшій всевозможную точность въ показаніяхъ свидѣтелей-доносчиковъ*,—не могъ одобрять уклоненія обвинителей отъ прямаго показанія вины; законъ, *грозившій смертію за доносъ ложный*, не могъ потворствовать лжи и клеветѣ; законъ, *требовавшій полнаго вниманія ко всякой защитѣ невинности*, не могъ оправдывать упорной, закоренѣлой ненависти къ подсудимому, не хотѣвшей слушать никого и ничего оправдывающаго! Законъ *кроткій, человѣколюбивый*, могъ ли предписывать жестокость,

безчеловѣчіе? И, конечно, не предписывалъ онъ, чтобы обвинители грозили судьямъ, и насильно исторгали у нихъ смертный приговоръ!

Если коснемся хотя нѣсколькими чертами *самаго выполненія мнимо-судебнаго приговора,* совершенія крестной казни надъ Іисусомъ Христомъ; то и здѣсь увидимъ въ іудеяхъ тѣхъ же ослѣпленныхъ и ожесточенныхъ враговъ Христовыхъ. Когда Господа Іисуса вели на *мѣсто лобное,* для пропятія, плачъ взысканнаго Его благотвореніями народа [1], а особенно, рыданіе женъ іерусалимскихъ, сопровождали Его шествіе. Это было для Божественнаго Страдальца прощаніе съ Іерусалимомъ, и при этомъ-то, угрожавшія сему отечественному городу бѣдствія, казалось больше поражали душу Господа Іисуса, чѣмъ тяготѣвшій на раменахъ Его крестъ: о нихъ-то, объ этихъ бѣдствіяхъ, а не о Себѣ, велитъ Господь плакать плачущимъ (Лук. 23, 26. 27). Не есть ли это самый высокій примѣръ любви къ отечеству? Вотъ не отстаютъ отъ крестнаго пути и первосвященники и книжники: но съ какими чувствами? Что̀ ведетъ ихъ на Голгоѳу? Не злобное ли желаніе быть свидѣтелями безчестія и мученій умирающаго Господа Іисуса? [2] Предполагать въ нихъ это желаніе можно по крайней мѣрѣ на томъ основаніи, что, когда Спаситель — въ тягчайшихъ мукахъ, испускалъ духъ, они ругались надъ Нимъ, и поносили Его (Матѳ. 27, 23. 25): *мимоходящіи же хуляху Его, покивающе главами своими; такожде же и архіереи ругающеся, другъ ко другу съ книжники и старцы и фарисеи, глаголаху: иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти? Да снидетъ нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него* (Матѳ. 27, 41. 42. Марк. 15, 31)!

---

[1] Злат., бес. на Матѳ. 87. [2] Хр. чт., ч. 30, стр. 210.

При этомъ достойно удивленія, что іудеи въ свои ругательства включили такія слова, которыя пророчественно изрекъ Давидъ: *вси видящіи Мя поругашамися, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Бога, да избавитъ Его, аще хощетъ Ему* (Матѳ. 27, 39 — 43. Марк. 15, 25. 32. Лук. 23, 35. Пс. 21, 8. 9). Конечно, эти главные виновники осужденія Господа, можетъ быть, и не сознавали того, что своими устами повторяли пророчество о совершаемомъ ими злодѣяніи надъ Іисусомъ Христомъ. Но то несомнѣнно, что свое беззаконіе всячески старались они прикрыть какимъ бы то ни было видомъ *законности*. Слѣпая злоба ихъ, повидимому, хотѣла обмануть весь свѣтъ! Тогда какъ всѣмъ стало извѣстно, что единственною причиною столь ужасной казни были они сами, и что Пилатъ долго не соглашался осудить Его, естественно было имъ осуждать Его, чтобы не допустить установиться такому общественному мнѣнію; въ противномъ случаѣ чужеземные іудеи, стекшіеся со всего свѣта на праздникъ, разнесли бы всюду извѣстіе, что синедріонъ, удовлетворяя своимъ страстямъ, предалъ поносной смерти Праведника, едвали даже не Мессію [1]. Вотъ почему архіереи, книжники и фарисеи, принимая на себя видъ усердныхъ служителей Бога Израилева, и строжайшихъ ревнителей закона,—и тутъ, въ самыхъ насмѣшкахъ и ругательствахъ (которыя всего чаще роняютъ достойнѣйшихъ людей въ общемъ мнѣніи), повторяютъ почти всѣ главныя обвиненія, послужившія предлогомъ къ осужденію Іисуса Христа: и лжесвидѣтельство о Его мнимомъ покушеніи разорить храмъ, и наименованіе себя Сыномъ Божіимъ, и даже притязаніе на титло царя іудейскаго! *Уа,* вопіяли беззаконные, *уа, разоряяй церковь, и тремя денми созидаяй, спасися самъ*

[1] Христ. чт., ч. 30, стр. 224.

(Марк. 15, 29). *Рече, яко Божій есмь Сынъ! Царь Израилевъ — да снидетъ нынѣ со креста* (Матѳ. 27, 43)! и т. п. — „Изъ какого источника заблужденія“, скажемъ здѣсь съ великимъ Львомъ, „изъ какого моря зависти испили они ядъ такихъ богохульствъ? [1]“

Это ругательство беззаконныхъ надъ распятымъ Іисусомъ Христомъ, — кромѣ увеличенія мукъ Того, кого они считали своимъ врагомъ, не было ли также и средствомъ къ утишенію мукъ собственной, тревожной ихъ совѣсти? И не потому ли они, взывая къ Распятому: *аще Сынъ єси Божій? — обращались другъ къ другу,* — какбы желая на лицѣ каждаго соучастника въ злодѣяніи прочитать увѣреніе, что и тотъ не отсталъ отъ своихъ мыслей и чувствъ? Какъ бы то ни было, только мысль, что іудеи, ослѣпленные закоренѣлою злобою, осудили Господа Іисуса на смерть, съ совѣстію сомнящеюся, — не Онъ ли дѣйствительно Христосъ Сынъ Божій, — совершенно правдоподобна. А если это на самомъ дѣлѣ было такъ, то виновность іудеевъ въ убійствѣ Господа Іисуса Христа еще болѣе увеличивается, становится еще ужаснѣе!

„О пребезумія и христоубійства пророкоубійцъ! о іудее беззаконніи! о неразумніи людіе!“ воспѣваетъ православная Церковь Христова: „не помянусте ли что̀ отъ чудесъ Христовыхъ, множество исцѣленій? Но и всея Его не разумѣсте ли божественныя силы, якоже первѣе отцы ваши? Нынѣ же и вы не разумѣсте [2].“ „Пагубное соборище богомерзкихъ и лукавствующихъ богоубійцъ! Рцыте, беззаконніи, что слышасте отъ Спаса нашего? Не законъ ли положи и пророческая ученія? Како убо помыслисте предати на смерть иже отъ Бога, Бога Слова, естествомъ Животодавца, — закона не разумѣюще, нечестивіи; паче же уязвлени самозавистною злобою!“ [3]

[1] Избр. разм. на страд. Госп., Хр. чт. 1845 г., ч. II. [2] Постн. тріодь. Вел. субб. утр. ст. 3, стр. 139. [3] Вел. пят. утр. пѣсн. 9, тр. 7.

Невольно поражаетъ насъ при семъ и то, что по словамъ великаго святителя и учителя вселенскаго, даже до столь ужасной степени зла можетъ доходить и всякій человѣкъ—по нерадѣнію, непримѣтно, начиная съ самаго малаго зла! „Молю васъ“, говоритъ св. Златоустъ, „не давайте мѣста“ въ своей душѣ „какому бы то ни было злу; не обольщайте себя симъ душепагубнымъ помысломъ: что̀ за важность въ томъ или этомъ? Отсюда-то раждаются безчисленные роды золъ. Коварный діаволъ начинаетъ дѣйствія свои съ малаго. Ибо есть въ душѣ нашей нѣкоторый стыдъ грѣха, котораго вдругъ одолѣть, чтобы дойти до безстыдства, нельзя; напротивъ, душа нисходитъ до крайней погибели непримѣтно, мало-по малу, когда вознерадитъ. Смотри, какъ поступилъ діаволъ съ Каиномъ. Не тотчасъ увлекъ его на убійство брата, да иначе и не успѣлъ бы убѣдить его: но вопервыхъ, склоняетъ его принесть худшее на жертву, внушаетъ ему, что въ этомъ нѣтъ грѣха; вовторыхъ, возжегъ въ немъ зависть, увѣряя, что ничего и въ этомъ нѣтъ; потомъ вътретьихъ, убѣдилъ умертвить брата и запираться предъ Богомъ въ гнусномъ смертоубійствѣ, и не прежде отступилъ отъ него, пока не довелъ до крайняго зла. Итакъ, надобно отражать зло въ началѣ. Еслибы іудеямъ не представлялось маловажнымъ то, что они плѣнены тщеславіемъ, то, конечно, не дошли бы до христоубійства! И всякое зло такъ обыкновенно совершается. Всякій не скоро и не вдругъ впадаетъ въ нечестіе!“ [1]

Съ другой стороны, нельзя намъ не вспомнить, что тогда, какъ виновники осужденія Іисуса Христа на смерть, лишь только прикрываясь личиною законности, на самомъ дѣлѣ, въ своемъ ослѣпленіи, допускали беззаконіе

[1] Бес. на Матѳ. 86.

за беззаконіемъ, — они же, сами не вѣдая, творили то, что̀ должно было совершиться и совершалось „по точному предопредѣленію и проразумѣнію Божію (Дѣян. 2, 23)“—по неисповѣдимымъ судьбамъ всеблагаго Промысла, отъ вѣчности предопредѣлившаго даровать оправданіе грѣшному роду человѣческому, чрезъ осужденіе единаго Праведнаго и Безгрѣшнаго.

„Но исполненіемъ такого распоряженія“, скажемъ словами св. Льва великаго [2], „мы нисколько не обязаны вамъ, іудеи... Безъ вашей воли, нечестіе ваше послужило къ нашему спасенію, хотя и вами совершенно то, *елика рука* Божія *и совѣтъ преднареченъ быти* (Дѣян. 4, 28). Посему-то и смерть Христова (къ которой вы присудили Его) насъ освобождаетъ, а васъ осуждаетъ; и подлинно, только вы одни не имѣете того, чего хотѣли вы лишить всѣхъ. Впрочемъ Искупитель нашъ столь благъ, что даже и вы можете получить прощеніе, если, исповѣдавъ Христа Сыномъ Божіимъ, оставите отцеубійственную злобу; ибо Господь не напрасно такъ молился на крестѣ: *Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34)!“

[1] Избр. разм. на страд. Госп. Хр. чт. 1845. г., ч. 2.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О СУДѢ

НАДЪ ГОСПОДОМЪ ІИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ ПРЕДЪ КАІАФОЮ И ПИЛАТОМЪ.

Размышляя о судѣ надъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ предъ Каіафою и Пилатомъ, мы, христіане, приходимъ къ тому трогательному и вмѣстѣ утѣшительному и спасительному для насъ убѣжденію, что тогда какъ беззаконные судьи, для своей погибели, совершали ужасное злодѣяніе, вопреки Божескимъ и человѣческимъ законамъ,— всеправедный Господь Богъ, для спасенія рода человѣческаго, совершалъ такое дѣло, которое отъ вѣка было предопредѣлено, и должно было совершиться по неизслѣдимымъ законамъ Его премудрости, правосудія и благости, какъ совершилась и вся тайна искупленія.

Разсмотримъ же это событіе, въ духѣ вѣры Христовой, при свѣтѣ слова Божія и руководствѣ св. Церкви, съ двухъ указанныхъ сторонъ: I) какъ предопредѣленное свыше, и II) какъ искупительное.

I.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ преданъ суду и осужденію по точному предопредѣленію и проразумѣнію Божію“ (Дѣян. 2, 25), такъ что не только приговоръ,

произнесенный Каіафою и Пилатомъ, еще отъ вѣка былъ преднаписанъ *въ главизнѣ книжнѣ* судебъ Божіихъ (Псал. 39, 8), но и все, что ни случилось на этомъ судѣ, *рука* Божія *и совѣтъ преднареченъ быти* (Дѣян. 4, 28). Это видно изъ того, что здѣсь, дѣйствительно, исполнилось все то, что за нѣсколько вѣковъ предъизображено было *въ писаніяхъ пророческихъ*, и на что указывалъ пророчественно самъ *Іисусъ Христосъ*, прежде самаго событія.

Такъ предсказаны были 1) самыя *внѣшнія обстоятельства суда* надъ Іисусомъ Христомъ, какъ-то: *подкупъ, предательство ученика, разсѣяніе учениковъ, отреченіе одного изъ нихъ* въ продолженіе самого суда, а также — *время событія* и *совокупное участіе въ судѣ и осужденіи Іисуса Христа іудеевъ и язычниковъ*.

Подкупъ предсказалъ пророкъ Захарія, когда съ точностію опредѣлилъ и самую цѣну *Цѣненнаго отъ сыновъ израилевыхъ — тридесять сребреникъ* (Зах. 11, 12).

О предательствѣ ученика предрекъ пророкъ Давидъ— словами: *ядый со мною хлѣбъ, воздвиже на мя пяту свою* (Пс. 40, 10. сн. Іоан. 13, 18). Указывая на сіи слова, самъ Господь Іисусъ Христосъ за тайною вечерію, омочивъ хлѣбъ въ солило и подавъ его предателю, сказалъ ученикамъ своимъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Матѳ. 26, 21).

Разсѣяніе учениковъ въ ту ночь, когда Господь Іисусъ былъ преданъ въ руки нечестивыхъ на судъ и мученія, предсказалъ пророкъ Захарія, когда взывалъ къ мечу: *порази пастыря, и расточатся овцы стада* (Зах. 13, 7)! Это, безъ сомнѣнія, пророчество имѣлъ въ виду Господь, когда сказалъ ученикамъ своимъ: *вси вы соблазнитеся о Мнѣ въ нощь сію* (Іоан. 13, 18—26).

Отреченіе одного изъ нихъ въ то самое время, когда Господь былъ судимъ и мучимъ, указано въ пророческихъ словахъ св. псалмопѣвца: *удалилъ еси отъ мене друга*

и искренняго (Псал. 87, 17 — 19).[1] „Страха ради іудейскаго, другъ твой и ближній, Петръ, якоже зряше содѣваемая тогда, отвержеся Тебе, Господи.[2]“ И самъ Іисусъ Христосъ предрекъ Петру: *аминь глаголю тебѣ, яко въ сію нощь трижды отвержешися Мене* (Матѳ. 26, 34).

Время событія — суда и осужденія Іисуса Христа указано въ пророчествѣ Іакова патріарха, предвозвѣстившаго, что *отложенное Израилю чаяніе языковъ* — придетъ тогда, *когда оскудѣетъ князь отъ Іуды* (Быт. 49, 32). Это пророчество оправдалось голгоѳскимъ событіемъ: іудеи тогда уже не могли произнесть ни надъ кѣмъ смертнаго приговора, безъ суда *римскаго* правителя; оттого-то и былъ судимъ Іисусъ Христосъ Понтіемъ Пилатомъ.

Совокупное участіе въ судѣ и осужденіи Іисуса Христа іудеевъ и язычниковъ предрекъ Давидъ. *Вскую шатошася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ?* взывалъ царепророкъ. *Предсташа царіе земстіи, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Псал. 2, 1—2). „И поистинѣ, собрались во градѣ“ Іерусалимѣ „на святаго Сына Твоего,“ Владыко Боже, „Іисуса, помазаннаго Тобою, Иродъ и Понтій Пилатъ, съ язычниками и людьми израилевыми (Дѣян. 4, 25—27).“ Самъ Господь Іисусъ Христосъ тоже предсказалъ ученикамъ своимъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ первосвященникамъ, и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его язычникамъ* (Матѳ. 20, 18. 19).

2) Предсказаны, за тѣмъ, *свойства и дѣйствія на судѣ виновниковъ осужденія Іисуса Христа.*

---

[1] О семъ пророчественномъ мѣстѣ, а равно и о всѣхъ послѣдующихъ мѣстахъ, на которыя указываемъ здѣсь, довольно замѣтить, что всѣ они взяты изъ чтеній (часовъ и паремій) во св. вел. пятокъ, и слѣдовательно самою Церковію прилагаются къ Іисусу Христу. [2] Постн. тріодь, В. пят. на 3 часѣ, В. четв. на повеч. п. 5, тр. 5. [3] Сравн. Дан. 9, 27.

Такъ *свойства враговъ Іисуса Христа,* бывшихъ главными виновниками Его осужденія, особенно въ разительныхъ чертахъ изобразилъ царь-пророкъ. *Обыдоша мя телцы, — юнцы тучніи одержаша мя. Обыдоша мя пси мнози, сонмъ лукавыхъ одержаша мя. Врази же мои живутъ, и укрѣпишася паче мене, и умножишася ненавидящіи мя безъ правды* и проч. (Пс. 21, 13. 14. 57, 20. 21). Самъ Іисусъ Христосъ прямо назвалъ своихъ враговъ— обвинителей и судей—грѣшниками: *приспѣ конецъ, пріиде часъ: се предается Сынъ человѣческій въ руки грѣшникомъ* (Марк. 14, 41).

Что касается до *дѣйствій* виновниковъ осужденія Іисуса Христа, то вотъ какія изъ нихъ указаны были пророками:

Лжесвидѣтельство на судѣ синедріона и оболганіе предъ Пилатомъ. — Такъ св. псалмопѣвецъ сказалъ: *восташа на мя свидѣтеле неправедніи, яже не вѣдяхъ, вопрошаху мя* (Псал. 34, 11). И въ другомъ мѣстѣ: *ищущіи злая мнѣ, глаголаху суетная, и льстивымъ* (коварствамъ) *весь день поучахуся, — оболгаху мя* (Псал. 37, 13. 21).[1]

Поруганіе Христа, именно: *удареніе въ ланиту, заушеніе, заплеваніе, биченіе. Удареніе въ ланиту* предвидѣлъ пророкъ Іеремія, и сказалъ: *подастъ ланиту свою біющему, насытится укоризнъ* (Плач. Іер. 3, 30). *Заушеніе и заплеваніе* предсказалъ пророкъ Исаія, говоря отъ лица Мессіи: *вдахъ ланиты мои на заушенія, лица же моего не отвратихъ отъ студа заплеваній. Положихъ лице свое аки твердый камень* (Ис. 50, 6. 7). И псалмопѣвецъ: *покры срамота лице мое* (Псал. 68, 5. 9, 8. 20). О *биченіи* предсказалъ Исаія: *плещи моя вдахъ на раны* (Ис. 50, 6), и Давидъ: *Азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть выну* (Ис. 37, 18). *На хребтѣ моемъ дѣ-*

[1] S. Augustin. tract. in Joh. 114.

лаша грѣшницы (Псал. 128, 3)[1]; *и бых̀ язвенъ весь день* (Пс. 72, 14. сн. Іов. 16, 11 — 14). А вотъ о томъ же и слова самого Спасителя: *Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереомъ, и книжникомъ, и предадятъ Его языкомъ на поруганіе, и біеніе, и поругаются Ему, и уязвятъ Его, и оплюютъ Его* (Марк. 10, 33. 34. Матѳ. 20, 18. 19).

Буйные вопли беззаконныхъ обвинителей Іисуса Христа. Вотъ какъ пророки о нихъ заявляли отъ лица Мессіи: *бысть Мнѣ достояніе Мое* (народъ избранный) *яко левъ въ дубравѣ, даде противу Мене гласъ свой* (Іер. 12, 8), *Отверзоша на Мя уста своя, яко левъ восхищаяй и рыкаяй* (Псал. 21, 14). *Домъ израилевъ, ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль* (Ис. 5, 7)![2]

Предпочтеніе Христу разбойника Вараввы. Это предвозвѣстилъ пророкъ Іеремія въ слѣдующихъ словахъ: *два зла сотвориша людіе Мои: Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушеныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Іер. 2, 13). Такой смыслъ въ нихъ находитъ св. Церковь, когда говоритъ, что „источникъ воды животныя,“ котораго отвергнулся Израиль, есть Господь Іисусъ, а „кладенецъ сокрушенный“ — Варавва, котораго они избрали и отпустили.[3]

Недопущеніе на судѣ защиты Іисуса Христа. Таковъ смыслъ предреченія пророка Исаіи: *во смиреніи Его судъ Его взятся* (Ис. 53, 8). „Пророкъ сказалъ это,“ по словамъ св. Златоуста, показывая несправедливость суда надъ Іисусомъ

---

[1] *Дѣлаша* евр. חָרַשׁ (харешу) выражаетъ собственно біеніе кузнецовъ молотомъ по наковальнѣ, или еще значитъ изборождить землю ораніемъ: таково было бичеваніе! [2] S. Hieronym. in h. l. [3] Вел. пят. на блаж. ст. 4. Снес. Дѣян. 3, 14. Къ мѣсту припомнить здѣсь, и прообразовательный законъ о двухъ жертвенныхъ козлахъ, изъ которыхъ одного, какбы обремененнаго исповѣданными на немъ *беззаконіями сыновъ израилевыхъ*, надлежало отпускать въ пустыню, а другаго приносить во *всесожженіе* — за *грѣхи людей*. И отпустившій козла измывалъ себя водою... (Лев. 16, 5 — 26. сн. Матѳ. 27, 20 — 25).

Христомъ, то есть, что на ономъ судѣ никто не явилъ себя защитникомъ Праведника.“ [1] *Поношеніе чаяше душа моя, и страсть*, пророчески вопіялъ Давидъ: *и ждахъ соскорбящаго, и не бѣ, и утѣшающихъ, и не обрѣтохъ* (Псал. 68, 21)!

Осужденіе Іисуса Христа *на смерть*. Сказавъ о Христѣ: *во смиреніи Его судъ Его взятся...*, пророкъ Исаія присовокупилъ: *яко вземлется отъ земли животъ Его, — ведеся на смерть* (Ис. 53, 8)! — *Преданъ будетъ Сынъ человѣческій*, говорилъ Самъ о Себѣ Іисусъ Христосъ, *и осудятъ Его на смерть* (Марк. 10, 33)!

3) Поразительно такое обстоятельное предначертаніе въ пророчествахъ суда надъ Спасителемъ, и такое подробное предуказаніе свойствъ и дѣйствій виновниковъ беззаконнаго осужденія Его; но съ не менѣе поразительною ясностію предъизображены были *свойства и дѣйствія судимаго Господа Іисуса Христа*. Тѣ и другія очевидно показываютъ, что, будучи осужденъ совершенно несправедливо, Онъ все претерпѣлъ, какъ предопредѣленный Богомъ Избавитель міра. Такъ напримѣръ:

Христосъ изображается въ пророчествахъ, какъ *благодѣтель, оклеветанный* людьми *неблагодарными, терпящій зло за добро... Воздающіи Ми злая возблагая, зане гоняхъ благостыню* (Псал. 37. 21), — *терпящій Бога ради: Боже израилевъ! Тебе ради потерпѣхъ поношеніе* (Псал. 68, 7. 8)!

Предречено и Его дивное *молчаніе* на судѣ, и дерзновенное *глаголаніе* истины. *Молчаніе: и Той зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ: яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ* (Ис. 53, 7). *И наказаніе Господне отверзаетъ уши Мои, Азъ же не*

[1] Злат., разсужд. прот. іуд. и яз. о томъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ. Хр. чт. ч. 47.

противлюся, ни противоглаголю (Ис. 50, 5). *Азъ же яко глухъ не слышахъ, и яко нѣмъ, не отверзаяй устъ своихъ, и негимый во устѣхъ своихъ обличенія* (Псал. 37, 14. 15). И дерзновенное *глаголаніе: Господь, Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, егда подобаетъ рещи слово. Кто пряйся со Мною? да сопротивостанетъ Мнѣ купно: и кто судяйся со Мною? да приближится ко Мнѣ* (Ис. 50, 4. 8).[1]

Предъизображены — Его совершенная *невинность*, и вмѣстѣ искупительное принятіе на Себя тяжкой *виновности. Невинность: яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. 53, 9). И вмѣстѣ искупительная *виновность:* у пророка Давида тоже самое лице, которое говоритъ, что преслѣдовавшіе его враги оболгали его за то, что оно постоянно слѣдовало добру, вопіетъ: *беззаконія моя, превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. 37, 21. 5).[2] Подобнымъ образомъ и Исаія говоритъ, что сіе Лице *ради беззаконій людей ведеся на смерть* (Ис. 53, 8), и что, слѣдственно, *осужденіе* Его, *Христа,* имѣло быть *искупительное.*

II.

Искупительную силу и значеніе суда и осужденія, которому благоволилъ подвергнуться Господь нашъ Іисусъ Христосъ, можно видѣть 1) изъ прямаго *отношенія этого суда къ суду Божію надъ* первыми преступниками — *прародителями* падшаго рода человѣческаго; 2) изъ ученія св. Церкви, которая *въ различныхъ обстоятельствахъ суда* надъ Іисусомъ Христомъ находитъ таинственный смыслъ,— указывая, какъ во всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ выражалось здѣсь совершеніе дѣла искупленія.[3]

---

[1] См. Часы и пареміи въ Вел. пятокъ. [2] S. Augustin. tract. in Johan. 114.
[3] Признавая судъ надъ Іисусомъ Христомъ „искупительнымъ," мы не думаемъ чрезъ то утверждать, что наше искупленіе совершилось единственно, или даже главнымъ образомъ чрезъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ; сила нашего искупле-

1. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнимъ судъ Божій надъ падшими человѣками съ этимъ судомъ человѣковъ надъ Возстановителемъ падшаго рода человѣческаго, Сыномъ Божіимъ; то найдемъ ближайшее, такъ сказать, *мздовоздаятельное соотношеніе* между первымъ и послѣднимъ.

И прежде всего, а) что были за *причины*, по которымъ прародители наши оказались *виновными*, а Іисусъ Христосъ — *обвиненнымъ?*

И тамъ и здѣсь главною причиною была *зависть*. *Завистію діаволею смерть вниде въ міръ*, говоритъ премудрый (Прем. 2, 24). Не позавидуй діаволъ блаженству человѣка, — онъ не сталъ бы и искушать его въ раю,—и наши прародители не оказались бы *виновными*.— По зависти преданъ былъ и Іисусъ Христосъ. *Вѣдяше* Пилатъ, по свидѣтельству Евангелиста, *яко зависти ради предаша Его* (Матѳ. 27, 18), Іисуса Христа, іудеи, — тѣ, которымъ самъ Господь сказалъ нѣкогда: *вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хощете творити: онъ человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. 8, 49).

А затѣмъ, — и тамъ и здѣсь, влекли невинныхъ въ погибель *коварство, ложь и клевета*.

Сколько коварства было въ лукавыхъ словахъ древняго змія: *что яко рече Богъ: да не ясте* (Быт. 3, 1)!— Мало ли коварства было и въ словахъ іудеевъ, предуготовлявшихъ, такъ сказать, осужденіе Іисуса Христа: *рцы намъ: что Ти ся мнитъ? достойно ли есть дати кинсонъ?* и т. п. (Матѳ. 22, 15. 18. сн. 26, 4); и на са-

---

нія, по ученію апостольскому, — въ крестной смерти Іисуса Христа. А судъ, совершенный надъ Нимъ, имѣетъ искупительную силу и значеніе потому самому, что онъ есть непосредственное предуготовленіе, и даже начало самыхъ крестныхъ страданій Спасителя. Посему-то, если бы надлежало вполнѣ показать значеніе разсматриваемаго событія въ догматическомъ отношеніи, то мы должны были бы взять его въ связи съ другими важнѣйшими истинами христіанскаго вѣроученія. Здѣсь же мы ограничились тою лишь стороною его, съ которой оно можетъ быть разсматриваемо отдѣльно.

момъ судѣ: *аще Ты еси Христосъ, Сынъ Божій* (Матѳ. 26, 63)?

Гнусная *ложь* слышалась въ словахъ змія: *не смертію умрете*, и проч. Не менѣе гнусная ложь высказывалась и въ лжесвидѣтельствѣ іудеевъ на судѣ Каіафы (Быт. 3, 4. Матѳ. 26, 59)!

Черная *клевета на Бога* слышна въ словахъ діавола: *вѣдяше бо Богъ*. А сколько самой черной клеветы высказано было іудеями на Господа Іисуса Христа, въ обвиненіяхъ Его предъ Пилатомъ (Быт. 3, 5. Лук. 23, 2) и проч.!

б) Далѣе, *въ чемъ* сдѣлался *виновенъ* падшій человѣкъ, и въ чемъ *обвиненъ* Іисусъ Христосъ?

Сущность *вины* нашихъ прародителей, нарушившихъ заповѣдь Божію, состояла въ томъ, что они возжелали быть *яко бози, вѣдяще доброе и лукавое*,—присвоить себѣ *царственную власть* надъ самими собою, и дѣйствовать по своей волѣ, а не по волѣ Божіей (Быт. 3, 5). И Спаситель обвиненъ былъ, хотя и не былъ виновенъ, въ присвоеніи себѣ званія *Сына Божія* равнаго Богу (Іоан. 19, 7), — тогда какъ Онъ *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филип. 2, 6),—обвиненъ въ возмущеніи противъ власти и *посягательствѣ на царское достоинство* (Лук. 23, 2), тогда-какъ то и другое обвиненіе была одна клевета!

в) Обратимъ теперь вниманіе на *свойства и дѣйствія на судѣ лицъ подсудимыхъ*.

Виновные прародители, позванные на судъ Божій, обнаруживаютъ на немъ всѣ признаки грѣховности, рабскій страхъ, лукавство и т. п. (Быт. 3, 10. 12. 13). *Обвиняемаго* на судѣ человѣческомъ Іисуса Христа даже виновники Его осужденія — самъ игемонъ Пилатъ, даже предатель Іуда (Матѳ. 27, 24. 4), *признаютъ невиннымъ. праведникомъ*...

Виновные прародители на судѣ *молчатъ* — когда бы, на слова Господа: *гдѣ еси,* нужно было говорить, и исповѣдать грѣхъ свой, — *и говорятъ,* гдѣ лучше было бъ имъ молчать, — когда лукаво оправдываютъ себя, и тѣмъ еще болѣе увеличиваютъ вину свою (Быт. 3, 29 и слѣд.). Обвиняемый на судѣ Іисусъ Христосъ *говоритъ, егда подобало рещи слово* (Ис. 50, 4), когда нужно было исповѣдать истину или обнаружить заблужденіе, ослѣпленіе враговъ Его; *и молчитъ,* когда требовалось явить свою невинность, и безъ всякаго оправданія очевидную.

г) Посмотримъ на *участь, какой подсудимые подверглись на судѣ.*

Господь Судія обрекаетъ праматерь на *болѣзни* чадорожденія, и праотца — на пожатіе *тернія и волчцевъ* отъ той земли, которую долженъ воздѣлывать *въ потѣ* лица (Быт. 3, 16 — 19). Іисусъ Христосъ на судѣ отдаетъ плещи свои *на болѣзненныя раны* и, послѣ кроваваго *пота* (Лук. 22, 44), вѣнчается *терніемъ*, вырощеннымъ *землею, проклятою въ дѣлахъ человѣка!*

Осужденныхъ праотцевъ Господь Судія *облекъ въ кожаныя ризы.* Это съ одной стороны видимый знакъ поруганія за грѣхъ,—такъ какъ онѣ замѣнили собою райскую одежду невинности, а съ другой — остатокъ царственнаго ихъ величія, такъ-какъ кожаная риза — нѣкоторая дань со звѣрей, созданныхъ на службу человѣка — царя (Быт. 3, 21). И, когда такимъ образомъ вмѣсто райской одежды невинности наши прародители облеклись въ одежды кожаныя, — Богъ сказалъ: *се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ,*—яко Богъ,—*еже разумѣти доброе и лукавое* (ст. 22)! И Господь нашъ, Искупитель, облеченъ былъ на судѣ *въ ризу багряную* — одежду поруганія, а вмѣстѣ и таинственное знаменіе царственнаго Его величія. И когда въ такомъ видѣ, въ такой багря-

ницѣ, изъязвленный, вѣнчанный терніемъ, Онъ представленъ былъ народу, — Пилатъ воскликнулъ: *се человѣкъ (яко единъ отъ насъ)! Се Царь вашъ* (Іоан. 19, 5. 14)!

Осужденные прародители *осуждены были на смерть* (ст. 19). И на Іисуса Христа изреченъ былъ приговоръ: *повиненъ смерти,—долженъ есть умрети* (Матѳ. 26, 66. Іоан. 19, 7).

Врагъ первозданныхъ, вовлекшій ихъ въ бездну *виновности*, пораженъ былъ отъ праведнаго Судіи *проклятіемъ* (Быт. 3, 14). Проклятіе на себя, и на свое сѣмя или потомство изрекли и распинатели Іисуса Христа: *Кровь Его,* кричали они, *на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. 27, 25)!

Но милосердъ Господь и въ самомъ дѣйствіи правосудія: *возвѣстивъ бѣдствія*, Онъ въ тоже время и *утѣшилъ ихъ надеждою* на избавленіе: *Той,* обѣтованный Сынъ Дѣвы, *сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15). — Іисусъ Христосъ терпѣлъ судъ, страданія и уничиженіе; но въ тоже время и указываль на грядущую славу свою, на свою власть судить міръ: *отселѣ узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную силы, и грядуща на облацѣхъ небесныхъ* (Матѳ. 26, 64). Видно было, что здѣсь-то, при Его судѣ и осужденіи, сбывается обѣтованіе, дарованное праотцамъ на самомъ судѣ ихъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что такое разительное соотношеніе между судомъ Божіимъ надъ первыми человѣками, и судомъ человѣческимъ надъ *Адамомъ вторымъ,* совершенно согласно съ тою мыслію, что этотъ послѣдній судъ есть искупительный.

2. Искупительность суда, совершившагося надъ Іисусомъ Христомъ, ясно можемъ видѣть, по указанію св. Церкви Христовой: а) въ *различныхъ принадлежностяхъ этого суда,* — въ *орудіяхъ* тѣхъ *страданій,* которымъ Го-

сподь Іисусъ благоволилъ подвергнуться на немъ, и б) *въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ,* сопровождавшихъ судъ.

а) Св. Церковь не только вообще учитъ, что Христосъ благоволилъ подвергнуть Себя суду и осужденію, чтобы насъ избавить отъ осужденія за преслушаніе, но и даетъ особенное значеніе всѣмъ тѣмъ истязаніямъ, какія Господь претерпѣлъ отъ враговъ, осудившихъ Его на смерть, такъ что и узы Христовы, и удареніе Господа въ ланиту, и оплеваніе Его, безчестіе, покрытіе лица, заушеніе, разоблаченіе, вѣнчаніе терніемъ, облаченіе въ багряницу, врученіе Ему трости и т. п.,— въ священныхъ пѣснопѣніяхъ Церкви выражаетъ символическое значеніе страданія Спасителя.

Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, *послушливъ* бывъ Отцу, (Фил. 2, 8), *судится и осуждается* для того единственно, *чтобы избавить* Адама и его потомство *отъ осужденія* за преслушаніе. Эта мысль выражена въ слѣдующихъ пѣсняхъ церковныхъ: „Невидимый Судія во плоти како видѣнъ былъ еси? И идеши отъ мужей беззаконныхъ убіенъ быти, наше осужденіе осуждаяй страстію Твоею!“ [1] „Судіи неправедному, еврейскою злобою, преданъ бывъ Всевидецъ, и всей праведнѣ судяй земли, Адама древняго избавилъ еси осужденія!“ [2] „Осуди древле во Едемѣ преслушаніе, но волею судимъ бысть, преступльшему разрѣшая прегрѣшенія, пребожественный отцевъ Богъ и препрославленъ.“ [3]

Іисусъ Христосъ былъ *связанъ* — для того, чтобы насъ *разрѣшить отъ узъ грѣховныхъ,* и отъ клятвы, *а врага* діавола *связать* узами. Эта мысль высказана въ слѣдующихъ церковныхъ пѣсняхъ: „Да отпустиши мя отъ узъ *грѣховныхъ,* Человѣколюбче, Твоею волею связанъ былъ

[1] Постн. тріодь: Вел. понед. утр., по 2 стихосл. [2] Октоихъ гл. 3, нед. кан. п. 5, тр. 1. [3]—Гл. 2, нед. кан. п. 7, тр. 1.

еси.“ [1] „Разрѣшаеши мя отъ узъ *лѣтныхъ,* въ лѣто безлѣтный бывъ.“ [2] „Страшное и преславное таинство днесь дѣйствуемо зрится. Неосязаемый удержавается: вяжется *Разрѣшаяй Адама отъ клятвы!*“ [3] Разрѣшается отъ узъ грѣховныхъ *человѣчество,* Тебѣ, Слове, плотію связану бывшу.“ [4]— „Связанъ бывъ волею, *гордаго* узамъ нерѣшимымъ отслалъ еси, Владыко,“ [5]— „вѣчными узами *связуя,* Спасе, врага отступника; [6] и связуется мучитель яко птица, отъ всѣхъ вѣрныхъ наругаемъ.“ [7]

Іисусъ Христосъ претерпѣлъ *удареніе въ ланиту отъ раба,* чтобы насъ *освободить отъ рабства діавола:* „Предсталъ еси судіи, судимъ неправедно, Судяй праведно всей земли, и претерпѣлъ еси удареніе въ ланиту, свободити мя хотя, порабощеннаго, Господи, лукавому міродержцу.“ [8]

Іисусъ Христосъ понесъ *оплеваніе и безчестіе,* чтобы насъ *почтить обезчестившихся:* „Всякія чести пребольній сый, обезчеститися претерпѣлъ еси, яко да мя, злѣ обезчестившагося почтиши, Человѣколюбче.“ [9]

Іисусу Христу *покрывается лице — для очищенія грѣха Адама, преступившаго видѣніемъ,* — „во отъятіе паденія, еже подъятъ Адамъ, украденъ бывъ, видѣнія ради,“ [10]— а въ отношеніи къ врагамъ Его, — какбы во исполненіе словъ самого Бога: *скрыю лице Мое отъ нихъ* (Втор. гл. 32. сн. 2 Кор. гл. 3).

Іисусъ Христосъ *заушается,*— чтобы „*заушивъ*“ *злобу древняго змія, и избавить насъ отъ его лести:* „Ядовитую заушилъ еси змія злобу, заушенъ бывъ.“ [11] „Заушенія претерпѣлъ еси, Долготерпѣливе, и уничиженія, хотя всѣхъ

---

[1] Окт. гл. 4, пят. кан. п. 4, тр. 1. [2] Тамъ же, п. 8, тр. 1. [3] Вел. пят. на Госп. воззв., и нынѣ. [4] Окт. гл. 8. сред., кан. п. 6, тр. 2. [5] — Гл. 4, пят., кан. п. 8, тр. 1. [6] Гл. 5, сред. кан. п. 8, тр. 2. [7] Гл. 8, среда, кан. п. 6, тр. 2. [8] Гл. 4, пят., кан. п. 3, тр. 2. [9] Октонх. гл. 4, сред., кан. п. 6, тр. 1. [10] Гл. 6, вторн., на Госп. воззв. ст. 2. [11] Гл. 6, сред. кан. п. 7, тр. 1.

избавити лестца, едине Жизнодавче.“ [1] Іисусъ Христосъ *разоблачается* (въ преторіи), чтобы насъ *обнаженныхъ облечь въ одежду нетлѣнія, и обнаружитъ вражіи коварства:* „Да облечеши мя одеждею, Слове, нетлѣнія, обнажился еси волею.“ [2] „Одеждею нетлѣнія обнаженныя ны облещи возжелѣвъ, совлеклся еси, — обнажилъ еси, вражіи, Христе, коварства.“ [3]

Іисусъ Христосъ *вѣнчается терніемъ* — для того, чтобы съ одной стороны *искоренить терніе Адамова преслушанія и проклятія, и насадить въ насъ сѣмена богоразумія;* а съ другой, — чтобы *искоренить въ самомъ естествѣ нашемъ терніе страстей,* — и наконецъ, чтобы *потребить царство лукаваго.*

Первая мысль выражена въ слѣдующихъ церковныхъ пѣсняхъ: „Изъ корене, Христе, прозябълъ еси Іессеова, воплощаемъ, и искореняеши израстшее *терніе* Адамова *преступленія,* вѣнецъ носяй терновъ!“ [4] „Вѣнча терніемъ Тя, Царю безсмертне, соборъ законопреступный, изъ корене изсѣцающа *прелести* терніе!“ [5] „Вѣнцемъ отъ тернія исплетеннымъ увязлся еси поруганно, Царю всѣхъ, *запрещеніе,* Спасе, терновнаго *грѣха* истерзая,“ [6] и разрѣшая *древнее проклятіе.*[7] „Стояше судимъ, Человѣколюбче, иже судити хотяй всѣмъ: вѣнцемъ же терновымъ увязлся еси хотительнѣ, Спасе, своею волею, преслушанія, Христе, тернія, изъ корене истерзая, всѣмъ же *насаждая Твоего благоутробія познаніе.*“ [8] „Тебе терніемъ, Царю, людіе законопреступніи вѣнчаваютъ, славою вѣнчавшаго человѣка, и преслушанія Адамова терніе искоренившаго, Христе, и насадившаго всѣмъ *богоразумія прозябеніе.*“ [9]

[1] Гл. 6, четв., на Госп. воззв., ст. 2. [2] Гл. 5. сред., кан. п. 7, тр. 2. [3] Гл. 8, пят., кан. п. 5, тр. 1. [4] Гл. 8, сред., кан. п. 8, тр. 1. [5] Гл. 5, сред., кан. п. 7, тр. 1, — п. 9, тр. 2. [6] Гл. 3, четв. веч., на Господ. воззв. ст. 2. [7] S. Hieronym. in Matth. 27. [8] Октоих. гл. 4, пят. кан. п. 9, тр. 1. [9] Окт. гл. 7, сред., кан. Богор., п. 3, тр. 2.

Вторая мысль высказана такъ: „Вѣнчался еси, Долготерпѣливе, терніемъ, посѣкая страстей терніе.“ [1] „Терніемъ вѣнчався, иже вѣнчавый цвѣты всю землю, страстей моихъ терніе изъ корене сѣчеши, Слове, и насаждаеши во мнѣ Твой разумъ.“ „Славы Ты Господь еси, иже славою вѣнчавый человѣка, терніемъ вѣнчался еси, яко да терноносное естество наше сотвориши плодоносно, Садителю божественныхъ дѣяній.“ [2]

Вотъ выраженіе и третьей мысли: „Досажденіе претерпѣлъ еси, Спасе, терніями, *яко Царь,* волею, Христе Боже, вѣнчаваемъ.“ „Вѣнцемъ терновнымъ увязлся еси, *якоже Царь царствующихъ,* Христе, *лукаваго потребляя царствія,* на спасеніе насъ поющихъ, Избавителю Боже, благословенъ еси.“ [3]

Іисусъ Христотъ *облекается въ багряницу — яко побѣдитель діавола и Искупитель,* прикрывающій грѣхи человѣческіе, и воспріемлющій царство міра.

„Когда,“ говоритъ св. Аѳанасій великій, „совлекали съ Господа одежды, и облекали Его въ багряницу, то чрезъ это самое невидимо воздвигался *трофей надъ діаволомъ.* Чудо новое и неимовѣрное, знаменіе величайшей побѣды! Кого въ посмѣяніе и поруганіе били и облекали въ тріумфальныя украшенія, багряную ризу и вѣнецъ терновый, Тотъ по сему самому, облеченный такого рода одеждою, шелъ на смерть, для того, чтобы явить, что Онъ одержалъ побѣду, и не тщетно, но ради нашего спасенія,“ яко Искупитель! [4] „Своею багряницею,“ замѣчаетъ блаженный Іеронимъ, „Онъ прикрываетъ кровавыя дѣла язычниковъ.“ [5] „Чрезъ багряную ризу,“ прибавляетъ св. Кириллъ александрійскій, „какбы ознаме-

[1] Гл. 6, сред., кан. п. 6, тр. 1. [2] Гл. 2, пят., кан. п. 5, тр. 1. Гл. 1, сред., кан. п. 1, тр. 2. [3] Гл. 6, пят., кан. п. 7, тр. 2. Гл. 5, сред., п. 9, тр. 2. [4] S. Athanas. M., serm. de cruce et passione. [5] S. Hieronym. in Matth. 27.

новалось, что Христосъ посредствомъ вѣры воспріиметъ царство міра.“ [1]

Іисусъ Христосъ *пріялъ въ руки трость,* чтобы *написать насъ въ книгѣ живота, и укрѣпить* своею божественною силою *нашу слабость,* которой символъ— трость; а съ другой стороны, — для того, чтобы *написать святотатство іудеевъ, и сокрушить враговъ своихъ:*

„Рукама Твоима трость пріемъ,“ воспѣваетъ Церковь, *„въ горнѣй книзѣ* написалъ еси всѣхъ насъ, въ Тя вѣровавшихъ.“ [2]

„Трость пріемлетъ Христосъ въ руки,“ говоритъ св. Амвросій, „для того, *чтобы слабость человѣческая уже не колебалась,* подобно трости, вѣтромъ колеблемой, но, подкрѣпленная дѣлами Христовыми, была бы тверда, или, по сказанію еванг. Марка, тростію били Его по головѣ,— для того, чтобы отъ сильнѣйшаго соприкосновенія нашего состава“ (изображаемаго тростію) „къ Божеству, не могъ онъ уже поколебаться.“ [3]

„Трость держалъ Христосъ въ рукѣ,“ по словамъ блаженнаго Іеронима,— „для того, чтобы *написать святотатство іудеевъ.*“ [4]

Въ десную Мою руку,“ говоритъ самъ Господь устами своей Церкви, „вдаша трость, *да сокрушу ихъ,*“ враговъ, „яко сосуды скудельничи.“ [5]

б) Особенное значеніе св. отцы видѣли и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ. Такъ—

Въ *участіи іудеевъ и язычниковъ* въ этомъ судѣ — они видѣли указаніе на то, что оправданіе, пріобрѣтенное Христомъ чрезъ Его осужденіе, имѣло принадлежать

---

[1] S. Cyrill. lib. XII in Johan. [2] Октоих., гл. 3, четв. веч., на Госп. воззв. ст. 2. [3] S. Ambros. in Luc. cap. 22. [4] S. Hieronym. loco cit. [5] Вел. пят. на хвал., слав.

какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ. Это мысль св. Златоуста.[1]

Въ *примиреніи Пилата и Ирода*, по случаю предоставленія ими другъ другу права суда надъ Іисусомъ Христомъ, св. отцы видѣли знаменіе того, что въ слѣдствіе осужденія и крестныхъ страданій Іисуса Христа, *имѣютъ примириться два враждовавшіе народа,* которыхъ представителями были здѣсь Пилатъ и Иродъ. „Христосъ," говоритъ св. Амвросій, „какбы знаменуя, что имѣетъ примирить крестомъ два народа, іудейскій и языческій, убивъ вражду въ Себѣ самомъ, благоволилъ показать это даже чрезъ примиреніе, послѣдовавшее по случаю суда надъ Господомъ."[2]

Въ *беззаконномъ раздраніи Каіафою первосвященнической одежды* — видѣли конецъ *ветхозавѣтному первосвященству,* предъ лицемъ великаго Архіерея, по чину Мелхиседекову. „Каіафа," разсуждалъ св. Левъ великій, „для усиленія ненависти къ отвѣту Іисуса Христа, *растерза ризы своя,* и, не разумѣя, что онъ выражалъ этимъ безуміемъ, лишилъ себя, такимъ образомъ, первосвященническаго сана. Гдѣ умъ души твоей, Каіафа? Гдѣ поясъ воздержанія? Гдѣ нагрудникъ добродѣтелей? Ты самъ себя разоблачилъ отъ таинственнаго и священнаго одѣянія, и собственными руками беззаконно разорвалъ архіерейскія ризы. Когда уже отчуждался отъ тебя этотъ санъ, ты самъ сдѣлался обличителемъ своего позора, и вмѣстѣ обнаружилъ кончину древняго постановленія."[3]

Наконецъ, — въ *предпочтеніи Іисусу Христу Вараввы іудеями,* „единонравными"[4] сему послѣднему, — св. отцы и учители Церкви видѣли нѣкоторое предзнаменованіе того, что *и предъ кончиною міра* невѣрные іудеи вмѣсто

[1] Homil. in Joh. 84. [2] S. Ambros. in Luc. c. 22. [3] Избр. размышленія на страданія Господ. Хр. чт. 1845 г. ч. II. [4] S. Chrisostom. Homil. in Joh. 84.

Христа изберутъ антихриста. Такъ разсуждали бл. Іеронимъ и св. Амвросій. „Имя *Вараввы,*“ говоритъ св. Амвросій, „значитъ: *сынъ отца*... И его-то избираютъ тѣ, которымъ сказано: *вы отца вашего діавола есте,* — избираютъ сына своего отца, вмѣсто истиннаго Сына Божія; и тѣмъ предобразуютъ, что и предъ кончиною изберутъ вмѣсто Христа антихриста.“ [1]

Изъяснивъ таинственный смыслъ нѣкоторыхъ принадлежностей суда надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, блаж. Іеронимъ дѣлаетъ такое заключеніе: „подобно тому, какъ Каіафа сказалъ, что одному надлежало умереть за всѣхъ, не вѣдая, что говорилъ, — и они,“ всѣ вообще соучастники въ осужденіи Спасителя, „что̀ ни дѣлали, *хотя и съ другимъ намѣреніемъ дѣлали,* однакожь намъ вѣрующимъ представили нѣчто таинственное.“ [2]

Подобнымъ образомъ, и мы, показавъ значеніе суда надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, можемъ сдѣлать изъ сказаннаго справедливое заключеніе, что, дѣйствительно, тогда какъ виновники осужденія Іисуса Христа, прикрываясь личиною законности, на самомъ дѣлѣ допускали *беззаконіе* за беззаконіемъ, — они же, сами не вѣдая, творили то, что должно было совершиться и совершилось *по* премудрымъ *законамъ* благодати Божіей, отъ вѣчности предопредѣлившей даровать оправданіе грѣшному человѣку, чрезъ осужденіе единаго Всеправеднаго!

„Учись и размышляй, братъ“, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, — „что такое ты слышишь: безгрѣшный Богъ, Сынъ Всевышняго, нынѣ преданъ“ на судъ, „нынѣ поруганъ, нынѣ былъ поражаемъ заушеніями, бичами біенъ былъ, терновый вѣнецъ носилъ. Плачь каждый день, благодаря Бога за столь великія и многія страданія,

---

[1] S. Ambros. in Luc. c. 22. [2] S. Hieronym. in Matth. 27.

которыя понесъ за тебя Онъ, кроткій и преблагій Господь, — дабы слезы твои, въ день пришествія Его, послужили тебѣ къ славѣ и возвышенію предъ онымъ страшнымъ судищемъ!“ [1]

---

[1] Св. Ефр. Сир., Opp. tom. 3, pag. 246, 8.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О ЧЕСТНОМЪ КРЕСТѢ ГОСПОДНЕМЪ.[1]

Кресту Твоему покланяемся, Владыко!

Покланяемся животворящему древу, на которомъ распятъ былъ за насъ грѣшныхъ возлюбленный Спаситель нашъ! Съ сердечнымъ умиленіемъ лобызаемъ вожделѣнное орудіе нашего спасенія. Съ благоговѣніемъ преклоняемъ колѣна — не только тѣла, но и души и сердца — предъ священнѣйшимъ знаменіемъ, — „хранителемъ всея вселенныя, красотою Церкви, Царей державою, вѣрныхъ утвержденіемъ, славою Ангеловъ и демоновъ язвою [2]!“

Но, братія-христіане! Далеко ли въ васъ простирается это умиленіе,-благоговѣніе? Проникаютъ ли все существо наше тѣ благія чувствованія, которыя невольно возбуждаются въ каждомъ изъ насъ тѣми торжественными пѣснопѣніями, какія воспѣваетъ св. Церковь во славу честнаго и животворящаго креста Господня?.. Не смотримъ ли мы на него, въ иное время, безъ глубокой, христіанской мысли, безъ теплаго, святаго чувства, а весьма нерѣдко и безъ всякаго размышленія, будто на нѣкую самую обыкновенную вещь, неимѣющую

[1] Было первоначально напечатано въ Христ. чтеніи (Октябрь 1845 г.), потомъ особою книжкою — тремя изданіями (1845, 1848, 1853). [2] На Воздвиж., свѣтиленъ. — Служба честн. кресту, кан. пѣсн. 8, троп. 3.

къ намъ ближайшаго отношенія? Не забываемъ ли мы часто его безмѣрной важности, когда совершаемъ на себѣ самихъ крестное знаменіе, быть можетъ, неразъ— по одной только привычкѣ, вовсе не заботясь о томъ, чтобы, по наставленію вселенскаго учителя, „изображать крестъ не просто, одними перстами, но прежде начертать его въ мысли, съ великою вѣрою?“ [1] — Ахъ! Не бываетъ ли даже, что мы, поклонники креста Господня, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, по своему нерадѣнію какбы сокращаемъ и извращаемъ крестъ, и такимъ образомъ, сами не помышляя о томъ, являемъ пренебреженіе къ орудію нашего спасенія?..

Углубимся же въ размышленіе о томъ, съ какими мыслями и чувствами должны мы взирать на крестъ Христовъ, — съ какимъ расположеніемъ духа должно покланяться ему, и напечатлѣвать на себѣ его знаменіе; словомъ, размыслимъ: I, что такое есть, и II, чѣмъ долженъ быть для насъ крестъ Господень?

I.

ЧТО ТАКОЕ КРЕСТЪ ХРИСТОВЪ?

Обратимся ли 1, къ ветхому Завѣту, или 2, къ Завѣту благодати, или 3, къ собственной жизни каждаго изъ насъ, — вездѣ крестъ имѣетъ самое глубокое и обширное значеніе.

1. „Въ законѣ сѣни и писаній — образъ“ креста Христова является въ различныхъ прообразованіяхъ,— какъ знаменіе спасенія, какъ орудіе силы, препобѣждающей самые законы природы, какъ знамя побѣды, какъ податель исцѣленія, какъ источникъ благословенія и освященія.—

[1] Св. Іоанна Златоуста, бес. 54 на Матѳ.

1) Крестъ прообразуется, *какъ знаменіе спасенія*. Такъ праведный Ной спасается и спасаетъ міръ отъ всеобщаго потопа (Быт. 7, 7), *малымъ древомъ* (Прем. 10, 4), — во образъ [1] того „благословеннаго древа, изъ котораго“, по выраженію одного изъ отцевъ Церкви, [2] „устроенъ ковчегъ, таинственно спасшій міръ отъ потопленія“, — отъ вѣчной погибели! — Аврааму, рѣшившемуся принесть во всесожженіе своего единороднаго сына (Быт. 22, 13), и за то удостоившемуся образно (Евр. 9, 10) *видѣти день* Искупителя (Іоан. 8, 5. 6), — во образѣ роговъ овна, держимаго въ чащѣ, является образъ креста [3], на которомъ единородный Сынъ Божій, *въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ* (Фил. 2, 7), *яко овча на заколеніе ведомое* (Ис. 53, 7), имѣлъ быть принесенъ въ жертву за спасеніе міра. —

2) Образъ Креста предначертывается въ ветхомъ Завѣтѣ и *какъ орудіе силы, превозмогающей самые законы природы*. Такъ — „крестъ начерталъ Моисей своимъ жезломъ“ на волнахъ Чермнаго моря, — и отъ одного „написанія непобѣдимаго оружія“ пересѣкаются морскія бездны, такъ что Израиль пѣшеходитъ по дну моря, какъ по сушѣ (Исх. 14, 16) [4]. А въ пустыни „горькородные источники“ богодухновенный вождь народа израильскаго, по указанію Божію, услаждаетъ древомъ (Исх. 15, 25), и тѣмъ прообразуетъ то крестное древо, на которомъ имѣлъ быть пригвожденъ Христосъ — „церковная сладость“ [5], проявляетъ крестомъ преложеніе язычниковъ ко благочестію“ [6], — предвозвѣщаетъ „всесовершенное крестомъ истребленіе убійственной горести запрещеннаго древа“ [7]. Затѣмъ, Моисей „ударяетъ“ сво-

[1] Пр. Ѳеодора Студ., сл. на покл. кресту. [2] Св. Андрея критскаго, слово на всеславное Воздвиженіе ч. и ж. креста. [3] Св. Андр. кр., въ томъ-же словѣ. [4] Канонъ на Воздвиж. ирмосъ 1. [5] На воздв. стихпр. самогл. 7. [6] Кан. пѣсн. 4, тр. 1. [7] Пѣсн. 9. ирм. 2, троп. 2.

имъ жезломъ „краесѣкомый“ камень, — и онъ „испустилъ воду“ (Исх. 17, 6), предзнаменуя крестъ, краеугольный камень Церкви [1], утоляющей духовную жажду вѣрующихъ, — тотъ крестъ, на которомъ „прободенныя копіемъ, пречистыя ребра“ распятаго Богочеловѣка „источили воду съ кровію, обновляющія завѣтъ и омывающія грѣхъ“ [2]. — Пророкъ Елисей погрузилъ „древо въ Іорданъ“, — и онъ „возвращаетъ сокрытую въ глубинѣ его сѣкиру (4 Цар. 6, 6), знаменуя тѣмъ, что древо креста Христова пресѣчетъ демонское обольщеніе“ [3]. Нужно ли еще очевиднѣйшаго прообразовательнаго свидѣтельства о силѣ крестной, торжествующей надъ видимою природою? Вотъ Іисусъ Навинъ простираетъ крестовидно руки свои, повелѣваетъ остановиться солнцу,— *и ста солнце посредѣ небесе* (Нав. 10, 17), „проображая образъ креста“ [4], при видѣ котораго померкло дневное свѣтило, узрѣвъ на немъ распятымъ „Владыку твари и Господа славы“!—

3) Во времена ветхозавѣтныя крестъ былъ прообразованъ и *какъ знамя побѣды*. Іисусъ Навинъ ведетъ жестокую брань съ амаликитянами. А Моисей, въ то-же время восходитъ на гору, и, поддерживаемый священниками, воздѣваетъ горѣ руки свои, и такимъ образомъ ясно изображаетъ видъ креста. Тогда „всепогубляющій Амаликъ“ пораженъ и побѣжденъ (Исх. 17, 17), въ знаменіе того, что крестомъ „Іисусъ пребожественный“ побѣдитъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ нашего спасенія [5]. —

4) Чрезъ Моисея же предъизображенъ былъ крестъ и *какъ податель исцѣленія отъ самыхъ смертоносныхъ недуговъ*. Гибли тысячи строптивыхъ израильтянъ въ пу-

---

[1] Пѣсн. 3, тр. 1. [2] Пѣсн. 3, тр. 2. [3] Кан. пѣсн. 4, тр. 2. [4] По 2 стихосл. ст. 2. [5] Стих. самогл. 7. [6] Кан. пѣсн. 1, тр. 1. На литіи ст. 9.

стыни отъ уязвленія зміевъ. По повелѣнію Божію, возносится змій на древо, и взирающимъ на сіе знаменіе съ вѣрою предлагается „врачевство, избавляющее отъ тлетворнаго и ядовитаго угрызенія“ (Числ. 21, 9), въ предъизображеніе того, что *тако подобаетъ вознестися* (Іоан. 3, 14) на крестъ Спасителю міра, для того, чтобы въ крестѣ преподать врачевство уязвленному древнезлобнымъ зміемъ роду человѣческому [1]. —

Наконецъ, 5) крестъ Христовъ былъ прообразованъ въ ветхомъ Завѣтѣ и *какъ источникъ благословенія и освященія.* Такъ, удрученный старостію, Іаковъ, благословляя внуковъ своихъ, Ефрема и Манассію, „крестообразно положилъ на ихъ главахъ свои длани“ (Быт. 48, 14), проявляя тѣмъ, что „живоносный образъ креста содѣлается источникомъ благословенія для новоутвержденныхъ людей Христа Бога.“ [2] И еще прежде, „божественный Израиль, среди созерцаній будущаго, преклоняется на конецъ властительскаго жезла Іосифова“ (Быт. 47, 3), прозрѣвая очами *вѣры* (Евр. 11, 21) величіе креста Христова, имѣющаго быть „побѣдною славою Царей, благословеніемъ народовъ, знаменіемъ, которому должны покланяться всѣ племена земныя“ [3]! „Жезлъ“ Ааронов, въ одну ночь произращаетъ вѣтвь, цвѣты и плоды (Числ. 18, 8), и симъ чуднымъ „прозябеніемъ предразсуждаетъ священника“, утверждаетъ законность священства, а съ тѣмъ вмѣстѣ „во образъ тайны пріемлется“ — во образъ того таинственнаго креста, который „процвѣтетъ въ неплодящей прежде Церкви,“ [4] того креста, на которомъ *Христосъ единѣмъ приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ* (Евр. 10, 14), *сотворилъ* всѣхъ *насъ Богови нашему цари и іереи* (Апок. 5, 10)!

---

[1] Кан. пѣсн. 1. тр. 2. [2] Пѣсн. 6. тр. 1, 2. [3] Пѣсн. 7, тр. 3. [4] Пѣсн. 3, ирмосъ.

Вотъ какъ многознаменателенъ является крестъ еще въ ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ! — Мы не упомянули еще о многихъ другихъ прообразовательныхъ знаменіяхъ креста, которыя, по указанію богомудрыхъ отцевъ и учителей Церкви, находятся въ божественныхъ Писаніяхъ, можно сказать, вездѣ, гдѣ только представляется какое-нибудь явленіе чудесное, таинственное, относящееся къ царству благодати, какъ наприм., древо жизни, находившееся среди рая, [1] дрова всесожженія, которыя несъ на раменахъ своихъ Исаакъ [2], жезлъ патріарха Іакова, съ которымъ онъ переходилъ Іорданъ [3], чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ [4], столпъ облачный и огненный [5], милоть Иліина, раздѣлившая Іорданъ [6], Исаія, претренный на двое пилою [7], „крестовидно распростертыя руки Іоны,“ молящагося „во утробѣ воднаго звѣря,“ [8] во чревѣ китовѣ, и тому под. [9]

Но, ахъ! при всемъ обиліи въ ветхомъ Завѣтѣ событій и явленій, прообразовавшихъ крестъ Христовъ, никто изъ подзаконныхъ,—даже тѣ, кои избираемы были Богомъ для указанія будущаго величія спасительнаго знаменія, ни пророки и праведники, не могли сказать, подобно чадамъ новозавѣтной Церкви: „блаженны очи наши, кои созерцаютъ крестъ, орудіе всеобщаго мира! Блаженны уста наши, лобызающія драгоцѣннѣйшее знаменіе спасенія!“ [10] Блаженны чело, перси и рамена наши, осѣняемыя побѣдоноснымъ крестомъ Христа-Спасителя!“ — Нѣтъ, одно имя креста приводило тогда

---

[1] Быт. 2, 9. Св. Іоанна Дамаскина, точное изложеніе православной вѣры, кн. 4, гл. 11. [2] Быт. 22, 6. Св. Андрея критскаго, сл. на Воздвиж. честнаго креста. [3] Быт. 30, 37—43. Въ томъ-же словѣ св. Андрея кр. и — преп. Ѳеодора Студита слово на поклон. Кресту среди четыредесятницы. [4] Исх. гл. 7 и слѣд. Въ томъ-же словѣ преп. Ѳеодора Студита. [5] Исх. 13, 21. Сл. Андр. кр-на Воздв. [6] 4 Цар. 2, 8.— Въ томъ же словѣ св. Андрея критскаго. [7] Тамъ же. [8] Кан. на Воздв., 6 ирм. [9] Камень вѣры, о честн. крестѣ. [10] Пр. Ѳеодора Студ. слово на поклон. кресту.

всѣхъ и каждаго въ трепетъ! Одинъ видъ его возбуждалъ ужасъ и отвращеніе. На немъ тяготѣло грозное проклятіе Божіе и всеобщее проклятіе людей. Самъ Господь, устами богодухновеннаго законодателя избраннаго народа, изрекъ: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Втор. 21, 23)! Крестъ былъ страшнымъ орудіемъ казни для величайшихъ преступниковъ предъ Богомъ и человѣками, казни самой поносной, самой мучительной, медленно-убійственной... Непостижимы суды и пути Твои, Господи Боже! Этому ли ужасному кресту уготовляешь Ты такую неизреченную славу? На немъ ли имѣютъ быть распростерты божественныя руки возлюбленнаго Твоего и единороднаго Сына?.. Такъ! *Наказаніе мира нашего на Немъ!* Только *Его язвою* мы могли *исцѣлѣть* (Ис. 53, 5). Чтобъ *искупить насъ отъ клятвы законной*, чтобы снять проклятіе со всѣхъ насъ, злонравныхъ и непотребныхъ рабовъ, прогнѣвавшихъ своими неправдами великаго Бога, надлежало самому Божественному Искупителю нашему *Христу быть по насъ клятвою* (Гал. 3, 13), *пригвоздить*, такъ сказать, *клятву* самимъ Собою *ко кресту!* —

2. Приходитъ предопредѣленное время: является въ міръ обѣтованный Спаситель, и отъ пеленъ до плащаницы идетъ путемъ креста, путемъ всякаго рода лишеній и страданій... Наконецъ, сонмъ законопреступныхъ злоумышляетъ: *смертію поносною осудимъ Его* (Прем. 2, 20)! Наконецъ, сборище іудейское вопіетъ къ Понтію Пилату: *распни, распни Его* (Іоан. 19, 6)! И крестное древо — на раменахъ Богочеловѣка! Божественный Страдалецъ несетъ это тягчайшее бремя, чтобы *грѣхи наши самому вознести на тѣлѣ своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24), и изнемогаетъ подъ нимъ до крайняго истощанія силъ... Достигаетъ Голгоѳы, — и предъ ли-

цемъ всего міра открылось, какъ воспѣваетъ Церковь, сказанное Пророкомъ: *узрите Животъ вашъ висящъ предъ очима вашима* [1] (Втор. 28, 66): Христосъ пригвождается ко кресту, — ко кресту, до того тяжкому, что вся земля тряслась подъ нимъ (Матѳ. 27, 51), столь ужасному, что солнце, не могши смотрѣть на него, покрылось *тмою* (Лук. 23, 45). Среди неописанныхъ страданій крестныхъ, Спаситель горько взываетъ: *Боже мой! Боже мой! вскую Мя оставилъ еси* (Матѳ, 27, 46)? Но, вслѣдъ затѣмъ, *предавая* на крестѣ *духъ* свой *въ руцѣ Отца* (Лук. 23, 46), Онъ восклицаетъ: *совершишася* (Іоан. 19, 13)! — И совершилось на крестѣ дѣло нашего спасенія! Совершилось на крестѣ чудо, величайшее изъ чудесъ Христовыхъ! Насъ, *мертвыхъ сущихъ прегрѣшеніями сооживилъ* съ Собою, *истребивъ еже на насъ рукописаніе* грѣховъ, *пригвоздивъ е на крестѣ* (Кол. 2, 13—14), и крестъ, древо проклятія, „окропленное кровію воплощшагося Слова Бога,“ [2] содѣлалось присно-текущимъ источникомъ благословенія для всего рода человѣческаго. „Чрезвычайно, божественно, дивно и всякое чудотвореніе Христово,“ богословствуетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ: „но всего дивнѣе честный Его крестъ.“ [3] „Хотя бы я,“ говоритъ тотъ-же св. отецъ, „весьма много сказалъ о Христѣ, и хотя бы повѣствованіемъ о безчисленныхъ дѣлахъ Его изумилъ слушателя; но не столько бы прославилъ Его симъ послѣднимъ, сколько крестомъ. Скажу ли, что Іисусъ произошелъ отъ Дѣвы? Конечно, великое чудо быть выше брака и обновить естество. Но еслибы не было креста, то первая дѣвая не спаслась бы дѣлами своими. Нынѣ же, въ день креста, спасается первая жена, уврачевавъ древнее зло

[1] На Воздвиж., стих., самогл. 6; св. Іоанна Дам., о вѣрѣ, кн. 4, гл. 11.
[2] Кан. на Воздв., пѣсн. 8, троп. 1. [3] Св. Іоан. Дамаск., 4. кн. о вѣрѣ, гл. 11.

новыми дарами благодати. Мертвый воскресъ въ Галилеѣ? Но и опять умеръ. Я же, воскресши крестомъ, не могу уже подвергнуться смерти. Однажды пять, а въ другой разъ семь тысячъ насыщены только въ знаменіе креста. Гдѣ останки пищи ихъ? Но Христосъ распятъ на крестѣ, и мы всегда насыщаемся.“ [1] „Еслибы не было креста,“ разсуждаетъ другой отецъ и учитель Церкви, [2] „то Жизнь не была бы пригвождена къ древу. А еслибы Жизнь не была пригвождена; то не истекли бы изъ ребра потоки безсмертія, кровь и вода, очищающія міръ.“ „Крестъ“ подлинно „вѣнецъ совершившихся для насъ чудесъ!“ [3]

Первые познали силу и славу креста святые ученики и апостолы Христовы. Исходя на всемірную проповѣдь, они, по заповѣди своего Божественнаго Учителя и Господа, ничего не брали съ собою *въ путь, ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ, ни пиры* (Матѳ. 10, 9), *ни хлѣба, но токмо жезлъ единъ* (Марк. 6, 8). И симъ-то, можно сказать, „жезломъ“ былъ для „самовидцевъ Слова — св. крестъ!“ [4]. Съ крестомъ представали они, смиренные и уничиженные, *на сонмы и соборища, предъ владыки же и цари* (Матѳ. 10, 17. 18), и оставались побѣдителями. *На соборищахъ, предъ властями и владычествами* (Лук. 12, 11), съ крестомъ, они не заботились *о томъ, что возглаголютъ* (Матѳ. 10, 19): имъ внушаема была свыше премудрость, и это была *премудрость креста!* Крестъ есть главный предметъ — сущность всей проповѣди апостольской: они всему міру возвѣстили *слово крестное*, какъ *спасительную силу Божію* (1 Кор. 1, 24). Содержа непрестанно въ мысли своей, какбы въ живомъ изображеніи, крестъ Госпо-

[1] Св. Іоан. Дамаск., бес. на Великій пятокъ. [2] Св. Андрей критск. въ словѣ на Воздвиж. [3] Тамъ же. [4] Служба Апост. общая (или 30 іюня), кан. п. 4, тр. 4.

день, ни о чемъ столько не заботились они, какъ о томъ, чтобы и *предъ очами* вѣрующихъ *преднаписанъ* былъ тотъ-же крестъ — *Іисусъ Христосъ распятъ* (Гал. 3, 1). *Нося на тѣлѣ своемъ* крестъ,— *язвы Господа Іисуса* (Гал. 6, 17. 2 Кор. 4, 10), они „обошли“, или лучше, „облетѣли, какъ орлы, всѣ предѣлы земли,“ [1] повсюду *проповѣдуя Христа распята* (1 Кор. 1, 23)! Богопризванные „земледѣлатели“, они, подкрѣпляясь благодатною силою *Господа жатвы* (Матѳ. 9, 38), „крестомъ“, какъ нѣкоторымъ чуднымъ раломъ, „взорали природу“ человѣческую и „посѣяли слово“ Божіе, „какъ пшеницу. Вмѣсто сѣтей крестомъ“, какбы „крѣпкою мрежею, нерасторгаемымъ неводомъ“ [3], божественные *ловцы человѣковъ* (Матѳ. 4, 19) *уловили* всѣ народы [4], и привели къ поклоненію Христу Богу.

Посему-то каждый изъ Апостоловъ, *тожде мудрствуя* (Филип. 2, 2), готовъ былъ, безъ сомнѣнія, сказать со св. Павломъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14)!... Вотъ одинъ изъ нихъ, св. апостолъ Андрей, приводится мучителями ко кресту на распятіе, и съ какимъ неизъяснимымъ восторгомъ, еще „издали увидѣвъ“ крестное древо, „громко взываетъ“ онъ, во всеуслышаніе „двадцати тысячъ стекшагося народа,“ — предъ лицемъ всего города Патръ: „радуйся, кресте, плотію Христа освященный, и членами Его, какъ маргаритами украшенный! Прежде нежели возшелъ на тебя Господь мой, ты страшенъ былъ для земныхъ; но теперь, когда ты вмѣстилъ въ себя любовь небесную; то, быть распростертымъ на тебѣ, есть даръ.

---

[1] Св. Прокла, архіеп. константинопол., похвала св. ап. Павлу. [2] Св. Прокла слово похв. св. ап. Андрею. [3] Тамъ же. [4] Служба св. ап. Іоанну Богослову (сент. 26), по 2 стихосл. сѣдаленъ.

Знаютъ вѣрные, сколько сокрыто въ тебѣ щедротъ, сколько уготовано наградъ. Безбоязненно и весело я иду къ тебѣ; но и ты съ веселіемъ и радостію прими меня, ученика Распявшагося на тебѣ. Я всегда любилъ тебя, и горѣлъ желаніемъ обнять тебя. О, блаженный кресте, пріявшій великолѣпіе и красоту отъ членовъ Господа, многократно желанный, и неусыпно искомый, возьми меня отъ среды человѣковъ, и вручи Учителю моему. Пусть отъ тебя получитъ меня Тотъ, кто чрезъ тебя искупилъ меня!"...[1] Не *тойже ли духъ вѣры имѣли* (2 Кор. 4, 13), не тою же ли пламенною любовію ко кресту воодушевлялись и всѣ св. Апостолы? Такъ! всѣ они запечатлѣли, проповѣданное ими, крестное слово своею св. кровію!

А *сіи облеченніи въ ризы бѣлыя*, окружающіе престолъ Агнца, *кто суть, и откуду пріидоша?*—И это прошедшіе путемъ креста. *Сіи суть*, отвѣтствуетъ тайновидецъ Іоаннъ, *иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. 7, 13. 14). Это запечатлѣнное крестомъ, пресвѣтлое, добропобѣдное воинство св. мучениковъ! Слѣдуя по стопамъ „красныхъ ногъ" апостольскихъ, и они, покрываясь крестомъ, какъ щитомъ, отразили всѣ замыслы жесточайшихъ тирановъ, попрали всю силу вражію! Осѣняя чело свое св. крестомъ [2], каждый изъ нихъ, въ виду страшныхъ мучительскихъ орудій, небоязненно говорилъ: „я христіанинъ!" Вооружась крестомъ Христовымъ, св. мученики шли на самыя ужасныя мученія, „какбы въ чужихъ тѣлахъ," [3] „съ восхищеніемъ, какъ ликующіе..." [4] Крестъ, поистинѣ, царскій вѣнецъ воиновъ Христовыхъ! — Крестомъ освящались и всѣ святые. Крестомъ

[1] Посланіе пресвитеровъ и діаконовъ Ахаіи, учениковъ св. ап. Андрея и очевидцевъ его мученичества." Христ. чт., ч. XVI (1824 г.), стр. 275 – 276. [2] Св. Василія вел., сл. о св. мучен. Гордіѣ. [3] Св. Григ. Богосл. 1 облич. сл. на ц. Юліана. [4] Св. Злат., похв. слово всѣмъ св. мученикамъ.

спасались всѣ праведные.[1] Крестомъ, какъ „божественною лѣствицею, восходили на небеса“[2] всѣ угодники Божіи. Отрекшіеся для Христа отъ міра, воспріявъ крестъ, „съ великою радостію“[3] *скитались въ пустыняхъ, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. 11,38). „Для очей“ св. подвижниковъ „ничего“ не могло быть „пріятнѣе и радостотворнѣе, какъ изображеніе св. креста,“[4] — въ которомъ они видѣли „печать, залогъ и образъ самого Христа,“[5] въ которомъ созерцали „изволеніе Отца, славу Единороднаго, веселіе Духа.“[6] Древо креста имѣло столь высокую цѣну для благочестиваго сердца св. отцевъ, что они были „готовы облобызать съ благоговѣніемъ и всякое древо, еслибы только знали напередъ, что изъ него будетъ сдѣлано нѣкогда изображеніе креста Господня.“[7] „Благодать и слава креста“ была для нихъ „даромъ, пріятнѣйшимъ всѣхъ другихъ даяній.“[8] И „сей дивный и многоблагодатный даръ,“ по словамъ св. Златоуста, былъ для нихъ „столь вожделѣннымъ,“ что они „всѣ почитали его украшеніемъ для себя превосходнѣйшимъ коронъ и діадимъ и камней драгоцѣнныхъ.“[9] „Крестъ Христовъ, на которомъ, чрезъ который и въ которомъ утверждено и воздвигнуто зданіе, нашего спасенія,“[10] — былъ для нихъ „богатствомъ драгоцѣннѣйшимъ всякаго другаго богатства,“[11] „драгоцѣннѣйшимъ всего міра,“[12] „сокровищемъ, лучшимъ золота, маргаритовъ и драгоцѣнныхъ камней Индіи, чѣмъ прельщаются люди плотскіе, преданные суетности,“ — „вели-

---

[1] На Воздв., на Господи воззвахъ, ст. 2; на стиховнѣ, ст. 2. [2] На Воздв., на хвалитехъ, ст. 3. [3] Пр. Ефрема Сир. сл. на покл. кресту. [4] Пр. Ѳеодора Студ., сл. на покл. кресту. [5] Леонтія, еп. неапол. сл. 5. прот. іуд. [6] Злат., бес. о назв. кладбища и о крестѣ. [7] Слова одного изъ отцевъ — нѣкот. иконоборцу. См. святителя Тихона, еп. воронежск., письмо о знаменованіи благословляющей іерейской руки. [8] Пр. Ѳеод. Студ. сл. на покл. кресту. [9] Злат., разсужд. прот. іудеевъ и язычн. [10] Св. Андрея кр. сл. на Воздв. [11] Ѳеод. Ст. сл. на покл. кр. [12] Злат., прот. іуд.

кимъ и истинно-драгоцѣннымъ стяжаніемъ, — какъ орудіе величайшихъ благодѣяній Христовыхъ, Его страданій и побѣды.“ [1] Каждый изъ святыхъ Божіихъ человѣковъ, несомнѣнно, могъ торжественно сказать съ св. Григоріемъ Назіанзинымъ: „я крестъ ношу въ моихъ членахъ, на моемъ тѣлѣ, и на всѣхъ путяхъ; крестъ моя похвала и слава.“ [2] Наконецъ бесѣда о крестѣ была столь усладительна для св. витій, что ихъ златыя уста „не могли довольно наговориться — объ этомъ знаменіи смерти, содѣлавшемся источникомъ благословенія.“ [3]

Ясно понимали и глубоко чувствовали великое значеніе креста Христова и всѣ вообще благословенные послѣдовали Распятаго, и во имя Его, не стыдясь названія „крестопоклонниковъ,“ [4] — начиная съ самыхъ временъ апостольскихъ, при всякомъ своемъ дѣйствіи, ограждали себя знаменіемъ креста, какъ знаменіемъ спасенія. „При всякомъ шествіи и движеніи,“ — свидѣтельствуетъ одинъ изъ древнѣйшихъ писателей первенствующей христіанской Церкви, „при каждомъ входѣ и выходѣ, одѣваясь и обуваясь, при умываніи, предъ трапезою, зажигая огонь, ложась на постелю, садясь на мѣсто, — словомъ при всякомъ занятіи нашемъ, мы ограждаемъ чело свое знаменіемъ креста,“ [5] послѣдуя преданію „Апостоловъ, которые внушали первымъ ученикамъ своимъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ вѣрующимъ, чтобы они, въ знакъ исповѣданія своего, полагали печать креста на лицѣ и персяхъ своихъ.“ [6]

Но долго еще крестъ Христовъ, столь славный и многознаменательный для христіанъ, былъ въ уничиже-

---

[1] Андр. критск. [2] Григ. Наз. стихотвор. XXI, въ которомъ прогоняется діаволъ. [3] Злат., разсужд. прот. іуд. и язычн. [4] Crucicolae: такъ называли христіанъ, еще первенствующей Церкви, язычники. Min. Felix. Octav. 2, 9. [5] Тертуліанъ, писат. 2 христ. вѣка, in libro de corona militis (о вѣнцѣ воина). [6] Тамъ же.

нiи, оставался *для iудеевъ соблазномъ, для еллиновъ безумiемъ* (1 Кор. 1, 23). Наконецъ, св. Константину, „благочестiя держателю и царю богомысленному, изобразилъ Господь на небесахъ достопокланяемый образъ креста, соотвѣтственно его всемiрной славѣ, въ сiянiи безмѣрнаго свѣта," съ божественнымъ повелѣнiемъ: „симъ побѣждай!" И крестомъ, „какъ непобѣдимымъ всеоружiемъ, низложено свирѣпство злосердыхъ враговъ, лесть идольская разсѣяна, и божественная вѣра," а съ нею и слава креста Господня, — „распространилась до концевъ земли!"[1]

Вскорѣ и то самое крестное древо, на которомъ распятъ былъ Господь нашъ Iисусъ Христосъ, сокрытое попущенiемъ Божiимъ и лукавымъ дѣйствомъ злобныхъ враговъ креста, обрѣтено св. царицею Еленою, матерiю великаго Константина. „Обрѣтена давно сокрытая святыня; утаенное сокровище, бывъ извлечено изъ земли, возсiяло, какъ злато; августѣйшее знамя царства Христова, прежде закопанное, произникло на свѣтъ. Мечъ противу враговъ, мечъ самокованный, возблисталъ изъ тьмы: Церковь воспрiяла свое украшенiе; обладающая сокровищами нашла потерянную драхму."[2] Церковь, дѣйствительно, „явилась раемъ, имѣющимъ посреди себя древо жизни" — „древо креста!"[3] — Тогда, при всенародномъ воздвиженiи побѣднаго знаменiя Христова, устроилось въ Церкви Божiей торжество великое, радостное для лика Апостоловъ, воинства мучениковъ, всего собора преподобныхъ и праведныхъ, всего сонма пророковъ и праотцевъ, и — всѣхъ Силъ небесныхъ; „даже," по выраженiю св. Ѳеодора студiйскаго, „самыя существа неразумныя, осiяваясь небесною славою" креста, „ощу-

[1] Кан. на Воздв., пѣсн. 1, троп. 3; пѣсн. 9, ирм. 2, тр. 3. [2] Св. Андрея критск. сл. на Воздвиж. [3] Пр. Ѳеодора Ст., сл. на покл. кресту.

щали внутрь себя нѣкоторую радость,— какъ-то: земля, подобно матери произрастившая древо креста, какъ плодъ изъ своего нѣдра,— всѣ древа дубравныя, почтенныя родствомъ съ древомъ крестнымъ," и получившія „въ немъ освященіе своего естества,"[1] — „солнце, непрестанно сіяющее, луна свѣтящаяся, звѣзды блистающія и, наконецъ, все пространство тверди небесной, на коей совершаются многія круговращенія;" словомъ, тогда возрадовался о крестѣ — весь міръ, видимый и невидимый, „потому что крестомъ Іисусъ-Христовымъ произведена перемѣна къ лучшему во всемъ мірѣ!"[2]

И наши хвалебныя пѣснопѣнія, которыми оглашаются священные своды нашихъ православныхъ храмовъ, что такое, какъ не отголоски всемірнаго, радостнѣйшаго торжества во славу честнаго и животворящаго креста Господня?...

3) Для насъ, по благодати Божіей, сонаслѣдниковъ и соучастниковъ спасенія, совершеннаго Божественнымъ домостроительствомъ, непрерывно продолжавшимся и продолжающимся какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ Завѣтѣ, крестъ имѣетъ все то значеніе, съ какимъ является онъ въ сѣни законной и при свѣтѣ благодатнаго царства Божія. И взирая на крестъ, мы тотчасъ должны приводить себѣ на мысль, чѣмъ онъ являлся въ прообразованіяхъ ветхозавѣтныхъ, и чѣмъ былъ нѣкогда по употребленію и общему суду людей, потомъ чѣмъ содѣлался въ новомъ Завѣтѣ! Но крестъ имѣетъ еще и частнѣйшее, особенное для насъ значеніе,— значеніе въ собственной жизни каждаго изъ насъ.

При самомъ возрожденіи нашемъ въ жизнь духовную, во св. купѣли крещенія, на насъ возлагается св. крестъ, „для видимаго представленія и всегдашняго

[1] На Воздв. кан., пѣснь 9, тр. 1. [2] Ср. Θеод. студ., сл. на поклон. кресту.

воспоминанія заповѣди Христовой:“ [1] *иже хощетъ по Мнѣ ити, да возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Мнѣ* (Лук. 9, 23). Съ тѣхъ поръ св. крестъ дѣлается, можно сказать, неразлучнымъ спутникомъ нашимъ отъ колыбели до гроба, во всю нашу жизнь. Когда мы были еще нѣмотствующими, несмысленными младенцами, рука наша, водимая рукою родителей или пѣстуновъ, уже изображала на челѣ нашемъ, на груди и мышцахъ св. крестъ. Едва начали мы различать десницу отъ шуйцы, какъ священное знаменіе креста содѣлалось необходимою принадлежностію нашихъ молитвъ ко Господу Богу. Потомъ мы уразумѣли, что крестъ „печать нашей вѣры,“ [2] что „крестъ данъ намъ на чело, точно такъ-же, какъ Израилю — обрѣзаніе,“ что „чрезъ него мы, вѣрующіе, различаемся и распознаемся отъ невѣрныхъ.“ [3] И во все теченіе нашей жизни, мы осѣняемъ себя крестомъ многократно каждый день и даже каждый часъ! Образъ креста Христова встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Крестомъ ограждаются наши жилища. Крестъ на пути... Подобіе креста примѣчаемъ и въ окружающей насъ видимой природѣ, какъ напримѣръ, въ цвѣтахъ нѣкоторыхъ деревьевъ и растеній, въ распростертыхъ крыльяхъ парящей птицы, да и въ собственномъ тѣлѣ нашемъ, когда мы, плавая въ водахъ, „непрестанно возобновляемъ въ членахъ своихъ образъ креста, и такимъ образомъ превозмогаемъ враждебныя волны;“ [4] или просто, намъ, дѣйствительно, „стоитъ только простерть руки свои, чтобы увидѣть въ себѣ полный крестъ“... [5] И „во всѣхъ предметахъ, подлежащихъ нашему зрѣнію,“ можно видѣть „крестъ, какъ

---

[1] Простр. правосл. катихизисъ. [2] Св. Діонисія Ареопаг., о церк. іерархіи. гл. 5; св. Злат. бес. на Матѳ. 54. [3] Св. Іоанна Дам. о вѣрѣ кн. 4, гл. 11. [4] Высокопреосв. Филарета, митроп. моск., слово въ Вел. пятокъ; бл. Іеронима, толков. на Ев. отъ Марка, гл. 11. [5] Высокопр. Иннокентія, „Страстная седмица,“ сл. въ Вел. вторникъ.

величайшій символъ силы и власти Христовой": потому что, „представьте себѣ," говоритъ св. мученикъ Іустинъ философъ,—„какія-нибудь двѣ вещи въ мірѣ, — можетъ ли что устроиться безъ формы креста, и можетъ ли существовать безъ этой формы взаимная между ними связь? По морю, наприм., нельзя плавать, если на кораблѣ не цѣлъ тотъ трофей, который называется мачтою;[1] земли нельзя орать безъ формы крестообразной; копающіе землю, равно какъ и ремесленники не иначе производятъ свою работу, какъ посредствомъ орудій, имѣющихъ форму креста..."[2] Крестъ святый красуется на главахъ нашихъ храмовъ. А внутри храмовъ — крестъ на священномъ изображеніи каждаго угодника Божія; крестъ — на священныхъ одеждахъ, и вообще на каждой вещи, принадлежащей къ богослуженію.... Крестъ видимъ мы на персяхъ служителей алтаря Господня, на груди доблестныхъ сыновъ отечества. Крестъ на могилахъ отшедшихъ отцевъ и братій нашихъ. Вездѣ и всюду представляется очамъ нашимъ св. крестъ.—Крестомъ благословляютъ насъ священникя Бога вышняго. Крестомъ совершаются всѣ св. таинства, которыя преподаетъ намъ св. Церковь для нашего освященія и укрѣпленія въ жизни духовной, для низведенія на насъ свыше временныхъ и вѣчныхъ благъ. „Все, что до насъ касается," по словамъ св. Іоанна Златоуста,[3] „совершается чрезъ крестъ. Возродиться ли нужно будетъ, напитаться ли извѣстною таинственною пищею, принять ли рукоположеніе, или что нибудь другое, вездѣ встрѣтимъ сіе знаменіе побѣды."

---

[1] Св. Амвросій медіол. (кн. 3, сл. 56) — тоже называетъ св. крестъ — „мачтою съ парусами въ великомъ кораблѣ Церкви." [2] Св. муч. Іуст. филос. аполог. I, гл. 33. Подобныя мысли есть и у мног. другихъ св. отцевъ. [3] Бес. на Матѳ. 55.—Бл. Августина тракт 118 на Іоанна.

Придетъ пора, угаснетъ свѣтильникъ нашей жизни, сомкнутся наши вѣжди, на вѣки застынетъ кровь въ жилахъ нашихъ. И тогда св. крестъ не оставитъ насъ: онъ ляжетъ на охладѣвшихъ членахъ нашего бездыханнаго тѣла; и, когда все земное оставитъ насъ, животворящій крестъ послѣдуетъ за нами въ матернія нѣдра земли. Истлѣетъ и прахъ нашъ въ утробѣ земной; быть можетъ, изгладится изъ памяти живыхъ не только наша жизнь и дѣянія, но и самое имя наше. А надъ могилой нашей все еще будетъ виднѣться св. крестъ; и этотъ священный памятникъ скажетъ всѣмъ проходящимъ: „здѣсь покоятся останки *христіанина*, до втораго и славнаго пришествія Христова...“ *Пріидетъ*, какъ *татъ* въ полуночи, и *день Господень, великій и просвѣщенный* (2 Петр. 3, 5. Іоил. 2, 31). Прогремитъ громъ трубы Архангела надъ гробами мертвыхъ, и воскреснутъ *вси сущіи во гробѣхъ* (Іоан. 5, 28)! Востанемъ и мы изъ праха и тлѣнія... Что же первѣе всего представится тогда притрепетнымъ взорамъ нашимъ? Крестъ Христовъ! Онъ „первый явится тогда, во второе пришествіе Христово, какъ честный и животворящій, достопокланяемый и святый скипетръ великаго Царя Христа,“ „явится на небеси со всѣмъ воинствомъ Ангеловъ, озаряя всю вселенную отъ конецъ до конецъ, паче солнечнаго сіянія.“ [1] О семъ предвозвѣстилъ самъ грядущій Судія живыхъ и мертвыхъ. *Якоже бо молнія*, говоритъ Онъ, *исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго. Солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся... И тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси... И тогда восплачутся вся племена*

[1] Св. Ефрема Сирина, сл. на честный крестъ, и на второе пришествіе Христово; — св. Іоанна Дам. 4 кн. о вѣрѣ.

земная (Матѳ. 24, 27. 29. 30), враждовавшія противу креста Христова, и возрадуются и возвеселятся всѣ истинные поклонники креста, узрѣвъ знаменіе своего спасенія!

Вотъ что значитъ св. крестъ! Вотъ чѣмъ является онъ намъ и въ ветхомъ Завѣтѣ, и въ новомъ Завѣтѣ благодати, и въ собственной жизни и судьбѣ каждаго изъ насъ!

II.

ЧѢМЪ ЖЕ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ДЛЯ НАСЪ СВ. КРЕСТЪ?

Размыслимъ, любезный собратъ, какъ должно намъ пользоваться тѣмъ сокровищемъ, которое ввѣрилъ всѣмъ и каждому изъ насъ Христосъ-Царь, небесный Дароразда-ятель, — чтобъ не уподобиться намъ *лукавому рабу, скрывшему таланть* Господень *въ земли* (Матѳ. 25, 24), къ вѣчному своему осужденію, чтобы и намъ не *воспла-каться*, нѣкогда, *въ послѣдній день* (Іоан. 6, 39), при видѣ креста Христова.

Въ нѣкоторыхъ священныхъ пѣснопѣніяхъ церковныхъ [1] воспѣвается, что на крестѣ Господнемъ исполнилось Исаіино пророченіе: *и слава Ливанова къ тебѣ пріидетъ, кипарисомъ, и певгомъ, и кедромъ, вкупѣ прославити мѣсто святое Мое, и мѣсто ногъ Моихъ прославлю* (Ис. 60, 13). [2] Не находя буквальнаго исполненія сего пророчества на крестѣ Господнемъ (обрѣтенный равноапостольною Еленою, онъ только по своей животворящей силѣ могъ быть распознанъ отъ крестовъ разбойничьихъ), богопросвѣщенные пастыри и учители

[1] Октоих. 3 гласъ, въ ср. на утр. сѣдаленъ; и мног. др. [2] На Воздвиж., паремія 3

Церкви приведенныя слова пророка Исаіи изъясняютъ о крестѣ иносказательно. Въ ихъ-то иносказательномъ толкованіи откроется намъ рѣшеніе вопроса: чѣмъ долженъ быть для насъ св. крестъ?

По церковному изъясненію, крестъ Христовъ можетъ быть именованъ: *кедромъ,* — потому что, подобно кедровому запаху, нестерпимому для зміевъ, благоуханіе креста имѣетъ *силу прогонять* „древнихъ зміевъ“ — демоновъ, злые помыслы и всѣхъ вообще *враговъ* нашего спасенія; — *кипарисомъ*, въ томъ смыслѣ, что, подобно кипарисовому дереву, которое при самыхъ сильныхъ буряхъ стоитъ твердо и невредимо, св. крестъ можетъ служить намъ крѣпкою *оградою при* всѣхъ возможныхъ *треволненіяхъ житейскихъ;—певгомъ,* потому что, подобно певгу, исцѣляющему внутреннія болѣзни, животворящій крестъ Господень можетъ *врачевать* и душевные и тѣлесные недуги наши.[1] Итакъ, на св. крестъ мы должны взирать 1) какъ на поборника нашего противу всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, 2) заступника во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни, 3) врача недуговъ нашей души и тѣла. Но здѣсь же мы должны припомнить и то, что крестъ есть *мѣсто святое* Христово, *мѣсто ногъ* (Ис. 60, 13)[2] распятаго на немъ Божественнаго Учителя нашего; посему 4) въ крестѣ мы должны искать для себя наставленія и вразумленія на пути благочестія.

1) Злѣйшій врагъ нашъ—діаволъ. Св. угодники Божіи, которые, какъ земные ангелы и небесные человѣки, до того одухотворялись всѣмъ существомъ своимъ, что созерцали тайны міра невидимаго, можно сказать, такъ же, какъ мы видимъ предметы, подлежащіе тѣлеснымъ

[1] Обличеніе непр. раск. гл. 2, разс. 2, лист. 43, 44. Камень вѣры. о честн. крестѣ. [2] Въ привед. мѣстѣ той-же пареміи на Воздвиженіе.

чувствамъ нашимъ, ясно видѣли всѣ губительныя наваждения злокозненнаго врага нашего; они видѣли, какъ *сатана*—то *преобразуется во ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), [1] чтобы обольстить, то является въ адскомъ своемъ видѣ, чтобъ устрашить, [2] то облекается призракомъ предметовъ, имѣющихъ ближайшій доступъ къ нашему сердцу. [3] Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Святые примѣтили и засвидѣтельствовали и то, какъ устрашаетъ и поражаетъ лукаваго нашего супостата всесильное оружіе креста Христова. „Одного крестнаго знаменія," по свидѣтельству св. Аѳанасія великаго, „довольно, чтобы отогнать отъ себя ухищреніе діавола." [4] „Бѣги же скорѣе," грозитъ св. Григорій Богословъ „лукавому татю, хитрому змію,— бѣги, чтобы я не поразилъ тебя крестомъ, котораго все страшится!". [5] „Виждь," говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „какъ вооружилъ послѣдующаго Ему воина небесный Царь! Не щитъ далъ Онъ, ни шлемъ, ни лукъ, ни броню, ни другое что либо подобное, но, что всего этого крѣпче— силу креста, знаменіе сущей надъ демонами побѣды." [6] „Если ты," научаетъ тотъ же святый учитель, „вообразишь на себѣ крестъ съ великою вѣрою, то близъ тебя не возможетъ стать ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ, зря мечъ, которымъ получилъ жестокую рану". [7]

Невозможно исчислить всѣхъ случаевъ, въ которыхъ св. человѣки Божіи поражали и прогоняли св. крестомъ *діавола и ангеловъ его:* сказаніями о семъ переполнены житія Святыхъ. По крайней мѣрѣ, нельзя не вспомнить здѣсь о томъ достопримѣчательномъ случаѣ, о которомъ

---

[1] Житіе св. Симеона столпн. сент. 1. [2] Жит. пр. Иларіона вел., окт. 21. [3] Жит. пр. Антонія вел. январ. 15; — св. муч. Кипріана и Іустины, окт. 2, пр. Варлаама и Іоасафа, ноябр. 19 и мн. др. — Камень, вѣры о чудесѣхъ, бываемыхъ отъ креста. [4] Св. Аѳан. вел., сл. о воплощеніи. [5] Св. Григ. Богосл., стихотв. XXI. [6] Св. Іоанна Злат., сл. на поклон. честн. кресту (помѣщ. въ Камнѣ вѣры). [7] Златоуст., бес. на Матѳ. 54.

разсказываетъ св. Григорій Назіанзинъ. Юліанъ отступникъ рѣшился нѣкогда, „въ одной изъ недоступныхъ для народа страшныхъ пещеръ, совѣщаться съ подземными демонами о будущемъ.“ Но вдругъ „храбреца объемлетъ ужасъ; съ каждымъ шагомъ ему становится страшнѣе... Пораженный нечаянностію, какъ неопытный въ такомъ дѣлѣ, онъ прибѣгаетъ ко кресту, сему древнему пособію, и знаменуется имъ противъ ужасовъ. Знаменіе подѣйствовало, демоны побѣждены, страхи разсѣялись. Но отступникъ порывается идти далѣе: и опять тѣже ужасы. Онъ еще разъ *крестится*,—и демоны утихаютъ.“ [1]

Наше духовное око такъ недальновидно, что мы и не примѣчаемъ тѣхъ козней, которыя строитъ противу насъ, и которыми ухищряется на вѣки погубить насъ душегубецъ! Но потому-то самому онъ гибельнѣе для насъ. То несомнѣнно, что когда мы, можетъ быть, совершенно и не думаемъ о томъ, что находимся подъ вліяніемъ нечистой силы, въ это самое время *діаволъ, какъ левъ рыкающій,* ходитъ между нами, *ища кого поглотить* (1 Петр. 5, 8)... И онъ давно, безъ сомнѣнія, поглотилъ бы насъ, *живыхъ уловилъ бы въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26), если бы мы такъ часто не осѣняли себя св. крестомъ! Но если обратимъ вниманіе на то, какъ часто впадаемъ мы въ многоразличные грѣхи (а *творяй грѣхъ отъ діавола есть,* 1 Іоан. 3, 5), то должны будемъ сознаться, что мы не пользуемся, по надлежащему, богодарованнымъ намъ оружіемъ креста Христова на пораженіе невидимыхъ враговъ нашихъ. И одному Богу и Ангелу хранителю нашему вѣдомо, много ли еще остается діаволу (страшно!) до рѣшительной побѣды надъ нами! О, какой Антоній великій „днемъ и ночью помолится о насъ Господу, да отверзетъ Онъ очи сердца

[1] Св. Григ. Наз. или Богослова, слово 1, обличит. на царя Юліана.

нашего, чтобы мы могли видѣть всѣ коварства злыхъ духовъ и всю ихъ ненависть къ намъ, и укрѣпить сердце наше въ духовномъ бдѣніи?“ [1] Дерзайте, братія и соратники! Не одинъ, а „всѣ Святые на небѣ принимаютъ великое участіе въ насъ,—непрестанно, со слезами возсылаютъ молитвы къ Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ насъ.“ [2] въ неравной *бранѣ съ міродержителями тмы вѣка сего* (Ефес. 6, 12)!... Потщимся же и мы, какъ можно болѣе быть внимательными къ нашей духовной жизни, и непремѣнно замѣтимъ, какъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ опутываетъ насъ сѣтьми своими демонъ соблазнитель. Тогда-то, по примѣру святыхъ Божіихъ, неукоснительно станемъ направлять противъ него спасительное оружіе св. креста!

Не бываетъ ли, что тогда, какъ мы — въ истинно счастливыя минуты въ жизни — чувствуемъ въ себѣ особенную какую-то расположенность къ богомыслію, когда съ радостію ощущаемъ, какъ въ нашемъ сердцѣ тихо струится утѣшительный токъ благихъ чувствованій,—въ тѣ самыя минуты внезапно, какъ демоны, одни за другими, цѣлымъ полчищемъ, нападаютъ на насъ недобрые и нечистые помыслы, и разрушаютъ нашъ внутренній миръ, мятутъ нашу совѣсть,—подобно черной стаѣ хищныхъ птицъ, терзающихъ свою добычу, язвятъ нашу душу?... Не есть ли все это — враждебное дѣйствіе духа злобы?... Но оградимъ чело свое св. крестомъ, — и, какъ исчезаетъ дымъ, разсѣется вся эта грѣховная мгла, облегающая насъ, — душа наша ощутитъ въ себѣ торжество побѣды, — въ сердцѣ водворится *миръ Божій, превосходящій всякъ умъ* (Филип. 4, 7)! — Не говоря уже о

[1] Св. Антонія вел., письмо 6 къ монах. (о томъ, что духи злобы всегда стараются совратить благочестивыхъ людей съ пути добродѣтели): „днемъ и ночью молю о васъ Господа...“ и проч. [2] Слова св. Антонія вел. въ томъ-же письмѣ.

томъ, что именно какъ-будто нѣкая нечистая сила побуждаетъ насъ находить удовольствіе, когда нашъ слухъ тешится недоброю молвою о другихъ, или языкъ клеймитъ пятномъ клеветы честь нашего ближняго, — не случается ли, что даже дружескія собесѣдованія наши нерѣдко оканчиваются взаимными, тайными или явными, оскорбленіями собесѣдниковъ?... Откуда же вдругъ возникаетъ это сѣмя непріязни, если не отъ духа непріязненнаго? — Въ подобныхъ случаяхъ, съ сокрушеніемъ сердечнымъ напечатлѣемъ на себѣ побѣдное знаменіе креста Христова, — и положится крѣпкое *храненіе устамъ нашимъ*, и слухъ, какъ и *сердце* наше, *не уклонится во словеса лукавствія* (Псал. 140, 3. 4)! — Не замѣчали ль вы и того, что когда мы предпринимаемъ какое-нибудь дѣло во славу Божію, для пользы ближнихъ, — Богъ вѣсть откуда противопоставляется намъ то или другое препятствіе, иногда и самое ничтожное; но оно приводитъ въ уныніе нашъ духъ, и доброе дѣло готово разстроиться? У насъ невольно срывается съ устъ признаніе, что самъ „нечистый“ представляетъ намъ препоны.[1] Тогда, — съ нами крестная сила! — съ молитвеннымъ вздохомъ, осѣнимъ чело свое св. крестомъ! Врагъ убѣжитъ съ посрамленіемъ, и Господь поспѣшитъ намъ во благое — во всѣхъ добрыхъ предначинаніяхъ нашихъ! — Но, во время бодрственнаго состоянія нашего, нападенія на насъ *исконнаго человѣкоубійцы* (Іоан. 8, 44) еще не могутъ быть такъ сильны, какъ въ тѣ часы, въ которые мы предаемся сну. Тогда-то, когда душа наша бываетъ свободна отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, когда мы и по тѣлу бываемъ беззащитнѣе всякаго младенца, — во мракѣ ночи, *приходитъ врагъ* темный, *и посѣваетъ* въ нашемъ сердцѣ многоразличные *плевелы* (Матѳ. 13, 25), — ищетъ

[1] 1 Солун. 2, 18.

беззащитныхъ жертвъ, широко разверзаетъ свою адскую пасть... О, съ какимъ рвеніемъ должны мы прибѣгать подъ щитъ креста Христова, когда сонъ смежаетъ очи наши! Съ какимъ благоговѣніемъ должны запечатлѣвать себя спасительнымъ „знаменіемъ, чтобы не коснулся насъ губитель (Исх. 12, 13)!“ [1] Съ какимъ глубокимъ чувствомъ должны мы говорить къ честному кресту молитву, влагаемую въ уста „на сонъ грядущимъ“ св. Церковію: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица — знаменующихся крестнымъ знаменіемъ, и въ веселіи глаголющихъ: радуйся, пречестный и животворящій кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Іисуса Христа, во адъ сшедшаго и поправшаго силу діаволю и даровавшаго намъ тебе, крестъ свой честный, на прогнаніе всякаго супостата!“ [2]

Послѣ діавола, другой лютый врагъ нашего спасенія — это наша собственная плоть, — врагъ тѣмъ болѣе опасный, что *никтоже* изъ насъ, по самой природѣ своей, *возненавидѣ когда плоть свою, но питаетъ и грѣетъ ю* (Ефес. 5, 29); а между тѣмъ, *законъ, сущій во удѣхъ* нашего грѣховнаго тѣла, непрестанно *противу воюетъ закону ума* (Рим. 7, 23), внемлющаго спасительнымъ заповѣдямъ Евангелія, и такъ жестоко воюетъ, что самый *бодрый духъ* весьма нерѣдко смертельно поражается разжженными стрѣлами *немощной плоти* (Матѳ. 26, 24)!... И это та самая плоть, то самое *смиренное тѣло наше*, которое предназначено къ столь высокому *преображенію*, что, *облекшись нѣкогда въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53),

[1] Св. Іоанна Дамаск. о вѣрѣ, кн. 4, гл. 41. [2] Послѣдн. молитва на сонъ грядущимъ. — Неизлишнимъ считаемъ напомнить здѣсь о слѣдующемъ наставленіи св. Церкви: „Таже (т. е. послѣ вечернихъ молитвъ) цѣлуй крестъ твой и прекрести крестомъ мѣсто твое (постелю), отъ главы и до ногъ: такожде и отъ всѣхъ странъ, глаголя молитву честному кресту.“

имѣетъ *быть сообразнымъ славному тѣлу* самого *Господа* (Фил. 3, 21)!... Что жь это за странное сочетаніе въ нашемъ тѣлѣ — вражды и братства, противоборства и соучастія въ вѣчной судьбѣ нашей? Что это за неразгаданный — въ нашемъ существѣ — братъ и другъ, и „льстивый врагъ и противникъ, никогда не прекращающій нападеній, — злобно ласкающійся звѣрь?“... [1] Увы! *Кто* насъ *избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24), *умертвитъ* наши грѣховные, *плотскіе уды* (Колос. 3, 5)? Но кто, съ тѣмъ вмѣстѣ, и разольетъ въ тѣлесныхъ членахъ нашихъ, какъ *членахъ Христовыхъ* (1 Кор. 6, 16), истинную жизнь, залогъ вѣчной жизни, — вселитъ въ наше тѣло, лишенное и первобытной славы, начатокъ *хотящей явитися въ насъ славы* Господней (Рим. 8, 18)?... Св. крестъ! Св. крестъ! Онъ-то именно — такое чудное орудіе, которое и мертвитъ и живитъ, и *вноситъ мертвость Господа Іисуса въ тѣло наше*, и вдыхаетъ *въ мертвенную плоть нашу животъ Іисусовъ* (2 Кор. 4, 10. 11). Или лучше, крестъ Христовъ, побѣждая плоть нашу и посѣкая и потребляя въ ней все грѣховное, враждебное Христу, содѣлываетъ то, что все *мертвенное* въ ней бываетъ *пожерто животомъ* Христовымъ (2 Кор. 5, 5)! Прибѣгнемъ же неукоснительно къ сему дивному всеоружію. Имъ, и только имъ возможемъ побѣдить нашего „домашняго врага!“ Каковы бы ни были нападенія на духъ нашъ со стороны нашей предательницы плоти, помыслимъ только, помыслимъ со всевозможнымъ усердіемъ о Распятомъ на крестѣ, — потомъ, оградимъ себя крестнымъ знаменіемъ, и мы непремѣнно одержимъ побѣду. Знайте, что нѣтъ такой страсти, нѣтъ такой похоти, которая могла бы противиться всепобѣждающей силѣ креста. Это не наши слова. „Когда ты,“ говоритъ св.

[1] Св. Григ. Богосл., слово о человѣческой природѣ.

Іоаннъ Златоустъ, „дѣлаешь крестное знаменіе, вспомни всю силу креста, все крестное дѣло, и потушишь ярость и всѣ прочія страсти“ [1], — потушишь весь этотъ, по выраженію св. Григорія Богослова, [2] „охлаждающій огонь“, который снѣдаетъ твою плоть, томитъ твое сердце: св. крестъ сотворитъ это, по словамъ того же отца Церкви, „великое чудо.“ [3] „Когда ощутишь въ себѣ,“ научаетъ св. Григорій Назіанзинъ, „побужденіе къ гнѣву“ (тоже должно сказать и о другихъ страстяхъ), — „прежде всего обратись къ Богу и моли Его, чтобы Онъ уничтожилъ въ тебѣ свирѣпую бурю... Потомъ, не забудь тотчасъ ознаменовать себя святымъ крестомъ, котораго все боится и трепещетъ.“ [4] Вотъ и одинъ изъ множества примѣровъ, показывающихъ, какъ рѣшительно побѣждается наша плоть силою св. креста! Св. Софроній, патріархъ іерусалимскій, повѣствуетъ, [5] что нѣкоторый пресвитеръ, Кононъ, совершая св. крещеніе надъ эллинами, обращавшимися къ христіанской вѣрѣ, и, погружая въ св. водахъ не только мужей, но и женъ и дѣвъ, — чувствовалъ въ себѣ столь сильные порывы страсти, что наконецъ рѣшился навсегда оставить мѣсто своего служенія, и пустился бѣжать въ горы... Но бѣглеца настигнулъ — явившійся ему св. Іоаннъ Креститель, остановилъ его, трижды знаменовалъ св. крестомъ, и симъ оружіемъ „отъялъ отъ него брань“ плоти. Пресвитеръ немедленно возвратился къ мѣсту своему, и уже „нисколько не ощущалъ въ себѣ похоти,“ кого бы ни случалось ему погружать. „Я самъ,“ говоритъ св. архипастырь Назіанза, „пользовался симъ оружіемъ“, т. е. оружіемъ св. креста — „противу всѣхъ враговъ. Воо-

[1] Св. Злат., бес на Матѳ. 54. [2] Въ его сл. о человѣческой природѣ. [3] Тамъ-же. [4] Св. Григор. Богосл. стихотв. XXI, о побѣжденіи гнѣва. Христ. чт. 1840 г., ч. III. [5] См. Лимонарь, или Лугъ духовный, гл. 3.

ружи имъ себя и ты, дабы, вооружившись, могъ побѣдить сего врага“ [1], котораго носишь въ собственныхъ нѣдрахъ твоихъ! А побѣждая св. крестомъ страсть за страстью, похоть за похотью, мы мало по малу *распнемъ*, по слову апостола Христова, *плоть свою со страстьми и похотьми*, и такимъ образомъ содѣлаемся *Христовыми* (Гал. 5, 24). Дѣло великое. А орудіе къ совершенію его въ рукахъ нашихъ, — въ нашихъ рукахъ всесильный крестъ! Великій грѣхъ будетъ намъ, братія христіане, если мы не постараемся имъ воспользоваться.

Если мы научимся побѣждать св. крестомъ невидимаго супостата нашего и собственную свою плоть, то не трудно уже будетъ намъ побѣдить тѣмъ же непобѣдимымъ оружіемъ — и послѣдняго врага, *міръ* сей, *во злѣ лежащій* (1 Іоан. 5, 19), — какъ ни страшнымъ и сильнымъ представляется этотъ врагъ съ перваго взгляда. Міръ уже побѣжденъ крестомъ Христовымъ, связанъ узами и *блюдется на день суда и погибели нечестивыхъ человѣковъ* (2 Петр. 3, 7). Значитъ, всѣ *гоненія*, воздвигаемыя міромъ на *хотящихъ благочестно жити о Христѣ Іисусѣ* (2 Тим. 3, 12) — не болѣе, какъ грозящія потрясенія цѣпей узника; всѣ его обольстительныя обѣщанія не болѣе, какъ мечтательныя и несбыточныя надежды заключеннаго въ темницу... Да вѣдаемъ же, что противъ силы креста Господня вся сила враждебнаго намъ міра — самое жалкое безсиліе! Итакъ, пусть весь міръ вооружится противъ насъ, и съ хитрыми прельщеніями и льстивыми обѣщаніями, и съ грозными пресѣченіями и страшными угрозами! Воззримъ только очами вѣры на св. крестъ Спасителя нашего, и вспомнимъ Божественное повелѣніе: „симъ побѣждай!“ И побѣдимъ непремѣнно. — Чтобы отклонить насъ отъ служенія Богу

[1] Григ. Наз. въ указ. выше стихотв., о побѣжденіи гнѣва.

и привлечь къ *работанію мамонѣ* (Матѳ. 6, 24), лукавый міръ станетъ обѣщать намъ, быть можетъ, многія выгоды, лестныя почести, различнаго рода заманчивые вѣнцы... Но если предъ очами нашими св. крестъ: намъ представится *терновый вѣнецъ* (Марк. 15, 17), бодущій главу Спасителя, — *червленая багряница* (Іоан. 19, 5), въ крови Іисусъ Христовой, и въ льстивыхъ обѣщаніяхъ нашего врага ясно откроется предъ нами тщета и пагуба, и мы одержимъ св. крестомъ побѣду! Чтобы совратить насъ *съ узкой* стези, *ведущей въ царствіе небесное,* и заставить насъ ходить *по стихіямъ міра* (Кол. 2, 8), по *широкому пути,* стремиться въ пропасть адскую (Матѳ. 7, 13. 14), коварный врагъ нашъ, подобно хитрому рыболову, будетъ стараться заманить насъ въ свои сѣти разными приманками,—посулитъ намъ, можетъ быть, различныя житейскія блага, довольство, богатство, роскошныя жилища, пышныя одежды, всѣ свои сокровища... Но мы опять устремимъ очи наши на св. крестъ: на немъ видимъ *Христа Іисуса Господа* (2 Кор. 4, 5), который, *не имѣвши,* во все теченіе земной жизни своей, *гдѣ главы подклонити* (Матѳ. 8, 20), виситъ обнаженный, между небомъ и землею; а Его *ризы раздѣляютъ* между собою распинатели, *и объ одеждѣ* Его *метаютъ жребій* (Іоан. 19, 24)... Тогда-то постигнемъ злоумышленія врага, и поразимъ его св. крестомъ! Чтобъ омрачить нашъ разумъ, привесть насъ въ состояніе нѣкотораго опьянѣнія, міръ, *родъ сей прелюбодѣйный и грѣшный* (Марк. 8, 3), предложитъ намъ полную чашу разнообразныхъ удовольствій, безумныхъ наслажденій, преступныхъ утѣхъ... Но мы снова вперимъ взоры свои на св. крестъ: здѣсь Господь нашъ испиваетъ исполненную до верха чашу гнѣва Божія, *даже до дрождія, — напаяется оцтомъ, съ желчію смѣшеннымъ* (Матѳ. 27, 34)!

Тогда, быть не можетъ, чтобы въ чашѣ міра не замѣтили мы подслащеннаго яда, и міръ опять будетъ побѣжденъ крестомъ Христовымъ! Дѣйствуя совершенно въ духѣ, такъ же какъ и по волѣ, своего лживаго *князя веельзевула* (Іоан. 6, 11. Лук. 11, 15), міръ сей лукавый, склоняя насъ къ тому, чтобы мы, *падши поклонились* его владыкѣ, а не *Господу Богу нашему,* быть можетъ, станетъ намъ *показывать и давать*, въ искусительныхъ обѣщаніяхъ своихъ, даже *всѣ* свои прелестныя *царства и* суетную *славу* ихъ (Матѳ. 4, 8—10)! Тогда мы не умедлимъ снова прибѣгнуть къ св. кресту: на немъ узримъ грядущаго *Судію міра, Царя Израилева, Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 2, 2)! И отъ одного, такъ сказать, дохновенія креста Христова — всѣ воздушные замки, которые супостатъ, самъ *князь міра* сего настроитъ въ нашемъ воображеніи, разлетятся, какъ прахъ отъ дыханія вѣтра. Всѣ засады врага разрушатся до основанія, а на ихъ развалинахъ блистательно возвысится знамя побѣды — св. крестъ! Истощивши всѣ ласкательства и прельщенія, міръ обратится къ прещеніямъ, къ болѣе или менѣе страшнымъ угрозамъ. Чтобы заставить насъ принять вредные обычаи, ложныя правила и мнѣнія „свѣта“ — противныя обычаямъ христіанскимъ, заповѣдямъ евангельскимъ, преданіямъ апостольскимъ и отеческимъ, развращенный и надменный міръ станетъ грозить намъ худою молвою о насъ, униженіемъ, посмѣяніемъ, поруганіемъ, безславіемъ. А мы крѣпко прижмемъ къ сердцу своему св. крестъ, вспомнимъ объ апостолахъ и святыхъ, незнавшихъ другой похвалы, кромѣ креста Христова, и ковы міра расторгнутся св. крестомъ, какъ паутина! Чтобы принудить насъ отречься отъ Христа, не мыслію и словомъ, а жизнію и дѣлами, злобный міръ подвергнетъ насъ жесточайшимъ гоненіямъ... Но пусть

онъ измышляетъ всѣ возможныя мученія, всѣ роды смертей!... Мы еще тѣснѣе соединимся со св. крестомъ; на немъ кровь „св. мучениковъ, добрѣ страдавшихъ и вѣнчавшихся!“ И побѣдный вѣнецъ креста Христова украситъ и нашу главу!

Такимъ образомъ, отражая всѣ нападенія на насъ со стороны міра, мы поразимъ св. крестомъ во главу самого *князя міра сего* (Іоан. 12, 31). *Міръ распнется* намъ, *и* мы *распнемся міру* (Гал. 6, 14). *Умерши для* грѣховнаго *міра, оживемъ для* всесвятаго *Бога.*

Сія есть побѣда, побѣдившая и долженствующая непрестанно побѣждать *міръ* (1 Іоан. 5, 4) и всѣхъ враговъ нашего спасенія, — крестъ Христовъ!

2. Имѣя во св. крестѣ поборника противу всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ нашихъ, мы должны находить въ немъ и нашу ограду и защитника во всѣхъ бѣдствіяхъ и треволненіяхъ житейскихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ падшій человѣкъ *всю тварь неволею повинулъ суетѣ* (Рим. 8, 20), земля, на которой намъ суждено жить, сдѣлалась самою горестною юдолью плача. Нигдѣ нельзя найти въ ней такого мѣста, гдѣ бы можно было укрыться отъ многоразличныхъ бѣдъ: *бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи* (2 Кор. 11, 26)... О, мы были бы несчастнѣйшія твари, еслибъ у насъ не было защитника, помощника и покровителя!... И хорошо еще, если мы находимся въ числѣ такъ называемыхъ „счастливцевъ,“ если, среди неизбѣжныхъ въ жизни скорбей, мы находимъ нѣкоторое довольство, нѣкоторыя удобства, утѣхи (хотя каждому и изъ такихъ людей можно сказать словами св. Назіанзина: „если вѣрно уставишь вѣсы и взвѣсишь все, что въ жизни пріятнаго. и что прискорбнаго; то

одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, а другая, напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ)!“ [1] Но что, если противъ насъ именно направятся всѣ удары бѣдствій, если мы — какбы обреченныя жертвы всѣхъ возможныхъ лишеній и страданій?... Тогда-то куда укрыться намъ? — Куда, какъ не подъ кровъ креста Христова! Здѣсь мы совершенно безопасны. „Если ты, братъ мой,“ говоритъ св. Ефремъ Сиріанинъ, „всегда будешь употреблять св. крестъ въ помощь себѣ, то не пріидетъ къ тебѣ зло, и язва не приближится къ жилищу твоему.“ [2] Ибо крестъ, какъ учитъ св. Кириллъ іерусалимскій,—*„великое предохраненіе,* данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда.“ [3] Такъ, пусть соберутся надъ главою нашею не только обыкновенныя несчастія, но и неслыханныя бѣдствія, — пусть восколеблется подъ ногами нашими земля, какъ никогда еще не колебалась,—пусть со всѣхъ сторонъ окружатъ насъ разрушительныя стихіи! Но если мы крѣпко, всѣмъ существомъ своимъ, держимся креста Христова,—то будемъ цѣлы и невредимы!—Возведемъ мысленный взоръ свой на Голгоѳу! Когда *трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася и подвигошася* (Пс. 17, 18), когда и мертвые не удержались въ гробахъ своихъ (Матѳ. 27, 51), св. крестъ стоялъ неколебимо... Емлемся же, братія христіане, емлемся умомъ и сердцемъ за спасительное древо креста, и ничто не поколеблетъ насъ; и тогда, хотя бы вокругъ насъ была лишь одна скорбь и тѣснота, мы дѣйствительно будемъ спокойны и блаженны!... Конечно, и это блаженство, доколѣ мы на землѣ, не безъ скорбей; и со крестомъ Христовымъ приходятъ

[1] Св. Григ. Наз., сл. о малодѣнности внѣшняго человѣка и суетѣ всего настоящаго. [2] Пр. Ефрема Сир., сл. на честный и животворящій крестъ. [3] Огласит. поуч. 13, 36.

къ намъ особливыя страданія... Но это такія *скорби*, которыми *сладко хвалится* (Рим. 5, 3) душѣ и сердцу; это такія *страданія*, въ которыхъ сокрыта *радость* (Колос. 1, 24), коей и представить не могутъ люди, чуждые кресту Господню. *Зане, якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. 1, 5), такое утѣшеніе, котораго ничто другое не можетъ дать намъ. Будемъ же страшиться и ужасаться одного только, истинно великаго несчастія въ нашей жизни, *да не испразднится* въ насъ *крестъ Христовъ* (1 Кор. 1, 17), чтобы не лишиться намъ сего неоцѣненнаго, ничѣмъ невознаградимаго сокровища,—не явиться намъ самимъ *врагами* (съ *плачемъ* говорилъ о томъ св. Апостолъ) *креста Христова* (Филил. 3, 18)!...

3. Защищаясь крестомъ св. отъ враговъ и отъ житейскихъ бѣдствій, мы должны стяжать въ немъ и врача нашихъ недуговъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ.

Не трудно выразумѣть всѣмъ и каждому, какимъ образомъ врачуются крестомъ наши душевные недуги. Крестомъ, какъ мы видѣли, *распинается наша плоть со страстьми и похотьми*, которыя *воюютъ на душу* (1 Петр. 2, 11) и уязвляютъ ее смертельными ранами. Крестъ дѣлаетъ насъ *Христовыми*, усвояетъ насъ небесному врачу Христу, очищаетъ нашу совѣсть отъ грѣховъ, и чрезъ то проливаетъ въ душу цѣлительный бальзамъ утѣшенія духовнаго и *елей радости* о Господѣ Спасителѣ грѣшниковъ...

„Но какимъ образомъ,“ подумаетъ кто нибудь, „крестъ можетъ врачевать болѣзни тѣлесныя, когда мы всѣ имѣемъ св. крестъ, и между тѣмъ принуждены пользоваться другими врачествами для излѣченія нашихъ немощей?“— Ахъ! это зависитъ совершенно не отъ св. креста. Вина

въ насъ самихъ. Видно, мы или не пользуемся, или не такъ, какъ должно, не съ живою вѣрою и любовію, не съ твердымъ упованіемъ, употребляемъ сіе спасительное врачевство. Но обратитесь къ нашимъ священнымъ лѣтописямъ, къ жизнеописаніямъ святыхъ Божіихъ человѣковъ: вы здѣсь, можно сказать, на каждой страницѣ увидите, какъ многоцѣлебна сила креста Христова. Укажемъ хотя на нѣкоторые изъ безчисленныхъ примѣровъ. Такъ, по сказанію св. Прохора, ученика Іоанна Богослова, св. Апостолъ знаменіемъ креста исцѣлилъ нѣкогда, лежавшаго при пути, больнаго человѣка.[1] Нѣкто благочестивый Иръ, по наставленію св. апостола Филиппа, начерталъ рукою своею образъ креста Христова на поврежденныхъ членахъ недужнаго Аристарха, и тотчасъ усохшая рука исцѣлѣла, око прозрѣло, слухъ открылся, и больной сталъ здоровъ.[2] Когда св. Епифаній, въ дѣтствѣ своемъ, будучи еще некрещеннымъ, сверженъ былъ однажды разсвирѣпѣвшимъ осломъ, и сильно повредилъ себѣ бедро, то нашедшій его нѣкоторый христіанинъ трижды знаменалъ крестомъ, и тѣмъ уврачевалъ отрока.[3] Преп. Макрина, сестра св. Василія великаго, страдая „отъ вреда нѣкоего лютаго на персяхъ ея,“ просила свою мать осѣнить больное мѣсто крестомъ, и какъ скоро употреблено было это врачевство, мгновенно получила исцѣленіе.[4] Нонна, мать св. Григорія Богослова, подверглась однажды тяжкой болѣзни, испытывала „многія страданія,“ и „самое тяжкое — отвращеніе отъ пищи, продолжавшееся многіе дни, и ничѣмъ неизлѣчиваемое.“ Чѣмъ же самъ Богъ исцѣлилъ

[1] Житіе св. Іоанна Богослова, сент. 26. [2] Жит. св. апост. Филиппа, ноября 14. О семъ и о проч. житіяхъ — см. Четьи-минеи, собранныя и сост. св. Димитріемъ, святителемъ и чудотворцемъ ростовскимъ. — Камень вѣры, о честн. крестѣ. [3] Жит. св. Епифанія, еп. кипрск., мая 12. [4] Жит. пр. Макрины, іюля 19.

ее? Силою знаменія св. креста! „Ей представилось, въ ночномъ видѣніи,“ говоритъ самъ св. Григорій, [1] „будтобы я явился къ ней вдругъ ночью, съ корзиною и самыми бѣлыми хлѣбами, потомъ, произнеся надъ ними молитву и запечатлѣвъ ихъ *крестнымъ знаменіемъ*, по введенному у насъ обыкновенію, подаю ей вкусить“— для подкрѣпленія силъ. И дѣйствительно, силы ея тогда-же возстановились и укрѣпились такъ, что больная пробудилась отъ сна—уже исцѣлѣвшею.

Но чудодѣйственный крестъ Христовъ не только исцѣлялъ недуги; онъ даже содѣлывалъ тѣло человѣческое невредимымъ ни отъ пламени, ни отъ челюстей свирѣпыхъ звѣрей, ни отъ смертоносныхъ ядовъ. Такъ св. первомученица Ѳекла осѣнила крестомъ „множество дровъ и хвростія, собраннаго подъ нею на сожженіе ея,“ и огонь не дерзнулъ прикоснуться къ ея тѣлу. [2] Св. мученица Василисса никомидійская оградила себя знаменіемъ креста, и посреди пламени, въ разженной пещи, „стояла на многъ часъ, въ огни горящемъ,“ безъ всякаго вреда [3]. Обреченные на снѣдь звѣрей, св. мученики Авдонъ и Сеннисъ напечатлѣли на себѣ св. крестъ, и лютые звѣри, подобно кроткимъ агнцамъ, лобызали ноги человѣковъ Божіихъ. [4] При цѣлебной силѣ креста Христова — оказывались безвредными и убійственные яды. Такъ св. епископъ Юліанъ, начертавъ на поднесенной ему злоумышленниками чашѣ св. крестъ, выпилъ смертоносный ядъ, и не почувствовалъ въ своемъ тѣлѣ никакого вреда [5]. Подобнымъ образомъ, преп. Венедиктъ осѣнилъ крестомъ стклянницу, и ядоносный сосудъ разсѣлся, „какбы отъ каменнаго ударенія...“ [6] Но, что всего удивительнѣе,

[1] Сл. 18, говор. въ похвалу и въ утѣшеніе матери Нонны, въ присутствіи св. Василія В. [2] Жит. св. Ѳеклы, сент. 24. [3] Жит. св. мученицы Василиссы, сент. 4. [4] Жит. св. муч. Авдона и Сенн. іюля 1; св. Павла Ѳив., янв. 15, и мн. др. [5] Лимонарь, или Лугъ дух., гл. 3. [6] Жит. преп. Венед. марта 12.

былъ даже примѣръ, что нѣкоторый христіанинъ, въ отчаяніи рѣшившись самъ отравить себя, но почувствовавъ невольный страхъ, знаменалъ крестомъ лютую отраву, и ничего не потерпѣлъ отъ нея; испилъ въ другой разъ лютѣйшій ядъ, но сила сотвореннаго имъ крестнаго знаменія опять сохранила его невредимымъ.[1] „И что дивнаго,“ скажемъ словами златословеснаго учителя, „въ томъ, что крестъ побѣждаетъ вредительныя отравы, когда онъ отверзъ адскія врата, распростеръ небесные круги?“[2]

Братія! И намъ нуженъ, можетъ быть даже болѣе нежели мы думаемъ, нуженъ врачъ и врачъ беззотлучный. И въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, и въ пищѣ, которую вкушаемъ, и въ питіи, которое пьемъ, всегда и вездѣ можетъ скрываться для насъ зародышъ болѣзни и самой смерти! Послѣдуемъ же доброму совѣту св. Златоуста. „Вѣрная ли ты“ душа, говоритъ онъ[3] (а кому изъ насъ не должно принадлежать имя вѣрующаго)? „Сотвори знаменіе креста и скажи: вотъ это одно у меня оружіе и врачевство, другаго не знаю!“ Крестъ Христовъ да будетъ любимѣйшимъ врачемъ душъ и тѣлесъ нашихъ! *Рука Божія* никогда *не сокращается. Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Благодать креста Христова, немощное врачующая, во вѣки не оскудѣетъ. О, если бы мы прибѣгали къ сему врачевству съ сердечнымъ сокрушеніемъ и съ живою вѣрою, мы собственнымъ опытомъ убѣдились бы, что св. крестъ, подлинно „недужнымъ врачъ;“[4] а святая Церковь не для одного воспоминанія о прежде бывшихъ явленіяхъ Божіей силы, но и для прославленія настоя-

---

[1] Жит. св. Іоанна Богосл. сент. 26. [2] Св. Злат. сл. на поклон. честн. кресту, въ средопокл. недѣлю. [3] Бес. на 3 гл. къ Колос. [4] На Воздвиж. стихир. послѣ Евангелія.

щихъ событій, радостно воспѣвала бы свою священную пѣснь: „крестъ Господень — вѣрніи пріемлютъ желаніемъ, и вземлютъ исцѣленія души же и тѣла и всякія болѣзни!...“ [1]

4. Но, находя въ животворящемъ крестѣ Господнемъ нашу ограду и врачевство, мы должны помнить и то, что св. крестъ, по словамъ блаж. Августина, „есть престолъ премудрости, каѳедра небеснаго Учителя.“ Что же преподается намъ съ этой священнѣйшей каѳедры Распятаго? —

Много высокихъ и назидательныхъ истинъ внушаетъ намъ самый наружный видъ креста Христова, — видимъ ли мы его предъ очами нашими или изображаемъ на себѣ.

Взираемъ ли мы на св. крестъ, намъ 1, предстоитъ, по указанію св. Церкви, „образъ трiипостасной Троицы:“ [2] „*высотою* (верхнимъ концемъ) крестъ знаменуетъ Отца, въ вышнихъ живущаго, *глубиною* (нижнимъ концемъ) Сына, снизшедшаго на землю и даже во адъ, *широтою же и долготою* (пресѣчными,“ или средними концами) Духа Святаго, вездѣ сущаго и вся исполняющаго.“ [3]

2) Видъ креста „четверочастенъ,“ по разумѣнію св. Симеона солунскаго, [4] „ради пригвожденнаго на немъ,“ Христа, Сына Божія, „*горнее и дольнее и все существующее* сотворшаго и содержащаго, *горнее* соединившаго съ тѣмъ, что *на земли, свыше* низшедшаго *долу,* изъ *долу* же возвысившаго“ насъ „*горѣ,* изъ ада воздвигшаго и изъ земныхъ содѣлавшаго насъ небесными, въ Себѣ самомъ все *соединившаго, и концы*“ міра „созвавшаго“ къ поклоненію истинному и живому Богу, „*высотою* Божества и *смиреніемъ* воплощенія все усвоившаго“ Себѣ,

---

[1] На Воздвиж. на хвалит., ст. 4. [2] Кан. честн. кресту, пѣсн. 8, троп. 4. [3] Камень вѣры, изд. 1848 г., ч. I, стр. 296. Новая скрижаль, гл. III, § 5. [4] Гл. 33. Нов. скриж. гл. XI.

„*высокостію* славы и *глубиною* нищеты и смиренія, и *широтою* милости и любви возсоздавшаго насъ!“

3) Св. крестъ изображаетъ и то, что, по словамъ св. Григорія нисскаго,[1] „Христосъ своею крестною смертію покорилъ Себѣ три царства, *да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 10). *Возвысясь*“ на крестѣ „на воздухѣ (что показываетъ *высота* св. креста), Христосъ явилъ побѣду надъ воздушными и небесными силами; *простеръ* на древѣ *руцѣ свои (широта!) весь день къ людемъ непокаряющимся* (Ис. 65, 2), — „для того, чтобы единою рукою древній народъ, а другою язычниковъ привлечь, и обоихъ собрать во едино,“[2] да *вознесенъ* бывъ *отъ земли* на крестъ, — всѣхъ и *все привлечетъ къ Себѣ* (Іоан. 12, 32), въ объятіи своей любви; въ то же время, Христосъ, „частію крестнаго древа, водруженною въ землѣ“ (и это являетъ *глубина* креста), „покорилъ преисподнее царство.“

4) Видъ креста Христова какбы говоритъ намъ словами св. апост. Павла: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота* (Ефес. 3, 18): ибо слова сіи, по толкованію св. Ѳеофилакта, означаютъ, что „*высота* креста святаго отверзла намъ небо, *глубина* разорила адъ и побѣдила діавола, *долгота* — долгую и безконечную жизнь въ небѣ даровала намъ; а *широта* — отъ широкаго пути, ведущаго въ пропасть адскую, избавила насъ.“[3] Посему-то и св. Церковь, приближая ту же мысль къ сердцу каждаго изъ насъ, научаетъ обращаться къ честному кресту съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ: „твоя *высота*, четверосильный кресте, небеса ми да отверзетъ, *глубина*

[1] Рѣчь огласит. гл. 32. Нов. скриж. гл. XI. § 9. [2] Св. Аѳанасія вел. слово о воплощеніи. Нов. скриж. гл XI. [3] Камень вѣры, ч. I. стр. 227.

бездну адскую да заградитъ, *широта* отъ широкаго пути сластей мірскихъ да мя изведетъ, *долгота* же на вѣчную жизнь, молю, да мя исправитъ.“ [1] Или еще: „твоя *высота,* живоносне кресте, *воздушнаго князя* (Ефес. 2, 2) біетъ, и *глубина* всея бездны закалаетъ змія, *широту* паки воображаетъ, низлагая мірскаго князя крѣпостію своею.“ [2]

5) А блаженный Августинъ говоритъ: „*широта* на крестномъ древѣ добрыхъ дѣлъ твоихъ касается,“ христіанинъ! „Крестомъ распростираются тебѣ руки:“ крестъ— благое и легкое иго, возложенное на тебя, вмѣсто тяжкаго, подавляющаго бремени закона (Ефес. 2, 15). „*Долгота* въ крестѣ долготерпѣнію Христову приписывается. *Высота* крестнаго древа являетъ, что благоуповающимъ свыше есть ожиданіе“ спасенія крестомъ, о Христѣ. „*Глубина* означаетъ туне и безъ заслугъ,“ единственно за крестныя заслуги Спасителя, „ниспосылаемую намъ благодать.“ [3]

6) Образъ видимаго нами креста, по изъясненію св. Іоанна Дамаскина, проповѣдуетъ намъ и о вседержительной силѣ Божіей. „Какъ *средоточіемъ* креста,“ говоритъ св. отецъ, „*связываются и соединяются четыре его конца,* такъ и силою Божіею держится и *высота и глубина и долгота и широта,* т. е. вся тварь видимая и невидимая.“ [4]

7) Видъ креста говоритъ и о всемірной славѣ распятаго Богочеловѣка, — о томъ, что „Ему покланяются всѣ народы, отъ всея вселенныя, отъ *востока* солнца даже до *запада,*“ отъ *сѣвера* до *юга,* и сей „великій народъ, изъ всѣхъ языковъ и племенъ подъ крилѣ Христа

---

[1] Кан. честн. кресту, пѣснь 4. (Камень вѣры, въ указ. мѣстѣ). [2] Кан. пѣснь 4, тр. 2. [3] Блаж. Августинъ, посл. 120. Нов. скрижаль, гл. XI, § 8. [4] Св. Іоанна Дам. о вѣрѣ кн. 4, гл. II.

сообразный, пріемлетъ на челахъ своихъ высокую и великую печать креста.“ [1]

8) Наконецъ, представляющійся очамъ нашимъ св. крестъ своими измѣреніями показываетъ намъ предѣлы любви: „крестъ,“ говоритъ св. Андрей критскій, „есть опредѣлитель границъ любви — *высотою* неба, *глубиною* земли, *длиною и широтою* вселенныя!“ [2]

Когда мы, возносясь духомъ горѣ, изображаемъ на себѣ св. крестъ, и 1) какбы концами его указываемъ на свое *чело,* на *грудь,* на *рамена,* то не ясно ли онъ научаетъ насъ, что Господу Богу должны быть посвящены нашъ *умъ* съ его мыслями и познаніями, наше *сердце* съ его чувствованіями и желаніями, и наши душевныя и тѣлесныя *силы* со всею ихъ дѣятельностію? Не становится ли тогда для насъ св. крестъ, или лучше, самъ Христосъ, на немъ распятый, — тою печатію, о которой говоритъ самъ небесный Женихъ душѣ: *положиши Мя яко печать на сердцы твоемъ, яко печать на мышцѣ твоей;* и *крѣпка яко смерть* да будетъ *любовь* твоя ко Мнѣ, *жестока яко адъ ревность* твоя ко славѣ Моей (Пѣсн. пѣсн. 8, 6)? — Это мысль одного изъ отцевъ Церкви. Когда мы знаменуемъ себя св. крестомъ, то онъ, по изъясненію св. Амвросія медіоланскаго, является намъ „*печатью Христовою* на *челѣ,* печатью на *сердцѣ,* печатью на *мышцахъ:* на *челѣ,* да всегда исповѣдуемъ Христа; на *сердцѣ,* да всегда Его любимъ, на *мышцахъ* же, да благая дѣлаемъ.“ Раскрывая далѣе эту же мысль, святитель продолжаетъ: изображаемый крестъ — „знаменіе на *челѣ,* какъ на мѣстѣ стыдѣнія, да не стыдимся исповѣдывать Христа распятаго, который *не стыдится нарицать насъ братіею своею* (Евр. 2, 11); знаменіе на

[1] Лактанція, кн. 4, гл. 26. Ноз. скриж. гл. XI. [2] Ср. Андрея критск., слово на всеславное Воздвиженіе.

сердцѣ, какъ мѣстѣ любленія, да всѣмъ сердцемъ *возлюбимъ Его*", сладчайшаго Іисуса, „*яко той первѣе возлюбилъ есть насъ* (1 Іоан. 4, 19); знаменіе на *мышцахъ*, да поработаемъ Ему, Господу нашему, и понесемъ на раменахъ своихъ тяжесть креста."[1] —

2) Есть и еще одна весьма утѣшительная истина, внушаемая намъ самымъ видомъ креста Господня... Когда мы знаменуемъ себя крестомъ, и какбы видимымъ образомъ полагаемъ на себя крестъ Христовъ, тогда между нами и Отцемъ небеснымъ. такъ сказать, виситъ на крестѣ распятый Спаситель нашъ!... Тогда Божественнымъ взорамъ Всевышняго предстоитъ уже не наше позорное чело, покрытое грѣховнымъ безславіемъ, но увѣнчанная терніемъ глава Богочеловѣка; не наше коварное сердце, исполненное всякихъ нечистотъ, но прободенныя ребра Искупителя нашего; не наши нечистыя руки, непрестанно дѣлающія беззаконіе, но пригвожденныя ко кресту пречистыя длани всеправеднаго и всесвятаго Господа Іисуса Христа! Такимъ образомъ, знаменуя себя крестомъ, мы должны предзрѣть духомъ предъ собою Христа Спасителя, пригвожденнаго ко кресту и умоляющаго о насъ правосудіе Божіе!...

3) Но св. крестъ, какбы возлагаемый на насъ осѣненіемъ собственныхъ рукъ нашихъ, внушаетъ намъ вотъ еще какую мысль: „Господи! за Тебя, ради Твоего имени святаго, мы готовы на крестъ, на всевозможныя поношенія, на жесточайшія страданія, на смерть — самую позорную..."

Такъ многому поучаетъ насъ самый наружный образъ креста Господня! Сколько же высокихъ, утѣшительныхъ и назидательныхъ истинъ могли бы мы почерпать, если бы какъ можно чаще углублялись, такъ сказать, во внут-

[1] Амвросія мед., кн. о Исаакѣ, гл. 8, въ изъясн. словъ Пѣсн. пѣсн. 8, 6.

ренность креста Христова! „Крестъ,“ какъ витійствуетъ св. Андрей критскій,— „наставникъ невѣждамъ, учитель юношамъ, приставникъ отрокамъ, пѣстунъ младенцамъ, попратель грѣха, вѣстникъ покаянія, глашатай правды.“ [1] Сей учитель, по свидѣтельству св. Ѳеодора Студита, „гордаго и высокомѣрнаго смиряетъ, безпечнаго и нерадиваго въ сердцѣ своемъ возбуждаетъ, разсѣяннаго подчиняетъ игу своего ученія, жестоковыйнаго и свирѣпаго укрощаетъ; и вообще всякаго другаго, кто только приходитъ къ нему съ твердымъ намѣреніемъ исправить свою жизнь,“ [2] св. крестъ охотно принимаетъ въ свое наученіе и руководство, преподаетъ всѣмъ и каждому душеспасительныя наставленія.—Возможно ли исчислить здѣсь все, чему поучаетъ насъ крестъ Христовъ? Истолкователь всѣхъ спасительныхъ уроковъ креста—необходимо, кажется, пришелъ бы къ тому, что сказалъ бы наконецъ: „смотрите на крестъ, углубляйтесь сами и поучайтесь непрестанно, почерпайте духомъ, чего не можетъ исчерпать слово!“ О, поистинѣ, на крестѣ Господа нашего начертаны именно весь ветхій и новый Завѣтъ, все святое Евангеліе, всѣ Божественныя заповѣди, всѣ *глаголы живота вѣчнаго* (Іоан. 6, 68)!

Особенно же, святый крестъ яснѣйшимъ образомъ живописуетъ предъ нами всю сущность благодатнаго Завѣта Божія, всю безконечную, непостижимую любовь къ намъ Божію, которая должна бы согрѣть самыя хладныя души своимъ божественнымъ пламенемъ.

„Любовь моя распялась!“ воскликнулъ св. Игнатій Богоносецъ, предстоя мыслію и сердцемъ кресту Христову. Воззримъ и мы очами вѣры и съ глубокимъ чувствомъ на крестъ Спасителя нашего, и каждый изъ насъ

[1] Св. Андрея кр., сл. на Воздвиженіе чести. и животв. креста. [2] Пр. Ѳеод. ст., слово на поклон. св. кресту, ср. четыредесятницы.

невольно воскликнетъ: „любовь, сама любовь моя распялась на крестѣ!“ Ничто такъ разительно не изображаетъ намъ, что *Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 8), какъ св. крестъ. Если что, то особенно крестъ Господень говоритъ намъ: „*тако возлюби Богъ міръ* (Іоан. 3, 16)! *Большиі сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13); а *Христосъ, грѣшникомъ сущымъ намъ, за ны умре* (Рим. 5, 8) на крестѣ! *Разумѣйте же преспѣющую разумъ любовь Христову* (Еф. 3, 19)!“

Былъ примѣръ, что самаго закоренѣлаго невѣра до глубины души тронулъ и заставилъ горько оплакивать свои заблужденія одинъ взглядъ на крестъ, на которомъ изображенъ былъ распятый Спаситель, съ надписью: „вотъ что Я для тебя сдѣлалъ! Что же сдѣлалъ *ты* для Меня?“ [1] Это обращеніе къ намъ Іисуса Христа начертано и на всякомъ крестѣ, представляющемся нашимъ взорамъ. Ужели оно не тронетъ насъ? „Вотъ что Я для тебя сдѣлалъ!“ говоритъ каждому изъ насъ Господь со креста: „что же сдѣлалъ ты для Меня? Помысли, въ чемъ обнаружилъ ты свою любовь ко Мнѣ за Мою безпредѣльную любовь къ тебѣ, вознесшую Меня на крестъ для спасенія тебя, грѣшника?“... О, многомилостиве и всемилостиве Боже нашъ, Господи Іисусе Христе! Поработали ль мы Тебѣ хотя такъ, какъ работаемъ сатанѣ льстивому?. [2] Ужасно!... Видимъ, Господи, какъ на крестѣ Твоемъ *милость и истина срѣтостяся* (Пс. 84, 16), какъ безконечная любовь Отца небеснаго, спасая грѣшниковъ, не могла удержать безконечной правды отъ пораженія грѣховъ нашихъ въ Тебѣ самомъ, присносущномъ Сынѣ Отчемъ. Куда же укрыться отъ правосудія божественнаго

[1] Христ. чт., 1821 г., ч. IV, стр. 88. [2] Мол. утр. 8; Іоан. 8, 34. 44. и Іоан. 3, 5. и проч.

намъ, преступнымъ, ничтожнымъ тварямъ, безъ Тебя, Христе Спасе? О, да не будетъ намъ отнынѣ прогнѣвлять Тебя своими неправдами! Наипаче же поработаемъ Тебѣ, любвеобильному Господу и Богу нашему, во вся дни живота нашего! Если вихрь суеты станетъ увлекать насъ къ забвенію Тебя, то св. крестъ Твой, такъ часто, по Твоему премудрому устроенію, представляющійся очамъ нашимъ, пусть напоминаетъ намъ о данномъ обѣтѣ нашемъ жить и дѣйствовать не для себя, но для Тебя одного, распятаго за насъ, Спасителя нашего, живота нашего, дыханія нашего, радованія нашего! *Ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ничто не разлучитъ насъ отъ любви* (Рим. 8, 38) Твоей! — Чѣмъ же мы можемъ выразить свою любовь къ Тебѣ, какъ не „новозаповѣданною Тобою“ (Іоан. 13, 34) любовію къ ближнимъ нашимъ? И кто лучше научитъ насъ этой любви, какъ не тотъ-же св. крестъ Твой?

Такъ! крестъ Христовъ убѣдительнѣе всякихъ другихъ доказательствъ и наставленій, громогласно проповѣдуетъ каждому изъ насъ: „Христіанинъ! люби ближняго твоего; онъ не только братъ твой, но и собратъ Христу, который, *усыновивъ* васъ крестомъ (Гал. 4, 5) всеверховному Отцу, даровалъ вамъ право *быть чадами Божіими* (Іоан. 1, 12), удостоилъ высокаго и достолюбезнаго имени *братіи своей* (Евр. 2, 11), содѣлалъ васъ *наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками* Ему самому — *Христу* (Рим. 8, 17). *Ближній ли, дальній ли* (Еф. 2, 17) братъ твой, да будетъ онъ близокъ къ твоему сердцу! Помни: *Христосъ, умиротворивъ все, и небесное и земное, кровію креста* своего (Кол. 1, 20) *примирилъ* и васъ *обоихъ во единомъ тѣлѣ Богови крестомъ, убивъ вражду на немъ* (Еф. 2, 16), и сказалъ вамъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. 15, 14. 15)! Какъ бы ни былъ малъ и презрителенъ въ

очахъ міра ближній твой, да будетъ онъ великъ и достолюбезенъ въ твоихъ очахъ! Вспомни: *его ради Христосъ умре* (1 Кор. 8, 11) на крестѣ. Блюди же, *да не погибнетъ* изъ-за тебя *братъ* и другъ твой по Христу. Цѣни его благо, временное и вѣчное, дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Вѣдай: онъ *купленъ не истлѣннымъ сребромъ или златомъ, но честною кровію яко агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. 1, 18. 19), кровію, оросившею св. крестъ Господа твоего. *Смиряй себе,* по заповѣди: *смиренномудріемъ другъ друга честію большаа себе творяще, не своихъ си кійждо, но и дружнихъ кійждо смотряйте* (Фил. 2, 3. 4), *гоняясь* токмо за *почестію вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. 3, 4). — Размысли: за тебя, горделиваго и непокорнаго, самъ Сынъ Божій *смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя; тѣмже и Богъ* Отецъ *Его превознесе* (Фил. 3, 14), — для тебя же, уничиженнаго, — чтобы въ Его только превознесеніи ты находилъ утраченную тобою нѣкогда, твою истинную славу — съ чувствомъ самоуничиженія, смиренія глубокаго! — *А отложивъ всякую гордость,* съ распростертыми любовію ко всѣмъ объятіями, *терпѣніемъ теки на предлежащій* тебѣ *подвигъ,* какъ бы ни казался онъ труднымъ, тяжкимъ, скорбнымъ, уничиженнымъ. *Взирай на начальника вѣры и совершителя Іисуса! Вмѣсто предлежащія Ему радости, Онъ претерпѣлъ крестъ, о срамотѣ нерадивъ,* радѣя о твоемъ единственно спасеніи, и *одесную престола Божія сѣде* (Евр. 12, 1 — 2). *Возсядешь* съ Нимъ и ты на томъ же превознесенномъ *престолѣ;* не выпускай только изъ рукъ твоихъ креста Христова; *стань до крове, подвизаясь противу грѣха,* рѣшась быть готовымъ *положить* животъ свой *за други своя* (Іоан. 15, 13). Переноси съ истиннымъ благодушіемъ и совершеннымъ незлобіемъ самыя жесто-

кія оскорбленія, причиняемыя тебѣ другими. Помяни: Христосъ на крестѣ молился Отцу небесному о своихъ распинателяхъ, — о тебѣ самомъ, который грѣхами своими такъ часто распиналъ, а можетъ быть, и нынѣ *второе распинаешь* Христа, *Сына Божія!* Словомъ: стяжи *любовь, яже вся любитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не ищетъ своихъ си, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—7).

Таковъ урокъ любви, внушаемый намъ крестомъ Христовымъ!

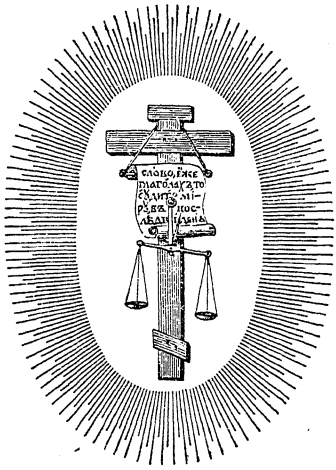
Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала (Фил. 4, 8), все, все начертано на крестѣ! Намъ остается только непрестанно и тѣлесные, и особенно духовные взоры возводить на св. крестъ, и почерпать новыя и новыя *божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3).

„О треблаженное древо, на немъ-же распяся Христосъ, Царь и Господь, — Богъ пригвоздися плотію!“ О достопокланяемый образъ креста Христова! Напечатлѣйся въ нашемъ умѣ, пройди наше сердце, проникни нашъ духъ и душу, отразись въ нашихъ мысляхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, въ нашихъ предначинаніяхъ и дѣйствіяхъ! Непобѣдимая и непостижимая сила честнаго и животворящаго креста Господня, не оставляй насъ грѣшныхъ, ни на одинъ шагъ, ни на одну минуту! Поборай намъ и помогай, защищай насъ и утѣшай, врачуй и оживляй, научай, и вразумляй, неотступно, непрерывно!

---

[1] Кан. на Воздвиж., ирм. 4.

О кресте святый, сроднись со всѣмъ существомъ нашимъ, чтобы и во второе, страшное и славное пришествіе *великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. 2, 13), когда ты, съ неизреченною славою, явишься на небеси, мы узрѣли тебя съ радостію и любовію, а не со страхомъ и трепетомъ!



ВЕЧЕРНЯ

ВО СВЯТЫЙ И ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

дна изъ самыхъ трогательныхъ и умилительныхъ службъ, посвященныхъ кресту Господню, или крестнымъ страданіямъ и смерти Господа и Спасителя нашего, во всемъ нашемъ церковномъ году,—есть вечерня, совершаемая во св. и великій пятокъ.

Въ „послѣдованіи страстямъ Господнимъ“ [1] и на „Царскихъ часахъ,“ [2] Церковь уже созерцала, съ трепетомъ и умиленіемъ, поразительную картину страданій Господа Іисуса Христа. Теперь, на вечерни, въ самый часъ крестной смерти Господа (такъ какъ 3-й часъ, въ который совершается это богослуженіе,—по древнему счисленію соотвѣтствуетъ 9-му, въ который на крестѣ плотію смерть вкусилъ Іисусъ Христосъ),—еще разъ возводимъ душевные взоры свои на крестъ и распятаго на немъ Спасителя: это составляетъ предметъ стихиръ „на Господи воззвахъ,“ которыя, съ другими общими молитвословіями, составляютъ первую часть вечерни; потомъ предлагаются чтенія изъ ветхаго и новаго Завѣта, изображающія то славу, то крайнее уничиженіе Господа славы: это вторая часть

[1] Совершается въ Вел. четвертокъ ввечеру, или въ Вел. пятокъ въ раннее утро. [2] Совершаются въ Вел. пятокъ утромъ.

разсматриваемой службы; наконецъ, въ „стиховнахъ“ живописуется предъ нами, и затѣмъ какбы образно совершается погребеніе пречистаго тѣла Христова: третья часть вечерни, совершаемой во св. и великій пятокъ.

1) Вечерня, какъ обыкновенно, начинается „предначинательнымъ псалмомъ.“ [1] Но какое глубокое значеніе получаетъ здѣсь этотъ псаломъ,—какъ мудро, въ настоящія минуты возсозданія крестомъ всей твари и человѣка, возводитъ онъ наши мысли къ первозданію міра и человѣка, силою и дѣйствіемъ того же Слова Божія, которое нынѣ скончавается въ крестныхъ мукахъ!... Слышится, за тѣмъ, умоляющій вопль падшаго человѣка: „*Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!*“ И какбы въ отвѣтъ на этотъ вопль, отвѣтъ, ожиданный вѣками, раздаются, вслѣдъ за симъ, плачевныя пѣсни, изображающія неизреченныя страданія Божественнаго Примирителя и посредника между Богомъ и человѣкомъ. „Стихи“ псалма, или припѣвы, и „стихиры“—въ настоящемъ случаѣ удивительно сходятся между собою. Такъ напр., припѣвъ: „*аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?*“— И слѣдуетъ стихира, изображающая, какъ за грѣхи людей Самъ единородный Сынъ Божій страдалъ до того, что „вся тварь измѣнялась отъ страха.“ Припѣвъ: „*имене ради Твоего потерпѣхъ Тя, Господи!*“ И въ отвѣтъ—таже стихира, оканчивающаяся воззваніемъ: „вся волею, насъ ради, претерпѣвый, Господи, слава Тебѣ.“—Припѣвъ: „*отъ стражи утреннія—да уповаетъ Израиль на Господа.*“ И въ отвѣтъ—разительное изображеніе крайней неблагодарности ветхаго Израиля къ своему Избавителю. „Людіе злочестивые и беззаконные поучаются тщетнымъ... Почто Живота всѣхъ на смерть осудили?..“ Да уповаетъ же на Господа новый

[1] Псал. 103: *Благослови, душе моя, Господа.*

Израиль! Да уповаютъ на Него и ветхозавѣтныя чада Израиля, которыя сошли „въ преисподняя земли,“ съ вѣрою во грядущаго Искупителя: вотъ „на древо возносится Человѣколюбецъ, да свободитъ сущихъ во адѣ узниковъ!“ и проч. — Гласъ, или напѣвъ этихъ стихиръ неоднократно измѣняется, какбы для большаго соотвѣтствія порывамъ чувствъ, обращающихся — то къ ужасу всей твари, сострадующей своему Зиждителю и Господу, то къ виновникамъ распятія Его, воздавшимъ Ему за величайшія, небесныя благодѣянія адскою злобою, то къ раздирающимъ душу, „болѣзненнымъ стенаніямъ изъ глубины“ Пречистой Матери Сына Божія, стоящей при крестѣ Его, то къ подробнѣйшему описанію неописанныхъ страданій Богочеловѣка!... Вотъ износится служителями алтаря и св. евангеліе, какъ образъ Спасителя, несущаго свой крестъ на Голгоѳу! И какъ многознаменательна здѣсь пѣснь, оканчивающая первую часть вечерни: „Свѣте тихій святыя славы,—пришедше на западъ солнца,—поемъ Тебя, животъ даяй!...“

2) Въ началѣ чтеній, или „паремій“ и т. д., поются, какъ обыкновенно, „прокимны,“ изображающія страданія Господа: *Раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій. Боже Боже мой, вскую оставилъ мя еси? — Суди, Господи, обидящія мя*, и т. п. Но, не объ уничиженіи Бога во плоти говоритъ 1-я и 2-я паремія! Въ 1-й (Исх. 33, 11 — 23) Господь Богъ вѣщаетъ Моисею, — который глаголалъ Ему: *покажи ми славу Твою*, — „*не возможеши видѣти лица Моего: не бо узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ... Узриши задняя Моя; лице же Мое не явится тебѣ.*“ — А во 2-й пареміи (Іов. 42, 12 — 16) представляется, какъ безпримѣрныя страданія и терпѣніе Іова вознаграждены отъ Бога и безпримѣрными милостями... Итакъ, вотъ причи-

на и цѣль крестныхъ страданій Іисуса Христа! Какъ Сынъ Божій, Онъ имѣлъ у Отца неприступную славу прежде сложенія міра. Но Онъ благоволилъ воспріять на Себя непричастное грѣху естество человѣческое, обезславленное у насъ грѣхомъ, и путемъ крестнымъ паки вошелъ въ славу свою, *да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10)!—При такой мысли, первыя двѣ параміи проливаютъ особливый свѣтъ на послѣдующія чтенія. Изъ нихъ первое: пророчество Исаіи о крайнемъ уничиженіи и страданіяхъ Искупителя (Ис. 52, 13—15. 53, 1—12. 54, 1). За тѣмъ возвѣщается *слово крестное* божественнаго Апостола, *не судивша вѣдѣти что* въ насъ, *развѣ Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 2, 2). Наконецъ св. апостолъ и евангелистъ Матѳей благовѣствуетъ о преданіи, осужденіи, многоразличныхъ мукахъ — предъ распятіемъ и на крестѣ, и напослѣдокъ—о погребеніи Господа Іисуса. Здѣсь естественный переходъ къ третьей части разсматриваемаго богослуженія, посвященной исключительно — воспоминанію погребенія Спасителя.

3) Послѣ обычныхъ вечернихъ ектеній—предъ чтеніемъ и послѣ чтенія: „*Сподоби, Господи,*“—начинаются самыя умилительныя погребальныя пѣсни. „Когда Аримаѳей съ древа мертвымъ снялъ Тебя, Живота всѣхъ,—смирною и плащаницею обвивъ Тебя, Христе, любовію движимъ былъ—сердцемъ и устами облобызать нетлѣнное тѣло Твое; но одержимый страхомъ, радуясь, вопіялъ Тебѣ: слава снисхожденію Твоему, Человѣколюбче!“ Стихъ: „*Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся.*“ А слѣдующая за тѣмъ стихира живописуетъ, какъ Избавитель всѣхъ въ то время, когда положенъ былъ во гробѣ, явился побѣдителемъ во адѣ: „тогда Адамъ благодарственно, радуясь, вопіялъ: слава снисхожденію Твоему, Человѣ-

колюбче!“—И Силы небесныя, приникая ко гробу Жизнодавца, „радуясь о нашемъ спасеніи, вопіяли: слава снисхожденію Твоему, Человѣколюбче!...“ Но, особенно трогателенъ „благосердый плачъ“ Іосифа аримаѳейскаго, который, съ Никодимомъ, снявъ съ древа — Того, Кто одѣвается свѣтомъ яко ризою, и видѣвъ Его мертвымъ, нагимъ, непогребеннымъ, такъ, рыдая, глаголалъ: „увы мнѣ, сладчайшій Іисусе, котораго солнце, вмалѣ узрѣвъ на крестѣ висящимъ, облагалось мракомъ, и земля страхомъ колебалась и раздиралась церковная завѣса: но, се нынѣ вижу Тебя, волею подъявшаго смерть, ради меня!... Какъ погребу Тебя, Боже мой, или—какою плащаницею обовью? или какими руками прикоснусь къ нетлѣнному Твоему тѣлу? или какія пѣсни воспою о Твоемъ исходѣ, Щедрый? Величаю страданія Твои, пѣснословлю погребеніе Твое, съ воскресеніемъ, взывая: Господи, слава Тебѣ!“ Мы какбы предъ очами видимъ, какъ благообразный Іосифъ заключаетъ въ своихъ объятіяхъ пречистое тѣло Господа, и какъ поразительно слышать тутъ-же пѣснь Богопріимца, удостоившагося нѣкогда принять въ свои объятія Божественнаго младенца-Іисуса: „*нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко!*“ При умилительномъ пѣніи тропаря: „благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло Твое,“ — взорамъ вѣрующихъ представляется глубоко-трогательное зрѣлище. Священнослужители износятъ изъ алтаря св. плащаницу—образъ пречистаго тѣла Спасителя, въ томъ видѣ, какъ оно было по снятіи Его со креста. Всѣ и каждый повергаются ницъ предъ симъ священнымъ изображеніемъ, и съ притрепетнымъ благоговѣніемъ, съ умиленною душею лобызаютъ язвы своего Господа, и новый завѣтъ, лежащій на персяхъ Его, и запечатлѣнный святѣйшею кровію Его!... Между тѣмъ, начинается „пове-

черіе,“ которымъ и оканчивается примѣчательнѣйшая „вечерня во св. и великій пятокъ.“

Если бы кто пожелалъ имѣть опытное понятіе о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на христіанъ православныхъ это богослуженіе, то ему стоило бы только посмотрѣть тогда на лица присутствующихъ во св. храмѣ. Всѣ сіи лица, болѣе или менѣе, покрыты бываютъ въ эти минуты нѣкоторою болѣзненною блѣдностію, на челахъ—написана горькая дума, мысли глубокія,—очи, по большей части, увлажены слезой... Можно съ перваго взгляда подумать, что это собрались погребать лице самое близкое ко всѣмъ и каждому изъ членовъ церковнаго общества! И точно, можетъ ли кто быть ближе къ намъ сего Божественнаго Мертвеца? —

Могутъ ли наши очи не пролить хотя малыя капли слезъ надъ гробомъ Того, кто изъ всего тѣла источилъ для насъ на крестѣ изобильные потоки крови, а изъ ребръ—съ кровію воду? —

Что видимъ, братія христіане? — Видѣніе страшное и ужасное! Тотъ, „имже вся быша,“ которымъ даровано бытіе всякому дыханію и твари,—бездыханенъ; Жизнодавецъ—мертвъ; Краснѣйшій добротою паче сыновъ человѣческихъ—не имѣетъ *вида, ни доброты, но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче сыновъ человѣческихъ* (Ис. 53, 3)! Онъ обнаженъ, біенъ, терніемъ увѣнчанъ, оцтомъ съ желчію напоенъ, гвоздьми и копіемъ весь изъязвленъ, и тягчайшими муками умерщвленъ на крестѣ! *Ужасеся небо о семъ, и вострепета по премногу зѣло* (Іер. 2, 12) вся земля!

О, что это мы видимъ? — Уязвлена пречистая глава, — та глава, которая премудростію своею все устрояетъ, всѣмъ управляетъ, и столь дивные изобрѣла способы ко спасенію погибающаго человѣка,—эта глава острыми тер-

новыми иглами уязвлена до мозговъ!... Не здѣсь ли особенно видимъ исполненіе древнихъ словъ Бога къ человѣку: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ; терніи и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. 3, 17 — 18)? Возрастила земля окаянная терніе и на главу Господа Іисуса!

Потемнѣли очи,—очи, которыя милосердно и съ любовію на всѣхъ призирали, очи, отъ свѣтлаго воззрѣнія которыхъ любящіе Его радовались, печальные утѣшались, грѣшные обращались къ покаянію!

Померкло лице,—лице пресвѣтлое, боговидное, которое на Ѳаворѣ, осіяваясь славою Божества, какъ солнце сіяло, — то лице нынѣ обезчещено, поплевано, поражено сильнымъ ударомъ руки неистоваго раба. Сокрылась красота Твоя, Прекраснѣйшій и Превожделѣннѣйшій!

Уста пресладкія, изъ которыхъ текли потоки небесной сладости, словеса сладчайшія паче меда и сота,—тѣ уста, вкусивъ горесть оцта и желчи, замолкли! — Замолкъ языкъ богоглаголивый, замолкла гортань божественнаго гласа! Уязвлены руки,—руки, отъ прикосновенія которыхъ недужные врачевались и самая смерть содрогалась; руки, въ которыхъ малые хлѣбы въ насыщеніе тысячамъ народа умножились до преизобилія, — тѣ самыя руки поноснымъ вервіемъ связаны, и острыми желѣзными гвоздьми уязвлены; руки, создавшія человѣка, отъ человѣка же безчеловѣчно умучены!

Уязвлены ноги,—ноги, которыя по водамъ ходили, яко по суху; ноги, которыя омывши слезами явно-грѣшница, и отерши волосами головы своей, получила оставленіе многихъ грѣховъ своихъ, — тѣ самыя ноги острыми желѣзными гвоздьми насквозь прободены и омочились кровію!

Прободены живоносныя ребра Тому, Кто изъ ребра создалъ помощницу нашему праотцу Адаму! Прободены

ребра острымъ желѣзнымъ копіемъ, которое долготою своею прошедши всю внутренность, досягнуло самаго сердца, и уязвило его: уязвило сердце, которое было началомъ и источникомъ любви; уязвило сердце, которое, возлюбивъ своихъ, сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбило ихъ (Іоан. 13, 1); уязвило сердце сердобольное, милосердное, къ бѣдствующимъ сострадательное!

Братія и сестры о Господѣ!

Сими язвами, которыя мы созерцаемъ въ пречистомъ тѣлѣ Спасителя нашего, Онъ какбы устнами вопіетъ ко всѣмъ и каждому изъ насъ: „Виждь, какъ Я тебя возлюбилъ; возлюби же и ты Меня! Я ничего отъ тебя не требую, какъ только любви твоей, любви твоей ищу! Я родился ради Тебя, былъ въ трудахъ отъ юности, ради тебя; алкалъ, жаждалъ, постился ради тебя; пострадалъ, оцта и желчи вкусилъ ради тебя; распятъ, принялъ сіи язвы и умеръ ради тебя! И за все сіе, не иное что желаю получить отъ тебя, какъ только то, чтобы ты любилъ Меня!“

Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя; Господь прибѣжище и утвержденіе мое (Пс. 17, 2. 3)!

„И что иное возлюбить намъ“, скажемъ и мы со святителемъ ростовскимъ, Димитріемъ [1]“, что иное возлюбить намъ, какъ не Тебя, прелюбезнѣйшаго Господа нашего, которымъ желаемъ быть любимыми во всѣ вѣки? Чѣмъ можемъ усладить нашу горесть, какъ не Тобою, сладчайшій Іисусе, которымъ надѣемся сладостно насыщаться во всей безконечной жизни? — Только Ты Самъ производи въ насъ любовь, которой хочешь. Дай намъ, чтобы мы любили Тебя, и возлюбили Тебя; дай намъ, чтобы мы желали Тебя, и возжадали Тебя; распали насъ въ любовь Твою, Сыне Божій единородный.“

[1] Плачъ на погребеніе Христово.

„Любовь Твоя да плѣнитъ насъ въ любовь Твою, Владыко! Влеки насъ за Собою, и потечемъ *въ воню мира Твоего* (Пѣсн. пѣсн. 1, 3).. Итакъ, иду и я во слѣдъ Тебя, вмѣстѣ со всѣми, о Любовь, всякое желаніе побѣждающая, Іисусе!“

„Ты погребаешься тѣломъ, а мы сердцами да погребемся вмѣстѣ съ Тобою! Да будетъ пречистому Твоему тѣлу гробомъ гробъ; а сердцамъ нашимъ да будутъ гробомъ и погребеніемъ пречистыя Твои язвы! Знаемъ, что Ты изыдешь въ третій день изъ гроба; но сердца наши да будутъ неисходными изъ пречистыхъ Твоихъ язвъ, пока мы не вселимся въ нашъ гробъ. Ибо, что можетъ быть для сердецъ нашихъ желаннѣе, что любезнѣе, что сладчае — паче пречистыхъ язвъ Твоихъ, которыя очами слезно созерцаемъ, устами любезно, хотя и недостойно, касаемся, а сердцами сладко лобызаемъ!“

ИЗОБРАЖЕНІЕ

БОГОЯВЛЕНІЯ ГОСПОДНЯ И ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

Изъ многихъ событій земной жизни Христа Спасителя, менѣе другихъ правильно изображаются нѣкоторыми художниками—Богоявленіе Господне и Воскресеніе Христово. Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ событій относительно того момента, который, по нашему мнѣнію, лучше всего избирать для художественнаго изображенія.

I.

Богоявленіемъ Господнимъ именуется, въ православной Церкви, крещеніе Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа отъ Іоанна въ Іорданѣ, и называется такъ потому, что при этомъ событіи впервые, всенародно, явлено міру Божество Искупителя и вмѣстѣ — *Троическое поклоненіе,* или таинство пресвятой, достопокланяемой Троицы. *Родителевъ бо гласъ* Бога Отца свидѣтельствовалъ о Христѣ Господѣ, что Онъ Его *возлюбленный Сынъ* — Сынъ Божій, и *Духъ* Святый, *въ видѣ голубинѣ,* подтверждалъ свидѣтельство дивнымъ сошествіемъ своимъ на Крещаемаго, которое тѣмъ болѣе было поразительно, что происходило, по преданію, въ ночное время.

Обстоятельства крещенія Господня всѣмъ извѣстны изъ Евангельской исторіи. Притомъ онѣ поясняются священными пѣснопѣніями на Богоявлевіе Господне.

Послѣ этого казалось бы, что православнымъ художникамъ, или иконописцамъ, весьма не трудно понять, какимъ образомъ такое важное евангельское событіе изображать правильно. Однакожь, подражаніе западнымъ образцамъ очень нерѣдко вовлекаетъ ихъ въ значительную погрѣшность. Именно, многіе представляютъ Іисуса Христа по колѣна, и еще ниже колѣнъ, въ водѣ, а Іоанна Предтечу — обливающимъ Его изъ какого нибудь сосуда, или изъ раковины, или еще изъ горсти.

Можно утвердительно сказать, что такимъ способомъ — чрезъ обливаніе — св. Іоаннъ Креститель не только Христа Спасителя, но и никого изъ людей не крестилъ. Иначе, для чего бы ему было совершать это знаменательное священнодѣйствіе именно тамъ, гдѣ было много воды (Іоан. 3, 23)? Да и самое слово крещеніе (βαπτίσις) означаетъ такое омытіе въ водѣ, которое совершается чрезъ *погруженіе*. *Погруженія ради*, поетъ св. Церковь о таинствѣ крещенія, *иже къ Богу нашъ восходъ бываетъ* [1]. Самъ Христосъ восхотѣлъ, по разумѣнію Церкви, *обнажитися явѣ, и одѣятися яко ризою водами, обнаженіе одѣвая всѣхъ — обнажившихся, змія совѣтомъ сопротивнымъ* [2].

Но, какъ Іоаннъ Креститель въ чувствѣ благоговѣнія къ Господу Іисусу, сперва отказывался совершить надъ Нимъ крещеніе, и только изъ повиновенія Ему простеръ надъ Его пречистою главою свою десную руку; такъ и Іорданъ не могъ не ощутить особеннаго при-

[1] 6 іаннуарія, на хвал., стихир. 4. [2] 4 іаннуар. на стих. веч., ст. 2.

ближенія къ нему своего Создателя: лишь только Господь вошелъ въ эту священную рѣку, — она остановила теченіе свое, возвратилась назадъ, вверхъ, — образуя таинственно наше возведеніе къ высотѣ спасенія. [1] *Возвратися Іорданъ рѣка вспять, не дерзая служити Тебѣ; яже бо устыдѣся Іисуса Навина, како Творца своего устрашитися не имяше?* [2] — Однако, не смѣя противиться непостижимой волѣ Господа, — когда Онъ низшелъ въ глубь его, — Іорданъ *покрылъ струями своими Покрывающаго водами превыспренняя.* [3]

Такимъ-то образомъ, *водъ освящается естество*, и снова *раздѣляется Іорданъ, и своихъ водъ возвращаетъ струи, Владыку зря крещаема;* [4] а Владыка Христосъ, крестившись, тотчасъ выходитъ изъ воды, и вотъ—среди Его молитвы — отверзаются Ему небеса, Духъ Божій сходитъ, какъ голубь, и низпускается на Него, — а съ неба слышится гласъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Мое благоволеніе!“

О, дивный гласъ, — дивное для самихъ Ангеловъ Божіихъ созерцаніе! *Окружаху,* воспѣваетъ св. Церковь, *ангельская воинства во Іорданѣ крещаемаго Избавителя, и трепетомъ великое таинство воспѣваху.* [5]

Для изображенія Богоявленія Господня, по нашему убѣжденію, представляется самымъ удобнымъ именно тотъ моментъ, когда Господь, уже выходя изъ воды, молился, а Іорданъ, совершивъ свое служеніе Избавителю, — обложивъ Его своими струями, возвратилъ ихъ назадъ, и снова открылъ Ему свое дно, — пришелъ въ то же трепетное положеніе, въ которомъ находился при вступленіи Іисуса Христа въ воду.

---

[1] 3 іанн., на утр., по 2 стихолог., сѣд. [2] 6 іанн., на лит., ст. 5. [3] 5 іанн., кан., п. 3, тр. 3. [4] троп. предъ водоосвящ. [5] 3 іанн., на повеч., пѣсн. 9, 2-го кан., тр. 3.

II.

Воскресеніе Христово чаще всего изображается въ слѣдующемъ видѣ: Воскресшій Спаситель, съ крестомъ, какъ знаменемъ побѣды надъ смертію и адомъ, возносится изъ гроба; Ангелъ Господень сидитъ на отваленномъ имъ камнѣ, близь гроба, а бывшіе на стражѣ воины обращаются въ бѣгство, или въ трепетѣ повергаются на землю.

Такое изображеніе, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ величію живописуемаго событія, какъ и Евангельской исторіи; но оно совмѣщаетъ въ одно цѣлое разновременные моменты событія.

Если мы сличимъ повѣствованія св. Евангелистовъ о воскресеніи Христовомъ съ ученіемъ православной Церкви, заключающимся въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ на Пасху и дни воскресные; то придемъ къ убѣжденію, что Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ еще прежде, чѣмъ отваленъ былъ камень отъ гроба, т. е. отъ входа въ пещеру, и когда оставался еще запечатаннымъ самый гробъ, т. е. каменная пещера, внутри которой Онъ былъ положенъ на высѣченномъ въ стѣнѣ ложѣ. *Изъ гроба, печатей не рушивъ, воскресе.*[1] *Камени запечатану отъ іудей, и воиномъ стрегущымъ пречистое тѣло Твое, воскреслъ еси, тридневный Спасе.*[2]

Воины, находившіеся на стражѣ у живоноснаго гроба Христова, безъ сомнѣнія, чувствовали, что въ такой близости отъ нихъ происходитъ нѣчто необыкновенное, и, когда Христосъ, силою Божества своего, воскресъ изъ мертвыхъ, — объятые трепетомъ, повергліись ницъ. Но видѣть преславное событіе они не могли,— не могли,

[1] Акаѳ. сладчайшему Іисусу, ик. 7. [2] Воскр. троп. 1 гл.

безъ особенной на то благодати Божіей, созерцать прославленный видъ Христа воскресшаго.

Первые, удостоившіеся увидѣть и воспѣть преславное воскресеніе Христово — были небожители. Если бы мѵроносицы, въ глубокое утро, съ приготовленными ароматами спѣшившія на гробъ Спасителя, были менѣе заняты мыслію о томъ, кто отвалитъ имъ камень отъ дверей гроба, и могли видѣть, что происходило въ тѣ священныя минуты въ горнихъ обителяхъ: то, безъ сомнѣнія, сами воспѣли бы туже умилительную пѣснь, которою мы нынѣ начинаемъ наше пасхальное богослуженіе: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ; и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити.*

Торжество совершилось, побѣда надъ смертію прославлена на небесахъ; и вотъ одинъ изъ Архангеловъ, видомъ подобный молніи, слетѣвъ съ небесныхъ круговъ, мгновенно отваливаетъ камень отъ дверей живоноснаго гроба Христова, и гробъ оказывается празднымъ. Происходитъ сильное землетрясеніе. Стрегущіе воины трепещутъ и падаютъ какъ мертвые (Матѳ. 28, 1—4); потомъ опомнившись, предаются бѣгству.

Вслѣдъ за этими событіями приходятъ ко гробу Господню св. жены мѵроносицы, и видятъ, что камень отваленъ отъ гроба, но тѣла Господа Іисуса въ немъ не находятъ. За то слышатъ отъ Ангеловъ радостную вѣсть, что напрасно ищутъ онѣ Живаго между мертвыми, — что Христосъ воскресъ. Послѣ сего явился имъ самъ Воскресшій, и онѣ съ неописанною радостію поклонились Ему.

Итакъ, лучшее, по нашему мнѣнію, изображеніе Воскресенія Христова — то, въ которомъ впереди гробовой пещеры, съ приваленнымъ къ ея входу и запечатаннымъ

камнемъ,—представляется Христосъ воскресшій, въ обыкновенныхъ своихъ одеждахъ, благословляющій, обѣими распростертыми руками; а св. Ангелы, какъ первые свидѣтели воскресенія Христова, благоговѣйно преклоняются предъ Владыкою жизни и смерти; между тѣмъ, какъ вдали видны идущія ко гробу Живодавца жены мvроносицы.

О ЗАСЛУГАХЪ СВ. ОТЦЕВЪ,
КАКЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ СВ. ВѢРЫ.[1]

Препрославленъ еси Христе Боже нашъ, свѣтила на земли отцы наши основавый, и тѣми ко истинной вѣрѣ вся ны наставивый: Многоблагоутробне, слава Тебѣ! (тропарь отцевъ).

Когда солнце, озаривъ сіяніемъ своимъ весь видимый міръ и совершивъ дневное теченіе свое, скрывается отъ нашихъ взоровъ: тогда не тверди небесной появляется множество звѣздъ, которыя свѣтомъ, заимствованнымъ отъ того же свѣтила, разгоняютъ мракъ, окружающій насъ. Подобно сему, когда Солнце правды, Христосъ, истинный Богъ нашъ, исполнивъ всю вселенную пресвѣтлымъ торжествомъ своего живоноснаго воскресенія, — вознесся во славѣ на небеса, въ виду учениковъ, и *облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Дѣян. 1, 9): то на тверди церковной духовному взору вѣрующихъ является нынѣ, для прославленія, цѣлый сонмъ святыхъ отцевъ, которые, яко богосвѣтлыя свѣтила, отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока стеклись нѣкогда во градъ Никею,

[1] Слово въ недѣлю святыхъ отецъ, сказанное въ Казанскомъ соборѣ, 23 мая 1854 г.

чтобы свѣтомъ истиннаго Христова ученія и вѣры апостольской разогнать тьму нечестія, распространявшуюся повсюду отъ лжеучителя Арія.

Братія-христіане! Сіи-то святые отцы, въ числѣ 318-ти, составившіе Никейскій, 1-й вселенскій соборъ, въ 325 году, по Р. Х., по единодушному согласію, сложили изъ словъ Божественнаго писанія, тотъ символъ вѣры, который мы повторяемъ ежедневно, — тотъ символъ, доконченный на Константинопольскомъ, 2-мъ вселенскомъ соборѣ, — который искони служилъ и всегда будетъ служить для всѣхъ православныхъ христіанъ, всякаго возраста и пола, истиннымъ зерцаломъ вѣры и неизмѣннымъ правиломъ ея.

Но не въ этомъ только отношеніи св. отцы суть наши наставники въ истинной вѣрѣ: отъ самыхъ временъ апостольскихъ, съ самаго начала христіанства, и во времена тягчайшихъ гоненій, и среди полнаго торжества и благоустроенія Церкви Христовой, и во всѣ времена, они, яко истинныя свѣтила на земли, дѣйствительно являются вселенскими учителями: 1) какъ вѣрные пріемники и хранители апостольскаго ученія, передававшіе это Божественное ученіе изъ рода въ родъ, и словомъ, и писаніемъ, — всегда готовые запечатлѣть истину его своею кровію; 2) какъ представители Церкви вселенской на св. вселенскихъ соборахъ, своимъ единодушнымъ согласіемъ утверждавшіе несомнѣнную достовѣрность истинъ вѣры и святость правилъ церковныхъ; и наконецъ, 3) какъ учредители и составители всего чина богослуженія, которымъ истины вѣры, посредствомъ пѣснопѣній и молитвословій общественныхъ и домашнихъ, дѣлаются поистинѣ достояніемъ народнымъ всѣхъ и каждаго.

О сихъ-то заслугахъ св. отцевъ, какъ учителей св. вѣры, въ честь ихъ и для нашего назиданія, наипаче

же въ прославленіе Христа Бога, свѣтила на земли отцы наши основавшаго, и тѣми ко истинной вѣрѣ всѣхъ насъ наставившаго и наставляющаго, посвятимъ размышленію нѣсколько минутъ.

1. Пріявъ отъ самого Христа Спасителя Божественное повелѣніе учить всѣ народы истинамъ св. вѣры и освящать вѣрующихъ спасительными таинствами, и облеченные на то силою свыше, св. Апостолы, дѣйствительно, во всѣхъ концахъ вселенной, повсюду насаждали Церковь Христову. Но, гдѣ только основывалась Церковь, тамъ сряду же поставлялись и пастыри ея, служители вѣры. Имъ-то особенно, отцамъ духовныхъ чадъ, св. Апостолы ввѣряли всѣ истины вѣры, и въ особенности всѣ учрежденія о богопочитаніи,—не только письменно, но и лично, словесно, самымъ дѣломъ.

Въ писаніи ученіе апостольское явилось не ранѣе, какъ спустя восемь лѣтъ по вознесеніи Господнемъ; являлось оно потомъ такимъ же образомъ, отъ времени до времени, и во все почти продолженіе перваго столѣтія. Но тѣмъ не менѣе, отнюдь не все, чему учили Апостолы Христовы, самовидцы и слуги воплощеннаго Слова Божія,—не все заключили они въ письменахъ: наиболѣе хранилось ихъ ученіе между вѣрующими въ устномъ священномъ преданіи. Самыя писанія требовали бдительнаго охраненія и даже различенія ихъ отъ подложныхъ, которыя появлялись во множествѣ.

Такимъ образомъ, для самаго писанія преданіе, которое вѣрующіе первѣе всего всегда могли слышать отъ отцевъ Церкви, было необходимо,—тѣмъ болѣе, что весьма многое, что было въ Церкви въ непрерывномъ употребленіи, какъ-то: образъ богослуженія, правила жизни, выраженіе и особенно изъясненіе догматовъ,—почти не имѣло и нужды въ писаніи.

Вѣрно соблюдая заповѣдь апостольскую: *братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. 2, 15), — каждая изъ первенствующихъ Церквей, или всякое святое общество православно-вѣрующихъ, по выраженію св. апостола Павла, само было какбы живое *посланіе* апостольское, *знаемое и прочитаемое отъ всѣхъ человѣкъ*, или паче,— *посланіе Христово, служеное* Апостолами, *написано не чернилом, но Духомъ Бога жива* (2 Кор. 3, 2. 3). Но въ особенности это выраженіе апостольское, по преимуществу, надлежитъ отнести къ служителямъ вѣры, къ св. отцамъ первенствующей Церкви, которыхъ долгъ былъ и принимать ученіе апостоловъ Христовыхъ, и преподавать его другимъ, и хранить. *Яже слышалъ еси отъ мене, многими свидѣтели*, пишетъ св. апостолъ Павелъ епископу ефесскому Тимоѳею, *сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити* (2 Тим. 2, 2).

И поистинѣ, вѣрны были своему высокому призванію, и *извѣстнымъ сотворили служеніе свое* (2 Тим. 4, 5) сіи, по выраженію Писанія (Апок. 1, 20), *Ангелы Церквей* первенствующихъ, предстоятели христіанства! Это всегда доказывали они своею неизмѣнною любовію къ вѣрѣ, — любовію, больше которой, по слову самого Господа, *никтоже имать* (Іоан. 13, 15),—доказывали своею смертію за вѣру. Можно сказать, что въ первые вѣка христіанства, до его всемірнаго торжества, избраніе въ пастыри было избраніемъ въ мученики; потому что гонители христіанъ, преслѣдуя ихъ, первые свои поиски и крайнюю вражду всегда обращали на священныхъ руководителей вѣры. Они-то, св. отцы, и шли первые на позорища и мученія. Часто святительскіе престолы ихъ замѣнялись для нихъ или пылающими кострами, или

раскаленными котлами. Между всѣми извѣстными отцами Церкви первыхъ вѣковъ нѣтъ почти ни одного, кто не былъ бы вмѣстѣ и священномученикъ. Таковы: Климентъ, епископъ римскій, ученикъ апостола Петра, Діонисій Ареопагитъ, ученикъ апостола Павла, Игнатій антіохійскій и Поликарпъ смирнскій, ученики апостола Іоанна Богослова; таковы: Ириней, Аѳиногенъ, Кипріанъ, и другіе.

Такіе-то предстоятели первенствующихъ Церквей, и вмѣстѣ предводители пресвѣтлаго мученическаго воинства, вдыхавшіе во всѣхъ современныхъ имъ христіанъ, и словомъ и примѣромъ, духъ любви ко Христу, *яко смерть крѣпкія* (Пѣсн. пѣсн. 8, 6),—какъ истинные отцы вѣрующихъ, заботясь и о будущемъ благѣ ихъ во времена грядущія, вполнѣ оправдали высокое преимущество учениковъ и преемниковъ апостольскихъ: мало по малу внесли они въ свои писанія то, что слышали устно отъ самихъ Апостоловъ, или отъ другихъ, ближайшихъ учениковъ ихъ.

Такимъ образомъ, св. отцы, и своимъ благовѣствованіемъ, которое было не что иное, какъ продолженіе проповѣди апостольской, и своею кровію, и своими писаніями, среди жесточайшихъ гоненій противъ вѣры Христовой, предуготовили всемірное торжество ея надъ язычествомъ и надъ всякимъ лжеученіемъ.

Да будетъ же благословенъ Христосъ Богъ нашъ, свѣтила на земли отцы наши основавый, да свѣтъ вѣры и во тьмѣ многобожія и нечестія свѣтится, такъ что тьма всей адской злобы его не объятъ!

2. Послѣ трехвѣковой борьбы съ язычествомъ, гонимая, преслѣдуемая, уничтожаемая, св. вѣра восторжествовала, и въ лицѣ равноапостольнаго Константина, такъ сказать, возсѣла на самомъ престолѣ всемірной имперіи.

Но, братія, вѣрно слово Господне, что скорбнымъ и тѣснымъ путемъ нужно достигать царствія небеснаго (Матѳ. 16, 24. Дѣян. 14, 22): на этотъ путь указываетъ Господь всякому вѣрующему; этимъ же путемъ ведетъ и всю Церковь свою, до полнаго и совершеннаго торжества ея въ царствѣ славы на небесахъ!

Съ преодолѣніемъ внѣшнихъ враговъ Церкви, когда, по видимому, пришло ей, наконецъ, время только пользоваться тишиною и благоденствіемъ, открылись въ ней враги внутренніе: изъ среды самаго причта являлись люди, *глаголющіи развращеная*, которые, увлекаясь нечистыми страстями своего самолюбиваго сердца, стали *нечисто Христа проповѣдывать* (Дѣян. 20, 30. Фил. 1, 15. 16), и, проповѣдуя гласно, успѣли многихъ ослѣпить блескомъ своего лживаго краснорѣчія, и покрыть тьмою заблужденія. То была тьма, которою духъ злобы, безъ сомнѣнія, надѣялся причинить несравненно болѣе вреда Церкви Христовой, чѣмъ тьмою язычества; ибо здѣсь, можно сказать, самъ сатана преобразовался во ангела свѣтла, стараясь отклонить христіанъ отъ правой вѣры какбы ея же истинами, но искаженными, и самимъ словомъ Божіимъ, но ложно и превратно истолкованнымъ.

И однакожь, благодареніе Богу, и это ужасное покушеніе духа злобы было отражено свѣтилами Церкви, св. отцами. Лишь только стало распространяться лжеученіе нечестиваго Арія, противное самой сущности христіанства, какъ по первому призыву равноапостольнаго Царя, стеклось въ Никею 318-ть ангеловъ Церквей: со всѣхъ мѣстъ, гдѣ только были Церкви, предстоятели, или архипастыри ихъ собрались въ назначенное мѣсто и, со всей вселенной, снесли во едино церковныя преданія, повѣрили ихъ всеобщимъ совѣщаніемъ, и соста-

вили опредѣленія вѣры, послужившія не только низложеніемъ явившагося тогда лжеученія, но и основаніемъ для будущихъ разсужденій о существенныхъ предметахъ вѣры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, они изложили на письмѣ и такія преданія и вселенскія правила видимаго устройства Церкви, которыя издревле соблюдались, со временъ апостольскихъ, но еще не были преданы письмени. *Не прелагая предѣлъ вѣчныхъ, ихже положиша отцы* (Притч. 22, 28) первыхъ 3-хъ вѣковъ предшествующихъ, начиная съ самихъ Апостоловъ, св. отцы 1-го вселенскаго собора, если и присовокупили что вновь, то неиначе, какъ въ изъясненіе прежняго и съ приспособленіемъ къ новымъ обстоятельствамъ Церкви, которая изъ стѣснительнаго своего положенія изшла теперь на чреду всемірнаго торжества.

Конечно, не безъ особеннаго намѣренія промысла Божія, 1-му вселенскому собору предназначено было составиться еще въ такое время, когда въ числѣ предстоятелей Церквей было еще много исповѣдниковъ, которые въ предшествовавшія времена гоненій, запечатлѣли свою вѣру мученичествомъ. Таковы были св. Пафнутій, епископъ ѳиваидскій, у котораго избодено было правое око и сокрушено колѣно лѣвой ноги, и Павелъ, епископъ неокесарійскій, которому, во время гоненія Ликиніева, раскаленнымъ желѣзомъ отожжены были жилы обѣихъ рукъ; таковы были и другіе св. отцы, исповѣдники Христовы, которымъ гонителями были отрублены уши и персты и другія причинены многоразличныя раны!

Сіи-то знаки страданій за Христа, почетнѣйшія всякихъ земныхъ отличій, безъ всякаго сомнѣнія, давали отцамъ собора, предъ всѣми вѣрующими, особенное право на то уваженіе и ту любовь, съ которыми св. равноапостольный царь Константинъ великій — нерѣдко обнималъ

на соборѣ св. архипастыря Ѳиваидскаго, и многократно цѣловалъ изболенное за вѣру око его. Какъ же важно было свидѣтельство ихъ о вѣрѣ, которую они единогласно исповѣдали въ Никеѣ, — о тѣхъ правилахъ, которыя они тогда постановили или утвердили! „Пусть исторгнутъ у меня око," говорилъ св. Пафнутій, епископъ верхней Ѳиваиды, „послѣднее око, оставшееся у меня послѣ гоненія Діоклитіанова; пусть отнимутъ руку и ногу: только пусть ни одной истины изъ моей вѣры не толкуютъ ложно!" —

Такіе-то, вѣрные, поистинѣ, даже до смерти предстоятели Церкви, терпѣвшей дотолѣ тяжкія, открытыя гоненія отъ враговъ христіанства, но всегда сіявшей внутреннею славою своихъ подвиговъ, наконецъ и отвнѣ восторжествовавшей, сохранили и предали всѣмъ вѣкамъ грядущимъ залогъ вѣры, какъ неприкосновенную святыню, во всей ея чистотѣ! —

Подобные соборы святыхъ и богоносныхъ отцевъ были много разъ и послѣ Никейскаго, и такъ же, какъ и первый, охраняли Церковь Божію отъ всякихъ нововведеній и лжеученій; а съ тѣмъ вмѣстѣ, по мѣрѣ открывавшихся обстоятельствъ, изъясняли и предавали во всегдашнія правила все, что необходимо нужно соблюдать, и чему нельзя быть въ единой, святой, соборной и апостольской Церкви. — Отсюда видно, что если и каждый изъ св. отцевъ Церкви былъ какбы свѣтильникомъ на свѣщницѣ своей паствы, да свѣтитъ всѣмъ; то отцы соборовъ вселенскихъ поистинѣ суть свѣтила для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ временъ и народовъ, — которыхъ ученіе, несомнѣнно, есть ученіе апостольское и Христово, — которыхъ руководство непогрѣшимо!

Можетъ погрѣшать въ предметахъ вѣры частный человѣкъ; можетъ совратиться съ пути истины даже какой

нибудь предстоятель Церкви помѣстной, уклонясь отъ единства Церкви вселенской; но тамъ, гдѣ едиными устами и единымъ сердцемъ исповѣдуютъ свою вѣру всѣ православные христіане всѣхъ Церквей, по всей вселенной, въ лицѣ своихъ верховныхъ пастырей: тамъ невозможно ни малѣйшее отступленіе отъ истины, какъ не возможно то, чтобы силы адовы преодолѣли Церковь Христову: *врата адовы не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18)!

Вотъ почему, братія христіане, и донынѣ, какъ будетъ и до скончанія вѣка, въ Церкви православной, всѣмъ пастырямъ ея вмѣняется въ непремѣнную обязанность строго держаться ученія и постановленій св. седьми вселенскихъ и съ ними совершенно согласныхъ помѣстныхъ соборовъ, и „не инако толковати божественныя писанія, но якоже церковная свѣтила, св. и богоносніи отцы наши, пастыріе и учителіе великимъ согласіемъ истолковали.“

Такимъ образомъ и въ наставленіяхъ вѣры нынѣшнихъ пастырей своихъ вы слышите, братія, тоже самое, чему учили св. отцы первыхъ вѣковъ, какъ достойнѣйшіе преемники апостольскіе и истинные наставники наши въ вѣрѣ, — при жизни, поучавшіе Церковь Божію словомъ, а нынѣ — поучающіе писаніями, которыми опять руководствуется наше живое слово.

Да будетъ же паки благословенъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, свѣтила на земли отцы наши основавый, и тѣми ко истиннѣй вѣрѣ вся ны наставивый, и наставляющій — въ преемственномъ служеніи нашихъ пастырей, призванныхъ на дѣло благовѣствованія Христова!—

3. Но, братія христіане! мало того, что св. отцы всѣхъ насъ наставляютъ въ истинной вѣрѣ достовѣрнѣйшимъ изъясненіемъ слова Божія, чѣмъ руководствуются наши пастыри проповѣдники, — они составили для насъ еще и особеннаго рода проповѣдь неумолкную, еже-

дневную, общественную и домашнюю, и притомъ истинно народную, вполнѣ доступную для всѣхъ и каждаго изъ вѣрующихъ! Мы разумѣемъ весь чинъ богослуженія нашей св. православной Церкви, составленный св. отцами, ихъ священныя пѣснопѣнія и молитвословія, въ изліяніи которыхъ возносились къ Богу ихъ собственныя души, и въ которыхъ и для насъ заключена сила ихъ отеческихъ благословеній о имени Господнемъ.

Такъ, братія, внимательно слушая дивное богослуженіе церковное, или и читая дома повседневныя наши молитвы, не можемъ не замѣтить, что св. отцы, по возможности, заключили въ нихъ всѣ важнѣйшія истины нашей св. вѣры и нашего христіанскаго упованія.

Вникая въ смыслъ и значеніе богокрасныхъ пѣсней церковныхъ, сложенныхъ св. отцами на св. праздники Господни, не научается ли всякій православный христіанинъ истиннымъ понятіямъ о томъ, что сдѣлалъ для насъ Господь нашъ, какую силу имѣетъ каждое изъ событій Его земной жизни?

А ихъ похвальныя пѣсни въ честь Святыхъ, воспѣваемыя нами и въ нарочитыхъ и въ повседневныхъ службахъ имъ, не представляютъ ли намъ безчисленнаго множество образцовъ того, какъ истины вѣры могутъ быть осуществляемы въ жизни каждаго христіанина, во всякомъ званіи и состояніи?

Наконецъ молитвословія, освящающія каждое изъ событій нашей собственной жизни, отъ колыбели и до гроба и даже за гробомъ, — всѣ эти молитвословія, по мудрому устроенію св. отцевъ, не къ той же ли спасительной цѣли направлены, чтобы непрестанно наставлять насъ въ истинной вѣрѣ, и спасать насъ чрезъ вѣру? —

О, да будетъ же во вѣки благословенъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, свѣтила на земли отцы наши

основавый, и тѣми ко истиннѣй вѣрѣ всѣхъ насъ наставивый и непрестанно наставляющій!

Да будетъ вѣчно благословенна и ваша святая память, святые и богоносные отцы наши! Поистинѣ были бы мы недостойнѣе тѣхъ неблагодарныхъ дѣтей, которыя не умѣютъ цѣнить благодѣяній своихъ родителей, заботливо устроившихъ благоденствіе всей ихъ жизни, если бы когда нибудь забыли, что вамъ, богомудрые наставники наши, мы обязаны тѣмъ, что составляетъ основаніе не только временнаго благополучія, но и наипаче вѣчнаго блаженства, — сохраненіемъ во всей чистотѣ и неприкосновенной святости апостольскихъ преданій, въ которыхъ заключается истинное ученіе Христово, *яко отъ Бога и предъ Богомъ, во Христѣ* (2 Кор. 2, 17), — сохраненіемъ, которое стоило для васъ необыкновенныхъ трудовъ и подвиговъ, страданій, а для многихъ и самой смерти!

О, мы вполнѣ чувствуемъ, что пріявъ отъ васъ такой залогъ вѣры, были бы совершенно недостойны высокаго званія чадъ вашихъ, если бы не были готовы и съ своей стороны хранить этотъ священный залогъ до послѣдняго нашего издыханія, не щадя для сего и послѣдней капли крови!

Были бы также недостойны вашей отеческой любви къ намъ о Христѣ, богоносные, если бы, зная, съ какою заботливостію вы оградили сохраненный вами залогъ вѣры отъ всякихъ навѣтовъ суемудрія и лжеученія — и своими богомудрыми писаніями, и опредѣленіями соборовъ вселенскихъ,—вмѣсто того, чтобы въ сихъ чистыхъ источникахъ, или въ наставленіяхъ вашихъ истинныхъ преемниковъ, пастырей словеснаго стада Христова, почерпать здравое ученіе, — прибѣгали къ кладенцамъ сокрушеннымъ собственныхъ или иновѣрныхъ мудрованій,

прелагаясь въ наученіа странна, *внемлюще духовомъ лестчымъ* (1 Тим. 4, 1)!

Наконецъ были бы мы недостойны и названія духовныхъ чадъ и учениковъ вашихъ, богомудрые наставники и отцы святые, если бы оказывались невнимательными къ тѣмъ урокамъ св. вѣры и благочестивой жизни, которые заключены въ преданныхъ вами священныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвословіяхъ богослуженія общественнаго и домашняго, если бы, по непростительной лѣности и нерадѣнію о своемъ собственномъ спасеніи, не старались, какъ можно чаще, посѣщать церковь Божію, это истинное училище благочестія, — особенно во дни воскресные и праздничные, а дома творили бы молитвы безъ особеннаго участія ума и сердца, не озаряясь сокрытымъ въ нихъ свѣтомъ вѣры, и не согрѣваясь животворною теплотою святой любви, которою онѣ проникнуты!

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! Тебѣ молимся и Тебе просимъ: молитвами святыхъ отецъ нашихъ, даруй намъ благодать явиться предъ Тобою достойными ихъ чадами по духу, по вѣрѣ, по жизни, — чтобы, слѣдуя ихъ ученію и подражая ихъ вѣрѣ и благочестію, мы удостоились быть тамъ, гдѣ они, въ Церкви торжествующей на небесахъ, — да будемъ столько блаженны, чтобы и о насъ вѣрные рабы и други Твои, истинные благовѣстники святаго Евангелія Твоего и единоревнители апостольскіе, св. и богоносные отцы наши, сказали нѣкогда Тебѣ: „се мы и дѣти, которыхъ Ты далъ намъ!“ Аминь.

О ТОМЪ, КАКЪ УТѢШИТЕЛЬНО БЛАГОВѢСТІЕ

О ПОКАЯНІИ И БЛИЗОСТИ ЦАРСТВА НЕБЕСНАГО.[1]

Отнолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное (Матѳ. 4, 17).

Таково начало проповѣди Христа Спасителя! Такова, можно сказать, и сущность благовѣстія Христова! — О, какая бездна любви, премудрости и благости Божіей заключается въ семъ благовѣстіи: *покайтеся, приближися бо царство небесное!*

Это не тотъ же ли небесный *миръ на земли,* не то же ли *благоволеніе* Божіе *къ человѣкамъ,* о которомъ благовѣствовали Ангелы при самомъ рожденіи отъ пресвятой Дѣвы Спасителя міра, свидѣтельствованнаго, при Іорданѣ, отъ Отца предвѣчнаго, что Онъ есть Сынъ Его возлюбленный? —

Такъ, братія, неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ Богъ, котораго безпредѣльное милосердіе равно Его безпредѣльному правосудію, являетъ здѣсь исполненіе обѣтованія, даннаго нашимъ праотцамъ, — о избавленіи ихъ отъ грѣха, проклятія и смерти!

[1] Слово въ недѣлю по просвѣщеніи, сказанное въ Казанскомъ соборѣ 8-го января 1856 г.

Если самъ обѣтованный Спаситель, пришедшій въ міръ, вѣщаетъ людямъ: *покайтеся;* то это значитъ, что Отецъ небесный уже готовъ примириться съ людьми,—даровать душамъ ихъ вѣчный и неотъемлемый миръ, только бы они обратились къ Нему всѣмъ сердцемъ. Если самъ Царь благодатнаго царства благовѣствуетъ, что Его небесное *царство* уже *приближилось;* то, значитъ, оно дѣйствительно весьма близко отъ всякаго, обращающагося съ вѣрою и любовію къ сему небесному Царю.

Что же можетъ быть вожделѣннѣе сего благоволенія Божія къ человѣкамъ?— Христіане братія! Не рай земной, а царство небесное даруетъ намъ Христосъ Спаситель! По Его божественному увѣренію, это царство вѣчнаго блаженства къ намъ близко, и до того близко, что всякій изъ вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ, кто бы онъ ни былъ, можетъ войти въ него; и для этого ничего больше не требуется, кромѣ истиннаго покаянія: *покайтеся, приближися бо царство небесное!*—

О, благовѣстіе сладчайшее и превожделѣнное, душеспасительное и радостотворное для всякаго человѣка, каковѣ бы ни было его званіе, а особенно, каково бы ни было его состояніе душевное! Размыслимъ о семъ, братія.

Много бѣдъ породилъ и порождаетъ грѣхъ на землѣ: трудно исчислить ихъ! Но изъ безчисленнаго ряда бѣдствій, угнетающихъ родъ человѣческій, укажемъ хотя на два, встрѣчаемыя въ семъ мірѣ повсюду: нищету. во всѣхъ ея видахъ, и смертоносныя болѣзни. —

Есть нищета тѣлесная, или внѣшняя, и есть нищета, крайняя бѣдность душевная, тѣмъ болѣе жалкая, что, будучи болѣе тѣлесной, такъ сказать, разорительною, она менѣе ея бываетъ примѣтна.

Есть болѣзни тѣлесныя, и есть столь же многоразличные недуги душевные, не менѣе тѣлесныхъ смерто-

носные, и тѣмъ болѣе ужасные, что причиняютъ смерть духовную и для души безсмертной!—

И въ томъ, и въ другомъ изъ упомянутыхъ случаевъ бѣдственнаго состоянія человѣка, по душѣ и тѣлу, безъ сомнѣнія, ничего не можетъ быть вожделѣннѣе, какъ благовѣстіе Христово о покаяніи и приближеніи небеснаго царства. Ибо покаяніе, возвѣщаемое и, можно сказать, даруемое Христомъ, есть избавленіе отъ всѣхъ золъ; а царствіе небесное, Имъ же благовѣствуемое и всѣмъ вѣрующимъ приближенное и усвояемое, есть совокупность всѣхъ благъ, и такихъ благъ, которыя безконечно вознаграждаютъ покаявшагося грѣшника за всякое претерпѣнное имъ бѣдствіе! —

1. Кто никогда въ жизни не имѣлъ нужды въ кускѣ хлѣба, не испытывалъ недостатка въ дневномъ пропитаніи; кто ни разу не былъ поставленъ въ необходимость дрожать отъ холода и носить изодранное рубище: тотъ можетъ ли представить себѣ всѣ ужасы нищеты и бѣдности? — Но всякій можетъ понять, что это бѣдствіе весьма велико.

А изъ всякаго рода нищихъ можетъ ли быть кто несчастнѣе того, который прежде нежели впалъ въ крайнюю нищету, имѣлъ огромное богатство, и съ нимъ возможность наслаждаться всѣми удобствами и удовольствіями жизни? Если же еще этотъ обнищавшій богачъ дошелъ до такого жалкаго состоянія за какія-либо преступленія, по которымъ онъ лишенъ обладанія своимъ имуществомъ, и наконецъ, лишенъ свободы, — подвергнутъ состоянію хуже рабскаго,—заключенъ въ темницу: то можно ли еще что нибудь придумать для увеличенія его бѣдственнаго состоянія?—

Представьте же себѣ, возлюбленные братія, что этому нищему, этому обнищавшему богачу, по законамъ право-

судія, лишенному имущества, а съ нимъ и власти и свободы, самъ Царь объявилъ бы, что Онъ ожидаетъ только его совершеннаго исправленія, требуетъ лишь покаянія, чтобы возвратить ему съ избыткомъ и прежнюю власть и всѣ утраченныя имъ сокровища! Могъ ли бы сей нищій услышать вѣсть болѣе утѣшительную и пріятную?—

Но такова именно вѣсть, провозглашаемая Спасителемъ грѣшникамъ: *покайтеся, приближися бо царство небесное!*

Такъ, братія! Первый грѣшникъ въ родѣ человѣческомъ сдѣлался и первымъ нищимъ. Лишь только прародитель нашъ нарушилъ заповѣдь Божію, какъ лишенъ всего богатства даровъ Божіихъ, которыми наслаждался въ раю, и, едва прикрывая наготу свою ризами кожаными, долженъ былъ въ потѣ лица своего снискивать для себя хлѣбъ!

Но гораздо болѣе обнищалъ этотъ первый грѣшникъ—по душѣ, утративъ первобытное богатство разума, неоцѣненное сокровище чистоты, невинности и спокойствія совѣсти, и внутреннее господство правой воли: омраченный смысломъ, думалъ скрыться отъ Бога; обнищавъ сердцемъ, сталъ лукавить въ самомъ исповѣданіи грѣха, и, рѣшась на противленіе волѣ Божіей, оказался плѣнникомъ и рабомъ виновника всякаго зла, діавола!— И эта нищета тѣлесная, а наипаче душевная, сдѣлалась бѣдственнымъ наслѣдіемъ всѣхъ насъ, какъ потомковъ Адамовыхъ! —

Но вотъ, братія, великодаровитый и всебогатый Господь, обнищавъ нашего ради спасенія, яко человѣкъ, да насъ обогатитъ, яко Богъ, простираетъ къ намъ, обремененнымъ и наслѣдственною и самопроизвольною, грѣховною, тѣлесною и душевною, нищетою,—этотъ душеспасительный и утѣшительный гласъ: *покайтеся, приближися бо царство небесное!*

Онъ какбы такъ вѣщаетъ къ намъ: „Бѣдные нищіе! поймите, что причина вашей жалкой нищеты есть грѣхъ, и возненавидьте его; рѣшитесь твердо исправить вашу грѣховную жизнь,—и ваше внутреннее и внѣшнее состояніе приметъ совершенно другой видъ: Божественная благодать освободитъ васъ изъ-подъ власти губителя рода человѣческаго, и вы вмѣсто нищеты получите сокровища царскія: *покайтеся, приближися бо царство небесное!*—Обратитесь только,—глаголетъ Христосъ Господь, — ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, сочетайтесь Мнѣ искренно, отрекшись сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его; и Я прикрою вашу наготу душевную, какъ царскою багряницею, своими заслугами, этою свѣтлою ризою оправданія предъ Богомъ; Я утолю вашъ гладъ духовный — нетлѣнною пищею слова Божія, напитаю васъ своимъ тѣломъ и кровію, обогащу васъ своими благодатными дарами, и вы еще на землѣ вкусите и увидите, яко благъ Господь, и вы — точно наслѣдники обѣтованныхъ нескончаемыхъ благъ! *Покайтеся, приближися бо царство небесное!*“—

Братія христіане! Вонмемъ сему утѣшительному гласу Божественнаго Спасителя нашего: онъ, поистинѣ, долженъ быть паче всего вожделѣненъ для насъ: ибо что можетъ быть вожделѣннѣе для жалкаго нищаго, какъ избавиться отъ угнетающей его нищеты? —

2. Но обратимъ еще наше вниманіе и на другаго рода бѣдствія! — Бываетъ нерѣдко, что человѣкъ, при всемъ видимомъ счастіи, обладая несмѣтными сокровищами и пользуясь самою обширною властію, признаетъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ существомъ, оттого именно, что прикованъ къ одру болѣзни, терпитъ жестокія страданія, изнываетъ, можно сказать, въ тяжкой борьбѣ со смертію.

Если же страждущій нестерпимымъ недугомъ сознаетъ еще, что онъ самъ, своими собственными. произвольными грѣхами подвергъ себя такому ужасному состоянію: то можно ли представить что либо бѣдственнѣе положенія такого человѣка?—

Но, братія, сознаетъ ли это кто изъ страждущихъ въ мірѣ семъ, или не сознаетъ; но всякому извѣстно, что. дѣйствительно, всѣ болѣзни посѣяны въ родѣ человѣческомъ грѣхомъ, который и самъ по себѣ есть уже тяжкая, смертоносная болѣзнь душевная; ибо *оброцы грѣха смерть* (Рим. 6, 23). Всѣ мы—грѣшники, и по наслѣдственной порчѣ и по своимъ произвольнымъ паденіямъ; посему всѣ подвержены смертельнымъ недугамъ, которые рано или поздо, но непремѣнно должны пресѣчь нашу жизнь.

А находясь въ столь бѣдственномъ и опасномъ состояніи, не признаемъ ли, братія христіане, истинно утѣшительнымъ и радостнымъ для себя благовѣстіемъ то, что самъ небесный Врачъ душъ и тѣлесъ предлагаетъ намъ спасительное средство улучить избавленіе отъ бѣдъ и достигнуть лучшей участи, — взывая къ намъ: *покайтеся, приближися бо царство небесное?* —

Онъ какбы такъ говоритъ намъ: *„что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконіе? Всякая глава въ болѣзнь, и всякое сердце въ печаль: отъ ногъ даже до главы нѣсть* въ васъ *цѣлости. И нѣстъ пластыря приложити, ниже елея, ни обязанія* (Ис. 1, 6). Но дерзайте, чада! Не для того ли Я пришелъ въ міръ, чтобы уврачевать ваши недуги душевные и тѣлесные? Ибо *не здравіи требуютъ врача, но болящіи.* Не для вашего ли исцѣленія, — *не восхищеніемъ непщевавъ быти равенъ Богу, смирихъ Себе, послушливъ бывъ* небесному Отцу *даже до смерти, смерти же крестныя,* — отдавъ *плещи Мои на раны, и ланиты*

Мои на заушенія? — Аще воистину *хощете цѣлы быти,* если дѣйствительно дорого вамъ спасеніе ваше,—обратитеся ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ, и исцѣлю васъ; покайтеся: *научитеся добро творити, взыщите суда* праведнаго, *избавите обидимаго, судите* человѣколюбно *сиру, и оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 17. 18). А съ изглажденіемъ неправдъ вашихъ, съ искорененіемъ грѣховъ, истребится въ васъ сѣмя тли, самый зародышъ болѣзней и смерти вѣчной. Тогда, аще и умрете,—оживете; печаль ваша въ радость будетъ; отъимется всякая слеза отъ очію вашею. Истинно, истинно говорю вамъ, злостраждущіе, проповѣдуется вамъ цѣльба: *покайтеся, приближися бо царство небесное,* идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе! Покайтеся, и спасетеся!“ —

Братія христіане! Если не естественно больному не желать своего исцѣленія: то естественно ли и намъ, грѣшникамъ, не желать своего исцѣленія душевнаго и тѣлеснаго? — Если трудноболящему сладостно увѣреніе искуснаго врача въ совершенной возможности получить ему исцѣленіе: то можетъ ли не быть для насъ благопріятнымъ и утѣшительнымъ благовѣстіе небеснаго Врача душъ и тѣлесъ о возможности и даже о близости къ намъ нашего спасенія? —

Но, братія! если дѣйствительно для насъ, и нищихъ, и смертно-болящихъ, душею и тѣломъ, пріятно и утѣшительно это благовѣстіе Христово; то постараемся непремѣнно воспользоваться имъ; покаемся, да избавимся отъ вѣчныхъ золъ и сподобимся нескончаемыхъ благъ; покаемся, *приближися бо царство небесное!*—Аминь.

О МИЛОСЕРДІИ БОЖІЕМЪ,

ПРИЗЫВАЮЩЕМЪ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ ПУТИ ПОГИБЕЛИ НА ПУТЬ СПАСЕНІЯ.[1]

Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 16).

Великая и утѣшительная истина, возвѣщаемая намъ, братія, сими евангельскими словами, какбы начертана на крестѣ Спасителя нашего. Посему-то, согласно съ намѣреніемъ св. Церкви, предуготовляющей насъ къ достойному поклоненію животворящему древу, яко орудію нашего спасенія, весьма благовременно размыслить намъ объ этой истинѣ.

Какая же это истина? — Та, что тогда, какъ грѣхъ вовлекаетъ человѣка въ бездну погибели, — безпредѣльное милосердіе Божіе призываетъ насъ на путь спасенія, и всегда готово даровать намъ вѣчную жизнь.

Такъ, братія, есть два пути, на которые должны мы обратить полное вниманіе и смотрѣть съ величайшею осторожностію: одинъ путь грѣха, ведущій насъ къ погибели, отъ котораго всемѣрно надлежитъ намъ удаляться; а другой — покаянія, приносящій спасеніе, которымъ и должно слѣдовать намъ неуклонно.

[1] Слово въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ, сказанное въ Казанскомъ соборѣ 11-го сентября 1854 года.

По первому пути, грѣховному, мы удаляемся отъ Бога; по другому — покаянія, возвращаемся къ Богу: и на обоихъ сихъ путяхъ никогда не оставляетъ насъ безпредѣльное милосердіе Божіе.

Когда мы отъ Бога удаляемся грѣхомъ, то Его милосердіе, такъ сказать, за нами ходитъ, ищетъ насъ, и кроткимъ, отеческимъ гласомъ призываетъ насъ обратиться отъ пути погибели на путь спасенія; а когда обращаемся къ Богу покаяніемъ, то Его милосердіе встрѣчаетъ насъ, можно сказать, съ распростертыми объятіями, — съ благодатію милующею и всепрощающею, и пріемлетъ съ любовію, дарующею истинное блаженство.

1. Ничего, кажется, не можетъ быть для человѣка легче, какъ уклониться съ прямаго пути истины и добра; ничего такъ легко не дѣлаетъ человѣкъ, какъ грѣхи. Оттого всякій, удалившись отъ Отца небеснаго, мало по малу, почти непримѣтно, такъ далеко заходитъ по этому гибельному пути грѣховному, что приходитъ даже во *глубину золъ*, — и *нерадитъ* (Притч. 18, 3)! Не радитъ, потому что нѣтъ ничего труднѣе, какъ придти въ полное сознаніе всей тягости содѣланныхъ грѣховъ, которые творить казалось такъ легко и пріятно, и даже, повидимому, безвредно! Увы, ничто не въ состояніи причинить намъ большаго вреда и большей потери, чѣмъ тотъ вредъ и та потеря, которые происходятъ отъ грѣха! И однакожь, какъ часто, ввергая сами себя въ погибель, мы бываемъ къ тому нечувствительны и слѣпы!

О, мы бываемъ очень чувствительны, мы хорошо видимъ, и даже въ преувеличенномъ видѣ, постигающее насъ бѣдствіе; но когда?—Тогда, какъ дѣло касается нашихъ временныхъ потерь, или ущерба нашего земнаго благополучія.

Да, мы горько сѣтуемъ, много проливаемъ слезъ, когда у кого нибудь изъ насъ умретъ или сынъ, или братъ,

или жена, или сродникъ, или другъ! Плачемъ о томъ, чего, знаемъ, необходимо должно ожидать всякому,—плачемъ, хотя святая вѣра убѣждаетъ насъ, что, по милосердію Божію, смерть истиннаго христіанина есть только переселеніе въ жизнь лучшую, вѣчно блаженную!

Но какъ бываемъ мы нечувствительны къ тому, что чрезъ грѣхъ теряемъ благодать Божію, небесное царство, нескончаемую жизнь будущаго вѣка, душу, и все: мы этого не видимъ, и, когда это дѣйствительно бываетъ съ нами, не печалимся и не тужимъ!—

Въ обыкновенномъ нашемъ быту, въ дѣлахъ житейскихъ, даже и незначительный въ чемъ либо убытокъ сколько причиняетъ намъ печали и скорби, хотя здравый разумъ и удостовѣряетъ насъ, что это есть временное и ничтожное бѣдствіе! Когда случится припадокъ какой либо и легкой болѣзни, какое либо маленькое злоключеніе, или даже просто какая либо неудача въ нашихъ предпріятіяхъ, несбывшееся желаніе, сколько возникаетъ у насъ жалобъ и роптаній! И это, конечно, потому что и самое обыкновенное иго поврежденнаго грѣхомъ естества нашего, и даже неизбѣжная для всякаго доля временныхъ бѣдствій, по отношенію къ намъ самимъ представляется намъ нерѣдко въ преувеличенномъ видѣ, какъ будто мы терпимъ больше, чѣмъ другіе. И въ этомъ случаѣ, точно нельзя назвать насъ нечувствительными!—

Но, ахъ! той, несравнимой ни съ чѣмъ, потери, когда душа отлучается отъ Бога, того тягчайшаго урона, котораго ни умомъ понять, ни языкомъ истолковать невозможно, — какъ часто мы вовсе не чувствуемъ. и, находясь на краю гибели, не только не печалимся, не только не плачемъ, но еще радуемся и смѣемся! Тогда-то, подлинно, нельзя не удивляться нашей нечувствительности и ослѣпленію, на счетъ нашей собственной, вѣчной судьбы!

Но, братія христіане, еще не столь удивительно то, что человѣкъ во время удаленія своего отъ Бога не печалится, и нимало не тужитъ о томъ, когда не знаетъ, что̀ за величайшее благо сокрыто въ Богѣ, и какую величайшую потерю онъ терпитъ: онъ этого не видитъ, потому что страсть ослѣпила его душевныя очи!

Несравненно болѣе удивительно то, что Богъ, который совершеннѣйшимъ образомъ вѣдаетъ всю ничтожность человѣка, который и безъ человѣка есть тотъ же Богъ, вѣчно блаженный и славный, тѣмъ не менѣе, когда впадаетъ человѣкъ въ погибель, ищетъ его, — жаждетъ его спасенія: что же иное хощетъ Богъ показать чрезъ это человѣку, какъ не безконечное свое милосердіе?

И вотъ единственная причина воплощенія, страданій и крестной смерти единороднаго Сына Божія: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь, не погибнетъ!* — *Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти* (1 Тим. 1, 15)! — „Слухомъ, Господи, услышахъ,“ вопіетъ человѣкъ, въ неописанномъ удивленіи безднѣ милосердія Божія, — „услышахъ, и ужасохся: до мене бо идеши, мене ища заблуждшаго.“ [1]

И посмотрите, братія христіане, съ какою ревностію, съ какою любовію Христосъ, какъ добрый и кроткій Пастырь, ищетъ человѣка, яко овцы заблуждшей! Въ примѣрахъ всей евангельской исторіи не встрѣчаемъ такого грѣшника, котораго не взыскалъ бы Іисусъ Христосъ своею кротостію и милосердіемъ, безъ всякаго суда и гнѣва.

Для пріобрѣтенія мытаря Матѳея, начальника мытарей Закхея, и многихъ фарисеевъ, посѣщалъ Онъ ихъ домы, вкушалъ ихъ трапезу: и когда иные осуждали Его за то, говоря ученикамъ Его: *яко со грѣшники Учитель*

[1] Октоих., гл. 2, нед., кан. полун., ирм. 4.

ваш ястъ и піетъ (Матѳ. 9, 11), Онъ обыкновенно отвѣтствовалъ, что не здоровые, но болящіе имѣютъ нужду во врачѣ, то есть, что не праведникамъ, но грѣшникамъ-то и нужно посѣщеніе Спасителя!

Для обращенія на путь покаянія явныхъ грѣшницъ, не укорялъ Онъ ихъ, не угрожалъ имъ, но принималъ, прощалъ ихъ и защищалъ.

Для воззванія къ истинной жизни жены, изобличенной въ тяжкомъ преступленіи, когда всѣ осуждали ее, Онъ только одинъ ее не осудилъ, но отпустилъ съ прощеніемъ, словомъ истины и спасенія.

Для обращенія самарянки, не обличалъ прямо ея прежнихъ грѣховъ, но кротко довелъ ее до собственнаго исповѣданія и покаянія, такъ что и сама она сдѣлалась проповѣдницею о Спасителѣ во градѣ самарійскомъ.

Петръ отрекся отъ Него!! Однако и его не инымъ чѣмъ привлекъ Господь къ покаянію, какъ только единымъ своимъ взоромъ, исполненнымъ любви, кротости и милосердія.

Съ такимъ-то милосердіемъ ищетъ добрый Пастырь, Іисусъ Христосъ, и насъ съ тобою, слушатель, и всякаго грѣшника, яко заблуждшую овцу. Голосъ милосердія Его, ищущаго и призывающаго насъ, слышится въ нашей совѣсти, которая иногда угрызаетъ наше сердце. Еще сильнѣе раздается въ душѣ нашей этотъ голосъ, когда страхъ смерти и трепетъ муки внезапно приходитъ намъ на умъ и поражаетъ насъ. Тотъ же голосъ Бога Спасителя, призывающаго насъ къ покаянію, поминутно, можно сказать, повторяется намъ, когда какая либо болѣзнь томитъ и изнуряетъ насъ. Въ бѣдахъ и напастяхъ, которыя намъ приключаются, если только будемъ внимательны, живо почувствуемъ, какъ Господь милосердый, жаждущій нашего спасенія, стучится въ двери

сердца нашего (Апок. 3, 20). Да и особенно та божественная служба, на которой предстоимъ, то слово Божіе, которое слушаемъ,— что иное, какъ не тайный голосъ милосердія Іисуса Христа, насъ ищущаго и призывающаго?

И еще что? Тогда какъ, при столь многоразличномъ призываніи насъ Господомъ милосердымъ, мы его не слушаемъ, и нерѣдко еще больше отъ Него удаляемся,— добрый Пастырь Іисусъ Христосъ все еще терпитъ намъ и ожидаетъ нашего обращенія!

2. О, съ какою радостію приметъ Онъ насъ, если мы обратимся къ Нему отъ всего сердца! Съ какою любовію добрый Пастырь приметъ насъ, заблуждшихъ овецъ своихъ! Онъ возложитъ насъ на рамена свои, то есть, поможетъ намъ всею силою своей Божественной благодати, приметъ насъ въ объятія любви своей. И „заблуждшее, горохищное,“ пропадавшее въ горахъ, „обрѣтъ овча, на рамо воспріимъ, ко Отцу принесетъ и съ небесными совокупитъ силами:“ Самъ безмѣрно радуясь о семъ, какбы о какомъ неоцѣненномъ пріобрѣтеніи, скажетъ и ангеламъ святымъ: *радуйтеся со Мною, яко обрѣтохъ овцу Мою погибшую* (Лук. 15, 6)!

Но отъ чего такая радость на небеси о кающемся грѣшникѣ? Что изъ того для Бога? Есть ли отъ этого какое либо пріумноженіе Его блаженству и славѣ, что грѣшникъ покается?

Нисколько! Но Богъ радуется о спасеніи человѣка, по своему безконечному милосердію! Оно-то дѣлаетъ наше спасеніе столько драгоцѣннымъ въ очахъ Божіихъ, что для пріобрѣтенія его не пощадилъ Богъ и единороднаго Сына своего, да всякъ вѣрующій въ Него не погибнетъ! И что есть человѣкъ, яко помниши его, Сыне Божій единородный, даже и тогда, какъ Онъ, пови-

димому, забываетъ все, что Ты содѣлалъ и непрестанно дѣлаешь для спасенія его? — Поистинѣ, велика и непостижима бездна милосердія Твоего, Господи!

Но горе намъ, грѣшники, когда наконецъ, исполнится мѣра долготерпѣнія Божія, а мы не очувствуемся и не отзовемся на кроткій гласъ добраго Пастыря и Посѣтителя душъ нашихъ, Іисуса Христа, — не обратимся къ истинному покаянію!

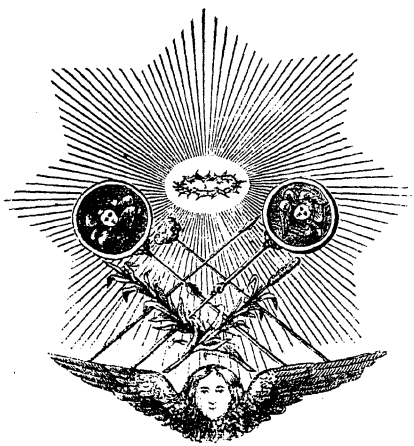
Богъ безконечно милосердъ; но и безконечно праведенъ. Богъ, потому что Онъ милосердъ, терпитъ, когда мы впадаемъ въ грѣхъ. Но по своему правосудію, не можетъ потерпѣть, чтобы грѣшникъ пренебрегалъ Его милостію. А самое большее оскорбленіе мы наносимъ милосердому Господу, когда предъ Нимъ согрѣшаемъ, и не каемся, и — еще болѣе, когда и не каемся, что Онъ милосердъ!

Но, если мы люди, и имѣемъ умъ; если мы христіане, и имѣемъ вѣру: то не будемъ пренебрегать богатствомъ *благости Божіей и кротости и долготерпѣнія*, страшась, чтобы, *по* своей *жестокости и непокаянному сердцу, не собрать себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. 2, 4. 5)! *Днесь*, взываютъ къ намъ, братія, о милосердіи Божіемъ, и царственный пророкъ и апостолъ Христовъ, *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Пс. 24, 8. Евр. 3. 7. 8).

„Итакъ,“ скажемъ въ заключеніе словами св. Златоуста, [1] — „доколѣ говорится это *днесь*, не будемъ отчаяваться, но, имѣя благія надежды на Господа, и помышляя о безднѣ Его человѣколюбія, изгнавъ изъ совѣсти все злое, съ великимъ усердіемъ и надеждою возьмемся за добродѣтель, и покажемъ самое глубокое покаяніе, дабы, здѣсь сложивъ всѣ грѣхи, съ дерзнове-

[1] Бесѣда о покаяніи 1.

ніемъ могли мы стать предъ судилищемъ Христовымъ и получить царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы," — благодатію и человѣколюбіемъ распятаго за насъ, Христа Іисуса Господа нашего, которому слава и держава, со Отцемъ и Св. Духомъ, въ безконечные вѣки. Аминь.



СПАСИТЕЛЬНЫЙ СОВѢТЪ

ЖЕРТВОВАТЬ ЗЕМНЫМИ БЛАГАМИ ДЛЯ ЖИЗНИ ВѢЧНОЙ. [1]

И се единъ нѣкій приступль, рече Ему: Учителю благій, что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный (Матѳ 19, 16)?

Слыша такой вопросъ изъ устъ юноши, нельзя не похвалить добрыхъ его чувствъ и расположеній души. Видно, это былъ человѣкъ не легкомысленный, и занимавшійся не суетою только!

Тогда какъ иные и изъ христіанъ проводятъ дни въ заботѣ и ночи въ безсонницѣ надъ пустыми вопросами: какъ бы сдѣлаться богаче? или: какъ бы выше и важнѣе другихъ занять мѣсто въ обществѣ?—приступившій ко Господу израильтянинъ былъ занятъ истинно важнымъ вопросомъ: что добраго долженъ я сдѣлать, чтобъ получить жизнь вѣчную?

Далѣе: когда Іисусъ Христосъ отвѣтствовалъ ему, что для сего надлежитъ соблюдать заповѣди, не убивать, не прелюбодѣйствовать, не красть, не лжесвидѣтельствовать, почитать отца и мать, любить ближняго, какъ самого себя: тогда юноша, конечно не противъ убѣжденія своей совѣсти, сказалъ: *вся сія сохранихъ отъ юности моея!*

[1] Слово въ недѣлю 12-ю по пятидесятницѣ, произнесенное въ Казанскомъ соборѣ, 7 авг. 1855 г.

Но, что всего замѣчательнѣе, онъ не почиталъ себя докончившимъ дѣло своего спасенія; онъ, видно, не думалъ, чтобы за одно удаленіе отъ грубыхъ грѣховъ и преступленій и явленіе въ себѣ добродѣтелей обыкновенныхъ, уже заслужилъ царство небесное; а предполагалъ, что для совершеннаго угожденія Богу, для полученія жизни вѣчной, нужно ему предпринять еще какой нибудь подвигъ особенный, болѣе возвышенный и совершенный. Потому и спросилъ: *что есмь еще не докончалъ*,— „чего еще не достаетъ мнѣ?“

Но вотъ горе! Этотъ самый юноша, обнаружившій въ себѣ такіе высокіе помыслы, такія добрыя чувства и стремленія, такое великое усердіе къ исполненію заповѣдей Божіихъ, болѣе возвышенному и совершенному, едва услышалъ отвѣтъ Спасителя: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене*,—отошелъ съ печалію, потому что имѣлъ большое имѣніе, — потому что жаль ему было разстаться добровольно съ своими сокровищами земными, даже для пріобрѣтенія небесныхъ!

Братія христіане! воспользуемся тѣмъ наставленіемъ Божественнаго Учителя и Спасителя нашего Іисуса Христа, которымъ не хотѣлъ воспользоваться упоминаемый въ Евангеліи юноша; и для сего размыслимъ о томъ: какія побужденія предлагаетъ Господь къ исполненію спасительнаго совѣта жертвовать всѣми земными благами, для полученія живота вѣчнаго, и какимъ образомъ можно и должно исполнить этотъ совѣтъ каждому по мѣрѣ силъ его?

1. Премудрый и всеблагій Господь въ побужденіе жертвовать имѣніемъ своимъ на дѣла благотворенія поставляетъ то, чего, повидимому, всего менѣе, по суду

міра, можно бъ было ожидать, и что, однакожь, должно имѣть особенную силу для обладателей сокровищъ. Именно: за пожертвованіе ничтожныхъ земныхъ благъ, Онъ обѣщаетъ несравненно большія, небесныя. Значитъ, собственно говоря, Господь не отнимаетъ имѣнія у ищущихъ совершенства духовнаго, а только внушаетъ имъ, такъ сказать, переносить свое сокровище въ самое безопасное мѣсто,— не разоряетъ ихъ, но предохраняетъ отъ разоренія.

Мало того: Господь „присовокупляетъ къ ихъ богатству новое, превышающее то, которое повелѣваетъ раздать,—столько превышающее," по выраженію св. Златоуста,[1] „сколько небо превышаетъ землю, и еще болѣе!"—„Дай малое," говоритъ о семъ тотъ же св. отецъ,[2] „и возьми великое; дай смертное, и возьми безсмертное; дай тлѣнное, и возьми нетлѣнное!"

Казалось бы, что при такомъ условіи,—чтобы, разставаясь съ своимъ имуществомъ, по внушенію Господа, отнюдь не терять его, но еще пріумножать до безконечности, перемѣнять сокровище тлѣнное на нетлѣнное, крадомое и отъемлемое дѣлать некрадомымъ и неотъемлемымъ, проживаемое — неистощаемымъ въ безконечные вѣки, — казалось бы, что тутъ и колебаться въ выборѣ невозможно. Однакоже, по крайнему неразумію ослѣпленныхъ страстями людей, бываетъ напротивъ!

Но Господь присоединяетъ къ своему обѣтованію и другое, не менѣе сильное побужденіе воспользоваться Его спасительнымъ совѣтомъ, — послѣдованіе Его собственному примѣру: *и гряди въ слѣдъ Мене!* Это значитъ, что Господь предлагаетъ желающимъ достигнуть вѣчнаго блаженства на небесахъ, избрать для себя на землѣ тотъ самый жребій, который Онъ избралъ для самого Себя, *во днехъ плоти своея*. А кто не знаетъ, каковъ былъ

[1] Бес. на Матѳ. 42. [2] Бес. о покаяніи 3.

этотъ жребій, — кто не знаетъ, что Господь, будучи богатъ и всебогатъ, обнищалъ ради нашего спасенія, и во все теченіе земной своей жизни, не имѣлъ, гдѣ главу приклонить? И въ семъ-то тѣсномъ пути Онъ открылъ послѣдователямъ своимъ вѣрнѣйшій доступъ къ сокровищамъ неоскудѣвающимъ, небеснымъ.

Такимъ образомъ путь не только указанъ, но и проложенъ самимъ Божественнымъ Наставникомъ и Спасителемъ. Слѣдуя за Христомъ неуклонно, самымъ дѣломъ, — даже и тотъ, кто привыкъ считать себя счастливымъ съ имѣніемъ, удобно можетъ научиться не только изъ слова Господня, но и изъ примѣра, и опыта, что можно быть довольнымъ и безъ имѣнія, и еще здѣсь, на землѣ, быть блаженнымъ — уже отъ самой увѣренности, что избранный путь наиболѣе сообразенъ съ званіемъ послѣдователя Христова. Можетъ ли для насъ, христіанъ, быть недѣйствительнымъ и это побужденіе — жертвовать земными благами для своего спасенія?

Къ несчастію, опытъ показываетъ, что когда въ дѣлѣ спасенія требуется пожертвованіе земнымъ достояніемъ, то многіе, подобно евангельскому юношѣ, отходятъ отъ Христа, хотя и не безъ скорби, не безъ угрызеній совѣсти! Отъ чего же происходятъ такія печальныя явленія? Отъ того, братія, что „хотя бы мы, по словамъ вселенскаго учителя, „въ извѣстныхъ отношеніяхъ и были добродѣтельны, — богатство истребляетъ сіи добродѣтели;“ — отъ того, что пристрастіе къ земнымъ вещамъ, отягчая душу, чрезвычайно ослабляетъ ея стремленія къ небу, и со всею силою влечетъ къ землѣ; оно омрачаетъ умъ человѣка, до того, что онъ теряетъ, изъ виду цѣль своего назначенія; связуетъ волю его такъ, что если и пробуждается въ немъ желаніе благъ небесныхъ, — это

[1] Злат., бес. на Матѳ. 43.

желаніе подавляется суетою и нравственно ослабѣваетъ; наконецъ, пристрастіе къ богатству удаляетъ отъ благодати Божіей и разрушаетъ надежду вѣчной жизни.

2. „Что же дѣлать“, скажетъ кто либо: „не ужели всѣ обязаны отречься отъ своего имѣнія и обречь себя на нищету?“

Іисусъ Христосъ небезусловно требовалъ добровольной нищеты, подобно тому, какъ не отъ всѣхъ требуется совершенное отреченіе отъ міра. *Могій вмѣстити, да вмѣститъ!* — Кто чувствуетъ внутреннее призваніе къ добровольной нищетѣ, а особенно, кто по испытаніи и по убѣжденію въ семъ призваніи, посвятилъ себя ему обѣтомъ, тотъ и долженъ блюсти избранную, спасительную нищету,—какъ можно строже, полнѣе и совершеннѣе. Такой уже погрѣшаетъ противъ своего обѣта, если старается имѣть и удерживаетъ у себя болѣе того, чѣмъ сколько заставляетъ имѣть самая строгая необходимость.

Кто же не связанъ правиломъ совершеннаго нестяжанія, тотъ не долженъ забывать правила, которое Духъ Божій еще устами псалмопѣвца провозгласилъ всѣмъ богатымъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. 61, 11).

Всѣмъ намъ, братія христіане, болѣе или менѣе обладающимъ имуществомъ и нѣкоторыми избытками въ жизненныхъ потребностяхъ, должно напоминать себѣ какъ можно чаще, что скорѣе или медленнѣе, но во всякомъ случаѣ чрезъ недолгое время, или наше имѣніе, наше богатство оставитъ насъ, или мы оставимъ богатство; и потому, „будемъ обходиться съ нимъ“, по выраженію одного изъ знаменитыхъ нашихъ отечественныхъ архипастырей, [1] „какъ съ гостемъ, котораго надобно честно

[1] Высокопреосв. Филарета, митроп. московскаго. Слово въ недѣлю вторую-надесять.

принять и честно проводить". *И купующіи, яко не содержаще, и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 30. 31), учитъ апостолъ Христовъ.

„Но какъ, скажутъ, все это привести въ исполненіе?— Какъ можетъ," вопрошаетъ св. Златоустъ,[1] какъ можетъ востать тотъ, кѣмъ уже овладѣла ненасытимая страсть къ богатству?" и отвѣтствуетъ: „если онъ начнетъ раздавать имѣніе, и раздѣлять свои избытки! Чрезъ это онъ мало по малу будетъ удаляться отъ своей страсти, а впослѣдствіи сіе поприще для него облегчится. Итакъ", продолжаетъ вселенскій учитель, „если вдругъ всего достигнуть для тебя трудно; то не домогайся все получить въ одинъ разъ, но постепенно и мало по малу восходи по сей лѣстницѣ, ведущей на небо.... Ибо ничто сей страсти (любостяжанія) не прекращаетъ такъ легко, какъ постепенное ослабленіе желанія корысти, подобно тому, какъ малое употребленіе пищи и питія уничтожаетъ дѣйствіе желчи."

„А это, спросишь ты, какъ можетъ быть? Не иначе, если ты будешь представлять, что непрестанно обогащающійся никогда не перестанетъ жаждать новаго богатства и истаевать отъ желанія большаго, и что неприлѣпляющійся къ богатству легко можетъ остановить и самую страсть... Никогда не можетъ лишиться благъ небесныхъ тотъ, кто всегда бодрствуетъ, трезвится и презираетъ земныя блага: напротивъ тотъ, кто порабощенъ и совершенно преданъ симъ послѣднимъ, необходимо лишится оныхъ."

„Итакъ," заключаетъ Святитель, „размысливъ о всемъ этомъ, истреби въ себѣ злую страсть къ богатству; ибо ты не можешь сказать и того, что она доставляетъ блага настоящія, а лишаетъ только будущихъ: да хотя бы это было и такъ, впрочемъ и это есть уже крайнее

[1] Бес. на Матѳ. 43.

наказаніе и мученіе; да притомъ и не такъ еще бываетъ! Ибо страсть къ богатству подвергаетъ тебя жестокому наказанію, не только въ геенне, но и еще прежде оной — въ настоящей жизни. Страсть сія разоряла многіе домы, воздвигала жестокія войны и заставляла прекращать жизнь насильственною смертію. Да еще и прежде сихъ бѣдствій, она помрачаетъ добрыя качества души, и часто содѣлываетъ человѣка рабомъ, слабымъ, дерзкимъ, обманщикомъ, клеветникомъ, хищникомъ, лихоимцемъ, и вообще имѣющимъ въ себѣ всѣ низкія качества!“

Нѣтъ нужды доказывать вамъ, братія, что указываемыя златословеснымъ учителемъ, столь жалкія явленія гибельнаго пристрастія къ богатству подтверждаются безчисленными примѣрами. Но если мы и не замѣчаемъ за собою, чтобы страсть сія вкоренилась въ насъ до такой степени; то все же стоитъ подумать: не заражена ли ею наша душа? Иногда опасность тѣмъ хуже, чѣмъ менѣе примѣтна!

Вникнемъ же, братія, въ состояніе нашей души, и постараемся рѣшить добросовѣстно: достигаемъ ли мы того безпристрастія къ земнымъ благамъ, той свободы и возвышенности духа, которой повидимому такъ желаемъ? Не опутываютъ ли земныя желанія, даже противъ нашей воли, какъ сѣти, нашу душу, и легко ли ей стремиться къ небесному? Не отвлекаютъ ли насъ житейскія заботы и суеты отъ дѣлъ богоугодныхъ? Не развлекаютъ ли онѣ нашихъ мыслей и не охлаждаютъ ли чувствованій нашего сердца въ самыхъ упражненіяхъ благочестія, даже во время молитвы, въ самомъ храмѣ Божіемъ? Не стѣсняетъ ли скупость наше сердце и не сжимаетъ ли руку, когда надлежало бы простерть ее для благотворенія? Словомъ: умѣемъ ли мы, съ сохраненіемъ имѣнія, сохранить свою душу?

Если не умѣемъ, то, поистинѣ, лучше, стократъ лучше погубить намъ богатство, нежели дожить до того, чтобы оно насъ погубило! Если не можемъ вдругъ, то по крайней мѣрѣ по немногу станемъ выпутывать душу свою изъ сѣти пристрастій; а для сего станемъ дѣйствовать вопреки связующимъ насъ пристрастіямъ.

Заставимъ себя благотворить бѣдному, даже и тогда, когда наше сердце не преклоняется къ нему состраданіемъ, — или когда даже самый видъ нуждающагося въ нашей помощи, по тайному внушенію духа злобы, покажется намъ непріятнымъ, а просьба его — докучливою и неумѣстною! Поставимъ себя на дѣло благочестія, когда требуютъ того долгъ и нужды жизни, и для сего отторгнемъ себя отъ дѣлъ житейскихъ, хотя съ нѣкоторымъ принужденіемъ.

Правда, въ подобныхъ случаяхъ, наши жертвы дѣлу спасенія будутъ еще весьма несовершенны; однако Господь Богъ, по своему милосердію, и въ нихъ усмотритъ наши усилія пріобрѣсть безпристрастіе къ земнымъ благамъ, и уже за самую благонамѣренность тѣхъ дѣйствій возраждающейся въ насъ, истинной любви къ Богу, ниспошлетъ намъ мудрость и силу, чтобы приносить намъ такія жертвы, для спасенія душъ нашихъ, въ большемъ совершенствѣ. Его Божественное ученіе вразумитъ насъ; Его собственный примѣръ, — примѣръ, явленный въ земной жизни Господа и Спасителя нашего, болѣе и болѣе будетъ возбуждать наше усердіе къ совершенію подвиговъ благотворенія; наша неослабная молитва привлечетъ въ насъ вседѣйствующую силу Божію.

При ея-то небесной помощи и руководствѣ, мы, братія, постепенно отрѣшаясь сердцемъ и волею отъ земныхъ сокровищъ, и употребляя ихъ согласно съ наставленіемъ святаго Евангелія, пріумножимъ себѣ сокро-

вище на небеси, котораго и да сподобитъ всѣхъ насъ обнищавшій ради нашего спасенія, великодаровитый и всебогатый Господь, Іисусъ Христосъ, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ТЯЖЕСТИ АДСКИХЪ МУЧЕНІЙ.[1]

И во адѣ, возведъ очи свои, сый въ мукахъ, узрѣ Авраама издалеча, и Лазаря на лонѣ его. И той возгласивъ, рече: отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой, яко страждy во пламени семъ (Лук. 16, 23. 24)!

Страшно, возлюбленные христіане-братія, страшно слышать сіи Евангельскія слова, — внимать этому жалкому воплю, возникающему изъ пропастей ада! Страшно и представить себѣ весь ужасъ мученій того несчастнаго богача, который за гробомъ оказался столь бѣднымъ, что проситъ, какъ величайшей милостыни, одной малой капли воды, для прохлажденія жгущаго его пламени!

Еще страшнѣе подумать, что даже и въ этой малости самъ страннопріимный отецъ вѣрующихъ, Авраамъ, даетъ ему рѣшительный отказъ, и, вмѣсто того, напоминаетъ ему о былыхъ удовольствіяхъ въ земной жизни, въ виду бѣдствовавшаго при вратахъ его, а нынѣ блаженствующаго Лазаря; и такимъ напоминаніемъ, столь повидимому естественнымъ, еще умножаетъ невыразимыя адскія мученія страждущаго. *Рече же Авраамъ: чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши* (Лук. 16, 25).

[1] Слово въ недѣлю 22-ю по пятидесятницѣ, сказанное въ Казанскомъ соборѣ, ноября 12, 1850 г.

Но всего ужаснѣе тотъ приговоръ, которымъ пораженъ страждущій въ пламени геенскомъ,—тѣмъ, что не остается болѣе никакой возможности къ перемѣнѣ его злополучной участи: *И надъ всѣми сими,* присовокупляетъ Авраамъ, *между нами и вами пропасть велика утвердися, да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Лук. 16, 26).

Тяжки и поразительны эти слова; но чѣмъ сильнѣе поражаютъ они нынѣ совѣсть грѣшника, тѣмъ больше могутъ принести пользы душѣ его. „Еслибы,“—говоритъ св. Златоустъ [1], *„тамъ* это сказано было намъ, какъ и богачу, тогда поистинѣ надлежало бы плакать, скорбѣть и сѣтовать о томъ, что намъ уже не осталось времени на покаяніе. Но какъ мы слышимъ это еще *здѣсь*, гдѣ возможно и покаяться, и омыть грѣхи, и пріобрѣсть великое дерзновеніе, и перемѣниться, убоявшись несчастія, случившагося съ другими: то возблагодаримъ Человѣколюбца Бога, наказаніемъ другихъ возбуждающаго нашу лѣность и пробуждающаго насъ отъ сна. Для того и сказано это напередъ, чтобы намъ не потерпѣть того же.“

Посему, чтобы лучше воспользоваться намъ такою милостію къ намъ Божіею, — чтобы спасительный страхъ ожидающаго грѣшниковъ наказанія глубже проникъ въ наше сердце, размыслимъ *о тяжести адскихъ мученій,* зависящей 1) отъ самаго свойства этихъ мукъ, 2) отъ непрестаннаго воспоминанія о прошедшей грѣховной жизни, и наконецъ 3) отъ неизмѣнности опредѣленія Божія о казни, имѣющей постигнуть грѣшниковъ, или — отъ вѣчности ихъ мученій.

1. Нѣтъ на языкѣ человѣческомъ словъ, чтобы хотя приблизительно изобразить свойство адскихъ мукъ. — Какъ для любящихъ Бога, по безконечной благости Его,

[1] Бес. о Лазарѣ 3.

уготованы такія блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9); такъ и для противниковъ Божіихъ, по безконечной правдѣ Его, уготованы такія мученія, которыхъ въ настоящее время и представить себѣ не можемъ; ибо нѣтъ на землѣ ничего такого, съ чѣмъ бы можно сравнить ихъ.

Можно, однакоже, понять крайнюю тяжесть и нестерпимость ихъ, когда подумаемъ, что по словамъ святаго Писанія, *въ тыя дни взыщутъ человѣцы смерти, и не обрящутъ ея; вожделѣютъ умрети, и убѣжитъ отъ нихъ смерть* (Апок. 9, 6), и что тамъ будетъ непрестанный *плачь и скрежетъ зубовъ* (Матѳ. 3, 42).

Пораженные проклятіемъ Божіимъ, и низвергнутые въ *преисподнюю* (Пс. 8, 7), мѣсто, безмѣрно удаленное отъ горнихъ обителей Бога и Святыхъ Его; находясь во *адѣ*, или, по выраженію Іова (10, 22), *въ земли тмы вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта, — въ геенну огненной*, гдѣ нѣтъ прохлады и отдохновенія (Матѳ. 5, 22. 29. 30); окруженные множествомъ подобныхъ себѣ несчастныхъ нечестивцевъ, и, что еще хуже, страшнымъ сонмищемъ злыхъ духовъ, среди непрерывныхъ воплей отчаянія и хулы,—грѣшники больше всего будутъ терпѣть отъ ощущенія всѣмъ существомъ страшной и невообразимо мучительной болѣзни отъ дѣйствія огня адскаго.

Кому неизвѣстно, какую боль, какое жестокое мученіе причиняетъ огонь, не говоримъ адскій, а нашъ огонь естественный? Но нѣтъ никакого сравненія между обыкновеннымъ, вещественнымъ огнемъ и огнемъ геенскимъ. Справедливо сказалъ нѣкто, что нашъ огонь столько же сходенъ съ геенскимъ, сколько огонь, написанный на картинѣ, сходенъ съ огнемъ естественнымъ!

Самое горшее свойство адскаго огня то, что это ужасное орудіе гнѣва Божія, не имѣя сіянія и свѣта, невы-

разимо болѣзненно жжетъ, и не сожигаетъ, не уничтожаетъ горящаго предмета, — что онъ отъ времени не умаляется, не ослабѣваетъ и не прекращается; ибо не можетъ имѣть другихъ свойствъ огонь — по непреложному слову Божію — *вѣчный, неугасающій* (Матѳ. 3, 12. Марк. 9, 43. 45).

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что по законамъ полнаго правосудія Божія, соразмѣряющаго муки грѣшниковъ со степенью и мѣрою ихъ грѣховъ, огонь геенскій дѣйствуетъ какбы съ нѣкоторою разборчивостію, соразмѣряя жгучесть свою со множествомъ и тяжестію преступленій.

Послѣ всего этого, весьма не удивительно, что святый великій Макарій египетскій, помышляя объ огнѣ адскомъ непрестанно, и безъ пощенія весь изсохъ. „Горе дню тому,“ говорилъ онъ, „горе дню тому, въ который человѣкъ преступилъ заповѣди Божія!“ А одинъ святый инокъ, помышляя о геенскомъ огнѣ, непрестанно плакалъ!—

Одно представленіе невыразимыхъ мученій адовыхъ, если судить о нихъ даже по обыкновенному понятію о дѣйствіи огня, жгущаго, но не сожигающаго человѣка,— достаточно бы, кажется, потрясти самую нечувствительную душу, укротить самыя необузданныя стремленія порочнаго сердца, и обратить его къ Господу.—

Нѣкоторый подвижникъ, побѣдивъ уже плоть и міръ, былъ волнуемъ искушеніями духа злобы чрезъ обольстительные предметы чувственности. Среди этихъ искушеній, онъ положилъ свой перстъ на огонь свѣчи горящей; а какъ не могъ вытерпѣть боли, то скоро снялъ перстъ свой съ огня, и тогда самъ въ себѣ подумалъ такъ: „если я не могу вытерпѣть горѣнія перста моего на свѣчѣ, даже и одной минуты; то каково же было бы терпѣть мнѣ, когда, за совершеніемъ грѣха, пришлось бы горѣть мнѣ

всему, и тѣломъ и душею, въ пламени муки вѣчной!“— Подумавъ это, подвижникъ побѣдилъ плоть, посрамилъ діавола, избѣжалъ грѣха и спасъ душу.

Ахъ, братія христіане! еслибы тогда, какъ и насъ возбуждаютъ ко грѣху плоть, міръ и діаволъ, и мы намѣрены сдѣлать что либо худое, каждый изъ насъ говорилъ самъ съ собою: „за то, что я хочу сдѣлать, меня ожидаетъ вѣчная мука въ геенѣ огненной;“ то подумайте, могла ли бы оставаться въ насъ наклонность ко грѣху господствующею?

Но, увы! какъ часто въ многоразличныхъ искушеніяхъ житейскихъ, увлекаемые и собственными страстями, покушаясь на дѣйствія, противныя св. закону Божію, мы имѣемъ въ виду лишь настоящія, минутныя удовольствія; но не представляемъ себѣ, что наши поступки, широкими вратами, приведутъ насъ прямо въ геенну огненную! А совершивъ грѣхъ, не стараемся ли, весьма нерѣдко, изгладить его изъ памяти, какъ будто бы все, что нами сдѣлано, не было нашимъ дѣломъ?

О, если бы и въ самомъ дѣлѣ сія кратчайшая грѣховная жизнь наша, увядающая какъ цвѣтъ, исчезающая какъ молнія, столь же быстро выходила изъ ума нашего, сколь быстро проходитъ мимо очей нашихъ! О, если бы, лишаясь наслажденія столь ничтожными мірскими утѣхами, мы лишались въ тоже время и памятованія о нихъ навсегда!. Но, что было, то силою воспоминанія пребудетъ въ душѣ нашей на вѣки. И всякій нераскаянный грѣшникъ услышитъ нѣкогда то, что было сказано несчастному богачу: *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ,—нынѣ же здѣ страждеши!*

2. Итакъ, вотъ вторая и жесточайшая мука адская, или, можно сказать, второй адъ,— не тотъ внѣшній, въ которомъ нечестивые будутъ пожираемы неугасающимъ

пламенемъ; но адъ внутренній, который образуется въ ихъ собственной душѣ, и будетъ жечь ее горькимъ воспоминаніемъ о прошедшей грѣховной жизни, яснымъ и безотраднымъ представленіемъ всѣхъ содѣланныхъ грѣховъ, являя ихъ сознанію во всей отвратительной наготѣ ихъ и безобразіи, возбуждая ужаснѣйшіе упреки совѣсти и мучительнѣйшее, впрочемъ безполезное, сожалѣніе объ опущенномъ времени и средствахъ къ пріобрѣтенію блаженной вѣчности, и подавляя душу тяжкимъ чувствомъ гнѣва Божія.

Вотъ что можетъ составлять того *неусыпающаго червя*, который, по слову Писанія, будетъ точить тогда сердца грѣшниковъ (Марк. 9, 44—46), — ту *скорбь и тѣсноту*, которыя, по слову Апостола, ожидаютъ *творящихъ злое* (Рим. 2, 9), и будутъ причиною того горькаго плача и скрежета зубовъ, о которомъ такъ часто говорится во святомъ Евангеліи (Матѳ. 22, 13).

Если воспоминаніе и объ одномъ какомъ либо, сдѣланномъ нами, проступкѣ приводитъ насъ въ стыдъ и терзаетъ насъ укорами совѣсти: то какихъ мученій не произведетъ совокупное воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ богопротивныхъ и противузаконныхъ дѣйствіяхъ, въ коихъ виновна душа наша, съ первой минуты земнаго бытія и до послѣдняго часа временной жизни!

Но это воспоминаніе о собственномъ нечестіи дойдетъ до высшей степени мучительности именно отъ того, что узрятъ тогда нечестивые бывшихъ собратій своихъ, которые совершенно иначе воспользовались своею жизнію, и за то наслаждаются совершенно противоположною участію. Тяжко будетъ отверженному богачу узрѣть, изъ пропастей ада, въ горнихъ обителяхъ — того самаго Лазаря, котораго онъ, быть можетъ, презиралъ нѣкогда, какъ бѣдняка, незаслуживающаго никакого вниманія!

Но не легче будетъ и намъ, если въ недоступной дали, въ мѣстѣ вѣчнаго блаженства, увидимъ людей близкихъ къ намъ въ земной жизни, одного съ нами состоянія, званія, одинаковыхъ общественныхъ отношеній, встрѣчавшихъ на пути ко спасенію одинаковыя съ нами препятствія, соблазны,—людей столькоже немощныхъ, какъ и мы; но крѣпко противуставшихъ обольщеніямъ чувствъ, укротившихъ вожделѣнія плоти, побѣдившихъ грѣховныя наклонности, *распявшихъ плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), и за то удостоившихся царствія небеснаго!

Не легче будетъ и намъ, кагда узримъ издалеча тѣхъ, которые были нѣкогда, быть можетъ, грѣшнѣе насъ, но наконецъ подвиглись къ искреннему раскаянію, презрѣли міръ съ его утѣхами, оставили порочную жизнь, обратились къ Богу, утвердились въ истинно добродѣтельной жизни, и получили блаженство!...

Ахъ, при такомъ воспоминаніи и сравненіи своей жизни и участи съ жизнію и участію другихъ, чѣмъ представится намъ въ будущемъ вѣкѣ вся наша протекшая жизнь?—Она покажется намъ и чрезвычайно малою, въ сравненіи съ вѣчностію, и чрезвычайно великою, сравнительно съ нашею потерею.

Прекрасное подобіе представляетъ на это одинъ изъ краснорѣчивыхъ учителей православной Церкви (Илія Минятій). „Какъ зрительная труба,“ говоритъ онъ, „съ одного конца кажетъ великими, а съ другаго малыми противолежащія мѣста; такъ и мучимая воспоминаніемъ память грѣшниковъ осужденныхъ, съ одной стороны, когда сравниваетъ жизнь съ безконечнымъ вѣкомъ адскимъ, то ее видитъ кратчайшею, на одну только минуту, на ничто, *яко день вчерашній, иже мимо иде* (Псал. 89, 5). И здѣсь, сколько мученія въ размышленіи о томъ,

что за столь маловременное грѣховное услажденіе получу я столь долговременную муку! Съ другой стороны, когда грѣшникъ станетъ сравнивать свою жизнь со временемъ, то видитъ ее должайшимъ путемъ многихъ лѣтъ.— И здѣсь опять, сколько мученія въ размышленіи, что чрезъ толикія лѣта могъ бы тысячу разъ покаяться, а чрезъ толикія жь лѣта какбы восхотѣлъ всегда мучиться?"

Тутъ-то особенно возбудится въ душѣ грѣшника раскаяніе горькое, но безполезное.—Тогда только станетъ онъ каяться въ содѣланномъ имъ; но время покаянія и прощенія тогда минетъ! — Тогда онъ только станетъ плакать о своей гибели; но его слезы уже не будутъ въ состояніи омыть его грѣховъ, а только еще болѣе станутъ разжигать адскій пламень. Послѣ смерти нѣтъ покаянія: *во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ* (Псал. 6. 6). Господи? А когда нѣтъ покаянія, и нѣтъ возможности получить прощеніе грѣховъ, то не можетъ быть и конца адскимъ мученіямъ; и вотъ вершина золъ безотрадной участи грѣшниковъ—вѣчность и неизмѣнность ея!

3. *И надъ всѣми сими, между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи преити отсюду къ вамъ не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Лук. 16, 26): такой отвѣтъ далъ Авраамъ несчастному богачу, — „отвѣтъ," по выраженію Златоуста, [1] „болѣе страшный, чѣмъ самая геенна!"

И дѣйствительно, какъ ни ужасны мученія ада, онѣ были бы не столь безотрадны, если бы предвидѣлся когда либо конецъ имъ: надежда на ихъ прекращеніе облегчала бы тяжесть ихъ, такъ же, какъ она облегчаетъ всѣ возможныя страданія временныя. Но грѣшнику дастся, противъ его воли и желанія, увѣренность,

[1] Бесѣда о Лазарѣ 7.

что его мученія пребудутъ одинаковы въ своей силѣ, и никогда не окончатся!

Какъ бы ни желали грѣшники отдалить отъ себя мысль сію; но Божіе правосудіе будетъ непрестанно представлять ихъ душѣ ужасный образъ, уготованнаго имъ на безконечные вѣки, мученія,—дастъ силу взирать на него, разсматривать его, заниматься имъ, и чувствовать отъ того жесточайшее страданіе!

Душа отверженная станетъ протекать мыслію всѣ ряды вѣковъ, и не будетъ видѣть конца своихъ мученій; но чѣмъ далѣе станетъ смотрѣть впередъ, тѣмъ болѣе будетъ представляться ей путей для шествія, и — одна вѣчность мѣрою мученій ея; посему-то каждая минута будетъ для нея мученіемъ вѣчнымъ, и только началомъ ея страданій.

Итакъ, терпѣть ужасныя муки, терпѣть въ каждую минуту цѣлую вѣчность, терпѣть безъ всякой надежды— вотъ судьбина грѣшныхъ! По прошествіи тысячи тысячей и тьмы темъ лѣтъ, мука ихъ будетъ все лишь только въ началѣ. „Когда бы мучимый,“ говоритъ блаженный святитель кефалонитскій, Илія (Минятій), „изливая по единой слезѣ въ годъ, излилъ столько слезъ, что потекли бы изъ нихъ рѣки; то ни единой пяди мучительнаго онаго вѣка онъ не убавилъ бы!“

И мучени будутъ нечестивые, свидѣтельствуетъ тайновидецъ, св. Іоаннъ Богословъ, *день и ношь, во вѣки вѣковъ; и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ, и не имутъ покоя день и ношь* (Апок. 20, 10. 14, 11). Ибо съ того страшнаго часа, въ который, по суду вѣчной правды Божіей, поразитъ грѣшниковъ грозное опредѣленіе: *отъидите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. 25, 41), и ихъ участь будетъ рѣшена однажды навсегда, вѣчно и не-

измѣнно,—это неизъяснимо-ужасное опредѣленіе станетъ какбы повторяться надъ ними въ безпредѣльные ряды вѣковъ!

О, вѣчные суды Божіи! Протекутъ вѣки подобно часамъ, гдѣ и одинъ часъ покажется цѣлымъ вѣкомъ; а надъ адскою темницею слышенъ будетъ тотъ же голосъ правосуднаго Бога: *отъидите отъ Мене, проклятіи!* Протекутъ милліоны милліоновъ вѣковъ; а слухъ несчастныхъ адскихъ узниковъ будетъ поражаться тѣми же страшными словами: *отъидите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный!* Потеряются въ счетѣ вѣковъ быстрѣйшіе ангельскіе умы; осужденные забудутъ, было ли когда начало ихъ мукъ; но отъ правосудія Божія, не услышатъ ничего инаго, кромѣ того же грознаго приговора: *отъидите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его!*

О Боже праведный! Суда Твоего боимся и муки безконечной; злое же творить не престаемъ, и Тебе, Господа Бога нашего прогнѣвляемъ. Непреложно слово Твое, что аще не покаемся, погибнемъ! Но, Ты еси Богъ *не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему;* и вотъ Ты все еще долготерпѣливо ожидаешь нашего искренняго обращенія къ Тебѣ, щадя и милуя насъ! — Благодаримъ же Твое безмѣрное человѣколюбіе мы, недостойные рабы Твои, что еще не постигла насъ донынѣ смерть,—что еще не во адѣ наши души,—что еще не прошло для насъ время покаяться, и, омывшись отъ грѣховъ кровію единороднаго Сына Твоего, избавиться отъ ужасныхъ адскихъ мукъ! Точію Ты помози намъ, Боже Спасителю нашъ, въ нашемъ благомъ намѣреніи всецѣлаго обращенія къ Тебѣ, ради славы имени Твоего святаго! Аминь.

О ДѢЙСТВІИ ЗЛЫХЪ ДУХОВЪ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ, И ПОБѢДОНОСНОМЪ ПРОТИВОДѢЙСТВІИ ИМЪ БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ.[1]

.....

Повелѣ (Іисусъ Христосъ) *духови нечистому изыти отъ человѣка* (Лук. 8, 29).

страшную и утѣшительную истину напоминаетъ намъ читанное нынѣ Евангеліе. Страшно то, что у всѣхъ насъ есть жесточайшій врагъ, который непрестанно силится погубить человѣка, уязвляя паче всего душу его, а нерѣдко, попущеніемъ Божіимъ, подвергая и самое тѣло ужаснымъ мукамъ,— какъ это представляетъ и сегоднишнее евангельское чтеніе. Утѣшительно то, что какъ ни сильны дѣйствія врага рода человѣческаго, онѣ всегда были ограничены; и тѣмъ болѣе всякій христіанинъ можетъ одержать надъ нимъ совершенную побѣду, ограждаясь силою благодати самого Іисуса Христа, безъ повелѣнія котораго злые духи не могли войти даже въ стадо нечистыхъ животныхъ.

Размыслимъ нынѣ, въ свою душевную пользу, объ этой важной истинѣ.

Нельзя и предполагать, чтобы кто нибудь изъ христіанъ православныхъ, несомнѣнно вѣрующихъ божествен-

[1] Слово въ недѣлю 23-ю по 50-цѣ, сказанное въ Казанскомъ соборѣ 15-го ноября, 1853 года.

ному Откровенію, могъ сомнѣваться въ бытіи и дѣйствіи злыхъ духовъ. Ибо кто жь изъ насъ не знаетъ, братія христіане, что въ мірѣ, созданномъ отъ Бога совершеннѣйшимъ въ своемъ родѣ, не другой кто либо посѣялъ зло и всѣ бѣдствія, какъ діаволъ, — бывшій въ началѣ міросданія однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ духовъ, но за самолюбіе и гордость, за дерзкое возстаніе противъ Бога и Творца своего, съ нѣкоторыми подчиненными ему духами, низвергнутый съ неба въ преисподнюю?

Вы знаете, братія, что, лишась дарованнаго ему въ началѣ отъ Бога свѣта и блаженства, лукавый, въ ожесточенномъ озлобленіи противъ Создателя, рѣшился погубить любимѣйшее изъ Его твореній, украшенное образомъ Его неизреченной славы, умаленнаго малымъ чѣмъ отъ Ангеловъ — человѣка! И онъ успѣлъ въ коварномъ злоумышленіи своемъ: ложью и обманомъ, духъ злобы, поселившись въ змія, склонилъ невинныхъ нашихъ прародителей употребить во зло дарованную имъ свободу,—преступить заповѣдь Божію, за что преступники, со всѣмъ своимъ потомствомъ, обречены на изнурительные труды, тяжкія болѣзни и, наконецъ, на неминуемую смерть.

Однакожь, среди самаго этого злобнаго торжества своего, діаволъ съ ужасомъ слышитъ, что безконечно милосердый въ самомъ гнѣвѣ своемъ, Господь не до конца губитъ виновныхъ, но все еще любезныхъ Ему чадъ своихъ, — слышитъ, что человѣкамъ дается надежда избавленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ предвозвѣщается конечная гибель соблазнителя ихъ, — въ обѣтованіи, что Спаситель рода человѣческаго, благословенное Сѣмя жены, сотретъ вражескую главу змія искусителя (Быт. гл. 3)!

И вотъ, съ новымъ ожесточеніемъ и сильнѣйшею злобою преслѣдуетъ противникъ Божій уже изгнанныхъ изъ рая нашихъ праотцевъ, и въ самомъ первенцѣ ихъ успѣ-

ваетъ воспламенить жесточайшую зависть къ его кроткому брату. Каинъ проливаетъ кровь Авеля, не внемлетъ божественному призыву къ покаянію, и, совершенно предавшись духу злобы, дѣлается родоначальникомъ нечестиваго, богопротивнаго племени, которое, наконецъ, заразило своимъ нечестіемъ и преданное Богу племя другаго сына Адамова, благочестиваго Сиѳа.

Такимъ образомъ, зло, грѣхъ, удаленіе отъ Бога, а вмѣстѣ съ симъ и власть діавола—еще болѣе вкоренились и распространились во всемъ родѣ человѣческомъ.

Дивны судьбы Божіи! Господь всесильный могъ бы единымъ мановеніемъ своимъ уничтожить врага-діавола; но правда Божія требовала, чтобы виновникъ всякаго зла и всѣ *согрѣшившіе* съ нимъ злые *ангелы соблюдены* были *подъ мракомъ* во узахъ вѣчныхъ, на судъ великаго дня (Іуд. 6), когда исполнится мѣра ихъ нечестія и нераскаянной злобы, и возгорится для нихъ на вѣки неугасаемый огонь, во тьмѣ.

Между тѣмъ, попустилъ Господь врагу искушать людей и привлекать ко злу, для того, чтобы чрезъ это самое вполнѣ обнаружилось, кто истинно, нелицемѣрно и непоколебимо преданъ Богу и Спасителю своему, и кто въ лице только благословляетъ Бога, тая въ сердцѣ своемъ богопротивное нечестіе и развращеніе, — попустилъ для того, чтобы такимъ образомъ тѣмъ большую и блистательнѣйшую награду получили истинныя чада Божіи, и тѣмъ очевиднѣе обнаружилось бы предъ всѣми внутреннее отпаденіе отъ Бога и праведное наказаніе чадъ діавола.

Всяку мерзость возненавидѣ Господь, и нѣсть любезна боящымся Его. Самъ изъ начала сотвори человѣка, и остави его въ руцѣ произволенія его: аще хощеши, соблюдеши заповѣди, и вѣру сотвориши благоволенія. Предложилъ ти огнь и воду, и на неже хощеши, простреши

руку твою; предъ человѣкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему (Сир. 15, 11—17). Господь не желаетъ ничьей погибели: *не хощу,* глаголетъ, *смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему* (Іез. 33, 11); и потому, всѣми возможными мѣрами, и гласомъ совѣсти и внушеніями вѣрныхъ служителей своихъ, и временными бѣдствіями. отклоняетъ всякаго отъ зла.

Когда же человѣкъ упорно стремится къ злу и мало по малу совершенно предается льстивымъ внушеніямъ діавола, тогда погибель нераскаянныхъ неизбѣжна: *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. 33, 22)! Потребитъ Господь нечестивыхъ, какъ бы ни было велико число ихъ, — потребить всѣхъ, какъ одного человѣка!—Такъ было и съ первымъ міромъ, преступившимъ противъ Бога и, въ ослѣпленіи отъ діавола, забывшимъ Создателя своего.

Когда гласъ Божій, въ теченіе болѣе 120 лѣтъ, устами праведнаго Ноя побуждавшій грѣшниковъ оставить путь беззаконія, не возбудилъ въ нихъ чувства раскаянія; тогда воды всемірнаго потопа смыли съ лица земли нечестіе, неомытое слезами покаянія,—и потребилась всякая плоть, отъ человѣка до скота, кромѣ вѣрнаго Богу Ноя и бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ (Быт. 7, 23).

И это *малое древо* (Прем. 10, 4), среди всеобщей гибели, спасавшее Церковь Божію въ лицѣ одного праведника и его благословеннаго сѣмени, какъ сильно должно было поражать врага нашего, діавола, среди новаго торжества его о погибели человѣковъ,—особенно же, когда послѣ потопа и принесенія Богу благодарственной и умилостивительной жертвы, явилась на небѣ радуга, знаменіе примиренія!

Но неистощимъ въ коварной злобѣ своей врагъ нашъ! Въ самомъ семействѣ Ноевомъ открылся человѣкъ, къ

сердцу котораго онъ нашелъ себѣ прямой доступъ: нечестивый Хамъ, уничижившій, вопреки внушенію Божію, своего отца, и чрезъ то навлекшій на себя его проклятіе, сдѣлался новымъ родоначальникомъ нечестивыхъ.

Но духъ злобы теперь ясно видѣлъ, что и самые нечестивцы, усматривая повсюду еще свѣжіе слѣды всемірной казни за безбожное забвеніе святой вѣры, не могутъ болѣе сомнѣваться въ бытіи праведнаго Мздовоздателя, и потому, постепенно увлекъ ихъ въ другую бездну нечестія; онъ внушилъ имъ *измѣнить славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ* (Рим. 1, 23): распространилась тьма идолопоклонства! Такимъ-то образомъ, подъ видомъ идоловъ, діаволъ сталъ удостоиваться отъ нечестивыхъ не подобающей ему Божеской чести: ему воздвигаются жертвенники, ему приносятся жертвы!

Чтобы успѣшнѣе держать людей въ заблужденіи, врагъ діаволъ—то поселяется въ боготворимыхъ истукановъ, и прорицаніями своими, хотя часто лживыми, утверждаетъ въ суевѣрномъ народѣ власть свою, то *дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія* (Еф. 2, 2), къ ихъ собственной и общей гибели!

Но, по благодати Божіей, въ тоже время, на борьбу съ нечестіемъ, съ дѣлами тьмы и духомъ злобы, возбуждаются Богомъ истинныя чада Его. И вотъ, начиная съ отца вѣрующихъ Авраама, который, по повелѣнію Божію, оставилъ зараженныя идолослуженіемъ домъ, родъ и отечество,—открывается новая сильнѣйшая брань благодатнаго царства Божія, ограждаемаго вѣрою въ грядущаго Искупителя, съ язычествующимъ царствомъ міродержителя тьмы вѣка сего!

На скрижаляхъ священной исторіи *явлены чада Божія и чада діавола* (1 Іоан. 3, 10)—такъ очевидно, что и

разительнѣйшихъ примѣровъ невозможно перечислить здѣсь.

Изнемогали въ борьбѣ съ духомъ злобы и самые избранники Божіи, всегда малые числомъ, и нерѣдко падали; хотя *праведникъ, аще и падетъ, не разбіется*, но возопіетъ къ Богу о помощи, и востанетъ! А что было бы съ великимъ множествомъ людей малодушныхъ, которые, повидимому, и рады были остаться вѣрными Богу истинному, но не могли устоять противъ искушеній льстиваго врага и злыхъ козней его! Всѣмъ имъ угрожала конечная гибель!..

Но *укрѣпитеся*, говоритъ Пророкъ, *руцѣ ослабленыя, и колѣна разслабленая. Утѣшитеся малодушніи умомъ, укрѣпитеся, не бойтеся: се Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ, Той пріидетъ, и спасетъ насъ* (Ис. 35, 3—5).

И дѣйствительно, во исполненіе временъ, пришелъ въ міръ обѣтованный Спаситель человѣковъ, долженствовавшій стереть главу древне-злобнаго змія и *разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 10). Онъ самъ, Господь нашъ, претерпѣлъ искушеніе отъ діавола, послѣ сорокодневнаго поста въ Іорданской пустыни, и побѣдилъ его словомъ Божіимъ (Матѳ. гл. 4); и хотя во все продолженіе общественнаго служенія своего роду человѣческому, безпрерывно подвергался гоненію, клеветамъ и ожесточенной злобѣ нечестивыхъ іудеевъ,—явно, дѣйствовавшихъ по наущенію духа тьмы, но своею святѣйшею жизнію, стяжавъ по человѣчеству благоволеніе Отца небеснаго и чрезвычайное обиліе даровъ Духа Святаго, Онъ одержалъ надъ врагомъ совершенную побѣду, — *видѣлъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18), и, *связавъ крѣпкаго* (Матѳ. 12, 26—29), торжественно возвѣстилъ: *нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего* (діаволъ) *изгнанъ будетъ вонъ* (Іоан. 12, 31).

И точно, Христосъ Спаситель не только самъ изгонялъ бѣсовъ, иногда цѣлыми легіонами, но и ученикамъ своимъ *даде власть на духъхъ нечистыхъ, да изгонятъ ихъ* (Матѳ. 10, 1); и эту власть особенно утвердилъ за ними послѣ того, какъ своею крестною *смертію упразднилъ*, побѣдилъ окончательно *имущаго державу смерти, сирѣчь діавола* (Евр. 2, 14), и по воскресеніи своемъ послалъ ихъ по всему міру, *отверсти очи* людей, *да обратятся отъ тмы въ свѣтъ, и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ, и достояніе во святыхъ, вѣрою* (Дѣян. 26, 18).

Однакожъ, это обращеніе *отъ области сатанины къ Богу*, изъ язычества въ христіанство, изъ служенія духу тьмы въ званіе чадъ Божіихъ, очевидно, могло совершаться и совершается не иначе, какъ по добровольному отреченію отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его, и отъ всея гордыни его, тѣхъ, кои и по грѣху прирожденному, и по собственному нечестію, были *живи уловлени отъ него, въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26). И рабамъ Господнимъ, благовѣствующимъ спасеніе, заповѣдано не иначе исхищать у діавола плѣненныхъ имъ, какъ посредствомъ кроткаго вразумленія самихъ же этихъ плѣнниковъ: *съ кротостію наказуя противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ діавольскія сѣти* (2 Тим. 2, 25).

Но легко ли выпутаться изъ сѣтей діавола? Правда, пораженный крестомъ Христовымъ, онъ сдѣлался совершенно безсильнымъ въ пораженіи истинныхъ чадъ Божіихъ, и уже не могутъ быть *обидимы отъ сатаны* тѣ, которые *не не разумѣваютъ умышленій его* (2 Кор. 2, 11). Но, чѣмъ живѣе чувствуетъ врагъ нашъ свое безсиліе, тѣмъ болѣе старается дѣйствовать хитростію, и потому брань его тѣмъ опаснѣе и пагубнѣе для неосторожныхъ.

Видя разрушающимся свое царство, въ смертельномъ пораженіи своемъ,— находясь, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи, супостатъ нашъ съ жесточайшею яростію употребляетъ всѣ свои, извѣданные вѣками, умыслы, всѣ свои адскія козни и всевозможныя усилія, чтобы и удержать въ своей власти свои исчадія, и совратить съ истиннаго пути чадъ Божіихъ, или по крайней мѣрѣ озлобить ихъ самыми тяжкими испытаніями.

У однихъ ослѣпляетъ онъ *разумы, во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія Христова* (2 Кор. 4, 4); у другихъ, для которыхъ уже возсіялъ этотъ свѣтъ, — *взимаетъ слово Божіе отъ сердецъ ихъ, да не, вѣровавше, спасутся* (Лук. 8, 14), или же посѣваетъ плевелы, ложное ученіе, ереси и расколы, тамъ, гдѣ Христосъ Спаситель, Его божественные Апостолы и св. отцы, посѣяли *доброе сѣмя* (Матѳ. 13, 37), ученіе здравое, незазорное; то, наконецъ, съ неумолимою злобою, дѣйствуя *въ сынѣхъ противленія,*—преслѣдуетъ гоненіями и тяжкими бѣдствіями людей благочестивыхъ, и *всаждаетъ* вѣрныхъ воиновъ Христовыхъ *въ темницы, да искусятся* (Апок. 2, 10).

Но *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй* новаго *Израиля,* Спаситель міра, Господь нашъ Іисусъ Христосъ!— Онъ хочетъ, чтобы и хранимые Имъ, вѣрные послѣдователи Его бодрствовали на стражѣ своего спасенія: „*бдите убо,* заповѣдуетъ, *и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. 26, 41). *Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ* (Марк. 9, 29).“ Побѣдитель діавола, облекши вѣрующихъ въ Него божественною властію наступать на *всю силу вражію,* хочетъ, чтобы они не только наступали на врага, какъ на побѣжденнаго уже, но и сами преодолѣвали его, — чтобы не только воспользовались плодами Христовой побѣды, но и сами содѣлались побѣдителями и воцарились со Хри-

стомъ: *побѣждающему*, сказалъ Господь, *дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его* (Апок. 3, 21).

Вотъ почему брань съ діаволомъ, съ духами злобы, и въ благодатномъ царствѣ Христовомъ не только не прекратилась, но сдѣлалась, можно сказать, еще упорнѣйшею и тягчайшею, при обильнѣйшемъ дарованіи подвижникамъ Христовымъ *божественныхъ силъ, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). И хотя, по божественному обѣтованію Спасителя, врата адовы не преодолѣютъ Церкви Христовой (Матѳ. 16, 18); но всѣмъ чадамъ Церкви, какъ самъ Господь, такъ и божественные Апостолы Его непрестанно внушаютъ быть неослабными въ борьбѣ со врагами спасенія, которая окончится только съ окончаніемъ міра,—*аще не пріидетъ отступленіе прежде, и откроется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ* Христовъ, или антихристъ, *егоже Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія своего: егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіихъ и чудесѣхъ ложныхъ, и во всякой лсти неправды въ погибающихъ* (2 Сол. 2, 3—10).

Видите, братія, какъ упорно и непрерывно всегда дѣйствовалъ и дѣйствуетъ врагъ рода человѣческаго на нашу погибель! Это ясно показываетъ, что его вражда противъ насъ не есть случайная и временная, но началась еще въ раю и окончится только предъ вратами новаго рая, уготованнаго въ царствіи небесномъ.

Напечатлѣемъ же твердо въ умѣ и сердцѣ своемъ предостерегательное наставленіе св. апостола Петра: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). А чтобы сколько нибудь понять умышленія и дѣйствія

сатаны противъ каждаго изъ насъ въ особенности, замѣтимъ нѣсколько словъ изъ духовныхъ опытовъ о дѣйствіи злыхъ духовъ побѣдоноснаго подвижника Христова, св. Антонія великаго!

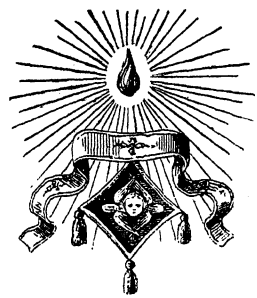
„Злые духи,“ говоритъ онъ, „различнымъ образомъ стараются привлечь насъ ко грѣху. Они скрываютъ какъ ненависть свою къ намъ, такъ и враждебныя дѣйствія противъ насъ; внушаютъ намъ богохульныя мысли; побуждаютъ сомнѣваться въ истинахъ вѣры, чтобы привесть насъ къ невѣрію; потемняютъ разумъ нашъ; раждаютъ въ сердцѣ нашемъ порочныя желанія; повергаютъ насъ въ унынie и отчаяніе; возбуждаютъ въ насъ гнѣвъ, раждаютъ и укрѣпляютъ въ насъ склонность осуждать другихъ, но всегда оправдывать самихъ себя; научаютъ насъ злословить ближнихъ нашихъ, ласково, и дружелюбно говорить съ тѣми, къ коимъ мы, по ихъ же внушенію, питаемъ сильную ненависть; показываютъ намъ внѣшніе недостатки ближняго, но скрываютъ отъ насъ наше собственное внутреннее развращеніе; производятъ между нами распри и несогласія, когда мы, по ихъ внушенію, почитаемъ себя лучше другихъ. Сверхъ сего, они побуждаютъ насъ предпринимать такія дѣла, которыя превышаютъ наши силы, и отклоняютъ насъ отъ исполненія того, что для насъ нужно и спасительно. Когда мы должны плакать, они побуждаютъ насъ смѣяться: когда мы должны радоваться, они производятъ въ сердцѣ нашемъ печаль.“ [1]

Прочее же, братіе моя, вѣщаетъ къ намъ божественный Павелъ, *возмогайте во Господѣ, и въ державѣ крѣпости Его. Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діаволскимъ. Яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и*

[1] Христ. чт., 1826 г., ч. XXIII, стр. 180.

ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Сего ради пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати. Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и облекшеся въ броня правды, и обувше нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира; надъ всѣми же восприимше щитъ вѣры, въ немже возможете вся стрѣлы лукаваго разжженныя угасити, и шлемъ спасенія воспріимите, и мечь духовный, иже есть глаголъ Божій: всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ (Еф. 6, 10—18).

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго! Аминь.



ЧЕРТЫ ДѢЯТЕЛЬНОЙ ЛЮБВИ КЪ БЛИЖНИМЪ. [1]

И (возлюбиши) ближняго своего, яко самъ себе (Лук. 10, 27).

Притча о милосердомъ самарянинѣ, которую вы слышали, братія, въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, съ удивительною ясностію и силою рѣшаетъ вопросъ: кто ближній нашъ, котораго мы должны любить, какъ самого себя?

Съ этимъ вопросомъ, какъ видно изъ направленія евангельскаго слова, въ тѣснѣйшей связи находится другой: что надобно дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?

Законникъ, вопрошавшій объ этомъ Божественнаго Учителя, съ намѣреніемъ искусить Его, долженъ былъ сознаться, что по предписанію закона Божія, желающіе удостоиться вѣчной жизни должны возлюбить Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею крѣпостію своею, и всѣмъ разумѣніемъ своимъ, и ближняго своего—какъ самого себя. Но когда Христосъ Спаситель сказалъ законнику: „правильно ты отвѣчалъ; такъ поступай, и будешь жить,“ — то онъ, желая оправдать себя, предложилъ вопросъ: „а кто мой ближній?“— На это-то Іисусъ Христосъ сказалъ притчу о милосердомъ самарянинѣ.

[1] Слово въ недѣлю 25-ю по пятидесятницѣ, сказанное въ Исаакіевскомъ соборѣ, 29 ноября 1864 г.

На странника, шедшаго изъ Іерусалима въ Іерихонъ, напали разбойники, ограбили его, изранили и, среди большой дороги, оставили едва живымъ. По случаю шелъ тою дорогою одинъ іерусалимскій священникъ; но, увидѣвъ несчастнаго, даже и не остановился, а прошелъ мимо. Затѣмъ приблизился къ тому мѣсту другой, низшій служитель церкви—левитъ: этотъ подошелъ къ больному, посмотрѣлъ на него, и — прошелъ мимо. Наконецъ, проѣзжаетъ тѣмъ же путемъ самарянинъ—человѣкъ другой вѣры, другаго племени, и притомъ племени враждебнаго іудеямъ, слѣдовательно такой человѣкъ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать дѣятельнаго участія въ бѣдственномъ положеніи несчастнаго, оставленнаго въ пренебреженіи своими единоплеменниками и единовѣрцами, и притомъ лицами священными, которыя самимъ Богомъ поставлены на то, чтобы руководить людей къ добру не только словомъ, но и примѣромъ своей собственной жизни. Однакожь этотъ проѣзжающій самарянинъ, увидѣвъ ограбленнаго разбойниками, сжалился надъ нимъ. И подошедши, перевязалъ ему раны, возливая масло и вино; и, посадивъ его на своего осла, привезъ его въ гостинницу, и позаботился о немъ. А на другой день, отъѣзжая, вынулъ два динарія, далъ содержателю гостинницы, и сказалъ ему: „позаботься о немъ: и если издержишь что болѣе, я, когда возвращусь, отдамъ тебѣ.“

„Кто изъ сихъ троихъ“, спросилъ Господь законника,— „былъ ближній попавшемуся разбойникамъ?“ Онъ отвѣчалъ: „тотъ, кто оказалъ ему милость.“ Тогда Іисусъ Христосъ сказалъ: „иди, и ты поступай также.“

Этимъ законнику, а въ лицѣ его и каждому изъ насъ, Спаситель говоритъ какбы такъ: „ты, повидимому, готовъ любить ближняго, какъ самого себя; но остаешься въ

недоумѣніи: кого изъ людей надобно считать ближнимъ? Твое недоумѣніе тотчасъ исчезнетъ, какъ скоро ты поставишь себя на мѣстѣ всякаго встрѣчнаго человѣка, а его — на своемъ."

„Вотъ видишь ты передъ собою, или слышишь отъ очевидцевъ, что такой-то находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи: самые близкіе къ нему люди отреклись отъ него; изнывая въ тяжкихъ страданіяхъ, всѣми покинутый, онъ долженъ преждевременно умеретъ. Ты можешь помочь ему, но не чувствуешь къ тому сильнаго побужденія, единственно отъ того, что вовсе незнакомъ съ нимъ, что онъ тебѣ чужой, или даже—врагъ твой. Поставь же себя на его мѣстѣ, а его — на своемъ. Тогда поймешь, нужно ли тебѣ, и что именно нужно сдѣлать,— чтобы уразумѣть, кто ближній твой, и исполнить обязанность по отношенію къ нему."

Братія христіане, если мы искренно желаемъ исполнить заповѣдь о любви къ ближнимъ, — безъ чего не можемъ наслѣдовать жизни вѣчной, — то постараемся напечатлѣть въ своемъ умѣ и сердцѣ тѣ черты, въ которыхъ изобразилъ Господь любовь къ ближнему въ лицѣ самарянина.

Упоминаемый въ притчѣ самарянинъ — при видѣ несчастнаго іудея, избитаго разбойниками, забылъ о той враждѣ, въ которой находились эти два народа, чуждавшіеся другъ друга, презиравшіе, ненавидѣвшіе одинъ другаго,—отвергнулъ предразсудки своихъ соотечественниковъ, самарянъ, и посмотрѣлъ на іудея, который имѣлъ нужду въ его помощи, не какъ на врага, а какъ на своего ближняго. Такова истинная любовь: она простираетъ благодѣтельное вліяніе свое на всѣхъ людей, безъ различія какихъ либо отношеній личныхъ, политическихъ и даже религіозныхъ. Поэтому, если намъ представ-

ляется возможность оказать пособіе кому нибудь,— не станемъ разбирать, кто это — другъ или врагъ, — а будемъ довольствоваться тѣмъ, что это человѣкъ, такой же, какъ и мы.

При видѣ несчастнаго іудея, самарянинъ почувствовалъ къ нему самое нѣжное состраданіе: *и видѣвъ его, милосердова,* сжалился надъ нимъ. Это другая черта истинной любви. Посудите, братія, если такая жалость могла высказываться въ самарянинѣ къ иноплеменнику: то христіанинну ли не имѣть этого чувства, при видѣ бѣдствій человѣка, особенно приснаго въ вѣрѣ? Христіанинъ имѣетъ много и особенныхъ побужденій питать въ себѣ благородное чувство нѣжнаго состраданія къ несчастіямъ своего ближняго. Для насъ, братія христіане, всякій бѣдствующій долженъ казаться не только человѣкомъ, но и другомъ, братомъ: коль скоро мы соединены съ нимъ одною вѣрою, то у насъ и одни таинства, и одно счастіе земное, и однѣ надежды небесныя: *едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра; едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ* (Еф. 4, 4—6). Если мы истинные христіане, то всякій стонъ скорбящаго долженъ отзываться въ нашемъ сердцѣ страданіями самого Господа, который, для спасенія насъ отъ вѣчныхъ мученій, претерпѣвалъ всякаго рода бѣдствія, и среди ихъ — не преставалъ съ отеческою нѣжностію умолять о любви и благотворительности, — и наконецъ торжественно объявилъ всѣмъ, что въ лицѣ меньшей братіи, угнетаемой скорбями и бѣдствіями, Онъ самъ терпитъ, и къ Себѣ самому относитъ всякое изъявленіе истиннаго участія въ положеніи страждущихъ.

Состраданіе самарянина не было чувствомъ безплоднымъ. Онъ не ограничился какою либо пустою жалостію, какими нибудь безполезными вздохами, но самымъ дѣ-

ломъ доказалъ свое соболѣзнованіе: онъ пріостановилъ свое путешествіе; можетъ быть время было для него очень дорого, но онъ забылъ свои нужды для нуждъ другаго— и не пожалѣлъ трудовъ, можетъ быть не совсѣмъ для него привычныхъ,— превозмогъ свое отвращеніе къ ранамъ несчастнаго, внимательно осмотрѣлъ ихъ, промылъ, перевязалъ.

Но при этомъ понадобилось вино, чтобъ очистить раны отъ накопившагося гноя, и чтобъ удержать теченіе крови; понадобилось и деревяное масло, чтобъ умягчить израненныя мѣста, и облегчить боль, причиняемую язвами. Самарянинъ имѣлъ при себѣ нѣсколько масла и вина,— конечно для собственнаго употребленія; но когда увидѣлъ онъ крайнее положеніе другаго,— охотно пожертвовалъ собственностію.

Такъ истинная любовь, для блага ближняго, отказываетъ себѣ не только въ излишнемъ, но и въ необходимомъ,— въ полной увѣренности, что всякое пожертвованіе въ этомъ случаѣ не есть потеря, а пріобрѣтеніе,— что человѣкъ благотворительный, такъ сказать, богатѣетъ по мѣрѣ своихъ лишеній, находитъ въ нихъ для себя самое высокое наслажденіе. Будемъ же, братія христіане, и мы помнить, что, по свидѣтельству слова Божія: *иже даетъ убогимъ — не оскудѣетъ* (Притч. 28, 27).

Не довольствуясь издержками и уже понесенными трудами, милосердый самарянинъ принимаетъ на себя новый трудъ для ближняго, такъ какъ этотъ ближній, несмотря на оказанное ему пособіе, еще не въ состояніи былъ подняться на ноги. Онъ сажаетъ несчастнаго на своего осла, а самъ идетъ пѣшкомъ до гостинницы, и тамъ продолжаетъ свое попеченіе объ немъ.

Такъ истинная любовь не ограничивается пожертвованіемъ и первою услугою, но присоединяетъ къ тому

новыя услуги, и сама подвергаетъ себя неудобствамъ, чтобы избавить отъ нихъ ближняго. Такъ всегда и во всѣ времена поступали всѣ истинные христіане; такъ будемъ поступать, братія, и мы, если не желаемъ остаться христіанами только по одному имени.

Наконецъ милосердый самарянинъ не окончилъ своей благотворительности и тѣмъ, что доставилъ іудею спокойное пристанище, гдѣ онъ могъ имѣть всѣ пособія необходимыя въ его положеніи. Благодѣтель позаботился о будущности несчастнаго, и, оставляя гостинницу, далъ денегъ хозяину, просилъ не жалѣть издержекъ для помощи больному, и обѣщалъ уплатить за нее по возвращеніи своемъ. Вотъ до чего, братія, простирается истинная любовь къ ближнему: она не останавливается на потребностяхъ настоящей минуты, но желаетъ исчерпать до дна всю глубину скорби ближняго, и успокоивается только тогда, когда осушитъ и послѣднюю его слезу. Если такова любовь къ ближнему была въ самарянинѣ; то не иною можетъ она и должна быть и въ каждомъ изъ насъ, возлюбленные о Христѣ братія! Если точно дѣйствуетъ въ насъ истинная любовь къ ближнему, то мы не можемъ не оказывать во всемъ усердную помощь всякому нуждающемуся, — столько, сколько намъ Господь далъ на это силъ и средствъ.

Случаевъ показать на дѣлѣ такую святую любовь— безчисленное множество: на каждомъ шагу нашего жизненнаго пути, – даже и сейчасъ, у порога сего святилища, мы можемъ встрѣтить нашихъ ближнихъ, чрезъ которыхъ весьма удобно отдать *взаимъ Богови* то, что отъ Него же получено, — для воздаянія въ жизни вѣчной.

Но вотъ, братія христіане, всѣмъ вамъ представляется и особенный случай показать дѣятельное участіе въ судьбѣ нашихъ ближнихъ. Кто изъ васъ не слыхалъ

о тѣхъ страшныхъ пожарахъ, которые истребили одинъ изъ цвѣтущихъ и многолюднѣйшихъ городовъ нашего любезнаго отечества? Кто не слыхалъ о многихъ тысячахъ несчастныхъ гражданъ симбирскихъ, которые при этомъ остались безъ пристанища, безъ одежды, безъ дневнаго пропитанія, а иные — въ ужаснѣйшихъ страданіяхъ отъ язвъ и болѣзней, причиненныхъ имъ страшнымъ бѣдствіемъ? Они-то, и между ними преимущественно бѣдствующіе служители алтаря, наши присные молитвенники, взываютъ къ намъ о помощи. Не будемъ же, братія, глухи и безчувственны къ этому жалостному воплю страдальцевъ: поможемъ имъ, по силѣ возможности, и Господь не оставитъ насъ своею безпредѣльною милостію. Такъ называемое хозяйственное управленіе при святѣйшемъ Сѵнодѣ съ любовію принимаетъ отъ доброхотныхъ дателей въ пользу несчастныхъ, для немедленнаго доставленія имъ, всякую жертву, за которую воздастъ намъ Господь сторицею, и въ семъ и въ будущемъ вѣкѣ. Аминь.

О БЕЗУМІИ ЛЮБОСТЯЖАТЕЛЕЙ.[1]

И рече богатый: *се сотворю: разорю житницы моя, и большія созижду, и соберу ту вся жита моя и благая моя; и реку души моей: душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися. Рече же ему Богъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 18—20)?

Безумнымъ назвалъ самъ Богъ того, упоминаемаго въ нынѣшнемъ чтеніи Евангелія, человѣка богатаго, который, по случаю обильнаго урожая на его нивахъ, не обнаружилъ въ себѣ не только добраго сердца, но и здраваго, а тѣмъ болѣе просвѣщеннаго вѣрою, разсудка, ни *во взглядѣ* на ниспосылаемыя ему свыше земныя блага, считая ихъ своими и для себя лишь одного,—ни въ своемъ предположеніи о способѣ *употребленія* ихъ, полагая истратить ихъ на однѣ чувственныя удовольствія,—ни, наконецъ, въ назначеніи себѣ *предѣла* своей невоздержной жизни, мечтая еще о лѣтахъ многихъ, наканунѣ своей смерти!

Возлюбленные братія христіане! Никто изъ насъ, конечно, не станетъ оправдывать человѣка, котораго самъ Богъ осудилъ; но не въ томъ сила притчи Христовой:

[1] Слово въ недѣлю 26-ю по пятидесятницѣ, сказанное 25 ноября 1851 г. въ Казанскомъ соборѣ.

Господь требуетъ чтобы мы, выразумѣвъ все безразсудство представленнаго намъ и свойственнаго всѣмъ любостяжательнымъ образа мыслей, чувствованій и предпріятій, вникнули потомъ въ свою собственную душу, не оказалась бы и она виновною въ томъ же и достойною вѣчнаго осужденія. Ибо, по словамъ вселенскаго учителя, котораго во всю землю изыде вѣщаніе, св. Василія великаго,[1] — „для сего и написано, чтобы мы избѣгали подобнаго!“

1. Итакъ, предположивъ себѣ такую цѣль, обратимъ въ настоящемъ словѣ все наше вниманіе вопервыхъ на то, какъ въ самомъ дѣлѣ безразсуденъ взглядъ на земныя блага, обыкновенно отличающій людей любостяжательныхъ, и какъ онъ пагубенъ для нихъ самихъ, хотя бы они отнюдь не употребляли къ пріобрѣтенію этихъ благъ никакихъ средствъ противузаконныхъ и очевидно-безчестныхъ.

Принимая обиліе даровъ земныхъ изъ рукъ всещедраго Бога Промыслителя, человѣкъ любостяжательный какъ-будто вовсе не примѣчаетъ ни того, что *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17), ни того, что дары сіи даются только въ его распоряженіе, и притомъ временное, не для него одного, но съ присоединеніемъ и законныхъ соучастниковъ—всѣхъ терпящихъ нужду ближнихъ.

Не зная, или лучше, вовсе не желая знать этихъ самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ между христіанами истинъ, любостяжательный является существомъ неблагодарнѣйшимъ предъ Богомъ: ибо не только не употребляетъ полученныхъ отъ Него благъ на дѣла благочестія, во славу Его, своего небеснаго Благодѣтеля, но даже совсѣмъ

---

[1] Въ словѣ на текстъ: *разорю житницы моя, и большія созижду.*

забываетъ о Немъ, и не приноситъ Ему въ жертву благодарности духа сокрушеннаго и сердца смиреннаго.

Столько же безчувственнымъ и безумно самолюбивымъ оказывается онъ и въ отношеніи къ своимъ собратіямъ, соучастникамъ даровъ Божіихъ. Ему бы надлежало дѣлиться съ ними всѣмъ достояніемъ своимъ, по мѣрѣ ихъ нуждъ; но онъ, среди самаго изобилія, наполняющаго его сокровищницы, весьма часто терзается при одной мысли о томъ, какъ бы что нибудь не перешло изъ нихъ въ чужія руки, и не было случаемъ къ облагодѣтельствованію неимущихъ.

„Мнѣ кажется," говоритъ св. Василій великій, „страсть души его похожа на страсть обжоръ, которые хотятъ лучше разорваться отъ ненасытности, нежели отъ остатковъ удѣлить что нибудь бѣднымъ!" О, „человѣкъ!" восклицаетъ къ нему Святитель, „размысли, отъ кого ты получилъ сіе, вспомни о себѣ самомъ: кто ты? для чего собираешь? отъ кого принялъ? для чего предпочтенъ другимъ? Ты слуга благаго Бога, ты экономъ собратій твоихъ. Не думай, чтобы все было приготовлено для твоего чрева; о томъ, что у тебя въ рукахъ, думай какъ о чужомъ; оно недолго будетъ веселить тебя; скоро послѣдуетъ отливъ, и отъ тебя потребуется строгій отчетъ."—

Но любостяжательный не такъ понимаетъ вещи, и не пріемлетъ сихъ внушеній правды и любви. „Кого я обижаю, говоритъ онъ, если не даю моего собственнаго?"

„Скажи мнѣ," вопрошаетъ тотъ же вселенскій учитель, „что у тебя есть собственное? Гдѣ взялъ, и откуда принесъ ты оное въ сію жизнь? Не нагъ ли ты вышелъ изъ чрева матерняго? Не нагъ ли и опять возвратишься въ землю? Имущество твое откуда къ тебѣ пришло? Если ты скажешь отъ случая, то ты безбожникъ, незнающій Творца и неблагодарящій давшаго тебѣ

оное. Если же ты признаешься, что оно отъ Бога, то скажи, для какой цѣли ты получилъ оное? Для чего ты богатъ, а тотъ бѣденъ? Конечно для того, чтобы и ты получилъ воздаяніе за щедрость, за вѣрное распоряженіе ввѣренными тебѣ благами; чтобы и онъ почтенъ былъ великими наградами за терпѣніе. А ты, все захватывая въ ненаполняемыя нѣдра любостяжанія, не ужели думаешь, что никого не обижаешь, лишая нужнаго столь многихъ людей,—присвояя себѣ одному то, что принялъ только для распоряженія? Алчущему принадлежитъ хлѣбъ, который ты у себя удерживаешь; нагому одежда, которую ты бережешь въ кладовыхъ своихъ; босому обувь, которая у тебя гніетъ; бѣдному серебро, которое у тебя закопано. Такимъ образомъ, ты столь многихъ обижаешь, сколь многимъ можешь помочь!"

Вотъ истина, которой никакъ не можетъ понять любостяжательный, всегда озабоченный только своими собственными выгодами, единственной вещію, для него совершенно понятною. Нужды ближняго какъ будто вовсе не касаются до него; ихъ слезы не производятъ въ немъ сожалѣнія; стенанія собратій не смягчаютъ его сердца; онъ непреклоненъ и неумолимъ.

Онъ смотритъ, по словамъ Василія великаго, только на золото, а на брата и не посмотритъ; знаетъ надпись на деньгахъ, умѣетъ различать хорошую монету отъ поддѣльной, брата же въ бѣдности совершенно не знаетъ; любуется блескомъ золота, а на то и вниманія не обращаетъ, какъ стонетъ несчастный, идущій за нимъ! И все это происходитъ отъ его безразсуднаго взгляда на блага земныя, какъ на собственность, ему одному принадлежащую.

2. Но отъ сего безумія раждается другое, еще большее безуміе, обнаруживаемое въ мечтахъ любостяжатель-

наго о томъ, *на что ему употребить* собранныя имъ сокровища.

Можетъ быть, въ душѣ его еще могло бы пробудиться чувство состраданія и милосердія; но ему не время и не охота разсуждать о чужихъ бѣдствіяхъ, потому именно, что всѣ мысли и чувства его заняты представленіемъ того, сколько будетъ доставлено ему самому удовольствій, посредствомъ доставшихся въ его руки сокровищъ. И что же говоритъ несмысленный богачъ? — *Душа! много лежитъ у тебя добра, на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись* на всякъ день (Лук. 12, 19).

„О безуміе,“ восклицаетъ великій святитель Василій, коего вся жизнь была молніею, а ученіе громомъ, — „о безуміе! если бы ты имѣлъ свиную душу, какую бы радость, если не туже возвѣстилъ ей? Уже ли столько уподобился скотамъ, столько безуменъ по отношенію къ благамъ души, что питаешь ее пищею плотскою, и душѣ предлагаешь то, что пріемлетъ желудокъ? Если она добродѣтельна, или исполнена добрыхъ дѣлъ, или уподобилась Богу; то, конечно, имѣетъ много благъ и должна веселиться благимъ веселіемъ души. Поелику же заботишься о земномъ, имѣешь чрево твое богомъ, и весь сдѣлался плотянъ отъ порабощенія твоимъ страстямъ; то выслушай отзывъ, достойный тебя, который не человѣкъ какой нибудь, но самъ Господь о тебѣ произноситъ: *безумный, въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что заготовилъ* (Лук. 12, 20)?

3. „Тягостнѣе,“ по словамъ великаго іерарха Кесаріи каппадокійской, „тягостнѣе вѣчнаго наказанія такое осмѣяніе безумія! Ибо тотъ, который немного спустя долженъ быть похищенъ изъ сей жизни, какія предпріемлетъ намѣренія? Пришли за его душею, а онъ разговариваетъ съ душею о яствахъ. Въ сію же ночь онъ дол-

женъ быть взятъ отселѣ, однакоже мечтаетъ о долголѣтнемъ наслажденіи!“

Ахъ, еслибъ этотъ человѣкъ еще не совсѣмъ потерялъ здравый разсудокъ, могъ ли бы онъ забыть, какъ скоротечна и кратковременна жизнь наша на землѣ,—*пара бо есть, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ* (Іак. 4, 14); могъ ли бы забыть, что никакія сокровища не спасутъ отъ смерти, *яко не отъ избытка кому животъ его есть отъ имѣнія его* (Лук. 12, 15);—что тысячи причинъ, совершенно непредвидѣнныхъ, могутъ внезапно прервать нить жизни, хотя бы все обѣщало еще многіе десятки лѣтъ впереди?

А еслибы онъ этого не забывалъ, то не только не разсчитывалъ бы на многолѣтнее наслажденіе чувственными удовольствіями, которыя и сами по себѣ всего болѣе сокращаютъ жизнь; но можетъ быть не откладывалъ бы до завтра и дѣлъ благотворенія, которыя въ состояніи исполнить сегодня, – можетъ быть послушался бы совѣта Соломонова: *не говори* просящему у тебя подаянія или пособія, *поди, и возвратись опять, завтра дамъ; ибо ты не знаешь, что породитъ наступающій день* (Притч. 3, 28); того и смотри, что завтра или тебя оставитъ богатство, или ты оставишь все свое богатство!..

Впрочемъ, завтра ли, или послѣ завтра, въ нынѣшній ли годъ, или въ слѣдующій, но непремѣнно придетъ, не закоснитъ, не умедлитъ та страшная ночь, или тотъ несчастный день, въ который *душу твою истяжутъ отъ тебе;* и когда ты бросишь послѣдній взглядъ на все минувшее, не покажется ли тебѣ вся жизнь твоя сновидѣніемъ жалкаго бѣдняка, который, во время сна мечтавъ о золотѣ и серебрѣ, по пробужденіи находитъ себя съ пустыми руками? *Ничесоже бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6, 7)!

Когда же душа твоя, и сердцемъ, и мыслями, и желаніями какбы сросшись съ благами міра сего, должна будетъ въ часъ смерти разлучиться съ ними, то думаешь ли, что менѣе будетъ она тогда испытывать терзаній, чѣмъ тотъ, съ кого сдираютъ кожу?

Прiиди же нынѣ, взываетъ къ тебѣ Апостолъ, *и плачися, и рыдай о лютыхъ скорбехъ* твоихъ, *грядущихъ на* тя (Iак. 5, 1), въ горестныя минуты бѣдственной кончины твоей и потомъ! Уже готово для тебя и надгробіе, начертанное Духомъ Божіимъ: *„се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею* (Пс. 51, 9) и безумiемъ своимъ! И *погибе память его съ шумомъ* (Псал. 9, 7), *и не обрѣтеся мѣсто его* (36, 36)!“

Такимъ-то образомъ богатство, которое, какъ даръ Божій, можетъ и должно быть употреблено во славу Божію, къ пользѣ ближнихъ и къ собственному спасенію обладающаго имъ, дѣлается виною временной и вѣчной погибели человѣка, отъ безумнаго пристрастія къ нему сердца человѣческаго, какбы къ единственной цѣли своего бытія, — отъ столько же безумнаго предназначенія его на дѣла суетныя и душевредныя, и наконецъ, всего болѣе, отъ безразсуднаго забвенія о неизвѣстномъ, но неизбѣжномъ концѣ нашей земной жизни!

Поймите же, возлюбленные братія христіане, вы, которыхъ Господь благословилъ обиліемъ земныхъ благъ, и примите къ своему сердцу и въ правила своей жизни слѣдующее завѣщаніе св. апостола Павла къ возлюбленному ученику его Тимоѳею: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати*, не высоко думать о себѣ, *ниже уповати на богатство погибающее*, ненадежное, *но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе; благое дѣлати, богатитися въ дѣлѣхъ доб-*

рыхъ, обогащаться добрыми дѣлами, *благоподатливымъ быти, общительнымъ, сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее, да пріимутъ вѣчную жизнь* (1 Тим. 6, 17. 18. 19).

И потому, *богатство аще течетъ, не прилагайте къ нему сердца своего* (Псал. 61, 11), чтобы и при немъ сохранять блаженную *нищету духа,* которая, бывъ основаніемъ любви истинно-христіанской, научитъ васъ довольствоваться малымъ, имѣя даже многое, а все излишнее—считать наслѣдіемъ и достояніемъ бѣдныхъ.

Тогда и самое богатство не только не попрепятствуетъ вамъ улучить спасеніе, но и будетъ способствовать къ пріобрѣтенію неоскудѣваемыхъ *сокровищъ на небеси* (Матѳ. 6, 20); тогда не только безтрепетно и непостыдно встрѣтите часъ своей кончины, и всѣ земныя блага оставите съ такимъ же равнодушіемъ, какъ оставляютъ старую, уже негодную къ употребленію одежду; но и на самомъ страшномъ судѣ Божіемъ, съ дерзновеніемъ предстанете нелицепріятному Судіи, который вамъ скажемъ: *пріидите, благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра; ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ пѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня,* въ лицѣ меньшей Моей братіи (Матѳ. 25, 34. 35. 36)!

Вы же, возлюбленные братія, нищіе и худородные міра сего, которыхъ Господь искушаетъ лишеніями и нуждами, какъ *злато* въ горнилѣ, *долготерпите, братіе моя, до пришествія Господня,* когда вѣрно не пожалѣете, что не были богаты въ земной жизни благами тлѣнными; долготерпите! *Се земледѣлецъ ждетъ честнаго плода отъ земли, долготерпя о немъ, дондеже пріиметъ дождь ранъ и поздень. Долготерпите убо и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествіе Господне приближися. Не воздыхайте другъ на друга, братіе, да не осуждени будете: се Судія предъ дверми стоитъ* (Іак. 5, 7. 8. 9)! Аминь.

О НЕСВОЕВРЕМЕННОМЪ УДАЛЕНІИ ИЗЪ ХРАМА.[1]

„Допросите взаимно другъ друга стоять такъ же, какъ стояли; а если кто двинется съ своего мѣста, постарайтесь удержать его.“

Такъ говорилъ въ свое время св. Іоаннъ Златоустъ противу тѣхъ, которые уходятъ изъ церкви прежде окончанія божественной литургіи.

Благочестивые слушатели! Вы, конечно, не удивитесь началу нашего слова, если обратите вниманіе на то, что обыкновенно происходитъ въ этомъ св. храмѣ—въ минуты, подобныя настоящимъ. Лишь только проповѣдникъ восходитъ на каѳедру, иные стараются подойти къ ней поближе, но другіе спѣшатъ въ тоже время уйти изъ дома Божія, вовсе не думая ни о томъ, что бываютъ причиною немалаго смущенія церковнаго, и особенно—смущенія провозвѣстниковъ слова Божія, которые именно ради ихъ предприняли трудъ и пришли сюда, быть можетъ, издалека, ни о томъ, какую потерю и какой вредъ причиняютъ они себѣ самимъ столь несвоевременнымъ удаленіемъ изъ святилища.

Приглашаемъ всѣхъ поразмыслить объ этомъ, чтобы тѣмъ усерднѣе употребить свое содѣйствіе къ вразумленію согрѣшающихъ братій.

[1] Слово въ недѣлю 14-ю по пятидесятницѣ, произнесенное въ каѳедр. Исаакіевскомъ соборѣ, 25 авг. 1863 г.

„Царствіе небесное подобно царю, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего. И послалъ рабовъ своихъ, звать званныхъ на брачный пиръ; и не захотѣли придти. Опять послалъ другихъ рабовъ, сказавъ: скажите званнымъ: вотъ, я приготовилъ обѣдъ мой; тельцы мои, и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пиръ. Но они пренебрегли то; пошли—кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочіе же, схвативъ рабовъ его, оскорбили, и убили ихъ (Матѳ. 22, 2—5).“

Что постигло или постигнетъ тѣхъ презрителей и злодѣевъ, и какой участи подверглись или подвергнутся тѣ, которые были въ числѣ многихъ званныхъ, но не оказались въ маломъ числѣ избранныхъ, — вамъ должно быть, братія, очень извѣстно; потому что всю эту притчу вы слышали въ нынѣ чтенномъ Евангеліи.

Нужно ли объяснять вамъ, братія, что царь, посылающій рабовъ своихъ звать званныхъ на брачный пиръ сына своего, есть не другой кто, какъ самъ Царь небесный, всесильный Господь неба и земли, премудрый нашъ Создатель и всеблагій Промыслитель; что Онъ-то древле посылалъ Пророковъ, потомъ Апостоловъ, и преемниковъ служенія апостольскаго, пастырей и проповѣдниковъ слова Божія, и сихъ послѣднихъ будетъ посылать до скончанія вѣка — звать званныхъ въ благодатное и славное царство единороднаго Сына своего, который, какъ Женихъ съ невѣстою, сочетавшись съ Церковію, всѣмъ вѣрующимъ предлагаетъ—какъ на брачномъ пиру—обиліе благодатныхъ даровъ на землѣ, и вѣчную славу на небесахъ?—Это истины весьма понятныя для всякаго православнаго христіанина. Но вотъ о чемъ позвольте спросить васъ: къ какого рода званнымъ причислить намъ себя? Вопросъ чрезвычайно важный; ибо онъ касается вѣчной судьбы нашей.

Мы вовсе не желаемъ, братія, ни о комъ предварять суда Божія своимъ судомъ, но предоставляемъ каждаго суду собственной его совѣсти. Скажемъ только, что благо тому, кто, тщательно испытывая самъ себя, дѣла свои, слова и самыя помышленія, — осуждаетъ самъ себя, и ищетъ оправданія у единаго Господа: таковый навѣрное избѣжитъ осужденія на страшномъ судищѣ Христовомъ. Но горе намъ, братія, если мы сами себя оправдываемъ предъ Богомъ, тогда какъ дѣла наши осуждаютъ насъ.

Посудите же сами, чѣмъ дѣлаютъ себя тѣ изъ насъ, которые, лишь только увидятъ посланнаго Царемъ небеснымъ раба, — служителя Христова, готоваго возвѣстить всѣмъ волю Божію,—*призвати званныя на браки Сыну* Цареву,—поспѣшно оставляютъ церковное собраніе! Не показываютъ ли они чрезъ это, что не хотятъ отозваться на призывъ небеснаго Домовладыки, — что они даже не хотятъ и слышать о томъ, къ чему Онъ призываетъ ихъ? При всемъ разнообразіи проповѣди, одинъ вожделѣнный гласъ слышится для всѣхъ: *пріидите на браки* въ небесный чертогъ. — *Они же, небрегше, отъидоша, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя.* Кому же оказывается столь явное пренебреженіе и досажденіе? О, еслибы это относилось только къ рабамъ Христовымъ; но нѣтъ, — въ лицѣ ихъ они досаждаютъ самому Господу, который, посылая на проповѣдь учениковъ своихъ, Самъ сказалъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ; отметаяйся же васъ, Мене отметается* (Лук. 10, 16)!

„Да мы,“ скажутъ, можетъ быть при семъ нѣкоторые, „и рады были бы послушать; но потому-то и уходимъ, что или ничего новаго, или совершенно ничего не надѣемся услышать.“

Правда, новостей съ этого священнаго мѣста и не провозглашаютъ, а только напоминаютъ вамъ и раскры-

ваютъ предъ вами истины древнія, или лучше сказать вѣчныя; но потому-то и заслуживаютъ всего нашего вниманія сіи истины, что онѣ непреложны и неизмѣнны, — что скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели одна іота, или одна черта прейдетъ изъ возвѣщаемаго вамъ закона Божія. Если же вы хотите настоящей, спасительной для себя новости; то примите слово спасенія, которое, можетъ быть, вы доселѣ столько разъ слышали съ такимъ равнодушіемъ, примите его къ сердцу, съ искреннею лобовію и благоговѣніемъ, какъ исходящее отъ самого Бога,—и это будетъ такою новостію, о которой возрадуется душа ваша, и возвеселятся самые Ангелы небесные.

Быть можетъ, правда и то, что слабый голосъ нашъ не можетъ достаточно наполнить собою такого обширнаго пространства, какое занимается симъ святилищемъ. Но не увеличиваете ли вы сами естественнаго затрудненія, въ этомъ случаѣ, когда начинаете шумную передвижку съ мѣста на мѣсто именно въ то время, какъ надлежало бы царствовать глубокому молчанію? При соблюденіи этого условія, и слабый голосъ могли бы услышать на далекомъ разстояніи. Если бы не услышали вы всего, что вамъ было бы сказано, то и немногое услышанное навѣрное не осталось бы безъ плода.

Если же при всемъ томъ вы думаете, что мало получили бы пользы отъ проповѣди; то знайте, что во всякомъ случаѣ трудъ вашей любви и терпѣнія, ваша рѣшимость удержаться еще на весьма непродолжительное время въ храмѣ Божіемъ, — не остались бы безъ величайшаго вознагражденія. Вспомните, кто вслѣдъ за проповѣдію, съ открытіемъ царскихъ вратъ, является народу, при возглашеніи: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите?“ — Самъ Христосъ воскресшій — въ пречи-

тыхъ тайнахъ своихъ. Вспомните, какую сладость ощущаетъ душа вѣрующая, когда непосредственно за симъ осѣняется благословеніемъ небеснымъ, при возглашеніи: „спаси, Боже, люди Твоя, и благослови достояніе Твое;“ когда снова знаменуется благодатнымъ осѣненіемъ таинъ Христовыхъ, въ память спасительнаго вознесенія Господня; когда потомъ слышитъ: „съ миромъ изыдемъ,“ и послѣ напутственной на выходъ изъ храма іерейской молитвы, читаемой за амвономъ, еще разъ осѣняется благословеніемъ Господнимъ, и отпускается съ благожеланіемъ отъ лица Церкви, да спасетъ и помилуетъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, молитвами пречистой своей Матери и всѣхъ святыхъ! Не лучше ли же, братія, остаться въ священномъ собраніи съ молитвою и благословеніемъ, какъ и свойственно чадамъ вѣры и упованія, приснымъ Богу и сожителямъ святыхъ, нежели *ятися бѣгу*, подобно соглядатаямъ и праздношатающимся пришельцамъ?

Итакъ, братія христіане, поразмысливъ о томъ, какъ нехорошо дѣлаютъ тѣ, которые выходятъ изъ церкви предъ началомъ проповѣди, прежде окончанія божественной литургіи, и какъ много теряютъ они, послѣдуйте наставленію вселенскаго учителя, св. Іоанна Златоустаго, которое мы привели вамъ съ самаго начала нашего слова, и которымъ позвольте и окончить слово:

„Попросите взаимно другъ друга стоять“ до конца божественной службы, „такъ же, какъ стояли“ сначала, внимательно и благоговѣйно; „а если кто двинется съ своего мѣста, постарайтесь удержать его, — дабы и за свое собственное усердіе, и за попеченіе о братіяхъ получить сугубую награду, и съ большимъ дерзновеніемъ возсылать свои молитвы, и умилостивлять Бога, и заслужить—какъ настоящія, такъ и будущія блага, благо-

датію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава и держава, во вѣки вѣковъ.“ [1] Аминь.

---

[1] Св. Іоанна Злат., бес. о непостиж. III.

О ПРАЗДНОВАНІИ
ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Шесть дней есть, въ няже достоитъ дѣлати...., а не въ день субботный (Лук. 13, 14).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что старѣйшина того сонмища, въ которомъ Спаситель исцѣлилъ больную женщину въ субботу, отнюдь не по ревности къ закону Божію провозглашалъ о необходимости празднованія седьмаго дня. Омраченный невѣріемъ, онъ завидовалъ славѣ Божественнаго Чудотворца, и хотѣлъ представить Его, въ глазахъ народа, нарушителемъ закона. Господь обличилъ лицемѣра, изъяснивъ и словомъ, и собственнымъ примѣромъ, что какъ вѣрно то, что человѣкъ обязанъ въ седьмой день, да и вообще во всякій праздникъ прекращать всѣ свои житейскія дѣла, кромѣ дѣлъ необходимости, такъ несомнѣнно и то, что дѣлами благотворенія не только не нарушается, а еще болѣе святится покой праздничнаго дня. Итакъ, слышанное вами, братія, при сегоднешнемъ богослуженіи, святое благовѣствованіе внушаетъ намъ размыслить о нашей обязанности праздновать дни, нарочито посвященные Богу, и о томъ, какимъ образомъ мы должны ихъ праздновать.

[1] Слово, произнесенное въ Казанскомъ соборѣ, въ недѣлю 27-ю по 50-ницѣ 9 дек. 1856 года.

1. Можно быть увѣреннымъ, что нѣтъ, братія, между вами человѣка, которому бы не было извѣстно, что наша обязанность праздновать дни, посвященные Богу, основывается на четвертой заповѣди Божіей. *Помни,* сказалъ Богъ всему израилю, и всему роду человѣческому, *помни день субботный* (въ новой благодати — день воскресный), *еже святити его. Шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя; въ день же седмый* (а къ сему, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ Завѣтѣ, относится и всякій праздникъ) — *суббота* (то есть, *покой) Господу Богу твоему* (Исх. 20, 8—10). Это знаютъ всѣ.

Но опытъ показываетъ, что многіе какъ будто не знаютъ, или не хотятъ знать и понимать, что четвертая заповѣдь Божія требуетъ стольже строгаго исполненія, какъ и всякая другая изъ святыхъ десяти заповѣдей Божіихъ. Отъ сего происходитъ, что иные, гнушаясь и самою мыслію о томъ, чтобы, напримѣръ, что нибудь украсть, или вообще сдѣлать что нибудь постыдное, — повидимому, не считаютъ тяжкимъ грѣхомъ похитить для себя время, посвященное Богу, и работать, или заниматься житейскими дѣлами въ праздникъ. Таковымъ нужно напомнить слова св. апостола Іакова: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ;* то есть: „кто сохранитъ весь законъ, и въ одномъ чемъ нибудь согрѣшитъ, тотъ становится виновенъ во всемъ.“ *Рекій бо,* продолжаетъ апостолъ Христовъ, *не прелюбы сотвориши, рекъ есть, и не убіеши: аще же не прелюбы сотвориши, убіеши же, былъ еси преступникъ закона* (Іак. 2, 11). Это потому, что самое благоговѣніе наше къ Божественному Законодателю и сердечное убѣжденіе въ премудрости и благости непреложныхъ предписаній Его закона — не позволяютъ намъ думать, что которое нибудь изъ сихъ предписаній не имѣетъ особенной важности. Такая нечести-

вая мысль совершенно не свойственна доброму и богобоязненному христіанину. Благочестивый христіанинъ боится навлечь на себя гнѣвъ Отца небеснаго, какимъ бы то ни было образомъ, и самый малый грѣхъ считаетъ для себя величайшимъ несчастіемъ, особенно же грѣхъ намѣренный и произвольный.

Если вы, братія, боитесь Бога и любите исполнять Его святую волю, то не станете мыслить и говорить, напримѣръ, такъ: „что за важность въ томъ, что я позволяю себѣ работать въ праздникъ? Только бы я не дѣлалъ чего нибудь дурнаго! Не хуже ли было бы, если бы я отъ бездѣлья сталъ безчинствовать?“ Вы не станете такъ разсуждать, потому что, положивъ руку на сердце, и возведши очи къ Живущему на небесахъ, тотчасъ поймете, что дѣйствительная важность заключается въ заповѣди Божіей,—что нарушеніе ея и есть уже *дурное,* какъ и всякій грѣхъ; а если вы не дѣлаете еще чего нибудь хуже, то это что за извиненіе? Какой честный и благонамѣренный человѣкъ станетъ извиняться въ сдѣланномъ имъ худомъ дѣлѣ тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать еще хуже?—

Довольно намъ знать, христіане, что прогнѣвляя нарушеніемъ заповѣди Божіей Господа Бога, мы теряемъ Его небесное благословеніе! А безъ благословенія Божія, посудите сами, благочестивые слушатели, какого ожидать намъ успѣха въ нашихъ дѣлахъ?—Съ благословеніемъ Божіимъ и одинъ часъ труда принесетъ намъ больше пользы, чѣмъ безъ него цѣлые годы неутомимыхъ трудовъ и усилій. И главное: то, что получимъ мы съ благословеніемъ Божіимъ,—прочно и вѣрно; пріобрѣтенное же безъ него, только кажется пріобрѣтеніемъ, а на самомъ дѣлѣ должно быть считаемо потерею, какъ и дѣйствительно сопровождается, весьма нерѣдко, явною потерею. Иногда, по своей близорукости, мы считаемъ

бывающія у насъ потери случайными; а онѣ вовсе не случайны: есть имъ причина, и она — въ недостаткѣ благословенія Божія. —

Помощь моя, говоритъ царственный пророкъ Давидъ, *помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю* (Псал. 120, 2)! Кто свято чтитъ дни, посвященные Богу, тотъ чрезъ это самое пріобрѣтаетъ благословеніе и помощь отъ Господа на дни работные, или будничные, и навѣрное съ успѣхомъ *сотворитъ въ нихъ вся дѣла своя,* во славу Божію, ко благу ближнихъ, и для своей истинной пользы. А кто, не имѣя довольно страха Божія въ своемъ сердцѣ, и надѣясь больше на свои силы, нежели на Господа Бога, работаетъ и въ праздники, тотъ, хотя бы, повидимому, и пріобрѣталъ что нибудь въ эти дни, и даже болѣе обыкновеннаго, на самомъ дѣлѣ теряетъ,— теряетъ именно благословеніе Божіе на свои труды и занятія!

Зная и помня это, люди бѣдные не станутъ соблазняться вознагражденіемъ, предлагаемымъ имъ богатыми, за работу въ праздникъ; а богатые не станутъ соблазнять бѣдныхъ, и какбы подкупать ихъ на грѣхъ, къ ихъ и своему собственному вреду; ибо на томъ, что сдѣлано съ нарушеніемъ заповѣди Божіей, какъ и на самомъ дѣланіи — нѣтъ благословенія Божія!

Да и то нужно сказать, что нѣтъ благословенія Божія на дѣлахъ того дома, въ которомъ слуги или наемники, по нерадѣнію, или по небогобоязненной разсчетливости своихъ господъ, работаютъ въ праздники, какъ говорятъ, *на себя,* какбы признавая будничное время принадлежащимъ не себѣ, а однимъ лишь домовладыкамъ, — собственно потому-что ихъ плата далеко не удовлетворяетъ нуждъ бѣдныхъ тружениковъ. Или же сіи труженики, непосылаемые и даже непускаемые господами, по праздникамъ, въ церковь, и неруковод-

ствуемые къ упражненіямъ благочестивымъ, свойственнымъ святому дню, — увлекаются, вмѣсто сего, жаждою корысти. Во всякомъ случаѣ, можно навѣрное сказать, что изъ-за нихъ и самые домовладыки ихъ теряютъ благословеніе Божіе; тогда какъ, напротивъ, многократные опыты, о которыхъ удостовѣряетъ слово Божіе, показываютъ, что благочестивые, вѣрные Богу и святому Его закону, слуги привлекаютъ благословеніе Божіе не только на себя самихъ, но и на домы своихъ господъ. Такъ ради Іакова благословилъ Богъ домъ Лавана; ради Іосифа, Богъ благословилъ домъ Пентефрія!

Есть, братія, между нами и такіе, которые хотя и празднуютъ въ святые дни, но только до половины дня! Братія! къ чему такое лукавство? Мы какъ будто хотимъ подѣлиться съ Богомъ даже и тѣмъ временемъ, которое должно принадлежать Ему всецѣло! Праздникъ долженъ принадлежать Богу, съ утра и до вечера. И никакія житейскія дѣла, кромѣ дѣлъ крайней необходимости, неумѣстны въ праздники. Безъ такой необходимости, работа въ праздникъ не извиняется ни обыкновенными нашими нуждами, ни самою бѣдностію. Само собою понятно, что тѣмъ болѣе неизвинительны такія занятія, которымъ трудящіеся посвящаютъ свое время вовсе не по нуждѣ, а болѣе для препровожденія времени.

Если грѣшно работать по праздникамъ для пріумноженія способовъ пропитанія, то тѣмъ болѣе отъ нечего дѣлать, и какъ будто изъ опасенія — отъ праздности сдѣлать что нибудь худое. — Праздникъ не есть праздность, которая точно бываетъ матерью многихъ пороковъ. Но только человѣкъ грубый и непроникнутый чувствомъ благочестія, не умѣетъ повидимому ничѣмъ инымъ почтить праздничнаго дня, какъ шумнымъ веселіемъ, пьянствомъ и всякаго рода безчиніемъ. Добрый христіанинъ

этого не сдѣлаетъ, даже и потому, что и въ праздникъ — не празденъ; но совершаетъ дѣла, свойственныя дню, который вполнѣ долженъ быть посвященъ Богу. А какія это дѣла, — показываетъ намъ примѣръ самого Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа.

2. По свидѣтельству святаго Евангелія, Христосъ Спаситель въ праздничные дни обыкновенно являлся въ молитвенныя собранія вѣрующихъ израильтянъ, поучалъ ихъ въ словѣ Божіемъ и благотворилъ нуждавшимся въ Его святой помощи, подавая исцѣленія недужнымъ, и плѣненнымъ отъ врага — свободу.

По этому, подражая сему св. примѣру, и мы, возлюбленные, приходимъ по праздникамъ въ храмъ Божій для молитвы, слушаемъ поученія, и не отказываемся отъ благотвореній. Но если вникнуть въ дѣло, и посмотрѣть, каково большею частію бываетъ исполненіе этихъ обязанностей, то окажется, что многое нужно исправить намъ въ своей жизни. Такъ, напр., если позволите спросить: многіе ли даже изъ присутствующихъ нынѣ, при Божественной литургіи, находились и при вечернемъ и утреннемъ богослуженіи, относящемся къ сему воскресному дню? А если не находились, то, значитъ, и не исполнили вполнѣ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей относительно святаго дня, — не приняли полнаго участія въ общественномъ богослуженіи! Быть можетъ, иные поступили еще хуже, когда то самое время, которое добрые и благочестивые христіане употребляютъ на всенощное богослуженіе празднику свечера,— употребили на участіе въ суетныхъ бесѣдахъ, въ нескромныхъ играхъ и шумныхъ удовольствіяхъ; и навѣрное — собственнымъ опытомъ доказали, что не возможно служить Богу и мамонѣ,—явившись и въ сіе святилище съ душею, вовсе не молитвеннымъ образомъ настроен-

ною? — А найдутся, конечно, и такіе, которые въ прошедшее воскресенье, или прежде того, и у обѣдни не были, не по болѣзни тѣлесной, а по недугу душевному, осуетившись помышленіями своими, и не чувствуя въ сердцѣ своемъ живаго стремленія къ возлюбленнымъ селеніямъ Господа силъ, къ св. храму Бога живаго! Ахъ! братія, когда же и гдѣ же оживите вы въ себѣ чувство благочестія, какъ не въ дни святые, какъ не среди молитвеннаго собранія вѣрующихъ? — Частое и усердное посѣщеніе храмовъ Божіихъ есть одинъ изъ вѣрныхъ признаковъ души благочестивой, преданной Богу; а лѣность къ богослуженію есть одинъ изъ смертныхъ грѣховъ.

Но позвольте, братія, сказать и то, что даже между посѣщающими храмъ Господень въ воскресные и праздничные дни, и слѣдовательно — между людьми, повидимому благочестивыми, нельзя не замѣтить и такихъ, которые весьма равнодушны къ слову Божію. Увы! вамъ самимъ, вѣрно, случалось видѣть такихъ (если еще не быть въ числѣ ихъ), которые, лишь только провозвѣстникъ слова Божія восходитъ на каѳедру, — устремляются къ двери, какъ будто услышавъ собственно къ нимъ направленное повелѣніе: „оглашенные, изыдите!“ Но вѣдь и оглашенные (готовящіеся къ принятію христіанства), въ древности, оставались слушать поученія, а только не могли оставаться въ храмѣ при совершеніи таинствъ. Стало быть, уходящіе отъ проповѣди какъ-будто считаютъ сами себя хуже оглашенныхъ, — не по смиренію, а напротивъ по высокому мечтанію о себѣ, по совершенному равнодушію и холодности къ св. вѣрѣ! Такъ, братія, что бы ни говорили таковые о нашемъ недостоинствѣ и неумѣніи увлечь ихъ силою краснорѣчія, они забываютъ, что (страшно и сказать) пренебрегаютъ

небеснымъ хлѣбомъ, словомъ Божіимъ, котораго и одна крупица, дошедшая до слуха и сердца ихъ, могла бы утолить ихъ голодъ душевный! Послѣ этого, можно ли ожидать отъ такихъ явныхъ и открытыхъ презрителей, чтобы они дома, съ благочестивымъ усердіемъ, принялись за душеспасительную книгу, въ праздничные дни,— прочитали ее домашнимъ, и побесѣдовали съ ними о Богѣ и Его св. законѣ? Трудно этого и ожидать отъ нихъ! Да и благословитъ ли Богъ самыя даже священныя ихъ занятія дома, когда они не оказали должнаго уваженія къ св. Церкви, и быть можетъ своимъ преждевременнымъ удаленіемъ изъ храма соблазнили другихъ?

Наконецъ, что касается до дѣлъ благотворенія, которыми освящаются праздничные дни, какъ-то: подаяній бѣднымъ, посѣщенія больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ; то и въ этомъ отношеніи, можетъ быть, неизлишне напомнить намъ, что чѣмъ больше станемъ проникаться любовію къ Богу и къ ближнимъ, тѣмъ усерднѣе будемъ исполнять эту священную обязанность, истинно и существенно. То есть, не отказывая ни въ какое время ближнимъ въ благотвореніи, постараемся нарочито откладывать *часть* (въ собственномъ смыслѣ этого слова) нашего имущества, для воскресныхъ и праздничныхъ дней; и тогда употребить эту часть во славу Божію. А для вѣрнѣйшаго успѣха въ этомъ, не станемъ, въ праздничные дни, предпочитать посѣщеній по приличію, или для своего собственнаго удовольствія,—такимъ посѣщеніямъ, отъ которыхъ прямо зависитъ утѣшеніе и польза ближнихъ и наше собственное спасеніе.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Ты совершилъ нѣкогда въ день седьмый, во славу Отца небеснаго, чудо милосердія надъ бѣдною женою, которая, бывъ одержима духомъ нечистымъ, около 18 лѣтъ не въ состояніи была

поднять своихъ взоровъ отъ земли на небо! Молимся Тебѣ, преблагій Господи, сотвори и надъ нашимъ недостоинствомъ подобное чудо благодати Твоея! Даруй и намъ силу и крѣпость преодолѣть духъ вѣка сего, гнетущаго насъ непрестанно къ землѣ, и отъ множества житейскихъ попеченій недопускающаго насъ служить Тебѣ, Богу и Спасителю нашему, съ полнымъ усердіемъ даже во дни, посвященные святому имени Твоему! Рцы намъ, Господи: „се отпущени есте отъ недуга вашего,“ да, услышавъ всемощное слово Твое, послѣдуемъ Тебѣ всѣмъ сердцемъ, и спасемся. Аминь.

О ПОСТЫДНЫХЪ КАЧЕСТВАХЪ ЗАВИСТНИКА, СЛѢПОТѢ И ЖЕСТОКОСТИ.[1]

Стыдяхуся вси противляющіися Ему (Іисусу Христу), *и вси людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ, бывающихъ отъ Него.* (Лук. 13, 17).

Гдѣ доброе дѣло, тамъ и противники ему. Это свѣтъ и тѣнь. Чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ больше тѣнь. Чѣмъ больше добро, тѣмъ сильнѣе зависть!—Добрые радуются добру, благословляютъ благотворителей, и славятъ Бога. Злые, съ постыднымъ недоброжелательствомъ, если не могутъ воспрепятствовать доброму дѣлу; по крайней мѣрѣ, стараются унизить его, обезславить, толкуя все въ худую сторону. Снѣдаемые завистію, они не терпятъ благодѣтелей человѣчества, и — неблагодарны предъ Богомъ.

Но никто не хочетъ, чтобъ его считали злымъ. И злой завистникъ силится скрыть ослѣпленіе ума своего, давая неосновательнымъ и кривымъ своимъ толкамъ видъ рѣчей законныхъ и разумныхъ. Снѣдаемый завистію особенно старается скрыть злость своего сердца, укрывая его подъ личиною притворной любви къ общему благу, а иногда—лицемѣрной набожности. Однакожь, рано или поздно, Господь снимаетъ эту личину съ злобныхъ завистниковъ, — обнаруживаетъ предъ всѣми, что они —

[1] Слово въ недѣлю 27-ю по пятидесятницѣ.

дѣйствительно противники добра, слѣпые по уму, жестокіе по сердцу. Тогда неминуемо покрываются они стыдомъ и поношеніемъ, между тѣмъ какъ добрые сугубо радуются, благодарятъ и славятъ Бога!

Вотъ, возлюбленные братія христіане, тѣ истины, которыя внушаетъ намъ читанное нынѣ св. Евангеліе!— Господь нашъ Іисусъ Христосъ, поучая народъ въ сонмищѣ іудейскомъ, въ день субботный, увидѣлъ тамъ одну женщину, которая осмьнадцать лѣтъ была одержима тяжкимъ недугомъ отъ духа нечистаго: сатана связалъ ее такъ, что она, бывъ скорчена, не могла свободно приподняться, — не могла стоять прямо. Спаситель подозвалъ ее, и сказалъ: „женщина! ты освобождаешься отъ недуга своего;“ и возложилъ на нее руки. Она тотчасъ выпрямилась, и стала славить Бога. Что же? Въ лицѣ начальника этого сонмища, или синагоги, нашелся завистникъ божественной славы небеснаго Благотворителя, и—кто бы могъ подумать?—подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, открыто изъявилъ онъ негодованіе на освобожденіе бѣдной женщины отъ узъ сатаны! Разсудимъ же, братія, для нашего назиданія, о тѣхъ постыдныхъ качествахъ завистника, которыя видны и въ собственныхъ его рѣчахъ, и въ обличеніи, сдѣланномъ ему отъ Господа.

1. Завистникъ начинаетъ говорить, и съ первыхъ же словъ обнаруживаетъ крайнее ослѣпленіе своего ума, не смотря на всѣ усилія казаться человѣкомъ разсудительнымъ, благонамѣреннымъ, и—ревностнымъ блюстителемъ закона Божія. Тая въ душѣ своей злую зависть къ Божественному Чудотворцу, и однакоже сохраняя личину человѣка набожнаго, этотъ ревнитель ветхозавѣтной правды изъявляетъ негодованіе на исцѣленіе бѣдной женщины за то единственно, что оно совершено въ субботу. „Есть шесть дней,“ сказалъ онъ строго, обращаясь къ

народу съ напоминаніемъ 4-й заповѣди Божіей,—„есть шесть дней, въ которые должно дѣлать; въ тѣ дни и приходите лѣчиться, а не въ день субботный!“

Какъ это благовидно! Очевидное дѣло Божіе, чудесное исцѣленіе — назвать какбы простымъ лѣченіемъ, и, относя это лѣченіе къ обыкновеннымъ житейскимъ дѣламъ, признать совершеніе его въ субботу неумѣстнымъ или несвоевременнымъ,—явнымъ нарушеніемъ заповѣди Божіей о празднованіи седьмаго дня! Люди простые могутъ увидѣть въ этихъ словахъ начальника сонмища не что иное, какъ разсудительность, знаніе закона и горячую ревность его объ исполненіи заповѣди Божіей; и—его, завистника, могутъ похвалить, а Божественнаго Исцѣлителя, признать нарушителемъ закона, даннаго отъ Бога чрезъ Моисея!—Такъ, безъ сомнѣнія, разсуждалъ завистникъ, и, очевидно, разсуждалъ въ слѣпотѣ своего ума, которой нельзя не замѣтить человѣку сколько нибудь здравомыслящему.

Если бы завистникъ не былъ ослѣпленъ злобою и водился здравымъ смысломъ, то и самъ не могъ бы не увидѣть и не сознаться, что одно слово какого либо земнаго врача, и возложеніе рукъ на больную, страдавшую такимъ упорнымъ и застарѣвшимъ недугомъ, не могли бы даровать больной исцѣленія; а потому и не рѣшился бы признать очевидное дѣло Божіе обыкновеннымъ лѣченіемъ. Если бы, съ другой стороны, этотъ обличитель Господа Іисуса и тѣхъ, кто приходилъ къ Нему, могъ сколько нибудь здраво разсуждать, то постыдился бы дѣйствія Его называть нарушеніемъ субботнаго покоя. Если слова Іисуса Христа и возложеніе рукъ Его можно было назвать нарушеніемъ субботы; то самому обличителю надлежало бы въ день субботный ни говорить, ни двигаться съ мѣста, ни простирать руки, чтобы отворить или за-

творить дверь. Итакъ обличитель вполнѣ обнаружилъ свое безразсудство, какъ плодъ его зависти.

Но такимъ же, или подобнымъ, образомъ дѣйствуютъ и всѣ вообще завистники! Не смѣя прямо возставать противъ какого либо добраго и святаго дѣла, котораго благотворность для всѣхъ очевидна, они обыкновенно усиливаются найти въ немъ такую сторону, которая подала бы имъ поводъ представить его въ превратномъ видѣ. Подобно кротамъ, роющимся въ землѣ, и неспособнымъ видѣть ясно свѣтъ Божій, завистливые и недоброжелательные подкапываются подъ самыя основанія добродѣтели,—напрягаютъ всѣ усилія ума къ тому, чтобы представить ея дѣйствія не какъ досточтимое дѣло Божіе, а какъ суетное дѣло человѣческое. Такъ въ дѣлахъ благочестія они силятся открыть лицемѣріе, въ трудолюбіи—тщеславіе, въ благотвореніи—своекорыстіе, и т. п.

Въ особенности ихъ усилія тогда, повидимому, достигаютъ своей цѣли, когда нетерпимое ими доброе дѣло, удается имъ представить неумѣстнымъ и несвоевременнымъ. Тогда-то широковѣщательными сужденіями своего слѣпотствующаго разума они полагаютъ затмить доброе дѣло, представляя его не только незаслуживающимъ полнаго одобренія, но даже будто бы достойнымъ порицанія,—не только безполезнымъ, но даже вреднымъ! Слыша такія сужденія ихъ, иной, дѣйствительно, могъ бы подумать, что это люди самые благонамѣренные и разсудительные. А между тѣмъ они не болѣе, какъ жалкіе безумцы, произвольно слѣпотствующіе оттого именно, что не могутъ быть спокойными, при видѣ благополучія кого либо изъ ближнихъ,

„Какая низость души," восклицаетъ святитель Христовъ Василій великій,[1] „какое безуміе, какое помра-

[1] Въ бес. о зависти.

ченіе ума, какое растлѣніе сердца – завидовать другому или въ его добродѣтеляхъ, или въ счастіи, т. е. ненавидѣть въ немъ — или собственныя его заслуги, или благодѣянія Божіи, превращать въ бѣдствія для себя чужія блага, и мучиться по причинѣ благополучія высшихъ, вмѣнять себѣ въ наказаніе славу другихъ, водворять въ свое сердце жестокихъ мучителей, предоставить имъ во власть всѣ мысли и чувствованія, дабы они терзали насъ тайными муками, дабы втайнѣ раздирали сердце ненавистію!“

2. Такому безразсудству, или ослѣпленію завистника, вполнѣ соотвѣтствуетъ жестокость его сердца, и, какъ бы ни старался онъ скрывать ее подъ личиною благонамѣренности,—приходитъ время, что эта личина спадаетъ, и къ величайшему стыду его, предъ всѣми является безобразіе злобной души его!—Господь Іисусъ Христосъ не умедлилъ снять предъ всѣми личину съ притворнаго ревнителя закона Божія, и всѣ увидѣли въ немъ злаго ненавистника. „Лицемѣръ!“—сказалъ Господь начальнику синагоги, „не отвязываетъ ли каждый изъ васъ въ субботу вола своего или осла отъ яслей, и не ведетъ ли поить? Сію же дочь Авраамову, которую сатана связалъ уже 18-ть лѣтъ, не надлежало ли освободить отъ узъ сихъ въ день субботный?“ — Всѣмъ извѣстно было, что хотя отвязывать вола или осла отъ яслей — дѣло, собственно говоря, работное; однако по нуждѣ, чтобы животныя не потерпѣли вреда, не считалось нарушеніемъ закона—и въ субботу отвязывать ихъ и водить на водопой. Если же можно было поить вола или осла въ субботу; то не позволительное ли дѣло освободить несчастную женщину отъ порабощенія діаволу и отъ узъ недуга, въ день субботный? Это обличеніе, произнесенное Іисусомъ Христомъ, было такъ ясно, общепонятно и по-

разительно, что ничего нельзя было сказать противъ словъ Его. Итакъ, обнаружилось предъ всѣми, что этотъ мнимый ревнитель закона Божія и общественнаго порядка, менѣе имѣлъ состраданія къ ближнимъ, чѣмъ къ своему домашнему скоту!—Таковы-то вообще люди завистливые и недоброжелательные: представляются радѣющими объ общемъ благѣ, а въ самомъ дѣлѣ таятъ въ сердцѣ своемъ жестокость невѣроятную! Если же они такъ жестоки вообще ко всѣмъ людямъ; то тѣмъ болѣе и несравненно сильнѣе жестокость ихъ—противъ тѣхъ, которымъ они завидуютъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ примѣровъ, довольно указать на одинъ—самый ужасный и поразительный: *зависти ради* предали іудеи Пилату самого Спасителя нашего Іисуса Христа, и, оклеветавъ и оболгавъ Его, причинили Ему тягчайшее поруганіе, неописанныя страданія и крестную смерть.—Но, столь жестокая къ другимъ, зависть не менѣе жестоко терзаетъ сердце и самого завистника.

„Не бываетъ,“ говоритъ св. Василій великій, [1] „не бываетъ въ душахъ человѣческихъ ни одной страсти, столь пагубной, какъ зависть. Она главнымъ образомъ и собственно губитъ того, кто ей подверженъ. Зависть снѣдаетъ зараженную ею душу. Горесть и досада ни на одну минуту не оставляютъ завистливаго. А всего мучительнѣе для завистливаго то, что онъ не можетъ даже и открыть своей болѣзни; но съ поникшимъ взоромъ, съ унылымъ видомъ мятется, досадуетъ, и гибнетъ отъ зла сего. Когда спрашиваютъ его о причинѣ скорби; ему стыдно обнаружить свое горе. Не могши открыть ее, носитъ онъ во глубинѣ сердца болѣзнь, которая снѣдаетъ его внутренность. Есть ли что гибельнѣе сей болѣзни? Это язва для жизни, отрава для природы, ненависть

[1] Въ бесѣдѣ о зависти.

къ дарованнымъ намъ отъ Бога благамъ, противленіе Богу!"—Вотъ до чего доводитъ человѣка жестокость зависти! И какому же стыду и безчестію подвергается завистникъ, когда это жестокое зло, столь тщательно, а иногда и весьма продолжительно, скрываемое имъ, обнаруживается предъ всѣми!

Такому-то стыду подвергся и начальникъ синагоги со всѣми своими соучастниками, которые враждовали противъ Іисуса Христа: *стыдяхуся вси противляющіися Ему; и вси людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ бывающихъ отъ Него!*

Большая часть окружавшихъ Іисуса Христа были чужды зависти и вражды противъ Него; они собирались къ Нему, чтобы слушать Его ученіе и видѣть Его дѣла. Они-то, увидѣвъ чудо исцѣленія женщины такъ долго страдавшей отъ нечистаго духа, — съ благоговѣніемъ удивлялись Ему, и, безъ сомнѣнія, съ негодованіемъ слушали низкую и дерзкую клевету на Христа Спасителя, будто Онъ оскорбилъ святость дня субботнаго. Какова же была ихъ радость, когда они услышали посрамленіе завистливаго клеветника! Радовались они тому, что возсталъ среди ихъ дивный Учитель истины, Божественный Чудотворецъ и Благодѣтель. *Стыдяхуся вси противляющіися Ему; и вси людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ бывающихъ отъ Него.*

Видите, братія, какая это безразсудная, слѣпая и жестокая страсть — зависть! Итакъ остережемся отъ этого гнуснаго зла! Воспитаемъ въ душѣ своей чистосердечное сочувствіе ко всему доброму и святому. Не позволимъ себѣ судить о томъ, чего не понимаемъ, и что не наше дѣло; а слыша дерзкія сужденія людей завистливыхъ, научимся проникать ихъ притворство и лицемѣріе. Чтобы не увлечься ихъ обаяніемъ, и не только

не снѣдаться діавольскою скорбію о благѣ ближняго, но и радоваться ему, примемъ себѣ за правило—при видѣ чьего нибудь благополучія, возносить ко Господу теплыя моленія, да продолжитъ Онъ его и пріумножитъ. За то и намъ Господь даруетъ свою великую и богатую милость.

А тѣмъ, кои заражены злою страстію зависти и желаютъ истребить въ себѣ это зло, блаженный Августинъ совѣтуетъ прежде всего, съ помощію Божіею, низлагать въ себѣ гордость. Ибо „зависть," по словамъ сего блаженнаго учителя Церкви, „есть дщерь гордости:" „умертви мать, и дщерь ея погибнетъ."—Совѣтуетъ имъ для сего и св. Василій великій—„не считать никакого человѣческаго блага великимъ и чрезвычайнымъ: ни богатства человѣческаго, ни увядающей славы, ни здравія тѣлеснаго; ибо мы должны поставлять благо не въ преходящихъ вещахъ, но призваны участвовать въ вѣчныхъ и истинныхъ благахъ." Совѣтуетъ имъ, наконецъ, Апостолъ Христовъ пріобрѣсть и утвердить въ сердцѣ своемъ святую любовь: тогда зависть сама собою падетъ. Ибо *любы*, по слову Апостола, *не завидитъ* (1 Кор. 13, 4). Аминь.

СЪ ЧЕГО НАЧИНАЮТСЯ И ЧѢМЪ ОКАНЧИВАЮТСЯ

ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПУТИ-УДАЛЕНІЯ ОТЪ ОТЦА НЕБЕСНАГО И ВОЗВРАЩЕНІЯ КЪ НЕМУ.[1]

Сей мертвъ бѣ, и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся (Лук. 15, 32)!

Понятно всякому, сколько печали и скорби заключается въ этомъ словѣ: „онъ мертвъ! умеръ! онъ погибъ, пропалъ безъ вѣсти!“ и напротивъ, сколько радости и веселія выражаетъ собою это слово: „онъ ожилъ! воскресъ! нашелся! пропадалъ, и нашелся!“

Еще ближе станутъ къ сердцу нашему эти выраженія, когда вникнемъ, что исторія блуднаго сына, изображаемая въ нынѣ читанномъ Евангеліи, есть исторія жизни, можно сказать, каждаго изъ насъ. Да, братія! эта трогательная притча такъ удобопонятна, что и безъ особенныхъ истолкованій всякій легко узнаетъ въ ней самого себя, и невольно приходитъ къ мысли: „этотъ расточительный сынъ, этотъ заблудшій грѣшникъ — я! а этотъ добрый, нѣжный, попечительный и, не смотря на то, оставленный сыномъ отецъ — Богъ!“

Но увы! какъ часто, умѣя подражать блудному сыну въ бѣдственномъ удаленіи на путь смерти и погибели,

[1] Бесѣда въ недѣлю блуднаго сына, сказанная въ Казанскомъ соборѣ, 22 января 1855 года.

мы не умѣемъ подражать ему въ радостномъ и благотворномъ возвращеніи на путь жизни и спасенія! А Господь собственно для того и изобразилъ предъ нами, какбы на картинѣ, оба эти пути, чтобы мы, вникнувъ, съ чего начинается, и чѣмъ оканчивается первый путь, погибельный, — видѣли, съ чего начинается и чѣмъ оканчивается другой, спасительный путь, и не только видѣли, но и вступили на оный, и при помощи Божіей достигли цѣли, своего спасенія!

Посвятимъ же нѣсколько минутъ на размышленіе объ этомъ предметѣ, чтобы предуготовить себя къ предстоящему намъ подвигу поста и покаянія.

1. Съ чего начался путь погибели заблуждшаго сына? — Получивъ слѣдующую ему часть имѣнія отъ своего родителя, онъ, не по долгомъ времени, собравъ все, самопроизвольно удалился изъ отцовскаго дома въ дальнюю страну, чтобы тамъ жить на волѣ!

Не безразсудно ли, братія, думать, что возможно гдѣнибудь найти болѣе обилія и пріятности, чѣмъ въ домѣ богатаго и добраго отца? Кто лучше его раздѣлитъ съ тобою, юноша, твои удовольствія и труды? Кто съ большею откровенностію, съ большимъ участіемъ дастъ тебѣ благіе и спасительные совѣты?.. Но что жь? неразумный сынъ бѣжитъ, какъ отъ врага, отъ этого добраго отца, который его любитъ болѣе, нежели онъ самъ себя, — за всѣ попеченія и заботы родителя оставляетъ его, противъ его воли, противъ желанія! Не жестокая ли это неблагодарность?

Вѣрно, и тому юному сыну приходило это на мысль; но неопытный, легкомысленний, увлекаясь пылкостію своего воображенія, онъ мечтаетъ только о томъ, чтобы сдѣлаться независимымъ господиномъ, — управлять собою по своей волѣ, безъ свидѣтеля, безъ хранителя, безъ отца:

и собравъ все, отъиде на страну далече, Не безразсудно ли, не жестоко ли, не неблагодарно ли это, братія?

Но какъ назвать наше собственное поведеніе, когда мы, получивъ отъ Отца небеснаго обильные дары, и естественные и благодатные, увлекаемся безразсудными надеждами своеволія, и начинаемъ мечтать, что обладаніе всѣми, полученными нами, благами, доставило бы намъ гораздо болѣе счастія, если бы мы распоряжались ими сами, какъ намъ вздумается, не стѣсняя себя тѣмъ, чтобы во всемъ соображаться съ волею Божіею? Какъ назовемъ себя самихъ, когда болѣе и болѣе теряя дѣтскую простоту вѣры и упованія, мы не ощущаемъ уже въ себѣ вожделѣнной отрады пребывать въ домѣ Бога нашего, въ святой Его Церкви! Какъ назовемъ себя самихъ, когда, отвергнувъ спасительную, святую покорность заповѣдямъ Божіимъ и порабощаясь безумнымъ страстямъ своимъ, мы, если не устами, то въ глубинѣ своего испорченнаго сердца, вопіемъ: *кто есть Всемогущій, да поработаемъ Ему* (Іов. 21, 15)? Поистинѣ, это крайнее безуміе и жестокая неблагодарность!

Но это только еще начало пути погибельнаго. Какъ скоро поднято знамя возмущенія противъ Бога, грѣшникъ, *не по многихъ днехъ, собравъ все,* бѣжитъ отъ Него, бѣжитъ на страну далече! Рѣшась расточить достояніе, дарованное ему Отцемъ небеснымъ, онъ желалъ бы еще, еслибъ то можно было, и забыть Его навсегда, и доставить себѣ страшное спокойствіе въ беззаконіи!

И вотъ онъ мало по малу прерываетъ всѣ связи, соединяющія его съ Богомъ; удаляетъ всѣ проявляющіяся у него мысли о небесномъ Отцѣ; заглушаетъ всѣ нравственныя правила своего поведенія; бѣжитъ далеко отъ добрыхъ примѣровъ, его обличающихъ, отъ спасительныхъ совѣтовъ искренняго друга, звучащихъ ему упрекомъ, отъ свя-

таго Писанія, его вразумляющаго, отъ св. храмовъ, которыхъ и самый видъ его смущаетъ, бѣжитъ отъ служителей вѣры, съ которыми и встрѣча его тревожитъ, бѣжитъ отъ священныхъ изображеній въ своемъ собственномъ жилищѣ, бѣжитъ отъ Божественныхъ обѣтованій и угрозъ, которымъ уже не смѣетъ и боится вѣрить; онъ страшится, избѣгаетъ даже самого себя, чтобы никогда не остаться наединѣ съ своимъ разумомъ и вѣрою и, чтобы не пробудить ихъ въ себѣ, предается всевозможнымъ забавамъ и удовольствіямъ!

И чего искалъ человѣкъ, то, наконецъ, получилъ: вѣра уже не дѣйствуетъ на него болѣе,—не мѣшаетъ ему предаваться страстямъ; внушенія совѣсти замолкли; душа мало по малу теряетъ чувство своихъ грѣховъ; день ото дня грѣшникъ заходитъ далѣе въ область нечестія, слѣдуетъ путями неизвѣстными—туда, откуда уже слишкомъ труденъ исходъ: *отъиде на страну далече!*

Что же произошло съ безразсуднымъ юношею въ странѣ отдаленной отъ дома отеческаго? *Расточи имѣніе свое, живый блудно.* Роскошь и удовольствія скоро поглотили его богатое наслѣдіе; нѣсколько лѣтъ разврата расточили имѣніе, дарованное ему щедростію отца!

Не такъ ли, братія, грѣшникъ вообще расточаетъ богатое наслѣдіе даровъ Божіихъ? Не показываетъ ли ежедневный опытъ, что грѣхъ разрушаетъ все, — что онъ есть бичъ семействъ и злополучіе каждаго? Но опустошеніе, которое грѣхъ, или лучше сказать, виновникъ всякаго грѣха, духъ злобы, производитъ извнѣ, есть только слабый образъ совершенной погибели, причиняемой имъ душѣ!

То обѣщая открыть человѣку завѣтныя тайны природы, онъ похищаетъ въ душѣ его богатство таинъ Божіей премудрости, и даритъ нѣсколькими суетными по-

знаніями! То обѣщая провозгласить имя его во всей вселенной, низвергаетъ съ высоты смиренія, и награждаетъ нѣсколькими звуками лестной молвы народной! То обѣщая всѣ сокровища міра, лишаетъ истиннаго сокровища правды и честности, и надѣляетъ горстью блистательной пыли! То предлагая полную чашу наслажденій, похищаетъ изъ души и радость о Господѣ, и миръ Божій, превосходящій всякій умъ, и ангелоподобную чистоту сердца, а подноситъ нѣсколько капель подслащеннаго яду! Таковъ грѣхъ!

Но вотъ въ чемъ особенно несчастіе: давая человѣку вмѣсто зерна плеву, вмѣсто золота—глину, грѣхъ до того ослѣпляетъ его, что онъ, сдѣлавшись на самомъ дѣлѣ *окаянен и бѣден, и нищъ и слѣпъ и нагъ*, часто говоритъ самъ о себѣ: *богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую* (Апок. 3, 16)! Увы! это нищій, который, потерявъ разсудокъ, воображаетъ себя богачемъ!

Что же далѣе сдѣлалось съ блуднымъ сыномъ? *Бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися!* Несчастный хотя и впалъ въ нищету, но могъ бы еще удалить отъ себя мысль о ней и быть равнодушнымъ къ своему положенію, если бы тѣ, на кого онъ расточилъ свое богатое наслѣдіе, стали, по крайней мѣрѣ, кормить его. Но въ странѣ той приключился жестокій голодъ; тамошніе жители сами испытывали недостатокъ въ пищѣ: до пришлеца ли имъ тогда было? И вотъ онъ началъ нуждаться въ самомъ необходимомъ, въ дневномъ пропитаніи!

Вотъ новая черта бѣдственной участи грѣшника, новый шагъ на пути къ погибели! Расточивъ свои сокровища на дѣла непотребныя, онъ рано или поздо, но неизбѣжно долженъ былъ томиться душевнымъ голодомъ. Лучшія блага жизни, наконецъ, теряютъ въ его глазахъ свою цѣну: богатство уже не привлекаетъ, слава не тро-

гаетъ, ученость не занимаетъ, забавы не веселятъ! Все это дѣлается уже слишкомъ бѣдно для его желаній: желанія человѣка неограниченны, а мірскія средства къ удовлетворенію ихъ крайне недостаточны!

Страна, гдѣ грѣшникъ, истративъ все свое достояніе, испытываетъ, наконецъ, вмѣстѣ съ жителями ея, жестокій голодъ, это есть міръ, во злѣ лежащій, гдѣ постоянно смѣняются суета и бѣдность; гдѣ всѣ желаютъ, но никто недоволенъ; гдѣ нѣтъ ничего существеннаго, но все проходитъ въ однѣхъ мечтахъ, все только зрѣлище для глазъ, а для сердца все пусто; гдѣ обѣщанія лживы, дружба вѣроломна, радости — одинъ обманчивый шумъ, гдѣ пышность прикрываетъ скуку, удовольствія оканчиваются отвращеніемъ, сокровища не дѣлаютъ никого счастливымъ; гдѣ перемѣна состоянія перемѣняетъ только бѣдствія. *И бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися!*

До чего же, наконецъ, дошелъ блудный сынъ? Изъ крайней бѣдности онъ подвергся рабству: *и шедъ прильпися единому отъ житель тоя страны!* Оставилъ отца, такъ долженъ имѣть господина! Не довольствовался сыновнею свободою въ подчиненіи родителю, думалъ ее возвысить, распространить, и что жъ?—унизилъ и вовсе потерялъ ее!

Не то ли бываетъ со всякимъ грѣшникомъ, въ удаленіи отъ Бога, въ преслушаніи воли Отца небеснаго? Кто, желая быть свободнымъ, не уважаетъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ правды, и хочетъ выйти изъ-подъ вліянія богоучрежденной зависимости, отдавая свое сердце на произволъ страстей, тотъ навѣрное достигнетъ не свободы, а постыднаго рабства!

„Нѣкогда“, говоритъ блаженный Августинъ, „я хотѣлъ достигнуть такой свободы; но, дѣлая все, чего хо-

тѣлъ, достигалъ того, чего не желалъ!“ Такъ, самый опытъ показываетъ, что сколько кто удовлетворяетъ страстямъ, столько же готовитъ себѣ тяжкихъ узъ! Живя всегда однѣми жертвами наслажденій, будучи рабомъ чужихъ страстей, рабомъ своихъ же рабовъ, грѣшникъ всю жизнь свою дѣлаетъ плачевнымъ доказательствомъ того, что истинная свобода не свергаетъ съ себя ига, но носитъ его покорно, добросовѣстно, что единственное средство сохранить свою свободу состоитъ въ томъ, чтобы ограничить ее закономъ, — что свободенъ только вѣрно служащій небесному Отцу, Богу, въ сыновнемъ послушаніи матери Церкви, и что, словомъ сказать, въ существѣ дѣла, быть свободнымъ значитъ дѣлать то, что должно, а не быть въ возможности дѣлать все, что угодно!

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ *единъ отъ жителъ тоя страны,* новый господинъ блуднаго сына, мечтавшаго о свободѣ и, для дневнаго пропитанія, сдѣлавшагося рабомъ! *И посла его на села своя пасти свинія!* Увы,— сынъ благороднаго отца дошелъ до того, что сдѣлался пастухомъ нечистыхъ животныхъ! Но и не здѣсь еще конецъ его несчастію!

Скоро не стало для него и скотскаго корму: *и желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія; и никтоже даяше ему!* Пришлось умирать съ голоду! Тогда-то, поистинѣ, можно уже было сказать о немъ: *„мертвъ бѣ, изгибль бѣ!* живой мертвецъ! пропалъ ни за что!“

Не тѣмъ ли оканчиваетъ свой погибельный путь удаленія отъ Бога и всякій грѣшникъ? Такъ, въ крайнемъ униженіи заблудшаго сына, сдѣлавшагося рабомъ, пасущимъ свиней, представляется намъ ужасный образъ грѣшника, униженнаго до рабства скотскимъ страстямъ, пресмыкающимся долу! Подобно тому, какъ блудный сынъ искалъ уголить свой голодъ самою грубою пищею, грѣш-

никъ нисходитъ до того, что желаетъ участи животныхъ, неимѣющихъ другаго правила, кромѣ влеченія природы,— другаго руководства, кромѣ слѣпой наклонности, и, подавляя въ себѣ искру разума и всего человѣческаго, онъ нерѣдко даже гордится постыдными страстями своего сердца.

Но мало по малу, служеніе имъ, *пасеніе*, или удовлетвореніе ихъ истощаетъ весь запасъ его душевныхъ и тѣлесныхъ силъ; онъ дѣлается безчувственнымъ ко всему, и — живый трупъ, добыча тлѣнія, хотя и алчетъ еще скотской пищи, но уже не находитъ въ себѣ никакой возможности утолить этотъ ужасный голодъ! Пришелъ его конецъ! Сей мертвъ бысть, изгибль!

Не дай Богъ никому, братія, дойти до этого ужаснаго состоянія, котораго одно представленіе внушаетъ уже невольный трепетъ и крайнее соболѣзнованіе! — Но если кто имѣлъ несчастіе подвергнуться этой душевной смерти, то, пока смерть тѣлесная не прекратила еще дней его, для него, при содѣйствіи благодати Божіей, еще остается возможность оставить путь погибели, и вступить на путь спасенія — чрезъ искреннее обращеніе къ Богу. Посмотримъ же теперь:

2. Съ чего начался путь спасительнаго возвращенія блуднаго сына въ домъ отчій? — Онъ пришелъ въ себя, опомнился и, сравнивъ тяжкія бѣдствія, до которыхъ самъ себя довелъ удаленіемъ въ страну чуждую, съ прошедшимъ блаженствомъ своимъ въ домѣ отца, у котораго и для наемниковъ всего было довольно, рѣшился возвратиться въ отеческое жилище!

Такъ точно бываетъ, братія, и съ грѣшникомъ, когда онъ, вразумленный лютыми муками душевнаго голода, приходитъ въ себя, озирается съ ужасомъ вспять, разсматриваетъ въ мысляхъ всѣ свои безумныя дѣла, всѣ безчисленныя жертвы, принесенныя имъ своей страсти, и

спрашиваетъ наконецъ самъ себя, со вздохомъ: „какъ могъ я такъ дорого купить свое бѣдствіе, свой стыдъ, свое поношеніе?“

Въ этомъ состояніи, когда лучъ благодати Божіей проникаетъ въ его мрачную душу, ему приходятъ на память и прежнія утѣшенія вѣры, прежнее спокойствіе совѣсти, прежняя радость дѣлъ добрыхъ и восхитительная надежда безсмертія,—все то, чѣмъ онъ наслаждался, пребывая въ дому Божіемъ съ сыновнею покорностію.

При воспоминаніи о столь многихъ, безцѣнныхъ благахъ, самопроизвольно утраченныхъ, и при живомъ ощущеніи постигшаго зла, кающійся грѣшникъ проливаетъ горькія слезы и говоритъ самъ себѣ: „о, я безумный виновникъ собственнаго злополучія! Не хотѣлъ я жить въ домѣ Господнемъ, куда нѣкогда вступилъ чрезъ дверь святаго крещенія, и гдѣ, послѣ ежедневныхъ посильныхъ трудовъ служенія Богу, вкушалъ *брашно негибнущее* тѣла и крови Христовой (Іоан. 6, 27), пилъ *воду живую* спасительнаго ученія (Іоан. 4, 10), одѣвался *одеждою веселія* (Ис. 59, 10), ризою заслугъ Христовыхъ, и въ радости сердца воспѣвалъ духовныя пѣсни (Кол. 3, 16), съ любовію участвуя въ общественномъ богослуженіи, и въ своей уединенной клѣти молясь Отцу духовъ, видящему втайнѣ и воздающему явно! Не умѣлъ я дорожить этимъ мирнымъ счастіемъ истинныхъ чадъ Божіихъ и сонаслѣдниковъ царствія! Я мечталъ обрѣсти другія, болѣе увлекательныя утѣхи въ удаленіи отъ Отца небеснаго. Но съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ домъ Отчій и безумно расточилъ все отеческое достояніе,—я, добровольный изгнанникъ, блуждалъ отъ бѣдствія къ бѣдствію. А теперь!. послѣдній наемникъ въ домѣ Отца счастливѣе меня: онъ живетъ въ изобиліи, пользуется великодушіемъ Домовладыки, а я, сынъ,—злополучный бѣглецъ, скитаюсь

въ отверженіи, покрытый безславіемъ и поношеніемъ, умирая съ голоду! Что же мнѣ дѣлать, куда я обращусь? Окруженный со всѣхъ сторонъ бѣдностію и беззаконіемъ, еносный для другихъ и для самого себя, въ какую сторону направлю стопы мои?—Но могу ли колебаться еще долѣе? Развѣ я не имѣю Отца? *Востав, иду ко Отцу моему,* и припаду къ ногамъ Его! Я знаю глубину Его любвеобильнаго сердца, — Его милосердіе неистощимое! Это Отецъ, превосходящій всѣхъ отцевъ своею любовію! Если и земные отцы способны такъ сильно любить, что ихъ чувства готовы сдѣлать чудеса для дѣтей: то какого чуда не сотворитъ Отецъ небесный для спасенія своей погибающей твари?“

Такъ, братія, напечатлѣемъ глубоко въ своемъ сердцѣ ту утѣшительную истину, что упованіе на Бога никогда не посрамитъ,—что Онъ есть милосердый Отецъ, который никогда не оставитъ грѣшника, обращающагося къ нему съ пути нечестія.

Но упованіе не ослѣпляетъ блуднаго сына: оно оживляетъ его раскаяніемъ, но не внушаетъ ему самонадѣянности! Онъ готовъ съ совершенною покорностію и глубокимъ чувствомъ самоуничиженія выслушать всѣ возможныя обличенія; но какія обличенія сильнѣе обличеній его собственнаго сердца? И вотъ онъ идетъ къ отцу, чтобы пасть къ ногамъ его, исповѣдать передъ нимъ свой грѣхъ, и, признавъ себя недостойнымъ даже имени сына, — просить принять его хотя въ число наемниковъ своихъ.

Таково расположеніе души, обращающейся къ Богу; таковы ощущенія сердца, возраждаемаго благодатію Божіею, — сердца воздыхающаго и обличающаго себя постоянно. — сердца сокрушеннаго и смиреннаго, которое вину имѣетъ грѣхъ свой предъ собою и, предаваясь сѣ-

тованію и слезамъ, полагаетъ всю свою надежду въ безпредѣльномъ милосердіи небеснаго Отца!

Ахъ, это искренно кающееся сердце глубоко чувствуетъ, что грѣхъ дѣлаетъ человѣка недостойнымъ всего, что одно смиреніе наше составляетъ нашу силу, что если Богъ даруетъ прощеніе, то единственно тѣмъ, которые не прощаютъ сами себѣ и, подобно блудному сыну, вопіютъ: *Отче, согрѣшихъ! и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой; сотвори мя яко единаго отъ наемникъ Твоихъ!*

Наконецъ блудный сынъ возвратился въ домъ отца! *Еще же далече ему сущу, узрѣ его!* Подлинно, только проницательный взоръ любви отчей могъ узнать сына, такъ давно отшедшаго и возвратившагося далеко не въ прежнемъ состояніи. Черты его обезображены, юность увяла, изодранное рубище едва прикрываетъ его; но не смотря на такую перемѣну, подъ этою печальною внѣшностію, отецъ тотчасъ узналъ своего сына, который долго забывалъ его, но ни на минуту небылъ забытъ имъ.

И вотъ, лишь только увидѣлъ онъ возвращеніе пропадавшаго, утроба въ немъ тронулась, сердце всколебалось въ самой глубинѣ своей: *и милъ ему бысть, и текъ, нападе на выю его, и облобыза его,* — онъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу, заключаетъ въ свои объятія, прижимаетъ къ своему сердцу, и прежде всего выражаетъ свою всепрощающую любовь, не столько словами, сколько слезами!

Возможно ли описать, что почувствовалъ сынъ, когда очутился въ объятіяхъ отца, дарующаго ему прощеніе,— когда увидѣлъ, что достигъ конца золъ, и уже далекъ отъ смятеній и бурь, столько возмущающихъ его жизнь!

Но добрый отецъ не ограничивается однимъ примиреніемъ: его радость изливается со всею полнотою

внѣ; всѣ слуги участвуютъ въ его веселіи; приносятъ сыну дорогіе уборы, украшавшіе его въ прекрасные дни невинности, налагаютъ на его руку перстень,— знакъ его важности и сыновней свободы: изготовляется великое торжество, обильная трапеза, и веселые звуки пѣнія и ликованій, потрясая воздухъ, возвѣщаютъ всей окрестности, что *сынъ сей мертвъ бѣ, и оживе,—изгибль бѣ, и обрѣтеся*, пропадалъ, и нашелся!

Въ сихъ-то трогательныхъ чертахъ, братія, изображается Отецъ нашъ небесный!— Онъ предваряетъ насъ дѣйствіемъ своей благодати, когда мы приближаемся къ Нему съ искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ; Его безпредѣльная любовь всегда готова простить намъ все, о чемъ мы плачемъ, и даже удостоить насъ особеннаго благоволенія, не смотря на грѣховныя пятна, покрывающія насъ и, какбы поражаясь болѣе нашимъ несчастіемъ, нежели преступностію, пріемлетъ на себя всю тяжесть примиренія!

Но кто въ силахъ изобразить это состояніе души, когда она, вполнѣ почувствовавъ, что одинъ день въ домѣ Божіемъ лучше, нежели тысячи въ селеніяхъ грѣшничихъ, переходитъ отъ обуреваній порока къ тихому пристанищу добродѣтели и, воспламенясь святою любовію, услаждающею всѣ труды и оживляющею всѣ пожертвованія, видитъ, наконецъ, себя въ мирѣ съ Богомъ и съ собою? Кто опишетъ ту неизъяснимую духовную радость для покаявшагося грѣшника, когда онъ, какбы скинувъ съ себя грѣховное рубище, облекается въ боголѣпную ризу оправданія предъ Богомъ, по силѣ заслугъ Христовыхъ, и видитъ не только забвеніе своихъ преступленій, но и возстановленіе своего достоинства; когда во всякомъ священнодѣйствіи, во всякомъ таинствѣ онъ усматриваетъ священный залогъ своего

примиренія, когда, упокоенный за священною трапезою чадъ Божіихъ, участвуетъ въ пирѣ небесномъ, гдѣ все жизнь, все безсмертіе, правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ!

Поистинѣ, и Отецъ небесный, и Церковь Божія на землѣ, и сонмы блаженныхъ духовъ на небеси — радуются тогда о грѣшникѣ покаявшемся: *возвеселитижеся и возрадовати подобаше, яко сей мертвъ бѣ, и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся!*

Братія христіане! если наши душевныя очи еще не ослѣплены самолюбіемъ и гордостію, и мы не исключаемъ себя изъ числа блуждающихъ чадъ Божіихъ; то, зная чѣмъ окачивается гибельный путь удаленія отъ Бога, отзовемся на кроткій зовъ Отца небеснаго, глаголющаго чрезъ Пророка: *обратитеся ко Мнѣ, сынове отступившіи* (Іер. 3, 14)! Отзовемся гласомъ искренняго раскаянія: *Отче, согрѣшихомъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмы достойни нарещися сынове Твои! сотвори ны яко единыхъ отъ наемникъ Твоихъ!*

Зрите, чада вѣры и упованія! се Отецъ небесный исходитъ во срѣтеніе обращающихся къ Нему всѣмъ сердцемъ, и устрояетъ торжество веліе въ Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, да и Ангелы возрадуются о тѣхъ, которые были мертвы грѣхомъ, но отнынѣ будутъ живы для добродѣтели и спасенія,—которые погибали, но отнынѣ обрѣтаются, благодатію, щедротами и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

О ГИБЕЛЬНОМЪ СОСТОЯНІИ ЧЕЛОВѢКА, УДАЛИВШАГОСЯ ОТЪ ОТЦА НЕБЕСНАГО [1].

Востав иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою; и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой; сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ (Лук. 15, 18. 19)!

Кто этотъ несчастный, рѣшившійся возвратиться къ оставленному имъ и столь жестоко оскорбленному отцу?—

Это блудный сынъ, который получилъ отъ отца, быть можетъ, подъ разными благовидными предлогами, предназначенную ему часть имѣнія, чтобы распоряжаться ею по своему произволу. Вскорѣ, убѣгая надзора добродѣтельнаго родителя, оставилъ онъ отцовскій домъ, отошелъ на страну далече, и тамъ, предавшись влеченію своего развращеннаго сердца, расточилъ все свое имѣніе на дѣла богопротивныя и нечестивыя. Съ распространеніемъ въ той странѣ сильнаго голода, бѣжавшій изъ родительскаго дома дошелъ до того, что сдѣлался рабомъ, принужденъ былъ пасти нечистыхъ животныхъ и, наконецъ, питаться кормомъ ихъ; но и того никто не давалъ ему!

[1] Слово въ недѣлю о блудномъ сынѣ, сказанное въ Казанскомъ соборѣ.

Въ этихъ-то горестныхъ обстоятельствахъ, онъ опомнился, пришелъ въ себя, увидѣлъ свое униженіе, почувствовалъ, что гибнетъ съ голоду, между тѣмъ какъ у его отца самые наемники довольствуются всѣмъ съ избыткомъ. Тогда, уже считая за особенное для себя благо быть хотя въ числѣ сихъ наемниковъ родительскаго дома, рѣшился возвратиться къ отцу, чтобъ испросить у него по крайней мѣрѣ эту милость, тронувъ его искреннимъ сознаніемъ всей тяжести своихъ проступковъ.

Любовь кроткаго и незлобиваго отца къ заблуждшему, но возвратившемуся съ раскаяніемъ, сыну, превзошла всѣ его ожиданія. Чадолюбивый отецъ, еще издалека увидѣвъ его, сжалился надъ нимъ, побѣжалъ къ нему на встрѣчу, кинулся ему на шею, цѣловалъ его; и, едва тотъ успѣлъ сознаться въ своей грѣховности и въ своемъ недостоинствѣ, какъ онъ, не желая болѣе и вспоминать о его проступкахъ, немедленно возвратилъ ему всѣ знаки его сыновняго званія,—лучшую одежду, перстень на руку и сапоги на ноги, и наконецъ, учредилъ торжественный пиръ, съ пѣніемъ и ликами, радуясь, что сынъ его: *мертвъ бѣ, и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся!*

Возлюбленные братія! нельзя и сомнѣваться, что эту трогательную евангельскую притчу предложилъ Господь съ тѣмъ, чтобы показать намъ, до какого гибельнаго состоянія доводитъ самовольное удаленіе отъ Отца небеснаго въ страну грѣховную и расточеніе всѣхъ благодатныхъ даровъ Его: какой стыдъ и срамъ покрываетъ тогда человѣка, какой гладъ томитъ его душу; а чрезъ это самое—возбудить въ насъ искреннее желаніе обратиться всецѣло къ нашему небесному Отцу, всегда готовому и заблудшихъ насъ принять въ свою первую любовь, съ распростертыми объятіями.

Посвятимъ же настоящія минуты на то, чтобы, съ помощію Божіею, произвесть въ себѣ живое сознаніе того, какъ 1) постыдно, и 2) какъ томительно состояніе грѣшниковъ въ удаленіи ихъ отъ Бога.

1. Растрата всего духовнаго имущества своего, жалкая нищета и бѣдность, потеря сыновней свободы и подчиненіе себя грѣховному рабству, униженіе себя до уподобленія несмысленнымъ и нечистымъ животнымъ: вотъ то крайнее уничиженіе и посрамленіе, которое неминуемо постигаетъ всякую грѣшную душу.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣми ужасными и безотрадными потерями, которыя причиняетъ грѣхъ. Подумайте: грѣшникъ теряетъ не какое либо тлѣнное и скоропреходящее богатство, а то, что для насъ дороже самой жизни,— живую вѣру въ Бога тріипостаснаго, это единственное утѣшеніе и отраду душъ спасаемыхъ, чистую любовь къ Отцу небесному, а съ нею и святое упованіе, этотъ несомнѣнный залогъ вѣчнаго блаженства, *обрученіе Духа* (2 Кор. 1, 22)!

Съ потерею столь неоцѣненныхъ сокровищъ, утративъ благолѣпную одежду чистоты и невинности, дарованную ему въ св. крещеніи, грѣшникъ является въ позорной наготѣ душевной. Одна за другою, искажаются въ немъ всѣ черты образа Божія, и онъ является въ отвратительномъ безобразіи предъ лицемъ Ангеловъ и святыхъ человѣковъ. Не только силы души, мудрость ума, правоту воли, чистоту совѣсти, непорочность сердца, цѣломудріе духа, честность жизни бѣдный грѣшникъ приноситъ въ жертву своимъ страстямъ, но и здоровье тѣла, и время, и лѣта, словомъ сказать, и внѣшнее и внутреннее достояніе свое, и, наконецъ, дѣлается совершенно нищимъ.

Но, еще къ большему стыду и посрамленію своему, этотъ несчастный нищій, весьма нерѣдко, или по ослѣп-

ленію гордости, или по невѣжеству ума, или по обольщенію сердца, или по разсѣянности мірской, не сознаетъ своей жалкой внутренней бѣдности, и, слишкомъ много приписывая важности нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ довольства, даже мечтаетъ иногда гордиться своимъ богатствомъ!

Такого-то грѣшника обличаетъ Духъ Божій: *глаголеши,* говоритъ ему, *яко богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси окаяненъ и бѣденъ, и нищъ и слѣпъ и нагъ! Совѣщаю тебѣ,* присовокупляетъ Господь, *купити отъ Мене злато разжжено огнемъ, да обогатишися, и да не явится срамота наготы твоея; и коллуріемъ помажи очи твои, да видиши* (Апок. 3, 17. 18) крайнюю нищету твою.

Однакожь, блуждающій по стропотнымъ путямъ нечестія, грѣшникъ и внемлетъ, и не внемлетъ сему спасительному совѣту: *нозѣ его на зло текутъ* (Рим. 3, 15) неудержимо.

Онъ не можетъ, наконецъ, не примѣчать своей крайней бѣдности; но, думая исправить ее цѣною постыднаго рабства,— даетъ только полную власть надъ собою своимъ страстямъ, и, порабощаясь имъ, чрезъ это самое порабощается самому князю тьмы; а такимъ образомъ, покрываетъ себя новымъ стыдомъ и поношеніемъ.

Подвергнувшись ужасному рабству діавола (1 Іоан. 3, 8) и какбы сроднившись съ нимъ, *прильпившись ему* (Лук. 15, 15), грѣшникъ, по дѣйству духа злобы, достигаетъ до послѣдней степени своего нравственнаго униженія и безчестія. Тогда-то обаяніе страстей уже совсѣмъ заглушаетъ въ немъ чувство стыда; непроницаемый мракъ ослѣпляетъ и умъ, и совѣсть. Какая-то непреодолимая сила влечетъ грѣшника къ безднѣ конечной гибели, все ближе и ближе. Тогда-то *человѣкъ,* прежде *въ чести сый,*

какбы совершенно потерявъ разумъ, *не разумѣ,* остави Бога, и — *приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. 48, 21)!

О, самый слухъ вашъ, братія христіане, оскорбился бы повѣствованіемъ о томъ презрѣнномъ, но вмѣстѣ жалкомъ и ужасномъ состояніи, до котораго доходятъ люди грѣшные, пришедшіе во глубину золъ! Довольно сказать, что грѣшники, совсѣмъ погрязши въ чувственность, по выраженію Апостола, поставляютъ для себя *богомъ* собственное *чрево* (Филип. 3, 19), и доходятъ до того, что, дѣйствительно, предаются желаніямъ совершенно скотоподобнымъ. Какъ скоты водятся одними естественными побужденіями, одною слѣпою наклонностію къ удовлетворенію грубымъ потребностямъ; такъ и грѣшники, забывшіе свое безсмертное назначеніе, свои высокія обязанности и страшный судъ Бога, нерѣдко съ безуміемъ и безстыдствомъ, восклицаютъ: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32)!

Безъ сомнѣнія, до такой ужасной бездны нечестія доходятъ, благодареніе Богу, не всѣ; но доходятъ же хотя нѣкоторые, — доходятъ всѣ люди безпечные, равнодушные къ своему спасенію, всегда готовые всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать требованіямъ своего развращеннаго сердца. И если бы мы съ вами позволяли себѣ потворствовать и послаблять своимъ грѣховнымъ пожеланіямъ и стремленіямъ; то кто поручится намъ, что и мы не дошли бы до такого крайняго зла?

Никто не раждается порочнымъ, но дѣлается такимъ непримѣтно, уклоняясь отъ закона Божія шагъ за шагомъ, пока, наконецъ, не покроется совершеннымъ безславіемъ грѣха!

2. Потеря истинной чести и униженіе человѣческаго достоинства не есть еще единственное, исключительное

бѣдствіе и злополучіе грѣшника, забывшаго Бога и ископавшаго себѣ кладенцы сокрушенные мнимаго довольства: неугомимый голодъ смертельно томитъ его душу.

Онъ именно испытываетъ непрестанно ту мучительную алчбу, которую всегда оставляютъ по себѣ всѣ мірскія утѣхи и удовольствія, противныя закону Божію.

Напрасно искусство человѣческое облекаетъ блага земныя въ тысячу различныхъ видовъ. Хотя бы наше насыщеніе ими простиралось до пресыщенія, оно оказывается только новымъ, ненасытимымъ голодомъ. Чѣмъ болѣе вкушаемъ ихъ, тѣмъ болѣе алчемъ, отъ того, что въ странѣ заблужденій и пороковъ, дѣйствительно, царствуетъ вѣчный, ничѣмъ ненасыщаемый, голодъ.

Нѣтъ, повидимому, существа болѣе ненасытнаго и алчнаго, какъ человѣкъ, обладаемый необузданными страстями. Лукавый міръ, дѣйствуя по тайнымъ внушеніямъ духа злобы, это видитъ, и, самъ алчный, *ища своихъ си,* всячески усиливается утолить алчности человѣка, упоить его чувства, только бы удержать его на своей сторонѣ, далече отъ Бога. Однѣ за другими слѣдуютъ у него разныя забавы, которыми на время услаждаются и на мгновеніе успокоиваются ничѣмъ ненасыщаемыя чувства!— и тѣмъ не менѣе, при всѣхъ ухищреніяхъ порока, новый, жесточайшій голодъ нещадно томитъ порочную душу.

Такъ, никакіе порывы изступленія не заглушатъ естественнаго голода души законопреступной: одна страсть раждается изъ пепла другой страсти; желаніе удовлетворенное производитъ новое желаніе!

Чего не придумалъ, чего не испыталъ Соломонъ, когда, уклонившись сердцемъ отъ Бога отцевъ своихъ, старался наполнить пустоту сердца мірскими утѣхами? И однакожь, всѣ обаянія роскоши и удовольствій не утолили томленія и жестокаго голода души могуществен-

нѣйшаго изъ царей. *И призрѣхъ,* сказалъ самъ онъ, *на вся творенія моя, и се вся суета и крушеніе духа* (Еккл. гл. 2)!—Былъ и всегда есть *гладъ крѣпокъ* на странѣ той, на странѣ удаленія отъ Бога, и нѣтъ тамъ возможности не терпѣть нужды, нѣтъ возможности насытить свою душу!

Но вотъ, чего не производитъ чувство нравственнаго униженія, заглушаемое воплями страстей, то, весьма нерѣдко, при содѣйствіи благодати Божіей, производитъ чувство духовнаго голода, ничѣмъ неутолимаго. *Колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы,* говоритъ блудный сынъ, пришедшій въ себя отъ дѣйствія сильнаго голода,— *азъ же гладомъ гиблю; воставъ иду ко отцу моему;* и, уже не дерзая надѣяться на возстановленіе униженнаго имъ сыновняго достоинства, желаетъ по крайней мѣрѣ быть въ числѣ этихъ наемниковъ, только бы, подобно имъ, довольствоваться хлѣбомъ, и не погибнутъ отъ голода!—

Да будетъ благословенна во вѣки любовь Твоя, премилосердый Отче нашъ небесный! Не только хлѣбъ насущный готовъ у Тебя для обращающихся къ Тебѣ заблуждшихъ чадъ Твоихъ; но и всѣ почести горняго званія, какія приличны возлюбленнымъ сынамъ Твоимъ и наслѣдникамъ вѣчнаго Твоего царствія, Ты возвращаешь имъ!

Ты возвращаешь, Господи, грѣшникамъ, примиряющимся съ Тобою въ таинствѣ святаго покаянія, всѣ потерянныя ими права,—снова облекаешь ихъ въ одежду, свойственную сыновнему достоинству, чистый и свѣтлый виссонъ *оправданія святыхъ* (Ап. 19, 8), украшаешь ихъ и знаменіемъ благодатнаго союза съ Тобою, обновляешь *обрученіе Духа въ сердцахъ* ихъ (2 Кор. 1, 22).

Возвративъ грѣшникамъ потерянныя ими честь и славу, Ты, Отецъ небесный, являешь имъ совершенное забвеніе и всепрощеніе грѣховъ прошедшихъ, и подаешь еще

другое, величайшее и совершеннѣйшее утѣшеніе: въ сонмѣ вѣрныхъ рабовъ Твоихъ, среди ихъ молитвъ, пѣснопѣній и ликованій, утоляешь духовный голодъ ожившихъ чадъ Твоихъ спасительнымъ глаголомъ, исходящимъ изъ устъ Твоихъ, и, предуготовивъ Божественную трапезу, питаешь ихъ тѣломъ и кровію, яко Агнца непорочна и пречиста, Христа, заколеннаго прежде сложенія міра, во спасеніе наше!—

Братія христіане! Познавъ гибельное состояніе душъ, удалившихся отъ Бога, отъ исполненія заповѣдей Отца небеснаго, и ободряясь живыми примѣрами Его неисчетной любви, вознесемъ къ Нему съ сугубою силою и нашъ смиренный молитвенный голосъ: покаянія отверзи намъ двери, Жизнодавче; потщися отверсти и намъ отеческія объятія своей безмѣрной любви, прощающей, милующей, возстановляющей, утѣшающей, спасающей! Аминь.

ПРИЗЫВЪ СВ. ЦЕРКВИ КЪ ПОКАЯНІЮ.[1]

Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати, у Господа просимъ.

Благопотребно и во всякое время просить Господа, чтобы Онъ даровалъ намъ мирно и душеспасительно совершить земное наше поприще. Сознаютъ это вѣрныя чада Церкви Христовой, и при каждомъ общественномъ богослуженіи—всенепремѣнно умоляютъ о томъ благость Божію. Но вотъ наступаетъ время, и настало уже, когда пекущаяся о нашемъ спасеніи, чадолюбивая матерь наша св. Церковь съ особеннымъ усиліемъ располагаетъ насъ къ покаянію, и влагаетъ въ уста наши самыя трогательныя покаянныя молитвы. Нельзя намъ, возлюбленные о Христѣ братія, не обратить на это полнаго нашего вниманія.

„Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!...“ „Множество содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго!...“ „На спасенія стези настави мя, Богородице!...“

Кто изъ насъ, братія, безъ сердечнаго умиленія могъ слышать сіи молитвенныя воздыханія скорбящей о сво-

[1] Слово въ недѣлю сыропустную, произнесенное въ Исаакіевскомъ соборѣ, 14 февраля 1865 г.

ихъ грѣхахъ души, когда они впервые коснулись слуха и сердца нашего въ четвертое передъ симъ воскресеніе, на утреннемъ богослуженіи, и затѣмъ, въ такое же время, повторялись въ послѣдующія недѣли?—Въ комъ не возбуждали они дѣйствительнаго желанія—взойти въ храмъ покаянія, только бы самъ Христосъ Жизнодавецъ, благодатію своею, отверзъ намъ двери въ него?—Кто, сознавая свою грѣховность, не трепеталъ при воспоминаніи о страшномъ днѣ суда Божія, и не признавалъ вожделѣннымъ для себя, при содѣйствіи Богоматери, вступить на стези спасенія? Такъ, братія, всѣ мы болѣе или менѣе перечувствовали это, когда внимали умилительнымъ церковнымъ пѣснопѣніямъ въ настоящій и предшествовавшіе воскресные дни.

Но благія чувствованія—только сѣмя, или сила добрыхъ дѣлъ. Чтобы это сѣмя могло возрасти и принесть обильный плодъ, св. Церковь питаетъ его словомъ Божіимъ, — представляя намъ въ евангельскихъ воскресныхъ чтеніяхъ и примѣры покаянія, и побужденія къ нему.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, въ воскресный день, мы слышали, братія, о покаяніи Закхея мытаря, который, удостоившись посѣщенія Христа Спасителя, сказалъ Ему: Господи! *се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ; и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею,* и которому Господь вѣщалъ: *днесь спасеніе дому сему бысть. Пріиде бо Сынъ человѣчь взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 19, 8—10).

Въ слѣдующее затѣмъ воскресеніе, предложена нашему вниманію притча о смиренной молитвѣ мытаря грѣшника, за которую онъ оправданъ Богомъ, и о самохвальномъ моленіи фарисея, мнимаго праведника, который предъ судомъ Господнимъ оказался несравненно хуже этого, уничиженнаго имъ, грѣшника.

Черезъ недѣлю потомъ, притчею о блудномъ сынѣ утверждена въ насъ надежда — всегда найти для себя отверстыми объятія Отца небеснаго, милующаго и прощающаго насъ, какъ скоро мы чистосердечно обращаемся къ Нему съ раскаяніемъ.

А въ прошедшій, мясопустный воскресный день — изображеніе страшнаго суда Христова, и въ св. Евангеліи, и въ богослужебныхъ пѣсняхъ, должно было послужить для насъ сильнымъ врачевствомъ противъ нашей безпечности въ дѣлѣ спасенія.

Наконецъ, въ самую сію—сыропустную недѣлю, священныя пѣснопѣнія изобразили намъ паденіе праотца нашего Адама, который съ праматерію, бывъ вовлеченъ лукавствомъ древняго змія въ грѣхъ гордыни и невоздержанія, изгнанъ изъ рая въ сей, нами обитаемый и во злѣ лежащій, міръ; а нынѣ чтенное Евангеліе показало намъ свойства истиннаго поста,—да не явимся предъ людьми постящимися, но предъ Отцемъ нашимъ небеснымъ, который видитъ втайнѣ — и самыя сокровенныя расположенія и помыслы нашей души, и воздаетъ намъ явною своею милостію. Нынѣ чтенное Евангеліе, равнымъ образомъ, показало и необходимое условіе прощенія грѣховъ нашихъ,—чтобы, то есть, мы сами простили ближнимъ своимъ согрѣшенія ихъ, и примирились со всякимъ о Христѣ братомъ, имѣющимъ нѣчто на насъ.

Тѣмъ изъ насъ, братія, у которыхъ вошло въ благочестивый обычай—посѣщать храмъ Господень для участія въ церковной молитвѣ, нетолько въ воскресенье, но и въ седмичные дни,—тѣмъ добрымъ христіанамъ извѣстно, что св. Церковь взираетъ на сырную, или такъ называемую въ житейскомъ быту масляную седмицу, какъ на постепенный переходъ къ великому посту, и уже сопровождала богослуженіе минувшихъ среды и пятка, въ ко-

торые не бываетъ и божественной литургіи, великими поклонами, съ произнесеніемъ всѣмъ вамъ извѣстной покаянной молитвы св. Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми,“ и проч. А вотъ сегодня, чрезъ нѣсколько часовъ, будетъ совершаться торжественно трогательная и умилительная вечерня, среди которой пѣніе прокимна: *не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя,*—невольно исторгаетъ изъ сердца скорбныя воздыханія о грѣхахъ...

На сію-то вечерню, въ царствующемъ нашемъ градѣ, многія тысячи народа, всякаго возраста, званія и состоянія,—презрѣвъ разставленныя вблизи отсюда разныя приманки столь несвоевременныхъ и нерѣдко безчинныхъ увеселеній,—устремляются во святую Александроневскую обитель, чтобы послѣ богослуженія принять благословеніе архипастыря на предлежащіе подвиги поста и покаянія; а другіе наполняютъ собою приходскія церкви, чтобы съ не меньшимъ усердіемъ помолиться Всевышнему о благодатномъ Его содѣйствіи къ начатію тѣхъ же святыхъ подвиговъ. Затѣмъ, братія, у всѣхъ истинныхъ чадъ православной Церкви падаетъ средостѣніе вражды, и всѣ другъ другу прощаютъ и большія и малыя вины отъ чистаго сердца и любви нелицемѣрныя. Съ такими-то истинно христіанскими чувствами и расположеніями духа, мирно и благочестиво, встрѣчаютъ люди Божіи святую и великую четыредесятницу.

Нужно ли еще припоминать вамъ, братія, о томъ, какъ сильно, мудро и любвеобильно св. Церковь руководствуетъ насъ на пути къ спасенію — при самомъ началѣ и во все продолженіе дней поста и покаянія? — Но это извѣстно вамъ по опыту, и сей опытъ безъ сомнѣнія отзовется въ вашей душѣ не дальше, какъ въ

завтрешній день, когда унылый звонъ церковный, какъ проникающіе душу звуки матернихъ стенаній у одра болящихъ дѣтей, заставитъ васъ встрепенуться, задуматься, вздохнуть и—можетъ быть—уронить слезу предъ своимъ Создателемъ и Господомъ... Благо намъ, братія, если это повидимому бездушное звучаніе кимвала внятно и внушительно проговоритъ нашей душѣ: „прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати, у Господа просимъ!“—Благо намъ, возлюбленные, если этотъ призывающій насъ къ покаянію звонъ мы примемъ за гласъ самого Господа, который ищетъ нашего спасенія, и о которомъ во святомъ Писаніи сказано: *днесь аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Евр. 3, 15).

Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія (2 Кор. 6, 2)! Спасеніе душевное дороже для насъ, братія, всего на свѣтѣ,—дороже самой жизни нашей. Подорожимъ же временемъ—особенно блгопріятнымъ для спасенія. Не допустимъ, чтобы столько заботъ о нашемъ душевномъ благѣ со стороны матери нашей св. православной Церкви остались тщетными,—чтобы послѣ столькихъ попеченій ея приготовить и настроить нашу душу къ истинному покаянію, оказались мы къ тому совершенно неготовыми, и даже холодными, равнодушными и невнимательными. Поспѣшимъ во дни поста и покаянія въ храмы Божіи и во врачебницу духовную, для исцѣленія нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ немощей. Утвердимъ себя въ той мысли, что если и теперь не воспользуемся мы богодарованными намъ средствами очищенія своей совѣсти и тѣснѣйшаго соединенія со Христомъ Жизнодавцемъ, въ залогъ вѣчно блаженной жизни въ Богѣ,—то трудно, чрезвычайно трудно и можетъ быть даже невозможно будетъ намъ впослѣдствіи ничѣмъ вознаградить эту величайшую и всякіе земные интересы

неизмѣримо превышающую потерю. *Кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и оттщетитъ душу свою? или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей* (Марк. 8, 36. 37)? *Иже не вѣсте, что утрѣ случится: кая бо жизнь ваша? пара бо есть, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ. Вмѣсто еже бы глаголати вамъ: аще Господь восхощетъ, и живи будемъ, и сотворимъ сіе или оно: нынѣ же хвалитеся въ гордыняхъ вашихъ: всяка хвала такова зла есть. Вѣдущему убо добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (Іак. 4, 14—17),

Итакъ, братія, безъ всякаго дальнѣйшаго отлагательства, испросивъ у Господа милосердаго благодатной помощи на то, чтобы прочее время живота нашего, т. е. остальное время нашей жизни, скончать въ покаяніи, въ мирѣ съ Богомъ, съ совѣстію и съ ближними,—при этой благодатной Божіей помощи, вступимъ бодреннымъ сердцемъ и трезвенною мыслію на предлежащее намъ поприще добрыхъ и душеспасительныхъ подвиговъ, да и вѣчное спасеніе улучимъ, и еще здѣсь во времени удостоимся великой и богатой милости Божіей. Наипаче же да сподобимся вскорѣ поклониться съ сердечнымъ умиленіемъ спасительнымъ страданіямъ Господа нашего Іисуса Христа, и съ неописанною радостію—живоносному Его воскресенію. Аминь.

СВЯТЫЕ АПОСТОЛЫ

ІАКОВЪ АЛФЕЕВЪ И ІАКОВЪ БРАТЪ ГОСПОДЕНЬ.

(ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

ъ теченіе мѣсяца октября св. православная Церковь празднуетъ двумъ соименнымъ св. Апостоламъ: 9-го октября — Іакову Алфееву, и 23-го — Іакову брату Господню.

Кто присутствовалъ въ эти дни при богослуженіи,— кто читалъ или слушалъ священныя пѣснопѣнія и вообще всю службу церковную въ честь того и другаго Апостола, у того не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что православная Церковь рѣзкими чертами отличаетъ Іакова Алфеева отъ Іакова брата Господня.

Столь же рѣзкое различіе между ними представляетъ изображеніе ихъ житія и трудовъ апостольскихъ, какое находимъ въ Четьихъ-минеяхъ и въ Прологѣ, подъ означенными числами.

Поэтому едва ли кто изъ благочестивыхъ чадъ Церкви захотѣлъ бы того и другаго Апостола сливать въ одно лице, не имѣя на то самыхъ уважительныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ. Такихъ доказательствъ, думаемъ, особенно въ правѣ были бы мы требовать отъ православныхъ учителей, держащихся противнаго мнѣ-

нія. Тѣмъ, напримѣръ, которые св. Іакова Алфеева признаютъ своимъ ангеломъ и молитвенникомъ у Бога, легко ли согласиться, что избранный ими для себя особенный покровитель — св. апостолъ Іаковъ Алфеевъ, какъ лице отличное отъ Іакова брата Господня, не существуетъ? [1] — Конечно, если бы представлены были очень убѣдительные доводы въ подтвержденіе того, что св. Іаковъ Алфеевъ и св. Іаковъ братъ Господень — одно и тоже лице, — можно было бы утѣшаться мыслію, что честь, воздаваемая тому или другому, относится къ одному.

Но приводятся ли такіе доводы и доказательства? Вотъ вопросъ, который мы не считаемъ маловажнымъ, и рѣшеніемъ котораго приглашаемъ нашихъ читателей заняться теперь вмѣстѣ съ нами.

Предварительно надобно, однакоже, изложить нѣсколько подробнѣе образъ воззрѣнія на обоихъ соименныхъ Апостоловъ, усвоенный св. православною Церковію и выраженный въ принятыхъ ею жизнеописаніяхъ и службахъ церковныхъ; а за тѣмъ уже съ полнымъ безпристрастіемъ и уваженіемъ къ лицамъ, держащимся другаго мнѣнія, разсмотрѣть: достаточны ли тѣ причины, по которымъ иные изъ нашихъ ученыхъ богослововъ не сходятся съ этимъ воззрѣніемъ.

1. По свидѣтельству священнаго Писанія, и на основаніи свящ. преданія, св. апостолъ Іаковъ Алфеевъ былъ сынъ Алфея, братъ Левія Алфеева, или Матѳея мытаря, бывшаго впослѣдствіи евангелистомъ. Подобно своему брату, Іаковъ самимъ Господомъ избранъ въ число 12-ти Апостоловъ (Марк. 3, 18. Лук. 6, 17), и вмѣстѣ съ прочими былъ посланъ на проповѣдь (Матѳ. 10, 3). По воз-

[1] Есть и церкви во имя св. ап. Іакова Алфеева, напр. въ Кіевѣ, при церкви Покрова пресв. Богородицы въ подольской части. См. Полный христ. мѣсяцеслов. Кіевъ, 1854, стр. 356.

несеніи Господнемъ и по сошествіи Св. Духа на Апостоловъ, св. Іаковъ Алфеевъ сперва совершалъ апостольскіе труды съ прочими Апостолами въ Іерусалимѣ (Дѣян. 1, 13. 6, 2) и вообще въ Іудеѣ; потомъ, бывъ призванъ къ проповѣданію Евангелія язычникамъ, сопутствовалъ св. Андрею въ Эдесъ, странствовалъ для благовѣстія Христова въ Газу, Елевѳерополь и сопредѣльныя мѣста. Отсюда св. апостолъ Іаковъ Алфеевъ удалился въ Египетъ и въ городѣ Острацынѣ, послѣ немалаго въ немъ пребыванія, запечатлѣлъ апостольскіе свои подвиги мученическою смертію на крестѣ. [1]

Канонъ св. апостолу Іакову Алфееву, поемый нынѣ православною Церковію, составленъ въ IX вѣкѣ славнымъ по своей учености и благочестію, св. Ѳеофаномъ, митрополитомъ никейскимъ. Въ этомъ канонѣ, и во всей службѣ, содержатся довольно ясныя указанія и на личность св. Апостола и на кругъ его апостольской дѣятельности.

Такъ, онъ прямо называется сыномъ Алфея. „Вѣрно торжествуемъ пречестный день твоея памяти, Іакове славне, не яко *Алфеова тя сына,* но яко апостола Христова почитающе, и проповѣдника Того неизреченнаго воплощенія.“ [2] „Не яко *сына Алфеова,* но яко ученика Слова разумѣемъ тя Іакове, Апостоловъ славо.“ [3] Онъ восхваляется, какъ самимъ Господомъ избранный въ число учениковъ, и именно въ число двѣнадцати. „Самъ тя Господь единъ святый честному лику учениковъ, блаженне, сочета“ [4]. — „Священному лику учениковъ Христовыхъ счетался еси Іакове, исполняя число *двонадесятныхъ,* съ нимиже Владыцѣ предстоя, насъ поминай.“ [5]

---

[1] Никифор. кн. II, гл. 40. См. также объ Апостолахъ въ началѣ богослужебной книги Апостолъ, Дни богослуж., прот. Г. Дебольскаго, изд. 6-е. 1866 г. т. I, стр. 336. [2] На стих. ст. 4. [3] Свѣтиленъ, 9 окт. [4] Кан. п. 4, тр. 1. [5] Кан. п. 1, тр. 3.

Какъ одинъ изъ 12-ти. св. Іаковъ Алфеевъ именуется верховнымъ Христовымъ Апостоломъ, другомъ. собесѣдникомъ, сообитателемъ и самовидцемъ Христовымъ. „Неизреченнаго свѣта сіяя свѣтлостьми достойно. *верховный Христовъ Апостоле,* прилѣжно молися о творящихъ память твою, славне, пречестную.“ [1] „Избави отъ грѣховъ рабы твоя, верховный Христовъ Апостоле.“ [2]—„яко ученикъ Христовъ и другъ,“ [3]—„яко собесѣдникъ и сообитатель бывъ Владыцѣ.“ [4] — „влекій ко свѣту незаходимому воплощшагося Единороднаго Сына. Егоже самовидецъ и дѣйственный слуга былъ еси, блаженне.“ [5]— „апостоловъ украшеніе. Христовъ самовидче. блаженне.“ [6]

Упоминается. что св. апостолъ Іаковъ Алфеевъ. какъ одинъ изъ 12-ти. получилъ „непобѣдимую власть и силу, о имени Христовѣ, надъ демонами (Матѳ. 10. 1. Марк. 6. 7. Лук. 9. 1),“ [7] а принявъ Божественнаго Духа благодать. въ видѣ огненнаго языка. „языческое отерновленное попалилъ безбожіе.“ [8]

Объ апостольской дѣятельности св. Іакова Алфеева въ свящ. пѣснопѣніяхъ провозглашается. что онъ „*прошелъ землю,* просвѣщая якоже солнце. и вся страны научи.“ [9]— что онъ, какъ „органъ добрѣ составленъ. Божественнымъ окормленіемъ. *языковъ званію ввѣрился.* къ познанію Христову наставляя словесы и дѣяніи.“ [10]— что онъ, премудрый, „яко громъ, всѣмъ странамъ возвѣстилъ свое вѣщаніе, воплощенное Слово достойно проповѣдуя.“ [11]— что онъ, богодухновенный, „мудрость истинно Учителя имѣвъ. научающую сущымъ паче ума. *мудрость обѣюродилъ еллинскую,* и былъ свѣтильникъ языкамъ божественный. благочестія словесы направляя без-

[1] Кан. п. 6, тр. 3. [2] Кан. п. 9, тр. 3. [3] Ікосъ. [4] Кан. п. 8, тр. 2. [5] Кан. п. 9, тр. 1. [6] На хвал. ст. 2. [7] На ст., ст. 1. [8] На Госп. воззв., слава. [9] На стих. ст. 1. [10] На стих. ст. 3. [11] Кан. п. 7, тр. 3.

умныя;“ [1]—„священноученикъ, небеснымъ наученъ истинно таинствомъ, *прошелъ всю вселенную,* проповѣдая велегласно слово вѣры Христовы.“ [2]

Наконецъ, въ похвалу св. апостола Іакова Алфеева воспѣвается то, что онъ, „просвѣтивъ молніями проповѣданія во тмѣ сѣдящія невѣдѣнія, и показавъ ихъ сынами Владыки и Бога, вѣры ради,“ *„поревновалъ Его страстемъ и смерти* (крестной), и славы былъ наслѣдникъ, яко мудръ и богоглагольникъ, яко ученикъ истиннѣйшій,“ [3]—„скончавшій божественные подвиги страданіями и муками различными, и предавшій душу свою Христу.“ [4]

Пареміи на всенощномъ бдѣніи, Апостолъ и Евангеліе въ день памяти св. апостола Іакова Алфеева, 9 окт., положены общіе Апостоламъ.

Кромѣ 9 октября сему св. Апостолу вторично празднуется 30 іюня, въ соборѣ св. 12 Апостоловъ.

Нельзя также не замѣтить здѣсь, что 26 мая православною Церковію совершается память „св. апостола *Алфея,* отца святымъ двоимъ Апостоломъ, иже отъ 12, *Іакову Алфеову* и Матѳею Евангелисту.“ [5]

Празднуемый Церковію 23 октября, св. апостолъ Іаковъ братъ Господень, по преданію, былъ сынъ св. Іосифа обручника, отъ первой его жены, и есть родной братъ упоминаемыхъ въ Евангеліи Іосіи, Іуды и Симона (Матѳ. 13, 55. Марк. 6, 3). Во время младенчества Господа Іисуса Христа онъ, по преданію, былъ спутникомъ св. Іосифа обручника и пресвятой Дѣвы Маріи, когда они съ Богомладенцемъ удалялись въ Египетъ. Впослѣдствіи онъ причтенъ къ лику 70-ти Апостоловъ

---

[1] Сѣдал. [2] Кан. п. 8, тр. 1. — п. 9, тр. 2. [3] На хвал. ст. 3. [4] На хвал. сл. [5] См. Мѣсяцословъ православно-каѳолической восточной Церкви, прот. Д. Верюжскаго, Четьи-минеи, Acta Sanctor. maji VI. p. 364.

Христовыхъ, которые въ отличіе отъ 12-ти иногда называются меньшими. Имя *малаго* или *меньшаго* усвоено Іакову брату Господню (Марк. 15, 40), въ особенности для отличія отъ Іакова Зеведеева, брата Іоанна Богослова, празднуемаго 30 апрѣля, и отъ другаго Іакова—Алфеева, изъ 12-ти.

По воскресеніи своемъ изъ мертвыхъ, Христосъ Спаситель удостоилъ нареченнаго брата своего Іакова особеннаго явленія своего (1 Кор. 15, 7). По вознесеніи Господнемъ на небо, и по сошествіи Св. Духа въ день Пятидесятницы, Іаковъ братъ Господень поставленъ отъ верховныхъ Апостоловъ первымъ іерархомъ, или епископомъ іерусалимскимъ. бывъ предназначенъ къ тому самимъ Пастыреначальникомъ Христомъ. Къ нему питали особенное уваженіе и первоверховные Апостолы (Дѣян. 12, 17); оттого на соборѣ апостольскомъ въ Іерусалимѣ онъ предсѣдательствовалъ (Дѣян. 15, 13), а Іуда, или Ѳаддей, одинъ изъ 12-ти, отличенъ именемъ брата его (Лук. 6, 16. Дѣян. 1, 13. Іуд. ст. 1).

За свою особенную святость, какъ строгій и ревностный исполнитель закона, Іаковъ братъ Господень съ самыхъ временъ апостольскихъ получилъ имя *праведнаго*, не только отъ вѣрующихъ, но и отъ невѣрныхъ. За исповѣданіе имени Христова былъ сброшенъ іудеями съ кровли храма. и, побиваемый камнями, молился за своихъ убійцъ; скончался отъ удара скалкою сукновала по головѣ. Какъ первый іерархъ, св. Іаковъ составилъ божественную литургію, которая и донынѣ совершается въ Іерусалимѣ въ день памяти его. Какъ богомудрый Апостолъ, онъ написалъ первое изъ соборныхъ посланій.[1]

[1] См. Дни богослуж., прот. Г. Добольскаго, изд. 6, т. 1. стр. 362 и пр. На счетъ этой книги, пользующейся заслуженнымъ вниманіемъ благочестивыхъ читателей, замѣтимъ впрочемъ, что относительно родства ап. Іакова мы встрѣтили въ ней противорѣчіе: въ одномъ мѣстѣ (на стр. 362) Іаковъ братъ Господень называется сыномъ Іосифа и *родным* братомъ ап. Симона, Іуды и Іосіи; въ другомъ

Всѣ вышеизложенныя черты жизни и дѣятельнотти св. апостола Іакова брата Господня изображены и въ церковной службѣ въ день памяти его. Тотъ же св. Ѳеофанъ исповѣдникъ и митрополитъ никейскій 9-го вѣка, который почтилъ священными пѣснопѣніями память св. Іакова Алфеева, составилъ канонъ и соименному ему брату Господню. [1]

По выраженію церковныхъ пѣсней, Іаковъ братъ Господень происходитъ изъ колѣна Іудова, и есть именно сынъ Іосифа обручника, съ которымъ и съ Богоматерію сопутствовалъ Господу въ Египетъ. „Веселится о тебѣ *колѣно Іудово* днесь, Христовыми свѣтлостьми видя тя свѣтло облистающа.“ [2] „*Рожденіе* тя *Іосифово*, Іерусалимовъ перваго іерарха, Іакове Боговидче, и Господня брата, пѣсньми похвальными воспоемъ вѣрно, и къ тебѣ возопіемъ: даруй намъ даръ совершенъ отъ Отца свѣтовъ (Іак. 1, 17), и отжени скорбь настоящую отъ множества прегрѣшеній.“ [3] „Еже по плоти Господяя желанія, мудре, братъ показался еси, ученикъ и самовидецъ божественныхъ таинъ, бѣгаяй съ Нимъ, и во Египтѣ бывъ *со Іосифомъ*, матерію же Іисусовою.“ [4]

Апостольская дѣятельность Іакова брата Господня усматривается со дня сошествія Св. Духа. „Свыше дыханіе зѣльное, Апостола языкомъ огнеобразнымъ вѣщати Божія величія устрои“. [5]

мѣстѣ — о св. апостолѣ Іудѣ Іаковлевѣ (на стр. 338) говорится, что онъ сынъ Клеопы брата Іосифова и *двоюродный* братъ Іакова, а родной — Симеона, еп. іерусалимскаго, который, — какъ опять о Симонѣ Зилотѣ (на стр. 337) сказано, — долженъ быть отличаемъ отъ Симона брата Господа и ап. Іуды, — новое противорѣчіе. Чтобы устранить такія противорѣчія, надобно вездѣ держаться одного, — что Іаковъ, Іуда, Симонъ и Іосія были родные братья и дѣти Іосифа обручника, а Симеонъ, еп. іерусалимскій — двоюродный ихъ братъ, какъ сынъ Клеопы, брата Іосифова.

[1] См. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греч. Церкви. Филарета, архіеп. черниг. Спб. 1860, стр. 214. [2] Кан. п. 3, тр. 1. [3] Кан. по 6 пѣсни, икос. [4] На стих. ст. 2. [5] Кан. пѣсн. 7, тр. 2.

Но особенно живыми чертами изображается въ священныхъ пѣснопѣніяхъ предназначеніе Іакова брата Господня, его избраніе ликомъ Апостоловъ и помазаніе самодѣйствомъ самого Слова воплощеннаго во іерарха Церкви іерусалимской. „Издалеча прозря твое жительство Іакове, брата тя прія Христосъ человѣколюбецъ, премудрый провидецъ, Іерусалимовъ священноявленника вѣрна, и пастыреначальника поставляетъ и таинника неизреченная священнодѣйствующа таинства.“ [1] „Апостольскій ликъ тебе избра, священствовати, первѣе въ Сіонѣ святѣмъ Христу благодѣтелю, яко суща того по плоти сродствомъ и брата, спутешественника и наслѣдника слѣдовъ того, Іакове.“ [2] „Отчее единородное Богъ Слово, пришедшее къ намъ въ послѣднія дни, Іакове божественне, перваго тя показа іерусалимлянъ пастыря и учителя, и вѣрнаго строителя таинъ духовныхъ.“ [3] „Ликъ апостольскій, всемудре, явѣ украсилъ еси, яко первый іерархъ бывъ, самодѣйствомъ Слова помазанъ, яко ученикъ и братъ Божій, священнопроповѣдникъ священнѣйшій.“ [4]

Прославляется Іаковъ братъ Господень и какъ писатель извѣстнаго, въ высшей степени назидательнаго, соборнаго посланія. „Даянію благому и дару совершенному отъ Отца свѣтовъ человѣкомъ подаятися учини явѣ.“ [5] „Видѣнія дѣятельнаго излагая дщицу, отъ скрижали же яко духовныя человѣки научилъ еси.“ [6]

Не называемый нигдѣ верховнымъ Апостоломъ, подобно Іакову Алфееву, какъ не принадлежащій къ лику 12-ти, Іаковъ, рожденный отъ Іосифа, величается знаменитымъ между Апостолами, какъ братъ Началопастыря Христа и преемникъ Его первосвященства. — достойно

[1] На Госп. воззв. ст. 3. [2] На стих. ст. 3. [3] Конд. [4] Кан. п. 1, ст. 3. [5] Кан. п. 1, тр. 1. [6] Кан. п. 7, тр. 1.

украшенный именемъ священномученика, какъ благоволившій умереть за Христа. „Началопастыря Христа братъ былъ еси и преемникъ, и во *Апостольхъ знаменитъ*, еже за Того умрети благоволилъ еси.“ [1] „Кровію мученія священство украсилъ еси, *священномучениче Апостоле:* на крилѣ бо святилища представъ, Бога Слова проповѣдалъ еси, Творца суща всего, тѣмъ отъ іудей сверженъ, небесныхъ чертоговъ сподобился еси, Богобрате Іакове.“ [2]

Наконецъ, при самомъ изображеніи мученической кончины Богобрата Іакова, Церковь именуетъ его *праведнымъ*, — чѣмъ обыкновенно отличается онъ отъ соименныхъ ему Апостоловъ. „Тя, Господи, гласомъ свободнымъ проповѣда праведный братъ Твой, подражатель же страстей бысть, убиваемъ;“ [3] ибо молился за убійцъ, подобно Христу, молившемуся за распинателей. „Пріидите первопрестольника вси, Церкве свѣтильника, священными Іакова пѣсньми, яко іерарха и христопроповѣдника *тезоименнѣ праведнаго именовавшаго*, величаемъ.“ [4] „Господи, аще и на крилѣ предста святилища Іаковъ, но дерзновеніемъ возопивъ, Бога Слова Тя проповѣда, Содѣтеля всѣхъ въ міръ пришедшаго.“ [5] „Господи, аще и древомъ глава Апостолова сокрушена бысть, но въ раи древо жизненное ему дадеся.“ [6] „Господи, аще и свергоша іудеи съ высоты *праведнаго*, но небесныхъ чертоговъ съ веселіемъ сподобися.“ [7]

Апостолъ и Евангеліе на литургіи въ день св. ап. Іакова брата Господня положены не общіе Апостоламъ, какъ св. ап. Іакову Алфееву, но особенные: Апостолъ — Гал. 1, 1—12., гдѣ упоминается объ Іаковѣ братѣ Господнемъ; Евангеліе — Матѳ. 13, 54—58., гдѣ именуются братія Господни: Іаковъ, Іосій, Іуда и Симонъ.

[1] На стих., ст. 4, гл. [2] На Госп. воззв., гл. [3] Кан. п. 5, тр. 2. [4] Кан. п. 9 гр. 1. [5] На хвал. ст. 1. [6] На хвал. ст. 2. [7] На хвал. ст. 3.

Кромѣ 23 октября, память св. Іакова брата Господня совершается православною Церковію 4 января—въ ликѣ 70 Апостоловъ, въ числѣ которыхъ онъ занимаетъ первое мѣсто,[1] и еще 26 декабря—вмѣстѣ съ св. и праведнымъ Іосифомъ, обручникомъ пресв. Дѣвы Богородицы и Давидомъ царемъ.[2]

Послѣ обстоятельнаго изложенія тѣхъ отличительныхъ чертъ, которыми, по воззрѣнію Церкви, различаются Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ братъ Господень, обратимся къ тому мнѣнію, которое не сходится съ этимъ воззрѣніемъ.

Мнѣніе, сливающее того и другаго Апостола въ одно лице, утверждаетъ, что Іаковъ Алфеевъ, одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ, есть братъ Господень, какъ сынъ сестры Матери Господа; онъ же былъ епископомъ іерусалимскимъ, прозванъ праведнымъ и написалъ соборное посланіе.

Такое мнѣніе стараются подтвердить и свидѣтельствами св. Писанія, и „памятниками временъ, слѣдовавшихъ за временемъ Апостоловъ.“

Самое тщательное раскрытіе доводовъ въ пользу сказаннаго мнѣнія, изъ числа книгъ современныхъ намъ дѣятелей на поприщѣ духовной нашей литературы, находимъ въ „Опытѣ объясненія на посланіе апостола Павла къ галатамъ,“ принадлежащемъ перу одного изъ знаменитѣйшихъ нашихъ богослововъ.[3] Его-то мы, глав-

---

[1] Въ спискѣ при богослуж. книгѣ Апостолъ и въ Четьихъ-минеяхъ; но въ службѣ 4 янв., хотя не однократно о немъ упоминается,— только 2-й тропарь 8 пѣсни канона начинается такъ: „похвалами Іакова божественными, Клеопу, Варнаву же и Стефана... почтимъ.“ — [2] Канон. на 26 дек. составленъ св. Космою, епископомъ маюмскимъ, VIII вѣка. Въ этой службѣ св. Іаковъ Богобратъ изображается тѣми же чертами, какъ и 23 октября — апостоломъ, первоепископомъ и праведнымъ. — [3] Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, архіепископа черниговскаго. Черниговъ, 1862 г. Тоже мнѣніе преосвященный повторилъ,— ссылаясь на прежнія доказательства въ объясненіи посланія,— при толкованіи Евангелія отъ Іоанна, печатавшемся въ черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ въ 1865 и 1866 гг. (см. №. 3, 1 февр. 1866 г., стр. 67).

нымъ образомъ, и подвергнемъ подробному разсмотрѣнію, такъ, чтобы при этомъ видно было, насколько убѣдительны соображенія и другихъ.

Авторъ „объясненія“ представляетъ слѣдующій рядъ доводовъ, что Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ братъ Господень—одно и тоже лице:

1) Іаковъ—братъ Господень, но не родной: имя брата не всегда означаетъ роднаго брата. (Главное—имѣется въ виду дальше показать, что онъ не сынъ Іосифа обручника, мнимаго отца Господа Іисуса Христа).

2) Іаковъ братъ Господень, Апостолъ,—навѣрное, есть одно и тоже лице съ Іаковомъ Алфеевымъ; потому что въ спискахъ 12-ти Апостоловъ, кромѣ Іакова Зеведеева, есть другой Іаковъ, который постоянно называется Алфеевымъ.

3) Имя Іакова Алфеева ставится вмѣстѣ либо съ именемъ Ѳаддея, или Леввея, или что тоже, Іуды Іаковлева, либо съ именемъ Симона: по мнѣнію автора, надобно думать, что это братья Іакова Алфеева, потому что Іуда самъ называетъ себя братомъ Іакова; извѣстно притомъ, что и Симонъ былъ братъ Іакова и Іуды.

4) Мать Іакова малаго и Іосіи, она же мать Іуды и Симона, Марія, по мнѣнію автора,—тожс, что Марія Клеопова, сестра Матери Господа; потому-то ея дѣти и вмѣстѣ дѣти ея мужа Клеопы—называются братьями Господними, конечно, двоюродными—посредствомъ сестеръ матерей.

5) Клеопа—мужъ Маріи Клеоповой—тоже, что Алфей, и онъ-то, Клеопа—Алфей, значитъ, былъ отцемъ Іакова и братьевъ его, изъ коихъ Іуда и Симонъ тоже были въ числѣ 12-ти. Тожество Клеопы и Алфея, по мнѣнію автора, доказывается разнымъ произношеніемъ одного и того же имени, по еврейскому, по галилейскому и по греческому выговору.

6) Что Іаковъ братъ Господень былъ Апостолъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ св. апостолъ Павелъ; стало быть, утверждаетъ авторъ, онъ принадлежитъ къ лику 12-ти Апостоловъ, и есть именно Іаковъ Алфеевъ.

7) Что Іаковъ сынъ Алфея—Клеопы и Маріи сестры матери Господа, былъ двоюроднымъ братомъ Господнимъ,—тому, по замѣчанію автора, не противорѣчитъ ни званіе Апостола, ни близкое родственное отношеніе къ нему Богоматери.

8) Что Іаковъ, по мнѣнію автора, двоюродный братъ Господа, есть именно сынъ Клеопы, это подтверждается, будто бы, свидѣтельствомъ древнѣйшаго историка Церкви Егезиппа, который именуетъ Симеона и, якобы, самого Іакова—сыномъ Клеопы.

Наконецъ, 9) что братья Господни не были родными Его братьями, въ томъ согласны всѣ учители Церкви, хотя одни считаютъ ихъ дѣтьми Іосифа, другіе—Клеопы.

Разсмотримъ всѣ эти доказательства, одно за другимъ.

1) *Иного же отъ Апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова, брата Господня* (Гал. 1, 19). Изъясняя это мѣсто, авторъ „объясненія на посланіе св. апостола Павла къ галатамъ“ говоритъ: „имя брата — ἀδελφὸς — не означаетъ здѣсь, какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ, роднаго брата, а вообще сродника, такъ же какъ и евр. ach Быт. 14, 16. 13, 19. 24, 28. 29, 12. 15. Лев. 25, 48. 4 Цар. 10, 13., и латинское frater (Curtius 17. 10. 24). Чтобы увѣриться памятниками исторіи въ вѣрности сего объясненія, разсмотримъ свидѣтельства объ Іаковѣ братѣ Господнемъ и апостолѣ тѣмъ болѣе, что тоже лице не разъ встрѣчается въ посланіи къ галатамъ.“ [1]

[1] „Въ сочиненіяхъ протестантовъ, и особенно новыхъ, часто могутъ встрѣчать увѣреніе, будто Іаковъ братъ Господень былъ братъ Спасителя родной, и что онъ не былъ апостоломъ или Іаковомъ Алфеевымъ.“ (См. Опытъ объясн. на посл. ап. Павла къ галатамъ, стр. 34).

Совершенно справедливо, что имя брата — ἀδελφός — въ указанномъ мѣстѣ не означаетъ роднаго брата, въ обыкновенномъ смыслѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые протестантскіе писатели. Но воззрѣнія какихъ нибудь вольнодумныхъ протестантовъ не имѣютъ ничего общаго съ взглядомъ Церкви православной. Православная Церковь, признавая св. Іосифа обручника пресв. Дѣвы мнимымъ отцемъ Іисуса Христа, на томъ же основаніи допускаетъ, что сыновья Іосифа отъ перваго его брака, Іаковъ, Іосій, Іуда и Симонъ, могли считаться, и дѣйствительно считались братьями Господа Іисуса, тогда какъ, собственно говоря, они не были ни родными, ни даже двоюродными Его братьями. Поэтому въ существѣ дѣла нѣтъ никакой надобности — вопросъ о томъ, былъ ли Іаковъ родной братъ Господень, соединять съ вопросомъ, былъ ли онъ сынъ Іосифа. Столько же произвольнымъ представляется намъ и то, что вмѣстѣ съ этимъ вопросъ, былъ ли Іаковъ Апостоломъ, соединяется съ другимъ, былъ ли онъ Іаковомъ Алфеевымъ; потому что онъ могъ быть Апостоломъ, и не бывши Іаковомъ Алфеевымъ. Посмотримъ, однакоже, въ чемъ полагаетъ авторъ силу слѣдующаго довода.

2) „Іаковъ апостолъ," говоритъ онъ, „въ евангельскихъ счисленіяхъ Апостоловъ (Матѳ. 10, 3. Марк. 3. 18. Лук. 6, 15. Дѣян. 1, 13) постоянно называется Іаковомъ Алфеевымъ (ὁ τοῦ Ἀλφαίου)."

Дѣйствительно, въ евангельскихъ спискахъ 12-ти Апостоловъ одинъ изъ нихъ постоянно называется Іаковомъ Алфеевымъ, и очевидно отличается отъ другаго Іакова — Зеведеева, брата Іоаннова. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще, чтобы именно Іаковъ Алфеевъ былъ братъ Господень, и чтобы не могъ быть братомъ Господнимъ другой Іаковъ, принадлежавшій не къ лику 12-ти, а къ лику 70-ти Апостоловъ.

Повидимому, авторъ самъ сознавалъ это, и потому поспѣшилъ подкрѣпить свое предположеніе слѣдующимъ соображеніемъ:

3) „Тогда какъ Матеей и Маркъ поименовываютъ Іакова вмѣстѣ съ Ѳаддеемъ или Левеемъ, Лука близь имени Іакова ставитъ имя Симона. Изъ сличенія апостольскихъ списковъ оказывается, что у двухъ первыхъ евангелистовъ Леввей или Ѳаддей составляетъ одно лице вмѣстѣ съ Іудою *Іаковлевымъ* (Ἰακώβ), о которомъ говоритъ св. Лука, и что сей евангелистъ для того, чтобы яснѣе отличить двухъ Іудъ, поставляетъ Іуду Іаковлева вмѣстѣ съ Іудою Искаріотскимъ, тогда какъ другіе евангелисты по той же причинѣ назвали перваго именемъ общеизвѣстнымъ. Итакъ Іуда состоитъ въ нѣкоторомъ родствѣ съ Іаковомъ Алфеевымъ. Но въ посланіи Іуды *самъ Іуда называетъ себя братомъ Іаковлевымъ* (Іуд. ст. 1). Между тѣмъ третій Іуда между Апостолами не извѣстенъ. Слѣд. Іаковъ Алфеевъ и Іуда Іаковлевъ, или Ѳаддей, между собою братья; отсюда становится вмѣстѣ яснымъ и то, что два первые евангелиста поставили имя Іакова Алфеева вмѣстѣ съ Ѳаддеемъ, именно по ихъ родству между собою, подобно какъ поставлены вмѣстѣ братья Іаковъ и Іоаннъ,—Петръ и Андрей.“

Нельзя не согласиться, что, по сличенію списковъ апостольскихъ, Леввей или Ѳаддей и Іуда Іаковлевъ—одно и тоже лице. Еще менѣе можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Іуда Іаковлевъ—братъ Іакова, какъ онъ самъ себя называетъ. Но, что Іуда Іаковлевъ состоитъ въ нѣкоторомъ родствѣ именно съ Іаковомъ *Алфеевымъ*, и прямо, что онъ ему братъ, — это еще вопросъ, требующій рѣшенія. Точно третій Іуда (кромѣ Іаковлева и Искаріотскаго) не извѣстенъ между Апостолами, ни въ ликѣ 12-ти, ни въ числѣ 70-ти. Но нельзя того же сказать объ Іа-

ковѣ: всѣмъ извѣстно древнее священное преданіе, что кромѣ Іакова Зеведеева и Іакова Алфеева—Апостоловъ изъ 12-ти, былъ еще Іаковъ, причисляемый къ лику 70-ти Апостоловъ и особенно знаменитый въ первенствующей Церкви. Послѣ этого весьма важно то, что ни въ спискѣ Апостоловъ, какой находимъ у св. Луки—въ Евангеліи и Дѣяніяхъ апостольскихъ, ни въ посланіи Іудиномъ, гдѣ ап. Іуда называется Іаковлевымъ и братомъ Іакова, не выражается, чтобы онъ былъ сродникомъ именно Іакова Алфеева. Напротивъ, принимая за достовѣрное, что во времена Апостоловъ, когда писаны были вышеупомянутыя священныя книги, особеннымъ уваженіемъ и извѣстностію у первенствующихъ христіанъ пользовался другой Іаковъ, братъ Господень, предстоятель іерусалимской Церкви, хотя и не принадлежавшій къ лику 12-ти Апостоловъ, — мы естественно можемъ придти къ убѣжденію, что эта самая извѣстность его и была причиною, почему одинъ изъ самихъ 12-ти отличенъ его именемъ. Чтобы заставить насъ принять другое убѣжденіе,—нужно представить на то ясныя и положительныя доказательства. А одно произвольное прибавленіе къ имени Іаковлеву Алфеева, конечно, никого не убѣдитъ. Тѣмъ менѣе убѣдительнымъ представляется намъ умозаключеніе, что—такъ какъ Іаковъ Алфеевъ и Іуда Іаковлевъ, или Ѳаддей, между собою братья (что̀ не доказано), то ясно, почему два первые евангелиста поставили имя Іакова Алфеева вмѣстѣ съ Ѳаддеемъ,—именно по ихъ родству между собою, подобно какъ поставлены вмѣстѣ братья Іаковъ и Іоаннъ, Петръ и Андрей. Замѣтимъ, что одинъ изъ двухъ первыхъ евангелистовъ вовсе не держится предполагаемыхъ авторомъ „объясненія“ родственныхъ соображеній: послѣ ап. Петра, въ спискѣ Апостоловъ еванг. Маркъ ставитъ Іакова и Іо-

анна, брата Іаковлева, а потомъ уже Андрея, который, какъ извѣстно, былъ братъ Петра (Марк. 3, 17. 18). Выходитъ, что сопоставленіемъ именъ Апостоловъ трудно доказать сродство ихъ. Посмотримъ далѣе: нѣтъ ли другихъ, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ.

4) „Далѣе," говоритъ авторъ „объясненія," „Марія, которую три евангелиста—Марк. 15, 40. 47. 16, 1. Лук. 24, 10. Матѳ. 27, 56. — называютъ матерію Іакова малаго и Іосіи, у Іоанна въ томъ же случаѣ, 19, 25., называется сестрою матери Спасителя, Маріею Клеоповою. Посему Марія Клеопова и Марія матерь Іакова малаго и Іосіи—одно и тоже лице; — Іаковъ младшій и Іосія были тѣ самыя лица, которыя вмѣстѣ съ другими— Симономъ и Іудою называются братьями Господними. Матѳ. 13, 55. 56. Марк. 6, 3. Посему Марія матерь Іакова и Іосіи,—Марія Клеопова есть одно и тоже лице, только съ разными именованіями." Здѣсь тожество лица Маріи матери Іаковлевой, и Маріи Клеоповой, выводится изъ сопоставленія извѣстныхъ мѣстъ первыхъ трехъ евангелистовъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ четвертаго. Но при самомъ тщательномъ соображеніи указанныхъ мѣстъ Евангелія Матѳея (27, 56), Марка (15, 40. 47. и 16, 1) и Луки (24, 10) съ Евангеліемъ Іоанна (19, 25), хотя и можно предполагать, но еще нельзя съ совершенною достовѣрностію убѣдиться, что Марія мать Іакова малаго и Іосіи, и Марія Клеопова, именуемая сестрою Матери Спасителя, — одно и тоже лице. Первые три евангелиста въ числѣ св. женъ, бывшихъ свидѣтельницами крестныхъ страданій, погребенія и воскресенія Христова, именуютъ двѣ Маріи: Марію Магдалину и Марію Іаковлеву, или Іосіеву: а изъ еванг. Іоанна видно, что при крестѣ Господа Іисуса было три Маріи: Марія Магдалина, Марія Клеопова — сестра, или родственница

Богоматери (потому что родной сестры у Нея, или другой дщери у св. и праведныхъ Богоотцевъ Іоакима и Анны—навѣрное не было), и сама Богоматерь—пресвятая Дѣва Марія (Лук. 1. 27), которую Іоаннъ не называетъ по имени. Тутъ еще возникаетъ вопросъ: изъ двухъ Марій, кромѣ Маріи Магдалины, упоминаемыхъ еванг. Іоанномъ, дѣйствительно ли Маріи Клеоповой соотвѣтствуетъ названіе Маріи Іаковлевой или Іосіевой, которое находимъ у прочихъ евангелистовъ, или же это надобно отнести къ самой Богоматери, пресвятой Дѣвѣ Маріи?—Умѣстность этого вопроса открывается изъ того, что подъ именемъ Маріи Іаковлевой нѣкоторые изъ древнихъ отцевъ дѣйствительно разумѣли пресв. Богородицу, и это мнѣніе допущено православною Церковію въ богослужебныя книги.

Такъ св. Іоаннъ Златоустъ въ изъясненіи Матѳ. гл. 27, стр. 55., о женахъ, смотрѣвшихъ на крестныя страданія Христовы, говоритъ: „кто же онѣ были?—Матерь Его, которую называетъ (Евангелистъ) Іаковлевою, и прочія.“ [1]

Подробнѣе излагаетъ туже мысль блаженный Ѳеофилактъ, архіепископъ болгарскій (XI вѣка) въ толкованіи на 27 главу Евангелія отъ Матѳея. „Маріею матерію Іакова и Іосіи,“ говоритъ онъ. „Евангелистъ называетъ Богородицу, поелику Іаковъ и Іосія были дѣти Іосифа отъ первой его жены. А какъ Богородица называлась женою Іосифа, то по праву называлась и матерію, то есть, мачихою дѣтей его.“ [2] И въ другомъ мѣстѣ — въ объясненіи на 15 главу Евангелія отъ Марка: „*Бяху же*, говоритъ Евангелистъ, *и жены, въ нихже бѣ Марія Магдалина и Марія Іакова малаго и Іосіи мати*, то

[1] Бесѣда на Матѳ. 88, ч. 1, стр. 503. [2] Благовѣстникъ. Казань, 1857 г. ч. I, стр. 501.

есть Богородица, которая была для нихъ матерію. Поелику она обручена была Іосифу, а Іаковъ и Іосія были дѣти Іосифа: то Она называется матерію ихъ, какъ мачиха, подобно какъ называлась и женою Іосифа въ образѣ невѣсты.“ [1]

Тоже читаемъ и въ богослужебной книгѣ Пентикостаріѣ, въ синаксаряхъ, и притомъ съ поясненіемъ, почему Божія Матерь въ этомъ случаѣ именуется прикровенно. Такъ въ синаксарѣ во св. и великую недѣлю Пасхи сказано: „И первѣе убо воскресеніе Божіи Матери познаваемо бываетъ, прямо сидящей гроба съ Магдалиною, якоже глаголетъ Матѳей (27, 61). Но да не сомнилося бы“ — т. е., чтобы не казалось сомнительнымъ „воскресеніе, за еже къ Матери присвоенія“ — изъ за того, что свидѣтельство о такомъ событіи присвоено Матери,— „Евангелисти глаголютъ: первѣе явися Магдалини Маріи, она же и на камени Ангела видѣ...“ „И просто рещи, различно еже на гробъ женъ прихожденіе бысть, въ нихже бѣ и Богородица; та бо есть, юже Іосіеву глаголетъ Марію Евангеліе. Іосифа же бѣ сынъ сей Іосій.“ — „Якоже егда слышиши во Евангеліи,“ гласитъ синаксарь въ недѣлю св. женъ мироносицъ, „Марію, Іакова малаго и Іосіеву матерь, Богородицу непщуй быти, яко матерь Іосифовыхъ чадъ Богородица вмѣняшеся.“

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что евангелистъ Матѳей, говоря о присутствованіи св. женъ при крестныхъ страданіяхъ Спасителя, среди множества народа, въ числѣ ихъ вмѣстѣ съ Маріею Магдалиною именуетъ и Марію, мать Іакова и Іосіи (27, 56), — подобно тому, какъ и евангелистъ Іоаннъ говоритъ именно о стояніи у креста Матери Іисусовой съ двумя соименными Ей женами (19, 25); а когда рѣчь идетъ объ уединенномъ

[1] Тамъ же, ч. II, стр. 242.

сидѣніи св. женъ противъ гроба Христова — о томъ, какъ онѣ этотъ живоносный гробъ на разсвѣтѣ перваго дня по субботѣ пришли посмотрѣть, какъ удостоились благовѣстія Ангела и явленія самого Христа воскресшаго,— спутницу Маріи Магдалины называетъ уже не Маріею, матерію Іакова и Іосіи, а неопредѣленно — *другою* Маріею (Матѳ. 27, 61. 28, 1). Нельзя предположить, чтобы у Евангелиста не было при этомъ особеннаго намѣренія; и мы, съ своей стороны, признаемъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что евангелистъ Матѳей въ столь важныхъ обстоятельствахъ хотѣлъ прикровенно „указать именно на Ту, которую христіане“ вѣрующіе „могли узнать и безъ прямаго названія, и которой не должны были знать враги христіанства.“ [1]

Кто же была Марія Клеопова, которую, держащіеся другаго мнѣнія, признаютъ за одно лице съ Маріею, матерію Іакова и Іосіи? — Посмотримъ, какъ этотъ вопросъ рѣшается у автора „объясненія.“

5) „Кто же Клеопа,“ продолжаетъ онъ, „по коему Марія, матерь братьевъ Господнихъ называется Маріею Клеоповою? Хлофай или Клопасъ— Κλωπας и Αλφαιος— есть одно и тоже имя, только первое по еврейскому выговору, второе по галилейскому, третье по греческому; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ же какъ въ томъ, что Хаггей по гречески называется Αγγαιος. Посему Марія Клеопова, Марія матерь братьевъ Господнихъ, или матерь Іакова Алфеева—одна и таже супруга Клеопы—Алфея. Такимъ образомъ открывается, что Марія и Клеопа — Алфей были родители тѣхъ лицъ, которыя именуются братьями Господними, и изъ которыхъ Іаковъ, Іуда Ѳаддей и Симонъ были въ числѣ 12 Апостоловъ.“

[1] Дни богослуженія. Спб. 1866 г., изданіе 6, ч. 2, стр. 180.

Въ этомъ доводѣ остаются недоказанными двѣ вещи. Вопервыхъ не доказано, что Марія Клеопова есть дѣйствительно жена, а не дочь Клеопы. Древнѣйшій Арабскій переводъ Евангелія прямо называетъ ее (Іоан. 19, 25) дочерью Клеопы. [1] Такъ называетъ ее и церковный историкъ Евсевій, повѣствуя о мученической кончинѣ 120-тилѣтняго епископа іерусалимскаго Симеона, сына Клеопова. „Можно заключить," пишетъ онъ, „что этотъ Симеонъ былъ самовидецъ Господа, и лично слушалъ Его,— чему служитъ доказательствомъ долголѣтіе его жизни и упоминаніе въ евангельскомъ писаніи о Маріи, дочери Клеопы, который, какъ выше сказано, былъ отцемъ Симеона." [2]

И блаженный Θеофилактъ, архіепископъ болгарскій, въ толкованіи на 13 главу Евангелія отъ Матѳея (13, 55), Марію Клеопову признаетъ дочерью Клеопы, брата Іосифа, хотя и трудно согласиться съ представленнымъ имъ объясненіемъ этого родства. [3]

Положимъ, однакоже, что Марія Клеопова дѣйствительно была не дочь, а жена Клеопы, брата Іосифа обручника пресвятыя Дѣвы, какъ и полагаютъ, большею

---

[1] V. Hugonis Grotii annotationes in novum Testamentum. Ed. nova, Erlangae et Lipsiae. 1755, t. 2, p. 1128. — [2] Евс. Церк. ист. кн. 3, гл. 22, перев. съ греч., при спб. д. академіи. Тоже въ латинскомъ переводѣ. Въ подлинникѣ: Μαρίας τῆς τοῦ Κλωπᾶ.—[3] Благовѣстникъ. Казань, 1857 г., стр. 248—249. „Братья и сестры Христовы," говоритъ онъ, „были дѣти Іосифовы, которые родились ему отъ жены брата его, Клеопы. Такъ какъ Клеопа умеръ бездѣтнымъ, то Іосифъ, по закону, взялъ жену его за себя и родилъ отъ нея шестерыхъ дѣтей, четыре сына и двѣ дочери, Марію, которая по закону называлась дочерью Клеопы, и Саломію." Святитель Димитрій ростовскій находитъ такое мнѣніе невѣроятнымъ, потому что не Іосифъ пережилъ Клеопу, а Клеопа Іосифа, — признавая, что Клеопа есть тотъ самый ученикъ, который съ еванг. Лукою сопутешествовалъ Христу воскресшему въ Еммаусъ. Ссылаясь же на греческаго историка Георгія Кедрина, Святитель утверждаетъ, что вышеупомянутая Марія была дочь Іосифа обручника, и по возвращеніи его изъ Египта, вышла за мужъ за брата его Клеопу, оттого и называется Клеоповою. См. Четьи-минеи, апрѣля 27 дня, въ концѣ житія св. Симеона, сродника Господня.

частію, истолкователи: въ томъ и другомъ случаѣ, ей будетъ принадлежать имя сестры, или родственницы Матери Господа (ибо ἀδελφή, подобно слову ἀδελφός, не всегда означаетъ родную сестру). Тѣмъ не менѣе, останется еще, вовторыхъ, недоказаннымъ то, что мужъ ея Клеопа—тоже, что Алфей. Авторъ „объясненія“ увѣряетъ, что „въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ же какъ въ томъ, что Хаггей (еврейское) по гречески называется Αγγαῖος. Но для всякаго очевидно, что разница между словами Хаггей и Аггей не столь велика, какъ между словами Клеопа или Клопа и Алфей. Признаемся, для насъ нисколько не представляется убѣдительнымъ предположеніе разнаго произношенія, хотя и еврейскаго имени, но взятаго вовсе не изъ еврейскаго текста (ибо въ ветхозавѣтныхъ книгахъ оно и не встрѣчается [1]), а изъ греческаго. И почему надобно думать, что евангелистъ Іоаннъ еврейское имя Хлофай написалъ именно по галилейскому выговору—Клопа, а Маркъ и Лука, и особенно Матѳей [2], по греческому—Алфей? На это не представлено никакихъ доказательствъ. Да едва ли и можно представить: иначе, извѣстнѣйшіе ученые, постоянно сопровождавшіе свои

[1] См. „Каталогъ собственныхъ еврейскихъ, греческихъ, и несобственныхъ безъ перевода во всей Библіи оставленныхъ именъ, по алфавиту собственныхъ и истолкованныхъ,“ при такъ называемомъ Елисаветинскомъ изданіи Библіи, М. 1757 г., и въ подобномъ же московскомъ изданіи 1839 г. Кстати замѣтимъ, что въ означенномъ каталогѣ, при этихъ изданіяхъ, Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ братъ Господень сливаются въ одно лице; между тѣмъ, въ предшествующемъ въ нихъ этому каталогу „Соборникѣ 12 мѣсяцей,“ тотъ и другой Апостолъ показываются раздѣльно, какъ особыя лица, подъ разными числами — 9 и 23 октября, — какъ и во всѣхъ мѣсяцесловахъ православной Церкви. Безъ сомнѣнія это произошло оттого, что „Соборникъ“ взятъ изъ православныхъ церковныхъ книгъ, а „каталогъ“— изъ западнаго источника, съ котораго переведенъ для острожскаго изданія Библіи. Можно надѣяться, что при слѣдующихъ изданіяхъ обратятъ вниманіе на эту рознь.

[2] Извѣстно, что евангелистъ Матѳей одинъ изъ всѣхъ новозавѣтныхъ писателей написалъ свою священную книгу—Евангеліе на еврейскомъ языкѣ, съ котораго оно при Апостолахъ же переведено на греческій, а въ еврейскомъ подлинникѣ до насъ не дошло.

толкованія разными филологическими соображеніями, не преминули бы изложить ихъ, и, стремясь къ той же цѣли — къ удостовѣренію, что Іаковъ братъ Господень есть сынъ Алфея, не были бы принуждены придумывать другой способъ соединенія въ лицѣ Маріи, матери его, именъ Клеопы и Алфея. Способъ же этотъ состоитъ въ томъ предположеніи, что Марія, мать Іакова и Іосіи, есть дочь Клеопы, и жена Алфея. [1] Но и это предположеніе основывается на однихъ догадкахъ, которыя мы уже видѣли въ предъидущихъ доводахъ. Поэтому бездоказателенъ и выводъ изъ него, равно какъ и изъ вышеприведенныхъ филологическихъ соображеній, [2] — бездоказательно, что „Марія и Алфей", а не кто другой, „были родители тѣхъ лицъ, которыя именуются братьями

[1] Такого мнѣнія держался, напр., Гроцій. V. Hug. Grotii. annotationes in nov. Testamentum. Matth. cap. XIII. v. 55, pag. 312, in XXVII. 56. pag. 663, in XXVIII, p. 570. — Это мнѣніе выражено и нами въ 71 примѣчаніи къ § 106 Подробнаго сравнительнаго обзора Четвероевангелія, изд. 1859 г., какъ представлявшееся намъ болѣе прочихъ вѣроятнымъ. Теперь, имѣя въ виду изложенныя здѣсь соображенія, мы признаемъ это мнѣніе требующимъ провѣрки и исправленія.

[2] Не можемъ пройти молчаніемъ, что кромѣ преосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго, въ его объясненіи посланія къ галатамъ, тожество Клеопы и Алфея, — предполагаемаго отца братьевъ Господнихъ, — единственно на разности „произношенія" основываютъ и нѣкоторые другіе наши духовные писатели, какъ напр. протоіерей М. Богословскій, въ своей Священной исторіи новаго Завѣта (Спб. 1861 г., изд. 2, стр. 23), и проф. И. Чельцовъ — въ своей Исторіи христіанской Церкви (Спб. 1861 г., ч. 1, стр. 78). Первый изъ нихъ говоритъ: „Клеопа, о которомъ упоминаетъ въ Евангеліи Іоаннъ (19, 25) и который у прочихъ евангелистовъ, по другому произношенію, именуется Алфеемъ (Матѳ. 10, 3. сн. 27, 56. Мр. 3, 18. сн. 15, 40. Лк. 6, 15. сн. 24, 10), отецъ Іакова, Іосіи, Іуды и Симона..." Другой: „Апостолъ Іаковъ малый или Алфеевъ, т. е. по разному произношенію еврейскаго слова Hlphi, сынъ Алфея или Клеопы и Маріи Клеоповой, сестры Матери Господа..." Основаніе догадки у того и другаго представляется бездоказательнымъ. Но быть можетъ кто нибудь изъ записныхъ гебраистовъ захочетъ провѣрить, насколько правдоподобно разное произношеніе имени Клеопа и Алфей. Тому трудно будетъ это сдѣлать по начертанію Hlphi, и мы для него изъ другаго источника выпишемъ сочиненное однимъ нѣмцемъ еврейское начертаніе: Klopas und Alphäus sind Uebersetzung desselben Wortes: חלפי . См. Geschichte des Leben Jesu Christi, von Dr. I. H. Friedlieb. Breslau. 1855. S. 111.

Господними, и изъ которыхъ Іаковъ, Іуда, Ѳаддей и Симонъ былъ въ числѣ 12 апостоловъ."

Упомянувъ о принадлежности братьевъ Господнихъ къ числу 12-ти, авторъ „объясненія" переходитъ къ слѣдующему доводу.

6) „Наконецъ," говоритъ онъ, „что Іаковъ братъ Божій былъ Апостолъ и слѣдовательно тотъ же, что иначе называется Іаковомъ Алфеевымъ или младшимъ, — это показываетъ апостолъ Павелъ въ словахъ къ галатамъ 1, 19. *Иного отъ Апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня.* Онъ прямо поставляетъ Іакова брата Господня въ числѣ Апостоловъ: главная мысль его была показать, что онъ не учился у Апостоловъ, и онъ говоритъ, что за исключеніемъ Іакова, онъ не видался съ Апостолами, великими наставниками въ вѣрѣ; о другихъ лицахъ еще не нужно было и упоминать. Тоже показываютъ о Іаковѣ свидѣтельства: Дѣян. 9,27. 1 Кор. 9, 8. Притомъ въ числѣ знаменитыхъ Апостоловъ поставляется Іаковъ и ниже: 2, 8. 9. Онъ же рѣшилъ споръ о законѣ Моисеевомъ. Дѣян. 15, 13. Онъ же пользовался особеннымъ уваженіемъ у обратившихся іудеевъ. Гал. 3, 19. Дѣян. 21, 18."

На счетъ этого довода мы должны сказать, что изъ того, что ап. Павелъ называетъ Іакова брата Господня Апостоломъ, никакимъ образомъ не вытекаетъ, будто Іаковъ братъ Божій былъ именно сынъ Алфеевъ, одинъ изъ 12-ти. Апостолами назывались, кромѣ 12-ти, и другіе ученики Христовы, составлявшіе ликъ 70-ти.[1] Такъ

[1] Это замѣчаніе можетъ служить отвѣтомъ на подобныя вышеизложенному сужденія и другихъ нашихъ писателей. Такъ въ „Начертаніи церковно-библейской исторіи," изд. 8-е, М. 1844 г., стр. 586, сказано: „Іаковъ малый, сынъ Алфеевъ, братъ Господень (вѣроятно, двоюродный посредствомъ сестеръ матерей). Нѣкоторые сіи наименованія раздѣляютъ на два лица, и отличаютъ Іакова брата Господня, епископа іерусалимскаго: но ихъ соединяетъ въ одно апостолъ Павелъ (Гал. 1, 19)." Между тѣмъ въ указанномъ мѣстѣ свидѣтельство ап. Павла показываетъ только то, что Іаковъ братъ Господень былъ Апостоломъ; а отнюдь не

напримѣръ въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, гдѣ именемъ Апостоловъ обыкновенно называются 12-ть — тоже имя усвояется и Варнавѣ — одному изъ 70-ти, и Павлу: *слышавше же,* сказано, *Апостоли Варнава и Павелъ* (Дѣян. 14, 14)... Почему же не могъ называться Апостоломъ *Іаковъ* братъ Божій, принадлежа не къ лику 12-ти, а къ лику 70-ти, меньшихъ Апостоловъ? Будучи меньшимъ именно по этой причинѣ, также, какъ и въ отличіе отъ соименныхъ Апостоловъ изъ числа 12-ти, Іаковъ праведный могъ почитаться, и дѣйствительно почитался наравнѣ съ самыми знаменитыми Апостолами, какъ предстоятель матери Церквей, Церкви іерусалимской, и какъ братъ Господень. Этимъ и объясняется его авторитетъ въ рѣшеніи спора о законѣ Моисеевомъ, и особенное уваженіе къ нему не только со стороны обратившихся іудеевъ, но и со стороны самихъ Апостоловъ; принадлежность же его къ лику 12-ти все таки остается недоказанною, а вмѣстѣ и то, что онъ и Іаковъ Алфеевъ— одно и тоже.

Не смотря на это, авторъ „объясненія“ настаиваетъ на своемъ заключеніи, и вопросъ о томъ, былъ ли Іаковъ

называется онъ здѣсь ни малымъ, ни Алфеевымъ; поэтому, очевидно, не будетъ ни малѣйшаго противорѣчія изреченію ап. Павла — не соединять, а раздѣлять эти два лица — Іакова малаго, брата Господня, и Іакова Алфеева, одного изъ 12-ти. Въ „Исторіи христіанской Церкви“ проф. И. Чельцова (Спб. 1861 года, стр. 78), говорится: „что ап. Іаковъ праведный, братъ Господень и первый епископъ іерусалимскій есть тоже самое лице, что ап. Іаковъ малый или Алфеевъ,— это видно изъ соображенія слѣдующихъ мѣстъ свящ. Писанія: Дѣян. гл. 15, ст. 13—24; гл. 21, ст. 18—25. Гал. 1, ст. 19; гл. 2, ст. 9 и 12.“ Внимательно разсмотрѣвъ всѣ указанныя мѣста, находимъ, что ни въ одномъ изъ нихъ св. ап. Іаковъ вовсе не именуется ни малымъ, ни Алфеевымъ, ни Клеоповымъ. Изъ всѣхъ ихъ можно вывести только то, что въ каждомъ рѣчь идетъ объ Апостолѣ, который былъ вмѣстѣ и предстоятелемъ іерусалимской Церкви. Но изъ этого, опять повторяемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы кромѣ Апостола, бывшаго епископомъ іерусалимскимъ съ именемъ Іакова, не могло быть другаго апостола Іакова, или же, что упоминаемый въ указанныхъ мѣстахъ св. Писанія есть именно сынъ Алфеевъ.

братъ Господень сыномъ Алфея, ставитъ въ связи съ вопросомъ, — былъ ли онъ Апостоломъ; затѣмъ и направляетъ рѣшеніе сего послѣдняго противъ сомнѣвающихся въ томъ.

7) „Итакъ," говоритъ онъ, „Іаковъ братъ Господень былъ роднымъ сыномъ Клеопы — Алфея и Маріи сестры Матери Господней, и слѣдовательно двоюроднымъ, но не роднымъ, братомъ Господа, и онъ же былъ одинъ изъ 12-ти Апостоловъ. Противъ сего выставляютъ два сомнѣнія: а) братія Господни являются въ евангельской исторіи постоянными сожителями Богоматери, Матѳ. 12, 16. Марк. 3, 31. Лук. 8, 19. Іоан. 2, 12. — б) и они же не разумѣли иногда назначенія Спасителя, чего не надлежало бы ожидать отъ Апостоловъ. Но первое обстоятельство не только не ослабляетъ, а подтверждаетъ нашу увѣренность, и особенно въ связи съ судьбою Богоматери по смерти Сына Ея и Господа. Послѣ того, какъ умеръ обручникъ Богоматери, а его уже не видно въ живыхъ со времени вступленія Спасителя въ свое служеніе, — естественно было Богоматери являться въ семействѣ сестры своей. И, напротивъ, если Спаситель (Іоан. 19, 26. 27) поручаетъ со креста Матерь свою Іоанну; то это показываетъ, что братья Господа не были дѣтьми родными Матери Его. Второе сомнѣніе, если бы было умѣстно, могло бы быть обращено и противъ апостольскаго званія другихъ Апостоловъ, такъ какъ и они не всегда понимали ученіе Господа до сошествія на нихъ Духа Святаго."

Что св. Іаковъ малый не былъ роднымъ, не былъ даже и двоюроднымъ братомъ Господа, въ собственномъ смыслѣ, не теряя права называться братомъ Божіимъ, по разумѣнію Церкви, какъ сынъ св. Іосифа обручника, а не брата его Клеопы, — объ этомъ уже было нами сказано при обсужденіи перваго изъ разсматриваемыхъ

нами доводовъ. Что же касается до того, что Іаковъ братъ Господень, не признаваемый Церковію за одно лице съ Іаковомъ Алфеевымъ, однимъ изъ 12-ти, былъ однакоже Апостоломъ, то это, дѣйствительно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и опровергаемыя авторомъ возраженія сомнѣвающихся, очевидно, слабы и не основательны.[1] Замѣтимъ только, что оставалась ли Богоматерь по смерти Іосифа въ домѣ сестры или родственницы своей, или же въ домѣ умершаго своего обручника, съ остававшимися въ немъ дѣтьми его, — и въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ, причиною порученія возлюбленному ученику Христову имѣть о Ней попеченіе, какъ о матери, кромѣ духовно-нравственныхъ отношеній, которыя были здѣсь гораздо важнѣе родственныхъ, могло быть и то, что у апостола Іоанна Богослова былъ домъ въ Іерусалимѣ, гдѣ и предназначено было оставаться пресвятой Дѣвѣ Маріи — въ первенствующей Церкви христіанской.

Намъ слѣдуетъ теперь обратиться къ церковно-историческимъ доводамъ, которыми хотятъ подтвердить свое мнѣніе объ Іаковѣ братѣ Господнемъ, допускающіе тожество его съ Іаковомъ Алфеевымъ, однимъ изъ 12-ти.

8) „Памятники временъ, слѣдовавшихъ за временемъ Апостоловъ, говорятъ тоже самое о Іаковѣ братѣ Господнемъ. Егезиппъ, писавшій свою исторію въ 150 году, и слѣд. спустя послѣ смерти Іоанна и сродниковъ Господнихъ не болѣе 50 лѣтъ, когда еще и живо было преданіе о родствѣ Богоматери и даже можно было видѣть близкихъ родственниковъ Клеопы, въ одномъ мѣстѣ пишетъ: „послѣ того, какъ мученически скончался по тойже

[1] Значитъ, съ своей точки зрѣнія мы согласны и съ проф. Чельцовымъ, что „возраженія противъ этого (т. е. противъ апостольскаго званія Іакова праведнаго), заимствуемыя изъ неправильнаго толкованія мѣстъ (Іоан. 7, 5; Дѣян. 1, 14; 1 Кор. 9, 5), весьма слабы.“ (См. его Ист. хр. Ц., стр. 78, примѣч.).

причинѣ, какъ и Господь, Іаковъ праведный, опять поставляется епископомъ двоюродный братъ Его (Господа) по отцѣ, Симеонъ, сынъ Клеопы“ (Ap. Euseb. H. E. 4, 22). Далѣе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ называетъ онъ сего Іакова братомъ Господнимъ (Ap. Euseb. H. E. 2, 23), онъ же говоритъ, что родственники Господа, внуки Іуды, называемаго братомъ Его по плоти, живы остались въ гоненіе Домиціаново, и что при Траянѣ Симеонъ двоюродный по отцѣ братъ Господень, сынъ Клеопы, претерпѣлъ жестокое мученіе (Ap. Euseb. H. E. 3, 20. 32). Итакъ Іаковъ, Іуда, Симеонъ — братья Господни были сыновьями Клеопы, и хотя были родственниками Господа, но не были родными братьями Его.“

Свидѣтельство Егезиппа, дѣйствительно, очень важно въ историческомъ отношеніи, по своей глубокой древности. Но вотъ другой переводъ выписаннаго авторомъ „объявненія“ свидѣтельства Егезиппова: „Когда Іаковъ праведный, по той же причинѣ, какъ и Господь, претерпѣлъ мученическую кончину, тогда епископомъ поставленъ былъ двоюродный братъ его Симеонъ, сынъ Клопа. Всѣ предпочли его (и избрали), потому что онъ былъ двоюродный братъ Господа.“ [1] Такимъ образомъ въ приведенномъ мѣстѣ говорится, что преемникомъ Іакова праведнаго на каѳедрѣ іерусалимскаго епископа, послѣ мученической кончины его, былъ двоюродный братъ его, Симеонъ сынъ

[1] См. сочиненія Евсевія Памфила (церковная исторія), переведенныя съ греческаго языка при с. петерб. дух. академіи. Т. I. Спб. 1858. Кн. 4, гл. 22, стр. 209. Приводимъ здѣсь и греческій подлинникъ: μετὰ τὸ μαρτυρῆσαι Ἰάκωβον τὸν δίκαιον ὡς καὶ ὁ Κύριος ἐπὶ τῷ αὐτῷ λόγῳ, πάλιν ὁ ἐκ θείᾳ αὐτοῦ (опять изъ рода дяди его) Συμεὼν ὁ τοῦ Κλωπᾶ καθίςα ἐπίσκοπος ὃν προέθεντο πάντες, ὄντα ἀνεψιὸν τοῦ Κυρίου δεύτερον (двоюродный братъ Господа). Изъ этого подлиннаго текста очевидно для всякаго, что въ немъ нѣтъ повторенія одного и тогоже выраженія о сродничествѣ Симеона Клеопова, и ни въ какомъ случаѣ текстъ не подтверждаетъ, чтобы Симеонъ былъ двоюродный братъ Іакова; потому что Симеонъ по отношенію къ Господу называется двоюроднымъ братомъ (ἀνέψιος), между тѣмъ Іаковъ вездѣ именуется просто братомъ (ἀδελφὸς), равно какъ и ап. Іуда.

Клеопы, и прибавляется, что всѣ предпочли его, Симеона, „потому что онъ былъ двоюродный братъ Господа.“ Если бы и въ первой половинѣ приведеннаго свидѣтельства Симеонъ назывался двоюроднымъ братомъ не Іакова, а Господа,— какъ разумѣетъ авторъ, прибавляя это имя для поясненія, — то упоминаніе объ этомъ во второй половинѣ было бы излишнимъ повтореніемъ. Если же Симеонъ, сродникъ Господень, былъ двоюродный братъ и Господа и самого Іакова брата Господня, и былъ сынъ Клеопы; то очевидно, что самъ Іаковъ уже не могъ быть сыномъ Клеопы; иначе былъ бы роднымъ, а не двоюроднымъ братомъ Симеона.

Въ этомъ случаѣ для насъ весьма важно то, какъ понималъ Егезиппа Евсевій кесарійскій (жившій между 260 и 340 годами), который имѣлъ у себя предъ глазами подлинныя сочиненія Егезипповы, и которому, единственно, мы обязаны сохраненіемъ — въ его церковной исторіи— отрывковъ изъ этихъ древнихъ сочиненій. Что же говоритъ Евсевій?— „Іаковъ, именуемый братомъ Господнимъ (ибо онъ назывался сыномъ Іосифа, а Іосифъ — отцемъ Іисуса: *обрученнѣй бо бывши* Дѣвѣ Маріи *Іосифови,* говоритъ священное евангельское Писаніе (Матѳ. 1, 19), *прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята),*— сей-то самый Іаковъ, за превосходство добродѣтелей древними названный *праведнымъ,* первый, какъ повѣствуютъ, получилъ престолъ епископства надъ іерусалимскою Церковію. Объ этомъ,“ продолжаетъ Евсевій, „Климентъ въ шестой книгѣ *Постановленій* говоритъ такъ: „Петръ, Іаковъ и Іоаннъ хотя отъ самаго Господа предпочтены были (другимъ ученикамъ), однако по вознесеніи Спасителя не стали состязаться о славѣ, но іерусалимскимъ епископомъ избрали *Іакова праведнаго.*“ А въ седьмой книгѣ тѣхъ же *Постановленій* онъ по-

вѣствуетъ объ Іаковѣ еще слѣдующее: „по воскресеніи своемъ Господь сообщилъ даръ вѣдѣнія Іакову *праведному,* Іоанну и Петру; а они предали его прочимъ Апостоламъ, прочіе же — семидесяти ученикамъ, изъ которыхъ одинъ былъ Варнава.“ „Іаковомъ,“ замѣчаетъ Евсевій, „было два: одинъ по прозванію *праведный,* сброшенный съ кровли и до смерти убитый; а другой обезглавленный. Объ Іаковѣ *праведномъ* упоминаетъ и Павелъ, говоря: *иного же отъ Апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня* (Гал. 1, 19).“ [1]

Съ намѣреніемъ продолжили мы выписку изъ Евсевія, потому что въ ней можно видѣть и свидѣтельство Климента александрійскаго (3 вѣка), которымъ тоже думаютъ подтвердить, что ап. Іаковъ праведный, братъ Господень, епископъ іерусалимскій, и ап. Іаковъ Алфеевъ (будто бы сынъ Алфея или Клеопы)—одно и тоже лице,—ссылаясь и на то, что самъ Евсевій тутъ же говоритъ о двухъ Іаковахъ. [2] Это-то и замѣчательно, что

---

[1] Евс. Памф. Церк. ист. кн. 2, гл. 1, (т. I, стр. 55).

[2] „Къ убѣжденію въ этомъ,“ говоритъ проф. Чельцовъ (Ист. хр. Церк. т. 1. стр. 78) „приводятъ свидѣтельства Егезиппа и Климента александрійскаго (см. *Евсев.* Церк. ист. кн. 2, гл. 1 и 23). Съ своей стороны *Евсевій* говоритъ: „Іаковомъ было два: одинъ — праведный, а другой — обезглавленный.“ Замѣтимъ, что въ 23-й главѣ 2 кн. Церк. исторіи Евсевія, — гдѣ говорится о мученической кончинѣ Іакова брата Господня, епископа іерусалимскаго, онъ, также какъ и въ 1-й главѣ, вовсе не называется ни Клеоповымъ, ни Алфеевымъ, ни принадлежащимъ къ лику 12-ти, а говорится только то, что онъ „принялъ управленіе Церковію вмѣстѣ съ Апостолами.“ — „Имѣетъ смыслъ и то,“ заключаетъ свои доводы г. Чельцовъ, что если апост. Іаковъ Алфеевъ не былъ епископомъ іерусалимскимъ: то о немъ отъ древности не сохранилось рѣшительно никакого преданія.“

Конечно, это имѣетъ смыслъ, но можетъ быть не тотъ, который желательно находить автору. Немного древнихъ преданій сохранилось и о большей части прочихъ 12-ти Апостоловъ. Выражаясь словами самого автора Исторіи христ. Церкви, скажемъ, что нѣкоторые Апостолы (каковы Ѳома, Варѳоломей, Матѳей евангелистъ, Матѳій, Симонъ Зилотъ, Андрей первозванный и, прибавимъ, Іаковъ Алфеевъ) — „проповѣдывали преимущественно въ странахъ, неимѣющихъ греческой образованности, и неподлежавшихъ владычеству римскаго народа, — отъ этого и преданія о нихъ такъ неопредѣленны“ (Ист. христ. Церк., ч. 1, стр. 85). А какія преданія существуютъ о св. апост. Іаковѣ Алфеевѣ, мы видѣли выше.

въ той же самой главѣ своей церковной исторіи (кн. 2, гл. 1), въ которой назвалъ Іакова, брата Господня сыномъ Іосифа обручника, Евсевій напоминаетъ, что Іаковъ было два. Такое напоминаніе, по нашему убѣжденію, имѣло въ виду единственно то, чтобы Іакова праведнаго не смѣшивали съ другимъ апостоломъ Іаковомъ, о которомъ передъ тѣмъ лишь было сказано. Рядомъ съ верховными апостолами Петромъ и Іоанномъ сперва поставленъ Іаковъ Зеведеевъ, братъ Іоанна, какъ участвовавшій вмѣстѣ съ ними въ избраніи Іакова праведнаго епископомъ іерусалимскимъ. Потомъ, рядомъ съ тѣми же апостолами Петромъ и Іоанномъ, какъ получившій вмѣстѣ съ ними отъ Господа особенный даръ вѣдѣнія, поставляется уже Іаковъ праведный, котораго Евсевій выше назвалъ сыномъ Іосифа. Это и послужило для Евсевія поводомъ присовокупить, что было два Іакова,— особенно извѣстные въ первенствующей Церкви по самой своей мученической кончинѣ, которая послѣдовала въ одномъ и томъ же городѣ Іерусалимѣ, но весьма различнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя предполагать, чтобы церковный историкъ Евсевій, епископъ Кесаріи палестинской, могъ утверждать, что кромѣ Іакова Зеведеева и Іакова праведнаго, названнаго имъ сыномъ Іосифа, не было еще Іакова Алфеева, который значится во всѣхъ евангельскихъ спискахъ 12-ти Апостоловъ. Такое странное предположеніе, если бы оно дѣйствительно могло быть у кого нибудь, совершенно устраняется тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ Евсевій приводитъ свидѣтельство Егезиппа, гдѣ говорится, что Іаковъ братъ Господень всѣми называется праведнымъ, „такъ какъ имя Іакова носили *многіе*.“ Вотъ это мѣсто: „смерть его (Іакова) съ особенною подробностію описываетъ Егезиппъ, одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ

Апостольскихъ. Въ шестой книгѣ своихъ записокъ онъ повѣствуетъ такъ: „управленіе Церковію вмѣстѣ съ Апостолами принялъ братъ Господень, Іаковъ, отъ временъ Господа и доселѣ всѣми называемый *праведнымъ*, такъ какъ имя Іакова носили многіе.“ [2]

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее свидѣтельство Евсевія: „Послѣ мученической кончины Іакова и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшаго паденія Іерусалима, оставшіеся въ живыхъ Апостолы, и ученики Господни, по свидѣтельству преданія, стеклись отвсюду: вмѣстѣ съ ними пришли и родственники Его по плоти; ибо изъ нихъ многіе тогда были еще живы. Всѣ они держали совѣтъ о томъ, кого надобно признать достойнымъ преемникомъ Іакова, — и занять престолъ іерусалимской Церкви единодушно удостоили Симеона, сына Клопова, о которомъ упоминаетъ и Евангельское писаніе (Іоан. 19, 15), и который, говорятъ, былъ дядя Спасителя; ибо этотъ *Клопа*, [2] какъ повѣствуетъ Егезиппъ, почитался *братомъ Іосифа*.“ [3]

Другія свидѣтельства, на которыя ссылается авторъ „объясненія,“ какъ на доказательство, что Іуда братъ Господень, былъ родной братъ Симеона, сына Клопова, втораго епископа іерусалимскаго, и что, слѣдовательно, Іаковъ, Іуда и Симеонъ были всѣ сыновья Клеопы, находимъ у Евсевія въ слѣдующемъ видѣ: „Когда Домиціанъ повелѣлъ истребить іудеевъ, происходящихъ отъ рода Давидова; то нѣкоторые изъ еретиковъ, по древнему преданію, указали на потомковъ Іуды (а Іуда по

[1] Евсев. Церк. ист. кн. 2, гл. 23. (Перев. ч. 1, стр. 93).

[2] Въ подл.: τὸν γαρ Κλωπᾶν, ἀδελφὸν τοῦ Ἰωσὴφ ὑπάρχειν Ἡγήσιππος ἱστορεῖ (а въ переводѣ спб. д. академіи — „ибо этотъ сынъ Клопы“)....

[3] Евсев. Церк. ист., кн. 3, гл. 11, (перев. ч. 1, стр. 127). На это свидѣтельство ссылается и прот. М. Богословскій въ своей Свящ. исторіи новаго Завѣта (стр. 23); но можно ли изъ него вывести то заключеніе, что апостолъ Іаковъ Алфеевъ былъ сынъ Клеопы, — предоставляемъ судить всякому.

плоти былъ братъ Спасителя), что они происходятъ отъ Давида, и находятся въ родствѣ съ самимъ Христомъ. Объ этомъ повѣствуетъ Егезиппъ, говоря слово въ слово такъ: „изъ родственниковъ Господа оставались еще внуки Іуды, называемаго по плоти братомъ Господнимъ, — и на нихъ-то указывали, какъ на происходящихъ изъ рода Давидова.“ [1] „Въ сіе-то гоненіе (при Траянѣ), по преданію, мученически кончилъ жизнь свою Симеонъ, сынъ Клоповъ, бывшій, какъ сказано выше (кн. 3,гл. 11), вторымъ епископомъ іерусалимской Церкви. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также Егезиппъ, — который повѣствуетъ объ этомъ слово въ слово такъ: „изъ числа сихъ еретиковъ, нѣкоторые донесли на Симеона, сына Клопова, что онъ происходитъ отъ Давида и носитъ имя христіанина,—за что Симеонъ и пострадалъ при императорѣ Траянѣ и консулѣ Аттикѣ, бывъ уже 120 лѣтъ отъ роду.“ „Тотъ же писатель,“ продолжаетъ Евсевій, „упоминаетъ и о другихъ потомкахъ изъ рода одного брата Спасителева, именемъ Іуды: они дожили до того же царствованія, исповѣдавъ вѣру во Христа еще при Домиціанѣ, о чемъ сказали мы прежде (кн. 3, гл. 20). Вотъ его слова: „Они идутъ и дѣлаются предстоятелями всей Церкви, какъ исповѣдники и родственники Господни. Среди глубокаго мира, которымъ наслаждалась Церковь, они доживаютъ до временъ императора Траяна, когда вышеупомянутый Симеонъ, сынъ Клопа, дяди Господня, оклеветанный еретиками, приведенъ былъ на судъ предъ Аттика и, мучимый въ продолженіе многихъ дней, столь непоколебимо исповѣдалъ вѣру во Христа, что и консулъ и всѣ присутствовавшіе крайне удивлялись мужественному терпѣнію 120-лѣтняго старца, и наконецъ приказали пригвоздить его ко кресту.“ [2]

[1] Евс. Церк. ист. кн. 3, гл. 19. 20. (ч. 1, стр. 131). [2] Евс. Церк. ист. кн. 3, гл. 32. (ч. 1, стр. 152).

Въ сейчасъ приведенныхъ нами свидѣтельствахъ ап. Іуда называется братомъ Господнимъ по плоти, а священномученикъ Симеонъ, сродникъ Господень — сыномъ Клеопы, дяди Спасителева; но ни однимъ словомъ здѣсь не выражено, чтобы ап. Іуда былъ родной братъ Симеона, втораго епископа іерусалимскаго, и слѣдовательно— тоже сынъ Клеопы. Даже нельзя не признать очевидною погрѣшностію, что авторъ „объясненія," послѣ того, какъ призналъ родными братьями между собою Іакова, Іуду и *Симона*, и утверждалъ, что всѣ они были въ числѣ *12-ти* Апостоловъ (см. выше, въ разсмотрѣніи 5-го довода),— одного изъ нихъ—Симона, безъ сомнѣнія, принимаемаго имъ за Симона Зилота или Кананита (ибо другаго Симона, кромѣ его и Симона Петра, въ числѣ 12-ти не было), онъ считаетъ за одно лице съ Симеономъ сродникомъ Господнимъ, который принадлежитъ къ лику 70-ти Апостоловъ. И восточная и западная Церковь различаютъ Симона Зилота и Симеона сродника Господня. Первому изъ нихъ православная Церковь празднуетъ 10 мая, а второму — 27 апрѣля.[1] Если же священномученикъ Симеонъ, второй епископъ іерусалимскій, сынъ Клеопы, не одно лице съ Симономъ, то предположеніе, что Симонъ и родные братья его Іаковъ и Іуда[2] — сыновья Клеопы, остается недоказаннымъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ послѣднему изъ разсматриваемыхъ нами доводовъ извѣстнаго мнѣнія.

---

[1] См. Мѣсяцословъ православно-каѳолической восточной Церкви, составл. протоіереемъ Димитріемъ Вершинскимъ (Спб.), подъ 10 мая и 27 апрѣля, съ указаніемъ на восточные и западные источники. Мученическая кончина ап. Симона Зилота послѣдовала въ Британіи, а священномученика Симеона — въ Палестинѣ.

[2] Объ Іосіи — 4-мъ братѣ Господнемъ умалчиваютъ, но можно считать его за одно лице съ причисленнымъ къ лику 70-ти Іосіемъ, или Іосифомъ, котораго прозваніе *Іустъ* (праведный) напоминаетъ подобное прозваніе Іакова, и другое— *Варсава* (сынъ мира) — (Дѣян. 1, 23. Кол. 4, 11) усвоено также и Іудѣ брату Господню (Дѣян. 15, 22). См. Четьи-мин. 4 янв.).

9) „Всѣ другіе учители Церкви согласны были въ томъ, что братья Господни не были родными братьями; только нѣкоторые изъ еретиковъ — Евіонеи, Андикомаріане говорили противное, и были въ томъ обличаемы; сказанія апокрифическихъ сочиненій увлекли нѣкоторыхъ за собою, — заставили считать братьевъ Господнихъ за дѣтей Іосифа отъ перваго его брака;[1] но другіе строго слѣдовали указаніямъ Евангелистовъ о посредствѣ родства чрезъ матерь братьевъ Господнихъ,[2] и признавали Іакова брата Господня за Апостола, за то лице, которое называется Іаковомъ Алфеевымъ или Клеоповымъ.“[3]

Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ учителей Церкви не могъ раздѣлять мнѣнія еретиковъ о томъ, что братья Господа были родными Его братьями въ собственномъ смыслѣ; но это нечестивое мнѣніе не имѣетъ ничего общаго съ принимаемымъ нашею Церковію преданіемъ, что братья Господни были дѣти Іосифа отъ перваго его брака. Авторъ „объясненія“ повторяетъ мнѣніе блаженнаго Іеронима, что признававшіе братьевъ Господнихъ

---

[1] „Такъ, слѣдуя Евангелію, называемому Петрову, или книгѣ Іакова — полагалъ Оригенъ (in Matth. t. 10, p. 45, in Ioh. t. 1, p. 15, in Luc. hom. 7 t. 5. p. 109 ed. Ion), Епифаній (adv. her. 1, 1—3), Ѳеодотъ анкирскій (Amphil. op. ed. Combet. p. 56), Кириллъ Алекс. (Glaphyrorum, lib. 7, p. 224), Иларій (in Matth. c. 1, p. 671); тоже въ чет. мин. дек. 28.“

[2] „Іеронимъ: quidam fratres Domini de alia uxore Josephi filios suspicantur sequentes deliramenta apocriphorum.... Nos — non filios Josephi, sed consobrinos Salvatoris, Mariae liberos intelligimus, materteras Domini, quae etiam dicitur mater Jacobi minoris et Judae. Ad Matth. c. 12. De vir. illustr. c. 2. Тоже Ѳеодоритъ: ad Galat. 1, 19. Неизвѣстный греч. учит. in Catena Patrum ad epist. Pavli ed. a Cramero. Oxonis. 1842, p. 26. Августинъ tract. 28 in Johan. Исидоръ севильскій: de vita Sanct. c. 8; м. Филаретъ въ библ. ист., стр. 540, 586.“ О томъ, что въ библ. ист. изложено по сему предмету на 586 стр., сдѣлано замѣчаніе выше; а на 540 страницѣ церк. библ. исторіи сказано то, съ чѣмъ мы совершенно согласны: „*Іакова праведнаго*, о которомъ говоритъ Епифаній, не должно раздѣлять отъ *Іакова* брата Господня.“

[3] „Іеронимъ: adv. Helvidium p. 219. Климентъ Алекс. у Евсевія 2, 1.“ Указываемое мѣсто у Евсевія мы приводили выше: оно нисколько не благопріятствуетъ мнѣнію автора „объясненія.“

за дѣтей Іосифа отъ перваго его брака основывались на сказаніяхъ апокрифическихъ сочиненій; но самъ блаж. Іеронимъ, высказывая свою собственную мысль (nos intelligimus), что сродники Спасителя были дѣти не Іосифа, а Маріи, тетки Господа, называемой также матерью Іакова меньшаго и Іуды, — никакимъ древнѣйшимъ свидѣтельствомъ не подтверждаетъ этого мнѣнія. Относительно же свидѣтельства Евангелія, мы уже видѣли: точно ли, „слѣдуя яснымъ указаніямъ Евангелистовъ о посредствѣ родства чрезъ матерь братьевъ Господнихъ,“ должно признать Іакова брата Господня не только за Апостола, но и за то лице, которое называется Іаковомъ Алфеевымъ или Клеоповымъ. Да и самъ блаженный Іеронимъ въ толкованіи на 17 главу Исаіи отличаетъ Іакова брата Господня отъ Іакова Алфеева, [1] хотя и не считаетъ перваго сыномъ Іосифа обручника. Если бы у Евангелистовъ дѣйствительно были ясныя указанія въ подтвержденіе того мнѣнія, которое авторъ „объясненія“ желалъ доказать: то возможно ли предположить, чтобы столько мудрыхъ и святыхъ мужей остались невнимательными къ такимъ указаніямъ, и предпочли имъ сказанія апокрифовъ? — Надобно отдать справедливость безпристрастію приснопамятнаго архипастыря въ томъ, что онъ подробно исчисляетъ, какъ тѣхъ, чье мнѣніе раздѣляетъ онъ, такъ и тѣхъ, кто держится противнаго мнѣнія. Это самое исчисленіе показываетъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ. Съ одной стороны: блаж. Ѳеодоритъ, блаж. Августинъ, какой-то неизвѣстный греческій учитель и Исидоръ севильскій; съ другой — Оригенъ, св.

[1] Именно, примѣняя 6-й стихъ этой главы къ числу Апостоловъ, онъ говоритъ: „двѣ, три, четыре и пять, по толкованію нѣкоторыхъ, означаютъ 14 Апостоловъ, т. е. 12 избранныхъ Господомъ“ (а въ числѣ ихъ, по сказанію Евангелія: былъ и Іаковъ Алфеевъ), и 13 Іакова, именуемаго братомъ Господнимъ, и Павла.“

Епифаній кипрскій, св. Θеодотъ анкирскій, св. Кириллъ александрійскій, св. Иларій, св. Димитрій ростовскій, и прибавимъ: Евсевій кесарійскій, св. Кириллъ іерусалимскій, [1] да и блаж. Іеронимъ, потомъ св. Θеофанъ никейскій, блаж. Θеофилактъ болгарскій, и вообще — вся православная восточная Церковь.

Намъ остается сказать, что, по тщательномъ пересмотрѣ всего, что только представлено нѣкоторыми изъ ученыхъ нашихъ богослововъ въ подтвержденіе того, что будто бы апостолъ Іаковъ братъ Господень и апостолъ Іаковъ Алфеевъ одно и тоже лице, — мы не находимъ никакой основательной причины отступать отъ общаго голоса православной Церкви, восхваляющей священными пѣснопѣніями того и другаго Апостола, какъ весьма различныхъ между собою учениковъ Христовыхъ и нашихъ ходатаевъ предъ престоломъ Божіимъ.

---

[1] Въ 14 оглашеніи, 21, толкуя 2 стихъ 1 Кор. гл. 15, онъ отличаетъ и отдѣляетъ отъ 12 Апостоловъ Іакова, брата Господня, и Павла, — подобно тому, какъ и св. Епифаній кипрскій въ гл. 79 кн. 3 противъ ересей, исчисливъ 12 Апостоловъ, внѣ ихъ лика поставляетъ и Іакова, брата Господня, и Павла и Варнаву. См. въ Христ. чт., за 1846 г., часть 3, іюль), стр. 74, статью подъ заглавіемъ: „Св. Іаковъ, братъ Господень, первый епископъ іерусалимскій.“— Не излишнимъ считаемъ замѣтить, что этой статьи не было у насъ подъ руками при написаніи и помѣщеніи въ „Странникѣ“ (октябрь 1866 г.) предлежащаго нашего изслѣдованія — о святыхъ Апостолахъ Іаковахъ. Теперь, прочитавъ сказанную статью Христ. чтенія, мы нашли ее совершенно согласною съ нашими убѣжденіями, за исключеніемъ одного лишь довода. Именно, въ упомянутой статьѣ говорится, что „братьевъ Іисуса Христа св. Писаніе отличаетъ отъ Его 12-ти учениковъ,“ и отсюда, конечно, выводится то заключеніе, что Іаковъ, братъ Господень — не былъ въ ликѣ 12-ти. Между тѣмъ ниже говорится: „именемъ Іакова отличенъ братъ Его (и слѣд., тоже братъ Господень), апостолъ Іуда (Лук. 6, 16. Дѣян. 1, 13), который кромѣ сего самъ въ началѣ своего посланія, назвавъ себя братомъ“ должно быть: *рабомъ*) „Іисуса Христа, счелъ нужнымъ присовокупить: *братъ же Іакова* (Іуд. ст. 1).“ Но *св. Іуда* несомнѣнно *былъ въ ликѣ 12-ти Апостоловъ*, къ числу которыхъ *не принадлежалъ*, болѣе его знаменитый въ первенствующей Церкви, *св. Іаковъ*, епископъ іерусалимскій,—*вопреки мнѣнію, заимствованному*, по словамъ статьи Христ. чтенія, *отъ римлянъ, или латинянъ;* и это вѣрно.

ЕВАНГЕЛЬСКІЯ ЖЕНЫ,
ПОМАЗАВШІЯ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ МѴРОМЪ.

(ИЗСЛѢДОВАНІЕ.)

среди общественнаго служенія роду человѣческому, и въ послѣдніе дни своей земной жизни, Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ помазанъ мѵромъ, по благочестивому усердію евангельскихъ женъ. Объ этомъ находимъ повѣствованіе у всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Но у каждаго изъ нихъ событіе помазанія Христа Спасителя мѵромъ изображается то сходными, то различными между собою чертами. Отсюда у древнихъ и новѣйшихъ толкователей св. Писанія возникли разныя предположенія о томъ: гдѣ, у кого, кѣмъ и сколько разъ совершено было помазаніе Господа?

Въ западной литературѣ въ разрѣшеніе этого вопроса написаны цѣлые томы.[1] У насъ, по крайней мѣрѣ, всякому любителю духовнаго просвѣщенія должно быть извѣстно, что въ разрѣшеніи вопроса, *кѣмъ* совершено помазаніе Господа Іисуса Христа, вообще западная Церковь разногласитъ съ восточною. Относительно же вопроса, *сколько разъ* совершено было по-

[1] Vid. S. Scripturae curs. compl. t. XXI, pag. 1097, comment. in Matth. 26, 6. «Incurrit in hunc vulgaris quaestio, et nostro praesertim tempore *magnis scriptis voluminibus agitata.*

мазаніе, замѣчается въ нашей отечественной духовной литературѣ та особенность, что иначе рѣшается этотъ вопросъ составителями евангельской исторіи, и иначе— толкователями православнаго богослуженія.

Но, прежде нежели покажемъ, въ чемъ состоятъ и на сколько основательны различныя мнѣнія о разсматриваемомъ предметѣ, обратимся къ первоначальному источнику его — св. четвероевангелію, и посмотримъ, въ какой послѣдовательности событій и въ какихъ именно чертахъ излагается этотъ предметъ у каждаго изъ четырехъ Евангелистовъ.

Св. евангелистъ *Матѳей,* послѣ изложенія пророческой бесѣды Іисуса Христа, произнесенной черезъ три дня послѣ входа Его въ Іерусалимъ, на горѣ Елеонской — о разрушеніи Іерусалима, кончинѣ міра и страшномъ судѣ (гл. 24 и 25), говоритъ: „Когда окончилъ Іисусъ всѣ слова сіи, то сказалъ ученикамъ своимъ: вы знаете, что *чрезъ два дня* будетъ *Пасха,* и Сынъ человѣческій преданъ будетъ *на распятіе*“ (гл. 26, ст. 1—2).

„Тогда“,—продолжаетъ Евангелистъ,—„тогда собрались первосвященники и книжники и старѣйшины народа во дворъ первосвященника, по имени Каіафы; и положили въ совѣтѣ взять Іисуса хитростію, и убить. Но говорили: только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущенія въ народѣ“ (ст. 3—5).

Вслѣдъ за этимъ, евангелистъ Матѳей пишетъ: „Когда же Іисусъ былъ въ *Виѳаніи,* въ домѣ *Симона прокаженнаго,* приступила къ Нему женщина съ алавастровымъ сосудомъ мура драгоцѣннаго, и возливала Ему возлежащему на голову. Увидя то, ученики Его вознегодовали, и говорили: къ чему такая трата? Ибо можно было бы продать это муро за большую цѣну, и дать

нищимъ. Но Іисусъ, уразумѣвъ сіе, сказалъ имъ: что смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда имѣете. Возливъ муро сіе на тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію. Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, скажется въ память ея и о томъ, что она сдѣлала“ (ст. 6—13).

Непосредственно за симъ, читаемъ у св. евангелиста Матѳея о предательствѣ Іуды: „Тогда одинъ изъ двѣнадцати, называемый Іуда Искаріотъ, пошелъ къ первосвященникамъ, и сказалъ: что вы дадите мнѣ, я вамъ предамъ Его? Они предложили ему тридцать сребренниковъ. И съ того времени онъ искалъ удобнаго случая, предать Его“ (ст. 14—16).

Подобно евангелисту Матѳею, и св. евангелистъ *Маркъ,* послѣ предсказанія Іисуса Христа (черезъ три дня послѣ Его входа въ Іерусалимъ) о разрушеніи Іерусалима, кончинѣ міра и второмъ пришествіи Христовомъ (гл. 13), говоритъ: „*Чрезъ два дня* надлежало быть празднику *Пасхи* и опрѣсноковъ. И искали первосвященники и книжники, какъ бы взять Его хитростію, и убить; и говорили: только не въ праздникъ, чтобы не произошло возмущенія въ народѣ“ (Марк. 14, 1—2).

Вслѣдъ за симъ продолжаетъ: „И когда былъ Онъ въ *Виѳаніи,* въ домѣ *Симона прокаженнаго,* и возлежалъ, пришла женщина съ алавастровымъ сосудомъ мура изъ нарда, цѣльнаго, драгоцѣннаго; и, разбивъ сосудъ, возлила Ему на голову. Нѣкоторые же вознегодовали, и говорили между собою: къ чему сія трата мура? Ибо можно было бы продать его болѣе, нежели за триста динаріевъ, и раздать нищимъ. И роптали на нее. Но Іисусъ сказалъ: оставьте ее; что ее смущаете? Она до-

брое дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, и, когда захотите, можете имъ благотворить; а Меня не всегда имѣете. Она сдѣлала, что̀ могла: предварила помазать тѣло Мое къ погребенію. Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ, въ память ея, и о томъ, что она сдѣлала“ (ст. 3—9).

За э̀тимъ сряду и у евангелиста Марка, какъ и у евангелиста Матѳея, слѣдуетъ о предательствѣ Іуды: „И пошелъ Іуда Искаріотъ, одинъ изъ двѣнадцати, къ первосвященникамъ, чтобы предать Его имъ; они же, услышавъ, обрадовались, и обѣщали дать ему сребренники. И онъ искалъ, какъ бы въ удобное время предать Его“ (ст. 10—11).

Совсѣмъ въ другой послѣдовательности событій и въ иныхъ чертахъ повѣствуетъ о помазаніи Іисуса Христа мѵромъ св. евангелистъ *Лука*.

Послѣ нагорной проповѣди Христовой о блаженствахъ евангельскихъ и т. д. (гл. 6), евангелистъ Лука говоритъ сперва объ исцѣленіи Господомъ слуги капернаумскаго сотника (7, 1—10); послѣ сего—о томъ, что при входѣ въ городъ *Наинъ* Іисусъ Христосъ воскресилъ несеннаго на погребеніе сына вдовицы; далѣе,— что Онъ далъ отвѣтъ посланнымъ отъ Іоанна Крестителя, и въ заключеніе свидѣтельства о Крестителѣ упомянулъ, что фарисеи и книжники Его самого, Христа, называли другомъ мытарямъ и грѣшникамъ. „И оправдана,“ говоритъ, „премудрость всѣми чадами ея“ (ст. 11—35).

Непосредственно за сими словами Господа, св. евангелистъ Лука передаетъ намъ слѣдующее событіе: „Нѣкто изъ фарисеевъ просилъ Его (Іисуса Христа) вкусить съ нимъ пищи; и Онъ, вшедъ въ домъ фарисея, возлегъ. И вотъ, женщина того города, которая была

грѣшница, узнавши, что Онъ возлежитъ въ домѣ фарисея, принесла алавастровый сосудъ съ мѵромъ; и, ставши позади у ногъ Его, и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, цѣловала ноги Его, и мазала мѵромъ. Видя это, фарисей, пригласившій Его, сказалъ самъ въ себѣ: „если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, кто и какая женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница“. Обратясь къ нему, Іисусъ сказалъ: „*Симонъ!* Я имѣю тебѣ нѣчто сказать.“ Онъ говоритъ: „скажи, Учитель!“ — Іисусъ сказалъ: „у одного заимодавца было два должника: одинъ долженъ былъ пятью стами динаріевъ, а другой пятидесятью. Но какъ они не имѣли чѣмъ заплатить: онъ простилъ обоимъ. Скажи же, который изъ нихъ больше возлюбитъ его?“—Симонъ отвѣчалъ: „думаю, тотъ, которому болѣе простилъ.“ Онъ сказалъ ему: „правильно ты разсудилъ.“ И, обратясь къ женщинѣ, сказалъ Симону: видишь ли ты сію женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги, и волосами головы своей отерла. Ты лобзанія Мнѣ не далъ; а она, съ тѣхъ поръ, какъ Я пришелъ, не перестаетъ лобызать у Меня ноги. Ты головы Мнѣ масломъ не помазалъ; а она мѵромъ помазала Мнѣ ноги. А потому сказываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тотъ меньше любитъ.“ Ей же сказалъ: „прощаются тебѣ грѣхи“. И возлежавшіе съ Нимъ начали говорить про себя: „кто это, что и грѣхи прощаетъ?“ Онъ же сказалъ женщинѣ: „вѣра твоя спасла тебя; иди съ миромъ“ (ст. 35—50).

„Послѣ сего,“ говоритъ св. евангелистъ Лука о Іисусѣ Христѣ, „Онъ проходилъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя царствіе Божіе, и съ

Нимъ двѣнадцать, и нѣкоторыя женщины, которыхъ Онъ исцѣлилъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней: *Марія, называемая Магдалиною,* изъ которой вышли семь бѣсовъ, и Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многія другія, которыя служили Ему имѣніемъ своимъ“ (гл. 8, ст. 1—3).

Очевидно, что описанное евангелистомъ Лукою событіе помазанія Христа Спасителя, относится къ срединѣ общественнаго Его служенія роду человѣческому; тогда какъ первые два евангелиста, Матѳей и Маркъ, повѣствуютъ о помазаніи, бывшемъ въ послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа — передъ самою Пасхою Его страданій.

Св. евангелистъ *Іоаннъ Богословъ* въ своемъ повѣствованіи о помазаніи Господа мѵромъ, подобно первымъ двумъ евангелистамъ, переноситъ нашу мысль къ послѣдней Пасхѣ въ земной жизни Христовой, но съ тѣмъ однакоже различіемъ, что у него представляется намъ и другая послѣдовательность событій, и нѣкоторыя особенности въ изложеніи самаго помазанія. Послѣ воскрешенія Лазаря, св. Іоаннъ говоритъ о злomъ совѣщаніи синедріона, бывшемъ вслѣдствіе сего — величайшаго изъ чудесъ Христовыхъ. Христосъ удаляется въ страну близъ пустыни, въ городъ Ефраимъ. Приближается Пасха іудейская. Многіе пришли въ Іерусалимъ предъ Пасхою, и тамъ ищутъ Іисуса. „Первосвященники же и фарисеи дали приказаніе, что, если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявилъ бы, дабы взять Его“ (гл. 11).

Послѣ этого, евангелистъ Іоаннъ, говоритъ: „*За шесть дней до Пасхи* пришелъ Іисусъ въ *Виѳанію,* гдѣ былъ Лазарь, умершій, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ. Тамъ приготовили Ему вечерю, и Марѳа служила, а Лазарь былъ одинъ изъ возлежавшихъ съ Нимъ. *Марія*

же, взявъ фунтъ нардоваго, чистаго, драгоцѣннаго мура, помазала ноги Іисуса, и отерла волосами своими ноги Его; и домъ наполнился благоуханіемъ отъ мура. Тогда одинъ изъ учениковъ Его, Іуда Симоновъ Искаріотъ, который хотѣлъ предать Его, сказалъ: „для чего бы не продать это муро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ?“ Сказалъ же это не потому, чтобы заботился о нищихъ, но потому что былъ воръ. (Онъ имѣлъ денежный ящикъ, и носилъ, что туда опускали). Іисусъ же сказалъ: „оставьте ее; она сберегла это на день погребенія Моего. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда“ (гл. 12, ст. 1—8).

Далѣе у евангелиста Іоанна слѣдуетъ замѣчаніе: „Многіе изъ іудеевъ узнали, что Онъ тамъ; и пришли не только для Іисуса, но чтобы видѣть и Лазаря, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ. Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради его многіе изъ іудеевъ приходили, и вѣровали въ Іисуса“ (ст. 9—11).

Затѣмъ въ Евангеліи отъ Іоанна говорится о входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ: „*На другой день,* множество народа, пришедшаго на праздникъ, услышавъ, что Іисусъ идетъ въ Іерусалимъ, взяли пальмовыя вѣтви, вышли Ему на встрѣчу, и восклицали: „осанна,“ и проч. (ст. 12 и слѣд.).

Послѣ обстоятельнаго изложенія сказаній каждаго изъ четырехъ евангелистовъ о помазаніи Спасителя муромъ, обратимся къ разсмотрѣнію различныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, касательно того: 1) гдѣ именно и у кого совершено было то или другое помазаніе; 2) кѣмъ оно совершено; и 3) сколько разъ, и когда именно былъ помазанъ Господь?

1. Мы видѣли, что евангелисты *Матѳей* и *Маркъ* прямо и опредѣленно говорятъ, что Господь былъ пома-

занъ въ домѣ Симона прокаженнаго, въ Виѳаніи. По сказанію евангелиста *Луки*, еще прежде помазаны были ноги Спасителя — тоже въ домѣ Симона, который однакожь именуется не прокаженнымъ, а фарисеемъ; притомъ у евангелиста Луки не говорится прямо, въ какомъ это было городѣ, хотя по ходу его повѣствованія надобно полагать — это было въ одномъ изъ городовъ галилейскихъ, и можно думать — въ Наинѣ. У евангелиста *Іоанна* находимъ, что помазаніе совершалось въ Виѳаніи, но въ чьемъ домѣ, — опредѣленно не сказано: говорится лишь, что тамъ служила Господу Марѳа, сестра Лазаря и Маріи.

Спрашивается: одинъ ли это и тотъ же Симонъ прокаженный, упоминаемый евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ, и Симонъ фарисей, упоминаемый евангелистомъ Лукою; и не въ его ли также домѣ служила Христу и Марѳа, — тогда какъ сестра ея помазывала ноги Его, по сказанію евангелиста Іоанна?

Блаженный Августинъ [1] и нѣкоторые другіе изъ древнихъ толкователей св. Писанія [2] — полагаютъ, что было два Симона: одинъ фарисей, о которомъ говорится у евангелиста Луки, а другой — прокаженный, о которомъ говорятъ евангелисты Матѳей и Маркъ. Такое мнѣніе они основываютъ на томъ, что 1) событіе описанное евангелистомъ Лукою навѣрное произошло въ Галилеѣ, а описанное Матѳеемъ и Маркомъ — въ Виѳаніи, близъ Іерусалима, т. е. въ Іудеѣ. — 2) Упоминаемый при первомъ случаѣ Симонъ называется фарисеемъ, а при послѣднемъ, — прокаженнымъ, въ отличіе отъ фарисея. [3]

[1] Lib. 2 de consensu Evang., c. 79. [2] Беда venerabilis (англ. монахъ 7 вѣка), in Commentariis in cap. 7 Lucae; Евѳимій Зигабенъ in Matth. 26, 6. — Этоже мнѣніе упоминается, какъ вѣроятное, и въ синаксарѣ во св. и великую среду. Оно выражено и преосв. Филаретомъ, арх. черниговскимъ, въ его „Евангеліи св. Іоанна.“ (См. Черниг. епарх. извѣстія, прибавл., 1 іюня 1866 г., стр. 326). [3] „Къ этому можно присовокупить“, говорятъ позднѣйшіе толкователи, „еще одно основаніе (для такого мнѣнія): невѣроятно, чтобы упоминаемый еванг. Мат-

Другіе, еще болѣе древніе толкователи св. Писанія, хотя и полагаютъ, что помазаніе Христа Спасителя было въ домѣ Симона—и въ Галилеѣ, въ городѣ, вѣроятно, Наинѣ, и близь Іерусалима, въ селеніи Виѳаніи; но думаютъ, что въ томъ и другомъ случаѣ хозяинъ дома былъ одинъ и тотъ же Симонъ, который могъ имѣть два жилища въ различныхъ мѣстахъ—и въ селеніи Виѳаніи, и въ городѣ Наинѣ. Такъ думали Оригенъ [1] и св. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій. [2]—За одно и тоже лице признаютъ Симона и св. Златоустъ [3] и св. Амвросій медіоланскій. [4]

Очевидно, этому не противорѣчитъ различіе наименованій — фарисея и прокаженнаго: одно напоминаетъ званіе, а другое—болѣзнь, которой могли подвергаться люди всякаго званія и состоянія. Безъ сомнѣнія, фарисей Симонъ, подвергшись проказѣ, былъ исцѣленъ Іисусомъ Христомъ, и за нимъ осталось названіе, напоминавшее объ исцѣленіи неизлѣчимой его болѣзни—милосердіемъ Господа.

Такой милости навѣрное удостоился Симонъ уже послѣ перваго посѣщенія его дома Христомъ Спасителемъ, во время котораго онъ еще думалъ, что пригласилъ къ себѣ только Пророка, да и въ этомъ усомнился было при допущеніи Господомъ къ своимъ пречи-

---

ееемъ Симонъ былъ фарисей, такъ какъ это было при наступленіи страданій Христовыхъ, а въ это время вся секта фарисеевъ сильно вооружена была противъ Іисуса Христа, и фарисей не пригласилъ бы Его къ себѣ на вечерю“ (S. Script. curs. compl., t. XXI, pag. 1098). Но, чтобы видѣть, какъ слабо представленное основаніе, довольно вспомнить, что даже послѣ того, какъ злоба первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, повидимому, восторжествовала,—послѣ крестной смерти Іисуса Христа,—члены совѣта іудейскаго, Іосифъ аримаѳейскій и Никодимъ, не усомнились снять Его со креста, и оказать Ему послѣднюю услугу—приличное погребеніе. Значитъ, ожесточеніе всей вообще секты фарисеевъ противъ Іисуса Христа не исключало возможности вѣры въ Него и усердія къ Нему со стороны нѣкоторыхъ членовъ этой секты.

[1] Orig., Homil. 1 in Cant. [2] S. Cyprian., serm. de Ablutione pedum. [3] Бес. 80 на еванг. Матѳ. [4] Libro 6 in Ev. Luc., cap. 7.

стымъ ногамъ — грѣшницы. Исцѣленіе отъ проказы не могло не произвести въ немъ вѣры во Христа; и вотъ, при вторичномъ посѣщеніи его дома Спасителемъ близь Іерусалима, онъ уже называется не именемъ фарисея, напоминавшимъ враждебную Христу секту, а смиреннымъ наименованіемъ прокаженнаго, напоминавшимъ о благодѣяніи Христовомъ. *Прокаженнымъ* онъ послѣ своего исцѣленія сталъ называться въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Лазарь, возлежавшій за столомъ, на вечери въ Виѳаніи, былъ названъ *умершимъ* (Іоан. 12, 1), или Матѳей, именуемый въ ликѣ Апостоловъ *мытаремъ* (Матѳ. 10, 4),— т. е., принимая, по извѣстному обороту словъ, прошедшее состояніе за настоящее.[1]

И съ другой стороны, при упоминаніи о событіи, бывшемъ въ домѣ Симона фарисея, которое по всей вѣроятности предшествовало состоянію его прокаженія и исцѣленія отъ этой болѣзни, ему усвояется наименованіе *прокаженнаго*, подъ которымъ онъ сталъ извѣстенъ уже впослѣдствіи времени. Мы разумѣемъ помазаніе Христа Спасителя явногрѣшницею, происходившее, по сказанію евангелиста Луки, въ домѣ *Симона фарисея*. Сего-то Симона св. Златоустъ во 2-й молитвѣ ко св. причащенію именуетъ прокаженнымъ: „И якоже не не удостоилъ еси (Господи) внити и свечеряти со грѣшники *въ дому Симона прокаженнаго:* тако изволи внити и въ домъ смиренныя моея души, прокаженныя и грѣшныя; и якоже не отринулъ еси подобную мнѣ *блудницу, и грѣшную,* пришедшую и прикоснувшуюся Тебѣ: сице умилосердися и о мнѣ грѣшнѣмъ, приходящемъ и прикасающемтися; и якоже не возгну-

[1] См. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, изд. 2. Одесса, 1860 г., стр. 486, примѣч. 65 къ статьѣ: „Воскресеніе Лазаря съ его послѣдствіями.“

шался еси скверныхъ ея устъ и нечистыхъ, цѣлующихъ Тя: ниже моихъ возгнушайся скверныихъ оныя устъ и нечистшихъ, ниже мерзкихъ моихъ и нечистыхъ устенъ, и сквернаго и нечистѣйшаго моего языка".

Впрочемъ, можно думать, что св. Іоаннъ Златоустъ въ приведенныхъ нами словахъ 2-й молитвы ко св. причащенію разумѣетъ и то помазаніе, которое совершено было въ послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, и описано у св. евангелистовъ Матѳея и Марка. Правда, у сихъ евангелистовъ помазавшая Господа жена не именуется грѣшницею; но такою издревле она изображается въ богослуженіи православной Церкви на святую и великую среду. И при этомъ, Симонъ, именуемый первыми двумя евангелистами *прокаженнымъ*, называется *фарисеемъ* не въ одномъ изъ церковныхъ пѣснопѣній—въ самый день преданія Спасителя Іудою искаріотскимъ. Такъ Церковь возглашаетъ Господу: „*Симонова дома*, Невмѣстимаго вездѣ, вмѣсти Тя, Іисусе Царю, и жена грѣшная мурóмъ Тя помаза". [1] Далѣе: „Не къ *фарисеомъ*, Спасе, ни къ Симону токмо изволилъ еси во храмъ (въ храмину) на снѣдь внити, но уже и мытари вкупѣ и блудницы Твое почерпаютъ милосердіе." [2] — „Показати хотя, Іисусе преестественное Твоего служенія всѣмъ, ялъ еси *въ дому Симоновѣ вечерявъ*, алчущихъ пище". [3] И вслѣдъ затѣмъ: „Хлѣбъ сый животворящій, снѣлъ еси, Іисусе, *съ Симономъ фарисеемъ*, да блудница пріобрящетъ некупимую благодать Твою истощаніемъ мура". [4] И наконецъ неоднократно поется въ св. и великую среду: „*Днесь* Христосъ приходитъ въ домъ *фарисеовъ*, и жена грѣшница приступивши къ ногамъ, валяшеся вопіющи: виждь погружен-

[1] Во св. и вел. вторн., на повеч., трипѣснецъ св. Андрея критскаго, п. 3, тропарь 4. [2] Тамъ же, пѣсн. 8, тр. 5. [3] Тамъ же пѣсн. 9, тр. 4. [4] — троп. 5.

ную грѣхомъ, отчаянную дѣяній ради, негнушаемую отъ Твоея благости, и даждь ми, Господи, оставленіе злыхъ, и спаси мя.“ [1]

На основаніи приведенныхъ нами мнѣній св. отцевъ Церкви, и согласно съ указанными изреченіями православно-церковныхъ священныхъ пѣснопѣній, — мы признаемъ, что тотъ *Симонъ фарисей*, о которомъ упоминаетъ евангелистъ Лука, и тотъ *Симонъ прокаженный,* о которомъ говорятъ евангелисты Матѳей и Маркъ—*одно и тоже лице.* Но вмѣстѣ съ симъ, и по содержанію, и по самому ходу евангельскихъ сказаній, признавая, что бывшее въ домѣ Симона помазаніе Господа,—описанное евангелистомъ Лукою, и то, которое описано евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ,—не одно и тоже, а происходило, какъ въ разное время, такъ и въ разныхъ мѣстахъ,— мы не находимъ причины сомнѣваться въ справедливости и того предположенія, что у одного и тогоже Симона — фарисея, прозваннаго впослѣдствіи прокаженнымъ, было два дома, — одинъ въ Галилеѣ, быть можетъ въ Наинѣ, а другой въ Іудеѣ, и именно — въ Виѳаніи.

Въ Виѳаніи, какъ извѣстно, было совершено и то помазаніе Господа, о которомъ упоминаетъ св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Но гдѣ именно, въ чьемъ домѣ оно совершено,—Евангелистъ не сказываетъ, и потому это обстоятельство составляетъ вопросъ, разрѣшаемый различно.

Св. Іоаннъ Златоустъ, въ бесѣдахъ на евангелиста Іоанна, признаетъ, что описанное симъ евангелистомъ помазаніе Господа было въ домѣ Маѳы. „*Прежде шести дней Пасхи пріиде* (Іисусъ) *въ Виѳанію, идѣже бѣ Лазарь,* и вечерялъ у нихъ (сестръ Лазаря), при чемъ

[1] Во св. вел. среду, на утр., на стих., стих. самогл. 1, и веч. на Госп. воззв., ст. 7.

Марѳа служитъ, а Лазарь возлежитъ (Іоан. 12, 1. 2). Вотъ доказательство несомнѣннаго воскресенія (Лазаря): спустя много дней онъ былъ живъ и ѣлъ. Отсюда видно также", говоритъ св. Златоустъ, „что *вечеря была въ домѣ Марѳы:* (Лазарь и его сестры) принимаютъ Іисуса, какъ друзья и любимцы Его". [1]

Согласно съ мнѣніемъ св. Златоуста, въ синаксарѣ постной тріоди въ св. и великую среду говорится, что за шесть дней до Пасхи помазаніе Христа было именно *„въ домѣ Марѳы и Маріи, сестръ Лазаревыхъ"*, который именуется также *„домомъ Лазаря"*, и высказывается, что этотъ домъ надобно отличать отъ „дома фарисея Симона" (бывшаго въ Галилеѣ), и отъ другаго „дома (того же [2]) Симона прокаженнаго, — бывшаго въ Виѳаніи".

На этомъ основаніи и почтенный авторъ пользующейся у насъ заслуженною извѣстностію книги: „Дни богослуженія православной каѳолической восточной Церкви" — говоритъ: „За шесть дней до Пасхи Господь приходитъ въ Виѳанію, и возлежитъ на вечери *въ дому Лазаря,* на которой между прочимъ находился и Лазарь; Марѳа служила Іисусу Христу, а Марія помазала главу и ноги Его нардовымъ мѵромъ". [3]

---

[1] Св. Злат., бес. 65 на ев. Іоанна, Спб. 1855, ч. II, стр. 409.

[2] Слово *того же* (Симона) мы присовокупляемъ, для поясненія, къ приводимому нами указанію синаксаря—на томъ основаніи, что въ священныхъ пѣснопѣніяхъ великой среды, въ срединѣ коихъ помѣщенъ этотъ синаксарь, Симонъ прокаженный, какъ мы видѣли, именуется Симономъ фарисеемъ; да и въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ синаксаря отвергается, главнымъ образомъ, не тожество Симона, а тожество дома Симона, у котораго разновременно совершено было помазаніе Господа,—сперва въ Галилеѣ, гдѣ домъ его былъ извѣстенъ подъ именемъ дома Симона фарисея, а потомъ въ Іудеѣ, въ Виѳаніи, гдѣ домъ его слылъ подъ именемъ дома Симона прокаженнаго, безъ сомнѣнія по причинѣ и въ память — послѣдовавшаго передъ его переселеніемъ сюда, исцѣленія его отъ проказы.

[3] Дни богослуженія правосл. каѳол. вост. Церкви; кн. 2, изд. 6-е. 1866 г., стр. 117.

„Нѣкоторые, впрочемъ“, какъ замѣтилъ еще въ свое время св. Іоаннъ Златоустъ, „говорятъ, что это было *въ чужомъ домѣ*“. [1]

Держась этого, упомянутаго св. Златоустымъ, но не усвоеннаго имъ себѣ мнѣнія, два знаменитыхъ архипастыря нашей Церкви, блаженной памяти преосвященные—Филаретъ, митрополитъ мссковскій, и Иннокентій, архіепископъ херсонскій, выразили мысль, что тотъ *чужой* для Марѳы и Маріи *домъ* принадлежалъ именно *Симону прокаженному*.

Такъ преосв. Филаретъ въ своемъ „Начертаніи церковно-библейской исторіи“ написалъ: „За шесть дней до Пасхи Іисусъ является въ Виѳаніи въ дому *Симона прокаженнаго* на вечери, на которой между прочими возлежалъ съ Нимъ и *Лазарь: Марѳа* служитъ; *Марія* помазуетъ главу и ноги Его нардовою мастію“. [2]

А преосв. Иннокентій въ „Послѣднихъ дняхъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“, тоже самое изложилъ слѣдующимъ образомъ: „За шесть дней предъ Пасхою, какъ говоритъ св. Іоаннъ, Іисусъ явился опять въ Виѳаніи. Приходъ Его былъ празднествомъ для всего населенія, особенно для Его почитателей и друзей. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Симонъ*, такъ называемый, *прокаженный*, котораго Іисусъ Христосъ исцѣлилъ, вѣроятно, отъ проказы,—воспользовавшись покоемъ субботняго дня, учредилъ богатую вечерю для Его угощенія. Гостепріимная *Марѳа уступила ему честь—принять у себя Господа;* но взяла на себя трудъ распоряжать угощеніемъ и служить самой при трапезѣ Іисусу“. [3]

---

[1] Бес. на ев. Іоан. 65, изд. 1855. ч. II, стр. 409. [2] Начерт. Ц. библ. ист., изд. 8-е. 1844 г., стр. 499. [3] Посл. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, изд. 2, Одесса, 1860 г., стр. 83. Тоже мнѣніе выражено и въ объясненіи на „Евангеліе св. Іоанна,“ преосв. Филарета, архіеп. черниг. (См. Черниг. епарх. извѣстія, приб., № 11, 1 іюня 1866 г., стр. 325 и 326).—Къ этому должны

Въ одномъ изъ академическихъ духовныхъ нашихъ журналовъ находимъ и доводы, которыми хотятъ доказать, что дѣйствительно Марѳа служила Господу въ чужомъ домѣ, гдѣ былъ и Лазарь — только по приглашенію. Эти доводы въ майской книжкѣ „Христіанскаго чтенія“ за 1867 годъ [1] изложены въ слѣдующемъ видѣ: „Если, по сказаніямъ *первыхъ трехъ* Евангелистовъ, [2] вечеря происходила въ дому Сѵмона [3] прокаженнаго, а

мы присовокупить, что въ составленномъ нами „Подробномъ сравнит. обзорѣ четвероевангелія“ (Спб. 1859 г., ч. 1. § 93, стр. 345) допущена нами таже мысль,— что Марѳа въ то время, какъ сестра ея Марія помазывала Господа, служила Ему не въ своемъ домѣ, а въ домѣ Симона прокаженнаго. Но теперь, въ виду новыхъ соображеній, мы отказываемся отъ этой мысли,—находя лучшимъ слѣдовать мнѣнію св. Златоуста.

[1] См. статью: „Соглашеніе евангельскихъ повѣствованій о событіяхъ страданія и погребенія Господа нашего Іисуса Христа“. Хр. чт. 1867 г., май, стр. 702.

[2] Должно быть: „по сказаніямъ первыхъ *двухъ*“, а не трехъ „Евангелистовъ“ такъ какъ ев. Лука вовсе не говоритъ о той вечери... Такая ошибка тѣмъ болѣе странна, что мы находимъ ее и выше, въ той же статьѣ Христ. чтенія, на стран. 699: „Пребываніе въ Виѳаніи ознаменовано было вечерею въ дому Сѵмона прокаженнаго. Но такъ какъ объ этой вечери *три первыя* евангелиста нашли нужнымъ говорить“, и проч. Можно думать, что авторъ статьи, занявшись иностранными источниками, не справлялся съ главнымъ и единственно достовѣрнымъ источникомъ—св. четвероевангеліемъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ неоднократно дѣлаетъ такія указанія на мѣста Евангелія, — которыя опровергаютъ его собственные доводы. Такъ, напр., на стр. 696—онъ ссылается на Мѳ. 21, 46., какъ на свидѣтельство о благопріятномъ взглядѣ на Христа „мирныхъ жителей Галилеи“, вопреки „Іерусалиму“, тогда какъ въ указанномъ мѣстѣ говорится о томъ, что происходило вовсе не въ Галилеѣ, а въ самомъ Іерусалимѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ ев. Марка 6, 2., онъ выводитъ то заключеніе, что „Галилея никакъ не могла подготовить страшную *катастрофу* (подъ этимъ именемъ у автора разумѣется искупительная *смерть Господа);* но онъ навѣрное вывелъ бы оттуда заключеніе противоположное, если бы внимательно прочиталъ указанное мѣсто въ Евангеліи, и заглянулъ въ параллельное ему—Лук. 4, 22. 29. Притомъ трудно повѣрить, чтобы православный духовный писатель рѣшился самъ отъ себя (не увлекаясь какими нибудь иностранными образцами) — прибѣгать и къ защитѣ св. Евангелистовъ такими неприличными и несвойственными нашему благоговѣйному уваженію къ самовидцамъ Слова, богодухновеннымъ повѣствователямъ—выраженіямъ и оборотамъ рѣчи, каковы напримѣръ слѣдующіе (на стр. 705): „Если бы Господь ни разу не былъ въ Іерусалимѣ до послѣдняго путешествія, то *рѣшился ли бы Іоаннъ сказать такую явную ложь?*“... Весьма необдуманно!

[3] Непонятно, почему имя: *Симонъ*—постоянно пишется въ этой статьѣ „Христ. чтенія:“ *Сѵмонъ,* — тогда какъ и въ подлинномъ греческомъ текстѣ читаемъ: Σίμων, а не Σύμων.

по сказанію евангелиста Іоанна неизвѣстно гдѣ, то считать это за противорѣчіе еще нельзя. Положимъ, изъ повѣствованія евангелиста Іоанна и можно отчасти заключить, что вечеря была какъ будто не въ домѣ Симона, какъ говорятъ первые евангелисты, а въ домѣ самаго Лазаря; но если внимательно разсмотримъ это повѣствованіе, то мы найдемъ, что такое заключеніе было бы очень спѣшно. Въ этомъ повѣствованіи есть два признака, которые несомнѣнно приводятъ къ тому, что вечеря была не въ домѣ Лазаря. Первый изъ такихъ признаковъ есть указаніе на хозяйничанье Марѳы. Такое указаніе было бы совершенно неумѣстно, если бы вечеря происходила въ томъ домѣ, гдѣ Марѳа была хозяйка. Значитъ, если сказано, что Марѳа служила, то сказано для того, чтобы указать на особенное усердіе Марѳы, рѣшившейся служить Господу даже въ томъ домѣ, гдѣ она не была хозяйкой. Другой признакъ есть указаніе на то, что Лазарь возлежалъ, т. е. былъ въ числѣ гостей. Странно было бы со стороны Евангелиста указаніе на то, что Лазарь возлежалъ, если бы это было въ его домѣ. Это было бы все равно, если бы кто нибудь сказалъ, что такой-то N былъ у такого-то N, и этотъ послѣдній N былъ съ нимъ. Итакъ если мы знаемъ, что вечеря была не въ дому Лазаря, то почему не принять, что она была въ домѣ того Симона прокаженнаго, о которомъ говорятъ первые Евангелисты. Значитъ и здѣсь противорѣчія нѣтъ никакого."

Внимательно разсмотрѣвъ изложенные доводы, мы должны сказать, что если ев. Іоаннъ не говоритъ прямо, въ чьемъ домѣ совершено было помазаніе Господа, а другіе евангелисты говорятъ; то, конечно, считать это за противорѣчіе еще нельзя (какое жъ, въ самомъ дѣлѣ, противорѣчіе, когда одни *говорятъ* о чемъ нибудь,

а другой о томъ же *молчитъ?*). Но такое отсутствіе противорѣчія относительно извѣстнаго обстоятельства событія еще не показываетъ, что и первые два евангелиста и послѣдній изъ четырехъ – говорятъ именно объ одномъ и томъ же событіи: это еще слѣдовало бы доказать. и доказать поосновательнѣе. Тѣ два признака, которые, по словамъ автора, *несомнѣнно* приводятъ къ тому, что упоминаемая ев. Іоанномъ вечеря была не въ домѣ Лазаря, — вовсе не имѣютъ характера несомнѣнности. „Указаніе на хозяйничанье Марѳы“ нельзя назвать „совершенно неумѣстнымъ“, если вечеря происходила и въ томъ домѣ, гдѣ Марѳа сама была хозяйка. Почему „хозяйничанье“ ея въ чужомъ домѣ представляется автору болѣе умѣстнымъ, чѣмъ въ ея собственномъ? Потому, думаетъ онъ, что этимъ указывается „на особенное усердіе Марѳы, рѣшившейся служить Господу даже въ томъ домѣ, гдѣ она не была хозяйка“. Но вѣдь это одна догадка, въ основательности которой мы имѣемъ причины сомнѣваться — столько же, сколько и въ основательности предположенія о томъ. что будто бы неумѣстно было бы указаніе на „хозяйничанье“, или по выраженію Евангелія (Іоан. 12, 2), на *служеніе* Марѳы Господу, если вечеря была въ ея домѣ. Въ другомъ мѣстѣ четвероевангелія находимъ прямое, и потому не подлежащее никакому прекаканію или признанію „неумѣстнымъ“, указаніе на то, что Марѳа служила Господу, и заботилась объ угощеніи Его именно въ томъ домѣ, котораго несомнѣнно была она хозяйка.

Жена же нѣкая, именемъ Марѳа, говоритъ евангелистъ Лука, *пріятъ Его въ домъ свой. И сестра ей бѣ нарицаемая Марія, яже и сѣдши при ногу Іисусову, слышаше слово Его. Марѳа же молвяше о многъ службѣ* (заботилась о большомъ угощеніи); *ставши же рече: Гос-*

поди, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити? рцы убо ей, да ми поможетъ (Лук. 10, 38—40).

Но здѣсь, скажутъ, была особенная причина упомянуть о служеніи Марѳы,—чтобы тутъ же показать намъ и сестру ея, Марію, занятую другимъ, болѣе благимъ и пріятнымъ Господу дѣломъ. То правда; но и въ описанной еванг. Іоанномъ вечери находимъ почти тоже самое: упоминается, что когда Господь возлежалъ среди любимаго Имъ семейства, въ Виѳаніи: то старшая сестра Марѳа служила, Марія же помазывала ноги Іисуса Христа, а Лазарь былъ одинъ изъ возлежавшихъ съ Нимъ: гость изъ другаго міра, онъ былъ на этотъ разъ гостемъ у своихъ сестеръ, или въ своемъ собственномъ домѣ, и притомъ гостемъ самымъ близкимъ къ Господу, который вновь даровалъ ему жизнь. Указаніе на это вовсе не представляетъ въ себѣ ничего ни столь страннаго, ни столь излишняго, какъ бы „это было все равно," по словамъ автора, „если бы кто сказалъ, что такой-то N былъ у такого-то N, и такой-то N *былъ съ нимъ*" (—не просто былъ съ Нимъ, а сказано — возлежалъ съ Нимъ...). Посему-то нельзя не признать и сдѣланнаго авторомъ изъ своихъ догадокъ *заключенія— очень спѣшнымъ:* „Итакъ", говоритъ онъ, „если *мы знаемъ,* что вечеря была не въ дому Лазаря, то почему не принять, что она была въ домѣ того Симона прокаженнаго, о которомъ говорятъ первые Евангелисты?" *Мы знаемъ!...* Но знаніе, основанное на однихъ догадкахъ, очень шаткое, и мы не находимъ причины предпочитать его мнѣнію св. Златоустаго, или указанію нашего церковнаго синаксаря, что описанное еванг. Іоанномъ помазаніе Господа было именно въ домѣ сестеръ Лазаревыхъ Марѳы и Маріи, или прямо въ домѣ самого Лазаря.

Нельзя однакоже умолчать, что на счетъ этого дома есть и такія мнѣнія, которыя признаютъ его родственнымъ Симону прокаженному, или даже — его собственностію.

„О *Симонѣ прокаженномъ,*“ говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, архіепископъ болгарскій, „нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ *отецъ Лазаря,*—что Господь очистилъ его отъ проказы и угощенъ былъ имъ.“[1]

Такое мнѣніе о Симонѣ фарисеѣ, „прокаженномъ“, какъ объ отцѣ Лазаря и сестеръ его Маріи и Марѳы, синаксарь во св. и великую среду считаетъ неправильнымъ—собственно потому, что изъ него хотятъ вывести то заключеніе, что вечеря въ домѣ Симона и въ домѣ Марѳы и Маріи была одна и таже.

Авторъ „Дней богослуженія православной каѳолической восточной Церкви“ принимаетъ, впрочемъ, это мнѣніе, не выводя изъ него сказаннаго заключенія.[2]

Иные, напротивъ, чтобъ еще болѣе внушить мысль, что посѣщеніе Спасителемъ дома Симона было одно и тоже съ посѣщеніемъ дома Марѳы и Маріи, сестеръ Лазаревыхъ, предполагаютъ, что Симонъ былъ мужъ Марѳы. На основаніи этого предположенія, „о вечери въ домѣ Симона прокаженнаго“—въ одной изъ лучшихъ нашихъ священныхъ исторій новаго Завѣта, говорится слѣдующее: „За шесть дней до Пасхи Іисусъ Христосъ пришелъ въ Виѳанію, и остановился въ любимомъ Имъ семействѣ двухъ сестеръ, Марѳы и Маріи, и недавно воскрешеннаго Имъ брата Лазаря. Этотъ домъ евангелисты Матѳей и Маркъ, называютъ домомъ Симона прокажен-

[1] Благовѣстникъ, блаж. Ѳеофилакта, арх. болгарскаго. Казань, 1857. На Матѳ. гл. 26, стр. 451. [2] Дни богослуженія правосл. Церкви, изд. 6-е, 1866 г., кн. 2, стр. 114: „Лазарь былъ еврей и фарисей, сынъ Симона фарисея (Матѳ. 26, 6), родомъ изъ Виѳаніи.“ А на стран. 117-й читаемъ слѣдующее: „нѣкоторые считаютъ эту вечерю (въ дому Симона прокаженнаго, за два дня до Пасхи) за одну съ бывшею за шесть дней до Пасхи, предполагая, что Симонъ былъ *мужъ* Марѳы. Но *Церковь*, согласно съ св. отцами, *различаетъ* эти вечери“.

наго. *Можно предполагать, что Симонъ былъ мужъ Марѳы*, и, конечно, исцѣленъ былъ отъ проказы Іисусомъ Христомъ: почему и въ любви этого семейства къ Нему могла участвовать также признательность за исцѣленіе главы семейства. Теперь же эта признательность должна была достигнуть самой высшей степени послѣ возвращенія къ жизни Лазаря." [1]

Все это прекрасно; но предположеніе, на которомъ построено такое изложеніе событія, ни на чемъ не основано, кромѣ личнаго мнѣнія автора о томъ, что Симонъ прокаженный былъ мужъ Марѳы, и что домъ у нихъ и у Лазаря былъ общій. Но если уже основывать свое сужденіе на авторитетѣ чьего-либо мнѣнія, то опять скажемъ, что въ такомъ случаѣ мы признаемъ за лучшее слѣдовать мнѣнію св. Златоуста и руководству Церкви, предлагаемому въ изложеніи православнаго богослуженія.

Съ такимъ же взглядомъ на предметъ, обратимся къ рѣшенію и втораго вопроса въ нашемъ изслѣдованіи:

2. Кѣмъ изъ евангельскихъ женъ совершено помазаніе Господа?

Рѣшеніе этого вопроса у толкователей св. Писанія до такой степени различно, что число женъ, помазавшихъ Господа, то увеличиваютъ до четырехъ, то уменьшаютъ до одной.

Такъ одинъ изъ древнѣйшихъ церковныхъ писателей, именно Оригенъ, свидѣтельствуетъ, что еще въ его время существовало мнѣніе, будто у четырехъ евангели-

[1] Св. Исторія новаго Завѣта, прот. Мих. Богословскаго, изд. 3, Спб. 1866, стр. 164, 165. Тоже мнѣніе о Симонѣ, у котораго была приготовлена для Господа вечеря,—высказано было нѣкогда авторомъ извѣстной у насъ, хотя вскорѣ изъятой изъ употребленія „Библейской исторіи для дѣтей," (о. Сим. Краснопѣвцова). Спб. 1837 г. (ч. II, отд. 1, стр. 232). „Это было устроено въ дому Симона прокаженнаго, который, *какъ представляется вѣроятнымъ, былъ мужемъ Марѳы*, и что совершенно вѣрно, нѣкогда исцѣленъ Іисусомъ Христомъ отъ проказы."

стовъ упоминается о *четырехъ женахъ,* помазавшихъ Господа.[1] Но для всякаго должно быть очевидно, что первые два евангелиста — Матѳей и Маркъ, повѣствуя о женѣ, помазавшей главу Іисуса Христа, — въ одномъ и томъ же домѣ, въ одно и тоже время, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, и — одинаковыми чертами, изображаютъ не сходное, а одно и тоже событіе, — говорятъ объ одной и той же евангельской женѣ. Поэтому, если допустить, что послѣдніе два евангелиста — Лука и Іоаннъ — говорятъ каждый объ особой женѣ, совершившей помазаніе; то и въ такомъ случаѣ не могло быть болѣе *трехъ женъ,* помазавшихъ Господа. Такъ думалъ и Оригенъ.[2] Изъ другихъ извѣстныхъ толкователей св. Писанія того же мнѣнія держался Евѳимій;[3] на его же сторону склоняется и блаженный Ѳеофилактъ,[4] хотя болѣе вѣроятнымъ признаетъ онъ, какъ увидимъ ниже, другое мнѣніе.

По замѣчанію поименованныхъ толкователей Евангелія упоминаемая евангелистомъ Лукою жена, помазавшая Господа, должна быть различаема отъ той, о которой говорятъ св. Матѳей и св. Маркъ,—уже потому, что первая называется грѣшницею (Лук. 7, 37), а послѣдняя такъ не называется, но еще представляется пророчествующею о смерти Христовой: *возлiявши бо сiя,* говоритъ о ней самъ Христосъ, *мiро сiе на тѣло Мое, на погребенiе Мя сотвори* (Матѳ. 26, 12. сн. Марк. 14, 8). Сверхъ того, первая помазала Господа, какъ можно видѣть изъ всей послѣдовательности повѣствованія св. Луки, за долго до времени страданій Господа Іисуса Христа; а послѣдняя — только за два дня до Его крестной смерти, какъ видно изъ предшествующихъ сказанію еван-

[1] Orig. tractatu Math. 36. v. S. Script. curs. compl. t. XXI, pag. 1098.
[2] Loco citato. [3] Euthym. in Matth. 26, 6. [4] Въ Благовѣстн., толков. на 7 гл. ев. Луки.

гелистовъ Матѳея и Марка объ этой женѣ—словъ Христовыхъ къ ученикамъ: *вѣсте, яко по двою дню Пасха будетъ, и Сынъ человѣческій предань будетъ на пропятіе* (Матѳ. 26, 2. сн. Марк. 14, 1). Но и первая и послѣдняя, говорятъ, должна быть отличаема отъ той *(третьей)* жены, которая, по свидѣтельству евангелиста Іоанна, помазала Господа *прежде шести дней Пасхи* (Іоан. 12, 1).

Вопреки этому мнѣнію — *о трехъ женахъ*, помазавшихъ Господа, издревле существуетъ другое, которое признаетъ болѣе достовѣрнымъ, — что ихъ было только *двѣ;* но какія именно,—о томъ не одинаково разсуждаютъ толкователи св. Писанія.

Такъ блаженный Іеронимъ [1] и нѣкоторые изъ западныхъ учителей Церкви [2] — думаютъ, что одна жена была та, о которой пишетъ евангелистъ Лука, и которая помазала Господа за долго до Пасхи и смерти Христовой; а другая та, о которой повѣствуютъ евангелисты Матѳей, Маркъ и Іоаннъ, что она помазала Господа, вообще говоря, предъ самымъ наступленіемъ Его страданій въ Виѳаніи, и—стало быть въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Но св. Іоаннъ Златоустъ [3] и другіе изъ восточныхъ пастырей и учителей Церкви, какъ-то Леонтій византійскій [4] и блаж. Ѳеофилактъ болгарскій, [5] полагаютъ, что та жена, о которой пишутъ евангелисты Матѳей и Маркъ, по своему образу жизни — одна и таже съ упоминаемою еванг. Лукою; а та, о которой говоритъ еванг. Іоаннъ — различна отъ нея. По изъясненію сихъ отцевъ, упоминаемая первыми тремя евангелистами жена помазала Господа, хотя и въ разное время, и въ двухъ разныхъ

---

[1] S. Hieron. in Matth. 26, 6. [2] S. Bernard. in Sermone de Maria Magdalena. [3] Бес. 80 на еванг. Матѳ. и 62 на еванг. Іоанна. [4] Въ изъясн. на кн. Іова, о страд. Христ. [5] Благовѣстн., толк. на Іоан. 11, 2.

домахъ, но принадлежавшихъ одному и тому же Симону; а упоминаемая еванг. Іоанномъ совершила помазаніе хотя и предъ самою Пасхою, и въ Виѳаніи, но не за два дня, какъ та, что у евангелистовъ Матѳея и Марка, а за шесть дней, и не въ домѣ Симона прокаженнаго, а въ домѣ Лазаря или сестеръ его. Притомъ, „прежде всего необходимо замѣтить," говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, разсуждая о сестрѣ Лазаревой Маріи, помазавшей Господа мѵромъ, — „что эта не блудница, упоминаемая у Матѳея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нѣтъ,— это другая (женщина). Тѣ дѣйствительно были блудницы и преисполнены многихъ пороковъ; а та была честная и усердная; ибо она заботилась о принятіи Христа." [1] Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ, бесѣдуя о женѣ, помазавшей Господа въ домѣ Симона прокаженнаго, говоритъ: „жена эта повидимому есть *одна* и таже у всѣхъ евангелистовъ; но нѣтъ. *Три евангелиста,* мнѣ кажется, *говорятъ объ одной и той же,* но Іоаннъ говоритъ о другой нѣкоей чудной женѣ, сестрѣ Лазаря." [2]

Такое-то мнѣніе о двухъ женахъ, помазавшихъ Господа, въ толкованіяхъ восточныхъ отцевъ Церкви представляется какбы золотою серединою между мнѣніями тѣхъ, которые считаютъ, что было три такихъ жены, и тѣхъ, которые у всѣхъ евангелистовъ подразумѣваютъ одну и туже жену.

Такъ и блаж. Ѳеофилактъ, архіепископъ болгарскій, въ одномъ мѣстѣ пишетъ: „Нѣкоторые говорятъ, что

[1] Св. Злат., бес. 62 на еванг. Іоан., гл. 11, 1. 2., изд. 1855 г., ч. 2, стр. 357.

[2] Его же бесѣда 80 на еванг. Матѳ., изд. 1843 года, ч. III, стран. 363. Не излишне замѣтить, что ясно и опредѣленно высказанная въ этомъ мѣстѣ св. Златоустымъ мысль, что всѣ три евангелиста говорятъ объ одной и той же женѣ— даетъ понять, что въ иномъ мѣстѣ употребленное имъ выраженіе на счетъ жены, упоминаемой у Матѳея, и—упоминаемой у еванг. Луки: „*тѣ* дѣйствительно *были* блудницы"—сказано во множественномъ числѣ единственно потому, что та жена упоминается у нѣсколькихъ евангелистовъ, а не потому, что они не объ одной говорятъ.

было *три* жены, помазавшія Господа муромъ, и о которыхъ упомянули всѣ четыре евангелиста. А другіе полагаютъ, что ихъ было *двѣ:* одна, упоминаемая у Іоанна, то есть, Марія, сестра Лазарева; другая та, которая упоминается у Матѳея: она одна и таже съ упоминаемою у Луки и Марка." [1] А въ другомъ мѣстѣ: „о мурѣ упоминаютъ всѣ четыре евангелиста. И думаютъ нѣкоторые, что (у всѣхъ ихъ разумѣется) *одна и таже* жена. Но несправедливо: это *двѣ* разныя жены, изъ коихъ одна упоминается у Іоанна (12, 3), она же и сестра Лазаря, другая—у трехъ прочихъ (евангелистовъ)." [2]

Согласно съ этимъ и въ синаксарѣ въ св. и великую среду (въ постной тріоди) сказано: „Да будетъ извѣстно, что жена сія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, — одна и таже у всѣхъ евангелистовъ; но нѣтъ,—а у трехъ, какъ говоритъ божественный Златоустъ, одна и таже, которая и блудницею наименована, у Іоанна же не та, но другая нѣкая чудная жена, имѣющая житіе честное, Марія, сестра Лазарева, которая, не будучи блудницею, была любима Христомъ."

Впрочемъ, хотя, по мнѣнію отцевъ и учителей православной восточной Церкви, — въ отличіе отъ Маріи, сестры Лазаревой, упоминаемая первыми тремя евангелистами жена именуется блудницею, но такъ какъ евангелисты Матѳей и Маркъ не называютъ ее, подобно евангелисту Лукѣ, явногрѣшницею; то надобно думать, что бывши дѣйствительно таковою при первомъ помазаніи, она при послѣднемъ—удерживаетъ за собою это названіе лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Симонъ называется въ Евангеліи прокаженнымъ, то есть, потому что онъ былъ нѣкогда подверженъ проказѣ, отъ кото-

[1] Благовѣстн., блаж. Ѳеофил., арх. болг. Казань, 1857 г.; на Матѳ. гл. 26, ч. I, стр. 451. [2] Тамъ же, ч. 2, на еванг. Марка, гл. 14, стр. 205.

рой исцѣленъ Господомъ. И блудница, покаявшаяся и прощенная Господомъ, хотя уже и перемѣнила свою жизнь, и вела себя цѣломудренно, — могла быть извѣстною подъ именемъ, означавшимъ прежнюю ея жизнь, и такою она была, навѣрное, по собственному сознанію — въ глубокомъ чувствѣ своей грѣховности.

Въ этомъ отношеніи и св. отцы расположеніе ея души сравниваютъ съ состояніемъ Симона. „Евангелистъ," говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „не просто упомянулъ о проказѣ Симона, но съ тѣмъ, чтобы показать причину, почему жена съ дерзновеніемъ приступила къ Іисусу. Поелику проказа казалась ей болѣзнію нечистою и гнусною, и между тѣмъ она видѣла, что Іисусъ исцѣлилъ человѣка и очистилъ проказу,—иначе не восхотѣлъ бы остаться у прокаженнаго; то она возъимѣла надежду, что Іисусъ легко очиститъ и душевную ея нечистоту." [1] Ту же самую мысль высказываетъ и блаж. Ѳеофилактъ: „Видя сего (Симона) прокаженнаго очищеннымъ, и означенная жена возъимѣла вѣру, что и она получитъ отпущеніе грѣховъ и очистится отъ своей душевной проказы." [2]

„Чудною женою" называетъ св. Златоустъ, какъ мы видѣли, Марію сестру Лазаря, но и эту—бывшую блудницу—признаетъ достойною удивленія. „Всѣ прочія жены," говоритъ онъ, „приходили за полученіемъ здравія тѣлеснаго, а она пришла затѣмъ, чтобы воздать честь Іисусу, и получить душевное исцѣленіе. Она не имѣла никакого поврежденія на тѣлѣ, и потому всякій ей долженъ удивляться. Приходитъ къ Іисусу не какъ къ простому человѣку, иначе и не отерла бы своими власами ногъ Его, но какъ къ такому лицу, которое выше человѣка.

[1] Бес. 80 на еванг. Матѳ. ч. III, стр. 374. [2] Благов., бес. на Матѳ. 26, 6. Эта же мысль выражена и въ синаксарѣ въ св. и вел. среду.

Посему и принесла къ ногамъ Христовымъ главу свою— такую часть тѣла, которая драгоцѣннѣе всего тѣла и всѣхъ членовъ...“ „Этотъ поступокъ происходилъ отъ благоговѣйной мысли, теплой вѣры и сокрушеннаго сердца.“ [1]

„О блаженныхъ рукъ!“ воспѣваетъ Церковь, „о власовъ и устенъ *цѣломудренныя* блудницы! имиже возлія, Спасе, мvро на нозѣ Твои, отирающи я, и часто облобызающи.“ [2] И еще: „Яже первѣе *блудница* жена, внезапу *цѣломудренна явися,* возненавидѣвши дѣла студнаго грѣха.“ [3] — „Священнодѣйствуется избавленіе *благонравнѣй,* отъ спасительныхъ же утробъ и слезъ источника, въ немже исповѣданіемъ измывшися, не стыдящеся, но вопіяше: вся дѣла Господня Господа пойте, и превозносите во вся вѣки.“ [4] — „Грѣшная тече къ мvру, купити многоцѣнное мvро,—еже помазати Благодѣтеля, и мvропродателю вопіяше: *даждь ми мvро, да помажу и азъ Очистившаго вся моя грѣхи.*“ [5]

Такимъ образомъ, въ священныхъ пѣснопѣніяхъ православной восточной Церкви бывшая блудница именуется „цѣломудренною“ и „благонравною,“ — потому что она принесла покаяніе, и хотя уже была не блудница, но сознавала себя помилованною грѣшницею, и, тогда какъ Симонъ выражалъ свою благодарность Спасителю за исцѣленіе отъ проказы учрежденіемъ для Него вечери, и она поспѣшила вторично помазать многоцѣннымъ мvромъ „Благодѣтеля,“ который благоволилъ нѣкогда явить ей свою милость сими божественными словами: *прощаются грѣси ея мнози... Вѣра твоя спасе тя, иди въ миръ* (Лук. 7, 47. 50). И вотъ теперь она „мvро-

[1] Бес. на еванг. Мате. 80, ч. III, стр. 375 и 380. [2] Во св. и вел. вторникъ на повеч. трипѣснецъ, твореніе господина Андрея критскаго, пѣсн. 8, тр. 7. [3] Во св. и вел. среду, трипѣснецъ, твор. господина Космы, икосъ. [4] Пѣсн. 8, тр. 3. [5] На хвал., ст. 5, слав.

подателю вопіяше: даждь ми мvро, *да помажу и азъ* очистившаго вся моя грѣхи.“ Влагая эту рѣчь въ уста жены, помазавшей Господа въ дому Симона прокаженнаго, церковная пѣснь, очевидно, и отличаетъ ея дѣйствіе отъ другаго подобнаго, не ею совершеннаго (да помажу *и азъ*), и намекаетъ на другое помазаніе, совершенное тою же женою, когда Господь очистилъ ея грѣхи, о чемъ она воспоминаетъ, какъ о событіи, прежде послѣдовавшемъ (— да помажу — *Очистившаго* вся моя грѣхи).

Послѣ этого должно быть понятно для насъ, какое значеніе имѣютъ выше приведенныя нами доказательства того мнѣнія, что было три жены, помазавшія Господа, на что указываетъ и слѣдующее мѣсто въ толкованіи блаженнаго Ѳеофилакта, сходное и съ нѣкоторыми указаніями въ синаксарѣ): „Ежели вникнешь, то найдешь, что ихъ (женъ помазавшихъ Господа) было три: объ одной упоминается у Іоанна, о другой у Луки (7, 37. 38), а у прочихъ двухъ евангелистовъ о третьей. Ибо упоминаемая у Луки была блудница и (помазала) Господа среди Его проповѣди; а упоминаемая у Матѳея (сдѣлала тоже) около времени страданія, и притомъ она не была явная блудница. Господь пріемлетъ усердіе ея, какъ издержавшей такъ много мvра.“ [1]

По справедливому замѣчанію блаженнаго Августина, и нѣкоторыхъ другихъ толкователей свящ. Писанія,— если евангелистъ Лука говоритъ, что Господь былъ помазанъ нѣкою грѣшницею, и притомъ за долго до своего страданія, а у другихъ евангелистовъ — Матѳея и Марка принесшая мvро жена не называется грѣшницею, и даже представляется какбы святою и, чрезъ помаза-

[1] Блаж. Ѳеофил., Благов., ч. 2, на еванг. Марка, гл. 14, стр. 205.

ніе, пророчественно предуготовляющею Христа уже къ приблизившейся крестной смерти и погребенію Его; то это значитъ не то, чтобы разные евангелисты говорили о разныхъ женахъ, но что одна и таже женщина — въ различное время была различныхъ нравовъ, сперва грѣшницею, а потомъ — святою, и что она не однажды, не одновременно и не въ одномъ мѣстѣ, но въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ — дважды помазала Господа. Посему-то, разсуждаетъ блажен. Августинъ, бывши грѣшницею, она, по свидѣтельству евангелиста Луки, осмѣлилась помазать только ноги Іисуса Христа, считая себя недостойною коснуться главы Его; а очистившись отъ грѣховъ, она же впослѣдствіи дерзаетъ возлить муро не только на ноги, но и на главу Его, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ евангелисты Матѳей и Маркъ.[1]

Вполнѣ соглашаясь съ такими доводами блаж. Августина и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ учителей, мы не можемъ однако же согласиться съ ними въ дальнѣйшихъ ихъ соображеніяхъ на счетъ того, что упоминаемая первыми тремя евангелистами жена есть одна и таже съ упоминаемою и ев. Іоанномъ, и что по этому будтобы у *всѣхъ четырехъ евангелистовъ* разумѣется *одна и таже* помазавшая Господа жена, которую евангелистъ Іоаннъ прямо называетъ *Маріею, сестрою Лазаря*. Мы не можемъ согласиться съ этимъ послѣднимъ, общепринятымъ западною Церковью, мнѣніемъ, такъ какъ оно не согласно съ мнѣніемъ св. Златоуста, и вообще всей восточной Церкви.

Мнѣніе западной Церкви о томъ, что у всѣхъ четырехъ евангелистовъ упоминается одна и таже помазав-

[1] S. August., libr. 2 de consensu evangelistarum, c. 69. Beda in Matth. 26, 2., et in cap. 7 Lucae.

шая Господа жена, едва ли не въ первый разъ высказанное св. Амвросіемъ медіоланскимъ,[1] и особенно раскрытое блаж. Августиномъ,[2] прямо выражено и св. Григоріемъ Двоесловомъ, папою римскимъ, и тоже довольно древнимъ англійскимъ пресвитеромъ Бедою, по прозванію — достопочтеннымъ.[3]

Такъ св. Григорій Двоесловъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ на Евангелія говоритъ: „научитесь, какою скорбію терзается та, которая плачетъ, и среди пиршества не краснѣетъ. Это, мы думаемъ, была та самая Марія, которую Лука называетъ грѣшницею, Іоаннъ—Маріею, изъ которой, по свидѣтельству Марка, изгнано было семь бѣсовъ. И что означается чрезъ семь бѣсовъ, если не всѣ пороки?“[4]

Но на чемъ же основывается это мнѣніе отцевъ и учителей западной Церкви, что грѣшница, помазавшая Господа, и сестра Лазаря Марія, и та Марія, называемая Магдалиною, изъ которой изгнано было семь бѣсовъ (Марк. 16, 9. и Лук. 8, 2),—одно и тоже лице?

Главнымъ образомъ на томъ, что еванг. Іоаннъ, желая описать отличительною чертою Марію, сестру Лазаря, говоритъ: *Марія же, которой братъ Лазарь былъ боленъ, была та, которая помазала Господа мгромъ, и отерла волосами головы своей* (Іоан. 11, 2). Такого описанія, говорятъ, Евангелистъ не употребилъ бы, еслибъ было нѣсколько женъ, помазавшихъ Господа мгромъ; ибо тогда читатель не могъ бы понять, о которой изъ нихъ идетъ рѣчь у Евангелиста. И этотъ одинъ доводъ въ пользу своего мнѣнія западные толкователи счита-

[1] S. Ambros. in cap. 7 Lucae. [2] S. Augustin. de consens. evang., lib. 2, cap. 69. [3] Beda in Matth. 26, 6. et in cap. 7 Lucae. [4] Бес. на Евангелія св. Григорія Двоеслова, перев. архим. Климентомъ. Спб. 1860 г., кн. 2, бес. XXXIII, говор. къ народу во храмѣ св. Климента, въ 24 день сент., на еванг. Луки 7, 36—50., стр. 164.

ютъ важнѣе всѣхъ доводовъ, которыми подтверждается, что не одна была жена, помазавшая Господа. [1]

Правда, что приведенными словами Евангелиста о Маріи, сестрѣ Лазаревой, что она была *помазавшая Господа мгромъ,* показывается, по выраженію св. Златоуста, „что̀ особеннаго имѣла“ эта Марія; [2] но надобно думать, что еванг. Іоаннъ такою особенностію отличилъ ее не отъ *всѣхъ* вообще женъ евангельскихъ, а только отъ *соименныхъ* ей и не менѣе ея извѣстныхъ учениць и спутницъ Іисуса Христа, каковы были упоминаемыя тѣмъ же Евангелистомъ, стоявшія при крестѣ Іисуса Христа, вмѣстѣ съ пречистою Его Матерью, Марія Клеопова и Марія Магдалина (Іоан. 19, 25). При такомъ предположеніи (а оно представляется намъ весьма естественнымъ), изъ приведеннаго свидѣтельства вовсе не то слѣдуетъ, чтобы кромѣ Маріи, сестры Лазаревой, не было другой жены, помазавшей Господа мгромъ, а только то, что эта Марія должна быть различаема отъ другой Маріи, непомазавшей Господа, какова была и Марія Магдалина.

Между тѣмъ, учители западной Церкви, настаивая на томъ, что *Марія Магдалина* была и *сестра Лазаря*, и *грѣшница,* помазавшая Господа, о которой упоминаетъ еванг. Лука, ссылаются на то, что у сего Евангелиста, послѣ повѣствованія объ этой грѣшницѣ, — въ слѣдующей главѣ упоминается Марія Магдалина — въ числѣ спутницъ Іисуса Христа. Дѣйствительно упоминается; но ни изъ чего не видно, чтобы она была одно лице съ тою грѣшницею. Напротивъ, видно, что причиною ея послѣдованія Христу, въ числѣ другихъ уче-

[1] Omnia autem argumenta, etsi multa sunt, quibus plures (mulieres) fuisse probatur, minus quam hoc unum, habent ponderis. S. Script. curs. compl. t. XXI, pag. 1099. [2] Св. Злат., бес. на еванг. Іоан. 62, 1., гл. 11, 1. 2., ч. II, стр. 357.

ницъ, было не прощеніе грѣховъ, а исцѣленіе отъ злыхъ духовъ и болѣзней: *И бысть по семъ, и Той прохождаше сквозѣ грады и веси..., и обанадесяте съ Нимъ, и жены нѣкія, яже бяху исцѣлены отъ духовъ злыхъ и недугъ: Марія, нарицаемая Магдалина, изъ неяже бѣсовъ седмь изыде,* и т. д. (Лук. 8, 1. 2). Конечно, св. Григорій Двоесловъ говоритъ: „и что означается чрезъ семь бѣсовъ, если не всѣ пороки?“ [1] Но въ той же 8-й главѣ еванг. Луки (ст. 26—36) представляется намъ описаніе гадаринца, одержимаго бѣсами, разительно показывающее намъ, что бѣсы не тоже, что пороки, хотя и бываютъ первыми совѣтниками и споспѣшниками порочныхъ дѣлъ.

Наконецъ западные учители подтверждаютъ свое мнѣніе просто авторитетомъ своей Церкви. [2] На это мы замѣтимъ, что если для западныхъ важенъ авторитетъ западной Церкви, то для насъ не менѣе важенъ авторитетъ восточной православной Церкви, тѣмъ болѣе, что утверждаемое православною Церковію мнѣніе основано не на однѣхъ догадкахъ, но на достовѣрныхъ фактическихъ соображеніяхъ. Это можно видѣть и изъ слѣдующаго разсужденія св. Димитрія ростовскаго о Маріи Магдалинѣ:

„Западніи сію св. Марію Магдалину мнятъ быти Марію сестру Лазареву, тую же и жену блудницу, омывшую слезами нозѣ Христовы, и власами главы своея отершую, и мѵромъ помазавшую: но восточніи не мнятъ быти тако. Лазарева бо сестра бяше изъ Виѳаніи, ро-

[1] Бес. на Еваг. XXXI, кн. 2, стр. 164. [2] Такъ въ S. Script. cursu compl. t. XXII, pag. 707. Comment. in Luc. 7, v. 37, читаемъ: *Mulier.* Nomen tacet honoris causa: quod tamen ob majorem Dei honorem innotuit; estque Maria, cujus cognomen Magdalena, infra, 8, v. 2; soror Lazari ac Marthae, Ioan. 11, v. 2., *ex communi Ecclesiae sensu*, cui suffragatur Augustinus, lib. 2, de consensu Euang., c. 69. И въ другомъ мѣстѣ того же изданія (t. XXII, pag. 191), in Marc. 14, v. 9: Et quia hoc *Ecclesia* commemorat in laudem Mariae Magdalenae, *habes hinc argumentum*, quod Maria Magdalena est illamet, quae est Maria soror Lazari, de qua textus iste loquitur. И только.

домъ іудеаныня, а Магдалина изъ Сиріи, отъ горъ Магдальскихъ, отнюдуже и прозваніе ей бысть,—наченшая шествовати по Христѣ въ Галилеи, а не во Іудеи. Еще же ни блудницею быти сестра Лазарева явѣ извѣствуется, ибо во дщеряхъ израилевыхъ возбраняше законъ быти блудницамъ; сице въ Моусеевыхъ книгахъ пишется: *да не будетъ блудница отъ дщерей израилевыхъ* (Втор. 23, 17. Іоан. 8, 5). Аще же бы кая ята была въ таковомъ грѣхѣ, то каменіемъ побити оную законъ веляше. Како бы убо сестра Лазарева близъ Іерусалима, отъ дщерей израилевыхъ сущи, могла явногрѣшницею быти? Еда ли не побили бы оную каменіемъ по закону своему жидове, иже и на Лазаря враждоваху? Еще же и Лазарь, мужъ честенъ и сановенъ (топархъ во Виѳаніи бяше), [1] съ сестрою Маѳоою, како бы попустили сестрѣ своей Маріи явногрѣшницею быти? Ина убо бысть сестра Лазарева, а ина жена блудница. Нѣсть же и о томъ совершеннаго извѣстія, Магдалина ли бѣ оною блудницею, въ Евангеліи воспоминаемою, яже нозѣ Христовы омы слезами, и власами отре, и муромъ помаза, или ина кая? Аще та бяше Магдалина, то како можаху съ нею мужіе имѣти грѣховное общеніе, бѣсною бывшею, отъ седми духовъ мучимою? Развѣ прежде бѣснованія бяше грѣшница: и аще бы Магдалина оною была блудницею; то вслѣдъ Христа и Его учениковъ явногрѣшницѣ долгое время ходящей, что бы рекли ненавистницы Христовы жидове, ищуще на Него каковыя-либо вины, да Его охулятъ и осудятъ? Аще ученицы Христовы единою (однажды) узрѣвше Господа съ самарянынею бесѣдующа, чудяхуся, яко съ женою глаголаше (Іоан. 4, 27), кольми паче враждебницы не

[1] „Этотъ Лазарь“, говоритъ св. Златоустъ, „былъ человѣкъ знаменитый, какъ видно изъ того, что многіе собрались утѣшать сестеръ его“. Бес. на ев. Іоан. 66, стр. 418.

умолчали бы, егда бы видѣли явногрѣшницу, по вся дни Ему послѣдствующую и служащую. Обаче“ (впрочемъ), заключаетъ богомудрый святитель, съ достойною удивленія и подражанія скромностію,—„мы о неизвѣстныхъ вещахъ и недовѣдомыхъ много испытовати, и како бѣ утверждати не дерзающе, *церковному разсужденію* та подлагаемъ. О различіи же женъ, нозѣ Христовы власами отершихъ, и мѵромъ помазавшихъ, изволяяй да чтетъ синаксарь въ тріоди, во св. великую среду, яже предъ вечерію Христовою.“ [1]

На этотъ-то синаксарь мы уже не разъ и ссылались въ своемъ изслѣдованіи, и его же словами находимъ приличнымъ заключить рядъ нашихъ соображеній въ разрѣшеніе вопроса: кѣмъ изъ евангельскихъ женъ совершено было помазаніе Господа?—„Итакъ намъ кажется, что съ истиною согласно—мнѣніе Златоустаго, и болѣе достовѣрно то, что было двѣ жены (помазавшія Господа): *одна,* какъ сказано, у трехъ (первыхъ) евангелистовъ, бывшая *блудница* и грѣшница, излила мѵро на главу Христову; а *другая* у евангелиста Іоанна—*Марія, сестра Лазарева,* къ самимъ божественнымъ ногамъ Христовымъ принесла и возлила мѵро.“ [2]

[1] См. Четьи-мин., іюль, 22 дня, въ концѣ Памяти св. Маріи Магдалины.—Странно, что изложенное здѣсь о св. Маріи Магдалинѣ,—которая ни въ житіяхъ святыхъ, ни въ богослуженіи православной Церкви, нигдѣ не называется грѣшницею,—до такой степени мало извѣстно многимъ русскимъ и православнымъ, что изъ одного слѣпаго подражанія христіанскому западу, у насъ самыя убѣжища кающихся грѣшницъ слывутъ подъ названіями Магдалининскихъ! Да будетъ же имъ вѣдомо, что только западная Церковь признаетъ, что Марія Магдалина была нѣкогда блудницею, а православная восточная—такою ее не признаетъ, но чтетъ ее святою и равноапостольною.

[2] „Тѣмже убо сіе убо мнится ми, и истинѣ Златоглаголиваго паче извѣстнѣе быти, яко *двѣ* убо сія *жены* вмѣняются: *едина* убо, якоже речеся, у тріехъ евангелистовъ, *блудница* сущи и грѣшница, на главу Христову мѵро излiявшая; иная же у Іоанна *Марія, сестра Лазарева,* самѣмъ божественнымъ ногамъ Христовымъ сіе принесшая и излiявшая“.

Кстати замѣтимъ, что независимо отъ мнѣнія западныхъ христіанскихъ учителей, непринадлежащій къ Церкви Христовой и враждебный святой истинѣ

3. Послѣ того, какъ мы пришли къ извѣстному убѣжденію относительно числа и личности женъ, помазавшихъ Господа, само собою уясняется для насъ и рѣшеніе вопроса: сколько разъ, и когда именно помазанъ былъ Господь?

Сколько бы, впрочемъ, ни предполагалось такихъ женъ, — всѣ толкователи священнаго Писанія совершенно согласны въ томъ, что упоминаемое евангелистомъ Лукою помазаніе Господа, среди общественнаго Его служенія роду человѣческому, въ Галилеѣ, надобно отличать отъ того, которое было въ Виѳаніи, въ послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, — считать ли это виѳанское помазаніе однократнымъ или двукратнымъ. По этому всѣ также должны быть согласны и въ томъ, что Господь былъ помазанъ не менѣе *двухъ разъ*, если, послѣ помазанія въ Галилеѣ, Онъ былъ помазанъ въ Виѳаніи однажды, — и не болѣе *трехъ разъ*, если въ одной Виѳаніи, кромѣ Галилеи, помазаніе было двукратное. Въ этомъ-то и заключается сущность двоякаго рѣшенія предложеннаго вопроса. Посмотримъ, на чемъ основывается то или другое рѣшеніе, и какимъ образомъ примиряются встрѣчающіяся при этомъ недоумѣнія.

Признающіе, что Господь былъ помазанъ только два раза, разсуждаютъ такъ:

французскій писатель Ренанъ призналъ упоминаемую евангелистомъ Іоанномъ Марію, сестру Лазаря, за одно лице съ упоминаемою еванг. Лукою грѣшницею, — единственно потому, что неблагонамѣренно смѣшалъ два совершенно разныя событія, — то помазаніе Господа, о которомъ говоритъ еванг. Лука, и то, о которомъ говоритъ еванг. Іоаннъ. Блаженной памяти преосв. Филаретъ, архіеп. черниговскій, въ своемъ объясненіи „Евангелія св. Іоанна“ (12, 1—3) такъ выразился объ этомъ: „академикъ Ренанъ легкомысленъ былъ, если самъ принималъ жену упоминаемую св. Лукою за Марію сестру Лазареву, и вовсе безсовѣстно клеветалъ на св. Луку, когда писалъ о немъ: „Марія изъ Виѳаніи принимается имъ за обратившуюся грѣшницу.“ (См. Черниг. епарх. извѣстія, прибавл., № 11, 1 іюня 1866, стр. 326).

Еслибы Христосъ былъ трижды помазанъ: то иное было бы помазаніе, о которомъ повѣствуютъ евангелисты Матѳей и Маркъ, и иное то, о которомъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ; ибо, очевидно, Матѳей и Маркъ говорятъ объ одномъ и томъ же. Но что и евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ не о различномъ, а о томъ же помазаніи, — это, говорятъ, видно изъ многихъ обстоятельствъ: вопервыхъ, изъ того, что помазавшая Господа жена была одна и таже — Марія, сестра Лазаря, и что мѣсто, гдѣ Господь помазанъ былъ предъ своими страданіями, было одно и тоже—Виѳанія, какъ согласно свидѣтельствуютъ Матѳей, Маркъ и Іоаннъ; далѣе, изъ того, что по свидѣтельству тѣхъ же трехъ евангелистовъ, для помазанія былъ употребленъ одинъ и тотъ же родъ масти—нардовое, цѣльное, драгоцѣнное мyро, одинаковой цѣны, и что при этомъ одинаково упоминается о ропотѣ Іуды или нѣкоторыхъ учениковъ противъ жены помазавшей, и что, наконецъ, одинаковое приводится и ея защищеніе со стороны Іисуса Христа. [1]

Такъ какъ на счетъ перваго изъ представленныхъ доводовъ, которыми хотятъ подтвердить мнѣніе, уже довольно предложено нами соображеній; то нѣтъ нужды повторять ихъ, а достаточно ограничиться здѣсь однимъ напоминаніемъ, что мы имѣемъ причины думать, что упоминаемая евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ, помазавшая Господа жена—различна отъ упоминаемой евангелистомъ Іоанномъ Маріи, сестры Лазаревой.

Равнымъ образомъ, и на счетъ мѣста помазанія уже предложено нами соображеніе, что хотя по сказанію всѣхъ трехъ поименованныхъ евангелистовъ, Господь былъ помазанъ въ Виѳаніи; но есть причины предполагать, что это было не въ одномъ домѣ, а сперва въ до-

[1] S. Script. curs. compl. t. XXI, p. 1100.

мѣ Лазаря, или сестеръ его, потомъ же—въ домѣ Симона прокаженнаго.

Подобно сему, и относительно *времени помазанія* можно было бы ограничиться уже сдѣланнымъ нами замѣчаніемъ, что хотя, по сказаніямъ евангелистовъ—какъ Матѳея и Марка, такъ и Іоанна—Господь былъ помазанъ прежде своихъ страданій,—этимъ, однакожь, не выражается, что помазаніе Его тогда было одновременное и однократное; потому что по словамъ послѣдняго евангелиста—оно было *за шесть дней* до Пасхи, а по словамъ первыхъ двухъ—*за два дня* до Пасхи, въ которую пострадалъ Іисусъ Христосъ. Но здѣсь нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, какимъ образомъ издревле старались и теперь стараются какбы устранить эту разность въ сказаніяхъ Евангелистовъ.

Еще блаженный Августинъ, а послѣ него Беда и другіе западные толкователи свящ. Писанія, которыхъ, съ нѣкотораго времени, стали держаться въ этомъ отношеніи и наши отечественные составители новозавѣтной священной исторіи,—полагаютъ, что евангелисты Матѳей и Маркъ упомянули о помазаніи Господа, въ числѣ другихъ событій, не по порядку времени, а по причинной связи этихъ событій. По ихъ толкованію, евангелисты Матѳей и Маркъ, передавъ слова Господа: *чрезъ два дня будетъ Пасха,* и сказавъ затѣмъ о совѣтѣ іудеевъ, воспользовавшихся предательствомъ Іуды, привели на память то событіе, которое, какъ извѣстно изъ Евангелія Іоанна, послѣдовало *за шесть дней до Пасхи,*—собственно потому, что, приступая къ сказанію о *предательствѣ Іуды,* естественно было имъ напередъ припомнить о предшествовавшемъ ему *помазаніи Господа,* при которомъ явно обнаружилась въ Іудѣ *причина предательства*—алчность сребролюбія. Извѣстно, что

именно эта алчность заставила Іуду, подъ предлогомъ попеченія о нищихъ высказать свое неудовольствіе на безполезную, по его словамъ, трату мура, что̀ съ особенною ясностію выразилъ о предателѣ евангелистъ Іоаннъ: *сіе же рече, не яко о нищихъ пѣчашеся, но яко тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше, и вметаемая ношаше* (Іоан. 12, 6).[1]

Что сказать о такомъ способѣ соглашенія евангельскихъ свидѣтельствъ касательно разсматриваемаго событія?

Нужно сказать, что въ четвероевангеліи, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчается изложеніе событій не по порядку времени, а по причинной ихъ связи, и на предложенномъ основаніи мы легко могли бы согласиться на то, что евангелисты Матѳей и Маркъ только по поводу предательства Іуды, бывшаго за два дня до Пасхи, говорятъ о томъ самомъ помазаніи, которое, по свидѣтельству евангелиста Іоанна, совершилось за шесть дней,— мы могли бы на это согласиться, еслибъ у насъ не было въ виду другихъ причинъ, заставляющихъ признавать, что первые два и послѣдній евангелисты говорятъ о двухъ разныхъ событіяхъ.

Но, когда такія причины, какъ мы видѣли, есть; то, разсматривая повѣствованіе евангелистовъ Матѳея и Марка отдѣльно отъ повѣствованія евангелиста Іоанна, мы находимъ слѣдующее противорѣчіе сказанному предположенію. Первые два евангелиста, которые говорятъ о помазаніи Господа будтобы не по порядку времени, а только по поводу предательства Іуды, бывшаго за два дня до Пасхи, вовсе не говорятъ собственно о ропотѣ

[1] S. August., lib. 2 de consensu Evangelist., cap. 69. Beda in Matth. 26, 6.— Тоже соображеніе принято было и нами въ „Подр. сравнит. обзорѣ четвероевангелія“—за основаніе для извѣстнаго изложенія разсматриваемаго событія. См. 59 *примѣчаніе*—къ § 93 (Вечеря въ домѣ Симона прокаженнаго), стр. 69.

Іуды,—упоминая лишь вообще о негодованіи нѣкоторыхъ учениковъ на помазавшую жену за трату мура; и напротивъ, евангелистъ Іоаннъ, который отнюдь не по поводу предательства Іуды повѣствуетъ о помазаніи Господа, а по порядку времени,—говоритъ, что при этомъ событіи, за шесть дней до Пасхи, ропталъ Іуда, потому что былъ воръ!...

И вотъ, какбы для того, чтобы исправить такое неудобство въ предложенномъ способѣ—привести къ единству повѣствованія трехъ евангелистовъ относительно времени бывшаго въ Виѳаніи помазанія Господа,—появился еще новый способъ соглашенія. По этому новому способу даютъ намъ знать, что о помазаніи Господа въ домѣ Симона прокаженнаго евангелисты Матѳей и Маркъ повѣствуютъ, не по хронологическому порядку, но и не по поводу предательства Іуды,—такъ какъ это предательство и самый совѣтъ іудеевъ о преданіи Господа—были тоже не за два дня до Пасхи (не въ среду),—а только по поводу приведенныхъ тѣми Евангелистами словъ Господа, которыя заключали въ себѣ предсказаніе о имѣвшей послѣдовать, чрезъ два дня, Его крестной смерти.

По нашему убѣжденію, такое соглашеніе евангельскихъ повѣствованій не только не лучше придуманнаго блаж. Августиномъ, но гораздо дальше его отстоитъ отъ истины. Если мнѣніе блаж. Августина не согласно съ преданіемъ восточной православной Церкви, то сейчасъ изложенное мнѣніе противорѣчитъ апостольскому преданію всей вселенской—не только восточной, но и западной Церкви—относительно того дня, въ который преданъ былъ Господь. Между тѣмъ оно изложено съ такими „особенностями“ логической послѣдовательности, и притомъ высказано такъ смѣло и рѣшительно, что иной,

пожалуй, встрѣчая это мудрованіе въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ академическаго духовнаго журнала, и не давая себѣ труда свѣрить его, съ чѣмъ должно, и взвѣсить, какъ слѣдуетъ,—готовъ будетъ признать его за послѣднее слово науки.

Но, чтобы убѣдиться, что это совсѣмъ не такъ,—стоитъ внимательно разсмотрѣть предложенное мнѣніе, или измышленіе, и прежде всего — представить его въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ майской книжкѣ „Христіанскаго чтенія“ за 1867 годъ. „Если,“ говорится въ этой книжкѣ, „если съ *полною вѣроятностію* можно допустить, что Господь Іисусъ на пути въ Іерусалимъ“ (предъ торжественнымъ входомъ въ него), „остановился въ Виѳаніи, *то можно* съ полною вѣроятностію признать *и то,* что въ это именно время была та вечеря, о которой говоритъ евангелистъ Іоаннъ, и которую евангелисты Матѳей и Маркъ относятъ ко времени болѣе позднѣйшему, именно: за два дня до Пасхи (Матѳ. 26, 6—13. Марк. 14, 3—9). Если разсмотримъ внимательно повѣствованія этихъ Евангелистовъ, то не найдемъ въ нихъ ничего, что̀ могло бы препятствовать такому принятію. Изъ этихъ повѣствованій видно, что сказаніе о вечери, поставленное ими непосредственно слѣдующимъ за рѣшеніемъ сунедріона, поставлено ими отнюдь не потому, что событіе такъ слѣдовало въ порядкѣ времени, а просто потому, что событіе это имѣло ближайшее отношеніе къ *предсказанію* Господа о своей смерти, помѣщенному ими выше. Упомянувши о тѣхъ особенно напечатлѣвшихся въ памяти словахъ Господа, въ которыхъ заключалось предсказаніе о Его смерти, евангелистъ Матѳей замѣтилъ, что онъ ничего еще не сказалъ о томъ, какъ подготовилась та страшная катастрофа (!), которая имѣетъ быть чрезъ два дня, и вотъ онъ, чтобы

не оставилъ дѣло въ неясности, сперва говоритъ о рѣшеніи сунедріона, а потомъ прибавляетъ, что такое же предсказаніе было еще много ранѣе, когда былъ Іисусъ въ Виѳаніи. Въ слѣдствіе этого Евангелистъ употребляетъ такой способъ выраженія, который никакъ не приложимъ къ хронологическому изображенію событій „Ὁ δὲ Ἰησους ἠλθεν εἰς Βηθανίαν.“ Эти слова очевидно не иначе должны быть понимаемы, какъ только такъ: „тогда же, когда былъ Іисусъ въ Виѳаніи.“ Но такія слова отнюдь не слова хронолога. Такую не хронологичность въ этомъ отдѣлѣ повѣствованій мы должны признать тѣмъ болѣе, что и предъидущее событіе (,) именно: рѣшеніе сунедріона, точно также, какъ и вечеря, не можетъ занимать то мѣсто, какое занимаетъ оно по сказаніямъ евангелистовъ Матѳея и Марка. Сунедріонъ, желая избѣжать волненія народа, предлагаетъ исполнить приговоръ прежде Пасхи, которая, по словамъ Господа, помѣщеннымъ выше, должна быть черезъ два дня. Теперь если бы рѣшеніе сунедріона было за два дня до Пасхи, то оно *не имѣло бы смысла*. За два дня городъ наполнялся уже тысячами народа, избѣжать волненія народа, было бы тогда не возможно. Евангелистъ Маркъ, слѣдовавшій во всемъ почти евангелисту Матѳею, поставилъ событіе также, какъ и тотъ. Итакъ, если ни евангелистъ Матѳей, ни евангелистъ Маркъ не поставили означенныя событія на томъ мѣстѣ, какое они должны занимать по порядку хронологическому, то послѣднему Евангелисту предстояла настоятельная нужда—указать событіямъ, поставленнымъ внѣ связи хронологической, ихъ настоящія мѣста. И вотъ онъ говоритъ, что рѣшеніе сунедріона послѣдовало не за два дня до Пасхи, а много ранѣе, именно вскорѣ по воскресеніи Лазаря (11, 40), а вечеря въ Виѳаніи была за шесть дней до

Пасхи, когда Господь былъ въ Виѳаніи. *Такое* распредѣленіе событія, *нельзя не признать* вѣрнымъ. Рѣшеніе сунедріона не является, по этому распредѣленію, дѣломъ *безпричиннымъ*, какимъ является оно у первыхъ Евангелистовъ; оно имѣетъ въ основѣ ту ненависть фарисеевъ, которая возбуждена была въ нихъ воскресеніемъ Лазаря. Точно также и вечеря въ Виѳаніи не является такою *безцѣльною*, какою является она у первыхъ Евангелистовъ. Она является результатомъ той благодарности, которую имѣли облагодѣтельствованные родственники Лазаря къ ихъ благодѣтелю. Такимъ образомъ указанное нами различіе въ опредѣленіи времени вечери ни мало не можетъ говорить о какомъ либо противорѣчіи, а только о томъ, что евангелистъ Іоаннъ дополнялъ и уяснялъ другія повѣствованія"...

„Итакъ," заключаетъ авторъ, „мы *смѣло* можемъ принять, что вечеря была въ Виѳаніи, была наканунѣ входа Господа въ Іерусалимъ и была та самая, которую первые два Евангелиста, какъ не державшіеся строго хронологическаго порядка, помѣстили послѣ повѣствованія о входѣ въ Іерусалимъ." [1]

Первое, что представляется намъ въ этомъ довольно пространномъ изложеніи извѣстнаго мнѣнія, есть именно та особенность въ „логической" послѣдовательности соображеній автора статьи „Христіанскаго чтенія," по которой вещи несомнѣнныя и непререкаемыя признаются только „вполнѣ вѣроятными," а не вполнѣ вѣроятныя и спорныя—ставятся наравнѣ съ несомнѣнными и непререкаемыми; и затѣмъ у него тотчасъ слѣдуетъ увѣреніе, что будтобы въ повѣствованіяхъ евангелистовъ „не

[1] См. Христ. чтеніе, издаваемое при с. петерб. дух. академіи, 1867 г., май, стр. 699—703. (Статья: „Соглашеніе евангельскихъ повѣствованій о событіяхъ страданія и погребенія Господа нашего Іисуса Христа)."

найдемъ ничего, что могло бы препятствовать такому принятію."

Статья „Христіанскаго чтенія" называетъ только „вполнѣ вѣроятнымъ"—то, что Господь Іисусъ Христосъ на пути въ Іерусалимъ, предъ торжественнымъ входомъ въ этотъ городъ, останавливался въ Виѳаніи, — тогда какъ это несомнѣнная и непререкаемая истина; потому что объ этомъ прямо и опредѣленно сказано въ Евангеліи Іоанна: *Іисусъ же прежде шести дней Пасхи пріиде въ Виѳанію* (Іоан. 12, 1). За то, совершенно неожиданно для насъ, выводится отсюда заключеніе, что будто бы по тому самому — столько же несомнѣнно, или что „можно съ полною вѣроятностію признать" за истину— „*и то,* что въ это именно время была" не только „та вечеря о которой говоритъ евангелистъ Іоаннъ," но „и" та, „которую евангелисты Матѳей и Маркъ относятъ ко времени позднѣйшему, именно: за два дня до Пасхи." Какъ будто Господь въ послѣдніе дни земной своей жизни только однажды былъ въ Виѳаніи, предъ входомъ въ Іерусалимъ! Нѣтъ, Онъ былъ тамъ и послѣ этого торжественнаго входа, даже и вечеромъ того дня,— какъ ясно свидѣтельствуютъ сами евангелисты Матѳей (21, 17) и Маркъ (11, 11).

Мы не находимъ причины сомнѣваться, что Господь не только по окончаніи дня входа въ Іерусалимъ провелъ ночь въ Виѳаніи, но вечерялъ тамъ и въ то „позднѣйшее время," къ которому первые два Евангелиста относятъ вечерю въ домѣ Симона прокаженнаго, то есть, за два дня до Пасхи.

Чѣмъ же доказываетъ авторъ статьи противоположное сему мнѣніе, — что евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ „сказаніе о вечери поставлено непосредственно слѣдующимъ за рѣшеніемъ сунедріона — отнюдь не по-

тому, что событіе такъ слѣдовало въ порядкѣ времени, а просто потому, что событіе это имѣло ближайшее отношеніе къ предсказанію Господа о своей смерти, помѣщенному ими выше?“ — Тѣмъ, что евангелистъ Матѳей, „упомянувши о тѣхъ особенно напечатлѣвшихся въ памяти словахъ Господа, въ которыхъ заключалось предсказаніе о Его смерти,“ — будто бы „замѣтилъ, что онъ ничего еще не сказалъ о томъ, какъ подготовилась та страшная катастрофа, которая имѣетъ быть чрезъ два дня, и вотъ онъ, чтобы не оставить дѣло въ неясности, сперва говоритъ о рѣшеніи сунедріона, а потомъ прибавляетъ, что такое же предсказаніе было еще много ранѣе, когда былъ Іисусъ въ Виѳаніи.“

Но утверждать, что евангелистъ Матѳей прежде упомянутыхъ имъ въ началѣ 26 главы словъ Господа о приближеніи времени крестной Его смерти, ничего еще не сказалъ о томъ, какъ, по выраженію автора, подготовилась эта „страшная катастрофа,“ имѣвшая быть чрезъ два дня, — то есть, какимъ образомъ и прежде рѣшенія сунедріона — „взять Іисуса хитростію и убить“ (Матѳ. 26, 4), обнаруживалась сильная, дышавшая коварствомъ и убійствомъ, вражда противъ Него книжниковъ, фарисеевъ и первосвященниковъ, — утверждать это, или представлять себѣ, что самъ Евангелистъ „замѣтилъ,“ что онъ ничего такого не сказалъ, могъ бы только тотъ, кто совсѣмъ не читалъ предшествующихъ главъ того же Евангелія отъ Матѳея. Не говоря уже о тѣхъ главахъ, гдѣ у евангелиста Матѳея описывается общественное служеніе Іисуса Христа роду человѣческому, до входа Его въ Іерусалимъ, и гдѣ также много разъ указывается на постоянное преслѣдованіе Спасителя со стороны книжниковъ и фарисеевъ, какъ самыхъ ослѣпленныхъ и ожесточенныхъ враговъ, насмѣшками, желаніемъ уло-

вить въ какомъ либо словѣ или дѣлѣ — съ явнымъ намѣреніемъ погубить Его,[1] — довольно прочитать 21 и 22 главы, чтобы видѣть, какъ злоба этихъ враговъ явно высказалась при входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ и въ послѣдующіе дни. Тамъ сказано, что они гласно выражали свое негодованіе на торжественную встрѣчу Господа, сопровождавшуюся чудесами Его и восклицаніями отроковъ (21, 15); — а на другой или на третій день послѣ входа въ Іерусалимъ, когда Онъ снова пришелъ во храмъ, они всенародно вопрошали Его, какою властію Онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ (21, 23), и, не вразумившись притчами о двухъ сынахъ и злыхъ вертоградаряхъ, — въ которыхъ Господь ясно изобразилъ ихъ духъ и образъ дѣятельности, и чѣмъ она кончится, и какія будутъ ея послѣдствія, — старались схватить Его, но побоялись народа, который Его почиталъ за Пророка (21, 46); не вразумившись же потомъ и новою притчею — о брачномъ пирѣ сына Царева, они пошли и совѣщались, какъ бы уловить Его въ словѣ, и дѣй-

[1] Такъ, по свидѣтельству еванг. Матѳея (равно какъ и еванг. Марка и еванг. Луки, въ параллельныхъ мѣстахъ Евангелія), фарисеи и книжники, еще при исцѣленіи разслабленнаго, принесеннаго на одрѣ, обвиняли Іисуса Христа въ богохульствѣ—за прощеніе грѣховъ разслабленному (Матѳ. 9, 3), а при исцѣленіи бѣсноватыхъ богохульно говорили, что Онъ дѣйствуетъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго (9, 34. 12, 24), — роптали за обращеніе Его съ мытарями и грѣшниками (9, 11), и прямо называли Его другомъ мытарей и грѣшниковъ (11, 19), обвиняли Его учениковъ и Его самого въ несоблюденіи обрядоваго ихъ закона касательно постовъ (9, 14) и храненія субботы (12, 2), особенно же за нарушеніе преданій старцевъ (15, 2), и лицемѣрно соблазнялись Его ученіемъ, или глумились надъ Нимъ (15, 7. 12); всегда мысля худое въ сердцахъ своихъ, они назирали за Его дѣйствіями, — не исцѣлитъ ли Онъ въ субботу, чтобы осудить Его (12, 2. 10), и послѣ исцѣленія сухорукаго, вышедши изъ синагоги, имѣли совѣщаніе противъ Него, *какъ бы погубить Его* (12, 14), — и чтобы поколебать вѣру въ Него и любовь къ Нему народа, неоднократно съ лукавствомъ требовали у Него знаменія съ неба (11, 38. 16, 1—4), коварно предлагали вопросъ о разводѣ (19, 3), и т. п. И послѣ всего этого авторъ утверждаетъ, что еванг. Матѳей — до послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа ничего не сказалъ еще, какъ подготовилась со стороны іудеевъ „страшная катастрофа“ евангельской исторіи?. Непонятно!

ствительно старались это сдѣлать, предлагая Ему разные вопросы, съ очевиднымъ намѣреніемъ или подвергнуть Его уголовной отвѣтственности предъ римскимъ правительствомъ, или возмутить противъ небеснаго Наставника истины народъ. Правда, божественною мудростію Іисуса Христа сіи совопросники были посрамлены— до того, что на Его собственный вопросъ о „Сынѣ Давидовомъ," „никто не могъ отвѣчать Ему ни слова, и съ того дня никто уже не смѣлъ спрашивать Его" (22, 1—46); но это-то самое, и вслѣдъ за тѣмъ — потрясающая душу обличительная рѣчь Христова относительно сидящихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ, книжниковъ и фарисеевъ (22, 1—39), дѣлаютъ для насъ совершенно понятнымъ, что послѣ всего этого должно было послѣдовать, и, по свидѣтельству евангелистовъ Матѳея и Марка, дѣйствительно послѣдовало, за два дня до Пасхи страданій Христовыхъ, послѣднее злое совѣщаніе сунедріона, на которомъ положено — взять Іисуса Христа хитростію, и убить.

Тѣмъ непонятнѣе становится для насъ увѣреніе автора, что будто бы „евангелистъ Матѳей, упомянувши о словахъ Господа, въ которыхъ заключалось предсказаніе о Его смерти (26, 2),— замѣтилъ, что онъ еще ничего не сказалъ о томъ, какъ подготовилась та страшная катастрофа, которая имѣетъ быть чрезъ два дня," и проч.

Конечно, ни авторъ, ни тѣ, которые способствовали приведенію въ извѣстность и распространенію его статьи— не могутъ сказать о себѣ, что они не читали упомянутыхъ нами главъ Евангелія отъ Матѳея (21, 22, 23), и не захотятъ сознаться, что опустили ихъ изъ виду при своихъ соображеніяхъ. Они скорѣе станутъ повторять, что все написанное въ этихъ главахъ—изложено

не въ порядкѣ времени, что всему этому предшествовали событія, которыя изложены въ началѣ 26 главы (ст. 3—13), и что объ этихъ событіяхъ здѣсь сказано „просто потому, что они имѣли ближайшее отношеніе къ предсказанію Господа о своей смерти, помѣщенному ими выше“ (ст. 1. 2): *вѣсте, яко по двою дню Пасха будетъ; и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе.* Потому-то, говорятъ, и прибавлено здѣсь о самомъ помазаніи Господа, бывшемъ въ Виѳаніи „еще много ранѣе,“ что тогда было *такое же* предсказаніе—о смерти Христовой, въ словахъ Господа о женѣ помазавшей: *возліявши бо сія мѵро сіе на тѣло Мое, на погребеніе Мя сотвори* (Матѳ. 26, 12).

Но въ этомъ послѣднемъ сочетаніи событій нельзя усмотрѣть уже и причинной связи. Представляется только, что при извѣстномъ предсказаніи естественно было вспомнить о *событіи,* при которомъ было *такое* предсказаніе. Но кто же не видитъ, что общее предсказаніе о смерти, подъ образомъ приготовленія къ *погребенію,* вовсе не есть *такое же* предсказаніе о ней, какъ то, которымъ прямо объявляется о предстоящемъ чрезъ два дня *распятіи?* Между тѣмъ, дѣйствительно, уже было *такое же* предсказаніе, и несомнѣнно — предъ входомъ Господнимъ въ Іерусалимъ: *Се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ; и осудятъ Его на смерть; и предадятъ Его языкомъ на поруганіе и біеніе, и пропятіе; и въ третій день воскреснетъ* (Матѳ. 20, 18. 19). [1]

Послѣ такого рѣшительнаго предсказанія о томъ, что Господь преданъ будетъ на распятіе,—съ которымъ въ

[1] Замѣтимъ, что и это было уже *третье* предсказаніе о крестной смерти Христовой,—послѣ двухъ первыхъ, бывшихъ до Преображенія и послѣ Преображенія Господня (Матѳ. 16, 21. 17, 22).

этомъ отношеніи совершенно сходно другое, бывшее за два дня до Пасхи,—нельзя согласиться и на то, что о помазаніи Господа евангелистъ Матѳей упомянулъ потому, что при семъ событіи было предсказаніе о смерти,—какъ будто объ этомъ прежде не было ничего сказано, и теперь нужно было сказать, „чтобы не оставить дѣло“ о предстоящей смерти Христовой „въ неясности,“—а не потому, что сказанное событіе тогда именно, т. е., за два дня до Пасхи, и послѣдовало.

Чтобы убѣдить насъ въ этомъ, автору слѣдовало бы представить другія, какія нибудь положительныя доказательства, а не одно только предположеніе. Однакожь онъ, принимая это послѣднее какбы за истину уже доказанную, спѣшитъ вывести изъ него *слѣдствіе,*—которое въ свою очередь принимаетъ у него видъ новаго доказательства: „Въ слѣдствіе этого,“ говоритъ онъ, „Евангелистъ (Матѳей) употребляетъ такой способъ выраженія, который никакъ не приложимъ къ хронологическому изображенію событій: “Ὁ δε Ιησους ἠλθεν εἰς Βηθανίαν.“ „Эти слова очевидно не иначе должны быть понимаемы, какъ только такъ: „тогда же, когда былъ Іисусъ въ Виѳаніи.“ Но такія слова отнюдь не слова хронолога.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ мы должны сказать, что этимъ самымъ выводомъ, которымъ авторъ, повидимому, хотѣлъ доказать, между прочимъ, что онъ не только перечиталъ Евангеліе, но и знаетъ его въ греческомъ подлинникѣ,—онъ доказалъ только то, что у него, при составленіи статьи, вовсе не было подъ рукою греческаго Евангелія. Только при этомъ условіи,—дѣлая извлеченіе изъ какого нибудь иностраннаго источника. возможно было сдѣлать такой странный недосмотръ, какой находимъ у автора. Онъ увѣряетъ, что приведенныя имъ греческія слова, будто бы взятыя изъ Евангелія отъ Мат-

ѳея,—„отнюдь не слова хронолога,“—и стало быть, не то, что̀ соотвѣтствующія имъ слова у евангелиста Іоанна, которому, по его мнѣнію, „предстояла настоятельная нужда—указать событіямъ, поставленнымъ внѣ связи хронологической, ихъ настоящія мѣста.“ И что же? Обращаясь къ подлинному тексту Евангелія,—видимъ, что эти самыя слова, этотъ „способъ выраженія, который никакъ не приложимъ къ хронологическому изображенію событій,“ находится не у евангелиста Матѳея, а у евангелиста Іоанна! — Они заимствованы изъ 1-го стиха 12-й главы Евангелія отъ Іоанна, которымъ начинается повѣствованіе о помазаніи Господа въ Виѳаніи, за шесть дней до Пасхи: Ὁ οὖν Ἰησοῦς (πρὸ ἓξ ἡμερῶν τοῦ πάσχα) ἦλθεν εἰς Βηθανίαν.

Соотвѣтственное же сему мѣсто въ Евангеліи отъ Матѳея — 6-й стихъ 26-й главы, которымъ начинается повѣствованіе о помазаніи, бывшемъ тоже въ Виѳаніи, но (по буквальному смыслу предъидущихъ стиховъ) за два дня предъ Пасхою,—читается такъ: Τοῦ δὲ Ἰησοῦ γενομένου ἐν Βηθανίᾳ, и т. д. И сіе-то выраженіе, равно какъ и параллельное ему въ Евангеліи отъ Марка, гл. 14, ст. 3: Καὶ ὄντος αὐτοῦ ἐν Βηθανίᾳ, „не иначе должны быть понимаемы, какъ: „тогда же, когда“ (или просто: „когда же,“ „и когда,“ — какъ переведено въ русскомъ текстѣ Евангелія отъ Матѳея и отъ Марка),—„былъ Іисусъ въ Виѳаніи.“

И все таки ни изъ чего не видно, что „такія слова—отнюдь не слова хронолога.“ [1] Но авторъ, не за-

[1] Догадываемся, что должно быть частица δὲ, *же*,—неправильно внесенная авторомъ въ слова евангелиста Іоанна, вмѣсто частицы οὖν (по-славянски—тоже переведена *же*), но дѣйствительно находящаяся въ указанномъ мѣстѣ въ словахъ еванг. Матѳея, (у еванг. Марка она замѣнена однакоже частицею καὶ, *и*),—по мнѣнію автора, указываетъ на переходъ повѣствованія отъ одного времени къ другому, прежде бывшему. Но если этой частицѣ придавать особенное значеніе, то вѣ-

мѣчая ни сдѣланнаго имъ недосмотра, или промаха, въ указаніи на евангельскій текстъ, ни бездоказательности своихъ предположеній, продолжаетъ столь же смѣло и рѣшительно простираться впередъ по пути произвольныхъ догадокъ. „Такую нехронологичность въ этомъ отдѣлѣ повѣствованій мы должны," говоритъ онъ, „признать тѣмъ болѣе, что и предъидущее событіе — именно: рѣшеніе сунедріона, точно также, какъ и вечеря, не можетъ занимать то мѣсто, какое занимаетъ она по сказаніямъ евангелистовъ Матѳея и Марка. Сунедріонъ, желая избѣжать волненія народа, предлагаетъ исполнить приговоръ прежде Пасхи, которая, по словамъ Господа, помѣщеннымъ выше, должна быть чрезъ два дня. Теперь если бы рѣшеніе сунедріона было за два дня до Пасхи, то *оно не имѣло бы смысла.* За два дня городъ наполнялся уже тысячами народа,—избѣжать волненія народа было бы тогда невозможно."

Касательно этого сужденія довольно было бы намъ сказать, что подтверждаемое имъ мнѣніе, будто бы послѣднее совѣщаніе сунедріона о преданіи Господа было не за два дня предъ Пасхою страданій Христовыхъ, то есть, не въ среду, а гораздо прежде,—противорѣчитъ апостольскому преданію вселенской Церкви. Всякому, изучавшему пространный катихизисъ православной каѳолической восточной Церкви, извѣстно (изъ ученія о четвертой заповѣди Божіей), что среда и отличается постомъ, собственно потому, что Господь въ этотъ день преданъ на смерть. Яснѣе и опредѣленнѣе это выражено въ слѣдующемъ каноническомъ правилѣ вселенской

роятнѣе она можетъ означать здѣсь переходъ въ рѣчи отъ одного *мѣста* къ другому,—какъ и дѣйствительно послѣ повѣствованія о совѣщаніи сунедріона, бывшемъ въ Іерусалимѣ, Евангелистъ переходитъ къ повѣствованію о помазаніи, которое было *между тѣмъ*, или одновременно (въ одинъ и тотъ же день) — въ Виѳаніи.

Церкви о постѣ среды и пятка: „Никто да не укоряетъ насъ за соблюденіе среды и пятка, въ которые дни благословно заповѣдано намъ поститься по преданію. *Въ среду, по причинѣ составленнаго іудеями совѣта, о преданіи Господа,* а въ пятокъ потому, что Онъ пострадалъ за насъ.“ [1]

Но, чтобы возбужденное авторомъ недоумѣніе, на счетъ несвоевременности такого совѣта іудеевъ, — не осталось безъ разрѣшенія, приведемъ слѣдующее толкованіе изъ 79 бесѣды св. Іоанна Златоуста на евангелиста Матѳея:

„Они“, говоритъ онъ о составлявшихъ совѣтъ іудеяхъ, „боялись народа; посему и ждали, когда пройдетъ праздникъ. *Глаголаху бо, да не въ праздникъ.* Діаволъ не хотѣлъ, чтобы Христосъ пострадалъ въ Пасху, дабы страданіе Его не сдѣлалось извѣстнымъ; а они,—*да не молва будетъ.* Замѣть, они боятся не гнѣва Божія и не того, что время праздника можетъ увеличить ихъ злодѣяніе; но вездѣ опасностей со стороны людей. *Впрочемъ, кипя гнѣвомъ, они снова перемѣнили свое намѣреніе.* Ибо сказавъ: *да не въ праздникъ,* потомъ, найдя предателя, они не ждали времени, но совершили убійство въ праздникъ. Почему же они взяли Его въ это время? Потому что и гнѣвомъ кипѣли, какъ я сказалъ, и надѣялись Его найти въ то время, и во всемъ дѣйствовали, какъ *ослѣпленные.*“ [2]

Изъ этого мудраго воззрѣнія святителя на совѣтъ и дѣло іудеевъ видно, что не рѣшеніе синедріона о преданіи Господа, бывшее за два дня до Пасхи, было про-

[1] Книга правилъ св. Апостолъ, св. Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. Отецъ, на первоначальномъ еллинскомъ нарѣчіи и въ преложеніи славенороссійскомъ. Правило 15 св. Петра, архіепископа александрійскаго и мученика, стр. 319. Спб. 1839.

[2] Св. Злат., бес. на ев. Матѳ. 79, ч. III, стр. 366.

тивно здравому смыслу,—напротивъ оно было составлено по всѣмъ правиламъ такъ называемаго житейскаго благоразумія,—а несвоевременное выполненіе опредѣленія совѣта, послѣдовавшее неожиданно для самихъ іудеевъ, единственно по причинѣ раздраженія, нечаянной находки предателя и—ослѣпленія.

Но на этомъ основаніи утверждать, что совѣтъ іудеевъ о преданіи Господа послѣдовалъ не за два дня до Пасхи, не въ среду, едва ли не столь же основательно, какъ если бы кто сталъ утверждать, что и самое распятіе Господа было не въ пятокъ Пасхи, а въ другое время...

Между тѣмъ авторъ продолжаетъ: „Евангелистъ Маркъ, слѣдовавшій во всемъ почти евангелисту Матѳею, поставилъ событіе также какъ и тотъ. Итакъ, если ни евангелистъ Матѳей, ни евангелистъ Маркъ не поставили означенныя событія на томъ мѣстѣ, какое они должны занимать по порядку хронологическому, то послѣднему Евангелисту предстояла настоятельная нужда—указать событіямъ, поставленнымъ внѣ связи хронологической, ихъ настоящія мѣста. И вотъ онъ говоритъ, что рѣшеніе сунедріона послѣдовало не за два дня до Пасхи, а много ранѣе, именно вскорѣ по воскресеніи Лазаря (11, 49), а вечеря въ Виѳаніи была за шесть дней до Пасхи, когда Господь былъ въ Виѳаніи. Такое распредѣленіе событій нельзя не признать вѣрнымъ.“

А по нашему убѣжденію, такое распредѣленіе нельзя не признать совершенно произвольнымъ.

Еслибы авторъ внимательно прочиталъ въ Евангеліи Іоанна (11, 46—57) все, что тамъ сказано о совѣщаніи сунедріона, бывшемъ вскорѣ послѣ воскрешенія Лазаря, и сличилъ съ нимъ то совѣщаніе и то опредѣле-

ніе сунедріона, которое, по сказанію евангелистовъ Матѳея (26, 1—6) и Марка (14, 1. 2), послѣдовало за два дня до Пасхи; то онъ навѣрное не сталъ бы утверждать, что эти два событія—одно и тоже, и что евангелистъ Іоаннъ только указываетъ извѣстному событію—его настоящее мѣсто. Напротивъ, у самого евангелиста Іоанна находимъ явный намекъ на то, что послѣ перваго совѣщанія должно было послѣдовать и второе. На первомъ, еще за нѣсколько времени до торжественнаго входа Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, первосвященники и фарисеи прямо „положили: убить Его“ (ст. 53), и, такъ какъ они, по ихъ словамъ,—которыя, безъ сомнѣнія, постарались распространить,—будто бы дѣйствовали изъ попеченія о благѣ народа, и для предотвращенія опасности со стороны римлянъ; то, еще не опасаясь большаго сопротивленія въ своемъ дѣлѣ со стороны народа, открыто „дали приказаніе, что, если кто узнаетъ, гдѣ Онъ будетъ, то объявилъ бы, дабы взять Его“ (ст. 57). *И* послѣ этого *глаголаху: что мнится вамъ, яко не имать ли пріити въ праздникъ* (ст. 56)? „Въ Пасху злоумышляли,“ замѣчаетъ св. Златоустъ на сіи слова, „и время праздника дѣлали временемъ убійства. Здѣсь, говорятъ, Ему должно попасть въ наши руки, такъ какъ теперь (праздничное) время призываетъ Его сюда.“ [1] Но когда, спустя нѣсколько

[1] Св. Злат., на еванг. Іоанна, 65, 2., ч. II, стр. 409. Нельзя не привести здѣсь, для соображенія, и слѣдующаго толкованія блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на еванг. Марка, гл. 14, ст. 1—5: „Совѣтъ (противъ Христа) составляютъ въ среду. И вотъ причина, почему мы постимся по средамъ. Враги хотѣли было переждать праздничное время; но это не было попущено имъ. Господь, опредѣляя Самъ для Себя страданія, благоизволилъ предать Себя на распятіе на самую Пасху; ибо Самъ былъ истинная Пасха. Здѣсь надобно дивиться могуществу Его. Ибо когда враги хотѣли взять Его, тогда не могли; а когда не хотѣли, по причинѣ праздника, тогда Онъ Самъ волею предалъ Себя имъ“. (Благовѣстн., ч. 2, стр. 204 и 205).—Таже мысль выражена и у западныхъ толкователей, напр. въ S. Script. cursu compl., t. XXI, pag. 1095 (in Matth. 26, 5).

времени, послѣдовалъ торжественный входъ Іисуса Христа въ царственный городъ Давидовъ, и много народа, пришедшаго въ праздникъ, восклицали: „осанна, благословенъ грядущій во имя Господне, Царь израилевъ“ (12, 12. 13)! —фарисеи говорили между собою: „видите ли, что не успѣваете ничего? весь міръ идетъ за Нимъ (ст. 19)!“ Поэтому они убѣдились, что народъ мало имъ вѣритъ, и что открытою силою дѣйствовать противъ Іисуса Христа имъ нельзя. И вотъ оказалось нужнымъ опять сдѣлать, и сдѣлали—совѣщаніе, на которомъ изыскивали, „какъ бы взять Его *хитростію,* и убить;“ но говорили: „только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущенія въ народѣ.“ Въ такомъ именно видѣ и представляютъ это послѣднее совѣщаніе евангелисты Матѳей (26, 4) и Маркъ (14, 1), и причина рѣшенія его особенно очевидна послѣ того, что̀ изложено сими евангелистами въ предъидущихъ главахъ (Матѳ. 21, 22, и Марк. 11 и 12)—о дѣйствіяхъ фарисеевъ противъ Господа во время Его входа и послѣ входа въ Іерусалимъ.

Кто безпристрастно разсудитъ объ этомъ, тотъ, конечно, согласится, что противоположное сему распредѣленіе евангельскихъ событій, какое сдѣлано авторомъ, нельзя признать вѣрнымъ. Но авторъ, настаивая на своемъ, говоритъ: „*Рѣшеніе сунедріона* не является, по этому распредѣленію, дѣломъ *безпричиннымъ,* какимъ является оно у первыхъ *евангелистовъ;* оно имѣетъ въ основѣ ту *ненависть фарисеевъ,* которая возбуждена была въ нихъ воскрешеніемъ Лазаря.“

Если рѣшеніе сунедріона, по свидѣтельству еванг. Іоанна, „имѣетъ въ основѣ *ненависть фарисеевъ,*“ и потому причинно; то почему же считать *безпричиннымъ* и другое рѣшеніе, въ томъ же духѣ составленное, когда нѣтъ недостатка и въ свидѣтельствахъ евангелистовъ

Матѳея и Марка о ненависти фарисеевъ противъ Іисуса Христа, и когда эта ненависть, не возбужденная, а только усиленная воскрешеніемъ Лазаря, еще болѣе должна была усилиться событіями торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ и послѣдующихъ дней?— Мы увѣрены, что авторъ не въ состояніи представить никакой основательной причины этой мнимой „безпричинности.“

Столь же неосновательно и слѣдующее сужденіе его: „Точно также,“ говоритъ онъ, „и вечеря въ Виѳаніи не является такою *безцѣльною,* какою *является* она *у первыхъ Евангелистовъ.* Она является результатомъ той благодарности, которую имѣли облагодѣтельствованные родственники Лазаря къ ихъ благодѣтелю.“

Этимъ и оканчиваются всѣ доводы автора въ пользу своеобразнаго его соглашенія того „различія въ опредѣленіи времени вечери,“—на которой былъ помазанъ Господь,—какое находится у первыхъ двухъ и у послѣдняго изъ четырехъ евангелистовъ. Что сказать и объ этомъ послѣднемъ доводѣ?

Скажемъ, прежде всего, о немъ, какъ и вообще о всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами доводахъ автора, что, не находя ихъ основательными, мы особенно изумляемся этому рѣзкому, самоувѣренному тону сужденій, по которому онъ усвоенный имъ себѣ взглядъ на евангельскія повѣствованія признаетъ столь вѣрнымъ, что при другомъ взглядѣ то, о чемъ повѣствуютъ евангелисты, представляется ему даже „неимѣющимъ смысла,“ „безпричиннымъ,“ „безцѣльнымъ,“—хотя св. Церковь смотритъ на тотъ же предметъ иначе, нежели онъ.

Не тѣмъ ли болѣе должно удивлять насъ достоподражательное смиренномудріе великаго святителя Христова, Димитрія ростовскаго, который, какъ мы видѣли

выше, рядъ весьма основательныхъ своихъ доказательствъ на счетъ „различія женъ, нозѣ Христовы помазавшихъ,“ заключаетъ словами: „обаче мы о неизвѣстныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ, много испытовати, и како бѣ утверждати не дерзающе, *церковному разсужденію* та подлагаемъ. О различіи же“ тѣхъ „женъ—изволяяй да чтетъ синаксарь въ тріоди“ и проч.

Невольно припоминается намъ при этомъ и смиренномудрый отвѣтъ великаго Арсенія — нѣкоему брату, удивлявшемуся, что онъ, знающій науки, свѣдущій въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, относительно своихъ помысловъ просилъ совѣта у одного простаго человѣка: „греческое и римское ученіе свѣмъ, алфавиту же, егоже той простецъ умѣетъ, азъ еще не возмогохъ научитися.“

„Сіе же глаголаше Святый,“ замѣчаетъ святитель ростовскій Димитрій, „извѣствуя, яко смиреніе всѣмъ добродѣтелемъ есть начало, якоже и алфавитъ книгамъ; и аще кто всю премудрость мірскую увѣсть, не имать же истиннаго смиренномудрія, той не можетъ обрѣсти спасенаго пути Божія.“ [1]

Изученіе сказаннаго алфавита, конечно, ни для кого неизлишне, во всякое время, во всякомъ возрастѣ жизни. Поэтому и мы, желая не столько учить, сколько учиться, позволяемъ себѣ однакоже замѣтить, что и для нашего автора, при всей его учености и при всемъ знаніи греческаго и другихъ языковъ, [2]— чѣмъ какъ извѣстно, отличался и святитель Димитрій, — весьма было бы прилично и полезно, въ духѣ христіанскаго смиренія, „под-

[1] См. Четьи-минеи св. Димитрія рост., кн. май, 8 дня, въ житіи св. Арсенія великаго.

[2] Онъ нерѣдко ссылается въ своей статьѣ на богословскія и вообще духовныя сочиненія нѣмецкихъ писателей, напр. на стр. 712, 719 и др. майской книжки Христ. чт. 1857 г., чтò, само по себѣ, конечно, дѣло хорошее.

лагать," или подвергать вычитанныя имъ въ иностранныхъ источникахъ мнѣнія — „церковному разсужденію," а для этого со вниманіемъ прочитывать и то, что̀ о предметахъ столь близкихъ сердцу каждаго христіанина изложено въ нашихъ православныхъ богослужебныхъ книгахъ, въ синаксаряхъ и въ писаніяхъ св. отцевъ.

Тамъ можно найти удовлетворительное разъясненіе и того, почему виѳанская вечеря, упоминаемая первыми двумя евангелистами, — и отдѣльно взятая отъ той вечери, о которой упоминается у евангелиста Іоанна,— вовсе не представляется *безупльною,* какъ полагаетъ авторъ.

Мы приведемъ здѣсь то, что говорится объ этомъ въ синаксарѣ во св. и великую среду, гдѣ также ясно различаются двѣ вечери, бывшія въ Виѳаніи.

„Въ святую и великую среду," говоритъ синаксаръ, „божественнѣйшіе отцы повелѣли творить память помазавшей Господа мурóмъ жены блудницы, такъ какъ это (помазаніе) было предъ самымъ временемъ спасительныхъ страданій Христовыхъ. Ибо по входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, когда Онъ былъ въ домѣ *Симона прокаженнаго,* приступила къ Нему женщина и излила на главу Его драгоцѣнное мурó. Итакъ (воспоминаніе объ этомъ) установлено здѣсь (совершать) для того, чтобы, по слову Спасителя, вездѣ и у всѣхъ проповѣдано было дѣло *теплѣйшаго усердія* той жены. Что же побудило ее придти (ко Христу)? То, что она видѣла сострадательность Христову и общительность ко всѣмъ, — особенно же нынѣ, когда видѣла, какъ Онъ введенъ былъ въ домъ прокаженнаго, котораго законъ признавалъ нечистымъ и лишеннымъ права на общеніе. Итакъ, помыслила жена, что какъ *у того исцѣлена проказа,* такъ будетъ исцѣленъ *и ея душевный недугъ.* И вотъ, когда возлежалъ

Господь на вечери, льетъ она на верхъ главы Его муро, цѣною около 300 динаріевъ, т. е., 60 ассаріевъ, 10 пѣнязей и 3 сребренниковъ.[1] Ученики запрещали ей, и наиболѣе Іуда искаріотскій; но Христосъ защитилъ ее, чтобы не пресѣкли добраго ея намѣренія. Потомъ и о погребеніи своемъ воспоминаетъ, — Іуду отклоняя отъ предательства, а жену сподобляя чести, — что вездѣ, по всей вселенной, будетъ проповѣдано это ея *доброе дѣло.*“

Итакъ очевидна *цѣль* вечери, бывшей въ домѣ Симона прокаженнаго, о которой говорятъ первые два евангелиста, и бывшаго на ней помазанія Господа. Если вечеря, упоминаемая евангелистомъ Іоанномъ, по выраженію автора, „является *результатомъ той благодарности,* которую имѣли облагодѣтельствованные *родственники Лазаря* къ ихъ благодѣтелю:“ то и послѣдовавшая чрезъ нѣсколько дней послѣ того вечеря въ домѣ Симона была также „результатомъ той благодарности,“ которую Симонъ имѣлъ къ Спасителю, исцѣлившему его отъ проказы; а со стороны жены, помазавшей Господа на вечери, она была „дѣломъ теплѣйшаго ея усердія,“

---

[1] По нашему счету 63 рубля, или, какъ полагаютъ другіе, 64 р. 50 к. сер. Надобно думать, что это была *обыкновенная цѣна* алавастра, заключавшаго въ себѣ *фунтъ* драгоцѣннаго мура (Іоан. 12, 3); и, какъ той или другой женѣ, безъ сомнѣнія, желательно было употребить для помазанія Господа самое лучшее муро, то и неудивительно, что у каждой изъ нихъ оно оказалось *одинаковой цѣнности* (Марк. 14, 5. Іоан. 11, 5). Поэтому изъ такой одинаковости цѣны мура вовсе не слѣдуетъ выводить, что и самое помазаніе совершено въ Виѳаніи только однажды. Притомъ, можно замѣтить нѣкоторую разность и въ самомъ обозначеніи цѣнности того мура, которое было употреблено на помазаніе въ домѣ Марѳы и Маріи, и того, которое было излито въ домѣ Симона прокаженнаго. Тамъ оно оцѣнивается не свыше трехъ сотъ динаріевъ (Іоан. 12, 5), а здѣсь предполагается возможность продать его *болѣе нежели за триста динаріевъ* (Марк. 14, 5),—быть можетъ потому, что тамъ былъ алавастръ уже не совсѣмъ полный, но еще около фунта было *сбережено* (Іоан. 12, 3. 7), а здѣсь принесенъ былъ алавастръ еще не начатый, который тутъ же былъ раскупоренъ, и, какъ замѣчаетъ евангелистъ Маркъ (14, 3), разбитъ.

выраженіе ея благодарности за исцѣленіе отъ душевнаго недуга, и самъ Господь назвалъ это ея дѣло — *добрымъ* и, стало быть, тоже не безцѣльнымъ.

Но, какбы для большаго еще разграниченія двухъ сходныхъ событій, синаксарь сравниваетъ ихъ между собою, и обращая особенное вниманіе на сравнительное достоинство усердія той и другой жены, продолжаетъ такъ: „Марія, сестра Лазаря, — за шесть дней до Пасхи, въ своемъ дому, въ Виѳаніи, когда Христосъ возлежалъ на вечери, сдѣлала помазаніе мѵромъ, изливая оное на прекрасныя Его ноги, и отирая ихъ волосами головы своей, употребивъ на то большую цѣну и какъ Богу принося Ему мѵро. Ибо она знала, что и въ жертвахъ приносился елей Богу (Лев. 2, 4), и священники мѵромъ помазывались (8, 10), и Іаковъ древле помазалъ столпъ (въ жертвенникъ) Богу (Быт. 28, 18).[1] Но явно, что она *принесла* сіе въ даръ Учителю, какъ Богу, (въ благодарность) *за оживленіе брата*. Поэтому *и не обѣщается ей мзды*. Тогда и одинъ лишь Іуда ропщетъ, какъ любостяжатель (Іоан. 12, 1—8). Другая же, явногрѣшница, за два дня до Пасхи, въ той же Виѳаніи, когда еще разъ былъ тамъ Христосъ и находился на вечери у Симона прокаженнаго, и когда возлежалъ Онъ, — многоцѣнное то мѵро изливаетъ на главу Его, какъ повѣствуютъ священные Матѳей и Маркъ. На сію-то блудницу (кромѣ Іуды) и ученики негодуютъ, (не лицемѣрно, подобно предателю, а) искренно представляя себѣ, (что) *приготовленное съ такимъ усердіемъ* для Христа, (пригодилось бы) для милостыни.[2] Этой-то женѣ и мзда дана

[1] Такое же значеніе помазанію приписываетъ и св. Златоустъ, разсуждая о женѣ грѣшницѣ, помазавшей Господа въ домѣ Симона прокаженнаго. Бес. на еванг. Матѳ. 80, 1., ч. III, стр. 376.

[2] Замѣтимъ, что это-то нарочитое *приготовленіе* мѵра для Спасителя, безъ сомнѣнія, придавало особенную цѣнность приношенію сей жены и въ глазахъ

(— дано въ награду обѣщаніе), — что по всей вселенной доброе ея дѣло прославится“ (Матѳ. 26, 6—13. Марк. 14, 3—9).

Такимъ образомъ, кромѣ различія женъ, помазавшихъ Господа, и времени, когда каждою изъ нихъ совершено было помазаніе въ томъ или другомъ домѣ, — разность этихъ двухъ евангельскихъ событій еще усматривается — какъ изъ разныхъ побужденій къ выраженію благочестиваго усердія со стороны помазавшихъ,[1] такъ и изъ того, съ чьей стороны, и въ какомъ духѣ высказано было неудовольствіе противъ той или другой изъ нихъ, и особенно, — какой сдѣлалъ отзывъ самъ Господь объ усердіи каждой изъ нихъ.

Добрыя побужденія къ помазанію Господа имѣла и Марія сестра Лазарева, преисполненная чувствъ благодарности къ Нему „за оживленіе брата.“ Но самое это

учениковъ, такъ какъ о Маріи, сестрѣ Лазаря, они слышали отъ самого Спасителя, что она *сберегла* муро (Іоан. 12, 7), быть можетъ отъ погребенія брата — „съ благовоніями, какъ обыкновенно погребаютъ іудеи“ (19, 40)!

[1] Можно еще находить разность и въ самомъ образѣ помазанія: одна жена, по свидѣтельству евангелистовъ Матѳея (26, 6) и Марка (14, 3), помазала только *главу* Спасителя, а другая, по свидѣтельству евангелиста Іоанна (12, 3),—только *ноги* Его. Но ни въ томъ, ни въ другомъ свидѣтельствѣ не выражается, чтобы помазаніе главы не допускало помазанія ногъ, и на оборотъ. Въ этомъ мы совершенно согласны и съ западными толкователями св. Писанія (S. Script. curs. compl. in Matth. 26, 6., t. XXI, pag. 1100), хотя и не можемъ согласиться, чтобы по этому самому нужно было думать, что и у первыхъ двухъ евангелистовъ, и у послѣдняго — говорится объ одномъ и томъ же помазаніи. Скажемъ только, что женѣ, помазавшей муромъ главу Спасителя, естественно было, въ избыткѣ усердія, помазать и ноги Его, тѣмъ болѣе, если и прежде она это дѣлала (Лука 7, 38). Такъ и представляютъ намъ ея помазаніе и св. Златоустъ,— который говоритъ (бес. на еванг. Матѳ. 80, 1., ч. III, стр. 375), что она „принесла къ ногамъ Христовымъ главу свою“, и т. п.,— и церковныя пѣснопѣнія въ св. и великую среду, гдѣ постоянно указывается на то, что она помазала ноги Христовы, а иногда упоминается о помазаніи вмѣстѣ и главы и ногъ: „изливающи жена муро чистое, Владычню и божественному и страшному *верху*, Христе,—*слѣдовъ* Твоихъ пречистыхъ коснуся, осквернены дланьма“. (В. ср. на утр., трипѣсн. п. 8, тр. 1). А что и Марія помазала не только ноги, но и главу Христову, это можно видѣть изъ того, что помазаніе головы гостю было въ обычаѣ (Лук. 7, 46), и въ настоящемъ случаѣ само собою предполагается.

благодѣяніе, ей оказанное,—возвращеніе къ жизни четверодневнаго мертвеца—было такъ велико и необыкновенно, что и величайшее съ ея стороны усердіе представлялось весьма естественнымъ, такъ что развѣ одинъ только Іуда, ослѣпленный любостяжаніемъ, могъ прямо выразить при этомъ свое сожалѣніе о потраченныхъ трехъ стахъ динаріяхъ, какъ о потерѣ для нищихъ. И дѣйствительно, по свидѣтельству евангелиста Іоанна, „тогда,“ какъ помазывала Господа Марія, сестра Лазарева,—только „одинъ изъ учениковъ Его, Іуда Симоновъ Искаріотъ, который хотѣлъ предать Его, сказалъ: „для чего бы не продать это мyро за триста динаріевъ и не раздать нищимъ?“ Со стороны же прочихъ учениковъ, не высказано было при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія на Марію; да и самъ Іуда не выразилъ какого либо „негодованія.“ Понятно, что чѣмъ глубже затаены были въ предательской душѣ Іуды постыдныя чувства зависти и злобы, тѣмъ тщательнѣе онъ старался скрывать ихъ; по этому и самое замѣчаніе его о лучшемъ употребленіи мyра—было весьма сдержанно, и, повидимому, вовсе не къ тому было направлено, чтобы унизить или уменьшить достоинство изъявляемаго Господу усердія со стороны облагодѣтельствованной Имъ Маріи.

Надобно впрочемъ думать, что лукаво сдѣланное Іудою замѣчаніе о нищихъ, какбы о предметѣ совсѣмъ опущенномъ изъ виду, произвело на Апостоловъ, по чувству развитой въ нихъ самимъ Господомъ любви и сострадательности къ нищимъ, неблагопріятное впечатлѣніе, и они—если не словомъ, то, можетъ быть, взглядомъ, или какимъ нибудь движеніемъ, выразили свое одобреніе замѣчанію, сдѣланному Іудою, — которое впо слѣдствіи и сами сдѣлали, хотя „по другому побужде-

нію," какъ говоритъ св. Златоустъ,[1] и при другихъ обстоятельствахъ.

Какъ бы то ни было, никто въ слухъ Маріи не сказалъ, съ выраженіемъ негодованія и ропота: „*къ чему* такая трата мура?" Не видно было, чтобы кто нибудь желалъ привести ее въ смущеніе. Сама она, безъ сомнѣнія, была вполнѣ увѣрена, что всѣ признавали причину ея усердія весьма уважительною, и потому, должно быть, нисколько не смущалась отъ слышаннаго ею замѣчанія, что лучше бъ было продать муро въ пользу нищихъ. „Можно ли," думала она, по прекрасному выраженію ея мыслей авторомъ „Послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа,"—„можно ли назвать тратою почесть, оказанную Тому, кто воскресилъ Лазаря? Всѣ благоуханія Ливана ничтожны въ сравненіи съ Его благодѣяніемъ."[2] Посему-то и Господь не нашелъ нужнымъ успокоивать Марію, какбы смущенную, хотя и защитилъ ее отъ нареканія Іуды за излишне будто бы сдѣланную ею трату мура. Онъ только сказалъ: „оставьте[3] ее; она сберегла[4] это на день погребенія Моего; ибо нищихъ

---

[1] „Какъ же", замѣчаетъ св. Златоустъ, „другой Евангелистъ говоритъ, что такъ сказали всѣ ученики (Матѳ. 26, 8)? Правда", отвѣтствуетъ на этотъ вопросъ святитель: „и всѣ (говорили это), и онъ; но другіе (говорили) не по тому же побужденію". (Св. Злат., бес. на еванг. Іоанна 65, 2., ч. II, стр. 410). Тоже сравненіе дѣлаетъ и блаженный Ѳеофилактъ, архіепископъ болгарскій, въ толкованіи на еванг. Марка гл. 14, ст. 4: „*Бяху же нѣцыи негодующе*, замѣчаетъ Евангелистъ. А Іоаннъ говоритъ, что негодовалъ Іуда (Іоан. 12, 4. 5). Можно думать, что и другіе Апостолы упрекали жену, такъ какъ постоянно слышали отъ Христа о милостынѣ. Но Іуда негодовалъ на жену не съ тою мыслію, какъ прочіе, а по сребролюбію, ради гнусной корысти. По этой причинѣ Іоаннъ и упоминаетъ о немъ одномъ, какъ о поносившемъ съ лукавымъ намѣреніемъ". (Бл. Ѳеофил., арх. болг., Благовѣстн., ч. 2, стр. 205).

[2] Преосв. Иннокентія, Посл. дни земной жизни Іисуса Христа, изд. 2, стр. 87.

[3] Въ греческомъ текстѣ: „ἄφες, *оставь;* это прямѣе — къ Іудѣ.

[4] *Сберегла:* по поводу этого выраженія, преосвященный Иннокентій, покойный архіепископъ херсонскій, размышляя о помазаніи Господа усердіемъ Маріи, сказалъ: „Въ домѣ ея *оставался (вѣроятно, отъ погребенія Лазаря)* фунтъ нардоваго чистаго мура. Что можетъ быть лучше, думала она, какъ употребить его

всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда“ (Іоан. 12, 7. 8); но не присовокупилъ къ сему тѣхъ словъ, какія сказалъ впослѣдствіи при подобномъ защищеніи другой жены, противъ которой было высказано негодованіе, уже кромѣ Іуды—другими учениками.

Настоящимъ отвѣтомъ Господь больше всего снимаетъ личину съ того человѣка, который, тая въ сердцѣ смертоносный недугъ сребролюбія, и по этой причинѣ жалѣя о мурѣ, выразилъ притворную заботу о нищихъ, какъ будто бы Марія, въ избыткѣ своего усердія къ Господу, совсѣмъ забыла о нихъ. „Между тѣмъ Іуда,“ говоритъ св. Златоустъ, „подъ предлогомъ благочестія, ее укорилъ (за это). Что же Христосъ? Почему Онъ не обличилъ ученика за эту жену, и не сказалъ того, что̀ сказалъ Евангелистъ, то есть, что Іуда укорилъ ее потому, что былъ тать? — Онъ хотѣлъ тронуть его великимъ долготерпѣніемъ. А что Онъ зналъ, что Іуда—предатель, (видно изъ того, что) Онъ прежде неоднократно обличалъ его, говоря: „не всѣ вѣруютъ,“ и: *одинъ изъ васъ діаволъ есть* (Іоан. 6, 64. 70). Этимъ Онъ показалъ, что знаетъ его, какъ предателя, но не обличилъ его открыто, а оказалъ ему снисхожденіе, желая отвратить его (отъ такого дѣла)... Поэтому Онъ не обличалъ его въ кражѣ, дабы тѣмъ обуздать его злое пожеланіе, и отнять у него всякое оправданіе. *Не дѣйте ея,* говоритъ, потому что она сдѣлала это для Моего погребенія (ст. 7). Сказавъ о погребеніи, опять сдѣлалъ намекъ на предателя. Но его не трогаетъ это обличеніе, не смягчаютъ

въ честь дражайшаго Гостя?“—Къ такому изложенію евангельскаго изреченія преосвященный сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Къ сей мысли располагаетъ выраженіе Спасителя: *сберегла* (τετήρηκεν) и слова Іуды, который упрекаетъ Марію не за то, что она купила, а за то, что не продала (прежде купленнаго) мура“. (См. Посл. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, стр. 84, и примѣч. къ статьѣ: Воскресеніе Лазаря, 68, стр. 487).

эти слова, хотя они и могли возбудить состраданіе. Какъ бы такъ Онъ говорилъ: „Я непріятенъ (тебѣ) и тягостенъ? Но подожди немного, и Я отойду.“ Къ этой же мысли Онъ приводитъ словами: *Мене не всегда имате* (ст. 8). Но все это не преклонило человѣка звѣронравнаго и неистоваго.“ [1]—Онъ остался такимъ и послѣ сдѣланнаго ему прикровеннаго и кроткаго обличенія изъ устъ Сердцевѣдца, и, продолжая дѣйствовать какъ хитрый лицемѣръ, „по дерзости и наглости своего характера, и не въ семъ одномъ случаѣ могъ увлекать своими мнѣніями прочихъ,“ [2] хотя прочіе имѣли совсѣмъ другія мысли и намѣренія. И дѣйствительно успѣлъ въ этомъ, какъ это вскорѣ обнаружилось, когда, чрезъ нѣсколько дней, другая жена помазала Господа столь же драгоцѣннымъ мvромъ.

Побужденія—помазать Господа мvромъ, руководившія этою другою женою, хотя также, какъ и одушевлявшія Марію, проистекали изъ одного источника—изъ чистѣйшей любви къ Нему, но были еще болѣе возвышенны. Тѣмъ не менѣе, простымъ наблюдателямъ, даже совершенно чуждымъ того настроенія, какимъ отличался Іуда, не трудно было ошибиться на счетъ умѣстности необычайнаго ея усердія.

Въ тѣ дни, Господь не оказалъ ей никакого особеннаго благодѣянія. Быть можетъ, и припоминали нѣкоторые изъ учениковъ, что Спаситель простилъ нѣкогда „грѣхи ея многіе, за то, что она Его возлюбила много,“ похвалилъ ея вѣру, и даровалъ душѣ ея миръ (Лук. 7, 47—50). Однакожь сіи духовныя блага—въ то время едвали и для самихъ учениковъ Христовыхъ представлялись не только не меньшими необыкновеннаго благо-

[1] Св. Злат., бес. на еванг. Іоан., 65, ч. II, стр. 410. 411.

[2] Посл. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, изд. 2, стр. 85.

дѣянія, оказаннаго семейству Лазаря, — возвращеніемъ къ временной жизни любимаго человѣка, но и гораздо драгоцѣнѣйшими; а любвеобильное обращеніе Спасителя съ кающимися грѣшниками, по которому даже враги Его говорили о Немъ: это—другъ мытарямъ и грѣшникамъ (Лук. 7, 34),—казалось уже такъ обыкновенно, и было у Него такъ постоянно, что иные, можетъ быть, и не въ состояніи были представить себѣ, какое глубокое чувство благодарности къ Господу сохранила въ своей душѣ эта помилованная грѣшница, еще выше цѣнившая оживленіе своей души, чѣмъ Марія—оживленіе брата.[1] Оттого-то, должно быть, и ученикамъ, еще не получившимъ благодатнаго дара сердцевѣдѣнія, представилось, что особенное ея усердіе было дѣломъ, сколько неожиданнымъ, столько же излишнимъ и напраснымъ. *Видѣвши же ученицы Его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сія бысть? можаше бо сіе мѵро продано быти на мнозѣ* (за большую цѣну), *и датися нищимъ* (Матѳ. 26, 8. 9). И такая мысль родилась у нихъ не подъ однимъ только впечатлѣніемъ прежняго, а можетъ быть и новаго напоминанія Іуды о цѣнности мѵра и о милостынѣ нищимъ, но уже и по собственнымъ ихъ соображеніямъ.

„Откуда," говоритъ св. Златоустъ, разсуждая о приведенныхъ нами словахъ евангелиста Матѳея,—„откуда родилась въ ученикахъ такая мысль?" — и такъ отвѣтствуетъ на этотъ вопросъ: „Они слышали, какъ Учитель говорилъ: *милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. 9, 13. 12, 7. Ос. 6, 6); и порицалъ іудеевъ за то, что они

[1] Эта мысль выражена въ слѣдующей прекрасной церковной пѣсни, въ св. и великую среду, отъ имени помазавшей Господа грѣшницы: „Како воззрю къ Тебѣ Владыцѣ? Самъ бо пришелъ еси спасти блудницу: изъ глубины умершую мя воскреси, иже Лазаря воздвигнувый изъ гроба четверодневнаго: пріими мя окаянную, Господи, и спаси мя" (на стих. ст. 3).

оставили важнѣйшее, судъ и милость и вѣру (Матѳ. 23, 23);—какъ на горѣ разсуждалъ съ ними о милостынѣ (Матѳ. 6, 1. 25, 40): и изъ всего этого выводили заключеніе и разсуждали другъ съ другомъ: если Онъ не принимаетъ всесожженій и древняго богослуженія, то тѣмъ менѣе приметъ помазаніе елеемъ. Такъ думали ученики. Но Іисусъ, *видя мысли жены,* попускаетъ ей приблизиться, и какъ *благоговѣніе ея было велико и усердіе неизреченно;* то Онъ, по величайшему снисхожденію своему, позволилъ ей излить мѵро на главу свою... Какъ Отецъ Его принималъ куреніе и дымъ: такъ и Онъ принялъ блудницу, пріемля, какъ я прежде сказалъ, *ея расположеніе...* Но ученики," продолжаетъ святитель, „*не зная мыслей жены,* неумѣстно укоряли ее, и въ самомъ обвиненіи указали на ея щедрость." [1]

Такимъ образомъ, ученики Христовы, хотя сами, подобно женѣ, помазавшей Господа, были проникнуты любовію къ Нему, но по невѣдѣнію мыслей жены, пришедшей ко Христу въ домъ Симона прокаженнаго съ сосудомъ драгоцѣннаго мѵра,—„нѣкоторой на сей разъ неспособности оцѣнить достоинство и, такъ сказать, сердечность поступка" этой жены,—„изъ похвальной, но безвременной заботы о нищихъ, и слѣдственно,—увлеченія примѣромъ Іуды,"— [2] прямо выражали неудовольствіе на трату мѵра, и не скрывали своего негодованія на излившую это драгоцѣнное вещество на главу Божественнаго ихъ Учителя, который, думали они, „ищетъ болѣе человѣколюбія, нежели чести себѣ." [3] Такой откровенности и надобно было ожидать отъ ихъ „привыч-

[1] Св. Злат., бес. на еванг. Матѳ. 80, 1. ч. III. стр. 375. 376.

[2] Заимствуемъ эти выраженія у автора „Послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Іисуса Христа (изд. 2-е, стр. 86),—примѣняя однакожъ сказанное имъ о Маріи, сестрѣ Лазаря, къ другой женѣ помазавшей Господа.

[3] Блаж. Ѳеофил., Благов., толк. на Матѳ. 26, 8. 9., ч. I, стр. 453.

ки изъяснять свободно предъ Учителемъ всѣ свои мысли;— [1] тѣмъ болѣе, что они теперь были вполнѣ увѣрены, что дѣйствуютъ въ духѣ Его ученія. „И роптали," сказано, на помазавшую: *и прещаху ей*, говоритъ евангелистъ Маркъ (14, 5), „то есть," какъ изъясняетъ блаженный Ѳеофилактъ, „негодовали, укоряли, поносили." [2]

„Но кто повѣритъ," говорятъ западные толкователи священнаго Писанія,—„кто повѣритъ, чтобы послѣ того, какъ за четыре дня только передъ этимъ Христосъ обличилъ такой же ропотъ (на помазавшую Его жену), такъ скоро—при событіи совершенно сходномъ, *если не одномъ и томъ же,* снова стали роптать (ученики)?"

Этому можетъ повѣрить всякій, и въ простотѣ сердца вѣрующій тому, что написано въ книгахъ евангельскихъ, и основательно изучившій св. четвероевангеліе. Ибо у каждаго изъ четырехъ евангелистовъ легко можно найти подтвержденіе той истины, что Господь нерѣдко повторялъ своимъ ученикамъ то, что уже было сказано имъ прежде, и даже весьма недавно, потому что многое, и очень важное, они, по своему духовному состоянію, еще не могли вмѣстить (Іоан. 16, 12). Таково было, особенно, предсказаніе Спасителя о своей крестной смерти и воскресеніи. Довольно вспомнить, что послѣ перваго предсказанія объ этомъ, *за недѣлю* до преображенія (Матѳ. 16, 21. Марк. 8, 31. Лук. 9, 22. 28), Господь повторилъ тоже предсказаніе—почти вслѣдъ за преображеніемъ своимъ, или въ ближайшее къ нему время (Матѳ. 17, 22. 23. Марк. 9, 30. 32. Лук. 9,

[1] Посл. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, изд. 2, стр. 86.

[2] Блаж. Ѳеофил., Благов., толк. на Марк. гл. 14, ч. II, стр. 205.

[3] Quis enim credat, si quatuor tantùm diebus ante eumdem Christus reprehendisset, tam citò in facto omninò simili, si tamen non eodem, iterùm fuisse murmuraturum? (V. S. Script. curs. compl. in Matth. 26, 6. t. XXI, pag. 1100).

43—45). Но они и тогда „еще не поняли сего“ крестнаго „слова“ (Марк. 9, 32), „и оно было закрыто отъ нихъ; а спросить Его о семъ словѣ боялись“ (Лук. 9, 45), „и опечалились весьма“ (Матѳ. 17, 35). Мало того. когда впослѣдствіи и въ третій разъ Господь предсказалъ своимъ ученикамъ о своей крестной смерти и воскресеніи,—извѣстно, съ какою просьбою обратились къ Нему двое изъ нихъ. сыны Зеведеевы:—„дай намъ сѣсть у Тебя.“ говорили они. „одному по правую руку. а другому по лѣвую, въ славѣ Твоей“ (Марк. 10, 37)! Такъ трудно вмѣщалось въ нихъ слово о предстоящей Іисусу Христу смерти! Видно, что мысль ихъ болѣе склонялась къ другимъ предметамъ, ближе подходящимъ къ обыкновенному образу человѣческихъ воззрѣній, чувствъ и соображеній.

Нѣчто подобное можно примѣтить и здѣсь: на вечери въ домѣ Лазаря или сестеръ его, при помазаніи Господа усердіемъ Маріи, двѣ мысли заняли Апостоловъ: одна—о тратѣ мура и о нищихъ, лукаво возбужденная Іудою, но ими простодушно принятая,—и эта мысль, какъ очень близкая къ ихъ человѣколюбивому сердцу, глубоко запала въ ихъ душу; другая,—кротко высказанная Спасителемъ о имѣющемъ наступить днѣ погребенія Его, мысль неудобовмѣстимая для нихъ, и оттого не съ надлежащею силою напечатлѣвшаяся въ ихъ памяти. Поэтому неудивительно, что и не болѣе, какъ чрезъ четыре дня — при новомъ возникновеніи въ умахъ учениковъ первой изъ этихъ двухъ мыслей, оказалось нужнымъ вновь исправить ее, и еще сильнѣе и разительнѣе внушить имъ вторую. Притомъ, легко сказать: „четыре дня;“ но надобно вспомнить, что̀ произошло въ эти четыре дня послѣ вечери, бывшей за шесть дней до Пасхи,—начиная со входа Господня въ Іерусалимъ,

и до вечери въ домѣ Симона прокаженнаго, за два дня до Пасхи страданій Христовыхъ.

Сколько пришлось имъ въ эти дни и видѣть и слышать — такого, что̀ говорило имъ о торжествѣ и силѣ Божественнаго ихъ Учителя и о неистощимой Его любви и благоснисхожденіи къ человѣчеству, и что̀, повидимому, такъ мало угрожало неминуемою смертію, — особенно послѣ того, какъ и жесточайшіе враги Его были посрамлены божественною Его мудростію, и уже не смѣли предлагать Ему коварныхъ вопросовъ, а народъ неотступно слушалъ Его (Лук. 19, 48), и удивлялся Его ученію (Марк. 11, 18). И не въ тѣ ли именно дни Господь съ особенною силою обличалъ книжниковъ и фарисеевъ, лицемѣровъ, что они даютъ десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили *важнѣйшее въ законѣ, судъ и милость и вѣру* (Матѳ. 23, 23)? И не сряду ли послѣ этого обличенія Онъ явно показалъ, что высоко цѣнитъ не богатство даровъ и приношеній, а внутреннее расположеніе сердца, — когда, указавъ ученикамъ на бѣдную вдову, положившую въ сокровищницу храма двѣ лепты, сказалъ: „истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова положила больше всѣхъ, клавшихъ въ сокровищницу,“ — между тѣмъ, какъ многіе богатые клали много (Марк. 12, 41—44)!

И что еще? Когда, за тѣмъ, вышелъ Онъ изъ храма, и, прямо противъ него сѣвъ съ избранными учениками на горѣ Елеонской, — предсказалъ имъ разрушеніе этого іерусалимскаго храма, и самого Іерусалима, и всего видимаго міра, — объявилъ, что послѣ всего этого „проповѣдано будетъ Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ (Матѳ. 24, 14. Марк. 13, 10), и всѣ свои предсказанія заключилъ изображеніемъ втораго своего пришествія и страшнаго су-

да: то вспомните, съ какими въ томъ изображеніи словами Онъ, Господь всесильный, какъ Царь, возсѣдящій на престолѣ славы своей, окруженный всѣми святыми Ангелами, и всѣми народами,—обращается къ тѣмъ, которыхъ поставилъ по правую свою сторону, благословеннымъ Отца Его, призываемымъ къ наслѣдію царства Его?—„Я алкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня!“... Кого какъ громомъ поражаетъ гнѣвный Его гласъ: „*идите отъ Мене, проклятіи?*“... Тѣхъ, которые въ жизни своей не совершили дѣлъ милости,—не оказали призрѣнія нищимъ, нуждающимся,—Его меньшимъ братіямъ,—и въ лицѣ ихъ—Ему самому (Матѳ. 25, 31–46)!

И все это было говорено не далѣе, какъ за день,—а можетъ быть и въ тотъ самый день, котораго вечеръ провелъ Господь въ домѣ Симона прокаженнаго. *И бысть, егда сконча Іисусъ вся словеса сія, рече ученикомъ своимъ: вѣсте, яко по двою дню Пасха будетъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе* (Матѳ. 26, 1. 2). Что же удивительнаго, если это послѣднее предсказаніе далеко не такъ сильно дѣйствовало на нихъ, какъ предъ симъ только слышанное ученіе о важности дѣлъ милосердія, и что послѣ этого-то особенно они даже съ негодованіемъ смотрѣли на изліяніе драгоцѣннаго мура, котораго цѣною можно было, по разсчисленію предателя, призрѣть множество нищихъ?

Теперь представимъ себѣ, что̀ должна была испытывать жена, помазавшая Господа, при такомъ воззрѣніи учениковъ на дѣло ея искренняго усердія и безпредѣльной любви къ Нему? — Негодованіе учениковъ не могло не привести ее въ крайнее смущеніе, хотя она, какъ мы уже замѣтили, безъ всякаго сомнѣнія, не менѣе

Маріи, сестры Лазаревой, сознавала и чистоту своихъ побужденій, и умѣстность своего усердія. О, если бы она могла предъ всѣми излить свою душу! Еслибъ она могла выразить, изъ какой бездны грѣха, какбы изъ пропастей ада, извлекъ ее Господь!—Но такое повѣданіе предъ людьми, негодующими на нее, объ исцѣленныхъ Господомъ смертельныхъ язвахъ ея совѣсти,—не успокоило бы ея смущенія, а еще болѣе заставило бы ее краснѣть отъ стыда предъ всѣми. Только Тотъ, Кто,—какъ она слышала, и какъ вѣровала всѣмъ сердцемъ,—пришелъ взыскать и спасти погибшее (Матѳ. 18, 11), и отдать душу свою для искупленія многихъ (20, 28), въ полной мѣрѣ постигаетъ и прежнее и настоящее состояніе ея души, и—не отринетъ этого послѣдняго ея приношенія...

Но вспомнимъ, при какихъ оно было обстоятельствахъ?—Іисусъ Христосъ,—такъ бесѣдуетъ объ этомъ св. Іоаннъ Златоустъ, — „Іисусъ добровольно идетъ на страданіе. Прежде сего Іисусъ удалялся отъ іудеевъ, но теперь, когда особенно воспламенилась ихъ ненависть, Онъ проходилъ близь ихъ на разстояніи стадій пятнадцати... Итакъ жена, увидѣвъ Его, и получивъ дерзновеніе, приступила къ Нему. И если жена кровоточивая и несознававшая ничего подобнаго, такъ какъ нечистота ея была отъ природы, со страхомъ и трепетомъ приступила: то тѣмъ большій страхъ и стыдъ надлежало имѣть сей женѣ, по причинѣ нечистоты ея совѣсти,“ [1] которая впослѣдствіи была очищена благодатію Христовою. Но вотъ, она—у ногъ Спасителя: „приступльши жена къ ногама Твоима, Спасе, возливаше муро, благоуханія исполняющи, и мура исполняема, дѣлъ очище-

[1] Бес. на еванг. Матѳ. 80, ч. III, стр. 374.

нія.“ [1] „Благоуханія таинственнаго исполнена, перваго избавися зловонія, Спасе, многихъ грѣховъ: мvро бо истощаеши жизни.“ [2] Такъ воспѣваетъ св. Церковь о женѣ, помазавшей Господа, и затѣмъ отъ ея лица такіе трогательные вопли возноситъ ко Господу: „Ароматы богатѣю, добродѣтельми же нищенствую, яже имамъ, Тебѣ приношу; даждь Самъ, яже имаши, и ослаби ми, и остави,—вопіетъ блудница Христу.“ [3] — „Мvро у мене тлѣнное, мvро у Тебе жизни, мvро бо Тебѣ имя изліянное на недостойныя: но ослаби ми и остави, вопіетъ блудница Христу.“ [4]

Нѣтъ сомнѣнія, что та, которая съ такими чувствами, предъ самымъ наступленіемъ страданій Христовыхъ, въ глубокомъ сознаніи своей грѣховности и съ живою вѣрою въ милосердаго Искупителя грѣшныхъ, приносила Ему драгоцѣнное мvро, — сама считала весьма ничтожнымъ свое приношеніе, которому другіе, въ слухъ ея, назначали довольно высокую вещественную цѣну. Но, можетъ быть, слышанное ею негодованіе учениковъ смущало ее особенно потому, что еще сильнѣе давало ей чувствовать свое недостоинство,—что оно вызывало въ ея душѣ воспоминаніе о прежней беззаконной жизни, и она, считая себя достойною всякаго порицанія, трепетала при мысли, — не отринулъ бы ее Господь!.. Къ Нему-то обращаетъ она слезящій взоръ свой, и у Его человѣколюбія ищетъ для себя защиты противъ строгости Божественнаго правосудія: „Тебе Дѣвыя Сына, блудница познавши Бога, глаголаше, въ плачи молящися, яко слезъ достойная содѣлавшая: разрѣши долгъ, якоже и азъ власы: возлюби любящую, *праведно ненави-*

---

[1] Во св. и вел. вторн. на повеч., трипѣсн., пѣсн. 9, тр. 6. [2] Тамъ же, п. 3, тр. 5. [3] В. вторн. на повеч. трипѣсн., п. 9, тр. 8. [4] Тамъ же, п. 9, троп. 8.

димую, и близъ мытарей Тебе проповѣмъ, благодѣтелю Человѣколюбче.“ [1]

Все это, что въ приведенныхъ нами и подобныхъ имъ священныхъ пѣснопѣніяхъ церковныхъ такъ прекрасно выражено,—раздавалось только въ душѣ помазавшей Господа жены, и только Сердцевѣдецъ все то слыщалъ, что вопіяла къ Нему душа ея. Только Онъ одинъ могъ успокоить, и дѣйствительно—тотчасъ успокоилъ ея смущеніе. Обратившись къ ученикамъ своимъ. Онъ сказалъ: „Оставьте ее; *что смущаете женщину?* Она *доброе дѣло* сдѣлала *для Меня.* Ибо нищихъ всегда имѣете, и, когда захотите, *можете* имъ *благотворить;* а Меня не всегда имѣете. Она сдѣлала, *что могла.* Возливъ мyро сіе на тѣло Мое, она *приготовила Меня къ погребенію. Истинно говорю вамъ, гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ, въ память ея и о томъ, что она сдѣлала*“ (Матѳ. 26, 10—13. Марк. 14, 6—9).

Кто не видитъ, что въ этихъ словахъ Господа, сказанныхъ въ защиту жены, помазавшей Его мyромъ, хотя и есть сходство съ тѣми словами, которыя были произнесены при помазаніи Его усердіемъ Маріи, сестры Лазаря, но есть и весьма значительная разница?—Такъ Господь не просто велитъ не препятствовать женѣ въ изліяніи мyра,—не довольствуется словами: „оставьте ее;“ но, признавъ, что ропотъ учениковъ привелъ ее въ смущеніе, внушаетъ имъ, чтобъ они не смущали ее, и даже упрекаетъ ихъ за это: *что труждаете жену?*

Далѣе, Онъ даетъ имъ понять, что они неправильно поняли ея дѣло, считая его достойнымъ порицанія, и признаетъ его *добрымъ дѣломъ,*—какбы услугою, *Ему самому* оказанною. При вторичномъ (послѣ Іудина) на-

[1] В. среда, на хвал. ст. 1., тоже веч. на Госп. воззв. ст. 1.

поминаніи учениковъ о нищихъ, которымъ благотвореніе, они знали, Господу особенно пріятно, — Онъ подтверждаетъ, что для этого всегда будетъ время, и присовокупляетъ: *„и когда захотите, можете* (и должны) *имъ благотворить.“* И опять обращаясь къ поступку жены, признаетъ его настолько добрымъ, насколько было у нея возможности сдѣлать его такимъ,—по ея крайнему разумѣнію и полнѣйшему усердію: *она сдѣлала, что могла.*

При такомъ условіи, она, эта пренебрегаемая людьми, но покаявшаяся и возлюбившая Господа грѣшница—сдѣлалась орудіемъ благодати Божіей,—дѣйствовала по внушенію Божію, въ духѣ пророческомъ: „возливши мѵро на тѣло Господа, она *приготовила* Его *къ погребенію.“* [1] Самыя слова сіи, заключающія въ себѣ предсказаніе о предстоящей Іисусу Христу смерти и погребеніи, значительно разнятся отъ подобныхъ словъ, сказанныхъ при помазаніи усердіемъ Маріи: о ней Господь сказалъ лишь то, что она *сберегла мѵро на день погребенія* Его, но не сказалъ, что этотъ день скоро долженъ наступить, хотя и надобно было такъ думать, послѣ предшествовавшихъ предсказаній. Но такого прямаго и опредѣленнаго предсказанія, какое передъ симъ послѣднимъ помазаніемъ слышали ученики,—что *„черезъ два дня* будетъ Пасха, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на *распятіе“* (Матѳ. 26, 2),—еще не было; и послѣ него-то слова, сказанныя о помазаніи жены: *„она приготовила Меня къ погребенію,“* получали особенно разительный

[1] „Этимъ Господь даетъ намъ знать“, говоритъ блаж. Ѳеофилактъ, „что упомянутая жена поступила такъ по особенному мановенію Божію, прообразуя смерть Его и погребеніе тѣла Его. Итакъ Господь не попустилъ бы помазать Себя мѵромъ, еслибы не хотѣлъ явить въ этомъ какой либо тайны. Но какъ Богъ всевѣдущій, Онъ предсказалъ при семъ будущее, то есть, что о поступкѣ ея возвѣщено будетъ повсюду“. (Благов., ч. 1, толк. на ев. Матѳ. гл. 26, стр. 454 и 455).

смыслъ, по которому они должны были произвести самое сильное, потрясающее душу впечатлѣніе на всѣхъ слышавшихъ.

Въ особенности же, предатель Іуда—въ словахъ Господа еще яснѣе прежняго могъ видѣть, что отъ Его всевѣдѣнія не сокрыты затаенные въ душѣ его замыслы, и онъ долженъ былъ знать, противъ Кого рѣшается поднять пяту, и къ чему поведетъ его предательство;[1] прочіе ученики, которые по любви къ Господу и по самой немощи своей природы, всегда смущались, слыша предсказаніе о страданіяхъ и смерти Христовой, теперь еще болѣе должны были смутиться; а едва оправившаяся отъ смущенія и возвышенная предъ всѣми защитою, ободреніемъ, похвалою Господа, помазавшая Его жена—при одномъ представленіи того, что она оказала Ему почесть погребальную, безъ сомнѣнія, снова готова была погрузиться еще въ большее смущеніе.

И вотъ премудрый и всеблагій Владыка, чтобы и предателя вразумить, и возлюбленныхъ учениковъ утѣшить и успокоить, и возліявшую на главу Его муро жену окончательно ободрить и ея усердіе вполнѣ вознаградить, торжественно изрекаетъ пророчество—о томъ, что самая смерть не преодолѣетъ Его силы,—что, какъ Онъ сказалъ передъ этимъ, на горѣ Елеонской, наединѣ, четыремъ избраннымъ ученикамъ, Петру, Іакову, Іоанну и Андрею, что во всѣхъ народахъ будетъ проповѣдано Евангеліе (Марк. 13, 3. 10), такъ повторяетъ это те-

[1] Блаж. Ѳеофилактъ говоритъ: „Господь упрекаетъ Апостоловъ, что они неблаговременно удерживали усердіе жены... А вмѣстѣ *и обличаетъ Іуду*, сказавъ: „она сдѣлала это, приготовляя Меня къ погребенію“, и обнаруживаетъ его безсовѣстность, какбы такъ говоря ему: „ты, предавая Меня на смерть, не укоряешь себя, а она ужели заслуживаетъ отъ тебя укоризны за то, что для приготовленія Меня къ погребенію принесла муро, и притомъ по особенному какбы внушенію Божію?“ (Благов., ч. 1, толк. на еванг. Марк. 14, 6 — 9., ч. 2, стр. 206, 207).

перь при всѣхъ. „Видишь ли,“ говоритъ св. Златоустъ, какъ Христосъ предвозвѣщаетъ ученикамъ изшествіе къ народамъ, и такимъ образомъ утѣшаетъ ихъ при мысли о смерти? Ибо послѣ крестной смерти откроется такая сила, что проповѣдь распространится повсюду. Итакъ какой несчастный будетъ противорѣчить столь очевидной истинѣ?.“ [1]

Къ пророчеству о всемірномъ торжествѣ евангельской проповѣди, Господь присовокупляетъ, что вмѣстѣ съ проповѣдію Евангелія, въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ, въ память этой помазавшей Господа жены, и о томъ, что она сдѣлала (Матѳ. 26, 13. Марк. 14, 9). Для нея это была честь, а для всѣхъ грѣшниковъ — назидательный урокъ, что Спаситель всегда готовъ даровать жизнь умерщвленной грѣхами душѣ, обращающейся къ Нему съ покаяніемъ. [2]

„Велико человѣколюбіе Господа!“ восклицаетъ св. Іоаннъ Златоустъ. „Онъ пріемлетъ блудницу, блудницу, лобызающую ноги, помазующую елеемъ, и отирающую власами, пріемлетъ, и упрекаетъ тѣхъ, кои обвиняютъ ее. Ибо не надлежало приводить въ смущеніе жену за такое усердіе.

„Обрати вниманіе и на то, сколь высоки были ученики и усердны къ подаянію милостыни.

„Для чего Іисусъ,“ продолжаетъ святитель, „не просто сказалъ: *доброе дѣло сдѣлала;* а сказалъ прежде: *что труждаете жену?* Для того, чтобы мы знали, что не надобно требовать съ самаго начала высокихъ дѣлъ отъ немощныхъ людей. Для сего-то и разсматриваетъ

---

[1] Бес. на еванг. Матѳ. 80, ч. III, стр. 376.

[2] „Но для чего скажешь“, говоритъ св. Златоустъ въ 65 бесѣдѣ на еванг. Іоанна (на гл. 11, ст. 1. 2. ч. II, стр. 358), „и блудницу принялъ Христосъ? Для того, чтобы ты позналъ, что нѣтъ недуга, побѣждающаго Его благость. Итакъ не на то одно смотри, что Онъ принялъ, но и на то взирай, что Онъ перемѣнилъ ее“.

дѣло не просто, каково оно само въ себѣ, но по отношенію къ лицу жены. Еслибы Онъ давалъ законъ; то не упомянулъ бы о женѣ. Но дабы ты зналъ, что для нея это сказано, съ тою цѣлію, чтобы ученики не истребили возникающей ея вѣры, но еще болѣе возбудили: для сего Онъ говоритъ выше упомянутыя слова, научая насъ тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили къ совершенству доброе дѣло, кѣмъ бы оно ни было сдѣлано, и не требовали совершенства въ самомъ его началѣ.

„Что Христосъ и Самъ желалъ того, чего желали ученики, это видно изъ того, что Онъ велѣлъ носить денежный ящикъ“ (въ пользу нищихъ), „хотя и не имѣлъ, гдѣ главу преклонить. Но теперь не время было исправить поступокъ, а только принять его. Какъ прежде сего поступка жены не произнесъ бы такого мнѣнія, если бы кто спросилъ Его;[1] такъ послѣ онаго поступка имѣетъ въ виду только то, чтобы жена не приведена была въ смущеніе отъ порицанія учениковъ, но удалилась отъ Него, сдѣлавшись усерднѣе и лучше, чрезъ служеніе Ему... И все, что ни говоритъ, говоритъ въ утѣшеніе ея.

„Далѣе,—когда сказалъ: *на погребеніе Мя сотвори;* то дабы не показалось, что Онъ приводитъ въ смущеніе

[1] Изъ этихъ словъ св. Златоуста видно, что онъ весьма высоко ставитъ дѣла милосердія, но не унижаетъ и другихъ дѣлъ благочестія. Разсуждая въ его же духѣ, или лучше, въ духѣ Христовомъ, и блаженный Ѳеофилактъ говоритъ: „когда кто приноситъ даръ Богу, не отклоняй его, и не подавляй усердія его, не отсылай его раздать то нищимъ, но предоставь ему совершить приношеніе. Развѣ кто потребуетъ у тебя совѣта о томъ, нищимъ ли нужно отдать что либо, или принести Богу: въ такомъ случаѣ посовѣтуй ему отдать нищимъ. Но когда уже онъ принесъ, то напрасно будешь отсылать его: надобно и то творить, и сего не оставлять. Притомъ честь, воздаваемую (непосредственно) Богу, должно предпочитать всѣмъ вообще добродѣтелямъ, а слѣдовательно и самой милостынѣ. И если Христосъ дѣла милости относитъ къ Себѣ: то не подумай, что Бога должно оставлять, и заботиться лишь о милостынѣ. Ибо въ такомъ случаѣ выйдетъ, что можно и святотатствовать, и изъ святотатственнаго подавать милостыню. Но этого нельзя допустить“. (Благов. ч. 1, толк. на еванг. Матѳ. гл. 26, стр. 453. 454).

жену, упомянувъ о такомъ предметѣ, то есть, гробѣ и смерти,—смотри, какъ опять укрѣпляетъ ее, говоря: *во всемъ мірѣ речется, еже сотвори сія.* Это служило для учениковъ увѣщаніемъ, а для жены утѣшеніемъ и похвалою. Всѣ, говоритъ Онъ, прославятъ ее впослѣдствіи, и теперь она предвозвѣстила страданія, принесши необходимое для погребенія. Почему никто да не порицаетъ ее. Я не только не хочу осуждать ее, какбы за худой поступокъ, или укорять, какбы за неправое дѣло; но даже не попущу остаться въ неизвѣстности случившемуся, и произведу то, что міръ узнаетъ о поступкѣ, сдѣланномъ въ домѣ. Ибо *этотъ поступокъ происходилъ отъ благоговѣйной мысли, теплой вѣры и сокрушеннаго сердца.* Для чего Христосъ обѣщалъ женѣ не духовное что нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы чрезъ это вселить въ ней надежду на полученіе духовныхъ благъ. Если она сдѣлала *доброе дѣло;* то, очевидно, и получитъ достойную награду.“ [1]

„Замѣть же,“ говоритъ блаж. Ѳеофилактъ, „человѣколюбіе Божіе! Какимъ великимъ даромъ воздаетъ Онъ женѣ! Ибо устрояетъ то, что память о ней будетъ повсюду, и притомъ до тѣхъ поръ, пока продолжится проповѣдь евангельская.“ [2]

Такимъ образомъ, внимательное разсмотрѣніе того отзыва, какой сдѣланъ самимъ Господомъ, о женѣ грѣшницѣ, помазавшей Его въ домѣ Симона прокаженнаго, приводитъ насъ къ убѣжденію, что онъ дѣйствительно имѣетъ существенное различіе отъ того отзыва, какой былъ сдѣланъ о Маріи, сестрѣ Лазаря, которая помазала Господа „за оживленіе брата,“ и при другихъ

---

[1] Св. Злат., бес. на еванг. Матѳ. 80, ч. III. стр. 378.

[2] Благов., ч. 1, толк. на еванг. Матѳ. гл. 26, стр. 455.

обстоятельствахъ; а потому и не было при ея помазаніи сказано того, что сказано было теперь.

Итакъ, ничто не препятствуетъ принять за истину то преданіе, котораго держится православная восточная Церковь въ разумѣніи свидѣтельствъ св. Евангелистовъ о томъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ *трижды* помазанъ, — усердіемъ *двухъ* евангельскихъ *женъ: въ первый разъ* — среди общественнаго Его служенія роду человѣческому, покаявшеюся *явногрѣшницею,* въ одномъ изъ галилейскихъ городовъ, въ дому Лазаря или сестръ его. *Маріею, сестрою Лазаря,* за шесть дней до Пасхи; и въ *третій разъ*—въ домѣ того же Симона фарисея, прозваннаго прокаженнымъ, который прежде удостоился принять Господа въ Галилеѣ, и *тою же покаявшеюся грѣшницею,* которая въ первый разъ Его помазала.

Всѣ эти три событія св. Церковь, одно за другимъ, представляетъ нашему вниманію и благоговѣйному размышленію — въ теченіе одного великаго поста и страстной седмицы. Такъ въ *пятую недѣлю* великаго поста, на божественной литургіи читается Евангеліе, благовѣствующее о *первомъ* помазаніи Господа явногрѣшницею (Лук. 7, 36—50),—потому что, подобно сей женѣ, воспоминаемая въ эту недѣлю преподобная Марія египетская, спустя нѣсколько вѣковъ послѣ евангельскаго событія (въ 6 вѣкѣ), явила достоподражательный примѣръ покаянія, и прощены грѣхи ея многіе—за то, что она возлюбила Христа много.

Въ *недѣлю цвѣтоносную,* или въ день входа Господа во Іерусалимъ, читается на литургіи Евангеліе о томъ, какъ за шесть дней до Пасхи былъ Господь помазанъ въ Виѳаніи, въ домѣ Маѳы и Маріи, усердіемъ Маріи, сестры Лазаря, и какъ на другой день, послѣ этого,

торжественно встрѣтилъ Его народъ при входѣ во Іерусалимъ (Іоан. 12, 1—18).

Наконецъ *во св. великую среду* читается на божественной литургіи о третьемъ — послѣднемъ помазаніи Господа нѣкоею женою, — (по преданію) тою же грѣшницею, о которой упоминаетъ евангелистъ Лука, — въ домѣ Симона прокаженнаго, за два дня предъ Пасхою, а также о послѣднемъ совѣщаніи іудеевъ о преданіи Господа, и о предательствѣ Іуды, и наконецъ о приготовленіи Пасхи (Матѳ. 26, 1—20).

Замѣтимъ, что съ симъ послѣднимъ помазаніемъ въ непосредственной хронологической связи ставитъ предательство Іуды и св. Златоустъ, держась въ точности прямаго значенія словъ евангелиста Матѳея: *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда искаріотскій ко архіереомъ, рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (Матѳ. 26, 14, 15)?

„*Тогда:* когда же?“ вопрошаетъ св. Златоустъ, и отвѣтствуетъ: „Когда Іисусъ говорилъ сіе,“ (что помазавшая Его жена получитъ достойную награду), „когда сказалъ: *на погребеніе Мя сотвори:* Іуда не тронулся этимъ, и не убоялся, когда услышалъ, что Евангеліе будетъ проповѣдано повсюду (ибо сказанное заключало въ себѣ невыразимую силу); но тогда какъ жены, и притомъ жены блудницы — оказывали такую честь Іисусу, онъ совершалъ діавольское дѣло.“ [1]

Такъ же разсуждаетъ и блаженный Ѳеофилактъ: „Когда чуждая жена, блудница, оказала такую честь, тогда ученикъ уходитъ, чтобы предать Его. *Тогда шедъ,* сказано не напрасно, но для означенія его безстыдства.“ [2]

---

[1] Св. Злат., бес. на еванг. Матѳ. 80, 2., ч. III, стр. 380. [2] Блаж. Ѳеофил. архіеп. болг., Благов. Казань. 1857. ч. 1., толк. на еванг. Матѳ. гл. 26, стр. 476.

Св. православная Церковь, кромѣ чтенія св. Евангелія о послѣднемъ помазаніи Господа грѣшницею, провозглашаемаго на литургіи во св. и великую среду, и во всемъ богослуженіи сего святаго и великаго дня, (начиная съ повечерія въ св. и великій вторникъ, и потомъ на утрени и вечерни въ среду), — въ самыхъ трогательныхъ священныхъ пѣснопѣніяхъ изображаетъ это событіе въ нераздѣльной связи, по времени, и съ послѣдовавшимъ тогда совѣтомъ іудеевъ противъ Іисуса Христа, и съ предательствомъ Іуды.

„Се лукавый совѣтъ," воспѣваетъ Церковь, — „воистинну собрася неистовно, яко осужденника осудити горѣ сѣдящаго, яко Судію всѣхъ Господа." [1]

„*Днесь* Христосъ приходитъ въ домъ фарисеовъ, и жена грѣшница приступивши, валяшеся, вопіющи: — даждь ми, Господи, оставленіе злыхъ, и спаси мя." [2] „Іуда льстецъ, сребролюбія рачительствуяй, предати Тя, Господи, лестно поучашеся, отонудуже и упився, течетъ ко іудеомъ, глаголетъ беззаконнымъ: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ, во еже распяти Его." [3]

Но кромѣ сопоставленія помазанія Господа и предательства Іуды, „какъ одновременныхъ событій," Церковь дѣлаетъ между ними трогательное сравненіе, — и потому, именно, особенно трогательное и поразительное, что они произошли въ одно и тоже время:

„Блудница приступи къ Тебѣ, муро со слезами изливающи на нозѣ Твои, Человѣколюбче, и смрада золъ избавляется повелѣніемъ Твоимъ: дыша же благодать Твою ученикъ неблагодарный, сію отлагаетъ, и смрадомъ одѣвается, сребролюбіемъ продая Тебе. Слава,

---

[1] Во св. и вел. вторн. на повеч., трипѣсн., по 3 пѣсн. сѣдал. [2] На стих. стих. самогл. 1. [3] Во св. и вел. среду по 2 стихосл. сѣдал.

Христе, благоутробію Твоему!“ [1] „Егда грѣшная приношаше мvро, тогда ученикъ соглашашеся беззаконнымъ. Овая убо радовашеся, истощающи мvро многоцѣнное; сей же тщашеся продати Безцѣннаго. Сія Владыку познаваше, а Іуда рабъ бываетъ врагу. Люто есть лѣность, велiе покаяніе: еже ми даруй, Спасе, пострадавый о насъ, и спаси насъ!“ [2] „О Іудина окаянства! Зряше блудницу цѣлующую стопы, и умышляше лестію преданія цѣлованіе; оная власы разрѣши, а сей яростію вязашеся, нося вмѣсто мvра злосмрадную злобу. Зависть бо не вѣсть предпочитати полезное. О Іудина окаянства, отъ него же избави, Боже, души наша!“ [3] „Простре блудница власы Тебѣ, Владыцѣ, простре Іуда руцѣ беззаконнымъ: ова убо пріяти оставленіе, овъ же взяти сребренники. Тѣмже Тебѣ вопіемъ проданному, и свобождшему насъ: Господи, слава Тебѣ!“ [4]

Весьма важное значеніе имѣетъ то, что сіи священныя церковныя пѣснопѣнія составлены св. отцами —Андреемъ, архіепископомъ критскимъ (въ 7-мъ вѣкѣ, — ему принадлежитъ трипѣснецъ во св. и великій вторникъ), и Космою, епископомъ маюмскимъ (въ 8 вѣкѣ, — ему принадлежитъ трипѣснецъ во св. и великую среду), и преподобною Кассіею (въ 9 вѣкѣ, — ей принадлежатъ разныя стихиры), — на основаніи священнаго преданія древней Церкви, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ отцы первыхъ вѣковъ христіанства. Такъ еще въ четвертомъ вѣкѣ св. Амфилохій, епископъ иконійскій, и св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ константинопольскій, говорили бесѣды во св. и великую среду — о женѣ, помазавшей Іисуса Христа мvромъ. Равно преподобный Исидоръ Пе-

[1] Тамъ же, по 1 стихосл., сѣдал. [2] Тамъ же, на хвал. ст. 3. [3] Во св. и вел. среду, на хвал. ст. 4. [4] Во св. и вел. среду на утр., на стих. стих. 2 веч. на Госп. воззв. ст. 8.

лусіотъ упоминаетъ о ней въ своемъ писаніи, и относитъ ея знаменательное выраженіе вѣры и любви Спасителю — къ великой средѣ. [1]

И замѣчательно, что въ сихъ писаніяхъ мы можемъ находить указаніе на то, что именно „исполняя слова Господа о женѣ, за два дня до смерти Его, помазавшей Его мѵромъ: *во всемъ мірѣ речется и еже сотвори, въ память ея,* православная Церковь въ великую среду воспоминаетъ преимущественно о женѣ грѣшницѣ, возлiявшей мѵро на главу Спасителя, — проповѣдуя міру: *еже сотвори сія, въ память ея.*“ [2]

„Вотъ исполнилось,“ говоритъ св. Златоустъ, „то, что Христосъ предсказалъ, и куда ни пойдешь во вселенной, вездѣ увидишь, что̀ возвѣщаютъ о женѣ той; хотя и не знаменита, не имѣла многихъ свидѣтелей, была не на позорищѣ, но въ домѣ нѣкоего прокаженнаго, въ присутствіи однихъ только учениковъ Христовыхъ.

„Кто жь это сотворилъ? Сила Того, кто предсказалъ сіе. Умолчано о подвигахъ безчисленныхъ царей и полководцевъ, которыхъ памятники доселѣ еще сохраняются; неизвѣстны ни по слуху, ни по имени тѣ, которые построили города, соорудили стѣны, одержали побѣды на войнахъ, воздвигли трофеи, покорили многихъ народовъ, поставили статуи, издали законы: но то, что жена блудница излила елей въ домѣ нѣкотораго прокаженнаго, въ присутствіи двѣнадцати мужей, всѣ *воспѣваютъ* во вселенной! Прошло столько времени, а память о семъ произшествіи не истребилась; и персы, и индійцы, и скиѳы, и ѳракіяне, и сарматы, и поколѣнія мавровъ, и жители британскихъ острововъ, повѣствуютъ о томъ, что сдѣлала жена блудница въ Іудеѣ тайно—въ домѣ.

[1] De Dominicis et hebdomadibus Graecorum, Allatii. См. Дни богослуженія правосл. каѳол. восточной Церкви, изд. 6, кн. 2, стр. 187. [2] Дни богослуж. правосл. каѳол. восточной Церкви, изд. 6, кн. 2, стр. 186.

„Велико человѣколюбіе Господа! Онъ пріемлетъ блудницу,“ покаявшуюся, и явившую предъ Нимъ „великое благоговѣніе и неизреченное усердіе!“ [1]

Заключая сими сладкорѣчивыми словами вселенскаго учителя наше изслѣдованіе, позволяемъ себѣ выразить скромное желаніе, чтобы и нашъ посильный трудъ способствовалъ къ разъясненію вопроса о женахъ, помазавшихъ Христа Спасителя мvромъ, и чтобы замѣчаемое нынѣ разногласіе въ рѣшеніи этого вопроса между отечественными нашими толкователями богослуженія православной Церкви и составителями новозавѣтной священной исторіи, само собою исчезло.

Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ намъ, чтобы мы, неуклонно и въ этомъ слѣдуя руководству св. православной Церкви, *тожде мудрствовали другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 15, 5), мудрствуя *не паче написанныхъ* (1 Кор. 4, 6): *да единодушно, едиными усты славимъ Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа* (Рим. 15, 6).

[1] Св. Злат., бес. на еванг. Матѳ. 80, 1, 2. ч. 1, стр. 377, 378. 376.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-й ЧАСТИ.

Стран.

Человѣческій разумъ и Божественное откровеніе 1
Черты истиннаго христіанина, упражняющагося и преуспѣвающаго въ богопознаніи 16
О воцерковленіи. 29
Постепенное раскрытіе обѣтованій и пророчествъ о Христѣ Спасителѣ 44
Послѣднее шествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ 60
Торжественная встрѣча Христа, Царя Израилева 68
Іисусъ Христосъ на судѣ Каіафы и Пилата. (Разсужденіе) . 81
Размышленіе о судѣ надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ предъ Каіафою и Пилатомъ 148
Размышленіе о честномъ крестѣ Господнемъ. 168
Вечерня во святый и великій Пятокъ. 214
Изображеніе Богоявленія Господня и Воскресенія Христова. 223
О заслугахъ св. отцевъ, какъ вселенскихъ учителей св. вѣры. 229
О томъ, какъ утѣшительно благовѣстіе о покаяніи и близости царства небеснаго 241
О милосердіи Божіемъ, призывающемъ человѣка отъ пути погибели на путь спасенія 248
Спасительный совѣтъ жертвовать земными благами для жизни вѣчной 256
О тяжести адскихъ мученій 265
О дѣйствіи злыхъ духовъ въ родѣ человѣческомъ, и побѣдоносномъ противодѣйствіи имъ благодати Божіей . . 275
Черты дѣятельной любви къ ближнимъ 286
О безуміи любостяжателей 293
О несвоевременномъ удаленіи изъ храма 301
О празднованіи воскресныхъ и праздничныхъ дней . . . 307
О постыдныхъ качествахъ завистника—слѣпотѣ и жестокости. 316

Стран.

Съ чего начинаются и чѣмъ оканчиваются два противоположные пути — удаленія отъ Отца небеснаго и возвращенія къ Нему 324

О гибельномъ состояніи человѣка, удалившагося отъ Отца небеснаго 337

Призывъ св. Церкви къ покаянію 345

Святые Апостолы Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ братъ Господень (Изслѣдованіе) 351

О Евангельскихъ женахъ, помазавшихъ Христа Спасителя муромъ (Изслѣдованіе) 387